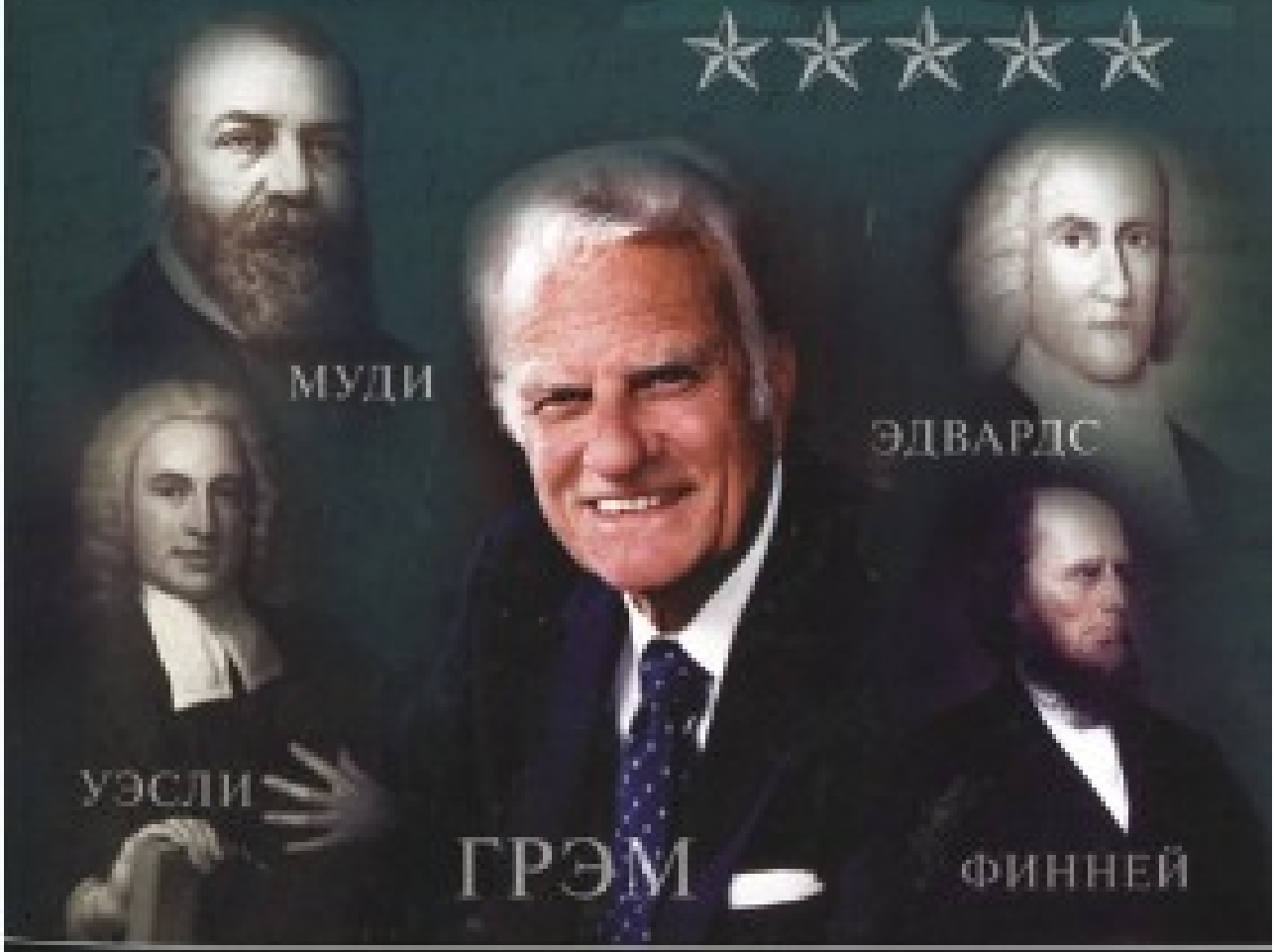
Отцы пробуждения

БОЖЬИ ГЕНЕРАЛЫ

РОБЕРТС ЛИАРДОН

Светлая звезда

Божьи генералы-3

Отцы пробуждения

Робертс Лиардон

Отзывы

Эта книга напрямую обращается к нашему разуму и сердцу, рисуя историческую и теологическую перспективу величайших деяний Божьих. Точно так же, как книги вдохновляли Джона Уэсли и Джорджа Уитфилда искать Бога, чтение кратких очерков, посвященных Божьим генералам, вдохновит вас стремиться к тому же. Робертс Лиардон подарил нам еще один бестселлер - написанный понятным языком, но с академической точностью. И я искренне советую вам ознакомиться с этой книгой.

— *Преподобный Пол Уилсон,* методистский служитель, председатель организации "Евангельские методисты", Натсфорд, Великобритания

Книга *"Божьи генералы III: Отцы пробуждения"* позволяет нам детально взглянуть на жизнь людей, которых Бог использовал для того, чтобы пробудить и встряхнуть этот мир. Робертс словно оживляет судьбы реформаторов, преподнося их в контексте современной Божьей работы на земле. Читая эту книгу, вы будете буквально сгорать от нетерпения как можно скорее занять свое место в этом величайшем пробуждении всех времен и народов.

— *Преподобная Кейт Макуэй,* автор книг "Благословение милости" *(The Blessing of Favor)* и "Как делиться своей верой" *(Sharing Your Faith)*

В течение многих лет я регулярно ссылалась на те обширные знания, которыми полон замечательный труд Робертса Лиардона *"Божьи генералы"*. Как христианка и служительница Божья, я благодарна автору за эти исторические исследования и с нетерпением ожидаю выхода в свет следующей книги данной серии.

— *Ким Клемент,* автор книги "Называйте меня сумашедшим, но я слышу Божий голос" *(Call Me Crazy, but I'm Hearing God's Voice)*

В этой книге Робертс снова отдает честь там, где это необходимо, но при этом остается верным истории, не забывая о слабостях и неудачах своих героев. Мне нравится, что автор всегда делает это с должным почтением, но при этом использует каждую подобного рода возможность, чтобы научить нас не повторять чужих ошибок. Именно так должно вести себя подданным Божьего Царства. Книга *"Божьи генералы III. Отцы пробуждения"* наверняка станет своеобразным учебником, цель которого подготовить новое поколение, рожденное для величайшего излияния Духа Божьего за всю историю человечества.

— *Билл Джонсон,* автор книги "Когда небеса овладевают землей" *(When Heaven Invades Earth),* пастор церкви "Вефиль" Реддинг, Калифорния

Я глубоко уважаю Робертса Лиардона за то, что благодаря его усилиям мы получили замечательную возможность больше узнать о жизни и борьбе еще нескольких Божьих генералов, которым посвящена эта сильная и написанная прекрасным языком книга. А поскольку судьбы и жизненный опыт мужей Божьих продолжают служить для нас ярким примером, книга *"Божьи генералы III. Отцы пробуждения* "станет одним из полезнейших пособий для каждого христианского служителя.

— *Епископ Даг Хьюард-Милс,* основатель и пастор церкви "Лайтхаус Чепл Интернешнл" *(Lighthouse Chapel International),* Гана, Африка

Будучи историком, Робертс Лиардон обнаружил то семя, которое небеса посеяли в жизни этих величайших мужей и жен Божьих. Их судьбы, сплетенные воедино, рисуют перед нами потрясающую картину истины, которая свидетельствует о том, что Дух Святой проделал и по-прежнему делает величайшую работу, чтобы каждый человек, живущий в этом заблудшем и погибающем мире, услышал Благую Весть. Послание неизменно: сосуды и методы могут быть разными, но Дух Святой один и тот же. Я искренне желаю, чтобы вы приняли этот вызов и смотрели в будущее с надеждой, потому что самое лучшее еще впереди - лучшее вино Он сберег на потом!

— Доктор Родни Ховард-Браун "Ривайвл Министриз Интернешнл" *(Revival Ministries International),* Тампа, Флорида

В типичном для Лиардона стиле, отличающемся детальностью изложения и вниманием к мельчайшим нюансам, книга *"Божьи генералы III. Отцы пробуждения"*предлагает читателям совершенно новый уровень биографических исследований. Причиной этого является та экспрессивность, с которой автор рассказывает нам о своих героях, дополненная тем, что мужчины и женщины, о которых здесь идет речь, вне всякого сомнения, практически достигли вершины величия и великолепия, превзойдя многих из тех, кто жил и проповедовал после апостолов. Многие из вас, прочитав эту потрясающую книгу, обретут благословения, помощь и ощутят в своей жизни неведомые ранее перемены. Этот труд заслуживает того, чтобы быть прочитанным каждым ищущим Бога человеком. Замечательное дополнение к каждой библиотеке!

— Джек Тейлор, президент организации "Дименшинс Министриз" *'(Dimensions Ministries),* Мельбурн, Флорида

Робертс Лиардон проделал замечательную работу, написав ряд книг из серии *"Божьи генералы"*. В своей последней книге автор помогает нам увидеть плоды этих выдающихся отцов христианского пробуждения и научиться тому, как преодолевать барьеры и выигрывать битвы, в которых тем приходилось принимать участие. Эту книгу я настойчиво советую прочитать каждому христианину, желающему ощутить истинное возрождение в своей жизни, а также в жизни общества и целых народов.

— Преподобный доктор Нико Нджоторахарджо, старший пастор церкви "Вефиль", Джакарта, Индонезия

Третью книгу из серии *"Божьи генералы" я* хотел бы посвятить своему отцу, Кеннету Д. Крафту. Он родился 13 апреля 1936 года в Бентон-Харбор, штат Мичиган, и вырос в резервации для американских индейцев, расположенной в штате Вашингтон. После достижения совершеннолетия он поступил на службу в Военно-морской флот и спустя некоторое время женился на моей матери.

В первые годы своей совместной жизни мои родители помогали моим бабушке и дедушке вести дела в церквах, где те являлись служителями, а также оказывали поильную помощь в проведении евангелизационных служений. Мой отец всегда был очень открытым человеком и легко заводил друзей. Он никого не считал чужаком - скорее другом, которого просто еще никогда не встречал раньше. Непоседа по натуре, он обожал охоту и рыбалку, поэтому мы с сестрой многие выходные проводили на берегах Великой реки в замечательном штате Оклахома, впитывая в себя всю ту радость, которую отец испытывал по отношению к Божьему творению.

Увы, этот мир отец покинул слишком рано - 13 января 1997 года, — как раз в тот момент, когда наше служение начало выходить на общенациональный уровень.

Ниже помещена моя любимая фотография, на которой я изображен рядом с отцом. Мои воспоминания о нем становятся более яркими каждый раз, когда я снова к ним обращаюсь. Отец, я надеюсь увидеть тебя снова, когда все мы окажемся на небесах.

С любовью твой сын Робертс

Оглавление

Предисловие……..…..5
Пролог. Сто лет заступничества …….……..6
Введение ……..……8
1. Джон и Чарльз Уэсли (1703-1791 и 1707-1788)
"Голова и сердце возрождения" ……9
2. Джордж Уайтфилд (1714-1770)
"Божественный драматург" …….46
3. Джонатан Эдвардс (1703-1758)
"Божий эрудит" ……66
4. Френсис Эсбери (1745-1816)
"Пророк долгого пути" ……..…..89
5. Первые лагерные встречи (1799-1801)
"Американская Пятидесятница" …….…..108
6. Питер Картрайт (1785-1872)
"Проповедник с пистолетом" ……...…126
7. Чарльз Финней (1792-1875)
"Отец современного Возрождения" ……..145
8. Дуайт Л. Муди (1837-1899)
"Величайший из дилетантов" ……..….171
9. Уильям и Кэтрин Бут (1829-1912 и 1829-1890)
"Кровью и огнем" …….....198
10. Билли Грэм (родился в 1918 году)
"Несущий Благую Весть миру"……...…..230
Заключение……..…249
Об авторе ……....251

Предисловие

Я искренне считаю Робертса Лиардона одним из наиболее выдающихся церковных историков нашего времени. Это особенно хорошо видно по его третьей и последней на данный момент книге из серии "Божьи генералы", которую он преподносит читателю в неповторимой манере настоящего мастера своего дела. Биографические исследования, представленные им в этом томе, посвященном ключевым отцам пробуждения последних трех столетий, являются результатом многих лет кропотливой и трудоемкой работы. Свое исследование Робертс облекает в удивительно доступную и читабельную форму.

Вдохновляя и наставляя, книга *"Божьи генералы III. Отцы пробуждения"* является учебным пособием для каждого, кто серьезно интересуется историей христианства (что должно быть естественным для каждого христианина!). Умение Робертса сплетать воедино главное и второстепенное - это еще одна сильная сторона данной книги. Его комментарии содержательны, проницательны и умны. Эту книгу просто невозможно отложить в сторону, не дочитав до конца!

Лучшие историки не только описывают прошлое, но также через это помогают нам лучше понять будущее. Именно в этом секрет популярности серии книг *"Божьи генералы"*. Третья ее часть - *"Отцы пробуждения*"-является полной противоположностью сухой и малосодержательной церковной истории: каждая страница буквально пропитана сокровищами, которые реально применимы в жизни каждого из нас. Робертс заботится о том, чтобы судьбы этих "героев веры" продолжали живо обращаться к нам.

Я нисколько не сомневаюсь, что, читая о жизни этих мужчин и женщин и их вкладе в духовное возрождение, вы ощутите прилив духовной свежести. И тогда, увидев, что Бог сделал через, казалось бы, незаметных и несовершенных мужчин и женщин, подчинившихся Его воле, вы воскликните: "Господь, повтори это снова!".

Читая последующие страницы, позвольте Святому Духу активизировать Свою работу внутри вас. Столь желанное каждым из нас возрождение всегда начинается с отдельных сердец, охваченных Божьим огнем — как это было в случае со всеми описанными в этой книге отцами пробуждения.

И потому я молюсь о том, чтобы через эту книгу Дух Святой наполнил вас благочестивым желанием самим стать Божьими генералами — людьми, способными оказать влияние на ход истории и оставить после себя непреходящее духовное наследие. Наступил "день всех святых" - священство всех без исключения христиан, сконцентрированное не на одном-единственном муже или жене Божьей, а на всем Теле Христовом, мобилизованном для выполнения данной ему Богом миссии в современном мире. Учитесь на примере этих христиан. Пусть их ошибки служат вам предупреждением, а успехи - бросают вызов. Заразитесь их стремлением изменить окружающий мир, полностью и без остатка подчинившись Всемогущему Богу.

Робертс сослужил добрую службу всему христианскому миру, создав необходимый для этого ресурс. Он даровал Телу Христову орудие, которое, несомненно, послужит многим грядущим поколениям. И сегодня я от всего сердца рекомендую эту книгу каждому из вас.

— Колин Дай,
старший служитель церкви *Kensington Temple*, Лондон

Пролог

СТО ЛЕТ ЗАСТУПНИЧЕСТВА

...много может усиленная молитва праведного.
Иакова 5:16

Несмотря на то, что со времени Реформации минуло уже почти два столетия, а Ян Гус принял мученическую смерть на костре за триста лет до описываемого нами момента, в 1772 году группа последователей Гуса из Моравии (провинции в Богемии, которая сегодня является частью Республики Чехия) бежала в Саксонию (Германия) в поисках религиозной свободы. Гонимые преследователями, эти "объединенные братья", как они себя называли, нашли покровителя в лице богатого молодого аристократа, графа Николауса Людвига фон Цинцендорфа, который позволил им поселиться в своих владениях и создать религиозную общину. Выросший вокруг общины город получил название Херрнхут, что означало "на страже Господней" или "под Божьим покровительством". А поскольку эти люди прибыли в Саксонию из Моравии, их стали называть "моравскими братьями".

Граф Цинцендорф был мужем Божьим, который в тот момент активно искал возможности использовать доставшееся ему в наследство состояние и собственное влияние для служения целям Царства Небесного. В 1715 году, в возрасте пятнадцати лет, Цинцендорф вместе с четырьмя своими друзьями организовали своего рода христианское рыцарское общество, названное "Орденом горчичного зерна". Его члены дали такой обет:

1. Быть верными Христу.
2. По-доброму относиться ко всем людям.
3. Нести миру Евангельскую Весть*.

Со временем общество начало разрастаться, включая в себя таких людей, как король Дании Христиан VI; католический архиепископ

Праги, кардинал Луи Антуан де Нуалле; архиепископ Кентерберийский Джон Поттер; шотландский член Британского парламента Эрскин и, наконец (после того, как моравские братья направили туда своих миссионеров), губернатор Джорджии генерал Джеймс Оглторп, а также вождь индейского племени маскоги Томочичи.

Даже несмотря на то, что в тот момент графу едва исполнилось двадцать два года, возносимые моравскими братьями просьбы к Богу дать им нечто настолько простое, как место, где они могли бы свободно Ему поклоняться, зажгли его сердце. Незадолго до этого Цинцендорф купил у своей бабушки городок Бетельсдорф, где поставил пастором своего близкого друга Йохана Андреаса Роте. В Бетельсдорфе граф надеялся организовать общину, которая бы действовала исключительно на основании Слова Божьего, и вот он столкнулся с группой людей, разделявших его глубочайшее желание. Надеясь на помощь Роте в построении Херрнхута, Цинцендорф выделил моравским братьям участок земли для поселения в нескольких милях от Бетельсдорфа.

Привыкшим к гонениям моравским братьям вскоре наскучила мирная жизнь в Херрнхуте, вследствие чего, не испытывая никакого давления извне, горожане все чаще начали выяснять отношения друг с другом. Разделения и распри стали настолько ожесточенными, что моравские братья даже ополчились против Цинцендорфа и Роте, назвав их, соответственно, "зверем Апокалипсиса" и "лжепророком". Несмотря на это, Цинцендорф и Роте продолжали искать Бога и молиться, и Господь не замедлил им ответить.

12 мая 1727 года Цинцендорф, выступая перед собранием в Херрнхуте, три часа говорил о таком благословении, как христианское единство. Тем летом весь город вдруг словно прозрел, и каждый его обитатель начал искать Бога, желая пережить истинное возрождение. Мужчины, женщины и дети исповедовались друг перед другом в грехах, совместно молились и обретали новые силы в Господе, а в это время их сердца снова сливались в единое целое, и вся община переживала чудесное обновление. Однако даже этого было недостаточно. Жители Херрнхута хотели во что бы то ни стало обрести силы, дабы нести Благую Весть до самого края земли.

Это желание, неизменно упоминаемое во всех возносимых к Богу молитвах, стало их неотъемлемой частью настолько, что 5 августа 1727 года Цинцендорф и четырнадцать других моравских братьев провели целую ночь, умоляя Бога излить Свою силу на их город. 10 августа, во время полуденного богослужения в Херрнхуте, Роте ощутил столь сильное присутствие Святого Духа, что тотчас же пал ниц и начал каяться перед Богом. Собрание продолжалось до самого вечера, и все это время верующие, подобно Роте, падали на землю, взывая к Богу со слезами на глазах и сокрушенным сердцем, пока около полуночи все присутствующие не начали горячо хвалить и славить Господа, поклоняясь Ему и вознося к Нему гимны.

После этого, вечером в среду, 13 августа, Цинцендорф и Роте вдруг ощутили необходимость в совместной встрече жителей Бетельсдорфа и Херрнхута, чтобы обсудить все те дела, которые Бог совершал в Херрнхуте. Граф лично посетил каждый деревенский дом, увещевая его обитателей во что бы то ни стало посетить собрание.

Едва люди собрались, как на них опять излился Святой Дух, и присутствующие снова начали каяться в грехах. В какой-то момент граф Цинцендорф поднялся на подиум, чтобы от лица всей общины покаяться за разделения, терзавшие собравшихся несколько предыдущих лет, и призвать верующих вернуться к принципам, на которых изначально был основан город. Сразу же после этих слов Дух Святой сошел на собрание. Граф Цинцендорф позже описывал произошедшее, как "день излияния Святого Духа... это была **Пятидесятница**". Христиане начали молиться за тех своих братьев, которые все еще подвергались гонениям, за единство своей общины и за Тело Христово во всем мире - и все горячее и горячее они стали просить Бога о том, чтобы Его Слово распространялось беспрепятственно по всему миру.

Всего лишь две недели спустя, 27 августа, двадцать четыре мужчины и столько же женщин договорились молиться по часам. Они решили, что каждый час суток один мужчина и одна женщина будут молиться в разных местах, делая это неизменно каждый день в течение недели и каждую неделю в течение года. Они договорились молиться обо всем том, что Бог положит им на сердце, но больше всего — за повсеместное возрождение и распространение Евангелия Иисуса Христа до краев земли. Их молитвенное бдение должно было беспрерывно продолжаться ближайшую сотню лет и в конце концов стать лоном для истинного и всеобъемлющего возрождения.

Это молитвенное столетие стало свидетелем претворения в жизнь величайших, неведомых ранее этому миру миссионерских проектов, а также первого и второго Великих пробуждений. В действительности великое землетрясение 1727 года произошло через каких-нибудь несколько месяцев после того, как моравские братья приступили к осуществлению своего молитвенного замысла. Это событие многие историки считают началом первого Великого пробуждения, тогда как Рочестерское возрождение Чарльза Финнея, вспыхнувшее в момент кульминации второго Великого пробуждения, и Национальное возрождение 1831 года произошли приблизительно в момент окончания этой молитвенной стражи.

В этот исторический период появились на свет и возрожденцы - представители новой волны массовых проповедников. Ниже вы можете познакомиться с их судьбами.

Введение

Битва за сердца человечества продолжалась на протяжении долгих веков с того момента, как два тысячелетия назад Христос родился в этот мир, чтобы снять с народов лежащую на них печать греха. С момента Пятидесятницы, возрождения среди первых учеников Христа, и вплоть до так называемых "пятидесятнических возрождений" XXI века Бог неустанно вдыхал новую жизнь в сердца Своих последователей - снова и снова призывая их к еще большей близости, святости и личному познанию Его любви.

Верные мужья и жены, с готовностью посвящавшие время изучению Писания и горячей молитве, проложили путь, по которому Святой Дух смог прийти в этот мир, принеся с Собой свет и истину. Начиная со времени самых первых откровений, проповеданных апостолом Павлом, с революционной реформации Мартина Лютера, с евангелических кампаний Джона и Чарльза Уэсли и заканчивая последовавшей за этим эпохой возрожденцев, Дух Святой без устали стремился через веру - не через какие-либо дела человеческие или изобретения человеческого разума, не человеческой воли или правительственного указа, но лишь через простое, личное принятие крестной жертвы Христа - явить миру спасительную милость Божью. Вплоть до сегодняшнего дня мы продолжаем учиться тому, как наиболее полно принимать и применять на практике все то, что эта великая жертва дала каждой человеческой личности, чье сердце с готовностью ее приняло.

Верным признаком каждого возрождения является голод человеческого сердца: стремление к личным отношениям с Христом, жажда любой ценой ощутить присутствие Божье, неудержимое желание поклоняться Всевышнему в духе и истине. Возрождение - это плод пробуждения сердца, ощутившего силу и присутствие Живого Христа, Который каждого из нас любит безусловной любовью. Возрожденцами мы называем тех мужчин и женщин, которые не побоялись оставить безопасную бухту рациональных знаний и полностью посвятить себя страстному исследованию истин, пустившись в плавание по духовному океану под парусами веры. Эти истины невозможно постичь, опираясь лишь на интеллект, но они становятся близкими и понятными, когда мы целиком и полностью полагаемся на Бога, доверившись Ему. Вот, что сказано в Притчах 3:5-7:

Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой. Во всех путях твоих познавай Его, и Он направит стези твои.

Не будь мудрецом в глазах твоих; бойся Господа и удаляйся от зла...

Величайшие возрожденцы, как мы увидим, поступали именно так. В любой ситуации они стремились не поддаваться искушению довериться личному пониманию, но всегда и во всем полагались на Бога, признавая Его абсолютную власть над собой. Они боролись с соблазном быть мудрыми в собственных глазах и глазах своих верных последователей, доверившись лишь водительству Святого Духа. То была битва за то, чтобы многие и многие научились слышать этот мягкий, едва слышимый голос и, проявив настойчивость, в конце концов, обрели Господа.

Каждому из этих величайших отцов пробуждения приходилось преодолевать темную сторону собственной души — пересекать внутреннюю пустыню, не видя временами правильного направления, страдая от потери смысла и иногда даже надежды. Каждому из них доводилось сомневаться в своей вере, а временами - и в собственном спасении. Но благодаря молитве, движимые неутолимой жаждой истины, все они рано или поздно обретали столь желанную и необходимую уверенность. И стоило этим героям веры пережить подобного рода возрождение, как из их сердец тут же сыпались мириады искр, воспламенявших целые народы на многие поколения вперед.

Как мы вскоре увидим, познакомившись с каждой из этих удивительных судеб, личное возрождение наших героев неизменно приводило к возрождению в национальных масштабах. Все всегда начиналось с полного и абсолютного доверия Богу, с трепетного благоговения перед Ним, с решимости победить социальные недуги, которые не давали покоя их народам. Возрожденцы так влияли на жизни окружавших их людей, что через это радикальные перемены приходили также в жизни целых общин и народов. Эти величайшие генералы Божьи раз и навсегда провели четкую границу между праведностью и нечестивостью. И теперь мы с вами можем пойти их следами, почерпнуть для себя много полезного, глядя на выигранные ими битвы и преодоленные препятствия. Отправляйтесь вместе со мной в путь протяженностью в два с половиной столетия по полям сражений Божьих генералов - отцов пробуждения.

Глава 1

Джон и Чарльз Уэсли
(1707 - 1791) (1707 - 1788)

"Голова и сердце возрождения"

"ГОЛОВА И СЕРДЦЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ"

Наши пути с праздностью разошлись. Раз и навсегда!
— Джон Уэсли
Пусть тысячи уст поют хвалу моему величайшему Искупителю!
— Чарльз Уэсли

Когда Джон и Чарльз Уэсли появились на свет, Англией правила королева Анна, а на французском престоле восседал Луи XIV. Исаак Ньютон был еще жив, а философ Джон Локк лишь недавно покинул этот мир, Америка представляла собой разобщенную группу колоний, а до наступления эры паровой машины и индустриальной революции оставалось еще несколько десятилетий. Англия, а особенно родной городок братьев Уэсли — Эпуорт, была в ту пору преимущественно сельскохозяйственным и провинциальным государством. За предшествовавшие этому полвека Англия пережила целую серию гражданских войн, самой известной из которых стала последняя, сделавшая Оливера Кромвеля лордом-протектором страны (1653-1659). На протяжении целого десятилетия (1649-1659) государство было лишено монаршей власти. Когда же монархия была восстановлена, корона обладала уже куда меньшей властью, деля ее с парламентом. А после того, как лордом-протектором стал пуританин, Англиканская церковь лишилась абсолютной монополии на религиозную жизнь в стране.

Начало XVIII века ознаменовало также начало эпохи Просвещения, наступившей сразу же после века Разума, когда рационализм и наука ценились выше нравственной, духовной и библейской истин. Открытия Галилея и Ньютона послужили источником вдохновения и дали толчок научной революции, заставившей человека поверить в силу интеллекта, которая якобы выше мудрости Божьей. Гуманизм распространялся все шире, а вместе с ним и нравственное разложение. Библия перестала считаться единственным критерием, на котором люди должны были основывать свою жизнь.

Кроме того, Англия ощутила на себе железную хватку "века джина". В те времена джин приготовляли в каждой четвертой лондонской семье, и его можно было легко купить прямо на улице. Пьянство и развращенность коснулись всех уровней общества. Даже парламенту нередко приходилось откладывать свои заседания, потому что его подвыпившие члены оказывались неспособными заниматься государственными делами.

Дети особенно сильно страдали от жестокого обращения со стороны взрослых; около 75 процентов из них умирали, не дожив до своего пятого дня рождения. Виной тому были не только ужасные условия жизни, но и алкоголики-родители, часто бросавшие или же — что еще хуже! — продававшие

своих малышей, чтобы те не мешали их пьяному разгулу. Некоторые из них сознательно уродовали своих детей, чтобы те, демонстрируя прохожим свои увечья, зарабатывали попрошайничеством больше денег. Петиция, адресованная парламенту в 1739 году, авторы которой призывали создавать приюты для брошенных детей, красноречиво указывает на ужасающее положении английских детей, которые были "оставлены умирать на улицах" или же "ослеплены и изуродованы для того, чтобы вызывать жалость".

Подобно Франции, Англия была готова к восстанию, но революция на Британских островах получилась иной. Английская революция стала возрождением, получившим название "методизм", которое, прежде всего, вдохновлялось Джоном и Чарльзом Уэсли. Как отметил один из историков:

Методизм и Французская революция представляют собой два наиболее удивительных феномена [XVIII] столетия. [Джон] Уэсли разбавил застоявшийся воздух все очищающим озоном. Для тысяч мужчин и женщин проповедуемое им Евангелие открыло новые небеса и новую землю; оно принесло веру в бездушные жизни, восстановив ее в роли утешителя, источника вдохновения и судьи. Никто из живших в те времена не был в достаточной степени бедным, смиренным или униженным для того, чтобы заново родиться и обрести привилегию беспрепятственно черпать Божью милость и Божьи благословения, служить одному Господу Христу и наслаждаться благословенными благами мира Божьего.

Широкая сеть методистских обществ, основанная братьями Уэсли, дала людям уверенность в Божьей милости и любви, столь необходимую во времена всеобщей неопределенности, экономических трудностей и короткой продолжительности жизни. Эти "домашние группы" — сегодня многие назвали бы их "ячеечными группами", — направляемые братьями Уэсли, давали верующим такие нужные наставления, возможность совместно молиться, быть подотчетными друг другу, вместе возрастать в Господе, без чего невозможен никакой духовный рост. Что еще важнее, Джон и Чарльз Уэсли принесли весть о "свободной благодати", которая ранее была недоступна широким массам. Их главными слушателями стали люди, "сокрушенные сердцем и духом", которые с готовностью распахнули свои сердца навстречу льющейся с избытком Божьей милости и благодати.

Страсть чистоты

Джон и Чарльз Уэсли появились на свет, соответственно, 17 июня 1703 года и 18 декабря 1707 года в английском городке Эпуорте, расположенном чуть менее чем в 190 милях к северу от Лондона и приблизительно в восьми милях к востоку от Манчестера, в самом сердце Англии. Братья были пятнадцатым и восемнадцатым из девятнадцати детей, из которых лишь десять достигли зрелого по тем временам возраста. На самом деле Джон Бенджамин Уэсли был назван так в память о двух своих братьях, скончавшихся еще до его появления на свет. Несмотря на то, что Джон был пятнадцатым ребенком в семье, лишь шесть из них были живы в момент его рождения — восемь его старших братьев и сестер к этому времени уже умерли.

Ниже я перечислю всех детей, появившихся на свет в семье Уэсли: Сэмюэл (1690-1739), Сусанна (1691, умерла в младенчестве), Эмилия (1692-1771), близнецы Эннесли и Джедидайя (1864, умерли в младенчестве), Сусанна "Сюки" (1695-1763), Мэри "Молли" (1696-1734), Мехитавель "Хетти" (1697-1750), безымянный ребенок (1698, умер в младенчестве), Джон (1699, умер в младенчестве), Бенджамин (1700, умер в младенчестве), еще одна пара близнецов, не успевших получить имя (1701, умерли в младенчестве), Анна (1702-1742(?)), Джон (1703-1791), еще один безымянный сын ((?) умер в младенчестве), Марта (1706-1791), Чарльз (1707-1788) и Кезайя "Кези" (1709-1741).

Эпуорт того времени был знаменит прежде всего своим рынком. Население города на протяжении последних двух столетий составляло приблизительно две тысячи человек. Его жители были заняты преимущественно плетением канатов и веревок, а также других продуктов из конопли и льна. Дом приходского священника, в котором появились на свет братья Уэсли, представлял собой трехэтажное здание из оштукатуренного дерева с соломенной крышей. Оно стояло на участке площадью три акра, где также находились покрытый соломой сарай, голубятня и маленький сад.

Джон и Чарльз были потомками старинного рода служителей. Их родители, преподобные Сэмюэл и Сусанна Уэсли, растили сыновей с надеждой, что однажды они станут руководителями Англиканской церкви. Сэмюэл и Сусанна происходили из семей диссентеров (от латинского *dissentire* и английского *to disagree* — "не согласные", члены Нонконформистской церкви в Англии.

— *прим. редактора),* но ради зарплаты, дома, а также желания обеспечить свой городок и прилегающие к нему земли верующим служителем, Сэмюэл заключил договор с англиканцами, получив взамен столь желанное назначение. Тем не менее, религиозное воспитание отца в традициях пуритан и диссентеров давало о себе знать: жизнь в доме Уэсли регулировалась строгими нравственными принципами, а также жесткой дисциплиной, касавшейся, в первую очередь, поведения, изучения Слова Божьего и молитвы.

Сэмюэл Уэсли, на протяжении тридцати пяти лет служивший **ректором*** небольшого прихода в Эпуорте, трудился не покладая рук, стремясь удовлетворить духовные нужды жителей нескольких расположенных рядом городков. С этой целью он усердно изучал Библию, часто надолго закрываясь в своем кабинете и посвящая долгие часы подготовке проповедей, сочинению стихов и гимнов. В такие дни он присоединялся к семье лишь во время трапезы, которая всегда проходила в полной тишине.

* Англиканский эквивалент пастора.

Сусанна тем временем использовала любую возможность для того, чтобы воспитывать и обучать растущую семью разнообразным предметам и дисциплинам. Под ее чутким руководством дети изучали историю, литературу, классические языки, музыку и, что наиболее важно, Священное Писание. Они заучивали наизусть псалмы, притчи и длинные отрывки из Нового Завета. Каждая минута их жизни, от рассвета и до зака та, была расписана, наполнена какой-либо деятельностью, а каждый день неизменно начинался с молитвы и чтения Библии. Все дети без исключения должны были с одинаковым усердием относиться к учебе и к поклонению Богу. Розги не висели без дела: детей учили приличным манерам и умению вести себя в обществе, требуя от них беспрекословного послушания.

Сусанна Уэсли
Онлайн-центр Уэсли (wesley.nnu.edu) Северо-западного Назаренского университета, Нампа, штат Айдахо, США

С годовалого возраста они учились бояться розги, плакать мало и тихо. В результате такого воспитания в доме, несмотря на большое количество детей, всегда была тишина и порядок. Философия Сусанны была предельно простой и целенаправленной:

Я глубоко убеждена в том, что волю ребенка необходимо покорить как можно раньше, потому что это является единственным прочным и рациональным основанием религиозного воспитания, без которого и установленные правила, и личный пример всегда будут неэффективны.

Хотя сегодня такой подход может показаться кому-то излишне жестким, нетрудно заметить, как подобное воспитание помогло Джону каждый день упорно, дисциплинированно и систематически стремиться к познанию Бога, что является характерной чертой методизма. Сусанне удалось дать сыну внутреннюю стабильность и умение ставить перед собой цели, что сделало его твердым и настойчивым в вере, а также достаточно смиренным для того, чтобы постоянно быть открытым истине. Привычка интеллектуально трудиться, четко планировать время и во всем быть воздержанным оставалась с Джоном и Чарльзом до конца их дней.

Каждый ребенок, которому удавалось дожить до совершеннолетия, покидал дом Уэсли с пытливым умом, чистым сердцем и искренней, страстной любовью к Господу. Несмотря на то, что большинство из них, за исключением Сэмюэла-младшего, Чарльза и, возможно, Анны, не были счастливы в браке, все дети Сэмюэла и Сусанны прошли через испытания с непоколебимой верой. Все они с неослабевающим интересом впитывали новые знания, писали и учили других, а некоторые — в особенности Сэмюэл, Хетти и Чарльз — унаследовали от отца любовь к поэзии. Вне всякого сомнения, серьезная подготовка и мудрые советы матери, а также влияние семи старших сестер оставили в жизни Джона и Чарльза неизгладимый след.

Испытание огнем

В то время как дети взрослели, на чету Уэсли одно за другим обрушились непростые испытания. Иногда Сэмюэлу приходилось подолгу оставаться в Лондоне, и его семье в отсутствие главного кормильца приходилось с огромным трудом сводить концы с концами. Кроме того, Сэмюэл часто был обременен большими долгами; несколько раз его семья даже оказывалась на краю полного финансового краха. Однажды, когда Джону исполнилось всего два года, его отец был даже ненадолго заключен в долговую тюрьму.

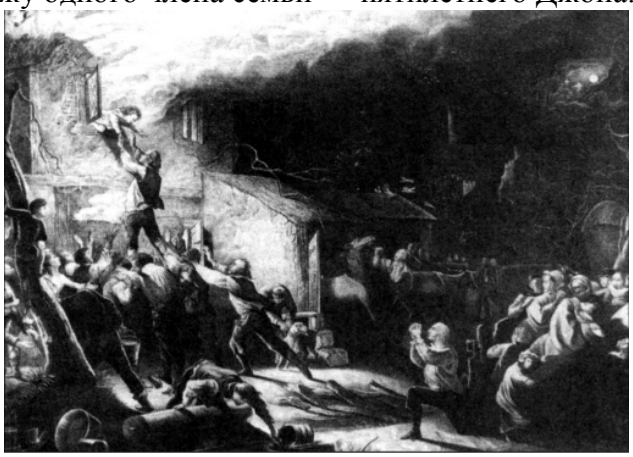
Находясь дома, Сэмюэл держал домочадцев в ежовых рукавицах и был скор на расправу. Тем не менее Сусанна хранила к мужу непоколебимое уважение. Даже когда трудности приобретали трагические краски, даже несмотря на то, что девять из девятнадцати детей умерли, едва появившись на свет, Сусанна оставалась тверда в вере. Несомненно, такое сильное свидетельство не могло не повлиять на Джона и Чарльза, и позже все трудности и испытания они встречали с таким же поразительным самообладанием, непоколебимым благоговением и верой.

Все дети Сэмюэла и Сусанны спокойно и с достоинством принимали назначенное им наказание, даже когда дело касалось наказания розгами.

Когда Джону исполнилось пять лет, мама начала учить его грамоте, используя в качестве учебника Ветхий Завет. В те времена большинство детей начинали свой день с молитвы и лишь затем переходили непосредственно к учебе. В тишине съедали они свои маленькие порции и заканчивали свой день в шесть часов вечера молитвой, а уже в семь часов отправлялись спать. Ни один ребенок не бодрствовал после восьми. Все дети Сэмюэла и Сусанны спокойно и с достоинством принимали назначенное им наказание, даже когда дело касалось наказания розгами.

В то время как Сусанна укрепляла свою репутацию дисциплинированной и преданной жены, ее муж весьма прославился твердой позицией по многим вопросам и нежеланием идти на компромисс. Он был смелым, но при этом, возможно, чересчур откровенным в своих религиозных и политических взглядах человеком. Он потерял поддержку диссентеров в своем регионе, горячо поддержав непопулярного кандидата в напряженной предвыборной гонке. В довершение ко всему этому он яростно обличал грехи своих прихожан, многие из которых были глубоко возмущены адресованными им обвинениями. Также, возможно, Сэмюэл нажил себе несколько врагов из-за своих чрезмерных долгов. Как бы то ни было, но он катастрофически терял популярность среди местных жителей, пока вечером 9 февраля 1709 года на семью Уэсли не обрушилась беда.

Когда все взрослые и дети крепко спали, приблизительно между одиннадцатью и двенадцатью часами вечера здание Эпуортского прихода вдруг таинственным образом вспыхнуло. Крыша кладовой успела прогореть насквозь еще до того, как кто-либо это заметил. В какой-то момент огонь, прожегший соломенную крышу, упал на кровать Хетти, разбудив ее. Девочка тотчас же вскочила и с криками "Пожар! Пожар!" бросилась искать отца. Дым и пламя очень быстро охватили весь дом — крыша рухнула в течение нескольких минут, — но Сэмюэл и Сусанна успели собрать всех своих детей и выскочить с ними наружу. Ни у кого не оставалось времени одеться и спасти что- либо из нажитого за долгие годы имущества. Когда семейство спускалось по лестнице, лишь тонкая стена отделяла их от пламени, стремившегося отрезать им последний путь к спасению. Сусанна, которая в то время ожидала со дня на день появления на свет своего последнего ребенка, обожгла ноги и лицо, заслоняя выбегавших на улицу ребятишек от жарких языков пламени. Лишь оказавшись на улице, родители обнаружили пропажу одного члена семьи — пятилетнего Джона.

Спасение Джона Уэсли из горящего здания Эпсуортского прихода
Библиотека Конгресса, 6002275

В тот момент Джон спал в одной из верхних комнат, в занавешенной со всех сторон кроватке. Он внезапно проснулся, разбуженный дрожащим светом, пробивавшимся сквозь легкую ткань. Думая, что наступило утро, и, не желая раньше времени выбираться из теплой постельки, он тихо лежал,

удивляясь тому, что никто не зовет его вниз на молитву. Наконец мальчик выглянул из-за полога и с ужасом обнаружил охваченную пламенем комнату. Вскочив на ноги, он громко закричал, но никто его не услышал. Через щели в дверях Джон видел бушевавший по всему дому огненный ад. Он подбежал к окну, взобрался на подоконник и выглянул наружу. Внизу суетились нескольких слуг и соседей, тщетно пытаясь потушить пожар.

Мать Джона отчаянно искала сына. Сэмюэл дважды попытался войти в дом, прикрывая голову штанами, но пламя бушевало слишком яростно. Отчаявшись, он собрал вокруг себя жену и детей и начал молиться, отдав судьбу Джона в руки Всемогущего Бога.

Сусанна Уэсли была глубоко убеждена в том, что Джон имел особое призвание от Бога.

Сначала никто не заметил маленького Джона, который размахивал руками в окне второго этажа и испуганно звал на помощь. Но в тот момент, когда языки пламени начали охватывать верхние этажи дома, мальчика заметил сосед, который тут же вскарабкался на плечи другого мужчины и подхватил Джона на руки как раз в тот момент, когда пылающие остатки крыши рухнули на дом. В течение считанных минут дом приходского священника сгорел дотла.

Когда Джона принесли к отцу, тот воскликнул: "Соседи, преклоним же колени и прославим Господа! Он даровал мне всех моих восьмерых **детей***. Пусть дом сгорел, но я и без того богат". Впоследствии Сэмюэл-старший произнес ставшие знаменитыми слова: "Разве не является этот [Джон] факелом, зажженным от яркого пламени?". С этого момента и на протяжении всей своей последующей жизни Сусанна Уэсли была глубоко убеждена в том, что Джон имел особое призвание от Бога.

* Сэмюэл и Сусанна в тот момент имели девять детей: Сэмюэл-младший во время пожара находился в Вестминстерской школе, где он жил и учился, поэтому данные слова его не касались.

Пламя ничего после себя не оставило — семье Уэсли не во что даже было переодеться. Детей отдали под опеку соседей в несколько стоявших неподалеку домов. Несколько недель спустя Сусанна родила Кези, и, пока мать заботилась о новорожденной, остальным детям было позволено заниматься тем же, чем занимались другие мальчишки и девчонки их возраста. Они резвились и играли на улице, весело болтали за столом, а также употребляли все известные детям того времени выражения — плохие и хорошие.

Когда же год спустя дом приходского священника был отстроен заново, Сусанна Уэсли не замедлила провести строгое реформирование поведения и привычек своих детей. Главным ее беспокойством было их легкомысленное отношение к субботе. Слыша, как дети говорили ужасные для ее ушей вещи, Сусанна почувствовала, что они напрочь забыли о достойном поведении, став "похожими на клоунов" и нахватавшись "отвратительных манер".

Чудесное спасение Джона из огня сделало Сусанну гораздо более внимательной к его воспитанию. Спустя два года после пожара она писала в своем дневнике следующее:

Я хотела бы относиться к душе этого ребенка, о котором Ты столь милостиво позаботился, еще более трепетно, чем когда- либо, сделать все возможное для того, чтобы привить ему принципы Твоей истинной веры и Твои добродетели. Господи, благослови меня делать все это старательно и искренне, и пусть мои попытки будут успешными.

Интересно отметить, что многим молодым людям, получившим от Бога величайшее призвание, приходилось пережить испытания, схожие с теми, которые выпали на долю Джона. Если бы в тот злополучный день мальчик погиб в пламени, то Англия, вполне вероятно, пошла бы путем Французской революции и никогда бы не пережила Методистского возрождения. Враг наверняка знал об особом призвании и помазании Джона и потому хотел погубить его — именно поэтому родителям так важно принимать Божью защиту и хранить свои семьи в безопасности, твердо держась Божьих обетований.

Через два года, когда Джону исполнилось восемь лет, отец позволил ему впервые принять причастие. Оглядываясь позже на тот период своей жизни, Джон писал в своем дневнике:

Я верю, что до десяти лет не согрешал настолько, чтобы смыть с себя "помазание Святым Духом", полученное мной при крещении. Строгое воспитание и всеобъемлющее образование позволили мне осознать, что я могу обрести спасение, лишь "всем своим существом подчинившись Богу и строго соблюдая Его священные заповеди", в чем меня столь тщательно и наставляли.

Безусловно, значительную часть этих наставлений Джон получил зимой 1711 года, когда его мама воскресными вечерами начала читать проповеди своим детям, собирая их за кухонным столом. Когда отец семейства снова отбыл по делам в Лондон, Сусанна ощутила огромную потребность заполнить часть воскресного дня после утреннего богослужения "временем молитв и поклонения" исключительно ради детей. Ее выступления и следовавшее за ними обсуждение были столь вдохновляющими, что вскоре слуги со своими семьями и даже соседи начали присоединяться к этим импровизированным собраниям, желая слышать, как Сусанна читает и проповедует Слово Божье. Количество постоянных участников этих встреч очень скоро выросло до сорока, затем до ста и наконец до двух сотен человек, из-за чего все жаждущие Слова просто перестали помещаться в доме приходского священника.

Проживавший поблизости **викарий****, однако, вряд ли был доволен таким ходом событий, потому что количество тех, кто регулярно ходил к Сусанне, значительно превышало число прихожан, принимавших участие в воскресных богослужениях. Отчаявшись, он отправил жалобу Сэмюэлу, требуя, чтобы тот приказал своей жене прекратить эти неофициальные собрания, дабы не опорочить всю церковь. В ответ на полученное письмо мистер Уэсли попросил Сусанну найти кого-либо другого, кто смог бы читать проповеди вместо нее. Она же ответила, что в округе, к сожалению, нет никого, кто был бы способен читать их, не запинаясь и не путая при этом слова. Сначала Сэмюэл, кажется, был удовлетворен таким объяснением, однако под давлением жалоб викария вскоре вынужден был пересмотреть свое отношение к проводимым женой собраниям, потребовав их прекращения.

** Пастор

Сусанна снова встала на защиту своей позиции, заявив, что, будучи в здравом рассудке, она не может прекратить собрания, видя, сколь много пользы они приносят людям, помогая им внутренне изменяться и побуждая их чаще посещать церковные богослужения.

Свое письмо Сусанна закончила, ссылаясь на свое чувство долга, как жены и матери:

Если же после всех моих слов ты по-прежнему будешь полон решимости распустить это собрание, не говори мне о том, что таково твое *желание,* ибо такими словами ты никогда не успокоишь мою совесть. Просто отправь мне свой *официальный приказ,* облекши его в такую полную и убедительную форму, которая наверняка избавила бы меня от чувства вины и от наказания за столь расточительное отношение к представившейся возможности делать добро, когда мы с тобой предстанем пред великим и вызывающим чувство благоговейного ужаса судом нашего Господа Иисуса Христа.

Со стороны Сэмюэла Уэсли не последовало больше никаких возражений.

Образование Джона

Джон и Чарльз получали образование дома под строгим присмотром своей матери еще два года, пока Джон не поступил в частную школу-интернат Чартерхаус. В тот момент ему было всего лишь десять лет, и, подобно другим мальчикам своего возраста, ему пришлось в полной мере ощутить тиранию старших учеников, которым в те времена было позволено многое. Существовал обычай, согласно которому старшеклассники забирали у младших учеников выдававшуюся им ежедневно порцию мяса. Таким образом, в первые годы учебы Джон Уэсли питался практически одним только хлебом. Тем не менее, он выдержал. Как сам Джон вспоминал позже, ему очень помог совет отца, подсказавшего своему сыну каждое утро три раза пробегать мимо больших садов. Подобно Даниилу, вегетарианская диета сделала мальчика более жизнерадостным, и он оставался полон сил и здоровья, даже несмотря на скудное питание.

Джон также научился сносить насмешки и издевательства старших школьников с таким спокойствием, что даже прославился среди учеников и учителей своей абсолютной невозмутимостью и выдержкой. Мальчик казался не по годам взрослым и был настолько ответственным и добросовестным в своих интеллектуальных устремлениях, что на протяжении всей жизни он оставался в замечательных дружеских отношениях с директором своей школы.

Джон прославился среди учеников и учителей своей абсолютной невозмутимостью и выдержкой.

Вопреки утверждениям многих историков, будто бы молодой Уэсли во время учебы в Чартерхаусе стал уделять значительно меньше внимания дисциплине и духовной практике, Джон сам написал следующие слова, которые при ближайшем рассмотрении ясно свидетельствуют о том, что его сердце по-прежнему принадлежало Господу:

Следующие шесть или семь лет были проведены мною в школе, где, если не принимать во внимание очевидные трудности, я вел себя так беспечно, как никогда ранее, даже в отношении своих непосредственных обязанностей, постоянно совершая очевидные грехи, которые я осознавал, хотя они и не были столь постыдными в глазах остального мира. Тем не менее я по-прежнему читаю Писание и каждый день молюсь, утром и вечером. И потому сегодня моя надежда быть спасенным покоится на том, что я: 1) не являюсь столь плохим и испорченным, как многие другие люди; 2) доброжелательно отношусь к религии и 3) читаю Библию, посещаю церковь и произношу молитвы.

В возрасте семнадцати лет Джон окончил Чартерхаус и продолжил свое образование в Оксфорде. Следует отметить, что даже в достаточно зрелом возрасте он был весьма щуплым: его рост составлял лишь сто шестьдесят пять сантиметров, тогда как вес не дотягивал даже до шестидесяти килограммов. Но даже такая миниатюрность никогда особо не мешала Джону. Его пример лишь подтверждает то, что физический рост человека совершенно не важен по сравнению с его ростом духовным. Джон Уэсли, безусловно, был настоящим гигантом веры.

Незадолго до окончания учебы в университете Джон познакомился с привратником, открывшим для него новые двери к духовному возрождению, которое несколько лет спустя полностью изменило жизнь юноши. Этот привратник оказался первым по-настоящему благодарным человеком, которого Джон встретил в своей жизни. Хотя мужчина имел только один плащ и целый день довольствовался одной лишь водой, его сердце неизменно было переполняемо благодарностью Богу. Джон как-то заметил: "Вы благодарны Богу даже в те моменты, когда вам нечего надеть, нечего есть и негде прилечь. За что же вы еще Его благодарите?". Мужчина ответил: "Я благодарю Его за то, что Он дал мне жизнь, дал сердце, чтобы любить Его, и желание служить Ему". Услышав это свидетельство, Джон понял, что следование за Иисусом - это нечто большее, чем то, что ему доводилось испытывать ранее, — и именно этого он возжелал всем сердцем.

В Оксфорде Джон с головой окунулся в науку. Вне всякого сомнения, изучая чрезвычайно влиятельные в те времена труды Фомы Кемпийского, Джереми Тейлора и Уильяма Ло, он чувствовал, что становится ближе и ближе к Богу. Он штудировал книгу "О подражании Христу", принадлежавшую перу Фомы Кемпийского, которая длительное время повсеместно считалась одним из величайших христианских руководств к духовной жизни. С огромным интересом Джон изучал "Правила и упражнения жизни, исполненной святости" *(The Rule and Exercises of Holy Living)* Джереми Тейлора, а также "Серьезный призыв к посвященной Богу и исполненной святости жизни" *(A Serious Call to a Devout and Holy Life)* и "Трактат о христианском совершенстве" *(A Treatise of Christian Perfection)* Уильяма Ло. Эти книги в основном и заложили основание для дальнейшего духовного пути Джона и его личного "возрождения" в последующие годы, так же как и совет его матери:

А сейчас со всей серьезностью прими твердое и искреннее решение сделать религию делом всей своей жизни; ибо в итоге это единственная вещь, которая, строго говоря, является по-настоящему необходимой; все остальное имеет лишь малое отношение к смыслу и целям нашей жизни. *Я* искренне желаю, чтобы ты сейчас пристальнейшим образом исследовал самого себя, дабы знать наверняка, имеешь ли ты основание надеяться на спасение через Иисуса Христа. Если такое основание у тебя есть, удовлетворение, полученное тобой от этой надежды, с избытком покроет все твои мучения. Если же его у тебя нет, ты найдешь более подходящую возможность для того, чтобы пролить слезы.

Большинству из нас сегодня такой совет может показаться несколько странным; тем не менее, важно понять, что Джон и Чарльз воспитывались на доктрине предопределения, на которую существенное влияние оказал французский реформатор Жан Кальвин. В соответствии с основными догматами кальвинизма люди не имели никакого влияния на свое спасение; наоборот, спасение всегда предопределялось Богом. Господь обладал абсолютным верховенством во **всех** областях человеческой жизни. Таким образом, отправляясь в церковь, человек искал ответ на вопрос "Спасен

ли я?" в значительно большей степени, чем ответ на вопрос "Как мне обрести спасение?". Поэтому в молодости, хотя сердца Джона и Чарльза и стремились к Богу искренне и неустанно, ни один из них не имел никакой уверенности в собственном спасении. И лишь тогда, когда Джон был посвящен в духовный сан и направлялся к месту своей дальнейшей службы, он начал осторожно размышлять над этим вопросом.

"Библейские фанатики"

Несмотря на нехватку подобного рода внутренней уверенности, сразу же после окончания университета Джон был назначен на должность священника и выступил со своей первой проповедью в маленькой деревушке Саут-Лай, расположенной недалеко от города Уитни. Этим же летом он вернулся в Эпуорт, чтобы помочь отцу вести церковные дела, и провел там большую часть следующего года. Интересно, что приблизительно в то же самое время, когда Джон готовился покинуть Оксфорд, Чарльз, который был на четыре года младше его, только-только прибыл туда для того, чтобы начать учебу. К весне 1726 года, к радости и гордости своего отца, Джон был избран членом совета Линкольнского колледжа, что в те времена считалось в Оксфорде весьма и весьма престижным. Восемь месяцев спустя он был назначен преподавателем греческого языка и ведущим экзаменатором.

Незадолго до этого, в 1725 году, когда Джону исполнился двадцать один год, его мотивация претерпела существенные изменения. Находясь под впечатлением книг "Образец для христианина" *(The Christian's Pattern)* Фомы Кемпийского и "Жизнь и смерть в святости" *(Holy Living and Dying)* Тейлора, Джон заинтересовался доктриной полного освящения и святости, исследование которой будет определять направление его духовных исканий последующие десять лет, заложив фундамент того, что позже станет методистской концепцией христианского совершенства.

В своей книге "Живой Уэсли" *(The Living Wesley)* Джеймс Х. Ригг пишет: "Его желание достичь настоящей святости было глубоко осознанным, и потому с этого самого момента он стал стремиться к абсолютному посвящению Богу, сделав это одной из важнейших целей собственной жизни". Ригг приводит также следующую красноречивую запись, сделанную Джоном в своем дневнике:

Я увидел, что простота намерений и чистота чувств - единство наших слов и действий, и горячее желание управлять всеми своими душевными порывами — являются истинными крыльями души, без которых мы никогда не сумеем подняться в небесную высь, к Богу. С этого мгновения я начал искать... Неожиданно я принял решение посвятить всю свою жизнь Богу - все мысли, слова и действия, - будучи глубочайше убежден в отсутствии середины, в том, что каждая часть моей жизни (не отдельные, но вместе взятые и без всякого исключения) должна быть принесена в жертву либо Богу, либо самому себе (или, другими словами, дьяволу).

Несмотря на то, что Джон всем сердцем желал максимально посвятить свою жизнь достижению святости, распространенное в те времена кальвинистское учение делало эту святость формальной и слишком сильно привязанной к соблюдению закона, к строгому следованию установленным правилам и нравственным нормам. Это была религия в самом худшем смысле этого слова - внешняя, показная демонстрация сострадания и дисциплины, которая, однако, не влекла за собой ни внутренних перемен, ни истинного духовного преобразования человеческого сердца. Джону еще предстояло понять, что истинная святость приходит лишь через принятие того, что Христос совершил на кресте.

Таким образом, его надежда на спасение целиком и полностью зависела от "добрых дел", которые он совершал, полагаясь лишь на собственные силы. Джон верил, что милость и благодать Божью можно *заработать* лишь тяжким трудом и самопожертвованием, что полностью противоречило принятию дара спасающей Божьей благодати через веру. Англиканское воспитание Джона, в котором правила и ритуалы играли главную роль, несомненно, прибавило ему решительности достичь большей праведности, полностью посвятив свою жизнь служению Христу и соблюдению изложенных в Библии принципов христианского поведения. Тем не менее, Джон Уэсли совершенно искреннее желал служить Богу. К тому времени, когда ему исполнилось двадцать два года, он был уже абсолютно уверен в своем призвании, которое и он сам, и его родители считали благороднейшим из всех человеческих устремлений, - в служении Богу.

Несмотря на все старания Джона, внешние проявления праведности не приносили ему внутреннего мира, обрести который он столь упорно старался.

Несмотря на все старания Джона, внешние проявления праведности не приносили ему внутреннего мира, обрести который он столь упорно старался. С 1725 по 1729 годы юноша продолжал проповедовать, но при этом он писал, что "не видел плодов [своего] труда". Это было время нескончаемых внутренних поисков, когда его ни на секунду не покидало желание познать Бога во всей Его полноте и не давали покоя собственные бесплодные попытки во что бы то ни стало достичь святости. Джон был убежден, что проповеди о жизни в святости помогут людям приблизиться к небесам и что он сам гораздо лучше узнает Господа благодаря своему исполненному добродетели поведению. Однако Джону никак не удавалось достичь тех близких отношений с Богом, которых он так усердно и настойчиво искал. Сколь бы изнурительно юноша ни трудился, как бы себя ни смирял, он не ощущал того внутреннего удовлетворения, которое, в чем он не сомневался, должно сопровождать истинно верующего человека. Оглядываясь на тот период жизни, Джон Уэсли писал: "С 1729 по 1734 год... в своей жизни я видел мало плодов... И это неудивительно: ибо я не проповедовал веры, основанной на Крови завета".

Именно в это время, в 1729 году, Чарльз начал встречаться с несколькими студентами-единомышленниками для совместной учебы, молитвы и соблюдения ежедневных дисциплин. Джон принял приглашение присоединиться к группе и уже очень скоро стал их лидером и наставником. Другие студенты в шутку именовали членов этой группы "библейскими червями", "библейскими фанатиками", "сакраментаристами", "методистами", "святым клубом" или "энтузиастами". Однако в последующие несколько лет группа оказала весьма ощутимое положительное влияние на жизнь местной общины, поскольку ее представители без устали посещали заключенных, а также служили в сиротских приютах и среди обездоленных. Название "Святой клуб" оказалось весьма стойким, и вскоре число его членов выросло до двадцати пяти человек. Одним из основателей группы был Джордж Уайтфилд, пылкий молодой человек, который позже подхватит факел, зажженный Джоном и Чарльзом, и сам пронесет его даже дальше, чем им удалось это сделать совместными усилиями.

Практика регулярного поста и молитв была обязательным условием членства в клубе, что, возможно, стало важнейшим фактором, позволившим братьям Уэсли, Уайтфилду и другим членам группы стать мощным оружием в руках Христа. Джон Гэмболд, один из самых первых членов клуба, ставший впоследствии моравским епископом, записал в своем дневнике:

[Джон] считал молитву одним из важнейших дел, и мне доводилось часто видеть его выходящим из своего кабинета с таким просветленным спокойствием на лице, что, казалось, он источал вокруг себя какой-то неземной свет. Это спокойствие безошибочно указывало на то, где он до этого находился, и удваивало мою надежду на получение мудрого наставления в вопросах, с которыми я к нему обращался.

О лидерских качествах Джона Уэсли Гэмболд писал следующее:

Мистер Джон Уэсли всегда был замечательным руководителем, и эта должность весьма подходила ему. Ибо он не только был более образованным и опытным, чем остальные, но и необыкновенно деятельным, из-за чего стороннего наблюдателя не покидало ощущение, что он ни секунды не сидел сложа руки. Также он был очень наблюдательным, благодаря чему ничто не ускользало от его глаз... Обладая невероятным трудолюбием и удивительной искренностью, он без устали посвящал себя добрым делам и словам.

На протяжении всего этого времени Джон как никогда ранее был очарован трудами Уильяма Ло. Его книги "Христианское совершенство" *(Christian Perfectionism)* и "Серьезный призыв" углубили и обогатили искренний и методичный подход Уэсли к религиозной дисциплине и посвящению Богу. В 1732 году по совету Чарльза Джон начал искать знакомства с Ло, а последующие несколько лет оба мужчины вели регулярную переписку. Находясь под большим влиянием учения Ло, Джон и Чарльз, вместе с другими членами "Святого клуба", полностью посвятили себя Доктрине христианской святости. Молодые люди были подотчетны друг другу в вопросах святости в жизни каждого из них, каждый вечер совместно изучали Библию, постились по понедельникам и пятницам, а также каждую неделю принимали причастие. Их критики считали подобную практику еще одной формой "великого

церковного аскетизма", однако группа продолжала преуспевать, несмотря на все навешиваемые на нее ярлыки.

Интересно, что примерно в это же время в редакцию лондонского журнала *Fog's Weekly Journal* пришло анонимное письмо, авторы которого заявляли буквально следующее: "Университет сегодня в немалой степени наводнен сыновьями печали, число которых день ото дня увеличивается" и которые стремятся "сделать это место не чем иным, как самым настоящим монастырем". Автор письма обвинял "секту так называемых методистов" в "абсурдной и бесконечной меланхолии", призывая их прекратить "эту унылую глупость"[21].

Тем не менее неустанная борьба между внешней и внутренней святостью продолжала разрывать на части сердце Джона. Он хотел "пережить" все то, что церковь считала необходимым для праведной и благочестивой жизни, но снова и снова ему приходилось сталкиваться с самым настоящим кризисом веры, который заставлял его сомневаться в собственном спасении; кризисом убеждений, который настигал Джона каждый раз, когда ему приходилось иметь дело со смертью. Ригг писал:

Он добросовестно старался стать англиканским священником в полном соответствии с действовавшими тогда внутри церкви правилами и предписаниями, а также преданным Богу и святым во всех своих делах христианином, черпая вдохновение в ранней церковной истории и традициях. В результате этого он стал аскетическим приверженцем обрядности высочайшего и наиболее изощренного уровня.

Какое-то время Джон Уэсли продолжал упорно стремиться к примирению с Господом, совершая богоугодные дела и уделяя особое внимание дисциплине собственного тела и духа. Он решил ежедневно не менее двух часов уделять молитвенному общению с Богом, сторониться всякого зла и, прежде всего, быть эффективным и усердным в своей деятельности, стремясь с максимальной пользой использовать каждый час каждого дня.

К этому времени здоровье Сэмюэла Уэсли, жившего в Эпуорте, продолжало катастрофически ухудшаться. И он решил подыскать себе замену среди собственных сыновей в надежде сохранить за своей семьей приход и дом приходского священника, в которые он инвестировал так много своего времени и которые он и вся его семья считали своим домом практически четыре десятилетия. Сэмюэл-младший и Джон получили, в порядке очередности, предложение отца занять его место, но оба ответили отказом. Однако когда отец Джона еще больше ослаб, то юноша уступил его просьбе и предложил свою кандидатуру на должность приходского священника, которая, правда, была отклонена. Вскоре после этого, 25 апреля 1735 года, Сэмюэл Уэсли-старший скончался в возрасте семидесяти двух лет. Джон и Чарльз, так же как и другие члены семьи, провели у постели отца последние часы его жизни. В какой-то момент тот возложил руки на голову Чарльза и произнес: "Будь твердым. Христианская вера однажды возродится в этой стране; и ты это увидишь, но я, увы, до этого момента уже не доживу".

"Он является Спасителем этого мира - но является ли Он и твоим Спасителем?"

Вскоре после смерти Сэмюэла Уэсли доктор Бартон, бывший сотрудник Оксфордского университета, и Джеймс Оглторп, бывший друг преподобного Уэсли, предложили Джону сопровождать полковника (позже - генерала) Оглторпа в качестве капеллана в новое поселение в Саванне, штат Джорджия, названное в честь правившего в то время короля Георга II. Оглторп был членом парламента, и ему было небезразлично положение английских бедняков - его деятельность многих из них вытащила из долговых тюрем. В июне 1732 года, совместно с двадцатью единомышленниками, включая Бартона, он получил из рук самого Георга II право основать колонию, в которой освобожденные бедняки имели бы возможность все начать сначала. Оглторп был назначен губернатором новой колонии.

Таким образом, в феврале 1733 года сто двадцать эмигрантов основали первое крупное поселение в колонии, которое было названо Саванной. В последующие годы численность населения колонии значительно увеличилась, преимущественно за счет протестантских групп из немецкого в те времена Зальцбурга, бежавших от преследований и притеснений со стороны католической церкви. За ними

последовали шотландские горцы и некоторые из моравских братьев, стремившихся распространять Слово Божье среди американских индейцев.

Джона весьма заинтересовала возможность проповедовать неиспорченным цивилизацией аборигенам, и он попросил Чарльза присоединиться к нему. Оглторп назначил Чарльза своим секретарем. Джон, Чарльз, а также двое других джентльменов из "Святого клуба"

Бенджамин Ингхэм и Чарльз Деламотт, - 21 октября 1735 года, совместно с тремястами другими пассажирами, взошли на борт корабля "Симмондс". Перед самым началом путешествия Чарльз был утвержден в своей новой должности. Судно сопровождала небольшая эскадра боевых кораблей, чтобы обезопасить его от возможного нападения испанцев. Когда же боевые корабли были вынуждены оставить "Симмондс", судно пришвартовалось в порту Коуз на острове Уайт, дожидаясь других хорошо вооруженных попутчиков.

Оказавшись на борту, четверо методистов не теряли времени даром. Они составили для себя достаточно жесткое расписание, которое включало в себя молитвенное уединение с Богом, чтение Библии и публичные молитвенные службы. Четверо друзей каждый день просыпались ровно в четыре часа утра, а ложились спать между девятью и десятью часами вечера. Каждая минута их дня была посвящена изучению Слова, молитве, богослужениям, удовлетворению физических потребностей и общению с другими пассажирами на религиозные темы.

Среди пассажиров корабля оказалась большая группа моравских братьев из Германии - пятая по счету их группа, направлявшаяся в Джорджию, - которые очень скоро прославились своим стремлением совершать богоугодные дела и горячим желанием молиться. Братья Уэсли вместе с двумя своими друзьями каждый вечер посещали собрания моравских братьев, а Джон к тому же приступил к изучению немецкого языка, чтобы общаться с этими преданными Богу христианами. Друзья-методисты с нескрываемым интересом наблюдали за тем, как они поклонялись Богу, переполняемые искренними эмоциями, как спонтанно и от всего сердца молились. В составе малых групп моравские братья практиковали поклонение Богу, взаимную поддержку, исследование Писания, пение гимнов и тихую личную уверенность в Божьем спасении, которая произвела столь неизгладимое впечатление на четырех членов "Святого клуба". Но в ближайшие дни их ожидало совершенно новое, неведомое ранее откровение.

Проведя несколько недель на якоре у острова Уайт, 10 декабря корабль с поселенцами наконец двинулся в путь, сопровождаемый конвоем из сорока кораблей. Весь путь через Атлантику стал для экипажа и пассажиров нескончаемой борьбой со штормами, налетавшими на судно один за другим. Столкнувшись лицом к лицу со смертью, которой угрожали им ураганные ветры и гигантские волны, Джон, к своему удивлению, ощутил себя совершенно неподготовленным к смерти, хотя до этого ему казалось, что он примирен с Богом. Он даже спрашивал себя: "Как же случилось, что у тебя нет веры?".

Моравские братья, напротив, вели себя совершенно иначе. Сколь бы сильным ни был шторм, они проявляли страха не больше, чем гордыни, гнева или непрощения. Мало того, они провели богослуже ние, радостно воспевая псалмы, когда огромная стена воды обрушилась на корабль, разорвав на части самый большой парус, залив палубу и ринувшись в нижние помещения с такой силой, что многие пассажиры подумали, что корабль вот-вот поглотит морская пучина. Тем не менее немцы продолжили петь, как если бы ничего и не случилось, не обращая внимания на охваченных паникой и кричащих от ужаса пассажиров-англичан. Никогда еще не встречался Джону такой смельчак - не говоря уже о целой группе мужчин, женщин и детей, - который бы столь бесстрашно смотрел в лицо смерти.

Вдохновленный их примером, Джон решил попытаться сделать так, чтобы страх Божий вытеснил собой из его жизни все остальные страхи. В то же самое время он понимал, что эти люди имели от Бога нечто большее, чего не имел он — но отчаянно, всем сердцем желал получить. Тем не менее, призвание и титул делали Джона слишком гордым для таких исканий. Ему пришлось подождать еще некоторое время, пока, потерпев в Джорджии несколько ощутимых поражений, он в конце концов не вернулся в Англию с такой жаждой по Богу, которой он никогда не испытывал ранее. Таким образом, Джон продолжал вести свою внутреннюю битву с целью "получения благодати" без откровения "веры, живущей глубоко в сердце", которое он получит, но уже несколько позже.

Вдохновленный примером моравских братьев, Джон решил попытаться сделать так, чтобы страх Божий вытеснил собой из его жизни все остальные страхи.

5 февраля 1736 года "Симмондс" бросил якорь у берегов Джорджии, и его пассажиры впервые в своей жизни ступили на американскую землю. Желая как можно скорее приступить к выполнению своей миссии, Джон обратился за советом к моравскому пастору Аугустусу Готтлибу Шпангенбергу, который сказал ему прямо: "Брат мой, сначала я должен задать тебе несколько вопросов. Имеешь ли ты свидетельство в своем собственном сердце? Говорит ли Дух Божий в тебе о том, что ты являешься Его ребенком?".

Это привело Джона в полное замешательство, поэтому Шпангенберг вынужден был перефразировать свой вопрос: "Знаете ли вы Иисуса Христа?". Джон снова запнулся, после чего ответил: "Я знаю, что Он является Спасителем этого мира". - "Действительно, - кивнул в ответ Шпангенберг, - но известно ли вам, что Он спас также и *вас?"*

Уэсли ответил: "Я надеюсь, что Он умер для того, чтобы спасти меня". Щпангенберг снова перефразировал свой вопрос: "А знаете ли вы самого себя?". Джон снова пришел в некоторое замешательство, прежде чем ответить "да, конечно" с максимальной уверенностью, на которую он в тот момент был способен. Однако сам-то он прекрасно чувствовал всю пустоту этих своих слов[25].

После этого разговора Джон еще больше убедился в том, что моравские братья имели от Бога нечто, чего сам он не имел, однако гордыня все еще никак не позволяла ему это признать. Тем не менее, в Саванне Джон стал верным другом не только Шпангенберга, но и других моравских братьев, постоянно с ними общаясь, расспрашивая об их церкви в Херрнхуте и пытаясь научиться у них всему, чему только было можно.

Однажды вечером, когда Джон проповедовал, церковь была буквально переполнена, тогда как в танцевальном зале было абсолютно пусто.

Когда четверо методистов впервые ступили на американский берег, Саванна была еще очень молодым поселением, чуть более двух километров в периметре. К тому времени в городке насчитывалось не более двух сотен домов (некоторые из них, правда, в несколько этажей), а его население составляло приблизительно 520 человек. Из-за недостатка общественных зданий суд находился под одной крышей с церковью. А поскольку служитель, на смену которому приехал Джон, к моменту его прибытия все еще находился в Саванне, Джону пришлось подождать еще три недели, прежде чем он смог поселиться в доме приходского священника (до тех пор он вынужден был обитать в каюте на борту "Симмондса"). Приблизительно в этот период Джон начал общаться с американскими индейцами, которые приняли его очень радушно. Это общение зажгло в его сердце искру надежды на то, что в Новом Свете он сможет многого достичь.

Первая проповедь Джона была основана на 13-й главе Первого послания к Коринфянам. Также он рассказал о смерти своего отца и еще одного человека, который умер уже после прибытия в Саванну. Его послание не оставило равнодушным ни одного из слушателей. Практически с первых слов Джон произвел неизгладимое впечатление на жителей Саванны. Об этом свидетельствует такой случай.

Спустя десять дней после прибытия один из новоприбывших организовал бал. Однако его ждала полная неудача: в тот вечер церковь была буквально переполнена, тогда как танцевальный зал пустовал.

Как правило, в первые годы своего существования новые колонии лишь в редких случаях привлекали достойных людей. В особенности же это касалось тех из них, которые изначально были основаны для того, чтобы дать возможность людям, не нашедшим себя в Старом Свете, проявить себя в Новом. Представители низших сословий Великобритании тех времен также вели относительно пассивную духовную жизнь, потому что Англиканская церковь не проявляла к ним должного внимания. Людям с доброй репутацией и высоким социальным статусом незачем было покидать старую добрую Англию и все начинать сначала на совершенно неведомых новых землях. Вот почему большинство жителей Джорджии являлись искателями приключений, которым было нечего терять, или людьми спасавшимися от своего постыдного и сомнительного прошлого. Не

потребовалось много времени для того, чтобы слова братьев Уэсли, призывавших к праведной и благочестивой жизни, начали откровенно раздражать многих колонистов.

Однажды Оглторп вместе с Чарльзом Уэсли и Бенджамином Ингхэмом отправились на помощь к жителям Фредерики, расположенной в ста милях к югу от Саванны, оставив Джона Уэсли и Чарльза Деламотта в городке. Хотя в то время Саванна еще оставалась весьма неразвитым поселением, но по сравнению с Фредерикой, жители которой славились буйным нравом и отвратительными манерами, она была очагом цивилизации. Когда Чарльз выступил перед жителями этого отдаленного поселения с проповедью и поучением, многие были возмущены его обвинительным тоном и излишне строгими словами. Попытавшись изменить царившие во Фредерике нравы и разрешить местные споры, он лишь помог обеим сторонам нажить общего врага: их общей целью стало изгнание надоедливого миссионера. Однажды, когда Чарльз молился в миртовой роще, прогремел выстрел - пуля лишь чудом не задела его. Чарльз принял это как предупреждение.

Вскоре после этого Оглторп организовал экспедицию с целью посетить обитавшие поблизости индейские племена. В его отсутствие прямо посреди проповеди, с которой выступал Чарльз, городской врач выстрелил из своего ружья в сторону здания, где в тот момент проходило собрание. Пуля пролетела настолько близко от проповедника, что констебль посчитал своим долгом арестовать нарушителя спокойствия. Все обвинения, однако, посыпались на голову Чарльза, потому что, как показалось большинству, именно он приказал офицеру сделать это. Жена врача бегала по улицам, выкрикивая ругательства в адрес Чарльза, а сам доктор демонстративно отказался принимать каких-либо пациентов, даже несмотря на то, что одной женщине срочно требовалась его помощь. Вернувшись во Фредерику, Оглторп увидел, что городок охвачен народными волнениями. Многие его жители грозились уехать, если не будут предприняты какие- либо меры, и все без исключения указывали на Чарльза как на главный источник своих бед.

Хотя Оглторпу и удалось твердой рукой навести порядок, он также выразил свое недовольство и братьям Уэсли. Он надеялся, что священникам удастся принести в колонию мир и порядок, но вместо этого он видел лишь формальные молитвы, полупустые церкви во время богослужений и постоянное вмешательство в жизни и дела прихожан. И даже несмотря на то, что Оглторп не обвинял братьев в общественных беспорядках, он был весьма недоволен тем, что они практически ничего не сделали для их предотвращения.

Невзирая на то, что Джон и Чарльз, вне всякого сомнения, искренне и усердно трудились на ниве Божьей, нельзя забывать о том, что никто из них не пережил еще рождения свыше, и Святой Дух не действовал активно в их жизни. Опять же следует отметить, что им по- прежнему не хватало того, чем так сильно отличалась жизнь и мировоззрение привратника в Оксфорде и моравских братьев (отсутствие этого Джон столь явственно ощущал в своей жизни). Состоявшийся сразу после прибытия на американскую землю разговор Джона с пастором Шпангенбергом отчетливо показал, что братья Уэсли хотя и были помазанными служителями, призванными стать во главе религиозной жизни Джорджии, но из-за гордыни не могли признать то, что они в действительности еще не готовы к выполнению столь ответственной и непростой миссии. И Джон и Чарльз, дисциплинированно практикуя религию, мало знали об Иисусе Христе и тех преимуществах, которые могли бы иметь, действуя под покровительством и водительством Святого Духа.

Хотя непосредственное вмешательство Джона в дела Фредерики и принесло пользу, это поселение по-прежнему выглядело безнадежным. Более того, Чарльз заболел, и отношение к нему со стороны Оглторпа резко изменилось в худшую сторону. Он не предоставил ожидаемую Уэсли мебель, запретив при этом пользоваться своей. У Чарльза не было даже кровати, на которой он мог бы спать, и однажды, когда его в горячке подняли для отпевания покойника, Чарльз получил позволение спать на его лежанке. На следующий день, однако, Оглторп лишил его и этого минимального удобства, отдав кровать кому-то другому, кто, по его мнению, испытывал в ней большую потребность. Для Чарльза наступило время испытания на выносливость.

Чарльз Уэсли и Оглторп примирились друг с другом после того, как последний освободил Джорджию от испанской блокады и вернулся домой с победой. Оглторп был уверен в том, что борьба с испанцами будет стоить ему жизни, но когда молитвы Чарльза о его благополучном возвращении оказались услышаны, победитель сменил гнев на милость. Тем не менее, когда губернатор в августе 1736 год отправил Чарльза в Англию с каким-то техническим поручением,

Уэсли не вернулся обратно в Джорджию. Его американская одиссея длилась лишь каких-то шесть месяцев.

Хотя главной целью Джона при отправлении в Джорджию было служение и проповедь Слова Божьего американским индейцам, многочисленные препятствия помешали ему осуществить свой замысел. Помимо его воли, юношу назначили священником в Саванну, привязав таким образом к поселению. Когда же у него действительно появилась возможность продолжить служение в другом месте, прихожане городской церкви уговорили его остаться до прибытия нового священника, который, увы, так и не появился. В это время политическая ситуация в регионе кардинальным образом изменилась: индейские племена вышли на тропу войны, из-за чего каждому, рискнувшему оказаться в тех краях путнику, грозила смертельная опасность. К тому же мужчины Саванны уже не имели времени слушать адресованную им Евангельскую Весть. Постоянная занятость Джона Уэсли, его стремление совершать как можно больше богоугодных дел (учить прихожан по субботам и воскресеньям основам христианской веры; возносить молитвы и каждый день проводить богослужения на английском, итальянском и французском языках; посещать богослужения моравских братьев; а также регулярно навещать больных) превратило юношу в самого настоящего узника, лишенного возможности покинуть пределы колонии.

Первая влюбленность

Что-то еще, вернее кто-то еще, удерживало Джона в Саванне, хотя на первый взгляд он даже не подозревал об этом. Ее звали София Кристиана Хопки. Она была племянницей мэра Саванны Томаса Каустона. После прибытия в городок братьев Уэсли Каустон и Оглторп решили, что, женившись на Софии, Джон не только сильнее привяжется к поселению, но и поумерит свой пыл, что могло бы принести губернатору немалую пользу. Теплые отношения между юношей и девушкой завязались примерно через месяц после его прибытия в Саванну. София была привлекательна, умна и хорошо воспитана. Ее представили Джону, как измученную душу, ищущую путь к вечной жизни**.** Молодые люди, казалось, естественным образом устремились по тому пути, на котором их столь горячо желал видеть Оглторп.

Письма и дневники Джона Уэсли красноречиво свидетельствуют о тех пламенных чувствах, которые он испытывал по отношению к Софии. Но произошло нечто (возможно, это касалось непосредственно их отношений), из-за чего София вынуждена была на некоторое время покинуть Саванну и отравиться во Фредерику. Ее отъезд побудил Джона отправить своему брату письмо, частично написанное на греческом языке, чтобы в случае перехвата посторонние не могли его расшифровать:

Я умоляю тебя как можно скорее, не тратя времени понапрасну, выяснить истинную причину печали моей подруги. Я чувствую, что ей сейчас нелегко. Поэтому пусть Бог хранит ее от повторения прошлых ошибок. Будь рядом с ней, береги ее, как ангел-хранитель. Напиши мне о том, с какими словами мне лучше всего к ней обратиться в письме.

Когда в октябре того же года, несколько недель спустя после отъезда Чарльза, Джон отправился во Фредерику, он узнал, что София очень сильно страдала от царивших там поистине отвратительных нравов. Он писал:

Даже бедная мисс Софи казалась лишь тенью себя прежней, когда я оставил ее. Я пытался убедить ее вернуться в Саванну, но все впустую, и, если честно, это было выше моих сил. В результате она решила немедленно отправиться в Англию. Вначале я болезненно воспринял это известие, но быстро взял себя в руки, вспомнив о своем призвании.

Однако вскоре Джону удалось убедить Софию остаться в Джорджии, и потому, возвращаясь в Саванну, он забрал ее с собой.

По приезде девушка, казалось, искала любую возможность, чтобы быть рядом с возлюбленным. Она убедила Джона заняться с ней французским языком, а когда тот слег от лихорадки, София пять суток, денно и ношно, заботилась о больном, пока ему не стало лучше. Девушка жадно ловила каждое слетавшее с его уст слово. Узнав о предпочтениях Джона касательно ее внешнего вида, она стала надевать лишь белые платья, избавившись от броских, ярких нарядов. Когда Джон посоветовал

Софии не есть перед сном для сохранения здоровья, она с готовностью и благодарностью приняла его заботу. В то время всем казалось, что их свадьба уже не за горами.

По мере приближения годовщины их прибытия в Джорджию, Деламотт прямо спросил у Джона, собирается ли тот жениться на Софии. Застигнутый врасплох Джон отказался отвечать на этот вопрос. Деламотт попытался убедить друга в том, что намерения девушки весьма отличались от намерений Джона, что София подходит к браку очень расчетливо, что юноша просто поддался ее чарам. После этого разговора уверенность Джона в Софии поколебалась, и он отправился за советом к моравскому епископу Давиду Нитчману. Епископ, внимательно выслушав его, предложил лишь усердно молиться и размышлять над сложившейся ситуацией.

Прошло еще некоторое время, но сомнения не только не покидали Джона, но становились еще сильнее. Он решил искать помощи у моравских старейшин. Зная о времени и месте их заседания, Уэсли пришел к ним в церковь. К своему удивлению, он обнаружил там Деламотта. Когда Джон объяснил присутствующим цель своего визита, епископ ответил, что они только что закончили рассматривать его дело, и спросил, готов ли юноша с покорностью и смирением принять любое их решение. Поколебавшись, Уэсли в итоге ответил согласием. "Тогда, - сказал ему Нитчман, - мы советуем вам не развивать более эти отношения". Уэсли смог лишь тихо произнести: "Да свершится воля Господня". Сердце юноши было разбито. В своем дневнике он сравнил требование оставить Софию с Богом предписанием "вырвать свой правый глаз; и по Его милости я принял решение так и сделать".

Джон не решился рассказать Софии о том, что произошло, но в последующие дни его поведение изменилось настолько, что все стало предельно ясно и без слов. В ответ девушка обручилась с весьма уважаемым молодым человеком по фамилии Уильямсон, а четыре дня спустя, 12 марта - ровно через год после того, как Джона впервые представили Софии, - они уже стали мужем и женой.

Несмотря на то, что София Хопки действительно оказалась весьма ветреной и даже в чем-то коварной особой, подтвердив своим поведением подозрения и опасения Деламотта, в сердце Джона она оставила неизгладимый след. Горечь, вызванная несчастной любовью, долго не оставляла юношу, ведь его чувства к Софии были искренними. Миссия Джона Уэсли в Джорджии оказалась достаточно успешной, и он мог бы остаться там еще на некоторое время, однако его разбитое сердце не могло этого вынести. Мало того, он прятал свои страдания глубоко внутри, сравнивая Божье повеление оставить Софию с Его словом к Иезекиилю:

...Сын человеческий! вот, Я возьму у тебя язвою утеху очей твоих; но ты не сетуй и не плачь, и слезы да не выступают у тебя; вздыхай в безмолвии, плача по умерших не совершай; но обвязывай себя повязкою и обувай ноги твои в обувь твою, и бороды не закрывай, и хлеба от чужих не ешь.

Иезекииля 24:16-17

Джон снова с головой окунулся в работу. Спустя немного времени он начал замечать в характере Софии недостатки, которых ранее не видел, о чем не преминул заметить в одном из разговоров с ней. Она не на шутку рассердилась, чем навлекла на голову Джона проблемы. Дядя Софии, мэр Каустон, являлся ярким представителем того типа горячих мужчин, которых часто привлекали колонии, - поговаривали, что он покинул Англию, дабы уклониться от выплаты денег по предъявленному ему финансовому иску, — и потому гневить его было небезопасно для любого человека. Будучи, однако, в тот момент прикованным к постели, он поручил решение этого вопроса своей жене, и миссис Каустон потребовала от Джона письменного извинения, которое тот и принес. Несколько недель спустя Джон отказал в причастии Софии и ее мужу. Уильямсон воспринял это как личное оскорбление и подал на Джона в суд, требуя компенсации за моральный ущерб в размере 1000 фунтов. Каустон, бывший друг и доверенное лицо Джона, предоставил ему возможность объяснить свои действия. Но как только Джон заявил о своем праве, как священника, не отвечать на данный вопрос, Каустон потерял всякое терпение и заявил, что не успокоится до тех пор, пока Уэсли не откроет свои истинные мотивы. Джон уступил, написав письмо Софии, в котором заявил, что она неправильно проинформировала его о своих планах принять в тот день святое причастие. Он также сообщил, что непозволительно причащаться человеку, который согрешил и не раскаялся в своем грехе.

Своим современникам Джон представлялся благочестивым человеком, лишенным, правда, силы, неизменно сопровождавшей такого рода благочестие. Вскоре, однако, это должно было измениться.

Вскоре ситуация ухудшилась, когда Каустону попало в руки письмо Джона к Софии, и он сделал его достоянием гласности, опуская, правда, те фрагменты, которые не соответствовали его целям, и делая чрезмерное ударение на тех, которые должны были произвести наиболее сильное впечатление на других поселенцев. В ответ Джон написал письмо, которое зачитал на ближайшем публичном богослужении. София, в свою очередь, также выступила с заявлением, в котором утверждала, что Уэсли несколько раз подряд делал ей предложения, на каждое из которых она ответила отказом, а также прозрачно намекнула на множество недостатков своего бывшего жениха. Джон попросил сделать ему копию этого письма, на что Каустон ответил, что текст письма можно найти в редакции любой американской газеты. Это ставило Джона в заведомо невыгодное положение в его попытках добиться справедливости. Для слушания дела нужно было созвать специальную комиссию из пятидесяти человек, однако контингент города был таковым, что набрать удалось лишь сорок четыре человека. Против Уэсли было выдвинуто десять обвинений, из которых лишь одно было правомерным: то, что он общался и переписывался с Софией без разрешения ее мужа. Обвиняемый потребовал, чтобы суд вынес решение безотлагательно, однако слушания растянулись на многие месяцы. За это время финансовые источники Джона иссякли, но он был полон решимости оставаться в Джорджии, невзирая на обстоятельства.

Так прошли еще две недели. После многочасовых размышлений и молитв Джон решил вернуться в Англию. 22 декабря 1737 года он поднялся на борт судна "Сэмюэл", который держал курс к родным для него берегам. И хотя Джон Уэсли был страшно подавлен, он наконец-таки обрел достаточно смирения для того, чтобы искренне приступить к поискам того, чем обладали моравские братья и чего так сильно не доставало ему. Размышляя позже о времени, проведенном в Джорджии, и оплакивая собственное духовное состояние, 24 февраля 1738 года он написал в своем дневнике следующие строки:

Я отправился в Америку для того, чтобы обращать к Богу индейцев, и что же?! Кто обратит к Богу меня самого? Кто исцелит мое собственное израненное сердце? Моя религия достаточно комфортна. Я достаточно красноречив; более того, я даже могу верить самому себе, когда рядом нет никакой опасности. Но стоит смерти заглянуть мне в лицо, как мою душу тут же пробивает дрожь. И я не могу сказать: "Умирая, я побеждаю!".

До сего момента Джон сильно страдал из-за отсутствия четкого представления об истинном призвании, посланном ему Богом. Несмотря на то, что добрые дела не заслуживают порицания, они иногда могут стать препятствием, не позволяющим нам делать то, что действительно является на данный момент самым лучшим. Как и все мы, Джон жаждал человеческого одобрения, но слишком часто он позволял этому желанию становиться помехой в поисках своей истинной цели и предназначения. Он отказался исполнить просьбу отца, который просил своего сына возглавить церковный приход в Эпуорте. Тем не менее, когда его отец оказался на смертном одре, Джон уступил и подал заявление на освобождавшуюся должность, но лишь для того, чтобы в итоге получить отказ. Он отправился в Джорджию, чтобы служить и проповедовать американским индейцам, однако, оказавшись там, с головой погрузился в пучину совершенно иных дел. Когда же его, не спросив, назначили священником в Саванну, Уэсли принял это назначение, чтобы угодить местным жителям, вместо того чтобы ответить им отказом и последовать зову своего сердца. Вера моравских братьев влекла к себе его дух, но он не желал рисковать своим положением или подрывать свой авторитет, отвечая на этот внутренний призыв. Своим современникам Джон представлялся благочестивым человеком, лишенным, правда, силы, неизменно сопровождавшей такого рода благочестие. Слава Богу, что в скором времени все это должно было измениться.

"Я почувствовал в своем сердце странное тепло"

Судно "Сэмюэл", с Джоном Уэсли на борту, бросило якорь в английском порту Даунс спустя несколько часов после того, как оттуда отплыл корабль, на котором в Джорджию направлялся Джордж Уайтфилд. Фактически оба судна разошлись в зоне видимости друг друга, однако добрые

друзья даже не подозревали о том, что находятся столь близко, что могли бы даже перекинуться приветствиями.

Сойдя на берег в Англии и узнав о том, что Уайтфилд отправился в путь лишь несколько часов назад и потому может еще получить от него послание, Джон написал следующие строчки: "Когда я увидел Бога в ветре, который нес тебя в открытое море, а меня - к родным берегам, я спросил у Него совета. Его ответ я и высылаю тебе". Скорее всего, Джон написал возможные варианты этого ответа на нескольких листах бумаги. Полагаясь на Бога, он вытянул один из них, на котором была написана Божья воля для Уайтфилда. Джордж развернул сложенный в несколько раз лист бумаги, на котором было написано просто и незамысловато: "Пусть он вернется в Англию".

После пережитых в Америке неудач Джон, должно быть, посчитал такой совет вполне обоснованным и оправданным. В конце концов, если он не сумел добиться в Америке сколь-нибудь значимого успеха, на что там мог надеяться Уайтфилд? Джордж же, со своей стороны не слишком доверяя подобного рода жребию, обратился к Богу в молитве. И именно в этот момент ему вспомнилась тринадцатая глава Третьей книги Царств, в которой говорилось о пророке, оставившем свое призвание из-за того, что так ему сказал другой человек. Ослушавшись Бога, он вскоре погиб от челюстей льва. Уайтфилд продолжил свой путь, не став всерьез рассматривать совет Джона. Что интересно, Уайтфилд направлялся в Джорджию потому, что ранее Джон сам в письме обратился к нему с просьбой приехать и помочь, ибо "урожай здесь столь обилен, а жнецов так мало".

Спустя четыре дня после своего возвращения в Лондон Джон познакомился с тремя молодыми моравскими братьями - Венцеслаусом Найссером, Георгом Шулиусом и Петером Болером, - которые недавно были посвящены графом Цинцендорфом в духовный сан. Едва познакомившись с Болером, Джон начал общаться с ним исключительно на немецком языке, в результате чего их диалог затянулся не на один месяц.

Общение с Болером снова открыло Джону путь к более близким отношениям с Богом, не сравнимым с теми, которые ему доводилось когда-либо переживать в своей жизни, но в своем сердце он по-прежнему не мог принять многих убеждений моравских братьев, противоречивших его собственным убеждениям. Джон был полон решимости обрести святость через религиозное рвение, твердость и дисциплину, тогда как Болер неустанно подчеркивал тот факт, что человек может получить спасение по одной только вере в Иисуса Христа и что это обязательно будет сопровождаться любовью, миром и радостью в Святом Духе. Джон не представлял, как такое вообще возможно, тем _не менее он не мог просто закрыть глаза на то, чего не понимал.

Уэсли настолько запутался, что даже начал задумываться о том, не будет ли лучше для него прекратить проповедовать до тех пор, пока он не найдет эту веру, вместо того чтобы продолжать делать то, что сам считал лицемерием. Когда Джон поделился своими сомнениями с Болером, поинтересовавшись его мнением, тот ответил, что ему ни в коем случае не следует прекращать проповедовать. "Но о чем мне тогда говорить в своих проповедях?" — спросил Уэсли. На что тут же последовал ответ: "Проповедуй веру, *пока* ты ее не обретешь; а затем ты *будешь* проповедовать веру *потому, что* ты ее имеешь".

Болер отправился с Джоном обратно в Оксфорд, где Чарльз Уэсли начал активно заниматься с ним английским языком. Все больше и больше времени Болер проводил в обществе братьев, поддерживая их стремления по созданию "Методистского общества". Болер писал Цинцендорфу:

Вместе с двумя братьями, Джоном и Чарльзом Уэсли, я отправился из Лондона в Оксфорд. Старший из них, Джон, является весьма добрым и благочестивым человеком. Он знает об изъянах своей веры в Спасителя и желает учиться. Его брат, с которым год назад вы часто общались, в настоящее время испытывает сильные душевные терзания и еще совсем не знает, как ему начать свои отношения со Спасителем.

Братья Уэсли находились под впечатлением горячей убежденности Болера в то, что благодать можно обрести лишь по вере в Господа, а спасение следует сразу же за признанием этой веры и не требует каких-либо продолжительных по времени трудов. "Он собирается лишить меня всего того, чем я жил? Мне больше не на что уповать", - эти слова Чарльза обрели большую известность.

В поисках ответа Джон решил обратиться к Библии и был весьма удивлен тем, что ему удалось обнаружить - прежде всего, в Книге Деяния. Практически каждое упоминание там о спасении подразумевало немедленное избавление, а наиболее "затяжной" представлялась ситуация с

апостолом Павлом - ему потребовались целых три дня. В то время Джону уже исполнилось тридцать пять лет, но он еще ни разу не встречал в Писании подобного рода обетований. Он почувствовал, что внутри у него что-то начало меняться.

"Но, — заметил однажды он, — я вынужден был изменить свое отношение также благодаря наличию перед моими глазами нескольких живых свидетелей, которые наглядно демонстрировали окружающему миру совершаемую в них Богом работу: тотчас же после обращения они обретали такую веру в кровь Сына Божьего, что мгновенно возносились из кромешной тьмы к ярчайшему свету, из греха и страха — к святости и счастью. Здесь и пришел конец моим сомнениям. Я мог лишь воскликнуть: "Господи, помоги моему неверию!"

В скором времени в Лондон приехала еще одна группа моравских братьев, и все вместе они начали проводить регулярные собрания. Болер отправился в Джорджию, сумев наконец-то осуществить свое давнее заветное желание. Джон сильно огорчился по этому поводу, продолжая сомневаться в правильности своей доктрины, что, тем не менее, не мешало ему страстно проповедовать в различных церквах. Какое-то время он даже переписывался с Уильямом Ло, выражая ему свое разочарование отсутствием этого учения в его трудах и предыдущей корреспонденции.

Неожиданное послание пришло от Чарльза, сообщившего о том, что он наконец обрел мир с Богом. Будучи уже второй раз болен плевритом[36] (болезнь ранее угрожала его жизни), Чарльз отправился к человеку по имени Брэй, "бедному необразованному ремесленнику., который знал одного лишь Христа". В его доме 21 мая 1738 года младший Чарльз обрел веру и уверенность в своем спасении, о котором ему ранее говорили Болер и собственный брат. Тотчас же силы вернулись к нему, и он был полностью исцелен.

Джон с радостью узнал о духовном и физическом исцелении брата, однако в тот момент он чувствовал себя настолько недостойным спасения, как еще никогда ранее. Это состояние он выразил следующим образом:

Я чувствую себя *проданным греху.* Я знаю, что не заслуживаю ничего, кроме гнева, будучи полон всевозможных мерзостей. Все мои труды, моя праведность, мои молитвы сами нуждаются в искуплении. Мне нет оправдания. Бог свят, а я грешен. Бог является всепожирающим огнем; я же простой грешник, готовый вспыхнуть и сгореть дотла. Тем не менее, я слышу голос: "Уверуй, и спасен будешь. Кто верует, обретает жизнь вечную". И пусть никто не обольщает нас пустыми словами, что мы уже обрели веру!.. Спаситель человеческий, помоги нам довериться одному лишь Тебе! Притяни нас к Себе! Позволь нам отречься себя и затем наполни нас до избытка миром и радостью, которые дает нам вера в Тебя, и пусть ничто более не отделяет нас от Твоей любви сегодня и в вечности.

Однако 24 мая 1738 года его состояние кардинальным образом изменилось. Лучше всего произошедшие перемены отражают слова самого Джона, записанные им в своем дневнике:

Вечером я с большой неохотой отправился в общество, расположенное на Олдерсгейт-Стрит, где в тот момент читали предисловие Лютера к Посланию к Римлянам. Примерно без четверти девять, когда проповедник говорил об изменениях, совершаемых Богом в сердце человеческом благодаря вере во Христа, я ощутил в своем сердце странное тепло. Я вдруг почувствовал, что доверяю Христу - лишь Ему одному — в вопросе своего спасения, и внезапно обрел уверенность в том, что Он очистил и оградил меня от всякого влияния греха и смерти.

Я начал отчаянно молиться за тех, кто против моей воли жестоко использовал и преследовал меня. Затем я открыто засвидетельствовал всем собравшимся о том, что впервые в своей жизни ощутил в глубине собственного сердца. Однако уже очень скоро объявился враг, который зашептал мне: "Это не может быть верой; ибо, где же в таком случае твоя радость?". Но друзья мне объяснили, что внутренний мир и победа над грехом являются свидетельством веры в нашего Спасителя. Что же касается радости, которой зачастую бывает отмечено начало духовного пути - в особенности же у тех, кто ранее глубоко скорбел, - Бог иногда дает, а иногда удерживает ее в соответствии со Своей святой волей.

По возвращении домой мне пришлось немало бороться со всевозможными искушениями, но я взывал к Господу, и они уходили. Затем возвращались снова и снова. Я часто устремлял свой взор к небу, и Бог "посылал мне помощь из Своих небесных чертогов". И в этом, хорошенько поразмыслив, я увидел разницу между своим настоящим и прошлым состояниями. Да, раньше я усердствовал,

боролся изо всех сил, данных мне как по закону, так и по благодати, но, несмотря на это, подчас - и даже весьма часто - я чувствовал себя побежденным. Теперь же я всегда побеждал.

Четверг, 25. В тот момент, когда я проснулся, в моем сердце звучало, слетая с моих уст: "Иисус, Господь наш". И я понял, что все мои усилия должны быть направлены на то, чтобы смотреть, не отрываясь на Него и ожидать Его не переставая в глубине своей души. Оказавшись к полудню снова в церкви Святого Павла, я почувствовал удивительный вкус Слова Божьего в гимне, начинавшемся словами: "Моя песнь всегда будет исполнена нежной доброты Господа: своими устами я буду передавать Твою истину из поколения в поколение". Но враг и тут попытался напустить на меня страх: "Если ты действительно веришь, почему перемены столь малозаметны?". Я ответил (хотя, нет, все-таки это был не я): "Этого я не знаю. Но я знаю то, что теперь у меня в сердце есть мир Божий. И сегодня я не грешу, а Иисус, мой Господь, запретил мне думать о завтрашнем дне".

Моравские братья дали братьям Уэсли ключ к духовному преображению их народа - рождение свыше. В те времена в Англии получила распространение теология Кальвина, один из постулатов которой гласил, что никому неведомо, будет ли спасен тот или иной человек; а также учение Англиканской церкви о том, что участие в церковных таинствах является обязательным для каждого, кто надеется оказаться в числе избранных ко спасению. Методистское возрождение преобразило Англию, распространяя совершенно новое учение о том, что человек не только может иметь уверенность в спасении, но также может сразу получить это спасение и обрести в сердце мир. Когда же к этому были приложены распространяемые Джоном "методы" достижения святости - включающие в себя создание "объединенных обществ" верующих, регулярно собирающихся вместе, сосредоточенных на молитве, посте и исследовании Писания, - возрождение обрело не только видимые очертания, но также искру Святого Духа и Божью силу - ключи к любым переменам.

Для Джона и Чарльза, неожиданно столкнувшихся с необходимостью отказаться от религиозного аскетизма ради страстного желания и стремления увидеть тысячи заблудших душ, спасенных личной верой во Христа, наступило эпохальное время. Чарльз увлекся написанием христианских гимнов, провозглашавших Божью милость и доброту, что же касается Джона, то он тотчас же приступил к проповеди Благой Вести. В результате этого братья, которые ранее полностью посвящали себя лишь изучению Библии и самодисциплине, теперь были переполняемы страстным энтузиазмом спасать человеческие души. Простота Евангелия стала для них, наконец, очевидной, благодаря чему братья Уэсли, которые ранее не были способны понять и раскрыть его суть, теперь полностью посвятили себя распространению в обществе простой и доступной истины искупительной Божьей любви.

Джон и Чарльз были захвачены новым откровением, согласно которому вера приходит от проповеди истинного Слова Божьего, а вовсе не благодаря участию в таинствах или даже принесению Богу значительных жертв. Джон называл это время вторым по важности поворотным пунктом в своей жизни; первый из них имел место в 1725 году, когда он принял решение посвятить свою жизнь служению и достижению внешней святости. И Джон и Чарльз ликовали от осознания того, что кровью Христа они были освещены раз и навсегда. Наконец-то прекратилась изнурительная внутренняя борьба с целью "принуждения к святости" своей собственной силой воли, благими делами и религиозным рвением.

Для Джона и Чарльза, неожиданно столкнувшихся с необходимостью отказаться от религиозного аскетизма ради страстного желания и стремления увидеть тысячи заблудших душ, спасенных личной верой во Христа, наступило эпохальное время.

Если раньше братья делали ударение на *средствах достижения благодати* посредством "набожных дел" (духовных дисциплин) и "дел милосердных" (добра, сделанного другим людям)[40], то сейчас они проповедовали верующим о средствах достижения милости и благодати, которые можно обрести исключительно верой во Христа, — один лишь Бог может изменить Своих детей через молитву, чтение Библии, размышление о Нем и Святое Причастие. Они учили тому, что именно действующая в нас сила Божьей любви побуждает верующих стремиться к святости внутренней и внешней. Подобные перемены в восприятии духовного мира привели к тому, что братья начали горячо проповедовать необходимость признания и принятия христианами безусловной Божьей любви к человеку, прежде чем они сами начнут любить Его в ответ или же любить своего ближнего

так, как и должно это делать. Кроме того, братья Уэсли учили верующих тому, что принятие Божьей любви и позволение ей течь через каждого из них, в конце концов, неизбежно произведет на свет Божий "всякого рода христианскую благодать, всякого рода святую и исполненную счастья гармонию. А уже из всего этого произойдет единая святость [действий]". Подобно Петру и Павлу, стоило только братьям Уэсли лично ощутить своими сердцами преображенную и возрожденную жизнь, появившуюся благодаря вере во Христа, как они тут же забыли обо всем, кроме полного посвящения себя тому, чтобы как можно больше людей узнали об этой новой и невообразимо яркой жизни.

11 июня 1738 года, спустя восемнадцать дней после своего обращения, Джон выступал с проповедью, озаглавленной им "Спасение через веру", которая была основана на отрывке из Послания к Ефесянам 2:8 *"Ибо благодатию вы спасены чрез веру...",* перед студентами и преподавателями Оксфордского университета. Кроме всего прочего, он сказал:

Каким же тогда образом грешному человеку искупить хотя бы наименьший из своих грехов? Своими собственными делами? Нет. Сколь бы многочисленными или святыми они ни были, все они принадлежат не ему, а Богу. В действительности же все они сами по себе нечестивы и греховны, поэтому каждое из них само нуждается в искуплении. Гнилое дерево приносит лишь гнилые плоды. И сердце грешника так же полностью испорчено и отвратительно; на него, "лишенного славы Божьей", сияющая праведность изначально производит неизгладимое впечатление, коснувшись самых глубин его души, созданной по образу и подобию его величайшего Творца. Следовательно, не имея за душой ничего - ни праведности, ни добрых дел, - его уста остаются закрытыми перед Богом.

Из-за несоответствия строгой кальвинистской доктрине послание Уэсли было воспринято как открытая угроза Англиканской церкви. На протяжении всего последующего года перед Джоном одна за другой закрывались двери всех церквей Лондона и окрестностей. Несмо я на то, что Джон и Чарльз желали сохранить единство христианских церквей, они также чувствовали себя обязанными следовать своим убеждениям и потому продолжали учить и наставлять растущую группу оксфордских методистов. Собрания проходили в небольших комнатах, заполненных до отказа, где Святой Дух свободно двигался, касаясь сердец собравшихся. Ощутив полноту прикосновения животворящего Духа Божьего, Уэсли и его последователи испытывали большие трудности поиска своего места в рамках Англиканской церкви, хотя искренне желали этого. Увы, Англиканская церковь, по всей видимости, окончательно захлопнула перед Джоном свои двери.

Поездка в Херрнхут

В надежде войти в свое истинное призвание Джон решил направиться в саксонский Херрцхут, чтобы там ближе познакомиться с моравскими братьями и самому разобраться в том, как им удалось познать истины о рождении свыше и жизни в Духе Божьем; истины, о которых ни слова не было сказано в трудах Уильяма Ло или Фомы Кемпийского. В июле 1738 года совместно с Ингхэмом, с которым он был в Джорджии, и шестью другими спутниками, Джон отправился в Германию. Путешественники сошли на берег в порту Роттердама, из которого направились дальше в Иссельштайн, где провели следующий день в обществе живших там английских знакомых. На следующее утро они продолжили свой путь, пешком отправившись в Кёльн, затем поднялись вверх по Рейну до Ментца, после чего их путь лежал во Франкфурт, где они были гостеприимно приняты родителями Петера Болера. На следующий день путники достигли Мариенборна, где нашли графа Цинцендорфа в обществе более чем пятидесяти учеников из разных стран. Джон описывал этих людей следующим образом:

Именно здесь я повстречал тех, кого так долго искал - живое свидетельство силы христианской веры; людей, спасенных как от внутреннего, так и от внешнего греха любовью Господа, обильно пролитой в их сердца, а также от всех страхов и сомнений благодаря свидетельству, которое дано было им Самим Духом Святым.

Своему брату Сэмюэлу он писал:

Бог исполнил наконец желание моего сердца. Я нахожусь в церкви, глас которой достигает небес, которая имеет ум Христов и которая идет теми же путями, что и Он. А поскольку у всех у них один Господь и одна вера, их объединяет один дух, дух кротости и любви, который постоянно и неизменно наполняет собой всякое их общение. О, сколь же возвышенна и свята христианская вера!

И насколько же она далека от той, которая является лишь жалким ее подобием, которая не очищает человеческое сердце, не обновляет человеческую жизнь по образу нашего благословенного Искупителя. И мне даже страшно подумать, как это святое имя, по которому нас все узнают и называют, должно быть, хулится среди язычников, когда те видят недовольных христиан, необузданных христиан, обидчивых христиан, приземленных христиан. Да, в заключение необходимо отметить еще тот прискорбный факт, что мы имеем склонность уделять слишком большое внимание всяческим мелочам, тогда как окружающие видят христиан, осуждающих друг друга, высмеивающих друг друга, злословящих друг друга, увеличивающих бремена друг друга, вместо того чтобы их нести.

Джон и его спутники провели там две недели, неустанно наполняясь новыми откровениями, после чего направились в Херрнхут, до которого добирались еще одиннадцать дней. В то время Херрнхут насчитывал около ста жилых домов, обитатели которых на протяжении уже более десятилетия продолжали - двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю - свое молитвенное служение. Хотя многие из их обычаев и показались Джону весьма странными, особый дискомфорт причиняла ему "апостольская" власть, которой Цинцендорф обладал над каждым из горожан. Даже несмотря на то, что их четко и строго организованный уклад жизни сильно походил на монашеский, Джон с удивлением и радостью обнаружил ту же любовь, которая так сильно восхитила его среди учеников Цинцендорфа в Мариенборне. В Херрнхуте Джон задержался еще на две недели, после чего пешком отправился обратно в Англию. Невзирая на то, что Уэсли с огромным уважением относился к моравским братьям и их учению, он понял, что вряд ли сумеет найти свое место в их общине и приспособиться к существующим между ними культурным различиям. Он объяснил это тем, что недостаточно их понимал, но также подобные противоречия могли существовать и по той причине, что Бог приготовил для него нечто иное. Покидая Херрнхут, Джон писал: "Я бы с радостью провел здесь всю свою жизнь, но мой Господь призывает меня к труду в другой части Своего виноградника, и потому мне приходится с сожалением оставить это благословенное место". Он вернулся в Лондон 16 сентября, все еще жаждущий найти свое призвание, которое мог бы выполнять до конца своих дней.

Эти шумные методисты

В новогодний день 1739 года к братьям Уэсли присоединились Уайтфилд, который незадолго до этого вернулся из Джорджии, где нес свое служение, а также Ингхэм и еще около шестидесяти других христиан, желающих разделить трапезу в атмосфере любви и взаимопонимания, как это было принято среди моравских братьев. Полночь они встретили в молитве и поклонении Богу. До самого утра они решили горячо искать Божьей воли и просить о Его водительстве. И вот, приблизительно в три часа ночи сила Божья излилась на них весьма необычным образом. Неожиданно все присутствующие упали на пол, плача и крича от радости. Затем они "воскликнули в один голос: "Мы славим Тебя, Боже, мы признаем Тебя своим Господом[1,46]. Их охватило обновленное чувство сострадания к погибающим, а любовь, которую они испытывали к заблудшим и потерянным душам, наполнила их неутолимым желанием посвятить всю жизнь без остатка несению Евангельской Вести. Уайтфилд описал происходящее следующим образом:

В действительности, это была самая настоящая Пятидесятница: иногда целые ночи напролет мы проводили в молитве. Часто мы будто наполнялись новым вином, и я видел всех переполненными присутствием Божьим, восклицая при этом: "Будет ли действительно Господь жить среди людей на этой земле? Сколь поразительным будет это место? Оно будет столь же великолепным, как обитель Божья и небесные врата!".

В последующие месяцы им еще не раз понадобятся те смелость и твердость, с которыми они расходились по домам после наполненных Удивительными чудесами ночей. Посланные Святым Духом откровения очень скоро помогут участникам "Пятидесятницы" - в особенности Джону, Чарльзу и Джорджу - открыть для себя абсолютно новые, неведомые ранее высоты служения. В этот год началось великое Методистское возрождение, или, иными словами, Великое пробуждение.

Изначально с недоверием отнесшийся к "полевому проповедованию "Джон вскоре с нетерпением ожидал каждой возможности выступить с проповедью под открытым небом.

С этого времени из-за значения, которое братья Уэсли и их последователи придавали делам и служению Святого Духа, окружающие люди стали называть эту группу "энтузиастами". Их собрания были эмоциональны и непредсказуемы. В те времена широко распространен был печатный памфлет, в котором греческое слово "энтузиаст" интерпретировалось как "одержимый Божественным духом". Считая, что "энтузиасты" стали жертвами нечистого духа, Англиканская церковь захлопывала перед ними все двери. Это, однако, не повергло друзей в уныние, потому что Бог уже сеял в сердце Уайтфилда семена понимания того, что ждало их впереди. Однажды, когда здание, в котором проводилось богослужение, было переполнено и многие люди вынуждены были находиться на улице, Уайтфилд также вышел наружу и, взобравшись на постамент, обратился к сотням, жаждавшим слышать Божье Слово. Вскоре он начал регулярно выступать с подобными проповедями под открытым небом, которые собирали столько людей, сколько не могло вместить ни одно здание во всей Британии.

К весне 1739 года по настоятельным просьбам Уайтфилда Джон решил также вынести свои проповеди за церковные двери, прямо на улицу. В марте он последовал за своим другом в Бристоль. Там Уайтфилд без остатка отдавал себя служениям на свежем воздухе, проходившим как в самом городе, так и в его густонаселенных пригородах, стремясь коснуться сердец населявших их многочисленных шахтеров и корабелов. 29 марта Джон и Чарльз вместе с Уайтфилдом отправились на городскую площадь, намереваясь поделиться словами веры с каждым жаждущим. Вскоре после того, как Уайтфилд произнес первые слова, вокруг них, движимая простым любопытством, собралась шумная толпа. Надо заметить, что Джон не горел особым желанием проповедовать под открытым небом. Были ли сердца собравшихся готовы к тому, чтобы услышать святые истины, которые он готовился произнести? В душе Джона царила неуверенность и неопределенность. Напротив, Уайтфилд без стеснения использовал любую подвернувшуюся ему возможность, говорил уверенно и смело, вдохновляя слушателей Словом Божьим. Подняв глаза и осмотревшись по сторонам, Джон был глубоко тронут: перед ним простиралось море людей, исполненных нестерпимой жажды по Слову.

На следующий день Джон отправился за город, взобрался там на небольшой холм и впервые в своей жизни сам выступил под открытым небом с проповедью, которую слушали, по оценкам современников**,** три тысячи человек. Его проповедь была основана на Евангелии от Луки 4:18-19:

Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное.

С того самого дня Дух Господень всегда был на нем, побуждая и вдохновляя проповедовать Евангелие беднякам.

Джон был восхищен и так сильно вдохновлен полученным опытом, что с нетерпением ожидал следующей возможности проповедовать под открытым небом. Испытав однажды ни с чем не сравнимый трепет "полевого проповедования", Джон понял, что дороги назад для него уже нет. Он обрел благодарных слушателей, и даже несмотря на то, что они не всегда понимали его слова, он знал, что они больше всего нуждались именно в том, чем он собирался с ними поделиться. Говоря словами Бэсила Миллера, биографа Уэсли, "там была толпа людей, на которую провозглашаемое им послание сошло, подобно ярчайшему свету с небес, и он не мог отказать им в этой возможности лично прикоснуться к Христу". С этого момента и практически до самой смерти Джон проповедовал каждому, кто готов был его выслушать, причем делал это не просто ежедневно, но зачастую по три и даже по четыре раза в день. Джон проповедовал везде, где только мог, - в амбарах, на полях, на городских площадях. Когда Дух Святой нисходил на толпы слушателей, они начинали воздавать хвалу Господу, восклицать от радости и падать на землю, будучи не в силах противостоять Божьему Духу. Один из свидетелей тех событий написал следующее:

Богохульники молили о милости; грешники падали ниц, охваченные неведомой им ранее глубочайшей верой; даже простые прохожие были сокрушены. Один врач исследовал случай с женщиной, которую он знал не один год. Когда он увидел, как все ее лицо покрылось каплями пота, а тело задрожало, он тотчас понял, что это было не физическим недомоганием, а свидетельством работы Духа Божьего.

Подобного рода случаи стали повторяться в Бристоле регулярно - как в общественных зданиях, так и под открытым небом. Люди, чьи глаза открывались на совершенные ими грехи, возносили свои мольбы к Богу, словно бы находясь на смертном одре. За них молились, и они поднимались с колен, утешенные Богом, своим Спасителем.

Одним из таких людей был ткач Джон Хэйден, известный в городе как преданный Богу церковный староста. Услышав о чудесах, происходивших на служениях Джона, он пришел, чтобы увидеть их собственными глазами. Однако собрание не произвело на него особого впечатления. По возвращении домой он принялся убеждать своих друзей в том, что все это обман и заблуждение. На следующий день, сев обедать, он закончил чтение взятой у кого-то проповеди "Спасение верой". Прочитав последнюю строку, он, изменившись в лице, рухнул со стула, затем начал кричать и биться о пол. Свидетели произошедшего немедленно позвали на помощь братьев Уэсли, которые не замедлили явиться. К этому моменту дом уже был полон людей. Состояние Хэйдена оставалось неизменным. Его жена сначала пыталась выставить всех за двери, но сам Хэйден, видя это, кричал: "Нет, пусть приходят, пусть весь мир видит справедливый суд Божий". Когда в комнату вошел Джон Уэсли, Хэйден тотчас же заявил присутствующим: "Смотрите, это тот, кто, по моему мнению, является обманщиком людей. Но Бог овладел мною. Я говорил, что это обман; но это не так". Затем он зарычал: "Дьявол! Ты, проклятый дьявол! Да, ты целый легион бесов! Ты не можешь здесь более оставаться. Христос вышвырнет тебя отсюда! Я знаю, что Его труд уже начался. Если хочешь, рви меня на части; но ты не сможешь причинить мне никакого зла". Едва вымолвив эти слова, он снова начал биться о землю, тяжело дыша и обливаясь потом. Братья Уэсли и их спутники тут же стали искренне молиться, не останавливаясь до тех пор, пока приступы не прекратились и Хэйден не почувствовал облегчение. Вечером того же дня Джон вернулся к Хэйдену и обнаружил, что тот, ослабевший и все еще не способный вымолвить ни слова, был переполнен спокойствием и дарованной ему Святым Духом радостью.

Похожие события стали происходить также в Лондоне и Ньюкасле когда служение Джона распространилось на эти города. Несмотря на то, что Джордж и Чарльз были куда более горячими и эмоциональными проповедниками, подобного рода происшествия редко случались во время их собраний. Джон говорил спокойно и сдержанно, но, казалось, его слова проникали в самое сердце слушателей.

Поскольку сила Божья проявлялась во время этих собраний, проповедников все чаще начали приглашать помолиться за больных и одержимых**.** Следующий отрывок из дневника Джона рассказывает **об** одном таком случае:

Четверг, 25 [октября 1739 года]. Меня попросили помочь одной женщине в Бристоле, которая прошлым вечером почувствовала себя плохо. (Об этом случае я не могу не упомянуть, поскольку сам был его свидетелем.) Она лежала на земле, яростно скрежеща зубами, а спустя какое-то время громко зарычала. С превеликим трудом ее удерживали три или четыре человека; особенно же тяжело им приходилось, когда я произносил имя Иисуса. Мы помолились; она немного успокоилась, хотя симптомы и не исчезли окончательно.

Вечером, когда меня снова попросили зайти к ней, я не очень- то этого хотел — вернее сказать, боялся, полагая, что вряд ли сумею ей помочь. (Вот если бы кто-либо сильный в вере походатайствовал перед Богом о ее судьбе.) Я открыл свою Библию на следующих словах: "И, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле". Мне стало стыдно, и я немедленно отправился к ней. Еще до того как я вошел в комнату, одержимая начала кричать, затем разразилась каким-то жутким смехом, прерывавшимся страшными богохульствами, которые мне противно было слышать. Тот же, кто сверхъестественным образом поселился в ней, на вопрос "Как ты посмел войти в христианку?" ответил: "Она не Христова. Она моя". На вопрос "Разве ты не трепещешь при имени Христа?" не последовало ни слова, но женщина откинулась назад и вся задрожала. На вопрос "Не думаешь ли ты, что тем самым лишь усиливаешь свое собственное проклятие?" послышалось едва уловимое: "Ай!". После чего была излита очередная порция проклятий и богохульств.

Когда в комнату вошел мой брат, она завопила: "Проповедник! Полевой проповедник! Я ненавижу полевую проповедь". Это длилось без остановки еще два часа, сопровождаясь шипением и прочими проявлениями сильной антипатии.

Мы покинули ее дом в двенадцать, но в полдень, в пятницу, 26-го, снова были у нее. И Бог показал, что услышал наши молитвы. От ее мучений не осталось и следа - она был переполнена миром и осознанием того, что сын тьмы оставил ее.

В другом случае Джона пригласили к мужчине, находившемуся на смертном одре:

Среда, 15 [декабря 1742 года]. Я проповедовал в Хорслиапон-Тайн, что в восьми милях от Ньюкасла. Было около двух часов дня. Несмотря на мороз, мы служили на свежем воздухе. Потом я проповедовал вечером и следующим утром. После этого мы решили возвращаться домой, так как за день до этого после поездки верхом сильно простудились. Я постепенно шел на поправку, но здоровье мистера Мейрика только ухудшалось, и в пятницу он слег в постель...

Понедельник, 20. Мы заложили краеугольный камень в фундамент дома. Чтобы увидеть это, отовсюду прибыло множество людей, но никто из них не смеялся и не прерывал нас, когда мы славили Бога и молились, чтобы Он благословил дела наших рук. Тем вечером три или четыре раза я был вынужден прервать свою проповедь, чтобы мы могли помолиться и поблагодарить Бога. Когда же я вернулся домой, мне передали слова врача, который глубоко сомневался в том, что мистер Мейрик доживет до утра. Я подошел к нему, но у него уже даже не прощупывался пульс. Какое-то время он лежал безмолвно и неподвижно, но как только мы обратились к Богу с молитвой (я излагаю голые факты), практически сразу же больной пришел в себя и заговорил. Итак, многие могут попытаться объяснить это естественными причинами, но лично я могу сказать лишь одно: "Это было очевидное проявление силы Божьей".

Врач сказал мне, что он ничем больше не может помочь; мистер Мейрик вряд ли доживет до утра. Я поднялся наверх и нашел всех оплакивающими его; его ноги были холодны, и, казалось, душа уже покинула тело. Мы все преклонили колени и воззвали к Богу с воплями и слезами. Мейрик открыл глаза и позвал меня. С этого самого момента он пошел на поправку, восстанавливая утраченные силы до тех пор, пока полностью не выздоровел[52].

Братьям Уэсли пришлось столкнуться с теми же проблемами, что и современным пятидесятникам и харизматам: как отличить благочестивые ощущения милости Божьей от бесовских и эмоциональных проявлений. Нет необходимости говорить, что они действовали, движимые силой Святого Духа, и это помазание, вне всякого сомнения, влияло на их проповеди — а также порой вызывало целый шквал недовольства и критики.

Уэслианское возрождение прославилось своим шумом и эмоциональным накалом. Его участники стали известны как "шумные методисты", потому что издаваемые ими крики в буквальном смысле прерывали проповеди, из-за чего собрания зачастую выглядели хаотичными и неуправляемыми. В своих дневниках Джон следующим образом описывает эти собрания:

Суббота, 16 [июня 1739 года]. Мы встретились на Феттер-лэйн, чтобы смириться перед Богом и признать, что Он справедливо лишил нас Своего Духа за множественные случаи нашего неверия Ему. Мы раскаялись в том, что нередко огорчали Его своими разделениями, говоря "я Павлов, а я Аполлосов"; тем, что полагались на самих себя и собственные труды, вместо того чтобы всецело довериться Христу; тем, что довольствовались малыми ростками святости, тогда как Ему хотелось видеть буйные всходы; и, прежде всего, недооценивая совершаемые Им средь нас дела, приписывая их природе, силе воображения, животным духам и даже действию дьявольских сил. В то время мы видим, что Бог находится посреди нас, как и в самом начале. Некоторые люди падали и простирались ниц прямо на земле. Другие же начинали одновременно во весь голос прославлять и благодарить Господа. А многие открыто утверждали, что подобного дня не было с начала этого года.

Один из свидетелей так описал одно из служений 1746 года: "Собрание, казалось, пребывало в некотором замешательстве и случайному свидетелю могло показаться скорее сборищем пьяниц, а не поклоняющихся Богу людей". Один из новообращенных христиан писал: "Я думал, что все они сошли с ума, таких глупцов мне ранее еще не доводилось видеть. Они топали ногами, хлопали в ладоши и тряслись, а также стенали и громко кричали". В своей книге "Новые мистики" *(The New Mystics)* Джон Краудер писал, что собравшиеся рассматривали громкие крики как одну из форм духовной борьбы, "как акт поклонения, изгонявший дьявола прочь из собрания".

Во время совместных поездок с братом Чарльз начал писать религиозные гимны, основанные на проповедях Джона. Казалось, что Чарльз сочинял новые песни столь же часто, как Джон — новые проповеди. С полным правом можно утверждать, что Джон обладал даром учителя, тогда как Чарльз

имел дар псалмопевца. Старший из братьев вводил людей в Божье присутствие через проповеди, младший — через гимны. Чарльз был настолько плодотворен, что менее чем через год опубликовал свой первый песенник, за которым последовало еще несколько. Вот как однажды сам Джон описал Чарльзу сложившиеся между ними отношения: "В каком-то смысле я являюсь головой, тогда как ты - сердцем нашей работы". Гимны и проповеди, составленные братьями Уэсли, стали тем фундаментом, на котором позже были построены все методистские доктрины и религиозная практика. Вскоре братья начали использовать печатный станок, с помощью которого существенно расширили свое служение. Они стали одними из первых проповедников, которые активно выпускали большими тиражами не только печатные проповеди, но также гимны, сборники религиозных чтений и даже ежемесячный журнал. Эти нетрадиционные формы изучения Библии и коллективного поклонения оказались столь эффективными, что через них каждый день сотни людей приходили к Христу.

Важно отметить, что, несмотря на все попытки Англиканской церкви выставить братьев за двери, Джон и Чарльз никогда не покидали этой конфессии. Для них методизм был продолжением англиканства - даже несмотря на то, что обе доктрины зачастую противоречили друг другу. Джон, к примеру, никогда не позволял членам своего общества собираться по воскресеньям, опасаясь, как бы эти собрания не заменили для верующих англиканские службы, и доконца своих дней так и не отказался от должности англиканского священника. И хотя отношения братьев Уэсли с Англиканской церковью становились все более и более напряженными, а сами они смотрели исключительно на Бога и в глубь собственных сердец, связь методистов с Англиканской церковью до самой смерти братьев не была официально разорвана ни с той, ни с другой стороны.

"Весь мир - мой приход"

В 1740 году Джон Уэсли организовал свой самый первый штаб в здании, в котором ранее находился литейный цех, где изготовлялись артиллерийские орудия. К тому моменту, когда Уэсли приобрел это строение и сделал его первой официальной резиденцией Лондонского методистского общества, оно не использовалось уже двадцать лет и потому представляло собой весьма жалкое зрелище. Бывший цех был достаточно просторен, чтобы вместить полторы тысячи человек, поэтому очень скоро он превратился в место встреч, школу и социальный центр. Вскоре после основания центра в Лондоне Уэсли открыл еще одно представительство в Бристоле, городе, где он впервые проповедовал под открытым небом, а также в Ньюкасле, создав, как сам Джон назвал это, "широко раскинувшуюся треугольную базу, покрывшую собой всю Англию - от Бристоля до Лондона и далее до Ньюкасла".

Несмотря на все попытки Англиканской церкви выставить братьев за двери, Джон и Чарльз никогда не покидали этой конфессии.

Делясь с людьми Божьим Словом и просвещая своих слушателей через проповеди и пение гимнов, братья Уэсли собирали все большие и большие аудитории. В первые дни уже в восемь часов утра количество их слушателей насчитывало от пяти до шести тысяч человек. По вечерам людей собиралось гораздо больше. Когда горожане и фермеры слышали о том, что братья Уэсли направляются в их местность, они массово стекались со всех окрестностей, чтобы лично услышать яркие проповеди Джона и прекрасные, будто льющиеся с небес, гимны Чарльза. Однако успех зачастую был сопряжен с гонениями, и люди, собиравшиеся для того, чтобы услышать братьев Уэсли, подвергались избиению, угрозам, их выталкивали взашей за городские ворота. Все эти нападки Джон и Чарльз встречали с удивительной стойкостью и поразительным спокойствием. Однажды, спасаясь от разгневанной толпы, Джон прыгнул в холодный пруд, переплыл на другой берег и там, как ни в чем не бывало, продолжил свою проповедь. Он обладал поистине невероятной способностью успокаивать враждебно настроенную толпу и переубеждать даже самых агрессивных противников. Джон настолько любил грешников, что считал своих самых злобных гонителей теми, кто нуждался в нем больше всего. Нисколько не сомневаясь в данном ему Богом призвании, он писал:

Бог в Писании приказывает мне - в соответствии с тем, что мне дано, - наставлять несведущих, исправлять нечестивых, утверждать праведных. Люди запрещают мне делать это в других приходах; фактически запрещают мне заниматься этим вообще, поскольку я не имею своего прихода и вряд ли вообще буду иметь его. Кого же мне тогда слушаться, Бога или людей?

Весь мир я считаю своим приходом. Под этим я подразумеваю то, что, в какой бы его части я ни находился, я считаю своим правом и своей священной обязанностью провозглашать радостную весть о спасении каждому, кто желает ее слышать.

Обычно Джон проповедовал три раза в день, путешествуя верхом на лошади на расстояние до двадцати миль. Начинал он свое служение с пяти часов утра, чтобы коснуться сердец крестьян, направлявшихся на поля. Второй раз он проповедовал в полдень, в обеденный перерыв, после чего обращался к людям еще и вечером. Погода никак не могла повлиять на это расписание: братья оставались верны себе и Богу, невзирая на внешние обстоятельства. Джон также писал о неоднократных чудесных исцелениях. В одном из таких случаев он был так сильно болен, что не мог даже приподнять свою голову. Он писал:

Пятница, 8. Я почувствовал сильное недомогание. Тем не менее, я заставил себя проповедовать вечером; но уже в субботу я был настолько обессилен, что несколько часов подряд едва мог пошевелить головой. В воскресенье, 10-го числа я был вынужден пролежать в кровати большую часть дня, чувствуя себя более или менее сносно лишь в горизонтальном положении. Но вечером немощь внезапно оставила меня, причем произошло это в тот момент, когда я призывал грешников к покаянию. Когда же мы наслаждались общением друг с другом, к мучившим меня болям в спине и голове и к сильной лихорадке присоединился такой страшный кашель, что я едва мог говорить. В этот момент я вдруг вспомнил следующие слова Иисуса: "Уверовавших же будут сопровождать сии знамения..." (Марка 16:17). Я громко призвал Господа, попросив его "умножить мою веру" и "подтвердить слова Его милости". Пока я говорил, моя боль чудесным образом исчезла; лихорадка оставила меня; силы вернулись; и на протяжении многих последующих недель я не испытывал ни боли, ни слабости. "Тебя, Господь, я благодарю".

Некоторое время спустя Уэсли писал:

Когда мы с мистером Шефердом покинули Смитон, моя лошадь так сильно захромала, что я рисковал в любую минуту свалиться на землю. Мы никак не могли понять, что с ней случилось - к тому времени лошадь уже с трудом держалась на ногах. Одолев так около семи миль, я чрезвычайно устал, и у меня так разболелась голова, как не болела уже несколько месяцев. (Здесь я описываю лишь голые факты: пусть каждый благочестивый человек примет их на веру.) Затем я подумал: "Разве Бог не может исцелить любого человека или зверя всеми возможными и даже невозможными способами?". И тотчас же слабость без следа исчезла, так же как и головная боль, а лошадь перестала хромать. Более того, она больше не хромала ни в этот день, ни в последующие дни.

Подчас братья Уэсли покрывали до шестидесяти миль, чтобы без опоздания являться туда, где их ждали. Они без устали путешествовали, встречаясь с людьми в разных уголках Англии, узнавая их нужды и стараясь помочь им духовно, душевно и физически.

Разделение в среде верующих

В то время как Англию постепенно охватывал огонь Методистского возрождения, в Лондоне возникли проблемы. Моравский служитель Филипп Генри Мольтер, направлявшийся в Пенсильванию, в октябре 1739 года ступил на английскую землю и практически сразу своим учением внес сумятицу в ряды местных христиан. Как это уже происходило с различными христианскими движениями, верующие начали спорить о том, кто из них от Бога, а кто — нет. И моравские братья, и методисты, несомненно, были детьми Божьими, хотя наверняка и те и другие в равной степени заблуждались. Моравские братья считали, что их служение в Великобритании было таким же посольством в заблудшем народе, как и в Америке. Граф Цинцендорф, в общем-то неплохой человек, был просто не в состоянии признать кого-либо, даже братьев Уэсли, равными себе. Несмотря на свое уважение к графу, братья Уэсли не собирались подчинять методизм учению моравских братьев.

Таким образом, Филипп Мольтер начал проповедовать о том, что спасение приходит через веру, которая является величиной абсолютной: либо человек имеет в сердце Божий мир и радость,

даруемые спасением, либо же он этого просто не имеет. Спасение невозможно обрести никакими стараниями, требуется лишь ждать, пока его дарует Бог, - "застыв" при этом на месте. Это ожидание не включает в себя ни молитву, ни добрые дела, ни изучение Писания. Мольтер дошел даже до того, что стал утверждать, будто бы последователи Петера Болера, проповедовавшего, что вера может расти до тех пор, пока не приведет человека к спасению, заблуждались, тщетно надеясь быть принятыми Богом. Братья Уэсли тоже учили тому, что спасение приходит через веру, но также они утверждали, что вера возрастает через молитву, пост, изучение Слова Божьего и добрые дела. Несмотря на то, что различия между практическим применением обеих доктрин были минимальными, очень скоро они вбили клин в отношения между братьями Уэсли и Обществом узкого пути, где Мольтер был частым и желанным гостем.

В то время как братья Уэсли неустанно проповедовали в Лондоне и за его пределами, позиции моравских братьев становились все более прочными. Однажды какой-то фанатик провозгласил, что во всей Великобритании было лишь два истинных Божьих служителя: Мольтер и Джеймс Белл (один из лидеров упомянутого выше Общества). Он также заявил, что все истинные христиане находились только и исключительно в моравской церкви. К июню 1740 года Общество узкого пути приняло решение запретить братьям Уэсли проповедовать в своих церквах. И хотя Джон и Чарльз изо всех сил пытались предотвратить надвигавшийся раскол, Мольтер и его сторонники и не думали идти им навстречу. Увидев тщетность своих усилий, Джон и Чарльз решили полностью посвятить себя тому, к чему их призвал Бог, хотя время от времени они предпринимали попытки восстановить разорванные связи. Среди тех, кто порвал с методистами и присоединился к моравским братьям, были два человека, которые вместе с братьями Уэсли служили в Джорджии, - Ингхэм и Деламотг, - а также несколько основателей "Святого клуба". Как позже сказал Джон: "Удивляюсь, как мне уда лось устоять и не присоединиться к этим людям. Стоит мне только увидеть кого-либо из них, и в моем сердце тотчас же вспыхивает пламя. Я безумно хочу быть рядом с ними. И, тем не менее, я вынужден находиться от них на почтительном расстоянии".

Разрыв с моравскими братьями, как подтвердило время, оказался правильным шагом, поскольку разделения тормозили пробуждение, и теперь оно снова набирало силу. К 1743 году количество методистов в Лондоне достигло 1950 человек, тогда как число моравских братьев не превышало семидесяти двух человек.

В те несколько месяцев, которые предшествовали выступлению Мольтера, семена раздора были посеяны также между братьями Уэсли и Уайтфилдом. В марте 1740 года Джон выступил с проповедью под названием "Дарованная благодать", в которой он говорил: "Благодать или любовь - Божья когда дело касается нашего спасения, ДАРОВАНА ВСЕМ И КАЖДОМУ". Эти слова полностью противоречили кальвинистской доктрине предопределения, широко распространенной в те дни, и Уайтфилд не замедлил подвергнуть сомнению истинность проповеди Джона.

Братья Уэсли учили тому, что спасение приходит через веру, которая укрепляется через молитву, пост, изучение Слова Божьего и добрые дела.

Джон и Чарльз изо всех сил стремились понять Евангелие спасения через веру, а также влияние свободной воли на обретение веры, взгляды же Уайтфилда характеризовались упованием на откровение спасающей силы Божьей и верой в то, что Бог благословил его и включил в число избранных. В то время как Джон и Чарльз нуждались в освобождении от доктрины предопределения, чтобы обрести спасение, Джордж Уайтфилд надеялся быть спасенным и без этого! И хотя Джордж был не менее помазанным евангеликом, чем Джон, он не был теологом, подобно своему другу.

Когда противоречия достигли критической отметки, в августе 1740 года Уайтфилд отправился в Америку, держа путь, прежде всего, в Новую Англию, землю пуритан-кальвинистов. Пока его письма, в которых подвергалась критике проповедуемая Уэсли доктрина свободной воли (названная "арминианизмом" - по имени одного из ее сторонников, голландского геолога Якоба Арминиуса (1560-1609)), пересекали Атлантику, Уайтфилд мог подробно ознакомиться с данной темой лишь по книгам, рекомендованным его окружением - пу- ританами-кальвинистами. Когда в 1740 году Джон опубликовал свою проповедь, в которой публично отверг совет Уайтфилда, напряженность в отношениях между ними лишь возросла. Уайтфилд написал ответ, в котором горячо защищал

предопределение, на что Джон отреагировал публикацией в Америке "Дарованной благодати". Чарльз отразил доктрину брата в своих гимнах, дав одному из них название "Борющийся Иаков" и выделив большими буквами первую его строчку: "ТЫ - ЧИСТАЯ ВСЕЛЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ". Когда в том же году Уайтфилд был приглашен выступить в помещении бывшего литейного цеха, который братья Уэсли превратили в свою штаб-квартиру, он высыпал на их раны еще большее количество соли своей проповедью об "абсолютной истинности [предопределения], произнесенной в максимально безапелляционной и оскорбительной манере", в то время как Джон и Чарльз могли лишь сидеть и бессильно взирать на происходящее. Затем в январе 1741 года свет увидел **анонимный*** памфлет, озаглавленный "Истинно дарованная благодать!", в котором высмеивалась позиция братьев Уэсли.

* Автором этого произведения оказался некто Дж. Освальд, о котором практически ничего неизвестно. Памфлет был переиздан в Новой Англии не кем иным, как Бенджамином Франклином, ставшим близким другом Уайтфилда.

После этого раскол стал окончательным. Великое пробуждение, выросшее из посеянных моравскими братьями семян, которые Джон и Чарльз Уэсли обильно поливали и взращивали совместно с Уайтфил- дом, разбилось натри отдельных движения: "Объединенные общества" братьев Уэсли, "Кальвинистский методизм" Уайтфилда и моравианизм. В скором времени Уайтфилд основал свою Скинию, которая расположилась на той же улице, что и литейный цех, подобно тому, как "Бургер Кинг" открывает свои рестораны вблизи "Макдональдсов". На протяжении нескольких последующих десятилетий методизм следовал параллельными путями, будучи разделен кальвинизмом.

Следует, однако, отметить, что раскол был спровоцирован скорее борьбой за лидерство, чем доктринальными расхождениями. Уайтфилд, получив широкое признание в Америке, по сравнению с которым меркли любые аудитории, собираемые Джоном и Чарльзом, не желал и далее подчиняться братьям; тогда как сами братья Уэсли не хотели признавать своим главой бывшего ученика. И опять же следует отметить, что споры между ними существовали больше на бумаге, чем на практике. Например, Джон допускал, что Бог мог действительно приблизить к Себе некоторые души, хотя и считал спасение доступным каждому. Кроме того, именно братья Уэсли подчеркивали важность добрых дел для достижения высшей степени святости (кальвинисты назвали бы это свидетельством своего избрания), тогда как в момент наибольших разногласий Уайтфилд выступил в шотландском Глазго с проповедью "Приди, бедный, заблудший, обессиленный грешник", призывая слушателей:

Распахните врата сердец, чтобы Царь славы, благословенный Иисус, мог войти и воздвигнуть Свое Царство в вашей душе. Освободите место для Христа; Господь Иисус желает разделить сегодня с вами Свою вечерю; Христос желает войти в сердце каждого из вас, кто искренне захочет этого и примет Его.

Хотя обращение к кальвинизму способствовало теплому принятию Уайтфилда в среде американских пуритан, для массовой проповеди это учение не всегда оказывалось приемлемым, поэтому на практике легче было призывать людей приходить к Иисусу по своей воле, позволяя Богу Самому решать, кому предопределено быть спасенным, а кому - нет.

Несмотря на то, что оба лагеря больше никогда не соединились, враждебность между Уайтфилдом и братьями Уэсли к 1742 году практически исчезла. На самом деле гораздо ожесточеннее дискутировали не они сами, а их последователи. Вскоре после всех этих событий Уайтфилд и братья Уэсли просто договорились, невзирая на существующие между ними разногласия, не позволять чему-либо влиять на их дружбу. Таким образом, к 1749 году они снова стали выступать и служить на одних и тех же конференциях.

Братья Уэсли идут дальше

Отрицание братьями Уэсли доктрины предопределения и мистической интерпретации моравскими братьями "спасения по одной лишь вере" стало фундаментом для продолжавшегося роста и развития методизма. Если Божье спасение доступно всем и каждому, тогда никакие классовые ограничения не должны препятствовать чьему либо членству в Уэслианском обществе! Эта позиция значительно расходилась с ограничениями Англиканской церкви относительно того, кто имел право посещать богослужения и участвовать в таинствах. Если же вера являлась бесплатным даром, способным расти

и развиваться, это означало, что "методы", практиковавшиеся во время собраний объединенных обществ (регулярная молитва, чтение Библии, пост и добрые дела, направленные на помощь бедным, сиротам и заключенным), по-прежнему представляли собой исключительную важность. Таким образом, братья Уэсли не только проповедовали Евангелие, но также организовывали общества, заботясь о том, чтобы на земле - как и на небесах - Божья воля свершилась для всех и каждого.

В тех местах, где атаки на них были наиболее яростными, всего лишь несколько лет спустя братья Уэсли встречали самый теплый прием и получали наивысшие почести.

В 1742 году братья Уэсли основали в Ньюкасле детский приют и воскресную школу. Четыре года спустя, в 1746 году, они открыли в Лондоне первую из многочисленных медицинских клиник для бедных. Приблизительно в это же время Джон начал использовать доходы от публикаций своих проповедей для финансирования клиник. Он нес свое служение ради тех, кто трудился в работных домах, призывая их к чистоте, праведности и бережливости. Во время одной из своих проповедей он произнес следующие слова: "Неряшливость не является частью религии... Чистота же, действительно, следует сразу за праведностью"[65]. Джон учил бедных тому, что они могут совершенствовать себя изнутри, вместо того чтобы уповать на помощь государства. Более того, он принял решение привести в церковь не только нищих и страждущих, но также невоцерковленных рабочих, от которых отвернулась Англиканская церковь из-за отсутствия у них приличных манер и достойного поведения.

Речь идет о бандитах и хулиганах, которые первые десять лет служения братьев Уэсли больше всего причиняли им неприятностей. Несмотря на это, Джон и Чарльз встречали гонения с таким достоинством и смирением, что со временем нападки их недоброжелателей прекратились, а в тех местах, где атаки на них были наиболее яростными, всего лишь несколько лет спустя братья Уэсли встречали самый теплый прием и получали наивысшие почести. Для историков это всегда оставалось загадкой. Ригг, биограф Джона Уэсли, в 1891 году писал:

Его героизм был беспрецедентен; самообладание ни на мгновение не покидало его, а спокойствие было непоколебимым. Подобная смелость вкупе с самообладанием и праведностью в столь опасных, угрожающих ситуациях была невыносима для его преследователей, где бы те ни находились. В конце концов он всегда торжествовал.

Рассказы тех лет полны свидетельств о бунтарях и их главарях, вынужденных замолчать или обращенных в бегство людьми, собиравшимися послушать братьев Уэсли. По мере того как репутация братьев росла, все больше их последователей вызывалось обеспечивать порядок во время проповедей и собраний, защищая их от вражеских происков. Количество защитников Уэсли постепенно начало превышать число их врагов, благодаря чему Джон и Чарльз получили возможность еще больше расширить сферу своего влияния, тогда как Англиканская церковь становилась все более закрытой, коррумпированной и безразличной к нуждам простых людей.

После десяти лет служения по всей Англии Джон Уэсли, достигнув ее северной границы и самых отдаленных областей, направился в Ирландию, Шотландию и Уэльс. В августе 1747 года, во время самого первого приезда в Ирландию, он был настолько горячо принят местными жителями, что последующие шесть лет непрерывно совершал поездки на этот остров (за это время он пересек Ирландский канал в общей сложности сорок два раза). Первая поездка Джона в Шотландию состоялась в 1751 году. Всего же он нанес местным жителям двадцать два визита, пробудив все без исключения шотландские церкви - ни одна из которых не отказала ему в возможности выступить перед прихожанами.

Сила служения братьев Уэсли заключалась в их горячем желании касаться душ заблудших и отверженных британцев и служить им. Именно оно стало движущей силой проводимых братьями кампаний под открытым небом. Существует мнение, что ранний капитализм в Англии черпал свои силы в том, какое значение придавали Джон и Чарльз духовному и телесному достоинству каждого человека. Джон Уэсли преобразовывал слушавших его людей изнутри, проповедуя об исключительной важности чистоты, сдержанности, бережливости и, прежде всего, веры. Общество могло быть преобразовано лишь изнутри, через личную реформацию каждого человека в отдельности.

Дела сердечные

8 апреля 1749 года Джон торжественно обвенчал своего брата Чарльза и Сару "Сэлли" Гвинн. Вскоре после этого младший Уэсли практически прекратил свои миссионерские поездки, обосновавшись вместе со своей растущей семьей в Бристоле. Чарльз и Сэлли были счастливы вместе, разделяя общий интерес к музыке и поклонению и одновременно служа бристольцам. У них родились восемь детей, но лишь трое самых младших достигли совершеннолетия: Чарльз-младший (1757- 1834), Сара (1759-1828) и Сэмюэл (1766-1837). Каждый из них стал впоследствии профессиональным музыкантом.

Возможно, именно счастливый брак Чарльза помог Джону окончательно выбросить из головы последние воспоминания о Софии Хопки и наконец найти себе достойную супругу. В последние годы он много писал о благословении безбрачия, но, казалось, при этом совершенно не намеревался вести холостяцкую жизнь до конца своих дней. К счастью, Джон знал, кто станет его женой. В августе прошлого года он, находясь в Ньюкасле, заболел, но быстро встал на ноги - не в последнюю очередь благодаря заботе прекрасной молодой женщины Грейс Мюррей. Джон твердо решил сделать ее своей женой.

Вдова моряка Грейс Мюррей впервые встретилась с Джоном в 1740 году, когда ее муж был еще жив. Она стала членом, а в скором времени и руководителем методистского общества в Ньюкасле. В те времена женское лидерство в церкви было событием беспрецедентным, однако братья Уэсли ценили вклад женщин и уважали ниспосылаемое им Божье призвание. Без сомнения, на отношение Джона и Чарльза к женщинам значительное влияние оказала заметная роль матери и сестер в их духовном становлении. Их старшие сестры были замечательными наперсницами и советницами. Одна из них, Хетти, стала для них бесценной наставницей и административным помощником в Лондоне. Однажды Джон сказал: "Разве не могут женщины наравне с мужчинами быть занятыми в этом почетном служении? Безусловно, они это могут; более того, они должны это делать; это является их важнейшей, праведной и неотъемлемой обязанностью. Таким образом, здесь нет никаких различий, "во Христе Иисусе нет ни мужского, ни женского пола".

Муж Грейс Мюррей погиб в море в 1742 году, однако, несмотря на всю тяжесть утраты, она оставалась преданной Богу методисткой. Грейс проделала долгий путь через северные графства Англии и далее в Ирландию, чтобы встретиться там с членами местных женских обществ. Кроме того, она помогала многим странствующим проповедникам восстановить силы и здоровье, утраченные во время изнурительных миссионерских путешествий. Таких проповедников набралось в итоге не менее семи, из которых наиболее известными были Джон Уэсли и Джон Беннет, за которым она ухаживала шесть месяцев. Уэсли отметил ее труды, сказав: "Я видел, как ее руки без устали трудились во славу Божью. Она была для меня одновременно слугой и другом, атак же сотрудницей на Евангельской ниве". Нетрудно понять, почему Грейс стала для Джона претенденткой в жены. Интересно, что после того, как она поставила его на ноги после тяжелой болезни, Уэсли сказал ей: "Если я когда-нибудь женюсь, думаю, моей избранницей станете именно вы".

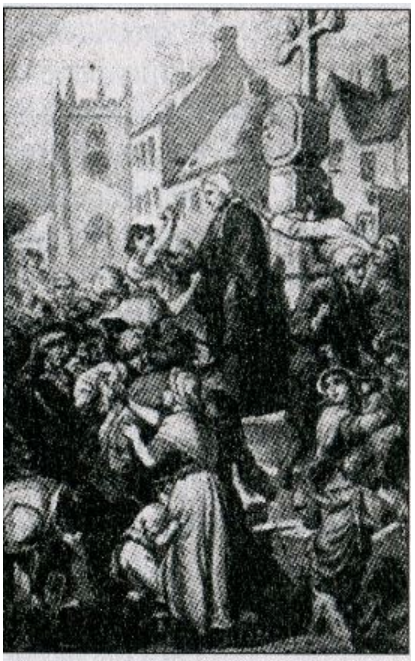
Впервые Джон сделал предложение Грейс в августе 1748 года, но выбранное для бракосочетания время казалось им недостаточно подходящим, пока, наконец, не женился Чарльз. Тогда Грейс ответила: "Это слишком большое благословение для меня; я не могу в это даже поверить. О большем я не могла и мечтать"[70]. Не желая расставаться с Джоном, она, в конце концов, начала путешествовать вместе с ним по Йоркширу и Дербиширу, оказывая ему в пути неоценимую помощь. Однажды Джон оставил свою невесту на некоторое время в Болтоне, где, как оказалось, нес свое служение Джон Беннет, которого ранее Грейс долго выхаживала в своем доме.

Так случилось, что Беннет также влюбился в Грейс и вскоре начал просить ее руки и сердца. Грейс была в замешательстве: ей было очень трудно сделать выбор между двумя своими поклонниками. В какой-то момент она даже написала Уэсли письмо, в котором сообщала о том, что чувствует себя обязанной выйти замуж за Беннета. В ответ через неделю после свадьбы Чарльза Джон забрал Грейс с собой в Ирландию, где та помогала ему последующие три месяца. Там же, в Дублине, она наконец-то согласилась выйти замуж за Уэсли.

По возвращении в Англию Джон и Грейс много путешествовали вместе, практически не расставаясь в течение пяти месяцев. Однажды, когда они находились в Эпуорте, к ним в гости наведался Беннет, сообщивший Джону о том, что Грейс отправила ему все письма, которые Уэсли и

Грейс писали друг другу. Ужасно расстроенный, Джон написал Грейс о том, что теперь он считает необходимостью ее брак с Беннетом. Однако Грейс ответила ему следующее: "Я люблю тебя в тысячу раз сильнее, чем когда-либо любила Беннета. Но, боюсь, если я не выйду за него замуж, он сойдет с ума". Джон снова пришел в замешательство и, прежде чем двигаться далее в своих отношениях с Грейс, решил заручиться одобрением и поддержкой брата. Это оказалось фатальной ошибкой.

Чарльза шокировала сама мысль о том, что Джон собирается жениться на Грейс: на него по-прежнему очень сильное влияние оказывали общественные предрассудки того времени. Сара Гвинн происходила из уважаемого древнего рода, в то время как Грейс Мюррей, перед тем как выйти замуж за моряка, была простой служанкой. Чарльз чувствовал, что, если брак Джона не будет своим статусом соответствовать его собственному браку, это приведет к тому, что многие проповедники покинут их общество. В то время как Грейс находилась у себя дома в Ньюкасле, Чарльз встретился с Джоном в Уайтхэйвене, чтобы поделиться с ним своими опасениями. Джон ответил, что добропорядочность, милосердие и ценность Грейс, как служителя, существенно перевешивали собой все минусы низкого происхождения. Чарльз понял, что его доводы малоубедительны для брата.

Джон Уэсли проповедует у Болтонского Креста
Онлайн-центр Уэсли (wesley.nnu.edu) Северо-западного Назареянского университета, Нампа, штат Айдахо, США

Тогда он направился в Ньюкасл, чтобы встретился с Грейс в Хиндли-Хилл. Поцеловав ее в щеку, он сказал: "Грейс Мюррей, вы разбили мое сердце". Вместе они вернулись в Ньюкасл, где нашли Беннета. Грейс тут же упала на колени и начала умолять Беннета простить ее за то, что она так безжалостно им манипулировала. Не прошло и недели, как они, 3 октября 1749 года, поженились. Интересно, что новость о поспешном бракосочетании Грейс принес Джону не кто иной, как Уайтфилд, которого тот повстречал на конференции в Лидсе. Когда на следующий день туда же прибыли Чарльз и Сэлли, Джон сказал своему брату: "Отныне я прерываю всякое общение с тобой, как если бы ты был язычником или мытарем". Однако Уайтфилд и другой его соратник, Джон Нелсон, с мольбой и слезами уговорили братьев помириться, после чего те бросились друг другу в объятия, умоляя о прощении. Беннет со своей молодой женой прибыли три дня спустя. Джон приветствовал Беннета святым поцелуем, но больше ему ничего не сказал. В следующий раз он увиделся с Грейс лишь много лет спустя.

Что касается Беннета, то он вскоре покинул Общество братьев Уэсли и основал собственное служение. Вместе с ним из 129 членов болтонского собрания ушли 110. В Стокпорте за ним последовало все местное собрание, за исключением од- ной-единственной женщины. Беннет обвинил Уэсли в том, что тот якобы был марионеткой католицизма, и сильно поносил его. Беннет умер в 1759 году, оставив Грейс одну с пятью сыновьями. Вскоре после этого она переехала в Дербишир и воссоединилась с методистами. Благодаря общему другу она снова встретилась с Джоном в 1788 году. Биограф Уэсли, Генри Мур, следующими словами описал эту встречу:

Мистер Уэсли, заметно волнуясь, решил навестить ее; и на следующее утро он пригласил меня отправиться с ним на Коулбрук-Роу, где в тот момент проживал ее сын. Встреча была весьма трогательной; но мистер Уэсли приложил немало сил, чтобы удержать себя в руках. Легко было заметить, что, несмотря на долгие годы, минувшие с момента их последней встречи, оба пребывали в прекрасном и юном расположении духа, и она являлась самым подходящим объектом для нежных сожалений, выраженных в следующих строках, которые я представляю вашему вниманию. Их разговор был весьма краток, и я не могу припомнить, чтобы впоследствии мистер Уэсли хотя бы раз упоминал ее имя.

"Следующие строки" были взяты из стихотворения, написанного Джоном и озаглавленного им "Размышления над прошлыми провидениями, октябрь 1749 года". Ниже вы найдете отрывок из этого произведения, состоящего из тридцати одного шестистрофового куплета:

Сквозь ветреную юность путь держу,
Танцуя средь лугов, залитых цветом,
Случайностью иль страстию - несом –
Покорной, легкой жертвой,
Я чувствую, когда стрела любви
Мне, нервы разорвав, пронзила сердце.

Несомый крыльями святой надежды,
Я долго в небесах парил, вдали от дел земных,
Когда, взобравшись на вершину мира,
Моя душа нашла подобную себе,
Доверенную мне самими небесами,
Моей молитвы, моей веры дочь.

Счастливою порой тех ранних жизни дней
Она была спокойной, тихой, кроткой;
И радость, что несла она в себе,
Пленяла чистотой и нежным состраданьем.
Выслушивая каждого, кто был в нужде,
Она над каждым проливала слезы.

Я видел, как она через заботы
Неслась на крыльях;
И как успех венчал ее старанья,
И дождь благословений, с вышины
Излившийся, венчал ее молитвы
И прославлял в ней Бога моего”.

Спустя два года после свадьбы брата, в год своего первого посещения Шотландии, Джон женился на Мэри "Молли" Вазилль, вдове с четырьмя детьми. В необходимости этого брака, его убедил близкий друг. Однажды Джон поскользнулся на льду посреди Лондонского моста и так сильно ударился лодыжкой о каменный парапет, что не мог ходить. Его отнесли в дом Молли, где он пробыл, целую неделю. В воскресенье он проповедовал, стоя на коленях, затем в понедельник, 18 октября 1751 года, женился на Молли, а во вторник снова проповедовал на коленях, не в силах стоять на ногах из-за полученной травмы. Остается лишь догадываться, какие разговоры велись в течение той недели в доме Молли и каким образом они повлияли на столь скоропалительное решение Джона.

И хотя нерешительность Джона в отношениях с Софией Хопки и с Грейс Мюррей стоила ему невесты, поспешный брак с Молли обошелся ему гораздо дороже. Их медовый месяц длился недолго; две недели спустя Джон снова отправился в путь. Молли заверила мужа, что готова к частым отлучкам, но уже очень скоро она поняла, что не создана быть женой странствующего проповедника. Вскоре Молли почувствовала себя очень одинокой, к тому же ее снедала ревность. Через четыре месяца после свадьбы Джон, вернувшись домой, обнаружил жену всю в слезах. Он сделал все возможное, чтобы утешить ее, и супруги решили отныне чаще путешествовать вместе, что и делали последующие четыре года. Но когда однажды толпа атаковала их повозку в Халле, Молли отказалась от этих поездок.

Все сильнее и сильнее ревнуя мужа, редко бывавшего дома, Молли начала вскрывать адресованные ему письма и читать его личные бумаги, набрасываясь на мужа с руганью каждый раз, когда находила там упоминания о какой-либо женщине или же переписку с другими женщинами. Близкие друзья не могли не заметить перемены в ее настроении. В озлоблении она начала передавать личные бумаги мужа его врагам или же публиковать их в газетах, иногда даже переписывая их, чтобы представить Джона в крайне невыгодном для него свете. Она преодолевала сотни миль лишь для

того, чтобы увидеть, с кем Джон ехал в своей повозке. Однажды она заперла Чарльза и Джона в комнате, чтобы заставить их признаться и раскаяться в своих ошибках, и братья смогли сбежать лишь после того, как измучили ее многочасовым чтением стихов на латыни. В другой раз один из сотрудников Джона обнаружил его в гостиничном номере с Молли - разгневанная жена возвышалась над мужем, держа его за волосы, за которые перед этим таскала его по всей комнате. Молли несколько раз оставляла Джона, но каждый раз возвращалась в ответ на его мольбы. В 1771 году она ушла от него больше чем на год. Мир в семье Уэсли воцарился лишь в 1781 году, после смерти Грейс. Это были страшные тридцать лет.

Молли несколько раз оставляла Джона, но каждый раз возвращалась в ответ на его мольбы.

На протяжении всего этого времени Джон не прекращал своих миссионерских поездок, стараясь ежедневно проповедовать и управлять делами своего растущего международного служения. Раз в три месяца он посещал большую часть своих обществ, действовавших в крупнейших городах Англии, Шотландии и Ирландии.

"Особый талант, данный мне Богом"

В течение пяти десятилетий Джон Уэсли ездил по стране, проповедуя, наставляя, помогая советом и молясь за торговцев, рабочих, крестьян и самых разных простолюдинов. После себя он оставил группы христиан, которые еженедельно собирались, чтобы исповедовать свои грехи, ободрять друг друга в молитве и укреплять веру через совместное изучение Библии. Он также учил людей придерживаться установленных норм нравственности. Джон часто проповедовал: "Человек состоит из души и тела; христианин же - из духа и дисциплины". Уэсли подходил методично не только к составлению собственных задач и расписания, но также к написанию проповедей, обращению людей к Христу и наставничеству. К каждой группе своих слушателей он обращался по-разному, в зависимости от ситуации, взывая напрямую к их совести, провозглашая именно те истины, которые им в тот момент были наиболее необходимы, и приводя их прямиком к престолу Божьей милости и благодати. После каждой проповеди он оставлял отпечатанные материалы и четкие инструкции, касавшиеся того, как далее люди должны трудиться, чтобы возрастать в спасении. Подобно Павлу, наставлявшему филиппийцев, Джон также наставлял тех, кто с верой следовал за ним:

Итак, возлюбленные мои, как вы всегда были послушны, не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего, со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по [Своему] благоволению. Всё делайте без ропота и сомнения, чтобы вам быть неукоризненными и чистыми, чадами Божиими непорочными среди строптивого и развращенного рода, з котором вы сияете, как светила в мире, содержа слово жизни, к похвале моей в день Христов, что я не тщетно подвизался и не тщетно трудился.

Филиппийцам 2:12-16

В результате этого к Богу начало приходить так много людей и с таким огромным количеством нужд, что Уэсли назначил "светских проповедников", которые продолжали его дело, провозглашая Благую Весть и служа в новых обществах. "Светские проповедники" не являлись представителями образованного священства. Это были простые люди, хорошо знавшие Библию и показавшие себя достойными этого служения. Сам Уэсли много времени посвящал наблюдению за состоянием их сердец и образом жизни. Он публиковал вдохновляющие и наставляющие материалы, чтобы взращивать служителей *ц* указывать им верное направление, требуя при этом соблюдения двенадцати официальных и еще нескольких "неофициальных" правил. Он давал ценные указания, касавшиеся манер, привычек и управления временем, призывая своих последователей проводить за чтением полезных книг не меньше пяти часов в день. Уэсли настаивал на том, что проповедь Евангелия должна быть подчинена четырем основным целям: (1) приглашать, (2) убеждать, (3) приводить к Христу и (4) созидать. Он писал, что люди, призванные к служению, должны "избегать во взгляде, жестах, словах или тоне всего, что несло бы в себе семена гордыни и самонадеянности". Ниже приведены отрывки из двенадцати правил поведения, которые должны были определять поведение каждого из "светских проповедников":

1) Будьте усердны. Не теряйте даром ни минуты.
2) Будьте серьезны. Избегайте легкомыслия и насмешек.
3) С женщинами - в особенности молодыми - не разговаривайте много.
4) Не делайте никаких шагов в направлении брака, не посоветовавшись прежде с братьями.
5) Не думайте злого ни об одном человеке.
6) Ни о ком не говорите злого.
7) Каждому говорите о том, что видите в нем плохого, "делая это прямо и открыто; в противном случае, оно изъязвит ваше сердце. Делайте все, чтобы это пламя не охватило вас изнутри".
8) Не тщеславьтесь.
9) Не стыдитесь ничего, кроме греха: ни того, чтобы принести дров... ни того, чтобы набрать воды.
10) Будьте пунктуальны. Все делайте вовремя.
11) Ваша задача заключается не в том, чтобы проповедовать столько-то и столько-то раз либо же заботиться о том или ином обществе, а в том, чтобы спасти как можно больше человеческих душ.
12) Всегда поступайте сообразно не своей собственной воле, но как сын в Евангелии[79].

Но, что наиболее важно, Джон постоянно подчеркивал необходимость того, чтобы любовь являлась главным и неотъемлемым мотивом всех наставлений, обличений и дисциплины. Цитируя написанный братом гимн, он писал:

Любви под силу склонить головы упрямцев,
И камень сделать плотью;
Смягчить и растопить, пронзить,
Разбить упорные сердца.

"Светские проповедники" Уэсли известны своей высокой нравственностью, честностью и усердностью на ниве Божьей. Они сформировали многочисленную армию духовных руководителей, целью которых было искоренение общественных пороков Божьими милостью и благодатью. В первые пять лет проповеднической деятельности Уэсли, с 1739 по 1744 год, сорок пять проповедников, включая несколько представителей клира, присоединились к братьям Уэсли и их методистскому движению. К 1745 году в одном только Лондоне насчитывалось две тысячи прихожан, регулярно посещавших методистские собрания. "Каждое собрание было тщательно продуманно, правила Объединенных обществ - отпечатаны и распространены для исполнения; кроме того, было установлено ежеквартальное посещение занятий, введена должность "светского проповедника", оборудованы места для поклонения и проведения богослужений, где верующие могли принять участие в святых таинствах".

В 1744 году, после того как братья Уэсли основали в Англии несколько сотен своих Обществ, в Лондоне была проведена первая Ежегодная методистская конференция. Все "светские проповедники" и руководители собрались вместе, чтобы принять наставление непосредственно из уст Джона Уэсли, получить ободрение и увидеть свои недостатки, обсудить важные проблемы и предложить пути их решения. Эта конференция была частью плана Джона, стремившегося удовлетворить духовные и интеллектуальные нужды своих странствующих проповедников и местных руководителей. Помимо этого, он публиковал книги по всевозможным вопросам, наставляя через>них всевозрастающее количество учителей. Свои лучшие проповеди и прочие классические теологические труды Уэсли издавал в виде недорогих книг, используя полученные от их реализации доходы для основания школ, которые готовили учителей Библии. Уэсли горячо поддерживал интеллектуальное развитие, которому придавал не меньшее значение, чем социальным и эмоциональным аспектам христианской жизни - причем это касалось и тех верующих, которые не были призваны к служению на полное время.

Успех Джона Уэсли вряд ли был бы столь ошеломляющим, если бы не взращенные им "светские проповедники" и учителя, численность которых с каждым годом возрастала. Требования и методы становились все более формальными. Джон опубликовал четыре вопроса, которые все руководители должны были задавать своим ученикам, дабы направлять их и поддерживать среди них должную дисциплину. Вот эти вопросы:

1) Какие грехи вы совершили?
2) Какие искушения пришлось вам преодолеть?
3) Каким образом Бог вас освободил?
4) Что из того, что вы думали, говорили или делали, могло иметь греховную природу?

Но, наверное, самым удивительным был план Уэсли, касающийся непрестанного духовного возмужания и ученичества. Он считал этот план важнейшим ингредиентом успеха каждого отдельно взятого верующего - будь тот новообращенным или духовно зрелым. После своего возвращения из Уэльса в 1763 году Джон поделился одним Удивительным наблюдением:

Проповедуя подобно апостолам, но не объединяя вместе тех, кто был пробужден, не наставляя их на пути Божьи, мы лишь оставляем детей на растерзание безжалостным убийцам. Сколько проповедей было произнесено за последние двадцать лет! Но при этом - никаких регулярных собраний, никакой дисциплины, никакого порядка или близости. В результате этого девять из десяти пробужденных спят сегодня крепче, чем когда-либо прежде.

Ежегодные конференции собирали вместе методистских руководителей различного уровня, с годами становясь все более и более представительными. Участвующие в них проповедники съезжались издалека. Начиная с 1767 года, во время конференций звучал вопрос: "Существуют ли вещи, с которыми кто-либо из собравшихся не согласен?". Каждого из проповедников называли по имени, после чего следовало несколько мгновений тишины. Никто не мог избежать подотчетности, которая стала неотъемлемой частью внутренней культуры растущей организации.

Точно так же и проповедники приезжали с абсолютной уверенностью в том, что их нужды будут услышаны. Кроме подотчетности, на конференциях проводились также и форумы, во время которых обсуждались нужды местных руководителей и их семей, которыми занимался специально созданный исполнительный комитет. Среди возможных путей решения возникавших проблем рассматривались стипендии для странствующих проповедников и их жен, а также такие базовые гарантии, как обеспечение их детей необходимым образованием. В результате этого повсеместно начали открываться школы специально для детей странствующих проповедников и местных духовных руководителей.

Удивительный организационный гений Уэсли был виден во всем - от методистских обществ до классов, групп и районов; от странствующих проповедников до руководителей, учителей и делегатов. Джон прекрасно осознавал свою одаренность, о чем свидетельствуют строки из его письма к сестре Марте: "Я знаю, что обладаю особым талантом, данным мне Самим Богом". Будучи прирожденным лидером, он старался извлечь пользу из советов и предложений окружающих, а также из собственного жизненного опыта. Уэсли внимательно изучал различные стратегии духовного роста и вплетал их в методистскую практику.

В октябре 1768 года методистская церковь была открыта в Нью-Йорке. В 1771 году Френсис Эсбери был послан в Америку курировать проводимую там работу. В сентябре 1784 года Уэсли назначил своего верного помощника, доктора Томаса Коука, епископом, дав ему указание помазать Эсбери, дабы тот мог совершать таинства. Подобно Уэсли, Эсбери также был известен как "странствующий проповедник", верность которого колониям, даже в годы Войны за независимость, стала одним из основных факторов, способствовавших тому, что методизм пустил в Америке прочные корни. Эсбери взрастил новое поколение американских странствующих проповедников, включая Питера Картрайта, одного из вдохновителей второго Великого пробуждения, всколыхнувшего Америку в первой половине XIX века.

По мере того как методизм распространялся в Старом и Новом Свете, бремя управления разросшейся организацией ложились практически полностью на плечи Джона. К 1770 году он начал активно искать последователя, который мог бы возглавить служение в будущем. Самые большие надежды он возлагал на служителя Джона Флетчера, которого считал равным себе. Флетчер неизменно сопровождал его в многочисленных миссионерских путешествиях, после того как в 1750 году Чарльз решил удалиться от дел, и потому был наиболее близким и доверенным лицом Джона. Однако Флетчер покинул этот мир в 1785 году; сам Джон пережил своего друга на три года.

Уэсли беспокоило будущее методистского движения. Он прекрасно понимал, что поддержание чистоты учения напрямую зависело от хрупкого равновесия между пониманием Слова, ощущением

Духа, дисциплиной мысли и достойным христианина поведением. Все это, вместе взятое, как ему казалось, служило единой цели очищения человеческого сердца и обеспечения неустанного возрастания в вере, чтобы достичь "вышнего звания Божия во Христе Иисусе" (Филиппийцам 3:14).

Один из современников Уэсли, бывший в то время корреспондентом *New York Evangelist,* писал:

Впервые оказавшись в обществе преподобного Джона Уэсли, я спросил его, что необходимо сделать, чтобы после его смерти методизм также не умер. На что он дал незамедлительный ответ: "Методисты должны внимательно следовать своему учению, наблюдать за своим опытом, практикой и дисциплиной... лишенные дисциплины, они уподобятся людям, которые, потратив много сил на культивирование собственного сада, не позаботились о заборе, охраняющем его от диких обитателей леса".

Джон был глубоко убежден в том, что строгий контроль над собственной душой был жизненно необходим для окончательной победы во Христе. Все аспекты человеческой жизни должны быть приведены "в послушание Христу" (2-е Коринфянам 10:5). "Стоит ли тогда удивляться тому, - вопрошал Уэсли, - что в мире так мало христиан? Где вы видите христианскую дисциплину? В какой части Англии христианская дисциплина является неотъемлемой частью христианской доктрины?" Уэсли понимал, что церковь нуждается в дисциплине, он был глубоко убежден в том, что "там, где доктрина проповедуется без должной дисциплины, она никогда не произведет желаемого влияния на слушателей".

Влияние братьев Уэсли

В 1770 году в возрасте пятидесяти шести лет скончался Джордж Уайтфилд. Когда Джона спросили о том, надеется ли он увидеть Уайтфилда на небесах, тот ответил: "Нет... Не поймите меня превратно, Джордж Уайтфилд был ярчайшей звездой в деснице Божьей славы и будет находиться столь близко от престола, что человек, подобный мне, низший из низших, вряд ли сможет хоть краем глаза увидеть его в этом сиянии".

В 1775 году Джон опубликовал "Смиренное обращение к нашим американским колониям", открытое письмо, призывающее колонии сохранить свою верность Англии. Он был нетерпим к любого рода гражданским волнениям. Это письмо привело к разрыву между Уэсли и американскими колонистами, и если бы не колоссальные усилия таких английских миссионеров, как Джордж Уайтфилд и Френсис Эсбери, сегодня в Америке могло бы и не быть никаких методистов.

1780-е годы стали для Джона трудным десятилетием. Как уже было упомянуто выше, его жена покинула этот мир в 1781 году. В 1785 году неожиданно умер Джон Флетчер, его избранный преемник. Затем в 1788 году его возлюбленный брат и сотрудник Чарльз также отправился к Господу. В том же году Джон тщательнейшим образом проанализировал всю свою жизнь, желая понять причины своего физического и профессионального долголетия. В возрасте восьмидесяти пяти лет Джон сохранял крепкое здоровье, объясняя это следующими факторами, которые он записал в своем журнале:

1) Постоянные физические упражнения и регулярное проветривание помещения.

2) Ночной сон, которого я никогда не лишал себя - ни в болезни, ни в здравии; ни на земле, ни на море — с того момента, как появился на свет.

3) Крепкий сон, который я призывал в те моменты, когда был истощен - будь то день или ночь.

4) Постоянный — на протяжении шестидесяти лет — подъем в четыре часа утра.

5) Постоянное - на протяжении более пятидесяти лет — проповедование в пять часов утра.

6) Малое количество боли, печали, тревог и переживаний в моей жизни.

В возрасте восьмидесяти шести лет, во время своей девятинедельной миссионерской поездки по Ирландии, Джон Уэсли сто раз выступил с проповедями в шестидесяти городах и деревнях (шесть из этих проповедей он произнес под открытым небом). 28 июня 1790 года в своем дневнике он написал следующее:

Понедельник, 28 июня. В этот день мне исполнилось восемьдесят восемь лет. На протяжении восьмидесяти шести лет я не испытывал никаких возрастных проблем: мой взгляд не затуманился, и силы не истощились. Но прошлым летом, в августе, все практически мгновенно и неожиданно переменилось. Мое зрение так сильно ослабело, что никакие очки не могли мне помочь. Мои силы подобным же образом оставили меня и, скорее всего, уже не вернутся ко мне в этом мире. Но при

этом я не испытываю никакой боли с головы и до самых пят; лишь естественную усталость, которая, как представляется, будет становиться все большей и большей, пока жизнь окончательно не покинет мое тело.

За два дня до своего следующего дня рождения он проповедовал перед двумя большими аудиториями верующих, собравшихся для того, чтобы почтить преподобного Джона Уэсли.

7 октября 1790 года он выступил со своей последней проповедью под открытым небом, которую произнес, стоя под ясенем во дворе церкви, расположенной в Кенте, в городке Рай. Со слезами на глазах он воскликнул: "Покайтесь!". 22 февраля 1791 года он произнес свою последнюю проповедь в лондонской церкви Сити-Роуд. Назавтра же в доме своего друга он проповедовал последний раз на этой земле, начав со слов: "Ищите Господа, пока Его еще можно найти".

На следующий день, 24 февраля 1791 года, Джон Уэсли написал свое знаменитое письмо Уильяму Уилберфорсу — члену парламента, который всю свою жизнь посвятил борьбе за отмену рабства в Британской империи, — призывая его не останавливаться и не отступать в борьбе с работорговлей. Несмотря на то, что Джон не мог больше проповедовать Евангельскую Весть, он писал Уилберфорсу:

Но если Бог будет с вами, кто будет против вас? Неужели все они вместе смогут оказаться сильнее Самого Бога? И не уставайте от совершения добрых дел! Дерзайте во имя Божье, полагаясь на Его силу, пока даже американское рабство (самое чудовищное из всех) не исчезнет с лица этой земли.

Свое письмо он подписал следующими словами: "Ваш преданный слуга Джон Уэсли".

25 февраля, ощутив сильную слабость, Джон вернулся в Сити-Роуд, где отсыпался в течение последующих двух дней. 27 февраля он почувствовал себя немного лучше и даже отобедал вместе со всеми. В тот вечер Уэсли вернулся в свою комнату сильно уставший. Больше с кровати он не поднимался. 2 марта 1791 года в окружении близких ему людей Джон Уэсли сделал свой последний вздох.

За время своего служения Джон Уэсли проехал верхом на лошади более 250 тысяч миль (приблизительно по 5 тысяч миль в год) - расстояние, сравнимое с десятью окружностями Земли. Он произнес более сорока тысяч проповедей, опубликовал более пяти тысяч проповедей, памфлетов и всевозможных книг. К моменту смерти Уэсли у него было 79 тысяч последователей. Сегодня в одной только Англии насчитывается 800 тысяч членов методистской церкви; во всем же мире их число превышает семьдесят миллионов человек.

Джон Уэсли принес свежее дыхание в жизнь Англиканской церкви, потерявшей к тому времени из виду Христа как единственного Искупителя. Проповедуя оправдание верой, Джон и Чарльз Уэсли помогли тысячам заблудших душ в Англии подняться над жизненными неурядицами и дурными привычками, вселив в них надежду на обретение праведности и спасения. Страстные усилия Джона, направленные на то, чтобы принести человечеству столь необходимое знание об искуплении, принесли плоды не только в Англии, но также в континентальной Европе и развивающихся странах - прежде всего, в Америке. Как заметил Ригг:

Складывалось впечатление, что он обладал твердой и непоколебимой убежденностью в необходимости совершения великих дел на благо Церкви и мира; не столько даже для настоящего, сколько для будущего; дел, к которым призвал его Сам Бог. Вокруг он видел необходимость в таких делах - пустой и бессердечный мир, полный пороков, тщеславия и смятения; а также бездеятельную, лишенную всяческой дисциплины, равнодушную церковь. Глядя на все это, он чувствовал внутри колоссальную силу и призвание пробудить и организовать Церковь, зажечь и обратить к Богу сердца всех людей земли.

И, действительно, мир ощутил на себе влияние братьев Уэсли, когда уже в следующем веке методизм начал триумфально шествовать по планете, пробуждая человеческие сердца.

Глава 2

Джордж Уайтфилд (1714-1770)

Божественный драматург"

"БОЖЕСТВЕННЫЙ ДРАМАТУРГ"

Я могу призвать в свидетели небеса и землю в подтверждение того, что, как только епископ возложил на меня руки, в своем сердце я твердо решил сделаться мучеником за Того, Кто пострадал за меня на кресте... Ни секунды не раздумывая и не колеблясь, я бросился в Его распростертые объятия[1].

— Джордж Уайтфилд
в момент своего помазания

Несмотря на то, что Джордж Уайтфилд, вероятно, был наиболее яркой личностью своего времени в американских колониях (приблизительно четверо из пяти колонистов, как минимум, единожды слышали его проповеди), лишь немногие из нас сегодня знакомы с корнями "опытного проповедования", которое он первым начал практиковать. Своими яркими и глубокими проповедями Уайтфилд потряс два континента, изменив духовный климат обоих миров - Британских островов и новообразованных американских поселений. Новую Англию он покорил в возрасте двадцати пяти лет в течение одного года, неустанно странствуя и произнося проповеди. После этого он возвращался на Американский континент еще шесть раз, продолжая будоражить сердца бесчисленных тысяч слушателей, собиравшихся для того, чтобы услышать его горячие проповеди.

Когда население Бостона составляло приблизительно шестнадцать тысяч человек, Уайтфилд выступил со своим прощальным обращением перед двадцатью тремя тысячами слушателей - возможно, установив на то время своеобразный рекорд. Кроме того, он, скорее всего, являлся единственным человеком своего времени, за исключением членов королевской семьи, которого узнавали в лицо все американские колонисты. До этого еще ни разу ни один человек не собирал такого огромного количества слушателей и не приобретал такой известности, имея в качестве инструмента воздействия только голос, в качестве средства передвижения только лошадь, в качестве кафедры - ящик, а в качестве слова мудрости - дар спасения.

Хотя братья Уэсли долгое время являлись наставниками Уайтфилда, слава последнего превзошла славу его учителей. Джон Уэсли впервые выступил с проповедью под открытым небом, когда ему было уже тридцать шесть лет, обращаясь на окраине Бристоля к трем тысячам слуша**телей.** Уайтфилд же выступал перед тридцатитысячной толпой, когда ему было чуть больше двадцати. В то время как количество слушателей Джона Уэсли достигло шести тысяч, Уайтфилд проповедовал перед невероятной в то время шестидесятитысячной аудиторией.

Джордж Уайтфилд прославился как Великий оратор, Божественный драматург и Небесная комета. Он обращался напрямую к чувствам людей, используя при этом все свои способности, чтобы донести до их сердец весть о "рождении свыше". Несомненно, он позаимствовал этот термин у Джона Уэсли, который, возможно, был первым, кто использовал его в отношении новообращенных христиан. Эта формулировка была взята из Евангелия от Иоанна 3:3, где Иисус сказал следующее: "Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия". Несмотря на то, что своей театральностью Уайтфилд порой провоцировал шквал критики, его сердце всегда было искренним и праведным перед Богом. Его намерения были чисты, а любовь к слушателям - искренна и неподдельна.

Уайтфилд был евангельским пионером. Движимый глубочайшим состраданием к заблудшим душам, он был первым, кто прямо на улице проповедовал Евангелие шахтерам и работникам верфей, шедшим на работу и возвращавшимся домой. Эти несчастные не имели никакой иной возможности услышать спасительную весть о Христе. Он нес надежду искупительной Божьей милости не только рабочему люду, но также высшим сословиям — посещал встречи известных лордов и леди, удивляя их своим драматическим посланием. Харизма и сострадание Уайтфилда делали его частым гостем не только в дорогих салонах, но и в сырых темницах Англии; не только в роскошных особняках политиков, но и в индейских хижинах Нового Света. Больше всего его беспокоило положение в новых колониях вдов и сирот, а также африканских Рабов, которых он встречал там в огромном количестве.

Уайтфилд стал катализатором Великого пробуждения, которое, охватив Америку и Британию, широко распространило среди населения этих стран учение евангелического протестантизма; нового Божьего движения, отличительными чертами которого стали авторитет Библии и требование, чтобы каждый человек сделал Иисуса Христа Своим личным Господом и Спасителем. Великое пробуждение принесло массам не только весть об искуплении, но также послание о социальном равенстве. Первые же волны пробуждения привели к заметным изменениям в ценностях того времени, что самым непосредственным образом повлияло на политику, торговлю, традиционную религиозную иерархию, да и повседневную жизнь тоже. Оно помогло простым людям ощутить собственную ценность. Представители всех классов и сословий стали принимать более активное участие в жизни церкви, а также самостоятельно изучать Писание.

Подобные перемены положили начало равенству и независимости, подготовив благоприятную почву для Американской революции. Когда свобода была провозглашена в колониях через Декларацию о независимости, ее понесли людям и странствующие проповедники, в том числе Уайтфилд, который стал первым человеком, провозгласившим всеобщее равенство и свободу во Христе.

Малое начало

Джордж Уайтфилд появился на свет в семье трактирщика в космополитическом английском Глочестере 16 декабря 1714 года. Он был самым младшим из семи детей Томаса и Элизабет. С малых лет он своими собственными глазами видел грубую и порочную жизнь завсегдатаев городской таверны. Семья Уайтфилд владела преуспевающей таверной *Bell Inn*, расположенной на Уэстгейт-стрит, в самом центре Глочестера. Через два года после рождения Джорджа его отец умер, в результате чего вся ответственность за семейный бизнес и большую семью целиком и полностью легла на хрупкие плечи матери.

Воспитание Джорджа резко контрастировало со строгой и высоконравственной атмосферой, царившей в доме приходского священника, где Джон и Чарльз Уэсли воспитывались под неусыпным контролем заботливой матери. Уайтфилд же, наоборот, был воспитан матерью, одиночкой, которая делала все для того, чтобы семейный бизнес оставался на плаву, - начиная от продажи пива и заканчивая уборкой помещения после особенно буйных клиентов. В результате этого Джордж постоянно сталкивался с наиболее распутными искателями удовольствий, слышал самые грубые из всех возможных слов и, естественно, лицезрел обитателей дна современного ему общества. Впоследствии о своем детстве Уайтфилд писал так:

Я легко могу вспомнить некоторые из своих ранних грехов.

Ложь, сквернословие, глупые кривляния - с малых лет я злоупотреблял всем этим. Иногда я даже сыпал самыми настоящими проклятиями. Воровство у своей собственной матери я вовсе не считал преступлением, и потому без зазрения совести таскал деньги у нее из кармана, пока она спала.

Всеми силами пытаясь сохранить свой бизнес, мать Джорджа повторно вышла замуж, когда мальчику было десять лет. Брак оказался несчастливым и закончился разводом, оставившим Элизабет и ее детей в едва ли не худшем положении, чем до его заключения. Вскоре после этого старший брат Уайтфилда женился и покинул родительский дом, начав самостоятельную жизнь, а сам Джордж отправился в школу, расположенную в Сент-Мэри-де-Крипт, где проявилась его любовь к театру. Несмотря на заметные успехи Уайтфилда в изучении классических предметов, его настоящей страстью стало исполнение ведущих ролей в школьных спектаклях. Нередко он даже пропускал занятия, чтобы выучить свои реплики и как можно лучше отрепетировать роль. Кроме того, благодаря своим признанным ораторским способностям Джордж периодически выступал с речью, когда школу посещали важные персоны.

Его мать всегда обожала театр, и молодой, впечатлительный Уайтфилд унаследовал ее стремление "быть кем-то". Когда повторный брак Элизабет распался, Джорджу было пятнадцать лет. Юноша уговорил мать позволить ему оставить школу, чтобы помочь управляться с таверной. Джордж понимал, что у них нет достаточно средств, чтобы и далее оплачивать его обучение, которое, как он считал, "испортит во мне торговца". В результате, препоясавшись синим передником, полтора года он "мыл полы... прибирал комнаты, стоял за прилавком" - словом, делал все, что полагается делать бармену обыкновенной английской таверны.

Уайтфилд всегда имел весьма близкие отношения с матерью. После появления мальчика на свет в течение четырнадцати недель она боролась с тяжким недугом, из чего заключила, что Джордж принесет ей в жизни больше утешения, чем другие дети. Благодаря этому мальчик был окружен особой материнской заботой, получая все необходимое для того, чтобы стать интеллектуально развитым и образованным человеком. Понимая, какое место он занимал в сердце матери, а также зная ее амбициозную натуру, Уайтфилд позже писал:

Это, а также то, что я был рожден в таверне, сослужило мне в жизни добрую службу, вдохновляя делать все необходимое для того, чтобы соответствовать ожиданиям матери и следовать примеру моего дорогого Спасителя, рожденного в хлеву, который также принадлежал таверне.

Таким образом, Джордж рос, разнося постоянным клиентам питейного заведения пиво и еду, а также прибирая за мертвецки пьяными посетителями. Он был одновременно и посудомойкой и горничной. Но поздними вечерами, когда шум разнузданного веселья затихал, Уайтфилд с упоением читал пьесы, отрабатывая каждую свою реплику и каждый жест. Выступления проповедников в те времена он посещал лишь для того, чтобы, вернувшись домой, пародировать их перед сестрами. Но, посмеиваясь над их молитвами, Джордж не заметил, как их слова начали проникать глубоко в его сердце. Вскоре он начал самостоятельно исследовать Библию, читая при этом и прочую христианскую литературу. Однажды он ощутил сильное желание прожить драматичную и исполненную смысла жизнь в роли священника Англиканской церкви. Мечтая стать одним из них, Уайтфилд понимал, что ему необходимо получить образование, пробившись каким- то образом в Оксфордский университет.

В это время старший брат Джорджа вместе с женой вернулся в родительский дом, чтобы помогать стареющей матери вести дела и присматривать за таверной. Юноше не было никакой нужды более оставаться там, и, прежде чем вернуться в Глочестер, он некоторое время провел в Бристоле. Джордж сохранил верность своим увлечениям, продолжая декламировать пьесы не только для развлечения окружающих, но и для собственного удовольствия. Как-то утром, выступая перед сестрой, он сказал ей следующее:

Бог приготовил мне что-то такое, о чем я даже еще не подозреваю. Я усердно занимался своим делом и считаю, что многие хотели бы видеть меня своим помощником, но все это кажется мне чуждым, поэтому, думаю, тем или иным образом Бог обязательно укажет мне мой единственный путь.

Вскоре его мать услышала от одного из своих посетителей, что студенты Оксфордского университета могут работать прислугой - фактически мальчиками на побегушках — у более обеспеченных студентов, получая за это необходимую стипендию. Она сообщила об этом Уайтфилду, поинтересовавшись о его желании воспользоваться подвернувшейся возможностью. Тот согласился "с огромной радостью". В то время как Уайтфилд вернулся к своему старому наставнику,

чтобы выполнить все академические требования, его мать договорилась о принятии его на упомянутых выше условиях в оксфордский колледж Пемброук.

Начало великой судьбы

Джорджу Уайтфилду было восемнадцать лет, когда в ноябре 1732 года он поступил в Пемброук. Его навыки, обретенные за время работы в таверне, вскоре оказались весьма востребованными - студентам нравилось его усердие, а также умение не только качественно обслужить, но и очаровать своих клиентов. Уайтфилд имел хорошую репутацию благодаря своей вежливости, дружелюбию и, прежде всего, смирению. Однако первый его год в стенах учебного заведения был отмечен печатью сильного одиночества, что было вызвано стремлением Джорджа преуспеть как в учебе, так и в исполнении своих обязанностей. Кроме того, Уайтфилд старался достичь успеха в поисках Бога и определении своей собственной судьбы. Временами он ощущал глубоко внутри призыв проповедовать, а в иные моменты чувствовал себя недостойным этого призвания.

Он пытался достичь примирения с Богом, скудно питаясь и одеваясь скромно и непритязательно. Он молился и постился, регулярно посещал публичные богослужения, лишал себя даже самых малых светских удовольствий. Молодой Джордж был одним из кандидатов на вступление в "Святой клуб", и, несмотря на то, что требования клиентов и занятия оставляли ему совсем мало времени для общения с методистами, к концу года он, наконец, сумел познакомиться с одним из лидеров клуба - Чарльзом Уэсли.

Джордж пытался достичь примирения с Богом, скудно питаясь и одеваясь скромно и непритязательно.

Приблизительно в 1735 году Джордж узнал о том, что какая-то женщина из работного дома пыталась свести счеты с жизнью, перерезав себе горло. Зная, что Джон и Чарльз обязательно захотят помочь ей, Уайтфилд передал им записку через продавщицу яблок, попросив ее ничего не рассказывать о нем. Женщина, однако, не прислушалась к его просьбе и сообщила Чарльзу о том, кто именно просил передать ему записку. Узнав, что речь идет об Уайтфилде, Чарльз тут же отправился на его поиски, чтобы пригласить к завтраку. Как писал сам Джордж:

Я с благодарностью принял его предложение. Моя душа в то время жаждала духовных друзей, которые поддержали бы мои опустившиеся руки и укрепили дрожащие колени.

Чарльзу, преподавателю колледжа, который был на шесть лет старше Уайтфилда, понравился Джордж, и он предложил ему присоединиться к "Святому клубу". Их знакомство очень скоро переросло в крепкую мужскую дружбу. Чарльз дал прочитать Джорджу несколько своих любимых душеспасительных книг, из которых наибольшее впечатление на Джорджа произвела "Жизнь Бога в душе человеческой" *(Life of God in the Soul of Man)* Генри Скоугала, молодого шотландского профессора богословия, скончавшегося в 1657 году в возрасте двадцати семи лет. Прочитав эту книгу, Джордж понял, что больше никогда не будет прежним.

Я с удивлением размышлял о том, что имел в виду автор, когда писал: "Некоторые ошибочно считают верой в Бога посещение церкви, воздержание от какого-либо зла, последовательность в исполнении своих обязанностей и периодическую помощь бедным и обездоленным". Если это не является верой в Бога, думал я, то что же тогда можно ею назвать? И Бог скоро открыл это мне; ибо в последующих строках было сказано буквально следующее: *"Истинная вера в Бога есть союзом человеческой души с Творцом, когда внутри каждого из нас поселяется Христос"*. Этот луч Божественного света неожиданно и резко вспыхнул в глубине моей души, и с этого момента я вдруг осознал, что являюсь новым творением.

Через эти слова, как отметил сам Джордж:

Иисус Христос впервые явил Себя мне и дал мне рождение свыше. Я понял, что человек может ходить в церковь, молиться, участвовать в таинствах и при этом не являться христианином. Как же трепетало в тот момент мое сердце; я чувствовал себя человеком, боявшимся заглянуть в свой кошелек, чтобы не осознать себя полным банкротом*.

* Из проповеди, с которой Уайтфилд выступил в 1769 году, цитированной в Henry Scougali *The Life of God in the Soul of Man* (London: InterVarsity Fellowship, 1961), 12.

Уайтфилд, не теряя времени понапрасну, все глубже погружался в Евангелие Иисуса Христа, в то время как братья Уэсли все еще "блуждали в лабиринтах обусловленного поведением спасения". Джону и Чарльзу потребовалось еще целых три года, чтобы ощутить в своей жизни спасительную Божью милость и родиться свыше. "Ученик первый стал настоящим учителем; он знал, что представляла собой, "свобода сыновей Божьих", тогда как братья Уэсли все еще оставались в разорванных им ранее цепях".

Но Джордж все-таки позволил заковать себя снова, пытаясь придерживаться строгих правил, установленных методистами, - они неправильно понимали милость и все еще пытались делами заслужить себе место на небесах. Только после того, как Джон и Чарльз пережили рождение свыше, методизм превратился в инструмент приближения к Богу, перестав быть средством приобретения спасения добрыми делами. Джордж попал в эту ловушку, ибо, несмотря на рождение свыше, он никак не мог осознать, что получил спасение по вере, а не по делам. Амбициозный и переполняемый духом соперничества, он стремился во всем превосходить окружающих - например, регулярно постился, истощая себя настолько, что подвергал опасности свое здоровье.

Джордж Уайтфилд вел крайне аскетическую жизнь: питался лишь хлебом и водой, мало спал, не жалея сил посещал - едва появлялось свободное время - больных и заключенных. Кроме того, он носил серую, потрепанную одежду и выглядел зачастую как самый настоящий бедняк или даже нищий - ошибочный признак посвящения Богу. Из-за всего этого студенты часто насмехались над ним, отказывались оплачивать его услуги и даже бросались в проходившего мимо Уайтфилда комьями грязи. К тому же директор колледжа грозился исключить Джорджа. Однако тот оставался непоколебим и тверд в своих убеждениях. В конце концов, постоянное истощение сказалось на его здоровье - тело начало подводить его. Все закончилось тем, что Уайтфилд слег в постель более чем на семь недель.

До полного восстановления Джордж был отправлен в родной Глочестер. Все, что его привлекало ранее в учении Скоугала, померкло, а вместе с этим из его сердца ушли радость и надежда. Позже Джордж так описывал чувства, которые он испытывал в тот момент:

Вся моя душа была подобна иссохшей пустыне, и я мог развлекаться не более человека, с ног до головы закованного в доспехи. Каждый раз, преклоняя колени, я чувствовал огромную тяжесть во всем своем теле и часто так вот молился, пока не становился мокрым от пота. В то время сатана постоянно меня пугал, грозясь наказать, если я вдруг забуду о его ухищрениях.

В период выздоровления Уайтфилд не только отдыхал, но и продолжал искать Господа, служить страждущим и строить свою жизнь в соответствии с принципами методизма, читая труды Уильяма Лоу и других богословов. Освободившись на время от своих обязанностей студента и мальчика на побегушках, а также от требований "Святого клуба" и постоянных притеснений, являвшихся следствием клубной принадлежности, он впервые за долгие годы ощутил в сердце удивительное спокойствие и Божий мир. В своем дневнике Уайтфилд писал:

После того как я претерпел бесчисленные сатанинские нападки и невыразимые многомесячные испытания, не дававшие мне покоя ни днем, ни ночью, Бог помиловал меня и снял с моих плеч тяжкое бремя, чтобы я смог воздать должное Его дорогому Сыну своей живой верой. Также Господь дал мне дух усыновления, чтобы запечатлеть меня, и я смиренно надеюсь, что этот дух не оставит меня вплоть до дня долгожданного искупления. Но какая же радость, невообразимая, неописуемая, исполненная славы, наполнила мою душу, когда бремя греха спало с моих плеч, и ощущение всепрощающей Божьей любви, уверенность в дарованной мне вере излились в мое непокорное сердце! Безусловно, это был день моего посвящения Господу - день, навсегда запечатленный в моей памяти. Сначала наполнявшая меня радость была подобна сизигийному приливу, полноводной реке, выступающей из берегов. Куда бы я ни направлялся, я едва сдерживался, чтобы не запеть во всеуслышание псалмы, - вскоре, правда, я немного утихомирился, но, слава Богу, радость продолжала пышно цвести в моем сердце.

Вновь открыв для себя радость спасения, Уайтфилд ощутил прилив новых сил и твердо решил посвятить жизнь проповеди Евангельской Вести каждому, кто будет готов его слушать. Он начал организовывать по домам группы по изучению Библии, наставлять верующих в местном приходе, с огромным рвением помогать бедным, посещать заключенных и заботиться о больных. Уайтфилд стал основателем самого первого методистского общества в Глочестере, в котором учил и наставлял

небольшую группу новообращенных. Уже тогда он начал подчеркивать исключительную важность "оправдания верой", о котором Павел писал в своем Послании к Римлянам: "Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа..." (Римлянам 5:1). Личный опыт обращения к Богу ("рождение свыше") руководил всем, что Джордж делал и чему учил, - без этого ничего не имело смысла.

Он вернулся в Оксфорд, чтобы закончить учебу и принять руководство "Святым клубом" в отсутствие Джона и Чарльза, которые отправились в миссионерское путешествие в Саванну, штат Джорджия. Братья покинули Англию в тот самый год, когда Джордж пережил рождение свыше, доверив "Святой клуб" его попечительству. Он возглавлял домашнюю группу, продолжая при этом нести служение в местных приходах и тюрьмах. Люди, которым служил Уайтфилд, не сомневались в его особом призвании и убеждали его стать священником. Но юноша, которому был двадцать один год, колебался, не желая совершать никаких поспешных шагов. Однажды, когда Джордж возвращался с молитвы в соборе, епископ пригласил его к себе и сказал: "Несмотря на то, что я заявил во всеуслышание о том, что не буду помазывать тех, кому еще не исполнилось двадцати трех, я считаю своим долгом помазать тебя, как только ты этого пожелаешь".

Проведя немало времени в посте и молитвах, Джордж ощутил, что больше не может противиться своему призванию. Церемония рукоположения его в духовный сан прошла 20 июня 1736 года. Неделю спустя в Оксфорде ему была присвоена также степень бакалавра искусств. Так началась новая эра в истории церкви - новый путь, благодаря которому послание Христа и коснулось сердец людей по обе стороны Атлантики.

Юный проповедник

Став дьяконом, свою первую проповедь Джордж произнес с кафедры церкви Сент-Мэри-де-Крипт в Глочестере. Недалеко от этой церкви, в которой Уайтфилд был крещен, стояла таверна, где еще каких-то пять лет назад он работал барменом. Возможно, движимая прежде всего человеческим любопытством, собралась огромная толпа, чтобы услышать его проповедь на тему "Значение и польза религиозного общества". Джордж смело говорил о необходимости религиозной подотчетности, поддержки и наставления, которые можно обрести лишь в подобного рода регулярных собраниях. Он также говорил о пагубности нерелигиозных обществ, которые в последнее время стали пользоваться все большей и большей популярностью. После его выступления, как сообщала пресса того времени, пятнадцать человек "сошли с ума" от осознания всей тяжести совершенных ими грехов. Несомненно, именно сильное ощущение сверхъестественного присутствия Святого Духа стало главной причиной того, что люди стали выглядеть "умалишенными". Что же касается епископа, то он поделился своей надеждой на то, что "безумие не забудется до наступления следующего воскресенья".

С самого начала в проповедях Джорджа отчетливо было видно его сердце, наполненное горячей любовью к Господу. Кроме того, на его манеру выступления наложили отпечаток годы увлечения театром. Он использовал весь свой интеллект и талант, чтобы как можно убедительнее донести до слушателей смысл своей проповеди. Известный актер того времени Дэвид Гэррик однажды воскликнул: "Я готов отдать сотню гиней за то, чтобы кто-нибудь научил меня произносить "О!" подобно мистеру Уайтфилду". Именно Джордж Уайтфилд был тем, кто научил страстному обращению со слушателями американских проповедников и политиков на заре Американской революции. На его примере они учились тому, как побуждать народные массы к действию.

К концу лета Уайтфилд получил приглашение стать заместителем куратора в знаменитом лондонском Тауэре, выполняя его обязанности в периоды отсутствия руководителя. Первую проповедь после своего прибытия в Лондон Джордж произнес в большой церкви Бишопгейт-стрит. Вначале прихожане недоверчиво отнеслись к молодому служителю, но стоило ему только начать говорить, все тут же замерли в изумлении. Реакцию собравшихся Джордж описал в своем дневнике:

Когда я поднимался вверх по лестнице, практически все присутствующие, казалось, посмеивались надо мной из-за моей молодости. Но вскоре они стали абсолютно серьезны и чрезвычайно внимательны, и после того как я закончил и спустился обратно, они вовсю выказывали мне свое уважение, благословляли меня, когда я проходил мимо, и с удивлением расспрашивали, кто я такой.

Уже совсем скоро весь Лондон знал имя Джорджа Уайтфилда, которого ласково называли "юным проповедником". Толпы, собиравшиеся для того чтобы услышать о "рождении свыше", значительно превосходили вместимость Тауэра. С самого начала Джордж проповедовал в переполненных залах; простые люди искренне тянулись к нему. Он получил приглашение стать викарием в Даммере, маленькой деревушке в графстве Хэпшир, где его популярность продолжала стремительно расти. В скором времени Уайтфилду предложили престижную должность куратора[18] в одной из наиболее известных лондонских церквей.

Зов Америки

Однажды во время своего служения в Даммере Джордж получил письмо от Джона Уэсли, в котором тот звал своего давнего друга в Америку, "где урожай так обилен, а тружеников так мало. Что, если вы также призваны, мистер Уайтфилд?". "Прочитав это, - писал Джордж, - я почувствовал, как мое сердце бешено забилось, будто мое призвание отразилось в нем эхом!"

В том же году, когда Джордж ответил на Божий призыв и стал священнослужителем, он почувствовал, что его призвание связано также с миссионерской работой. Несмотря на то, что в тихом Даммере он провел лишь два месяца, это время оказалось весьма продуктивным в плане подготовки к грядущей волне евангелического успеха, которая захлестнет его еще до того, как он покинет Англию. Он учился, молился, читал, размышлял - и вел дневник. Он писал: "Я всегда замечал, что по мере укрепления моих внутренних сил пропорционально возрастала моя внешняя сфера деятельности".

Уайтфилд стал "носителем Евангелия ", не привязанным к какому-либо одному приходу, городу или континенту.

В Джорджию Уайтфилд смог отправиться лишь спустя долгих двенадцать месяцев, но, готовясь к путешествию, он заранее уволился с Должностей, занимаемых им в Даммере и Оксфорде. Теперь он мог использовать каждую представлявшуюся ему возможность для проповеди, и количество таких возможностей неуклонно росло. Растущая популярность не давала Уайтфилду проповедовать в каком-либо одном Месте, и уже очень скоро он стал известен как "носитель Евангелия", не привязанный к какому-либо одному приходу, городу или континенту. В каждое новое собрание он врывался словно буря, и вскоре слава о нем распространилась по всей Англии. Принадлежность Уайтфилда к методистам делала его фигуру еще более любопытной — на Англиканскую церковь он производил весьма неоднозначное впечатление.

Один из слушателей Джорджа говорил, что он "проповедовал подобно льву". Уайтфилд сочетал в себе артистизм и страстную убежденность, которые никого не могли оставить равнодушным. Его проповеди были не только убедительны, но также чрезвычайно динамичны. Его низкий голос звучал властно, подавляя даже звуки труб и барабанов, которыми неоднократно пытались заглушить его недоброжелатели. Проповедник был неудержим; он не обращал ни малейшего внимания на посторонние шумы. Его голос мог быть мягким и нежным, не теряя при этом своей выразительности. Иногда слушатели погружались в полную тишину, безмолвно вытирая слезы, в то время как сам проповедник плакал за кафедрой, подробно описывая Христовы страдания или Божью печаль, которую тот испытывал по отношению к потерянным и заблудшим человеческим душам. Пока Уэсли был глубоко разочарован своей миссией в Джорджии, молодой Уайтфилд "своим золотым голосом" "закладывал фундамент той популярности методизма и его проповеднической репутации, которая вскоре станет одним из выдающихся символов столетия".

После своего последнего путешествия в Бристоль, где братья Уэсли впервые в своей жизни ощутили радостный трепет служения под открытым небом, Джордж записал в своем дневнике, что "множество людей приходило пешком, а многие приезжали в повозках к тому месту - в миле от городской окраины, - где должен был выступить я, и практически все приветствовали и благословляли меня, когда я шел по улице". В написанной в 1786 году биографии Уайтфилда преподобный Люк Тайерман писал о том, что проповеди молодого евангелиста отличались "трогательным милосердием$_{г}$ искренностью убеждения, льющейся через край всеобъемлющей любовью"[22]. Продолжая свою мысль, Тайерман писал: "Мы можем вполне обоснованно утверждать,

что проповедническая деятельность Уэсли в 1739 году вряд ли привлекла бы к себе столь значительное внимание, если бы в 1737 году ему не предшествовал Уайтфилд". Вот что произошло, когда Джордж сообщил собравшимся в Бристоле о своем скором отбытии в Джорджию (об этом он несколько позже сделал запись в дневнике): "После проповеди толпы людей плача последовали к моему дому, и на следующий день с семи утра и до полуночи я общался и снабжал духовными советами пробужденные души".

В августе 1737 года он вернулся в Лондон, собираясь как можно скорее отплыть в Джорджию. Прошел год с тех пор, как Уайтфилд впервые оказался в Лондоне и начал свой ураганный проповеднический тур в качестве только что помазанного на служение дьякона, но его популярность продолжала расти даже в то время, когда он готовился покинуть страну. Умение Джорджа обрести широкую известность не уступало его умению вести себя на публике, благодаря чему он с успехом публиковал свои проповеди в английских и американских газетах. По обе стороны океана не нашлось церквей, достаточно просторных для того, чтобы принять всех желающих услышать "юного проповедника". В то время как население Лондона не превышало 700 тысяч жителей, Джордж собирал аудитории в 20 тысяч внимательных слушателей. Публика замирала, когда его голос обращался к ней с пламенными увещеваниями, подобными приведенному ниже:

Устремите свои сердца к чертогам вечного блаженства и своим исполненными веры взглядом, подобно святому Стефану, узрите распахнутые небеса и Сына Человеческого, окруженного славной свитой из покинувших земной мир святых, сидящих и купающихся в лучах вечной, неземной радости... Слушайте же! Мне кажется, я могу слышать их голоса, поющие вечное аллилуйя, голоса людей, целую вечность поющих триумфальные гимны радости. И разве вы, братья мои, не желаете присоединиться к этому небесному хору?

Огорченные грядущим отплытием Джорджа, многие люди предлагали ему большие деньги за то, чтобы он остался в Лондоне или в каком- либо из английских городов. И в том, что Джордж покинул Англию на заре своей славы, несомненно, сказалось Божье вмешательство.

В то время как судно "Уитэйкер" с Джорджем направлялось в сторону Америки, Джон Уэсли приближался к английским берегам. Сам того не ведая, Уайтфилд подготовил английскую почву для братьев Уэсли куда лучше, чем те подготовили для него почву Джорджии.

Благодаря проповедям Джорджа Уайтфилда Джон и Чарльз Уэсли вскоре собрали богатейший урожай Великого пробуждения.

Оказавшись на борту судна, Джордж немедленно начал проповедовать морякам, солдатам и другим пассажирам. На первых порах от него лишь отмахивались из-за его молодости, но вскоре Джордж снискал уважение своей искренней заботой о больных, пением псалмов во времена шторма и, конечно, пламенными речами. Как только пассажиры услышали его проповеди и увидели приверженность молодого человека дисциплине и самозабвенному служению, их сердца смягчились, и они с интересом начали внимать его ежедневным увещеваниям.

Вместе с "Уитэйкером" плыли два меньших судна. Прошло совсем немного времени, и они начал подплывать к своему флагману едва ли не вплотную, чтобы их пассажиры также могли слышать проповеди Уайтфилда. Просто представьте себе - даже в открытом море, посреди Атлантического океана, Джордж Уайтфилд горячо проповедовал, невзирая на волны и ветер, внимательным слушателям, собравшимся на палубах трех кораблей. Когда корабли бросили якорь у берегов Джорджии, юный служитель выступил с прощальной проповедью, несмотря на то, что был в тот момент не здоров. Печаль застыла на лицах пассажиров, когда на берегу они расставались с Уайтфилдом, чтобы далее следовать своим собственным путем.

Утро в Новом Свете

"Уитэйкер" прибыл в Америку 7 мая 1738 года. На следующее утро, в пять часов Джордж приступил к своему служению в Новом Свете. Он обратился к собранию, состоявшему из семнадцати взрослых и двадцати пяти детей. В отличие от братьев Уэсли, Джордж привез в колонию подарки и прочие необходимые поселенцам вещи. Он прибыл с сердцем, желающим удовлетворять не только духовные, но и материальные потребности людей. Вместо бремени правил и ритуалов, что в те времена повсеместно ассоциировалось с духовными пастырями, он принес весть о свободе во Христе. Свобода, которую Уайтфилд обрел через рождение свыше, произвела неизгладимое

впечатление на его слушателей, и хотя при Джоне Уэсли церковь Саванны уменьшилась числом, при Джордже количество прихожан заметно выросло. К июню стены церкви уже не могли вместить всех желающих, а новость о прибытии нового пастора облетела все окрестные селения.

С самого начала Джордж был обеспокоен условиями жизни бедняков - особенно растущим количеством сирот. Спустя месяц после сво его прибытия он начал обучение детей из соседних деревень, одновременно договорившись с местными властями о строительстве школы в Саванне. Кроме того, он испытывал сильное побуждение построить в городе сиротский приют. Несмотря на то, что во время первого визита Уайтфилд не собирался останавливаться в Джорджии надолго, теперь он проникся необходимостью возвращения в Англию для сбора финансовых средств, необходимых для заботы в колониях о вдовах и сиротах. Кроме того, он должен был завершить свое духовное образование.

"Более всего мое сердце расположено, - писал он, - к построению сиротского приюта, для чего, уверен, мне необходимо на некоторое время вернуться в Англию. Пока же я занимаюсь созданием маленьких школ в самой Саванне и ее окрестностях, в которых подрастающее поколение могло бы быть вскормлено и воспитано в вере и почтении к Господу". Уайтфилд покинул Джорджию с желанием возвратиться туда как можно скорее. Оставив свою паству в глубокой печали, он отправился в Англию, пообещав вернуться, как только позволит ему Господь.

Все деревья в поле должны рукоплескать

Когда в декабре 1738 года Джордж вернулся в Лондон, его ждало много перемен. Прежде всего, Чарльз и Джон Уэсли благодаря стараниям моравских братьев пережили личное обращение к Богу и теперь проповедовали в Оксфорде и везде, где только могли, о "рождении свыше" и "спасении верой". Их послание в сочетании со строгостью нравственного кодекса братьев вызвало в городе большое недовольство. Одна за другой церковные кафедры закрывались для них, а следовательно, принимая во внимание связь Джорджа с методистами, и для него.

Близкие отношения Уайтфилда с братьями Уэсли вызывали много споров. К тому же широкое распространение получили его личные дневники, которые он вел во время своего путешествия в Америку. Джордж хотел сделать их доступными лишь узкому кругу друзей и соратников, но каким-то образом они стали достоянием широкой общественности. Представители духовенства, ознакомившись с их содержанием, были шокированы теологическими выкладками Джоржа, посчитав, что он впал в гордыню. Кроме того, они были уверены, что он существенно преувеличил свои успехи в Америке, а также масштабы своей филантропической деятельности за океаном.

Несмотря на все эти обвинения, 14 января 1739 года Джордж был возведен в сан англиканского священника. Он проповедовал перед большим количеством прихожан в нескольких церквах, которые все еще пускали его на порог, и собирал при этом значительные финансовые пожертвования на строительство сиротского приюта в Саванне. Его известность, как и его благотворительность, привлекли к себе внимание графини Хантингдонской, которая пригласила Уайтфилда выступить с речью перед ее друзьями из высшего общества. После этого выступления она и несколько других аристократов стали одними из наиболее верных сторонников и патронов Джорджа.

Вскоре Джордж вернулся обратно в Бристоль. Там он обнаружил, что местные священники не горят для Бога, а обещанные ему кафедры закрыты. Однако, опираясь на свой собственный опыт, Уайтфилд знал, что простые люди относятся к нему по-другому. Получив запрет на служение от главных городских церквей, Джордж прямиком направился в шахтерский район Кингсвуд, - где в то время не было никакой церкви, - чтобы проповедовать там шахтерам, оставшимся "без пастыря". Он детально описал свой первый опыт проповедования под открытым небом, отрывок из которого приводится ниже:

Я взобрался на гору и обратился к тем людям, которые пришли меня услышать. Их было более двух сотен. Слава Богу, наконец- то мне удалось сдвинуть дело с мертвой точки, и я уверен, что никогда ранее Господь не взирал на меня более радостно, чем в тот момент, когда я стоял и учил всех тех слушателей под открытым небом.

Далее Джордж упоминает о том, что он видел "белые следы, оставляемые слезами, обильно текущими по их черным щекам". Чем больше Уайтфилд выступал с проповедями под открытым небом, тем более враждебным становилось отношение к нему других церквей.

Еще и месяца не прошло с момента его помазания, а ему уже угрожали увольнением и отлучением от церкви. Джордж, однако, был непоколебим, продолжая служить везде, где его готовы были слушать. "Сейчас я проповедую в десять раз большему количеству людей, чем проповедовал бы, ограничив себя лишь церковной кафедрой... Каждый день меня приглашают в новые места. И я буду идти туда, куда только смогу", - писал он.

Приблизительно в конце марта Джордж снова попытался вернуться в Бристоль, чтобы коснуться сердец людей, которых год назад так сильно тронула несомая им Евангельская Весть. На этот раз он привел с собой Джона и Чарльза Уэсли. Там, в самом центре города, он взобрался на невысокую стену и начал обращаться к проходившим мимо горожанам. Люди останавливались и слушали Уайтфилда с таким воодушевлением, что Джон впервые собственными глазами увидел, что "жатвы много, а делателей мало" (Матфея 9:37).

С этого дня братья Уэсли с не меньшим рвением принялись проповедовать под открытым небом. За последующие несколько недель проповедники выступили перед тысячами, а затем и перед десятками тысяч людей. Когда Джордж снова проповедовал в Кингсвуде, в первый раз собралось две тысячи человек; во второй — не менее пяти тысяч. В том же месяце, но уже в Роуз-Грин-Коммон, собралось "такое большое количество людей, приехавших на повозках, пришедших пешком и прискакавших верхом, что они заняли три акра, и число их составило приблизительно 20 тысяч человек".

Небеса надо мной, вид простирающихся во все стороны полей, заполненных тысячами и тысячами людей, сидящих в повозках, на лошадях, а то и вовсе на деревьях. И все они подчас одновременно вздыхали или все вместе заливались слезами, к чему следует обязательно прибавить торжественность приближавшегося вечера - все это очень сильно меня тронуло.

Возрождение началось, и его волны продолжали катиться одна за другой даже тогда, когда Уайтфилда сменили братья Уэсли. Он оставил их проповедовать тысячам слушателей в Бристоле, Бате и других близлежащих городах, тогда как сам вернулся в Лондон, чтобы подготовиться к возвращению в Америку. При каждой удобной возможности Уайтфилд продолжал собирать пожертвования для строительства сиротского приюта в Саванне. Несмотря на яростные нападки недоброжелателей, выступая с проповедями перед двадцати- и тридцатитысячными аудиториями в Мурфилде и Кенсингтоне, он сумел собрать немалую сумму. "Теперь я наверняка знаю, - писал Джордж, - что Господь призвал меня идти в поле, ибо нет таких домов или Улиц, которые могли бы вместить всех желающих услышать Слово".

В то время как братья Уэсли трудились в провинции, Джордж принес дух пробуждения в Лондон. Джордж настолько притягивал к себе внимание слушателей, что, казалось, зачаровывал их. Напротив, многие слушатели братьев Уэсли громко взывали к Господу, плакали и падали на землю. Хотя стили проповедования Уайтфилда и братьев Уэсли кардинально различались, тем не менее они хорошо дополняли друг друга. Невозмутимый Джон Уэсли оказывал на своих слушателей драматичное эмоциональное воздействие, тогда как страстный Джордж заставлял свою аудиторию замереть в безмолвии. Джордж обладал даром открытия новых территорий, Уэсли - даром их освоения. Один из них вспахивал землю и сеял семя; другой не покладая рук собирал урожай, наполнял хлева и охранял их. Преподобный Альберт Белден, автор книги "Джордж Уайтфилд - отец Великого пробуждения" *(George Whitefield - The Awakener),* сделал следующее замечательное заявление:

В истории вы найдете не много примеров личного влияния, которое было бы столь идеально обоюдным, столь глубоким и далеко идущим в своем воздействии на мир в целом, каким было влияние друг на друга этих трех мужчин. Они сформировали треугольник постоянно и взаимно влияющих друг на друга сил. Джон увлекает за собой Чарльза, Чарльз вдохновляет Уайтфилда, Уайтфилд загорается и, в свою очередь, приводит Джона и Чарльза к величайшему духовному достижению своего времени, а Джон на протяжении всей своей долгой и наполненной трудами жизни продолжает и отшлифовывает дело, начатое Уайтфилдом. Если когда-либо вообще Бог призывал для исполнения Своих целей трех человек, то этими тремя были именно они.

Пробуждение Америки

30 октября 1739 года корабль, некотором плыл Джордж, бросил якорь у пристани Льюис-Таун, в ста пятидесяти милях к северу от Филадельфии. Уайтфилд направился прямиком в Филадельфию, где все без исключения церкви немедленно пригласили к себе известного молодого проповедника из

Англии. Но вскоре даже самые большие храмы оказались неспособными вместить толпы людей, изо всех сил пытавшихся протиснуться внутрь, чтобы услышать эпические проповеди Джорджа Уайтфилда. В отличие от Англии, он начал выходить на городские улицы не потому, что его не хотели видеть в церквах, а потому, что церковные здания оказались для него слишком малы. Он чрезвычайно нуждался в большом пространстве, поэтому вскоре покинул город, чтобы проповедовать прямо в поле.

От Филадельфии до Нью-Йорка он выступал перед рекордно большими аудиториями, которые, бывало, превосходили числом местное население! Едва услышав о планирующемся выступлении Уайтфилда, тысячи слушателей начинали стягиваться в назначенное место буквально со всех сторон. Люди прибывали верхом на лошадях, в повозках, на баржах и паромах и даже пешком. Движимые кто простым любопытством, кто возможностью приятно провести время, а кто искренним стремлением услышать слово, вдохновленное Самим Господом, колонисты собирались в еще большем количестве, чем лондонская публика. Джордж Уайтфилд был для них настоящим феноменом.

В то время как Уайтфилд покорял Америку, братья Уэсли, в свою очередь, распространяли своими проповедями пробуждение по всей Англии. На заре Великого пробуждения Дух Божий трудился по обе стороны Атлантического океана; ничто не могло остановить прилив Божьего Слова, открывшегося заблудшим и изголодавшимся людям. Свет Христов пронзал тьму, окутавшую Англию, погрязшую в пьянстве и других пороках. Колонии также были погружены во тьму, но уже несколько иного рода, связанную с такими бедствиями, как эпидемии и голод, нависшими над их обитателями со всех сторон.

Колонисты были ярыми авантюристами-первопроходцами, не желавшими подчиняться никакой другой силе, кроме внутреннего свидетельства Святого Духа. Они были готовы к расширению границ - не только географических, но и духовных, но при этом высоко ценили свободу и истину. Жаждущие новых знаний, они внимательно прислушивались к каждому сказанному Джорджем слову. Решительность - вот качество, наиболее точно характеризующее тех, кто преодолевал огромные расстояния ради того, чтобы услышать слово истины. Ничто не могло помешать тысячам людей собираться вокруг пламенного проповедника и ничто не могло помешать Джорджу горячо проповедовать при каждой удобной возможности. Он трудился на грани человеческих возможностей, движимый колоссальным желанием накормить Хлебом Жизни изголодавшиеся массы, которые с не меньшим рвением, глотая пыль, верхом на лошадях проделывали Долгий путь, чтобы услышать Евангельскую Весть.

В отличие от Англии, Уайтфилд выходил на городские улицы не потому, что его не хотели видеть в церквах, а потому, что церковные здания были для него слишком малы.

Джордж немало удивлялся тому, как люди, "столь сильно разбросанные по чужой земле, ухитрялись собираться вместе за короткий промежуток времени". Его также удивляло то, что такое море людей могло слушать его настолько внимательно, что, как он сам писал, "даже в Лондоне я никогда не становился свидетелем столь абсолютной тишины". Когда Бенджамин Франклин впервые прибыл в Филадельфию и услышал проповеди Уайтфилда, он следующим образом описал свою реакцию: "У него был сильный и чистый голос; он произносил слова и строил предложения столь отчетливо, что его могли слышать и понимать на большом расстоянии, особенно принимая во внимание то, что его слушатели, сколько бы их ни было, пребывали зачастую в полной тишине". Франклин подсчитал, что голос Уайтфилда могли слышать более чем тридцать тысяч слушателей: "Это позволило мне согласиться с некоторыми газетными отчетами, в которых говорилось о том, как он проповедовал за городом одновременно двадцати пяти тысячам слушателей, а также убедило в истинности многих древних историй о военачальниках, выступавших перед целыми армиями, в которых я, бывало, сомневался", - писал он.

Франклин и Уайтфилд стали хорошими друзьями. Франклин предложил священнику публиковать его проповеди в своей *Pennsylvania Gazette,* продолжая при этом с неослабевающим интересом следить за его служением. Он издал несколько томов дневников Джорджа, которые продавались рекордными тиражами. От этого выиграли оба: Джордж приобрел большую известность, Бенджамин

- новых подписчиков. Франклин даже помог Уайтфилду в сборе денег на строительство сиротского приюта. Он был так поражен умением Джорджа собирать необходимые средства, чего написал следующие, ставшие чрезвычайно известными, строки:

Вскоре после этого мне довелось побывать на одной из его проповедей, во время которой я решил, что в конце, когда он будет собирать пожертвования, от меня он ничего не получит. В моем кармане лежала горсть медяков, три-четыре серебряных доллара и пять золотых пистолей. Но по мере того как он говорил, мое сердце начало смягчаться, и я решил отдать все медяки. Еще несколько ярких призывов - и, устыдившись, я решил пожертвовать серебро. Закончил же свое выступление он так потрясающе, что я полностью опустошил свой карман, отдав не только золото, но и все остальное.

Джордж проповедовал по всему региону перед таким скоплением людей, что ожидаемое возрождение стало попросту неминуемым. Столько жаждущих сердец слушали его каждый день, что, когда он, в конце концов, покинул Филадельфию, более двухсот всадников сопровождали его не только к выезду из города, но и к следующему месту назначения, где местные верующие продолжали приветствовать его. В разных областях Мэриленда, Виргинии и Каролины (даже в наименее населенных) Джордж без устали выступал перед огромными массами.

В течение последующих™™ месяцев Джордж время от времени возвращался в Джорджию, проповедуя по нескольку раз в день и собирая деньги для сиротского приюта. Прибыв в Саванну в январе 1740 года, он немедленно приступил к поиску места для постройки приюта на участке земли в пятьсот акров, который выделил городской совет. В десяти милях к северу от Саванны он решил основать дом для мальчиков "Вифезда". (В 1773 году, спустя три года после смерти Джорджа, "Вифезда" сгорела дотла, но была заново отстроена и действует по сей день. Фактически основанный Уайтфилдом сиротский приют является ныне старейшим действующим детским домом во всей Америке. Как утверждает писатель Эдвард Дж. Кэшин, история "Вифезды" тесно связана с историей Саванны.)

Однако, прежде чем приступить к делу, необходимо было проложить дорогу к стройплощадке, на что требовалось много рабочей силы и стройматериалов. Для столь масштабного предприятия в городе было слишком мало рабочих, и Джорджу пришлось нанимать плотников, каменщиков и дорожных рабочих в отдаленных поселениях. Наконец строительство началось, и уже к марту Джордж отметил в своем дневнике, что "под моей опекой находится уже около сорока детей, и практически сотня ртов питается каждый день продуктами из наших запасов... Расходы велики, но наш великий и добрый Бог (в чем я нисколько не сомневаюсь!) поможет мне со всем этим справиться".

Франклин и Уайтфилд на протяжении всей жизни оставались добрыми друзьями.

Джордж также надеялся на поддержку своих богатых британских и американских друзей, а кроме того, на помощь местных торговцев и лавочников. Все, однако, произошло не совсем так, как он это планировал, и Уайтфилду пришлось начать очередную евангелизационную кампанию для сбора необходимых средств. Некоторые из его знакомых считали, что предприятие обречено на провал, но Джордж был уверен в Божьем водительстве и не сомневался, что Господь обо всем позаботится. Финансовое бремя заботы о "Вифезде" лежало на плечах Джорджа до конца его дней. Чтобы рассчитаться с долгами, ему приходилось собирать пожертвования на приют после каждой проповеди.

С горячим рвением Джордж начал очередную кампанию и направился в Пенсильванию, где его популярность и потребность в проповеди неуклонно росли. В то время как Уайтфилд занимался постройкой "Вифезды" в Джорджии, Франклин и его сторонники приступили к строительству дома собраний, достаточно большого для того, чтобы вместить всех желающих услышать проповеди Уайтфилда. Здание это впоследствии стало Университетом Пенсильвании. Вернувшись в Филадельфию, Джордж много времени проводил с Франклином, и, хотя взгляды друзей не во всем совпадали, они относились друг к другу с огромным почтением. Франклин продолжал публиковать проповеди Уайтфилда, а тот, в свою очередь, снабжал издателя все новыми и новыми бестселлерами.

Продвигаясь через всю Новую Англию в направлении Бостона, штат Массачусетс, Уайтфилд проповедовал по три раза в день, причем делал это так продолжительно и с такой страстью, что

буквально истощал себя. "После столь великих трудов, которые изнуряли его физически до такой степени, что трижды в день его вынуждены были поднимать и сажать на лошадь (ибо сам он был не в состоянии подняться), он снова ехал проповедовать, а вернувшись, располагался на ночлег на поставленных вместе двух-трех стульях". Привлеченные вышедшими из печати путевыми заметками Джорджа и газетными сообщениями о его пребывании в Новой Англии, все больше слушателей приходили на проповеди Уайтфилда. В Бостоне и других портовых городах восточного побережья энтузиазм Джорджа привел к тому, что во время служений многочисленные слушатели "толкались локтями, отпихивали и топтали друг друга, чтобы только услышать "Божественные вещи". В известной городской общине Бостона он проповедовал одновременно более чем пятнадцати тысячам слушателей по два-три раза в день на протяжении нескольких дней.

Новые дрова для костра

К середине октября Джордж побывал в Нортхэмптоне, штат Массачусетс, где стал гостем Джонатана Эдвардса, пуританского проповедника**,** который возглавит американское Великое пробуждение после возвращения Уайтфилда в Англию. Эдвардс был настолько тронут проповедями Джорджа, что однажды, слушая его, даже заплакал. Сара, жена Эдвардса, была также восхищена ораторскими способностями Джорджа, о чем сама написала:

Удивительно наблюдать затем, как он пленяет слушателей, провозглашая простые библейские истины. Своими собственными глазами я видела, как больше тысячи человек, затаив дыхание, внимали его словам в абсолютной тишине, лишь изредка нарушаемой случайными всхлипываниями... Предвзятый человек, думаю, мог бы назвать все это театральными уловками и игрой на публику. Но вряд ли тот, кто хотя бы раз видел или знал его, мог допустить подобную мысль.

Сара Эдвардс тоже произвела на Джорджа глубокое впечатление, и он даже поделился с ней своей надеждой найти такую жену, которая была бы "украшена кротким и смиренным духом", а также "свободно и весомо рассуждала бы о Божьих делах". Находясь в гостях у Эдвардсов, Джордж послужил их детям и, кроме того, дважды выступил с проповедью в церкви Эдвардса. Как и предполагалось, он произвел неизгладимое впечатление на семью пастора, прихожан и всех жителей города.

Дело в том, что, как только Эдвардс был назначен пастором в Нортхэмптон, от его глаз не укрылся царивший там нравственный упадок. Джонатан молился и проповедовал о возрождении с такой страстью и Устойчивостью, что, в конце концов, повлиял на социальный климат во всей стране. О том воздействии, какое оказал Уайтфилд на жителей Нортхэмптона, Эдвардс писал следующее:

Вряд ли в Нортхэмптоне нашелся бы такой человек, старый или молодой, которого бы не волновали вопросы, связанные с вечностью. Даже тех, кто привык быть буйным и самодовольным, коснулось Великое пробуждение. Весь город, казалось, наполнился удивительным Божьим присутствием. Никогда он не был столь полон любви и радости; и в то же время душевных страданий, как в те дни. Поразительные знаки Божьего присутствия были замечены практически в каждом доме. Наши публичные служения были чудесны.

Пребывание Джорджа Уайтфилда в Нортхэмптоне имело эффект, сравнимый с тем, как если бы в уже разведенный костер были подброшены новые дрова. В то время как Эдвардс проповедовал о страхе перед Божьим наказанием, Джордж проповедовал о Его милости и принятии. Обладая поразительной проницательностью, Уайтфилд всегда знал, в чем именно нуждались его слушатели в тот или иной момент. Он писал: "Я заметил, что сердце мое вдруг охватило непреодолимое желание говорить лишь о единстве и преимуществах святых, а также об обильном излиянии Духа на верующих". Это было именно то послание, в котором столь сильно нуждались верующие, и сердца, "опаленные и израненные пламенем Божьего суда", смягчались, слыша исполненные милосердия слова Джорджа Уайтфилда (как сказано в Римлянам 2:4: "...благость Божия ведет тебя к покаянию..."). Один из его биографов, преподобный Альберт Белден, писал:

Движение, столь великолепно начатое Джонатаном Эдвардсом, угасло бы вскоре после своей первоначальной яркой вспышки, если бы не приносящие удивительную атмосферу и исцеляющее воздействие служения возрождения Джорджа Уайтфилда. И действительно, вряд ли что другое во всех этих событиях способно произвести большее впечатление, чем ощущение "витавшего в воздухе

духа возрождения", заполнявшего собой церкви по обоим берегам Атлантического океана; духа, который привел к тому, чтобы состоялась очень своевременная встреча между двумя людьми... В результате этого образовалась своего рода мозаика из неуклонно соединяющихся между собой частичек, по которым электрический ток возрождения мчался, движимый всепоглощающей энергией.

В то время не казались невероятными случаи, когда лавочники закрывали свои магазины, а рабочие оставляли свои инструменты и бежали туда, где выступал Уайтфилд. Один свидетель так описал его проповедь под открытым небом, произнесенную приблизительно в то время:

Когда мы проехали примерно полмили по дороге, ведущей из Хартфорда, Уэзерсфилда и Степни в Миддлтаун, я увидел на холме передо мной облако или некое подобие тумана. Сначала я решил, что оно двигалось со стороны великой реки [Коннектикут], но, приблизившись к тому месту, услышал шум* подобный раскатам грома, и вскоре понял, что этот стук издавали копыта лошадей, скачущих по дороге, а этот туман был облаком пыли, вздымаемой этими лошадьми. Оно поднималось на несколько метров над холмами и деревьями, и, только подойдя поближе, я смог рассмотреть людей и лошадей, скользивших в этом облаке, подобно теням. Когда же я приблизился вплотную, моим глазам предстал бесконечный поток лошадей и всадников, мчавшихся бок о бок. Каждая лошадь, взмыленная, в пене, с ноздрями, раздувавшимися при каждом скачке, казалось, мчалась изо всех сил, чтобы доставить своего седока туда, где в тот момент провозглашалась небесная весть о спасении человеческих душ. Я дрожал всем телом, наблюдая охватившее мир движение, но все же сумел втиснуться со своей лошадью между двумя другими лошадьми. Моя жена удивилась тому, что наша одежда моментально стала грязной, ибо она так сильно покрылась пылью, что все стало выглядеть одноцветным - плащи, шляпы, рубашки и лошади.

Мы мчались в этом живом потоке три мили, и я не слышал, чтобы кто-либо из скачущих произнес хотя бы одно слово на протяжении всего пути, но каждый из них нещадно гнал вперед своего коня. Когда мы наконец подъехали к старой церквушке, там уже собралась толпа народа (говорили, от трех до четырех тысяч человек). И тогда мы спешились и отряхнули пыль, а служители направились прямиком в здание церкви. Я обернулся и посмотрел в сторону великой реки, где многочисленные лодки переправляли сотни людей. Весла двигались быстро и ловко, казалось, что и люди, и лошади, и лодки боролись за свою жизнь. Оба берега реки были черны от огромной вереницы людей и лошадей, Растянувшейся на двенадцать миль. Я не заметил ни одного крестьянина работающего в поле; всех их словно ветром сдуло.

Когда я увидел мистера Уайтфилда, который поднимался на импровизированную сцену, он был подобен ангелу. Молодой, стройный, худощавый мужчина стоял один перед тысячами людей с абсолютно невозмутимым видом. Мысли о том, что Бог был с ним, куда бы он ни шел, переполняли мой разум, приводя меня в состояние благоговейного страха еще до того, как он начал проповедовать; ибо он выглядел как человек, власть которому была дана Самим Величайшим Богом, и эта власть читалась в его взгляде. От его проповеди у меня защемило сердце. Благословен Бог, Который поколебал мое старое основание, и я смог увидеть, что моя праведность не сможет меня спасти. Затем, уверовав в учение об избранности, я начал спорить о нем с Богом, ибо все, что бы я ни делал в своей жизни, не могло спасти меня; Он один из Вечности волен провозгласить, кто будет спасен, а кто - нет.

О реакции подобного рода сам Джордж Уайтфилд вспоминал следующее:

Куда бы ни падал мой взгляд, большинство людей буквально захлебывались слезами. Одни были бледны, словно смерть; другие заламывали руки; третьи падали в объятия своих друзей. Большинство же устремляли свой взгляд к небу и взывали к Господу.

Из Нортхэмптона Джордж вернулся обратно в Нью-Йорк, побывав во время своего путешествия также в Нью-Хэйвене, Милфорде, Стратфорде, Фэйрфилде и Ньюарке, в каждом из этих мест воспламеняя сердца людей огнем возрождения. Затем снова посетил Филадельфию, город, в который прибыл из Англии ровно год назад. Несмотря на то, что строительство дома собраний, стены которого были возведены в его отсутствие, было еще не закончено, и здание стояло без крыши, горожане быстро соорудили платформу и подиум, и Уайтфилд стал первым проповедником, выступившим в этом зале. Находясь в Филадельфии, Джордж почувствовал, что Бог призывает его

вернуться к родным берегам, и потому решил перед отъездом в Британию проверить, как обстоят дела в Джорджии. О своем стремительном туре через всю Новую Англию он писал:

Мое тело сильно ослабело, но Господь постоянно восстанавливал утраченные силы. Только благодаря Ему, думаю, я мог проповедовать не менее 175 раз публично, если не считать тех многочисленных случаев, когда я благовествовал людям с глазу на глаз. Я проделал путь длиною в 800 миль, собрав за это время вещей, продуктов и денег для моих несчастных сирот на сумму более 700 фунтов стерлингов*. Никогда еще Бог не удостаивал меня такой удивительной помощи. Все происходившее служило цели убедить меня в том, что Америка должна стать для меня основным полем деятельности.

* 2006 году эта сумма равнялась бы приблизительно 160 тысячам долларов.

Вернувшись в Саванну, Джордж обнаружил, что, несмотря на все колоссальные усилия по сбору средств, ему по-прежнему не хватало пятисот фунтов для выплаты взятого на строительство приюта кредита. В середине января он попрощался с огромными толпами своих почитателей в Бостоне и направился в Чарльстон, где поднялся на борт "Минервы" и поплыл обратно в Британию в надежде собрать там недостающие средства для требовавшего все больших и больших капиталовложений приюта в Джорджии.

Друзья, враги и неистовые поклонники

1741 год стал для Джорджа Уайтфилда судьбоносным. Он получил приглашение из Шотландии, где вскоре возглавил пробуждение, равных которому в своей жизни еще ни разу не видел. В этот период Уайтфилд женился на вдове Элизабет Бернелл Джеймс, но этот брак принес ему больше домашнего уюта, чем сердечного утешения, потому что Джордж вступил в брак из чувства долга, а не искреннего романтического чувства.

Этот год также ознаменовался его разрывом с братьями Уэсли, вызванным разногласиями из-за доктрины предопределения, - Разрыв, который повлиял на него гораздо глубже, чем какое-либо иное событие в его жизни. Жаркие публичные дебаты, длившиеся около года, разделили методистов на два непримиримых лагеря: сторонников братьев Уэсли и "свободной благодати" - с одной стороны, и сторонников Уайтфилда и кальвинистской доктрины — с другой. Обе группы переживали период бурного роста, и вскоре как Уайтфилд, так и братья Уэсли осознали опасность раскола - Неприязнь, которую они испытывали по отношению друг к другу, нельзя было сравнить с неприязнью, существовавшей между их сторонниками.

Более того, Уайтфилд никогда не стремился создать свое собственное религиозное движение, тогда как Джон Уэсли был склонен к административному руководству и созданию организации. Кроме того, никто из них не мог долгое время находиться в состоянии "духовной разлуки". Тем не менее, хотя их дружба, в конце концов, и была восстановлена, оба движения - "кальвинистский методизм" Уайтфилда и "объединенные общества" Уэсли — так никогда и не слились в единое русло*.

* Больше информации по этому вопросу вы найдете в подразделе первой главы этой книги, озаглавленном "Разделение в среде верующих".

Покорив Англию и Северную Америку, Джордж направил все силы на пробуждение Шотландии. Шотландские пресвитериане возлагали на приезд Уайтфилда большие надежды. Дело в том, что кальвинисты, американцы и шотландцы, были в XVIII веке родственными душами. Обе страны стремились к независимости и пытались создать свою собственную национальную культуру. Джордж Уайтфилд посещал Шотландию четырнадцать раз, своими собственными глазами видя пробуждение, подобного которому не было ни в остальных областях Великобритании, ни в ее колониях. Позже он неоднократно вспоминал о той радости, которую всегда испытывал, проповедуя шотландцам. Проповедник был "под впечатлением от шороха открываемых Библий, который раздавался, едва только он начинал цитировать Писание".

Уайтфилд отметил на карте небольшой городок Кэмбусланг, расположенный к юго-востоку от Глазго, после того как проповедовал там дважды в течение одного дня перед двадцатитысячной аудиторией, а на следующий день — перед тридцатитысячной. Но необычным было не столько количество слушателей, сколько произведенный служителем эффект. Никогда еще не доводилось Уайтфилду видеть такой сильный голод по присутствию Божьему среди людей, которым он проповедовал. Огромные шатры едва вмещали всех желающих - тысячи человек - принять

причастие, тогда, как поклонение и совместные молитвы продолжались практически до самого утра. В своем дневнике Джордж отметил следующее:

Вы могли бы увидеть тысячи человек, глаза которых были полны слез. Одни заламывали руки, другие едва не лишались чувств, третьи взывали к Богу, скорбя о распятом Спасителе... Целую ночь, переходя от одной группы людей к другой, вы могли бы услышать, как они молятся и прославляют Бога... Все это было подобно Пасхе во времена царя Иосии.

В августе по всей Шотландии стали проводиться причастия под открытым небом. Такого раньше никто не видел ни в этой стране, ни за ее пределами. Как заметил один из свидетелей тех событий:

Одни называли цифру в пятьдесят тысяч человек, другие говорили о сорока тысячах, тогда как третьи останавливались на более чем тридцати тысячах, с чем, кстати говоря, соглашался и мистер Уайтфилд... Некоторые люди прибыли из Англии, а кто- то даже из Ирландии. Среди них было много членов епископальной церкви и даже несколько квакеров.

Все это повторялось каждый раз, когда Уайтфилд где-либо проповедовал; многие исследователи даже считают, что пламя, зажженное во время "пробуждения при Кэмбусланге", охватило впоследствии всю Англию. Влияние Джорджа на шотландскую аудиторию доктор Джон Джиллис описывает следующим образом: "Тысячи человек буквально замерли и, как один, неотрывно следили за движениями его губ, и многие из них еще долго оставались под впечатлением увиденного, размышляя о Боге и вечности".

События в Кэмбусланге имели далеко идущие результаты, но вместе с тем возрождение охватило практически все Британские острова. Джон Уэсли неустанно проповедовал в переполненных лондонских залах, Чарльз Уэсли выступал перед тысячами слушателей в Бристоле и Глочестере, а Хоуэлл Харрис, кальвинист и большой поклонник Уайтфилда, воспламенял сердца людей в Уэльсе.

Уайтфилд понимал, что его главное призвание — быть "странствующим свидетелем", не привязанным к какому-либо конкретному месту или церкви, не говоря уже о стране (он никогда не смог бы, подобно Уэсли, руководить растущей сетью обществ). "Я выбираю жизнь странствующего пилигрима", - писал он. Джон Уэсли, напротив, отказывался посылать проповедников туда, где он не мог бы организовать общество, считая, что Великое пробуждение в Америке и Шотландии пошло на убыль преимущественно из-за того, что последователям Джорджа Уайтфилда не хватало эффективного наставничества. Он был убежден, что их неспособность придерживаться избранного курса объяснялась отсутствием эффективной руководящей структуры. Джордж высоко ценил талант Джона Уэсли, проявлявшийся в управлении и наставлении быстро растущего количества последователей, а Уэсли, в свою очередь, признавал, что ни один человек "со времен апостолов не собирал столько тысяч человек, столько грешников, жаждавших покаяния!".

Джордж Уайтфилд понимал, что его главное призвание - быть "странствующим свидетелем ".

В Уэльсе Джордж присоединился к своему другу Хоуэллу Харрису, который собственными усилиями основал в регионе несколько десятков методистских обществ. Харрис был полевым проповедником, перенесшим жестокие гонения, однако его упорство в конце концов принесло Уэльсу возрождение. Число его последователей росло ежедневно. Уайтфилд помог другу основать Кальвинистско-методистскую ассоциацию Уэльса.

Харрис познакомил Джорджа с Элизабет Бернелл Джеймс, вдовой, которая любила Господа и всем сердцем поддерживала движение методистов. Джордж поделился с Харрисом своим желанием связать себя узами брака. Он надеялся найти помощницу в деле служения Богу. Элизабет согласилась выйти замуж за Джорджа, даже невзирая на то, что он сразу дал ей понять, что проповедь Евангелия всегда будет его первой любовью. Бракосочетание состоялось в ноябре 1741 года, Элизабет было тридцать шесть лет, тогда как Джорджу - лишь двадцать шесть. Во время их длившегося неделю медового месяца Уайтфилд проповедовал по два раза в день. Месяц спустя он снова отправился в путь. Таким образом, с первых дней семейной жизни он лишь изредка виделся и еще реже общался со своей женой. Через два месяца после женитьбы он, по свидетельству современников, произнес: О, каким же благословенным будет то время, когда нам никогда более не придется связывать себя узами брака, но быть лишь как ангелы Божьи". Элизабет поселилась в

Лондоне; муж изредка и ненадолго к ней заезжал, но не мог продолжительное время оставаться на одном и том же месте, потому что призвание нести людям Евангелие постоянно напоминало о себе, стучась в его сердце.

Кроме того, Уайтфилд ни на секунду не забывал и о растущих потребностях нуждавшегося в материальной поддержке сиротского приюта, из-за чего продолжительность его миссионерских путешествий с каждым годом все увеличивалась (однажды он два года не виделся с женой). Элизабет верно служила мужу, заведуя его делами во время длительных отлучек служителя: она переписывала его письма и проповеди, а также занималась корреспонденцией, которая с каждым годом становилась все более интенсивной. После двух лет совместной жизни Элизабет родила сына, который умер в младенчестве. Эта утрата так потрясла Джорджа, что с этих пор он с особой заботой относился к детям везде, где ему доводилось бывать. Случалось, что во время служений он обращался непосредственно к мальчикам и девочкам, говоря, что, даже если их родители не обратятся к Христу, они сами должны принять спасение, чтобы после окончания земной жизни оказаться на небесах.

После смерти первенца у Элизабет один за другим случилось четыре выкидыша. И хотя знакомые отмечали, что Джордж всегда относился к жене с должными почтением, Элизабет писала о своих отношениях с мужем следующее: "Я была для него бременем и тяжелой ношей". В августе 1768 года, после двадцати семи лет брака, она покинула этот мир и ушла на небеса, опередив своего мужа всего на два года. После смерти Элизабет Джордж сказал: "Я каждый день ощущаю нехватку своей правой руки".

Зов с небес

Годы, предшествовавшие следующему путешествию Джорджа в Америку в 1745 году, были наполнены, с одной стороны, удивительными евангелическими-победами и, с другой, частыми нападками со стороны недоброжелателей. Уайтфилда забрасывали камнями, гнилыми овощами и частями мертвых животных. Однажды камень попал ему прямо в голову, и проповедник едва не потерял сознание. В другой раз Уайтфилда наверняка изрезали бы ножом, если бы не вмешательство его многочисленных сторонников. Был случай, когда какой-то человек пытался ударить Джорджа кнутом прямо во время проповеди. Иные недруги пытались заглушить его голос трубами и барабанами. В 1744 году, тогда же, когда умер новорожденный сын Уайтфилда, неизвестный вломился в его дом и накинулся на лежащего в кровати проповедника. Жизнь ему спасла домовладелица: когда Джордж закричал: "Убийца!", она с истошным воплем выскочила на улицу, перебудив всех соседей, и незадачливый преступник бросился бежать, скрывшись под покровом темноты.

Во время третьего путешествия Джорджа в Америку в 1745 году он был столь горячо принят в колониях, что ему потребовалось несколько месяцев, чтобы добраться до расположенной южнее Джорджии. Остановился он в приюте "Вифезды", где внимательно изучил состояние помещений и познакомился с персоналом. Сироты выглядели здоровыми и делали успехи в духовном росте и образовании. Уайтфилд надеялся открыть колледж, который должен был стать главным центром религиозного образования на Юге. Увлеченный этой идеей, он направился на восток, в Филадельфию и Бостон, чтобы собрать пожертвования для осуществления своей новой мечты.

По пути Джордж проповедовал во всех встречавшихся ему населенных пунктах. Узнав о том, что он собирается остановиться в том или ином городе, люди преодолевали сорок-пятьдесят миль, движимые горячим желанием слышать живое Божье Слово. Доводя себя почти до полного истощения, Уайтфилд ежедневно проповедовал десяткам тысяч человек, распространяя волны возрождения во все уголки колоний. Джордж был близок к тому, чтобы стать первым духовным героем Америки - он объединил молодую нацию, которая в то время искала свое место в мире.

Затем Джордж вернулся в Англию, Шотландию и Уэльс. Он по-прежнему пользовался глубоким уважением со стороны богатой и влиятельной леди Хантингдон, которая стала одной из его наиболее горячих и преданных сторонниц. Она назначила Уайтфилда патроном сети построенных ею церквей, что существенно облегчило лежавшее на его плечах финансовое бремя. Интерес к его проповедям не уменьшался, но, к счастью, нападки пошли на спад. В 1750-х годах методисты, прежде всего братья Уэсли и Уайтфилд, получили широкую общественную поддержку, и их послание было принято представителями практически всех существовавших в то время сословий. Изменилась также и форма

выражения ими своей точки зрения. Джордж научился использовать более мягкий тон в своих письмах и выступлениях, с возрастом становясь все более уравновешенным и рассудительным.

Тем не менее, его слова по-прежнему били точно в цель. Один молодой человек по имени Джон Торп вместе со своими друзьями впервые услышал проповедь Джорджа в мае 1750 года, после чего отправился прямиком в таверну. Там мужчины начали всячески высмеивать его манеру говорить, кривляясь друг перед другом. Когда настал черед Торпа, он схватил Библию, вскочил на стоявший неподалеку стол и воскликнул: "Я вам всем нос утру!". Затем его взгляд упал на следующий стих в распахнутой книге: "Если не покаетесь, все так же погибнете" (Луки 13:3 и 5). Эти слова настолько потрясли его, что он тут же перестал смеяться и начал совершенно искренне проповедовать о Христе. Два года спустя он сам стал странствующим проповедником.

Уайтфилд научился использовать более мягкий тон в своих письмах и выступлениях, с возрастом становясь все более уравновешенным и рассудительным.

В 1751 году Джордж в Четвертый раз отправился в колонии, взяв с собой группу из двадцати двух мальчиков-сирот. Видя необходимость в расширении своего американского служения, он почти сразу же вернулся в Англию для сбора необходимых средств. Во время своего пятого трансатлантического путешествия в 1754 году он получил звание почетного магистра искусств в колледже Нью-Джерси (сегодня Принстонский университет), тесно сотрудничая в то время с Бенджамином Франклином, ступившим на политическую стезю. (К этому времени практически каждый американец слышал выступления Джорджа Уайтфилда и глубоко его уважал, подобно тому, как сегодня многие люди уважают Билли Грэма.) Поддержка Уайтфилда видимо сильно помогла Франклину в самом начале его политической карьеры. Год спустя, в марте 1755 года, Джордж покинул Америку и в следующий раз оказался в своей любимой "Вифезде" лишь через долгих восемь лет.

В 1760 году, находясь в Лондоне, Уайтфилд узнал о катастрофическом Бостонском пожаре. До глубины души потрясенный этим событием, он собрал большую денежную сумму и немедленно отправил ее в Бостон. Когда в 1763 году он вернулся в Америку и снова оказался в Бостоне, сердца даже самых неприветливых горожан смягчились, и они "единогласно проголосовали за то, чтобы от лица всего города поблагодарить преподобного Джорджа Уайтфилда за его благотворительную заботу и щедрые финансовые пожертвования на благо пострадавших горожан". Находясь в Новой Англии, Джордж написал следующее: "Буквально отовсюду мне приходит столько приглашений, что я просто не знаю, что мне делать".

Когда между Англией и ее колониями началось серьезное противостояние, Джордж решительно встал на сторону колонистов. Они же, в свою очередь, считали его своим верным сторонником и, как следствие, еще чаще посещали его проповеди. Джордж никогда не упускал возможности рассказать людям о Боге и потому останавливался для проповеди везде, где его об этом просили. В результате этого его путь обратно в Джорджию занял больше восемнадцати месяцев. Длительные путешествия и походные условия жизни вызывали беспокойство у врачей Джорджа, которые уговаривали его подольше оставаться в одном и том же месте. Тем не менее, даже вернувшись в 1765 году в Англию, он продолжал регулярно курсировать между Лондоном и Эдинбургом.

Жена Уайтфилда отошла в мир иной в августе 1768 года, а год спустя Джордж решил вернуться в колонии. В Лондоне он выступил с прощальной речью перед многотысячной аудиторией, а в ноябре 1769 года совершил свое самое последнее путешествие в Америку. Прибыв в Чарльстон, Уайтфилд чувствовал себя достаточно плохо. Но, несмотря на это, проповедовал перед многотысячной аудиторией десять дней подряд. Затем продолжил свое миссионерское путешествие по городам Новой Англии, как в молодые годы. Несмотря на приступы астмы, он шутливо убеждал друзей в том, что "скорее износится, чем проржавеет". В следующие девять месяцев он и не думал замедлять взятый изначально темп, невзирая на то, что часто "по ночам его сильно лихорадило и рвало".

Утром 19 сентября 1770 года он выступил с волнующей проповедью в Портсмуте, штат Нью-Гемпшир, перед традиционно многочисленной аудиторией, которая, затаив дыхание, слушала легендарного Джорджа Уайтфилда. После этого служитель немедленно отправился в следующий пункт назначения: в Ньюберипорт, штат Массачусетс. Друзья и сторонники, видя его слабость,

умоляли проповедника отдохнуть, но он стоял на своем. К полудню собравшаяся толпа уговорила его выступить. Джордж Уайтфилд взобрался на огромную бочку, чтобы произнести свою последнюю проповедь на этой земле. Тема проповеди звучала следующим образом: "Исследуйте себя, в вере ли вы". В ней шла речь о рождении свыше. Последние произнесенные Уайтфилдом слова были о бесполезности человеческих усилий в деле спасения: "Дела плоти! Неужели человек попадает на небеса благодаря делам плоти? Я скорее добрался бы до луны по веревке, сделанной из песка".

Джордж Уайтфилд сделал свой последний вздох рано утром 20 сентября 1770 года, через день после своей последней проповеди. Ему было пятьдесят шесть лет. Шесть тысяч скорбящих пришли на его похороны, на которых Джон Уэсли произнес поминальную речь. Чарльз Уэсли сочинил следующие строки в память об их чудесной встрече:

Смогу ли я забыть когда-нибудь тот славный день,
В который встретились мы по Божьему провиденью?
Как безмятежный, ветреный студент, бродил
Я в поисках вечной истины по коридорам академии;
Скромный юноша, предавшись своим мыслям,
Стараясь избежать истоптанных дорог, -
Я встретил Иудея, в котором не было лукавства,
Я полюбил его и прилепился к нему всем сердцем, как лишь мог.
Незнакомец мне вдруг верным другом стал,
И, сам того не ожидая, я ангелу гостеприимство оказал.

Кто-то спросил Уэсли, увидит ли он однажды Джорджа Уайтфилда на небесах, и он ответил: "Джордж Уайтфилд был столь яркой звездой на Божьем небосводе, и он будет стоять так близко к Божьему трону, что такой человек, как я, меньший из меньших, вряд ли сможет увидеть его во всей его славе".

За время своего земного служения Джордж проповедовал более чем восемнадцать тысяч раз — в среднем пятьсот проповедей в год, или десять проповедей в неделю, в течение тридцати лет. Однажды он записал такие пророческие слова в своем дневнике: "Я верю, что при нашей жизни началось такое дело, о котором ни мы, ни наши отцы никогда не слышали. Начало этого дела удивительно; каким неизмеримо славным будет его конец!".

Могущественное - и необычное - наследие

После смерти Джорджа Уайтфилда его тело было похоронено под Кафедрой старой Южной пресвитерианской церкви в Ньюберипорте, штат Массачусетс, маленьком городке, который благодаря этому стал местом паломничества для многих людей по всей Новой Англии. В 1775 году группа колониальных солдат, действовавших под руководством Дэниэла Моргана и Бенедикта Арнольда, попросила провести перед сражением служение в этой церкви. После отправления службы солдаты спросили пастора, могут ли они взглянуть на тело Джорджа. Получив разрешение, они вскрыли саркофаг, сняли с останков воротник и рукава пасторской одежды и разрезали их на куски, которые разделили между собой и взяли на сражение в качестве защитных реликвий.

В течение следующих ста пятидесяти лет останки Джорджа Уайтфилда продолжали быть объектом пристального внимания. Джесси Ли, "методистский апостол Новой Англии", в 1790 году посетил церковь и отметил, как медленно разлагается тело, - считается, что это свидетельствует о святости покойного. Ли обнаружил, что "большая часть тела оставалась твердой; лишь небольшая его часть немного разложилась"*. Взяв в руки лоскут от одежды Джорджа, он преклонил колени и долго молился.

* Clifton F. Guthrie, "Touching Whitefield's Bones: Relics and Saints among Nineteenth- Century Methodists," работа представлена на Юго-восточном региональном собрании Американской академии по делам религии 21 марта 1998 года, http://www.bts.edu/Guthrie/ GuthrieCV&Pubs/Touching%20Whitefields%20Bones.htm.

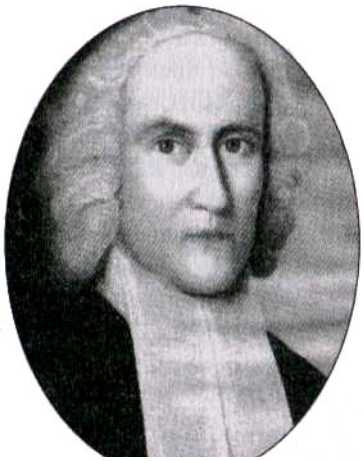
За эти годы тысячи людей приходили, чтобы увидеть тело, и, если им это удавалось, брали с собой часть одеяния или мощей. Американец Абель Стивенс (1815-1897), редактор, историк и

методистский священник, осмотрел тело Уайтфилда через много лет после его смерти и даже подержал в руках его череп. В 1829 году останки правой руки Джорджа были перевезены в Англию, где и оставались в течение двадцати лет. Спустя некоторое время процессия, состоявшая из двух тысяч скорбящих, которые приехали, чтобы почтить память проповедника, вернула останки в Америку. Могилу в конце концов покрыли стеклом и установили возле нее газовую лампу, чтобы люди могли прийти в церковь в любое время и помолиться в тишине у останков великого проповедника. Несмотря на все предпринятые меры, часть одного из его больших пальцев оказалась в Университете Дрю, где хранится и по сей день в методистских архивах. И, в конечном счете, в 1933 году могилу пришлось запечатать сланцевыми плитами, чтобы прах проповедника покоился с миром.

Как ни один другой проповедник восемнадцатого столетия, Джордж Уайтфилд положил начало прогрессивным методам евангелизации, которые используются и по сей день. Без помощи телевидения, микрофонов и усилителей его голос слышали люди почти в каждом доме Великобритании и Америки. Его ораторские навыки и огромное обаяние, в сочетании с сильным характером и безмерной любовью к потерянным душам, сделали его мощным оружием в Божьих руках. В то время, когда люди жаждали увидеть свет истины, Джордж Уайтфилд взошел на сцену. Он передал новый метод проповеди на открытой местности братьям Уэсли и свежее откровение о Божьей милости - Эдвардсу, тем самым зажигая огонь пробуждения на двух континентах.

Глава 3

Джонатан Эдвардс
(1703 -1758)

"Божий эрудит"

"БОЖИЙ ЭРУДИТ"

Мое ощущение духовного мира часто и неожиданно вспыхивало в моем сердце сладким пламенем, воспламеняя мою душу, и я не знал, как это выразить.

- Джонатан Эдвардс

Джонатан Эдвардс является фигурой наиболее сложной — и потому наиболее непонятной - из всех отцов христианского пробуждения. Рожденный в том же году, что и Джон Уэсли, Эдвардс был сыном пуританского служителя и считался в колониальной Новой Англии едва ли не представителем знати - хотя реалии жизни его семьи были близки скорее к фортам и гарнизонам Дикого Запада, чем к мирному приходу Уэсли в Эпуорте.

Несмотря на то, что впоследствии Джонатан Эдвардс стал пастором и известным религиозным отцом Великого пробуждения в Америке, он был также и эрудитом, прекрасно разбиравшимся в основных направлениях мысли эпохи Просвещения, а также в трудах таких великих ученых того времени, как Джон Локк и Исаак Ньютон. На протяжении своей жизни Эдвардс написал несколько выдающихся теологических трактатов, редактировал популярное издание "Жизнь и дневники Дэвида Брэйнерда" *(Life and Diary of David Brainerd),* которое и поныне остается классикой миссионерской литературы, наполнил ветром паруса двух возрождений, был изгнан из церкви, пастором которой являлся, служил миссионером среди американских индейцев и умер, занимая должность президента Университета Нью- Джерси в Принстоне.

Джонатан был пуританином, но при этом также евангелическим кальвинистом, что выглядело явным оксюмороном. Он был глубоко убежден в том, что только Бог избирал тех, кто предназначен к спасению; но при этом, как ни странно, он также был уверен в том, что ответственностью каждого отдельно взятого человека является поиск своей собственной судьбы в плане Божьем. Джонатан Эдвардс был человеком удивительной честности, которому удавалось находить баланс между радикальной верой, с одной стороны, и дисциплиной и критическим мышлением, с другой. Он никогда не боялся подвергать сомнению свои собственные убеждения и затем искренне искал ответ, пока, наконец, не находил его.

Несмотря на свою короткую жизнь, Джонатан Эдвардс во время Великого пробуждения стал свидетелем знаков и чудес Божьих. Выступая против всевозможных злоупотреблений, он стремился к тому, чтобы вера исходила, прежде всего, из человеческого сердца, а не разума. Он много

проповедовал о любви, которая определяет Божью природу, однако наиболее известной его проповедью стал горячий призыв к покаянию, наполненный образами льющихся с небес огня и серы - "Грешники в руках разгневанного Бога". Он говорил людям о тяжести Божьего гнева с сердцем, переполненным состраданием и заботой о заблудших душах. Эдвардс был более знаком с небесами, чем с преисподней, но всегда с готовностью устраивал своим слушателям виртуальный тур по аду в надежде, что те, узнав об этом месте больше, будут всеми силами стремиться избежать его.

Джонатан и его жена Сара вошли в американскую историю как одни из наиболее выдающихся родителей. К 1900 году среди потомков их одиннадцати детей насчитывалось тринадцать президентов колледжей, шестьдесят пять профессоров, сто юристов (включая одного декана известной юридической школы), тридцать судей, шестьдесят шесть врачей (включая одного декана медицинской школы), сто тридцать пять редакторов, один издатель и более ста зарубежных миссионеров. Из них необходимо в первую очередь отметить писателей О'Генри и Роберта Лоуэлла, а также издателя Фрэнка Нельсона Даблдэя. Восемьдесят человек из их потомков занимали публичные должности, включая трех американских сенаторов, мэров трех крупных городов, губернаторов трех штатов и американского вице-президента Аарона Бурра-младшего. Среди них была также и первая леди Соединенных Штатов Эдит Рузвельт (вторая жена Теодора Рузвельта), а также контролер американского Министерства финансов Роберт Уокер Тэйлор. Наследие, оставленное детьми Эдвардсов, четко показывает нам, как влияние одного искреннего последователя Иисуса Христа передается через века и поколения.

Тем не менее, сфокусировавшись только на оставленном Джонатаном Эдвардсом наследии, мы можем упустить из виду его исключительное значение для современного христианства. Он был человеком, боровшимся с мыслями, чувствами и стремительной волной перемен, дабы обрести награду Авраама - дружбу с Всемогущим Богом. Но прежде всего Джонатан Эдвардс был человеком, стремившимся к познанию Бога, и благодаря этому стремлению он добился всего, чего желал.

Колониальное начало

Джонатан Эдвардс появился на свет 5 октября 1703 года в городе Ист-Виндзор, штат Коннектикут, в семье пуритан Тимоти и Эстер Стоддард Эдвардс. Среди их одиннадцати детей он был единственным мальчиком - четыре дочери Эстер родила до появления на свет Джонатана и шесть - после его рождения. Несмотря на то, что пуритане прибыли в Новый Свет с большими надеждами на создание истинно христианской страны, где верующие смогут жить согласно библейским убеждениям, спустя некоторое время многие из них променяли веру на материальное преуспевание.

Тем не менее, постоянные напоминания о бренности человеческой жизни не позволяли колонистам всецело отдаться мирским заботам. Смертельные опасности подстерегали поселенцев буквально на каждом шагу, и очень часто они теряли друзей и близких в результате эпидемий, несчастных случаев и внезапных нападений индейцев. Почти 50 процентов всех колонистов, впервые прибывших в Плимут меньше, чем за сто лет до рождения Джонатана, умерло во время первой зимы. Из-за постоянной угрозы нападения индейцев все поселения между Нортхэмптоном и Дирфилдом (современный Массачусетс) были больше похожи на военные аванпосты, чем на причудливые макеты городов колониальной эры, которые сегодня так нравятся многочисленным туристам.

Важно не забывать и о том, что всю свою жизнь Джонатан считал себя подданным Великобритании. Он не дожил до Американской революции, а его рождение пришлось как раз на самую середину войны королевы Анны (называемую также "Войной за испанское наследство"), в которой Англия боролась с Францией и Испанией за американские земли. Несмотря на то, что война началась в Сент-Августине, штат Флорида, французские территориальные владения находились преимущественно к северу от Новой Англии, в Канаде. Война с Францией и Испанией означала не только перемены в британском парламенте; она означала возможность установления в этом регионе католицизма, который большинство пуритан считало религией антихриста.

Кроме того, французские поселенцы в Канаде поддерживали более тесные связи с индейцами, чем британские колонисты, и европейские войны на Американском континенте выливались в столкновения между французами и индейцами, с одной стороны, и английскими колонистами, с другой. Французские иезуиты привезли с собой в Америку католицизм, требовавший от индейцев меньших изменений уклада жизни. Одно дело - регулярно причащаться, и совершенно другое - пережить рождение свыше. Это привело к дальнейшему сближению французов и индейцев, и вскоре

последние переняли у французов презрительное отношение к английским поселенцам и их протестантской вере.

В течение той самой недели, когда появился на свет Джонатан, индейцы устроили засаду неподалеку от Дирфилда (приблизительно в пятидесяти милях к северу от Ист-Виндзора) и, схватив двух мужчин, увели их с собой на север в качестве пленников. Джон Уильямс, пастор Дирфилда и дядя Джонатана, лишь чудом избежал подобной участи. Затем, 29 февраля 1704 года, на Дирфилд напали приблизительно две сотни индейских воинов и небольшой отряд французов. В результате столкновения, известного также как Дирфилдская бойня, погибло пятьдесят шесть из приблизительно трехсот жителей городка, а сто человек были насильственно уведены в Канаду. Дядя Джонатана, Джон Стоддард, с огромным трудом избежал той же участи. В ночной рубашке и схваченном на бегу плаще, он обернул свои ноги отрезанными от плаща кусками ткани и каким-то образом сумел пробежать десять миль до ближайшего поселения и позвать на помощь. Помощь, однако, пришла слишком поздно: другой дядя Джонатана, пастор Дирфилда Джон Уильямс, и его жена Юнис лишились двоих детей - шести недель и шести лет от роду, которые у них на глазах были убиты. Остальных членов семьи увели на север, в Канаду. Юнис, все еще слабая после недавних родов, упала в ручей, где и была убита брошенным ей точно в голову томагавком.

Уильямс с четырьмя детьми вернулся домой год спустя, когда за шестьдесят заложников был заплачен выкуп. В 1713 году, когда война подходила к концу, вместе со своим братом Джоном Стоддардом он отправился в Канаду, чтобы договориться о возвращении остальных пленников. Одна из дочерей Уильямса, названная Юнис в честь Матери, не была, однако, выкуплена вместе с отцом и остальными детьми. В начале 1713 года она вышла замуж за индейца-могавка и осталась в Канаде. Позже Уильямс описал свои злоключения в книге

Искупленный пленник Сиона" *(The Redeemed Captive of Zion),* которая стала бестселлером.

Пуританское мышление истолковывало подобного рода бедствия как знаки нового времени, наступающего для рожденного свыше народа Божьего Завета, каковым они себя и считали. Подобно народу Израилеву, пуритане верили в то, что благословения и наказания являются прямым следствием их покорности или непокорности Богу. Для них Дирфилдская бойня и похищения были сродни вавилонскому пленению, а свое возвращение они сравнивали с восстановлением Иерусалима Неемией. Постоянно сталкиваясь со смертью и всевозможными трудностями, пуритане испытывали острую потребность в постоянной близости с Богом, потому что лишь она одна давала им надежду на выживание в столь диких условиях. Джонатан вспоминал о том, как в детстве несколько раз в день вся его семья собиралась для молитвы, чтобы просить Бога о защите и поддержке.

Необычное наследие

Семейное дерево Джонатана — особенно со стороны его отца — представляло собой две крайние противоположности того времени: пуритан и жителей приграничных территорий. Первая из них полностью соответствовала пуританской идее совершенства во всем, служения примером остальному миру. Вторую из них можно было охарактеризовать как нецивилизованность и греховность - то, чего следовало избегать любой ценой.

Дед Джонатана по отцовской линии — Ричард, был успешным торговцем. Женившись на девушке по имени Элизабет, спустя три месяца он узнал, что она беременна от другого мужчины. Разводов в те дни практически не было, и Ричард Эдвардс договорился, чтобы ребенка взяли к себе на воспитание родители Элизабет. Положение еще больше усложнилось, когда у Элизабет обнаружилось психическое расстройство, которое в то время считалось неизлечимым. Скорее всего, этот недуг повлиял и на остальных ее родственников. Одна из ее сестер убила собственного ребенка, другую зарубил топором родной брат.

Тимоти Эдвардс был старшим из шести детей Ричарда и Элизабет. Нет никакого сомнения в том, что материнские выходки оказали на него серьезное влияние — несколько раз она уходила из семьи и каждый раз внезапно возвращалась. После неоднократных супружеских измен Элизабет, неконтролируемых вспышек гнева и угроз (однажды она даже грозилась перерезать мужу горло во сне) Ричард в конце концов обратился к властям за разрешением о разводе. Его просьба была отклонена, но спустя несколько лет беспрерывного хаоса он снова обратился с прошением, которое на этот раз было удовлетворено.

Несмотря на всю законность развода Ричарда, его сыну Тимоти пришлось заплатить за это большую цену, потому что пуритане категорически отвергали развод, независимо от того, законен он или нет. Тимоти загадочным образом исключили из Гарварда, где он готовился приступить к самостоятельному служению. "Нам известно лишь то, что напротив его фамилии в графе "Строгие наказания" в гарвардской ведомости была поставлена "зловещая" отметка. Некоторые считают, что ее появление по времени совпадает с просьбой отца Тимоти о разводе". Тем не менее, с огромной настойчивостью, которая являлась пуританской добродетелью и семейной чертой Эдвардсов, Тимоти продолжил учебу под руководством частного преподавателя. Позже Гарвард, признав его успехи на данном поприще, даровал ему ученую степень.

Жена Тимоти, Эстер Стоддард Эдвардс, росла и воспитывалась в доме Соломона Стоддарда, известного пуританского служителя, который пользовался таким колоссальным почтением, что многие называли его "папой долины реки Коннектикут". Как дочь столь уважаемого служителя, Эстер была знакома со многими влиятельными людьми Новой Англии, а также имела привилегию получить лучшее образование, доступное женщинам того времени. Возможно, именно любовь Эстер к книгам смогла пробудить у ее молодого мужа интерес к знаниям, что в будущем помогло ему стать одним из наиболее просвещенных людей своего времени.

"Растворившийся в Боге"

В те далекие дни местный пастор зачастую исполнял обязанности школьного учителя, и Тимоти Эдвардс не был исключением. Отец, который был для него одновременно и пастором и учителем, сыграл исключительно важную роль в обращении сердца молодого Джонатана к Господу. Уже в детские годы, получая домашнее образование, Эдвардс изучил греческий и латинский языки, а также иврит. Кроме того, в своих дневниках Джонатан писал о том, как еще совсем маленьким мальчиком он часто бродил по близлежащим лугам, ощущая Божье величие во всем, что его окружало. Джонатан всегда любил книги, но при этом не позволял домашним занятиям полностью потощать все его время.

Думаю, Джонатан с детства ощущал в своей жизни Божье призвание. В своих дневниках он упоминает о том, что нередко говорил о Боге сверстникам и даже совместно с друзьями построил в лесу молитвенный шалаш. На протяжении нескольких месяцев ребята приходили туда не меньше пяти раз в день, чтобы вместе искать Бога. В своих мемуарах Эдвардс также высказывает сожаление, что "в конце концов, девятилетний парень полностью растерял все эти добрые увлечения и вернулся, подобно псу, к своей блевотине, ступив на стезю греха".

Эдвардс продолжил свой путь к знаниям, поступив в тринадцать лет в Коллегиальную школу Коннектикута, которая впоследствии стала Йельским университетом. Готовясь к служению, он штудировал книги в крупнейшей библиотеке региона, знакомясь не только с миссионерской литературой, но и со многими другими трудами. Окончив учебу в 1720 году, Джонатан, лучший ученик своего класса, остался в школе еще на два года для получения степени магистра.

В отношениях с Богом молодого Джонатана бросало то в одну, то в другую крайность.

Похоже, Джонатан забыл о своем изначальном стремлении к познанию Бога вплоть до последнего года обучения в Йеле, когда в шестнадцать лет он едва не отправился на тот свет, что подробно описано в его дневнике. Тяжело заболев плевритом, юноша пришел в ужас, осознав, что может умереть, так и не подготовившись основательно к встрече с вечностью. Это чувство было сравнимо с тем, как если бы его вдруг "резко встряхнули над бездной ада"[6] - образ, который впоследствии появился в его наиболее известной проповеди. И хотя Джонатан писал, что во время этих испытаний совершенно по-новому посвятил себя Богу, поправившись, он "снова вернулся на оставленный было путь греха", продолжая "изо всех сил вести [духовную] борьбу".

Эта духовная борьба не прекращалась на протяжении всего периода формирования Джонатана как личности. Вы сами поймете, какие сомнения в то время переполняли разум молодого человека, когда познакомитесь с тем, чему учил его отец. Тимоти Эдвардс был глубоко убежден в существовании трех особых шагов на пути к обращению: (1) изначальная убежденность, или осознание существования Бога; (2) ощущение собственной ничтожности и оторванности от Бога и, наконец, (3)

покаяние и окончательное спасение, *если* Бог дарует его (как считал любой благочестивый кальвинист). Тимоти Эдвардс, видимо, глубоко верил в то, что Бог действительно дарует одно-единственное спасение. Джонатан написал своей сестре письмо, в котором сообщал, что, после того как отец ознакомил с этими тремя шагами прихожан своей церкви, сотни из них ответили Святому Духу, коснувшемуся их сердец, поиском более близких отношений с Богом. Тридцать человек даже договорились о личной встрече с Тимоти, чтобы тот подтвердил достоверность их личного опыта (свидетельства лишь тринадцати из них тот признал искренними, позволив им присоединиться к своей церкви).

Джонатану Эдвардсу было нелегко принять этот процесс как доказательство обращения к Богу того или иного человека. Его дедушка по материнской линии однажды сказал ему, что девять из десяти обратившиеся к Богу людей вряд ли сомневались в реальности пережитого. А поскольку духовные поиски Джонатана обличала неуверенность и неопределенность, возможно, он иногда даже сомневался в том, действительно ли Бог даровал ему спасение. Но и в такие периоды он был полон неослабевающей решимости не только максимально полно познать библейского Бога, но также лично ощутить всю полноту близости с Ним. Он не желал довольствоваться малым. Как некто однажды метко охарактеризовал его: "Ему требовалось либо все, либо ничего".

Наконец в 1721 году, когда Джонатан был с головой погружен в учебу, истина приведенного ниже отрывка открылась его рациональному разуму: "Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь" (1-е Тимофею 1:17). Впоследствии он писал:

Мою душу наполнило, проникнув во все ее уголки, ощущение славы, свойственной лишь небесному, Божественному Существу; совершенно новое ощущение, не похожее на то, что мне доводилось испытывать ранее... Я подумал о том, насколько же великолепным было это Существо и как счастлив я должен быть, наслаждаясь таким Богом, пребывая в Его объятиях, без остатка растворяясь в Нем.

С этого момента Джон твердо решил как можно более полно и всесторонне познать Бога и Его Слово, веря, что "чем больше человек имеет рационального понимания Божественных вещей, тем больше он получит возможностей, когда Святой Дух коснется его сердца, увидеть великолепие этих вещей, наслаждаясь ими". Несмотря на окружавшую его в то время тьму, Джонатан горел желанием познать не только Божью силу и мудрость, но также наслаждаться Им. Кроме того, он твердо решил помогать и другим людям увидеть все это.

Бог даровал Джонатану способность глубоко постигать истину - наблюдая за видимыми вещами этого мира, он затем использовал их для объяснения истин невидимого Царства Божьего. Впервые эта жажда дала о себе знать уже в ранние годы жизни Эдвардса и не отпускала проповедника до конца его дней.

Великий толкователь

Несомненно, Джонатан Эдвардс был высокообразованным человеком, но большая часть его знаний о Боге был получена в результате собственных тщательных изысканий, включавших в себя наблюдение, конспектирование наблюдений и мыслей, кропотливое истолкование записей и, наконец, ознакомление других людей с полученными результатами и выводами в письменном виде или устно.

Всю свою жизнь Джонатан упорно и дисциплинированно изучал Божьи истины. Каждое утро он вставал очень рано, о чем писал в своем дневнике следующее: "Думаю, восстав из гроба в весьма ранний час, Христос на Собственном примере словно показал нам, что нужно просыпаться рано". В итоге он пришел к следующим выводам: "Не терять даром ни секунды, используя время с наибольшей пользой", а также "Жить максимально полно, пока бьется мое сердце". Для него жизнь представляла собой ярчайшее приключение, во время которого в поисках Божьей славы и стремлении увидеть ее проявление в жизни других людей он не оставлял неперевернутым ни единого камня.

Джонатан внимательно изучал все, что встречалось ему на пути, но особое внимание уделял природе, Священному Писанию, научным трактатам известных ученых и жизни окружавших его людей. Во время своих прогулок по лесу, где он наблюдал за происходящим в природе и разговаривал с Богом, Джонатан искал ответы на многочисленные вопросы, не дававшие ему покоя. В молодости он восхищался пауками, удивляясь их умению плести паутину. Радуга очаровала его настолько, что он даже попытался самостоятельно воссоздать ее, выпуская изо рта струи водных

брызг и затем наблюдая за тем, как солнце создавало миниатюрные радуги, появлявшиеся в результате преломления лучей света в каждой капле воды.

Многие говорили, что, если бы Джонатан не увлекся религиозными исследованиями, он наверняка стал бы ученым, подобно Бенджамину Франклину. Вместо этого Эдвардс прилежно штудировал Олово Божье, полный решимости не оставить без ответа ни единого вопроса. В его дневниковых записях находим следующее:

Казалось, что зачастую я видел так много света, источаемого каждым отдельно взятым предложением, и находил на страницах этой Книги столь много восхитительной пищи, что просто не мог остановиться и закрыть ее... размышляя долго над отдельными предложениями и стремясь увидеть все скрытые в нем чудеса, ведь практически каждое предложение было до краев наполнено ими.

В поисках истины Джонатан начал изучать труды, написанные такими титанами мысли, как Исаак Ньютон и Джон Локк. За свою жизнь он собрал огромную на то время личную библиотеку, состоявшую из более чем трех сотен томов, в то время как большинство его современников было счастливо иметь у себя дома хотя бы одну Библию. Но Джонатан читал не просто ради удовольствия. Как писал Джон Пайпер:

Эдвардс не был пассивным читателем. Он читал для того, чтобы найти ответы на мучившие его вопросы. Большинство из нас имеет склонность к пассивному чтению. Читая, мы не задаем вопросов... Мы не пытаемся понять образ мысли автора, не размышляем над значением тех или иных терминов. Столкнувшись же с какой-либо проблемой, мы привычно оставляем ее специалистам и лишь изредка принимаемся искать ее решение, как это в свое время делал Эдвардс.

Жизнь Джонатана - и позже жизнь каждого из его прихожан - тщательно исследовалась в поисках даже малейшего разрыва между совершенством, к которому он неустанно стремился, и результатами его личной оценки. Он серьезно относился ко всему, что отвлекало его от духовных вещей. Каждый раз, обнаруживая в своем поведении какое-либо несоответствие высшим стандартам, он записывал то, что ему необходимо было изменить в себе, а также пути осуществления этих перемен. Эдвардс тщательно определял свои ценности, совмещая записанные на бумаге цели с планами и делая все для того, чтобы жить в соответствии с ними.

Составление подобного рода резолюций являлось распространенной среди пуритан практикой, которая, видимо, сильно вдохновляла Джонатана. К моменту завершения его персональный перечень уже состоял из семидесяти пунктов, включавших в себя обещание никогда не поступать мстительно, сдержанно относиться к пище и питью и поступать так, как он поступал бы в последний час жизни. Одной из наиболее замечательных была резолюция № 11, в которой было сказано: "Когда я думаю о какой-либо из Божественных теорем, я обязуюсь немедленно сделать все, что в моих силах, для ее разрешения, если только мне не препятствуют сложившиеся обстоятельства". Эта резолюция вполне могла бы стать девизом любой современной церкви или служения.

"Религиозный психолог"

Эдвардс не только наблюдал, но также описывал все, что видел. К примеру, столь сильно заинтересовавших его пауков он тщательно классифицировал и подробнейшим образом описывал - сохранилось детальное описание того, как паук плетет паутину. Уже, будучи пастором, он прославился тем, что, отправляясь на прогулку в лес, неизменно брал с собой перо, чернила и бумагу, которые клал в сумку вместе с булавками. Эти небольшие путешествия становились для Джонатана замечательной возможностью размышлять о Боге и непосредственно общаться с Ним. Все приходившие в голову мысли он тут же записывал на небольших листочках бумаги, которые прикреплял булавкой, скажем, к своему плащу. Затем все эти маленькие записки с плаща, напоминавшего к моменту возвращения Джонатана домой шахматную доску, аккуратно снимала его жена и затем складывала в необходимом порядке.

Однажды Джонатан разобрал на страницы одну из своих Библий - естественно, сделав это очень и очень аккуратно — и вшил между каждой парой страниц по листу чистой бумаги для заметок. Одна из написанных им резолюций, возможно, позволит нам понять причины, побудившие его к этому:

28. Твердо решил... изучать Писание столь регулярно, часто и непрестанно, чтобы с каждым днем все более возрастать в познании оставленного нам Богом Слова.

Неустанно и глубоко исследуя Священное Писание, он заботился о своем духовном росте в соответствии с увещеваниями апостола Петра, который в своем Втором послании писал: "Но возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа..." (2-е Петра 3:18).

Джонатан не только находил недостатки в своем духовном хождении и пути их разрешения, но также вел подробную запись всех своих духовных достижений. В конце каждого месяца он подводил итоги.

Став пастором, Джонатан позже фиксировал на бумаге свидетельства духовного опыта своих прихожан, что практиковал еще его отец. Благодаря его наблюдениям и заметкам, касающимся эмоциональных и физических реакций людей во время Великого пробуждения - таким, как плач, внезапная слабость, смех и крики, — он сделался позже известным как "религиозный психолог".

Закончив наблюдения и описания, Джонатан, как писал о нем Серено Дуайт, "затем систематизировал их, разместив под наиболее подходящими заголовками и подготовив подобным образом к дальнейшему использованию. Кроме того, проповедник неустанно развивал свои мыслительные способности и умение отстаивать свою точку зрения, посвящая этому много времени и сил. Кропотливо совершенствуясь, он постепенно становился действительно развитым и думающим человеком".

Любитель шоколада

Джонатан был полон решимости уделять достаточно времени практическому применению своих наблюдений, и ради этого он готов был даже отказаться от обеда, если тот тем или иным образом мог нарушить течение его мыслей. Он всегда тщательно следил за тем, что ел, анализируя попутно, какие продукты лучше всего подходят для его умственной работы.

Некоторые современники замечали, что из-за своего слишком строгого отношения к еде Эдвардс все время оставался худым и регулярно болел. Но это не мешало ему уделять пристальное внимание своему рациону. Вот что он писал:

Будучи чрезвычайно умерен в вопросах питания и употребляя в пищу лишь то, что легко и быстро усваивается, я, без сомнения, буду мыслить ясно, что позволит мне, кроме всего прочего, выиграть время. 1. Это продлит мне жизнь. 2. После каждого приема пищи моему организму будет требоваться меньше времени для ее усвоения. 3. Я смогу заниматься больше без причинения вреда собственному здоровью. 4. Мне будет требоваться меньше времени для сна. 5. Меня реже будут беспокоить головные боли.

Тем не менее, один факт намекает на то, что в жизни Эдвардса, несмотря на строжайшую дисциплину, находилось место для маленьких человеческих радостей. Он любил шоколад, который покупал в виде плиток. Эти плитки затем растапливались и подавались к завтраку в виде горячего напитка. Сохранилось письмо Джонатана, в котором тот просил бостонского курьера не забыть привезти ему шоколад. Невзирая на то, что Эдвардс так никогда полностью и не отказался от строгой духовной дисциплины, позже, рассматривая тот период глазами взрослого человека, он назвал их временем "слишком большого упования на свои собственные силы, что впоследствии вышло мне боком".

Творение Божье, которое Джонатану так нравилось изучать, становилось для него также источником все новых и новых - уже куда более важных - вопросов, в первую очередь таких, как причина, по которой Бог создал этот мир. Какое из желаний Бога мог удовлетворить этот акт сотворения? В своих записках Джонатан заключил, что сотворение не принесло Творцу никакой видимой выгоды. Он полностью самодостаточен, и к этому нечего добавить. Но Бог пожелал создать существа, которые смогли бы оценить это совершенство - Его славу — и насладиться им. Джонатан считал, что все созданное Богом было сотворено Им с одной-единственной целью - получить любовь и исполненную восхищения хвалу Его наделенного разумом творения.

Мир природы предоставлял Джонатану многочисленные и разнообразные возможности для успешного усвоения духовных уроков. К примеру, однажды, увидев мучившего мышь кота, он тут же сказал, что это напоминает ему обращение дьявола с грешниками. С детства Эдвардс сильно боялся грозы, но после обращения к Богу посмотрел на это природное явление иначе:

Прежде я почему-то весьма сильно боялся раскатов грома... но сейчас, наоборот, они вдохновляют меня. Стоит только собраться грозовым тучам, как я тут же начинаю ощущать присутствие Божье и

без промедления использую эту возможность... глядя на то, как играют молнии, и слыша величественный голос Божьего грома.

Джонатан тщательно изучил труды Исаака Ньютона и был поражен его открытиями, из коих следовало, что Вселенная функционирует согласно определенным стабильным законам, некоторые из которых можно даже выразить математическим языком. Истолковав эти открытия по-своему, он пришел к выводу, что Бог является Автором порядка.

Деятель культуры?

К счастью для нас, Джонатан Эдвардс не забывал также делать выводы из своих толкований и публиковать их. Неудивительно, что при этом он руководствовался целым сводом правил, увещевая себя "демонстрировать умеренность стиля и пытаться привлечь читателей, вместо того чтобы подавлять оппозицию". Он также много писал об искусстве и всевозможных науках, утверждая, что их истоки находятся в Боге. Свои мысли по этому поводу он опубликовал отдельной книгой, получившей название "Природа истинной добродетели" *(The Nature of Virtue).* Джонатан не находил противоречий между религией и наукой, считая, что правильное, соответствующее действительности исследование несомненно покажет их взаимодополняющую природу.

Создается впечатление, что проницательные наблюдения, поражающие своим разнообразием мысли и многочисленные труды Джонатана Эдвардса оказали заметное влияние и на его личную переписку. Молодая прихожанка церкви Джонатана по имени Дебора однажды — спросила, как ей следует вести себя по-христиански, на что получила четырнадцатистраничное письмо, полное детальных рекомендаций. Мягко и кротко он уверял женщину в том, что, даже если она невольно согрешила, кровь Христа может смыть все грехи без остатка. Он также предупредил прихожанку, чтобы та опасалась гордыни, и предложил ей стать служительницей среди молодых женщин. Это письмо позже было опубликовано под названием "Совет новообращенным" *(Advice to Young Converts).*

Первые шаги в качестве пастора

Вскоре после окончания университета в Йеле Джонатан принял предложение стать пастором в быстрорастущем Нью-Йорке. Церковь была небольшой, и Джонатану это давало возможность по-прежнему наслаждаться прогулками в лесах, что раскинулись по берегам реки Гудзон, и изучать Библию. Хотя прихожане церкви и были хорошими людьми, но пастор не получал от них достаточной финансовой поддержки, потому что они сами испытывала постоянные материальные трудности. В результате этого Джонатан был вынужден вернуться в свой родной Коннектикут. Отец убедил его принять церковь в Болтоне, но сам молодой человек не горел желанием браться за эту работу. Проведя на новом месте лишь несколько месяцев, Эдвардс с облегчением принял предложение стать преподавателем в Йеле.

Некоторые полагали, что главная причина, побудившая Джонатана перебраться в Йель, была симпатия юноши к дочери местного пастора Саре Пьерпонт. Джонатану в ту пору было двадцать лет, тогда как ей - всего лишь тринадцать. Но это не помешало ему влюбиться и называть ее в своих дневниках очаровательной и "возлюбленной того Высшего Существа".

Но даже такой мотивации оказалось недостаточно для того, чтобы Джонатан смог преодолеть свое недовольство сложившейся в Йеле ситуацией. По приезде он надеялся сразу же получить должность преподавателя, но, поскольку в данном учебном заведении в тот момент остро ощущалась нехватка руководителей, Эдвардсу пришлось совмещать административную и преподавательскую работу. Юноше потребовалось совсем немного времени для того, чтобы понять суть своей, такой желанной ранее, работы - дисциплинировать необузданных и своенравных молодых людей, а также, чтобы осознать отсутствие у себя необходимых для подобной работы качеств. Его ученики, готовившиеся стать впоследствии священнослужителями, постоянно злоупотребляли своей новообретенной свободой, так сильно контрастировавшей со строгим домашним воспитанием. Они часто напивались и буйствовали, что очень сильно огорчало и утомляло Джонатана, доведя его, в конце концов, до депрессии. Одни исследователи полагают, что депрессия могла быть вызвана болезнью, мучившей в то время Эдвардса, тогда как другие считают, что все было как раз наоборот. Как бы там ни было,

депрессия приковала Джонатана к постели на долгие четыре месяца, а различные недуги после этого одолевали его практически каждый год.

Дедушка Джонатана был убежден в том, что цель евангелизации заключалась в смягчении Божьего гнева.

Джонатан наверняка почувствовал большое облегчение, когда его дедушка, преподобный Соломон Стоддард, предложил внуку стать его помощником в возглавляемой им самим Конгрегационной церкви в Нортхэмптоне, штат Массачусетс. Эта церковь была самой большой в Новой Англии, не считая бостонскую, и пастору, которому было уже за восемьдесят, требовалась помощь. Стоддард был весьма известным человеком, причем не только в церкви и своем родном городе, но также во всем штате. Подобно другим пуританским проповедникам, он учил тому, что почтение к власть имущим, включая священство, является необходимым условием человеческой жизни и благоденствия.

Несогласие с преподобным Стоддардом в такой ситуации наверняка было подобно несогласию с Самим Господом Богом. Однажды он даже заявил, что Бог наказывает Новую Англию за то, что ее жители нарушали данные Господом заповеди. Прихожан своей церкви Стоддазд описывал следующим образом: "Мы живем во времена порока и нравственности, и многие люди злоупотребляют данной им свободой**,** упиваясь и чрезмерно украшая себя, праздно проводя время и предаваясь гнусной болтовне".

Стоддард был убежден в том, что цель евангелизации заключалась смягчении гнева Вседержателя, а евангельская проповедь была единственным способом для Божьего народа получить небесные благословения. Неспособность колонистов донести Слово Божье до американских индейцев, считал он, приводила к наказанию, и добавлял при этом, что, желая умилостивить Бога, колонисты должны были по-доброму отнестись к индейцам.

Дедушка Джонатана имел твердое мнение о многих вещах. Он терпеть не мог модные в то время мужские парики, считая, что в них мужчины выглядели так, "как если бы они больше стремились к тому, чтобы соблазнять девушек, чем посвятить свою жизнь делу распространения Царства Божьего".

Существовало несколько пунктов, по которым мнения Джонатана и его нового руководителя расходились, причем в большинстве своем они касались членства в церкви и причастия. В отличие от дедушки, Джонатан считал, что членство в церкви и, как следствие, допущение к причастию требовало от людей принятия конгрегационного вероучения. Соломон Стоддард, в свою очередь, учил тому, что любой верующий человек, в жизни которого не было места греху, мог стать членом церкви и принимать участие в Вечере Господней. Несмотря на существовавшие разногласия, Джонатан принял твердое решение во всем быть послушным пастору до тех пор, пока находится у него в подчинении.

Свадебные колокола

Поступив на должность пастора - с причитавшейся ему зарплатой, достаточной для приобретения участка земли с домом - Джонатан получил возможность официально попросить руки Сары. Они обвенчались 20 июля 1727 года; на тот момент Джонатану было двадцать четыре года, а его невесте — лишь семнадцать. Девушка была облачена в ярко-зеленое парчовое платье - прекрасное выражение пуританского прославления любви и брака. Эту сторону пуританской культуры сегодня многие, увы, понимают и трактуют неправильно. В то время как большинство представителей викторианской эпохи негативно относились к человеческому телу, большинство пуритан так восхищались чудом Божьего творения, что у некоторых из нас это даже могло бы вызвать смущение. Романтическая любовь между мужем и женой занимала почетное место в жизни новоанглийского общества того времени, и появление новой семьи всегда было замечательным поводом для всеобщей радости.

Джонатан и его жена были прекрасной парой. Сара выросла в семье пастора, с детства готовясь к тому, чтобы стать женой христианского служителя. Джордж Уайтфилд, известный отец христианского пробуждения из Англии, побывав однажды в гостях у Эдвардсов, сказал: "В жизни еще не встречал более очаровательной пары". Будучи в момент их первой встречи еще холостым,

Джонатан Эдвартс проповедует

Уайтфилд начал просить Бога о том, чтобы тот послал ему спутницу, подобную Саре Эдвардс. Сэмюэл Хопкинс, в то время начинающий проповедник, вспоминал: "Вряд ли кто-нибудь из тех, кто был вхож в их дом, мог не заметить совершенной гармонии, а также взаимной любви и уважении, которые наполняли их отношения".

Джонатан сам неоднократно говорил о том, что общение с Сарой "поднимало ему настроение"; ее дух вдохновлял его на собственные духовные поиски, а ее присутствие "умиротворяло его". С огромным и нескрываемым уважением относился он к мнению жены, поэтому каждый вечер читал ей все написанное им за день, внимательно выслушивая ее оценку, после, чего они вместе молились.

Сара родила Джонатану одиннадцать детей: Сару, Джерушу, Эстер, Мэри, Люси, Тимоти, Сусанну, Юнис, Джонатана, Элизабет и Пьерпонта. Все они достигли совершеннолетия, что по тем временам было событием весьма и весьма неординарным. Жители Нортхэмптона долгое время шутили по поводу рождения первых четырех детей в семье Эдвардсов. В те времена было принято считать, что ребенок рождался в тот самый день недели, когда он был зачат, а каждый из четырех первых детей Джонатана и Сары появился на свет в воскресенье.

Каждый вечер Джонатан целый час посвящал общению с детьми, после чего снова возвращался к работе. Согласно свидетельствам современников, он был строгим, но любящим отцом. Все его дети должны были возвращаться домой не позже девяти часов вечера. Когда его дочери были на выданье, их женихам было запрещено "каким-либо образом оспаривать установленное им время для сна и отдыха, а также прочие вопросы, так или иначе связанные с религией и заведенными в семье порядками".

Многие современники отмечали то видимое влияние, которое оказывали на Джонатана женщины, включая жену и дочерей. Кроме своих десяти сестер, с которыми Эдвардс всю жизнь поддерживал весьма близкие отношения, огромное воздействие на него оказали крепкие и исполненные глубочайшего взаимного уважения отношения между его отцом и матерью. Без сомнения, корни его почтительного отношения к женщинам следует искать именно здесь. Как писал биограф проповедника Джордж Марсден, письма его отца Тимоти Эдвардса к своей жене Эстер были наполнены любовью к ней и детям. В своих проповедях Тимоти также говорил о том, что любовь мужа к жене должна быть "исключительно особенной", демонстрирующей все то "почтение и уважение", которые она заслуживает. Муж должен поступать "не властно и надменно, но руководствуясь исключительно любовью, с должным уважением к своей жене".

Сестер Джонатана родители с детства учили мыслить независимо; все они посещали пансион благородных девиц, который в те времена был женским эквивалентом колледжа. Тимоти Эдвардс делал все возможное для того, чтобы его дочери развивались как духовно, так и интеллектуально. Одна из сестер Джонатана, Ханна, вышла замуж лишь после тридцати, что в те времена было событием из ряда вон выходящим. Двое мужчин добивались ее руки. Один из них даже построил ей дом, выгравировав на камине инициалы возлюбленной, однако Ханна отклонила оба предложения и в конце концов вышла замуж за третьего. Эта задержка вызвала заметный переполох среди ее родственников, но Ханна твердо стояла на том, что незамужние женщины имеют преимущество перед замужними, если уделяют много внимания духовному и интеллектуальному развитию.

Массовое покаяние

На следующий год после того, как Джонатан стал помощником пастора в церкви Нортхэмптона, вся Новая Англия содрогнулась от произошедшего в 1727 году Великого землетрясения. Как свидетельствовали некоторые очевидцы тех событий, все началось с яркой вспышки света, за

которой тут же последовали грохот и интенсивные толчки, сотрясавшие землю всю ночь. Разбуженные люди высыпали на улицы, полагая, что наступил Судный день. Утром церкви во всей Новой Англии были полны кающихся людей. Подземные толчки продолжались в течение девяти последующих дней, наполняя ужасом сердца всех жителей Нортхэмптона, которые лихорадочно искали подтверждения своего спасения. В последующие недели несколько раз в охваченных бедствием областях объявлялся всеобщий пост.

Губернатор Массачусетса объявил вторник, 21 декабря, днем поста и молитвы, а Эдвардса в тот день попросили выступить с проповедью. Могли он обрушиться на людей, гневно обвиняя в том, что по их вине на землю излился гнев Божий? Его дедушка наверняка поступил бы именно так. Но, несмотря на то, что Джонатан видел много греха в жизни своих соотечественников (обман, несправедливость, сквернословие, сребролюбие и пренебрежительное отношение к христианской вере), он решил рассказать им об Ионе и Ниневии.

Джонатан, хорошо разбиравшийся в различных природных феноменах, высказал предположение, что землетрясение могло произойти по естественным причинам, но также он задался вопросом, не было ли здесь какого-либо совпадения. Могло ли быть так, что Бог действительно предупреждал Свой народ, как когда-то через Иону жителей Ниневии? Поскольку землетрясение произошло воскресной ночью, не гневался ли Бог на молодежь за ее вечерние и ночные похождения в субботний день? Эдвардс следующим образом описывал их поведение:

Им было свойственно частенько собираться в компании, состоявшие из представителей обоих полов, для увеселения и праздного времяпрепровождения, которые они называли весельем. Нередко они проводили там добрую половину ночи, пренебрежительно относясь к заведенному в их семьях порядку.

Джонатан напомнил слушателям о том, что Бог смилостивился над ниневитянами, потому что те раскаялись в своих грехах. Возможно, пришла пора сделать то же самое и жителям Новой Англии. Так, благодаря землетрясению, церкви в североамериканских колониях наполнились людьми. Некоторые исследователи считают это событие одним из первых предвестников Великого пробуждения.

Выступающий от имени Живого Бога

Когда в феврале 1729 года скончался Соломон Стоддард, церковь решила назначить старшим пастором Нортхэмптона Джонатана. К этому назначению он отнесся очень серьезно. Он описывал свое восхождение по ступеням к кафедре проповедника, сравнивая себя с "трубой Господней". Некоторые люди говорили, что во время проповеди он становился совершенно другим человеком.

После смерти Стоддарда здоровье Джонатана заметно ухудшилось. Небольшой отдых оказался для него весьма кстати, однако спустя несколько недель он снова был болен. Стресс усиливал мучившие Эдвардса физические недуги, а должность пастора уже сама по себе подразумевала наличие напряжения. Зарплата также была постоянным источником проблем и переживаний. От Сары требовалось всегда быть готовой к приему гостей, что предполагало немалые затраты и существенно урезало и без того достаточно скромный бюджет. Подарки и пожертвования служили своеобразной прибавкой к зарплате многих пасторов, включая Джонатана, но, как правило, это подразумевало особое отношение к наиболее состоятельным покровителям. Эдвардс же не был любителем подобных игр.

Неся полную ответственность за более чем одну тысячу прихожан, многие из которых не соответствовали предъявляемым к ним высоким нравственным нормам, Джонатан, несомненно, нередко испытывал сильное беспокойство. После смерти Стоддарда многие прихожане будто сорвались с цепи, особенно молодежь. Это время во многом походило на дни, проведенные Джонатаном в Йеле, где ему приходилось бороться с буйными и непокорными студентами и где он ощущал острую нехватку социальных навыков для контроля над ситуацией. Семейное правление - старая пуританская структура власти - становилось все слабее и слабее, поскольку родители сами начинали отказываться от строгого воспитания детей, бросаясь в другую крайность, выражавшуюся в полном отсутствии дисциплины.

Повальное пьянство среди представителей молодого поколения становилось явлением повсеместным. Родители, казалось, были очень сильно удивлены, когда начала беременеть приблизительно каждая десятая незамужняя девушка в Новой Англии. Со своей стороны, Джонатан

заявил, что в этой статистике нет ровным счетом ничего удивительного, потому что родители сами позволяли своим молодым сыновьям и дочерям ложиться вместе в постель, да еще лишь частично одетыми, и "наслаждаться друг другом". Эта практика, подучившая название "сочетание", как предполагалось, позволяла им "познакомиться", но зачастую не ограничивалась одним лишь дружеским общением. До тех пор, пока случавшиеся после такого "общения" беременности приводили к браку, отношение людей к подобному поведению было достаточно терпимым. И этот бесстыдный новый тип мышления очень сильно шокировал Джонатана.

Личная трагедия тяжелым грузом легла на плечи уже и без того измученного пастора. Его семье чудом удалось уцелеть во время эпидемии, коснувшейся большинства других семей, но в декабре 1729 года **от** дифтерии умерла его самая младшая сестра Джеруша.

Первые толчки Великого пробуждения

В начале 1730-х годов культурная атмосфера Нортхэмптона начала меняться. Напряженные отношения с французами и индейцами во время войны Даммера (еще одной вспышки насилия, связанной с боевыми действиями в Европе, которая закончилась в 1727 году) вынудили колонистов отдать предпочтение общинной форме ведения сельского хозяйства, обеспечивавшей им лучшую защиту. Это означало уменьшение количества безопасных земель для молодых людей, желавших начать самостоятельную жизнь. В результате этого многим молодым парам приходилось откладывать свадьбу из-за нехватки места, и они жили под присмотром родителей даже после достижения ими совершеннолетия. Джонатан решил собрать вместе родителей и обязать их следить за соблюдением нравственных норм членами своих семей. Молодые мужчины и женщины, казалось, слушали его теперь совершенно по-новому.

Горячие проповеди Джонатана, направленные против греховного образа жизни молодежи в его родном городе, были уравновешены огромным состраданием и заботой об их душах. Вне всякого сомнения, они сопровождались многочисленными молитвами и адресованными Богу просьбами о помощи и водительстве в совершении перемен. И потому неудивительно, что первое Великое пробуждение началось именно среди представителей молодого поколения.

После неожиданной смерти одного молодого человека в апреле 1734 года Джонатан на его похоронах произнес проповедь, побудившую присутствовавших при этом свернуть с греховных путей и обратить свой взгляд к вечному вознаграждению. Он опирался на Псалом 90:5-6, где сказано о Божьей защите, не ссылаясь в тот момент на другие отрывки, где Бог показан гневным и карающим. Если человеку было суждено умереть молодым, как ему следовало прожить свою жизнь? Джонатан проповедовал:

Сколь же неразумно тому, кто так сильно подобен траве и цветам полевым... легкомысленно и бездумно проводить свои лучшие годы в праздных развлечениях, опрометчиво стремясь к плотским и чувственным радостям и наслаждениям...

Задумайтесь над этим. Если вам суждено умереть молодым, сколь шокирующей для окружающих станет мысль о том, что свои молодые годы вы провели таким вот образом. Когда ваши близкие будут стоять у вашего смертного одра, наблюдая за тем, как вы испускаете дух, или же придут после, когда вы будете готовы к погребению и ваше бренное тело опустят в гроб, то, увидев зловещий отпечаток, который смерть наложила на ваше чело, насколько они будут угнетены тем, что перед ними лежит человек, который был чрезвычайно самодоволен и пуст в общении. Тот, кто вел себя похотливо и непристойно. Тот, кто большую часть времени проводил в беззаботном веселье.

Прошло совсем немного времени, и отовсюду начали поступать сообщения об измененных жизнях, о пробужденных молодых людях, ощутивших огромную потребность в Спасителе, точно так же, как ощутили ее многие после Великого землетрясения. Еще одна смерть, за которой последовала очередная проповедь на похоронах, усилила и без того немалую духовную жажду, охватившую общество колонистов того времени. Праздное вечернее времяпрепровождение стремительно вытесняли молитвенные собрания, и уже совсем скоро большая часть жителей Новой Англии - как старых, так и молодых - принимала самое непосредственное участие в этих духовных встречах. Это напоминало "объединенные общества" Уэсли, хотя вряд ли когда-либо новоанглийские пуритане слышали о братьях Уэсли, в особенности же принимая во внимание то, что все эти события происхо-

дили приблизительно за пять лет до охватившего Англию возрождения, во главе которого стояли братья.

В то время, совместно поклоняясь Богу, люди пели одни библейские псалмы. Во время этих многолюдных собраний под открытым небом Джонатан всячески поддерживал реформу религиозных песнопений, которой добивались такие люди, как, к примеру, Исаак Уоттс. Уоттс не слишком жаловал церковную музыку своего времени;

считая ее плохо написанной и мало подходящей для пения, представлявшей собой положенные на музыку псалмы. Несмотря на то, что он не сомневался в необходимости доктринальной правильности гимнов, он не считал, что им следовало быть точной копией псалмов; скорее они должны были представлять собой перефразирование Священного Писания или просто основываться на библейских мотивах. Уоттс написал многие известные гимны, такие как, например, "Когда я смотрю на Твой дивный крест" *(When I Survey the Wondrous Cross).* Джонатан любил музыку и был глубоко убежден **в** том, что через нее люди должны выражать свой эмоциональный подъем. Написанные в трехчастной форме и сопровождаемые инструментами, эти гимны представляли собой совершенно новое явление - традиционные псалмы, как правило, каждый человек пел по-своему, и потому результат совместных песнопений редко напоминал "радостный шум".

Джонатан любил музыку и был глубоко убежден в том, что через нее люди должны выражать свой эмоциональный подъем.

Возрождение вышло на новый виток, когда молодая женщина, известная "прожигательница жизни", пришла к Эдвардсу и поведала ему историю своего обращения. Тщательно ее расспросив, пастор быстро удостоверился в том, что она говорила правду. Перемены в жизни этой женщины были столь невероятными, что Джонатан всерьез обеспокоился тем, что люди, услышав о них, могли бы засомневаться в достоверности произошедшего, приняв это за розыгрыш. Тем не менее он рискнул как можно шире распространить это свидетельство, в результате чего количество обратившихся к Богу людей существенно выросло. В течение нескольких дней к пастору обратилось еще несколько человек с похожими свидетельствами своего обращения к Богу.

К апрелю 1735 года духовная атмосфера в городе изменилась до неузнаваемости. Сам Эдвардс описывал ее следующим образом:

Глубокий и искренний интерес к духовным делам и миру вечности охватил людей всех возрастов во всех частях города... Вскоре они не могли уже говорить ни о чем ином, кроме духовного и вечного... Мысли людей чудесным образом освободились от повседневных забот; окружающий мир стал для нас малозначимым... И потому искушение для нас заключалось теперь в том, чтобы полностью забыть о мирских заботах и все свое время посвящать духовным упражнениям.

Без всякого принуждения соседи начали собирать деньги для хозяина сгоревшего дотла магазина. Злословие и сплетни полностью прекратились. Питейные заведения опустели. Даже церковные службы преобразились:

Наши собрания в тот период были удивительно прекрасны. Во время богослужений вся церковь дышала новой жизнью, каждый прихожанин искренне поклонялся Господу, каждый слушатель жадно ловил слова служителя, стоило им лишь слететь с его уст. Время от времени все собрание заливалось слезами, слыша проповедуемое Слово; одни плакали о себе, ощущая сильные душевные страдания, тогда как другие испытывали жалость и беспокойство о душах своих ближних.

Еще одной примечательной стороной возрождения стало практически полное исчезновение в городе всевозможных недугов и заболеваний. Некоторое время спустя, описывая в своей книге "Повествование веры" *(Faithful Narrative)* эти события, Джонатан отмечал, что хотя сам не считал исчезновение болезней необходимым свидетельством начала возрождения, но он ощущал внутреннюю необходимость признать это. Критики Эдвардса называли все написанное им "фанатизмом", в особенности же его духовные переживания, а также рассказы о необычных обращениях к Богу. Некоторые источники сообщают, что в результате начавшегося возрождения к церкви присоединилось более пяти сотен человек, половину из которых составляли мужчины. Слово начало распространяться по всей округе, и люди из других городов приходили на место событий, чтобы все увидеть собственными глазами. Дом Эдвардсов постоянно был полон гостей. Волна

возрождения продолжала распространяться по всей долине реки Коннектикут, достигнув Нью-Хейвена, прибрежных поселений и выйдя даже за пределы Новой Англии.

В Бостоне, который не был, затронут пробуждением, служитель по имени Бенджамин Колман попросил Эдвардса описать ему в письме происходившие в Нортхэмптоне события. Незаурядные способности Джонатана в описании деталей и их пояснении помогли ему великолепно справиться с этой работой. Его письмо было затем переправлено друзьям Колмана в Англию.

Упомянутый выше отчет превратился в подробнейшую инструкцию по проведению возрождения - от подготовки до непосредственного начала: техническая поддержка, координация, возможные опасности и степень влияния. Это руководство позже было опубликовано под названием "Верное описание удивительных дел Божьих" *(A Faithful Narrative of the Surprising Work of God).* Несмотря на земное авторство этой книги, Джонатан прекрасно понимал, что за всем этим стоял Всемогущий Бог, благодаря Которому и появился на свет сей труд. Эта публикация сделала Эдвардса известным во всей Новой Англии, а также в Шотландии и Англии, где с ней, в конце концов, познакомились Джордж Уртфилд и Джон Уэсли.

Радость возрождения, однако, оказалась непродолжительной. В 1735 году Эдвардс писал о том, что "сатана будто сорвался с цепи и бушевал ужасающим образом". Будучи разрушителем, враг использовал свое влияние для того, чтобы возбуждать страх и вызывать раздоры. Одни люди день и ночь были мучимы страхом; другие же так сильно боялись гнева Божьего, что жаловались на постоянную бессонницу. Поступали даже сообщения о пугающих своей неожиданностью вторжениях ворон, собиравшихся стаями на крышах домов и наполнявших воздух своим громким карканьем. В долине началась свирепая эпидемия, только в одном отдельно взятом городе погубившая девяносто девять человек, в том числе восемьдесят одного ребенка. В другом городе два человека сошли с ума.

Описанные выше события коснулись также родства Эдвардса. Джозеф Хоули, муж тети Джонатана, Ребекки, был весьма уважаемым в городе человеком. И потому понятен шок, который охватил знавших его людей, когда Джозеф перерезал себе горло. Когда это произошло, Джонатан уже написал знаменитое письмо Колману, но еще не отправил его. Понимая, что умалчивание подобного рода сведений было бы неправильным и вводящим в заблуждение, он вскрыл конверт и описал случившееся, добавив при этом, что его дядя был психически неуравновешенным человеком.

Эдвардс неустанно напоминал людям о том, что у них есть могущественный враг, который не только реален, но и горит желанием уничтожить каждого из них. В конце концов, его здоровье заметно ухудшилось, и он на некоторое время отошел отдел. Движение Духа в Нортхэмптоне и долине реки Коннектикут, начавшееся в 1734 году, подошло к концу в 1735 году.

Начало Великого пробуждения

К марту 1737 года прихожане возглавляемой Эдвардсом церкви снова духовно охладели. Он описывал этих людей, как "возжаждавших земных благ"[44], отмечая возвращение духа разнузданного веселья. Огорченный происходящим, Джонатан вновь начал молиться о возрождении.

Дом собраний начал постепенно разрушаться, к тому же суровая зима серьезно ослабила опоры здания. В тот момент, когда Джонатан начал произносить проповедь в переполненном зале, крепления балкона треснули, и тот с грохотом рухнул вниз, туда, где сидели преимущественно женщины и дети. Отовсюду послышались крики и плач; прихожане были уверены в том, что под обломками находятся мертвые тела многочисленных жертв. Но когда завалы были разобраны, оказалось, что никто не погиб; хотя многие верующие пострадали, все они были живы. Обошлось даже без единого перелома.

Джонатан надеялся, что этот "знак Божий" снова обратит сердца людей к духовным вещам. Он назвал полученное предупреждение "возможно, одним из наиболее удивительных случаев Божественной защиты в истории страны". К сожалению, на прихожан это событие не произвело особого впечатления. В своем письме к преподобному Колману Эдвардс выразил свое разочарование тем, что, несмотря на благодарность людей милосердному Богу, "влияние произошедшего и близко не было таким, какое в десять раз менее значимые вещи оказывали два-три года назад". В то время как люди во всем мире, переполняемые радостью, читали о благословениях, излитых Господом в Нортхэмптоне, Джонатан переживал о том, что этот город, "поставленный на скале", пришел в духовный упадок.

В конце зимы 1737 года Эдвардс начал три цикла проповедей, которые, как он надеялся, должны были снова обратить сердца людей к Богу. И хотя внешне мало что происходило, он продолжал надеяться, что перемены не за горами. Джонатан много молился, проводя перед некоторыми проповедями в молитве до восемнадцати часов. Наконец, ободрение пришло из-за океана, от Англиканской церкви.

К 1739 году Джордж Уайтфилд уже проповедовал многотысячным толпам на улицах и полях Англии, собираясь распространить свое служение и на колонии. Джонатан написал ему в феврале 1740 года и убедил его приехать в Нортхэмптон, предупредив при этом, что местные жители могли оказаться более жестокосердными, чем те, кому он проповедовал ранее. Интенсивная рекламная кампания помогла привлечь на служения Уайтфилда тысячи людей, и, когда 17 октября 1740 года он направился в Нортхэмптон, к нему было приковано внимание всего города.

Уайтфилд был талантливым оратором, и люди эмоционально реагировали на его выступления. Сара Эдвардс следующим образом описывала услышанное ею захватывающее послание проповедника:

Удивительно видеть то, как он очаровывает аудиторию... Я своими глазами видела, как более тысячи человек в абсолютной тишине, нарушаемой лишь редкими, едва слышимыми всхлипываниями, затаив дыхание, внимали его словам.

Когда Уайтфилд напомнил прихожанам Джонатана об их близости к Христу во время последнего пробуждения, многие начали плакать, включая самого Эдвардса, который видел исполнение своих пятилетних молитв о пробуждении. Он даже писал, что на тех служениях некоторые из его собственных детей пришли к Христу.

Когда время пребывания Уайтфилда в Нортхэмптоне подошло к концу, Джонатан в течение двух дней сопровождал его, видя духовный голод тех тысяч людей, которые приходили, чтобы услышать его. Влияние, которое Джордж оказывал на толпу, было беспрецедентным. Нередко люди просто падали на землю под воздействием силы Святого Духа - Джонатан называл это "внезапной слабостью".

Были случаи, когда люди лежали в некоем подобии транса, оставаясь без движения, возможно, сутки, и ничего все это время не чувствуя. Но в то же самое время их воображение наполнялось яркими картинами, словно они отправились прямиком на небеса, где видели славные и радостные вещи.

Возрождение продолжалось, и Джонатан с Уайтфилдом постоянно переписывались друг с другом. Эдвардс сообщал о результатах пробуждения в своем регионе, которые заметно превосходили результаты предыдущего пробуждения в Нортхэмптоне 1734 года, прекрасно понимая, что сам он принимал в этом лишь малое участие, если не считать молитвы.

Джонатан не тратил времени понапрасну, развивая первоначальный успех возрождения. Он подчеркивал, что "религия, происходящая лишь из суеверных впечатлений, склонна к неизбежному угасанию... когда проходит испытание... трудностями". И именно от пасторов зависело преодоление этих трудностей, а также взращивание новообращенных христиан до достижения теми истинной зрелости во Христе.

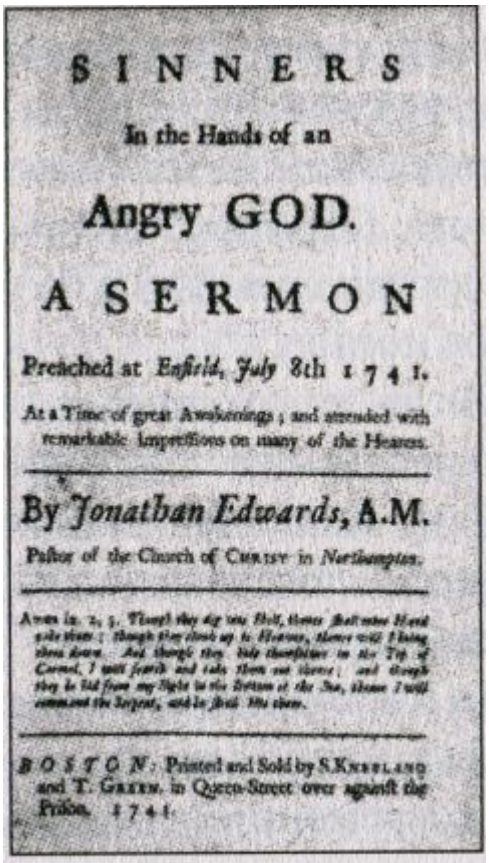
Эдвардс намеревался во что бы то ни стало воспрепятствовать духовному упадку своей паствы, как это было ранее, и потому разослал некоторым молодым окружным пасторам письма с просьбой приехать к нему. К тому моменту, когда Джонатан сел за написание этих писем, местная молодежь начала организовывать свои собственные собрания, во время которых молодые люди делились друг с другом собственным духовным опытом. Эдвардс встретился со всеми подростками в возрасте до шестнадцати лет и обсудил с ними их духовное состояние. Они плакали, молились, пели и рассказывали друг другу о своих переживаниях. Позже Джонатан организовал похожие встречи с молодыми людьми в возрасте от шестнадцати до двадцати шести лет; и снова общение произвело на них неизгладимое впечатление. Некоторые собрания длились всю ночь, потому что молодежь была переполнена новыми чувствами.

"Грешники в руках разгневанного Бога"

В среду, 8 июля 1741 года, Джонатан вместе с другими проповедниками отправился в Энфилд (город на границе Массачусетса и Коннектикута), чтобы служить многочисленным местным жителям, желавшим обрести спасение. В той местности уже началось возрождение; в расположенном неподалеку поселении Саффилд за неделю до этого обратились к Господу девяносто пять человек, хотя сам Энфилд это движение не затронуло. Возглавлял делегацию Джозеф Мичем, пастор из Ковентри, Коннектикут.

Несколько служителей, включая Мичема, проповедовали во время практически непрерывных богослужений между Энфилдом и Саффилдом. Тем утром, в среду, было решено позволить проповедовать Эдвардсу, дав другим служителям возможность отдохнуть. Джонатан, покопавшись в своем багаже, нашел проповедь, с которой незадолго до этого выступил в своей церкви. Большинство его прихожан остались нетронутыми этим словом, и лишь некоторые сказали ему: "Хорошее слово, пастор", не добавив больше ни слова. Отрывок, по которому проповедовал Эдвардс, был взят из Второзакония 32:35: "У Меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их...".

Когда в то утро Эдвардс переступил порог церкви, прихожане, казалось, были более готовы к показу мод, чем к возрождению. Один из служителей позже так описал эту сцену: "Когда мы вошли в дом собраний, собравшиеся выглядели невнимательными и самодовольными. Они держались буквально на грани приличия". Читая проповеди, Джонатан надевал очки с толстыми стеклами и намеренно обращался к публике монотонным голосом из страха наполнить свою проповедь плотскими эмоциями, в чем многие современники обвиняли Джорджа Уайтфилда. Люди свидетельствовали о том, что стиль его проповеди в те дни был "легким для восприятия, естественным и очень торжественным. Он не обладал сильным, громким голосом, но при этом держался с удивительным достоинством и серьезностью, говоря с невероятной ясностью, четкостью и точностью... Он практически не двигал ни головой, ни руками". Ниже приведен краткий отрывок из произнесенной им в тот день проповеди:

SINNERS

In the Hands of an

Angry GOD.

A SERMON

Preached at *Enfield*, July 8th 1741.

At a Time of great Awakenings; and attended with remarkable Impressions on many of the Hearers.

By *Jonathan Edwards*, A.M.

Pastor of the Church of CHRIST in *Northampton*.

BOSTON: Printed and Sold by S. KNEELAND and T. GREEN, in Queen-Street over against the Prison. 1741.

Рукопись проповеди Джонатана Эдвардса

Ваша развращенность делает вас тяжелыми, как свинец, увлекая со страшной силой вниз, к адскому пламени... И теперь черные тучи Божьего гнева сгустились над вашими головами, и они сулят вам чудовищную бурю с громом и молнией...

Бог, сохраняющий вас от падения в преисподнюю, держащий вас над этой страшной бездной, подобно тому, как человек держит паука или какое-либо другое омерзительное насекомое над огнем, ненавидит вас и чрезвычайно раздражен; Его гнев по отношению к вам горит, словно яркое пламя; Он смотрит на вас, как на тех, кто не достоин иной участи, кроме как быть брошенным в этот огонь. Он слишком свят и чист для того, чтобы выносить даже ваш вид перед Собой; вы в десять тысяч раз более омерзительны в Его глазах, чем самый ненавистный ядовитый змей — в наших. Вы оскорбили Его неизмеримо сильнее, чем упрямый мятежник оскорбил своего князя; и, тем не менее, именно Его рука каждый момент удерживает вас от падения в огонь: именно поэтому прошлой ночью вы не отправились прямиком в ад... именно потому, что рука Божья удержала вас от этого ужасного падения: нет никакой иной причины, которая могла бы объяснить то, почему вы не отправились в ад, но сидите здесь, в доме Господнем, раздражая Его чистые очи своим грешным, развязным поведением во время Его торжественного богослужения: да, действительно, нет ни одной мало-мальски убедительной причины, которая объясняла бы, почему в это самое мгновение вы не катитесь в ад.

О грешник! Задумайся над той леденящей душу опасностью, которой ты подвергаешь себя...

Сейчас у тебя появилась замечательная возможность, день, когда Христос широко распахнул двери Своего милосердия и Сам стоит в дверном проеме, призывая к Себе и во весь голос оплакивая несчастных грешников... многие из тех, кто еще совсем недавно пребывал в таком же жалком состоянии, как сейчас каждый из вас, сейчас счастливы, а их сердца переполнены любовью к Тому, Кто возлюбил их и Своей Собственной кровью омыл их грехи, и они пребывают в надежде, радуясь созерцанию славы Господней. Как ужасно остаться в стороне в такой день!

Еще до того как Джонатан успел завершить свое послание, слушавших его людей охватило такое сильное волнение, что они со слезами на глазах начали взывать к Богу. Как отмечал один из служителей: "Плач и стоны сотрясали стены дома собраний: "Что мне делать для того, чтобы спастись?", "О, я иду прямиком в ад", "О, что же мне сделать для Христа?". Все это выглядело так, словно люди действительно поверили в то, что пол вот-вот разверзнется, и они провалятся в самую бездну. Другой служитель писал: "Услышанное произвело на собравшихся сильнейшее впечатление; они склонились к земле, в ужасе осознав свои грехи и ту опасность, которой подвергались, воздухе витало такое ощущение страданий, отовсюду слышался такой плач, что проповедник был вынужден попросить людей соблюдать тишину, чтобы его слова могли быть услышаны"[56]. Несмотря на все его просьбы, тишина так и не воцарилась. Джонатану не суждено было закончить свою проповедь.

Эдвардс писал знакомому служителю:

Август и сентябрь [1741 года] стали для меня наиболее запоминающимися, ибо количество обращений грешников в это время было огромным, а кроме того, были еще и великие евангелизации, пробуждения и утешение, которое находили многие верующие, и все это имело поистине поразительные, неведомые ранее результаты. Практически ежедневно доводилось мне видеть и слышать великое множество неистовых криков, обмороков, конвульсий и прочих подобных вещей; которые совершались как из-за страданий, так и в восхищении или неописуемой радости. Здесь не принято посвящать собраниям целую ночь, как в некоторых других местах, так же как не принято засиживаться до позднего вечера; однако достаточно часто случалось так, что некоторые люди были столь сильно потрясены, а их тела так ослаблены, что они просто не могли пойти домой и потому были вынуждены целую ночь оставаться в том доме, где были изначально.

Суть служения Джонатана Эдвардса

К сожалению, несмотря на всю важность этой проповеди Эдвардса в деле Великого пробуждения, сама по себе она в значительной степени искажает истинную сущность движения, а также суть несомого Джонатаном служения. Несмотря на то, что Эдвардс всегда был серьезным человеком и не боялся устрашать людей адом в надежде на то, что таким образом они смогут спастись и провести вечность на небесах, нельзя умолчать о его мягкости. Удивительно контрастируя с его наиболее известной проповедью, большинство проповедей Джонатана фокусировалось на любви Божьей и созерцании Его красоты. Он по-настоящему хотел, чтобы все люди познали Божью доброту и Его спасающую силу.

Второй из наиболее часто публиковавшихся трудов Джонатана — Совет новообращенным" *(Advice to Young Converts),* хотя и менее известен, но все же раскрывает истинную сущность его служения. В этой книге, среди прочего, Джонатан писал следующее:

Мы советуем ищущим Бога людям весьма серьезно относиться к Царству Небесному, но, даже обратившись к Богу, им не следует расслабляться, становиться менее усердными и горячими во всех делах религии, но неустанно стремиться к большему; ибо на них возложены бесконечно большие обязательства. Лишенные этого, многие люди через несколько месяцев после своего обращения теряли то сладкое и глубокое ощущение духовных вещей, а сами становились холодными, вялыми, темными...

Не переставайте искать, молиться и стремиться ко всем тем вещам, к которым мы сами призываем необращенных, в той степени, которую мы сами имели в момент своего обращения. Поэтому молитесь, чтобы глаза ваши были открыты, чтобы вы обрели зрение, чтобы вы смогли познать себя и преклониться перед Господом, а также узреть славу Бога и Христа, чтобы воскресли из мертвых, и любовь Христова излилась обильно в ваши сердца...

Для того чтобы ваше духовное состояние могло получить высокую оценку, всегда стремитесь к тому, дабы ваши лучшие разговоры и ваш наилучший опыт производили следующие действия: Во-

первых, то, что делает вас наименьшим, нижайшим и наиболее подобным малому ребенку; и, во-вторых, то, что в наибольшей степени располагает ваше сердце отвергнуть себя ради Бога и служения Ему.

Нам также следует понять, что в упомянутой выше проповеди грешники по-прежнему находятся в Божьих руках, и хотя Бог разгневан их поведением, Его милость удерживает их от падения в бездну. Несмотря на то, что гнев Божий полыхает ярким пламенем, Его любовь и доброта будут удерживать справедливый суд до тех пор, пока остается хотя бы малейшая надежда на то, что последний грешник обратится к Христу, моля о прощении, ставшем возможным благодаря кресту. Эти сравнения представляли собой лишь разновидность интеллектуальных упражнений, столь любимых Джонатаном, делая проповедь "Грешники в руках разгневанного Бога" идеальным отражением Бога любви, о котором постоянно думал Эдвардс.

Но на этом Джонатан не остановился, заявив, что Великое пробуждение произвело "заметные и повсеместные перемены во всея Новой Англии". Считалось, что к Богу обратилось не менее 10 процентов населения региона. Однако на самом деле все было далеко не так гладко. Следующие несколько лет Джонатан посвятил защите возрождения и проведению собственных евангелизационных кампаний, охватывающих весь регион.

Старые догмы против новых

По мере того, как Великое пробуждение распространялось по другим американским колониям, местные христиане разделились на два **лагеря:** представители одного утверждали, что за всем происходившим стоит Бог, тогда как представители другого утверждали обратное. Верующие, отстаивавшие традиционное поклонение и религиозные ритуалы, которые исключали дух и эмоциональную составляющую пробуждения, стали известны как "Старые догмы", тогда как их оппоненты, считавшие все эти проявления действием Бога, были названы "Новыми догмами". Джонатан каким-то образом смог охарактеризовать пробуждение, опираясь на доктрину и тщательный анализ, привлекшие внимание "Старых догм", но при этом по-прежнему считал, что "удивительные дела" действительно были совершаемы самим Богом.

Бог действовал через Джонатана Эдвардса и его церковь во многом благодаря смиренному сердцу пастора. Он всегда позволял истине бросать вызов своему мышлению, даже если это означало для него изменение взглядов по тем вопросам, которые он ранее горячо отстаивал. Его главная цель заключалась в том, чтобы во всем оставаться верным Евангелию Иисуса Христа.

Джон Уэсли имел столь же смиренный дух. Размышляя о своем личном духовном пути, Уэсли писал следующее: "Я не могу преувеличивать свои достоинства настолько... чтобы считать, будто бы я не совершал ошибок в столь трудной и ответственной работе. Но моя совесть чиста, ибо я сознательно [ничего] не представлял в ложном свете".

Джонатан с пониманием относился к доктринальным различиям между "Старыми догмами" и "Новыми догмами". Он с глубоким уважением относился к тем людям, чьи религиозные убеждения отличались от его собственных, включая Уэсли, который, как мы уже **гово**рили, не был кальвинистом. Однако он не желал принимать ничего, Предварительно не изучив это самостоятельно.

В молодости Джонатан, к примеру, изучал труды Джона Локка, словно "скряга, жадно хвативший целые пригоршни золотых и серебряных монет из только что найденной им сокровищницы". Тем не менее, он не во всем соглашался с Локком. Тот был мыслителем эпохи Просвещения, учившим тому, что люди рождались на свет, подобные чистой книге, *tabula rasa,* страницы которой постепенно заполнялись знаниями, которые пополнялись собираемой с помощью чувств и истолковывались посредством вдумчивых размышлений. Локк считал, что истина являлась плодом жизненного опыта. Джонатан соглашался с важностью чувств и необходимостью размышления над собранной с их помощью информацией, но для него Истина имела человеческое обличие - обличие Иисуса Христа. Как сказал Сам Иисус в Евангелии от Иоанна 14:6: "Я есмь путь и истина и жизнь".

Джонатан сумел непредвзято оценить результаты двух великих возрождений, оделив зерна от плевел - истину от того, что было преувеличено. Из-за некоторых эмоциональных перегибов наблюдалось сильное противостояние пробуждениям со стороны как проповедников, так и мирян. "Старые догмы" неприязненно относились к проявлениям эмоций, изливаемых слушателями, когда

те начинали осознавать свое истинное состояние перед Богом в отсутствие Христа. Кроме того, они крайне не одобряли яркий и экстравагантный стиль проповеди таких служителей, как Джордж Уайтфилд. Уайтфилд театрализировал Писание, используя особые ораторские приемы: экспрессивно жестикулировал и даже осмеливался во время проповеди оставлять кафедру и ходить по залу. До того, как он впервые посетил Америку, местные жители о подобной практике даже не слышали. Один из его критиков, Чарльз Чаунси, называл утверждение о том, что человек может быть напрямую вдохновляем Богом, просто безумием. Ходили слухи, что Чаунси, местный священник, сам пытался стать проповедником-возрожденцем, но потерпел неудачу, превратившись в итоге в завистливого очернителя тех, кто имел успех.

С присущей ему мудростью Джонатан начал классифицировать и анализировать ощущения, утверждения и действия тех, кто называл себя духовно возрожденными, чтобы более успешно отделять факты от вымыслов, действуя в защиту отцов пробуждения. Он не отрицал существование некоторых излишеств в выражении эмоций, но при этом был убежден в том, что в большинстве случаев людьми действительно двигал Дух Божий. Скептикам он указывал на отрывки из Библии, в которых говорилось о так называемых "эмоциях", отмечая при этом, что такие чувства, как надежда, любовь, желание, радость и печаль, были достаточно ясно одобрены и позволены с библейской точки зрения. С другой стороны, он также утверждал, что христианин должен основываться на чем-то большем, чем просто чувства: "Вера, происходящая из одних лишь ощущений, обречена на увядание... когда ей придет пора быть испытанной... трудностями".

Вполне вероятно, что Джонатан Эдвардс пережил некоторое разочарование, когда проповедники, переполняемые за кафедрой чрезмерными эмоциями, не демонстрировали такого же горения в своей повседневной жизни. Он считал, что знаком истинного обращения было действенное проявление любви. Для Джонатана христианство было несоизмеримо большим, чем простое следование определенному своду правил: большим, чем ритуалы, ограниченные стенами церкви. Настоящее переживание присутствия Божьего, по его мнению, должно приводить к внутренним переменам, распространяющимся на всю повседневную жизнь человека. Он советовал: "Всем нам необходимо иметь по-настоящему живую веру, которая значительно более проявляется в нашем служении Богу и окружающим, чем в живости и усердии наших языков".

Джонатан считал, что знаком истинного обращения было действенное проявление любви.

Несомненно, Джонатан глубоко верил в то, чему учил; но еще важнее то, что он жил в полном соответствии со своим учением. Сохранилось много свидетельств того, как он милосердно помогал нуждающимся, при этом всегда передавая свои подарки инкогнито, через друзей.

Он также всегда был на стороне людей, преследуемых за свои личные убеждения. Одним из них он считал студента Дэвида Брэйнерда, исключенного из Йельского университета за активное участие в движении возрождения. Однако ничто не могло остудить пыл юноши, который впоследствии стал известным и преданным Богу миссионером, принесшим свет истины американским индейцам. Несмотря на слабое здоровье, Брэйнерд проехал верхом три тысячи миль, обратив к Богу многих коренных жителей Америки.

Считая Брэйнерда замечательным примером бескорыстной пуританской добродетели, Джонатан поддерживал и лично наставлял его. Брэйнерд часто гостил у Эдвардсов и даже был помолвлен с дочерью Джонатана Джерушей. Но, к сожалению, молодой человек заболел туберкулезом и умер на руках у своей невесты. Джеруша также заразилась смертельным недугом и скончалась, пережив своего возлюбленного лишь на один-единственный месяц.

Джонатан лично позаботился о том, чтобы дневник Брэйнерда, который тот вел во время своих миссионерских поездок, был опубликован. И до сего дня книга "Жизнь и путевые заметки Дэвида Брэйнерда" *(Life and Diary of David Brainerd)* с написанным Эдвардсом вступлением пользуется большой популярностью. На протяжении нескольких столетий эта книга производила неизгладимое впечатление на сотни мужчин и женщин, которые, вдохновленные дневниками Брэйнерда, решили стать миссионерами. Ниже приведен отрывок, датированной 20 ноября 1745 года, когда Брэйнерд находился в Кроссуиксанг, штат Нью-Джерси:

Мои публичные выступления не составляли тогда и половины моей работы, но многие люди постоянно приходили ко мне с исключительно важным вопросом: "Что следует нам делать для того, чтобы спастись?" - делясь со мной всеми своими мыслями по этому поводу. И все же, я могу сказать, восславив обильную милость Божью, что очевидный успех, которым были отмечены мои труды, вне всякого сомнения, более чем компенсировал затраченные мною усилия. Более того, он стал для меня замечательным средством поддержки, благодаря которому я сумел справиться со своими многочисленными делами и усталостью, которые, как мне кажется, неподъемным грузом придавили бы меня без столь животворящей надежды... Так пусть же Господь посылает других тружеников собирать эту часть Своего урожая, чтобы сидящие ныне во тьме могли узреть яркий свет и чтобы вся земля наполнялась знанием о Нем! Аминь.

За несколько дней до гибели миссионер Джим Элиот (1927-1956), принявший мученическую смерть от рук южноамериканских индейцев аука, сделал в своем дневнике следующую запись: "Отречение от своей гордыни - о чем вчера я прочитал в "Дневнике Дэвида Брэйнерда" - должно стать ежечасной моей обязанностью".

Когда проповедуют мертвецы

Несмотря на все усилия Эдвардса, к весне 1744 года пламя возрождения начало заметно угасать. "Эмоциональность" собраний привела к тому, что некоторые церкви стали распадаться из-за того, что их прихожане считали своих пасторов чересчур сдержанными или строгими - в отличие от новых, ярких и энергичных представителей возрождения, таких как Уайтфилд. С другой стороны, нередко встречались прямо противоположные случаи, когда церкви отвергали новые, более эмоциональные богослужения, считая их противоречащими Божьей воле. Масла в огонь подливали также комментарии Уайтфилда о состоянии американских церквей: "Я глубоко убежден в том, что в большинстве своем священнослужители говорят о незнакомом им Христе, встречу с которым они не прочувствовали и по-настоящему не пережили. И причина того, почему их церкви сегодня столь мертвы, заключается в том, что проповедуют там мертвецы". Несмотря на то, что слова Уайтфилда были не далеки от действительности, они вовсе не способствовали укреплению его отношений с ортодоксальными верующими, тяготевшими к сохранению существовавшей церковной субординации. Линия раскола четко пролегла между "Старыми догмами" - более традиционными служителями, и "Новыми догмами" - теми, кто считал экспрессивные и яркие богослужения проявлением Божьей силы.

Аналитический подход Эдвардса к документированию возрождения также оказался малоэффективным. Защищая эмоциональность, которую он считал неотъемлемой частью обращения к Богу, и тем самым соглашаясь с "Новыми догмами", он, с другой стороны, утверждал, что большая часть происходившего была в действительности крайностью и требовала ограничений - в точности, как это утверждали "Старые догмы". Но как же тогда отличить эмоциональную экстравагантность, исходящую от Бога, от действий людей, желающих экстравагантностью привлечь внимание к своей собственной персоне? В результате этого движение Духа стало повсеместно подавляться, подобно другим удивительным дарам Святого Духа, таким как говорение на иных языках, пророчества, исцеления и чудотворения. Считая это "иллюзорными заблуждениями", традиционные верующие боролись со всеми подобными проявлениями. Религия и человеческие традиции в очередной раз подменили собой Божью волю. Как отмечал в связи с этим Джонатан Эдвардс: "Уже совсем скоро Дух Божий заметно и ощутимо покинул все утолки этой страны".

Да, Дух Святой всегда "заметно" покидает те места, где Он нежеланен. Будь все иначе, и, возможно, Соединенные Штаты появились бы на политической карте мира как страна христиан, наделенных силой ранней церкви. Вместо этого, однако, пробуждение угасло $д_0$ лучших времен, когда другие люди снова полностью открыли свои сердца Святому Духу во время известных "собраний в Кентукки-Кэмп" в конце следующего столетия.

Уволенный из церкви

В Нортхэмптоне наступило очень тяжелое время, что радикально повлияло на судьбу Джонатана. В 1744 году началась война короля Георга, и колонисты снова оказались втянуты в конфликт с францу-

зами и индейцами. Соседние города были захвачены врагами и сожжены, а часть населения Нортхэмптона погибла во время неожиданных нападений.

Когда люди были уже на грани отчаяния, Эдвардс ощутил внутреннее побуждение занять твердую позицию относительно членства в церкви и соблюдения таинства Вечери Господней. Существовал ряд вопросов, в которых он не допускал компромисса. Джонатан никак не мог согласиться с введенной еще его дедушкой традицией принимать в члены церкви любого человека или участвовать в причастии без исповедания веры, и потому, не в силах больше терпеть, он решил раз и навсегда положить конец подобного рода практике. Пастор требовал от своих прихожан доказательств их обращения к Богу.

В довершение всего в церкви возникла ситуация, требовавшая от Эдвардса немедленного дисциплинарного вмешательства. Несколько молодых прихожан раздобыли какие-то книги по акушерству и популярной медицине, которыми поделились со своими друзьями, после чего юноши начали неприлично подшучивать над девушками, отпуская скабрезности по поводу менструации. Тщательно исследовав ситуацию, Эдвардс представил показания трех главных зачинщиков специально созванному комитету, состоявшему из мужчин - обычная церковная практика тех дней. Многие, однако, считали, что дело было рассмотрено чересчур поверхностно.

Это разбирательство, вкупе с казавшимся многим прихожанам излишне строгими условиями допуска к причастию, привело к серьезным раздорам среди церковного руководства. Пастор пытался смягчить их недовольство, но тщетно. В 1750 году Джонатан Эдвардс был уволен с должности пастора, которую он занимал на протяжении двадцати трех лет в период двух великих возрождений.

Благовествование коренным жителям Америки

Небольшая группа сторонников Эдвардса из числа его прихожан пыталась убедить своего бывшего пастора основать в этом же городе новую церковь. Имея на своем попечении большую семью и испытывая недостаток средств на ее содержание, Джонатан наверняка раздумывал над этим предложением. Однако, будучи в гораздо большей степени обеспокоенным делами Царства Божьего, чем личными нуждами, он посчитал, что это может привести к еще большему расколу в рядах христиан Нортхэмптона, и потому отказался.

Нет никаких свидетельств того, что сердце Джонатана наполнила горечь. Он продолжал ко всем относиться с братской добротой и благосклонностью. Спустя год после увольнения он получил предложение продолжить служение в Индейской миссии в Стокбридже, в шестидесяти милях от Нортхэмптона. И хотя эта должность явно не соответствовала его положению, Джонатан смиренно принял приглашение служить американским индейцам.

Время служения в миссии характеризовалось простым образом жизни с большим количеством свободного времени для усвоения новых знаний. Долгие часы Джонатан проводил в комнатушке размером четыре на шесть футов, сидя у камина. Эти шесть лет в Стокбридже оказались в итоге самым настоящим даром Божьим, поскольку там он написал свое лучшее теологическое сочинение, слава которого не угасла и спустя несколько столетий. В связи с недостатком писчей бумаги Джонатан сам сшивал записные книжки из кусочков бумаги, которые он выискивал везде, где только мог: чистые газетные поля, неисписанная часть полученных писем и т.д.

Джонатан был горячим сторонником пересказа библейских историй для детей понятным для них языком.

Джонатан и Сара сердечно заботились об индейцах, несмотря на Их Дикие нравы (например, те зачастую приходили в церковь, вымазанными с головы до пят медвежьим жиром, чтобы отпугивать насекомых). На новом месте пастор смог, наконец, организовать богослужения так, как хотел этого еще в Нортхэмптоне, - заменить псалмы гимнами Уэсли. Он всячески поощрял гармоническое пение, которое сам страстно любил, и был горячим сторонником пересказа библей- ских историй для детей понятным для них языком.

Для Эдвардса этот период стал также временем восстановления один из тех, кто возглавлял гонения на пастора, публично обратился к Джонатану с пространными извинениями, раскаиваясь в содеяц_ ном. Хотя странно, что сам Джонатан смог ознакомиться с этим письмом лишь тогда, когда оно было опубликовано в одной из бостонских газет. К тому времени началась война с французами и индей-

цами, и вся семья Эдвардс была весьма занята раздачей пищи многочисленным беженцам, искавшим прибежище в близлежащей крепости. Но очередной поворот событий уже готов был направить жизнь Джонатана в совершенно иное русло.

В сентябре 1757 года до Джонатана дошли новости о том, что его зять, Аарон Бурр, умер от малярии в возрасте сорока одного года, Бурр женился на третьей по старшинству дочери Эдвардсов, Эстер, 29 июня 1752 года, всего лишь после пяти дней ухаживаний и помолвки, длившейся менее месяца. Они жили в Нью-Джерси, где Бурр занимал должность президента колледжа Нью-Джерси, ныне известного как Принстонский университет.

Новость о скоропостижной смерти Бурра была ошеломляющей и неожиданной, но в письме также сообщалось об избрании новым президентом колледжа Эдвардса. Последний попытался - как однажды Моисей перед Господом - убедить избравших его людей в недостойности своей кандидатуры, сославшись на слабое здоровье и недостаток знаний в некоторых областях науки, таких как греческий язык и математика. Однако главная причина его отказа заключалась в том, что Джонатан был полностью поглощен наукой и написанием теологических трудов, больше всего на свете желая и далее оставаться в Стокбридже.

Ежедневный стресс, с которым сопряжено руководство колледжем, совершенно не привлекал Джонатана, но после длительных размышлений он согласился обсудить это предложение с наиболее близкими друзьями. После того как его советники выразили свою убежденность в том, что принять назначение - это его обязанность и ответственность, из глаз Джонатана тут же заструились слезы. Он немедленно отбыл навстречу новому призванию.

"Доверьтесь Богу!" - последние слова Эдвардса

Сара с детьми осталась в Стокбридже, планируя перебраться к мужу ближайшей весной. Сам же Джонатан отправился в путь с дочерью Люси и прибыл в Нью-Джерси в январе 1758 года. К своему удивлению, он улучил огромное удовольствие от выступления перед студентами и преподавателями колледжа и был тепло принят ими. Более того, у него оказалось больше времени для самостоятельных занятий, чем он изначально предполагал. Переезд выглядел многообещающим.

Однако в это же время Новую Англию охватила эпидемия оспы, жертвами которой стали многие колонисты. Готовый ко всяким неожиданностям, Джонатан заранее тщательно продумал свои действия на случай, если ему потребуется сделать прививку. Прекрасно разбираясь в научных тенденциях своего времени, он еще много лет назад принял твердое решение в случае необходимости привиться. Но, несмотря на это, он обсудил этот вопрос с квалифицированными людьми из колледжа, потому что успех этой процедуры по тем временам оставался еще весьма сомнительным. В результате все единогласно решили, что Джонатану следовало привиться. Его недавно овдовевшая дочь Эстер также решила сделать прививку, что было запланировано на 13 февраля 1758 года.

Вначале у Джонатана проявились лишь легкие симптомы болезни. Но несколько недель спустя его охватила страшная лихорадка, и 22 марта 1758 года в возрасте пятидесяти пяти лет он умер. За несколько дней до смерти, чувствуя приближение вечности, он попросил дочь Люси записать его последние слова. Как и можно было ожидать, он выразил огромную любовь к любимой жене и детям, назвав свои отношения с Сарой "необыкновенным союзом". Он попросил, чтобы его похороны были скромны, а сэкономленные на этом средства были отданы бедным.

Когда же люди, стоявшие у смертного одра Джонатана, решили было, что он не способен больше слышать или говорить, тот удивил их своими последними словами: "Доверьтесь Богу, и вам нечего будет бояться".

Врач, констатировавший смерть Джонатана, отметил, что Бог позволил ему отойти в вечность "при полном отсутствии какой-либо боли или страданий... он просто заснул". Спустя неполных два месяца после утверждения в должности президента университета и всего лишь шесть месяцев после смерти Аарона Бурра, Джонатан Эдвардс был похоронен в Принстоне рядом со своим предшественником.

Не прошло и двух недель после этого печального события, как умерла Эстер Эдвардс. Одни люди говорили, что виновата прививка, другие во всем обвиняли лихорадку. Эстер оставила двух маленьких детей: четырехлетнюю Сэлли и двухлетнего Аарона Бурра-младшего который в будущем едва не стал президентом Соединенных Штатов (По итогам голосования в Палате представителей

ему не хватило одного-единственного голоса. В 1800 году, во время президентства Томаса Джефферсона, он исполнял обязанности вице-президента.).

Осенью Сара Эдвардс отправилась в Филадельфию, чтобы забрать к себе детей Эстер. Вскоре после своего приезда туда она тяжело заболела дизентерией. 2 октября 1758 года, в возрасте сорока восьми лет, она присоединилась к своему мужу, дожидавшемуся ее на небесах, а ее тело было погребено рядом с его телом на кладбище в Принстоне.

Славное наследие

Джон Пайпер, наверное, наилучшим образом охарактеризовал вклад Джонатана Эдвардса в Божье дело:

Величайшей и главной целью всех трудов Эдвардса было возвеличивание Бога. И величайшая вещь, которой я научился от Эдвардса, думаю, заключалась в том, что больше всего Господь бывает прославлен не тогда, когда мы Его глубже познаем или верно следуем Его заповедям. Больше всего Он бывает прославлен в те моменты, когда мы наслаждаемся Им.

Великое пробуждение, несомненно, привело к тому, что Божья слава засияла новым, более ярким светом. В Новой Англии к Христу обратилось не менее пятидесяти тысяч человек. Эта цифра выглядит поистине феноменальной, если вспомнить, что население колоний в те дни составляло всего около трех миллионов человек. Кроме того, было основано сто пятьдесят новых церквей.

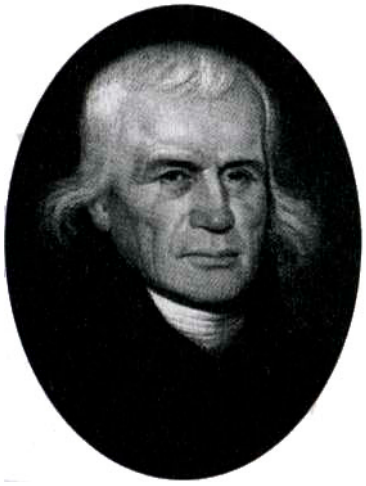
Джонатан Эдвардс также вдохновил целые поколения миссионеров, опубликовав книгу "Жизнь и дневники Дэвида Брэйнерда" *(Life and Diary of David Brainerd).* Хотя Брэйнерд прожил короткую жизнь, его влияние оказалось просто неизмеримым. И сегодня его дневники продолжают затрагивать сердца бесчисленного множества людей, которые, подобное ему, желают приносить Богу величайшую жертву, идя миссионерами в народы.

Что же касается самого Джонатана, то можно сказать, что как никто другой за всю историю христианства, он любил Бога всем своим разумом, сердцем, душой и силами. Яркий эрудит, он был одновременно человеком слова, и человеком Духа, дисциплинированным до фанатизма методичным в своем стремлении к истине до одержимости. Его теологические труды до сего дня считаются в Америке одними из наиболее глубоких и значительных, а пробуждение, у истоков которого он стоял, объединило колонии в единую страну, которая вскоре после его смерти получила название Соединенные Штаты Америки.

Он также многое сделал для того, чтобы Америка стала христианской нацией. Эдвардс подготовил почву для следующих пробуждений, тщательно задокументировав Великое пробуждение с самого его начала. Джонатан Эдвардс был Бескомпромиссно честный человеком, и его труды я рекомендую каждому христианскому служителю, и прежде всего тем, кто стремится и в XXI веке обращать сердца людей к Богу.

Глава 4

Френсис Эсбери (1745 -1816)

"Пророк долгого пути"

"ПРОРОК ДОЛГОГО ПУТИ"

Мы должны трудиться так, словно могли бы спастись лишь одними делами; и полагаться на Иисуса Христа так, словно не сделали ничего.

— Френсис Эсбери

Последовав за первым Великим пробуждением 1740-х и Американской революцией (1775-1783), волна возрождения накрыла новорожденные Соединенные Штаты, которые не были похожи ни на одно государство, когда-либо существовавшее на политической карте мира. Колонии (ныне штаты) стремительно расширялись в западном направлении, поскольку широкие просторы и бесплатная земля непреодолимо влекли к себе поселенцев. Во времена, когда не было еще телеграфа, а население Нью-Йорка не превышало 20 тысяч человек, американские города были разбросаны по территории штатов, словно звезды по небу. Тогда как пробуждение Эдвардса в основном было ограничено рамками большого города, а проповеди Уайтфилда привлекали отовсюду тысячи и даже десятки тысяч человек, новое возрождение принесло веру людям туда, где они жили.

В приграничье, где редкие, отдаленные друг от друга фермы и небольшие городки цепочкой соединяли крупные прибрежные поселения с рекой Миссисипи, где новости были редки и скудны, церкви попадались очень редко. До Американской революции христианские служители трудились в основном в больших городах, но такие люди, как Френсис Эсбери, видели важность и необходимость возвращения заведенного еще первыми апостолами порядка, когда Иисус отправлял их в путь по двое. Вместо того чтобы обращаться к огромным толпам в городах, странствующие проповедники-методисты - ярким примером которых был Френсис Эсбери - принесли огонь пробуждения в самые отдаленные уголки приграничья, став теми нитям, которые в итоге соединили американцев в единую нацию. Методизме его строгой дисциплиной молитвенных собраний, изучения Библии и объединенными обществами, стал гравитационной силой, объединившей в общины независимых и достаточно обособленных друг °т друга жителей западного приграничья.

Насколько же важной была эта связующая сила? Биограф Эсбери, дзриус Солтер, писал следующее:

Национальная комиссия по историческим публикациям при правительстве Соединенных Штатов назвала 66 американцев, чьи труды считаются исключительно важными для понимания развития американской нации и ее стратегического места в мировой истории. Эсбери вошел в их число.

Несмотря на то, что Эсбери не был ни политическим лидером, ни коренным жителем Соединенных Штатов, он был назван — вместе с Джорджем Вашингтоном, Томасом Джефферсоном, Джоном

Адамсом и Авраамом Линкольном - одним из основателей демократической республики, которая сегодня является примером для всего мира. Его вклад настолько значим, что памятник Эсбери в виде всадника на лошади, и по сей день стоит в Вашингтоне, глядя с 16-й авеню на юг, в сторону Белого дома. На постаменте высечены следующие слова: "Если вы ищете результаты его трудов, вы найдете их в нашей христианской цивилизации" и "Его длительные путешествия по городам, деревням и поселениям в период с 1771 по 1817 годы в немалой степени способствовали распространению в Американской республике патриотизма, образования, нравственности и религии".

Вместо того чтобы проповедовать за массивной кафедрой в большой церкви многолюдного города, Френсис Эсбери сотни тысяч миль проскакал верхом на лошади, принеся Слово Божье в места, где о Христе раньше никто не слышал. Вместо того чтобы выступать перед огромными массами людей, он часто служил лишь нескольким семьям, собиравшимся в простых деревенских домах, или просто одинокому путнику, встреченному им случайно. Все люди согрешили, считал Эсбери, и все они одинаково нуждаются в Спасителе. Френсис был глубоко убежден в своем призвании нести дар спасающей Божьей милости всем, кто готов о ней услышать, и со своей стороны старался сделать все возможное, чтобы донести Благую Весть до каждого человека.

Ранние годы в Англии

Френсис Эсбери, или просто Фрэнки, как его иногда называли, появился на свет 20 августа 1745 года, в Хэмстед-Бридж, Стаффордшир, Англия, недалеко от Бирмингема. Он был единственным выжившим ребенком Джозефа и Элизабет Эсбери, которые стали активными методистами после смерти своей маленькой дочери Сары незадолго до появления на свет Френсиса. Элизабет Эсбери была угрюмой, но очень преданной Богу женщиной. Ее муж, как писал в своем дневнике много лет спустя сам Френсис Эсбери, работал садовником в поместьях живших неподалеку богатых семей. Профессия Джозефа не делала его влиятельным человеком в достаточно грубом местном сообществе, которое специализировалось преимущественно на производстве металлических изделий.

Методистское вероисповедание семьи Эсбери отнюдь не добавляло им популярности. Жители Бирмингема противились любой религии, особенно призыву к личной святости, звучащему из уст братьев Уэсли. Когда Джон и Чарльз Уэсли пытались там проповедовать, Джона прогнала прочь разъяренная толпа, а Чарльза закидали камнями и гнилыми овощами, а какофонический звон колоколов местной церкви часто использовался для того, чтобы заглушить его голос. Даже местные органы власти, казалось, возмутились против методистских проповедников. Один из членов городского магистрата даже предложил заплатить тому, кто прогонит их из города. Соратник братьев Уэсли, Джон Нельсон, был "закидан яйцами и камнями, получил восемь ударов ногой... протащен за волосы по камням мостовой двадцать ярдов, в то время как другие люди в этот момент без устали пинали его ногами. Беременная жена Нельсона была избита настолько сильно, что у нее случился выкидыш". Даже после того как братья Уэсли направились дальше, толпы продолжили терроризировать новообращенных методистов, подвергая их физическим нападкам, а также грабя и разрушая их дома.

О раннем детстве Эсбери - или "малыша Френки" - до нас дошло лишь одно-единственное свидетельство. Оно было рассказано Джоном Уэсли Бондом, последним товарищем Френсиса по его странствиям:

Отец епископа, бывший по профессии садовником, складывал свой рабочий инвентарь, который состоял из больших садовых ножниц, пил, мотыг, граблей и тому подобного, в [прилегавшей к дому пристройке]... Однажды Френсис забрался в это помещение. Никто не задумывался об опасности, которая подстерегала там малыша, пока его отец не поинтересовался у матери: "Где же наш парень? Я слышу, как он плачет". Его мать забежала в пристройку и обнаружила, что мальчик провалился в зиявшую в по**л**у дыру. Но по доброму провидению Божьему инструменты незадолго до того были убраны, а на их место поставлен огромный бойлер, наполненный пеплом, в который ребенок и упал. Если бы не это, мир, наверное, так никогда и не увидел бы славных дел епископа Эсбери.

Ранние годы жизни Френсиса не были отмечены материальным благополучием, однако Бог благословил его родителями, которые с малых лет заботились о воспитании характера и духовном росте сына. О школьном образовании Эсбери нечего и говорить. Устав от побоев учителя и нападок одноклассников, называвших его "отвратительнейшим из отвратительнейших", в десятилетнем

возрасте Эсбери принял самостоятельное решение (без видимого участия родителей) оставить школу и зарабатывать себе на жизнь подработкой в богатых поместьях. Научившись читать и писать, он начал самостоятельно изучать Библию, посвящая этому занятию много времени.

Небольшой четырехкомнатный домишко Джозефа и Элизабет Эсбери был постоянно открыт для проповедей, занятий библейских групп и собраний поклонения, поэтому религиозное образование молодого Эсбери неустанно продолжалось. Френсис сам затруднялся назвать точную дату своего обращения к Богу; более того, в своем дневнике он практически не оставил записей, касавшихся его первых лет пребывания в Америке. Тем не менее, на его жизненном пути Бог использовал многих людей и наставников, чтобы направить молодого человека и подготовить к будущему призванию. Святой Дух начал серьезно влиять на будущего проповедника, когда тому еще не исполнилось и двенадцати лет, однако вскоре в дело вмешались его сверстники. Замедление своего духовного роста Френсис также связывал с тем, что большинство встречавшихся ему в начале жизненного пути христианских служителей сами были весьма не образованы в духовных вопросах.

Когда Френсису исполнилось тринадцать лет, неподалеку от его дома начал проводить молитвенные собрания странствующий сапожник. Несмотря на то, что мужчина был баптистом, Элизабет Эсбери увидела его искренность и пригласила к себе домой выступить на собрании методистов. Слова этого человека о спасении коснулись сердца молодого Френсиса. Вскоре после этого Александр Мэтер странствующий методистский проповедник, получил назначение служить в окрестностях Бирмингема. Когда молодой Эсбери услышал Мэтера, объяснявшего, как можно обрести свободу от греха, его сердце вновь затрепетало, и юноша во что бы то ни стало захотел **до**-стичь такой важной и необходимой личной святости.

Собрания методистского общества произвели неизгладимое впечатление на взрослеющего Френсиса, с интересом наблюдавшего за мужчинами и женщинами, которые с искренней верой прославляли Бога. Ему нравились исполняемые этими людьми гимны, но особенно его восхищала та свобода, с которой выступали и молились проповедники. Традиционные священнослужители тех дней нечасто побуждали простых верующих думать - они говорили скучно и монотонно, а свои молитвы читали из книг. В них не было заметно никакого огня, никакого вдохновения. Мэтер же всегда молился так, словно Бог действительно находился рядом с ним. Он проповедовал от сердца, не полагаясь ни на какие записи. И это стало моделью того типа американского методизма, который Френсис стал впоследствии распространять везде, куда бы ни шел.

Взрослея и неустанно пребывая в поисках Бога, Френсис разработал специальные системы поддержки, обеспечивавшие ему непрерывный духовный рост. Он подружился со сверстниками, которые также были серьезны в вере, и каждое воскресенье они вместе посещали по четыре богослужения, проводившихся в двух разных церквах.

Методистская конференция
Онлайн-центр Уэсли (wesley.nnu.edu) Северо-западного Назареянского университета, Нампа, штат Айдахо, США

Френсис был глубоко убежден в том, что большую роль в процессе его духовного становления сыграла его мать, которая привила сыну дисциплину, так сильно пригодившуюся ему в жизни. К примеру, Элизабет Эсбери каждый день будила сына в четыре часа утра, чтобы тот мог как можно раньше справиться со своими обязанностями ученика кузнеца и днем быть свободным для проповедования в методистских группах или же на религиозных собраниях, организованных ею.

В последующие годы своей жизни, просыпаясь даже в шесть часов утра, Френсис уже чувствовал себя виноватым и слишком ленив.

фл неоднократно говорил о том, что научился упорству и настойчивости еще в раннем возрасте, наблюдая за тем, как его мать в темное время суток стояла с Библией у самого окна, ловя тусклые отблески света, чтобы изучать

Божьи истины. Она горела желанием во что бы то ни стало понять эту Книгу, даже когда рядом не было человека, который мог бы ей все объяснить. Глядя на мать, на то, как она заботилась о других верующих, Френсис впервые узнал, что такое любовь на деле. Вне всякого сомнения, решительность Элизабет Эсбери в деле распространения Евангельской Вести оказала серьезное и неизгладимое влияние на ее сына.

На протяжении всей своей жизни Френсис поддерживал достаточно близкие отношения с родителями, каждый месяц поддерживая их деньгами и посылая им письма. Его неослабевающая любовь к ним и сильная привязанность отчетливо видны в письме, которое он написал, узнав, что отец с матерью находятся в нужде: "Я продал свои часы и свою библиотеку и продам даже последнюю рубашку, если вам потребуются деньги".

И потому становится особенно грустно от осознания того, что, отправившись в 1771 году в Америку, Френсис никогда больше с ними не увиделся. Много лет спустя, уже после смерти мужа, Элизабет Эсбери приняла несколько чрезвычайно неблагоразумных финансовых решений, которые впоследствии серьезно подорвали ее материальное положение. Это лишь усилило непрекращающееся чувство вины Френсиса, вызванное необходимостью оставить родителей за океаном, даже несмотря на его уверенность в своем призвании и самоотречении ради Евангелия.

Становление проповедника

Френсис начал публично проповедовать, когда ему еще не исполнилось и пятнадцати лет, - он просто громко читал отрывки из Священного Писания на организованных его матерью собраниях и затем пояснял их собравшимся. Вскоре после этого его стали приглашать к Себе и другие методисты. Александр Мэтер обратил на него внимание и назначил местным проповедником-мирянином, возложив на него также обязанности молодежного руководителя. С семнадцати до Двадцати лет Френсис неустанно путешествовал по окрестностям Бирмингема, проповедуя несколько раз в неделю там, куда его приглашали. Сам он писал о том, что направлялся "практически в каждое место, куда только мог, ради спасения драгоценных душ, проповедуя, как правило, три, четыре и даже пять раз в неделю и в то же самое время следуя своему призванию свыше".

Когда Френсису исполнилось двадцать два года, Методистская конференция в Англии выдала ему испытательную лицензию на проповедование. Год спустя он стал лицензированным служителем и получил уже свой собственный округ. Но при этом Эсбери оставался скромен и не считал себя великим служителем, признаваясь: "Иногда я удивляюсь тому, как люди могут сидеть и слушать меня, но Господь покрывает мои слабости Своей силой". Проповедническая заурядность, однако, не была таким уж негативным качеством, поскольку евангелизационный пыл Уэсли также был направлен не столько на сильные проповеди и основание постоянных церквей, сколько на достижение людских сердец. Сам Уэсли писал: "Дайте мне лишь одну сотню проповедников, которые не боялись бы ничего, кроме греха, и не желали бы ничего, кроме Бога, и меня совершенно не беспокоит то, мирянами они будут или представителями духовенства, ибо они поколеблют врата ада и установят на земле Царство Небесное". Горячее желание Френсиса проповедовать наверняка полностью соответствовало этим критериям бесстрашия.

На протяжении некоторого времени братья Уэсли получали письма от американских пасторов, просивших прислать им опытных и мудрых мужей, которые могли бы помочь новообращенным, принявшим в свое сердце Христа во время возрождений, возглавленных Джорджем Уайтфилдом и его последователями. Джон Уэсли не знал, как это следовало сделать наилучшим образом, но регулярно молился об этом вопросе. Вскоре из американских колоний вернулся лютеранский миссионер, который предупредил Джона о том, что без соответствующего руководства новые церкви вскоре могут зачахнуть. Таким образом, во время Бристольской конференции, состоявшейся в августе 1771 года, Джон Уэсли решил призвать добровольцев в Америку. Он сказал: "Наши [американские] братья громко взывают о помощи. Кто желает отправиться за океан и помочь им?". Этот призыв глубоко тронул сердце Френсиса, и он вместе с Ричардом Райтом согласился отправиться в путь. Они покинули Англию 4 сентября 1771 года, взяв с собой лишь два одеяла, немного одежды и десять фунтов, собранных друзьями для Френсиса. Свою миссию он выразил следующими несколькими словами:

Куда я направляюсь? В Новый Свет. Для чего? Для поиска почестей и славы? Нет, насколько я знаю свое сердце. Заработать денег? Нет. Я направляюсь туда, чтобы жить ради Бога и научить этому других людей".

"Когда я увидел американский берег"

Путешествие показалось Френсису очень долгим, к тому же его часто мучила морская болезнь. Но он оставался верным своему призванию - каждый полдень старался проповедовать на верхней палубе, даже если для этого требовалось привязать себя к мачте носимого по волнам корабля. Когда в воскресенье, 27 октября 1771 года, корабль, наконец, бросил якорь в порту Филадельфии, Френсис и Райт направились прямиком в церковь Святого Георгия, штаб-квартиру местных методистов. Несколько строчек из дневника Френсиса наглядно демонстрируют нам, с каким трепетом и рвением он относился к своему призванию:

Люди с радостью смотрели на нас, не зная, как им выразить переполнявшую их любовь, искренне и горячо приветствуя нас и принимая нас, словно Божьих ангелов. О, если бы мы могли всегда быть достойными своего призвания! Когда наш корабль приблизился к американскому берегу, сердце буквально расплавилось у меня в груди, стоило мне лишь подумать о том, откуда я прибыл, куда направляюсь и чем собираюсь заняться.

Выступая в течение месяца с проповедями в крупнейших церквах Филадельфии и Нью-Йорка, Эсбери ощутил в душе растущее беспокойство: "Наши остановки для проповеди были весьма приятными, но почему наше евангелизационное рвение не было направлено также на тех, кто жил в сельской местности, на более отдаленных членов общества?"'. Он никак не мог понять, почему ответственные лица совершенно не заботились о том, чтобы распространять Евангельскую Весть за пределами Нью-Йорка и Филадельфии, не говоря уже о том, чтобы способствовать в этом деле горевшему служить людям Френсису.

В Англии Френсис был обвинен в узурпации власти другого странствующего проповедника. Как свидетельствуют сохранившиеся до наших дней документы, знакомый пастор попросил Эсбери временно, на время своей болезни, занять его место. И хотя мы не знаем в точности, чем были вызваны подобного рода обвинения, проповедник отправил Френсису письмо, в котором четко и ясно заявил, что тот пытался захватить власть над его округом. Можно было подумать что Эсбери испугается навлечь на себя такие же обвинения и в Америке, однако он не показал и тени неуверенности, горячо обличая недостатки американской миссии. Местные миссионеры оказались неспособными достичь сердец поселенцев, живших за пределами Нью-Йорка и Филадельфии, и, по большому счету, не очень-то и стремились. Да и работу, проводимую в этих двух городах, Френсис считал вялой и непрофессиональной - что мало соответствовало духу методизма, какой исповедовали братья Уэсли. В отличие от своих английских компаньонов, Френсис не собирался довольствоваться малым, самодовольно засиживаясь на одном месте, как это делали многие миссионеры-методисты в Америке. Это недовольство не способствовало его теплым отношениям с руководством американских методистов, но, даже несмотря на это, он не желал идти ни на какие компромиссы в этом вопросе.

Вскоре Френсис убедил двух местных священнослужителей отправиться с ним в Вестчестер, Нью-Йорк, где уговорил местного судью позволить ему использовать здание суда в качестве кафедры. Дела пошли настолько успешно, что две недели спустя он вернулся и, хотя здание суда уже было занято, открыл церковь в доме хозяина таверны. Ночь Френсис провел в доме одной семьи, члены которой, после того как он пригласил их помолиться вместе с ним после ужина, тоже стали методистами. Такой вид евангелизации Френсис использовал на протяжении последующих сорока с небольшим лет: он находил место для проповеди, останавливался у местных жителей и молился вместе с ними о том, чтобы Христос коснулся их сердец. Зачастую после этого возникали новые методистские общества.

Первое десятилетие пребывания Френсиса в Америке было отмечено, однако, лишь несколькими подобными успехами. Много времени уходило на борьбу с другими методистами за лидерство в миссии. Френсис оказался втянут в конфликт между тремя главными конкурирующими силами: государственной системой Англиканской церкви; демократическим и независимым мышлением американцев, не желавших ориентироваться в управлении своими церквами на какие-либо

европейские модели подобного рода; а также противостоянием своего собственного "эго" амбициям других методистских лидеров.

В это же время методистская миссия боролась еще с двумя серьезными трудностями. Первая из них была непосредственным образом связана с тем фактом, что методистское движение имело английские корни, а напряжение в отношениях между Америкой и Англией росло в геометрической прогрессии. Все методистские лидеры прибывали прямиком из-за океана, а местные методистские общества создавались по английскому образцу, причем их члены по-прежнему принадлежали к Англиканской церкви. Что еще хуже, Джон Уэсли принял необдуманное решение вмешаться в политику и призвал колонии к примирению с короной.

Вторая проблема заключалась в том, что методизму было нелегко найти свое место в плюралистическом протестантизме тринадцати американских колоний. Зачем человеку нужно было становиться именно методистом, если местные баптистская и конгрегационная церкви имели схожие собрания по воскресеньям? В Англии формализм англиканства оставлял обществам много свободного времени для встреч в другие дни недели. В Америке же церкви, наоборот, были гораздо более открытыми, и в них упор делался на индивидуальное изучение Библии и молитву, а не на ритуалы и таинства. Методисты не могли работать в одной связке с конгрегационалистами, пресвитерианами или баптистами так, как они делали это с англиканцами. И потому, прежде чем набрать скорость, методизму следовало громко заявить о себе как о новой христианской деноминации.

До начала Войны за независимость Френсис был лишь одним из многих методистских проповедников, непрестанно выяснявших между собой отношения в попытках выдвинуть методизм на ведущие позиции в религиозной жизни Америки того времени. И успех не пришел к нему до тех пор, пока он не оставил все амбиции далеко позади и не стал для американцев своим.

"Я полон решимости ни за что не оставлять их"

По мере того как напряжение в отношениях между Великобританией и Америкой продолжало расти (что привело в конце концов к провозглашению Декларации о независимости), крепла также и преданность Френсиса колониям. Этот процесс весьма заметен при ближайшем рассмотрении записей в его дневнике. В 1773 году он писал о том, что колонисты слишком неверны своей метрополии; в 1775 году из-под его пера вышли уже следующие слова: "Вне всякого сомнения, Господь возьмет эту ситуацию под Свой контроль и поставит все эти вещи на службу духовному благополучию Своей Церкви"; к июлю 1776 года он смело провозгласил, что британцы имеют лишь мизерные шансы на успех; и наконец в 1779 году он молился о том, чтобы Бог "милостиво вмешался для избавления *нашей* страны". К весне 1780 года Френсис стал признанным гражданином штата Делавэр.

В августе 1775 года Френсис получил от Томаса Рэнкина, с которым он одно время делил лидерские обязанности, письмо, в котором сообщалось, что все английские миссионеры-методисты в связи с нараставшим напряжением отзываются в Англию. Ответ Френсиса был твердым:

Я никак не могу согласиться с необходимостью оставить такое замечательное поле для сбора человеческих душ Господу нашему Иисусу Христу, каким является сегодня Америка. Для методистов это станет вечным позором, если мы просто так оставим три тысячи душ, желающих получить нашу заботу. И вряд ли можно назвать добрым того пастыря, который в минуту опасности бросает свое стадо: следовательно, я полон решимости, по милости Божьей, ни за что не оставлять их, чем бы мне это ни грозило.

К весне 1778 года все лидеры методистов английского происхождения, за исключением Френсиса, покинули колонии.

Когда напряжение в отношениях с Англией достигло пика, люди начали определяться. 9 декабря британские солдаты атаковали группу ополченцев в Грейт-Бридж, что в двенадцати милях к юго-востоку от Норфолка, штат Виргиния. В тот день было убито более ста британских солдат; американские ополченцы обошлись без потерь. В то время Френсис внимательно следил за происходящим, отмечая в своем дневнике, что он намеренно отстранился от конфликта, сосре-

доточившись на отношениях с Христом. В 1776 году, находясь в Филадельфии, Френсис получил письмо от Джона Уэсли, который пытался убедить местных методистов сохранить верность Англии. Его слова, однако, имели обратный эффект, в результате чего авторитет Уэсли в Америке заметно пошатнулся. Несмотря на уменьшение количества методистов вследствие военных неурядиц, Френсис продолжал беспрепятственно проповедовать. Он был полностью сосредоточен на распространении Евангельской Вести, игнорируя политику, насколько это было в тот момент возможно. В результате этого его дневники обошли молчанием многие примечательные события и битвы Американской революции.

Но к июлю 1777 года Френсис уже боролся с угнетением. Быть методистом в колониях становилось все более и более опасным, на что имелись весьма веские причины. Френсис услышал проповедь Рэнкина, которая преподносилась, как его последнее выступление в Америке перед возвращением английских миссионеров домой. Нервы Эсбери, должно быть, напряглись до предела, когда Рэнкин начал говорить о том, что до тех пор, пока колонисты не подчинятся английскому королю, Бог не благослови! их. Рэнкин, как оказалось позже, остался в колониях, где помогал британцам. Другой лидер методистов, Мартин Родда, распространял трактаты в поддержку британцев, после чего нашел прибежище на борту британского корабля, бросившего якорь в Чизпик-Бэй. В данном контексте следует упомянуть также и о Чонси Клоу, методисте, возглавившем группу английских сторонников, которая вступила в бой с отрядом ополченцев, пытавшимся выступить против частей королевской армии. Клоу был захвачен в плен и по приговору суда казнен. Быть методистом в те дни было не лучше, чем признаться в шпионаже в пользу короля Георга III.

К весне 1778 года все лидеры методистов английского происхождения, за исключением Френсиса, покинули колонии. Он попрощался со своими коллегами, и те, подняв паруса, отплыли в сторону Англии. Отбытию некоторых из них он, вне всякого сомнения, был очень рад, тогда как о разлуке с другими весьма сожалел. Это сложное время расставаний, вместе с тревожной атмосферой, могло подвергнуть серьезному испытанию даже веру твердо стоявшего на ногах христианина. Биограф Дариус Солтер описывал этот сложный в жизни Френсиса период времени, цитируя отрывки из его дневника:

На первых порах Эсбери держался твердо и уверенно. "Несмотря на все это, мне было легко, ибо Господь был со мной. И если Он будет со мной и приведет меня в мире к дому Отца моего, Он навсегда будет моим Богом". Четыре дня спустя, однако, он сломался, будучи не в силах справиться с охватившим его в тот момент одиночеством. "Меня мучили тягостные мысли. Но в этом не было ничего удивительного: три тысячи миль от дома; друзья оставили меня; некоторые люди считают меня врагом этой страны, каждый день живя в страхе быть атакованными.

Когда жителям Мэриленда было приказано принести клятву на верность колонии, Френсис направился в Делавэр, где на протяжении последующих восемнадцати месяцев проживал в доме Томаса Уайта. Там он находился практически в полной изоляции, благодаря чему посвящал много времени сосредоточенным занятиям. Биограф Эзра Сквайер Типпл писал:

Это время уединения было для Эсбери столь же ценным, как пребывание в пустыне для Иоанна Крестителя или путешествие в Аравию для Павла, и это прекрасно укладывалось в планы Божественного провидения. Казалось, сам Эсбери нисколько в этом не сомневался: "Раньше я думал, что отсутствие возможности провозглашать Слово Божье станет для меня смертью, но сейчас я в определенной мере даже удовлетворен. Наверное, в моем временном молчании заключается Божья воля, но это время я должен посвятить подготовке к дальнейшему служению. Следовательно, это время я обязан использовать наиболее полезным образом.

Однажды Френсис был вынужден до наступления темноты скрываться на близлежащем болоте; в противном случае, он подверг бы своего гостеприимного хозяина опасности быть обвиненным ополченцами в пособничестве британцам. Когда позже Уайт был арестован, Френсис отправился дальше, останавливаясь там, где мог найти крышу над головой. Он более не записывал в своем дневнике имен приютивших его людей, опасаясь, что эти записи могут попасть в чужие руки. Он продолжал проповедовать везде, где представлялась подходящая возможность, однако его тело и душа были истощены до предела. К концу 1778 года в своем дневнике он выразил недовольство собой как человеком, призванным проповедовать: "В Церкви Христовой я делаю меньше доброго и полезного,

чем любой известный мне человек, и при этом считаю, что призван свыше проповедовать Евангелие. Как же я недоволен собой!".

Эти дни были тяжелым испытанием и для американских проповедников-методистов. Некоторых из них жестоко пороли кнутом, избивали или, вымазав дегтем, обваливали в перьях. Джозеф Хартли был брошен за решетку в Истоне, Мэриленд, но даже это не заставило его замолчать. После того как он начал проповедовать через тюремные окна, его быстро выпустили, опасаясь, что тот обратит к Богу весь город. В связи с оккупацией британскими войсками Нью-Йорка и Филадельфии большинство методистских проповедников перебрались на юг - таким образом, Френсис оказался отрезанным от них географически, и его влияние в организации значительно ослабело.

И потому многие наверняка были весьма удивлены, когда он получил письмо от Уэсли, который снова благословил его на труд в колониях. Многие недоумевали, почему в самом разгаре войны с Англией Уэсли выбрал руководителем американцев англичанина. Но к тому времени Френсис уже давно не считал себя англичанином — его сердце теперь полностью принадлежало колониям, а также Господу и Спасителю.

В Америку приходит свобода

В феврале 1782 года британцы проголосовали за то, чтобы больше не продолжать войну против Америки. Прекращение конфликта привело к большим переменам как для Френсиса лично, так и для методизма в целом. Ограничения передвижения по стране были сведены к минимуму, но до момента подписания официального мирного соглашения Френсис продолжал находиться под подозрением и был вынужден обзавестись официальным паспортом, чтобы свободно передвигаться по колониям. Но подобные неудобства были мелочью по сравнению с куда более серьезными нуждами служения. К примеру, спад национальной валюты означал отсутствие средств на печатание книг и трактатов, которые распространяли методисты и от которых в значительной степени зависел духовный рост верующих, особенно учитывая то, что их духовные наставники посещали свою паству лишь раз в несколько недель. Но еще более серьезными были перемены в сердцах и умах руководителей американских методистов: вкус свободы оказался так сладок.

Ординация епископа Эсбери
Библиотека конгреса, 99as

В газете *Baltimore Advertiser* один из авторов выразил чувства тех, кто радовался избавлению от духовного ярма метрополии: "Хвала небесам, мы живем в стране равных свобод и полны решимости бороться за свои права и привилегии, думать самостоятельно и не крепить свою веру к рукаву какого-либо отдельно взятого человека".

Несмотря на то, что во время войны посещаемость многих церквей снизилась, так же как их собственная активность в служении постепенно методизм начал возвращать свое утраченное влияние. В 1773 году у американских методистов было 24 проповедника, 12 округов и 4921 члена; к концу войны насчитывалось уже 82 методистских проповедника, 39 округов, а количество членов методистской церкви выросло до 13740 человек. Если бы число методистов в Америке пошло на убыль, братья Уэсли, возможно, оставили бы местное движение в покое. Однако, принимая во внимание упомянутый выше рост, Джон Уэсли, скорее всего, чувствовал себя обязанным, как отец движения, позаботиться о своих людях.

Находясь в Англии, братья Уэсли отправили американским методистам Томаса Кока, чтобы тот совместно с Френсисом установил контроль над местной общиной. Рассказывают, что Кок однажды перебил выступавшего американского проповедника-методиста Нельсона Рида словами: "Вы, должно быть, считаете, что равны мне", на что Рид ответил: "Да, сэр, именно так; и мы равны не только доктору Коку, но и королю доктора Кока".

Эсбери надеялся, что этот независимый, демократический дух раз и навсегда укрепит его лидерство в американском методистском движении, для чего планировал организовать голосование с участием представителей северных и южных ассоциаций. Эта практика была полной противоположностью присущему Джону Уэсли методу назначения руководителей, которые, казалось, появлялись и исчезали, словно подчиняясь какому-то внезапному порыву. 27 декабря 1784 года, во время так

называемой Рождественской конференции, американские лидеры выбрали Эсбери главой новообразованной Методистской епископальной церкви. Став отдельной христианской деноминацией, которую возглавил Френсис Эсбери, получивший возможность беспрепятственно путешествовать и назначать служителей, полагаясь на волю и водительство Божье, методизм достиг в Америке неведомого ранее расцвета. С этого времени он стал чисто американским явлением, не желая возвращаться к английским корням.

Теперь американский методизм стал "епископальной" церковью, то есть церковью, "управляемой епископами". Проводя служение посвящения, Томас Кок назвал Френсиса уже не "суперинтендантом", а "епископом". Уэсли попытался оспорить это в адресованном Френсису письме, подчеркивая, что хотя тот и "мог бы стать старшим братом американских методистов: [но] под Богом я прихожусь отцом всей семье". Следующие письма также демонстрировали попытки Джона Уэсли восстановить утраченную им власть, но они так и остались тщетными. Есть предположение, что Френсис сказал одному из своих друзей: "Мы с мистером Уэсли подобны Цезарю и Помпею. Он не потерпит никого равного себе, тогда как **я** не потерплю никого высшего". К 1787 году американские протестантские лидеры полностью отвергли руководство Уэсли, провозгласив независимость американского методизма. Френсис был убежден в собственной правоте; но за свою автономию ему пришлось заплатить личную цену. Он писал об Уэсли: "Я считаю это одной из величайших трагедий своей жизни (так сильно я скорблю о нем!), ибо своим письмом он заставил меня весьма остро почувствовать себя падшим! падшим!".

Вначале Эсбери был смущен своим новым званием, не зная до конца, как к нему относиться. Свои опасения он выразил в дневнике: "Иногда мне становится страшно при мысли, что в своей новой должности я могу возомнить себя кем-то большим, чем ранее". Одно время он даже рискнул облечься в одеяния англиканских епископов, но вскоре под шквалом критики отказался от своей затеи. Пытаясь прикрыть свое смущение, Френсис однажды в шутку заметил, что неплохо иметь столь краткое звание, как "епископ", поскольку можно "спасти целых Две души за то время, пока произносишь: "Главный суперинтендант".

Но каким бы ни было теперь звание Эсбери, он твердо решил полностью посвятить себя распространению Евангелия во все уголки новорожденной Америки начав наконец исполнять свое призвание, которое и привело его к берегам Нового Света:

С окончанием Войны за независимость и установлением мира мы получили возможность беспрепятственно посещать все уголки страны. Вскоре мы начали расширять свои границы, проповедуя во многих местах, где до этого не ступала наша нога... Один из наиболее важных факторов, способствовавших распространению нашими проповедниками Евангельской Вести, заключался в следующем. Во время войны, продолжавшейся семь или восемь лет, многие члены наших обществ, движимые страхом, нуждой или собственным выбором, рассеялись по отдаленным поселениям и новым землям. Но как только в стране воцарился мир и дороги снова открылись, они стали упрашивать нас посетить их края. Засыпанные их искренними и многочисленными просьбами - как письменными, так и устными, - мы вынуждены были уступить им, ощутив схожее побуждение. Они же были готовы принять нас с распростертыми объятиями и открытыми сердцами, восклицая: "Благословен грядущий во имя Господне!".

"Живой или мертвый, я должен ехать"

С этого момента Эсбери осознал себя в новом, куда более ответственном качестве. Сердце побуждало его идти в народ, распространяя повсеместно Божье Слово. Но, как епископ, он также был обязан совершать рукоположение. Прибывая в новое место, он находил энергичного человека, достойного стать методистским служителем, и благословлял его с возложением рук, назначая ответственным за определенный округ. Иногда к нему обращались отправляющиеся на Запад методисты с просьбами помочь им начать душеспасительную работу на новом месте; в других случаях он просто назначал странствующих проповедников ответственными за новые территории, которые еще только предстояло обратить к Богу. Таким образом, методизм завоевывал все новые территории, простирающиеся от одного конца страны к другому. Благодаря этому Евангелие вновь стало общепонятным языком для большинства американцев - от наиболее отдаленных уголков Кентукки до Плимута.

Конечно же, Бог знал, что делал; когда готовил Френсиса Эсбери к его будущему служению у наковальни и горячего пламени кузницы, а не в аудиториях английских университетов, как это было с Уайтфилдом и братьями Уэсли. Там, куда был призван идти Френсис, хорошее образование ничем не могло помочь. Тем не менее его записи приоткрыли многим историкам окно в сердца и жизни смелых мужчин и женщин, завоевывавших для Господа дикий Запад. Биограф Эзра Типпл писал о том, сколь тщательно Эсбери вел свой дневник:

Нарисованная Эсбери картина Америки той поры является в своем роде столь же примечательной и ценной, как запечатленный Уэсли образ Англии. Ни один американец в ту пору не путешествовал так много и так далеко, как Эсбери, и ни в какой другой книге вы не найдете более сокровенных сведений о семейной жизни колонистов - прежде всего, жителей пограничья - или же о преобладавших в те времена социальных и прочих условиях.

Именно благодаря этим дневникам нам сегодня известен образ жизни Френсиса Эсбери и, бесспорно, большинства других странствующих проповедников. Эти дневники также раскрывают нам образ человека, сражавшегося за свое призвание и свои отношения **с** Богом в тяжелые минуты жизни. Путешествия в те дни были нелегким испытанием для путника, но ни дождь, ни слякоть, ни снег, ни стужа не могли вынудить Эсбери замедлить свой шаг. В ту пору даже была популярна такая поговорка: "За окном сегодня лишь вороны и методистские проповедники".

Не только дневники Эсбери, но и его письма могут рассказать нам многое об Америке тех времен и набиравшем силу движении методистов. Служение Эсбери расширилось, включив в себя информационный центр для путешественников и службу новостей; его корреспонденция невидимыми нитями соединила разбросанные далеко друг от друга поселения, недавно появившегося на свет народа. Через служение Френсиса новости передавались настолько надежно, что письмо, адресованное "Преподобному епископу Эсбери, Северная Америка", всегда находило к нему дорогу. Если в Америке происходило что-либо достойное внимания - а для Френсиса достойным внимания были, как правило, признаки духовного возрождения, - он был одним из первых, кто слышал эту весть и распространял повсюду.

Способу распространения методизма Френсис научился у Джона Уэсли во время своего взросления в Англии, а по приезде в Америку Усовершенствовал его. Способ этот базировался на желании человека воздерживаться от земных благ ради обретения небесного Венца через распространение Евангельской Вести везде, куда бы он ни шел. "Не существовало слишком бедных семей, слишком грязных домов, слишком отдаленных поселений и слишком невежественных людей, которые не могли бы благодаря этому услышать Благую Весть о том, что жизнь может стать лучше".

Условия жизни в те времена были настолько тяжелыми, что половина приписанных к округам проповедников умирала еще до достижения тридцати трех лет. Причиной тому были беспрерывные поездки верхом, а также суровый климат". Питер Картрайт (1785- 1872), речь о котором пойдет в одной из следующих глав, возможно, установил рекорд, прослужив странствующим проповедником шестьдесят семь лет.

Тем не менее, несмотря на строгие требования, способ оказался столь действенным, что благодаря ему Слово Божье достигло даже наиболее отдаленных районов молодой страны - страны, с огромной скоростью расширявшей свои пределы, что подтверждалось результатами переписей населения. В 1770 году ту часть Америки, где сейчас расположены штаты Джорджия, Кентукки, Огайо и Теннеси, населяло около сорока тысяч жителей с европейскими и африканскими корнями. К 1810 году, благодаря иммиграции, население этого региона выросло, превысив миллион человек.

Государственным церквам наверняка было бы невозможно эффективно поспевать за таким ростом, но только не Эсбери. Традиционные деноминации оказывались просто не в состоянии открывать новые церкви с такой же скоростью, с какой в то время росло население страны. Их духовные семинарии не могли достаточно быстро готовить новых священнослужителей, так же как не были они готовы изменить свои традиционные стратегии. Методисты, напротив, обладали гибкостью, благодаря тому, что их проповедники каждые полгода-год отправлялись нести служение в новые для себя области, оставаясь, таким образом, свежими и энергичными. Постоянное пребывание на одном месте было целью традиционных церквей - 70 процентов их священников служили в одном и том же приходе всю свою жизнь. Для большинства служителей духовное образование было главным и зачастую единственным путем к достижению успеха. Методистские же проповедники предпочитали

не дипломы, а навыки достижения сердец простых людей. Конечно же, Эсбери ни в коем случае не умалял значение образования, но при этом он считал, что ничто не должно отвлекать служителей от несения "простых истин простым людям". Говорят, что для оценки профпригодности странствующим проповедникам-методиетам задавали лишь четыре вопроса:

1) Действительно ли вы пережили обращение к Богу?
2) Знаете ли вы и соблюдаете ли методистские правила?
3) Способны ли вы доступно проповедовать?
4) Есть ли у вас лошадь?

"Доступное" проповедование в действительности являлось вполне разумным критерием отбора, поскольку в большинстве своем проповедники использовали базовый набор отрывков из Библии, к которым добавляли свои собственные комментарии практически-прикладного характера. Эсбери не одобрял тех, кто, проповедуя, слишком часто заглядывал в свои записи, что наверняка было вызвано влиянием на него в молодые годы спонтанных выступлений. Некоторые современники свидетельствуют о том, что он сам заглядывал в свои записи лишь перед самым служением, полностью доверяясь водительству Святого Духа и руководствуясь нуждами конкретной аудитории. Методистский проповедник посвящал время не подготовке к проповеди, а другим обязанностям.

Каждый методистский проповедник нес ответственность за округ, периметр которого составлял от двух до пяти сотен миль. Он был обязан раз в 2-6 недель посещать каждое специально отведенное для проповеди место в своем округе. Люди буквально рвались услышать Божье Слово. Один из проповедников, Джон Брукс, вспоминал о том, что однажды, когда из-за серьезной болезни он вынужден был отменить проповедь, люди все равно уговорили его подняться с постели и выступить перед ними.

Методистские проповедники предпочитали не дипломы, а навыки достижения сердец простых людей.

Кроме тех долгих часов, которые занимали у странствующего проповедника постоянные переезды и ежедневные проповеди - с пяти часов Утра летом и с шести часов утра зимой, - он также уделял много времени посещению малых групп, которые собирались для совместного изучения Библии и поисков Бога в соответствии с методистской системой. Френсис Эсбери также учил тому, что посещение больных и забота о них являются обязанностью каждого христианина. Невысокая зарплата которую получали эти служители, не способствовала проявлению ими инициативы в данном вопросе. Вплоть до 1800 года методистский — проповедник получал не более 64 долларов в год, что было несравнимо меньше зарплаты пасторов традиционных деноминаций, составлявшей 400 долларов. Однако и после 1800 года заработная плата странствующих проповедников выросла всего до 80 долларов. Да и ту лишь немногие получали в полном объеме. Несмотря на то, что в обязанности методистских проповедников входило распространение книг - Библий, сборников христианских гимнов и прочей религиозной литературы, - это приносило такой небольшой дополнительный доход, что мизерной зарплаты часто не хватало даже на покупку самой дешевой одежды. Многие проповедники путешествовали буквально в лохмотьях.

Возглавлявший организацию Эсбери был не намного богаче. Все его имущество с легкостью помещалось в две дорожные сумки. Один из друзей Френсиса однажды попросил одолжить ему пятьдесят долларов и был очень удивлен, когда тот показал ему свои последние двенадцать долларов. Эсбери протянул ему пять долларов со словами: "Удивительно, что ни мои друзья, ни мои враги не верят тому, что я не имею — да и не ищу — мешков денег".

У Эсбери не было семьи, за исключением родителей, которых он оставил в Англии. Еще в юности он решил не вступать в брак, считая, что будет нечестно с его стороны оставлять жену в одиночестве на целый год за исключением одной-единственной недели. Несмотря на то, что Френсис не требовал от других проповедников безбрачия, он горячо призывал к целибату, убедительно аргументируя свою позицию. Одному служителю он писал следующее: "Соблюдай максимальную дистанцию в отношениях с женщинами, чтобы они не соблазнили тебя и твой молодой разум остался незамутненным, дабы твоя устремленная ввысь душа не утонула в глубоком омуте, а твои надежды на будущее осуществились". Во время ежегодных конференций он также находил время для

обращения к женам методистских служителей, увещевая их вести себя достойно, чтобы не разрушить построенного руками их мужей.

Жизнь путешественников в те времена была очень и очень нелегкой. Много страниц в дневниках Френсиса посвящено описанию того, с чем ему каждый день приходилось сталкиваться. Его преследовали волки, нещадно лупил град, в его тело впивались клещи, пекущее летнее солнце и зимние вьюги были к нему немилосердны. Его пища была скудна: зачастую его рацион состоял из одного лишь хлеба, - однако Френсис писал, что этого вполне достаточно, чтобы продолжать наслаждаться присутствием Божьим и полностью доверяться Ему во всех жизненно важных вопросах. Его суровые ночевки нельзя даже сравнивать с отдыхом в наиболее захолустных тавернах. Френсис старался тратить как можно меньше денег на пищу и ночлег и потому с готовностью останавливался переночевать везде, где его готовы были принять. Часто он путешествовал не один, что затрудняло поиск ночлега. Эсбери вспоминал, как ночью сквозь отверстия в крыше к нему влетали летучие мыши, как ему приходилось ночевать рядом с собаками, котами и свиньями; а также случаи, когда доводилось делить кровать еще с двумя незнакомцами. Однажды он остановился в развалюхе, где грязь с пола можно было соскребать лопатой. Не раз Френсис ночевал на кишащих блохами оленьих шкурах. Однажды он едва успел вскочить с загоревшейся постели, которую придвинул слишком близко к огню. Случалось, что Френсис не имел денег на еду для себя и своей лошади и оставался голодным, разве что радушные хозяева, предоставлявшие ему ночлег, имели какие-либо излишки.

Странствующие проповедники очень сильно зависели от своих лошадей, и распространение методизма было бы поистине невозможно без помощи этих добрых животных. Насколько важны они были для миссионеров, видно из правила под номером один, опубликованного в *American Minutes* свода методистских правил для проповедников: "Будь милостив к своему животному. Ты должен не только ездить на нем аккуратно, но и лично следить за тем, чтобы лошадь была расчесана и накормлена". Френсис имел возможность путешествовать в удобной повозке, но отверг ее, заявив: "Фургон для меня слишком роскошен, к тому же, думаю, никто не способен управлять им так, чтобы я остался доволен... кроме того, лучше я сверну с дороги и навещу бедных. На лошади я смогу проехать и по бездорожью; я сэкономлю деньги, которые затем смогу раздать нуждающимся; и, наконец, я стану с большей нежностью относиться к своему бедному, верному животному".

Френсис вынужден был искать пропитание, воду, крышу над головой и место для отдыха не только для себя самого, но также для своей лошади. Опыт, приобретенный им во время работы в кузнице, весьма пригодился, когда ему пришлось создавать импровизированное подобие потерянной лошадью подковы. Френсис усердно заботился о своих лошадях, что было немаловажно, учитывая то, что зачастую он проезжал на одной и той же лошади в общей сложности до двадцати пяти тысяч миль (из этого следует, что, по всей видимости, за свою жизнь он владел не менее чем десятью лошадьми). Случалось, что еды было не достаточно для них обоих, но они вместе разделяли все тяготы пути. Позже Френсис рассказывал об одном случае, когда его лошадь, ослабев от недоедания и промокнув под ливнем, дважды падала вместе с всадником, то есть с ним. Страдания лошади причиняли Френсису куда больше боли, чем многие другие трудности, с которыми ему приходилось сталкиваться. Одну из своих лошадей по кличке Спарки Эсбери вынужден был оставить, потому что та захромала. Известный своей грубой внешностью, Френсис показал, сколь мягким было его сердце, когда написал о том, что во время расставания со Спарки его верный спутник "тихо заржал: и это осталось в моем сердце".

Френсис и другие странствующие миссионеры не вписывались в романтическую картину приграничной жизни; скорее они наглядно демонстрировали жестокую реальность жизни и смерти, боли и страданий, часто путешествуя едва заметными тропами и дорогами, которые вели в никуда. Одна из дорог была крутой, как крыша дома; целую милю Эсбери ехал верхом на лошади, затем сошел с нее и двинулся дальше пешком, обливаясь потом, пока трясущиеся колени окончательно не перестали повиноваться ему. Тем не менее, вместе со своей лошадью Эсбери в конце концов преодолел этот путь. Одни источники сообщают о том, как лошадь Френсиса натолкнулась на дерево, но всадник, тем не менее, остался в седле; другие современники описывали, как его лошадь, рухнув на лед, придавила ногу всадника; третьи рассказывали о том, как лошадь проповедника вплавь преодолевала бурные реки. В одной истории, сдобренной изрядной порцией юмора,

говорится о том, как однажды Френсис приобрел скакуна, который раньше участвовал в скачках. И когда служитель проезжал верхом мимо знакомого коню ипподрома, тот вдруг сорвался с места и галопом понес всадника к знакомому треку.

Френсис Эсбери посетил практически все американские штаты, преодолевая каждый год от четырех до шести тысяч миль. В своем дневнике он писал: "Обычно я редко сажусь в седло, чтобы проехать менее двадцати миль; и весьма часто, направляясь в соседний округ, я преодолеваю путь длиною от сорока до пятидесяти миль. Во время таких путешествий я сильно страдаю от голода и холода".

Увы, из-за постоянных поездок верхом к концу своей жизни Френсис выглядел гораздо дряхлее, чем люди, которые были на несколько десятилетнй старше его. Его ноги сильно воспалились от частого контакта с железными стременами, и потому Френсис мог лишь изредка обувать туфли, передвигаясь зачастую лишь при помощи костылей. В какой-то период один из спутников Френсиса даже заворачивал его стремена мягкой кожей и шерстью, чтобы хоть как-то защитить его израненные и саднящие ноги. Но, несмотря на все это, Эсбери почти никогда не позволял болезни быть помехой на своем пути, даже если для этого ему приходилось привязывать себя к седлу. Он путешествовал, несмотря на жар, нарывы, острую головную боль, грипп, ангину и изъеденные гнилью зубы. Окружающие Эсбери люди были уверены в его скорой смерти; иногда ему самому смерть казалась долгожданным и столь желанным избавлением. Френсис стал сам себе врачом и нередко давал полезные советы тем, кто в тот момент также был лишен нормальной медицинской помощи. Скудный рацион в сочетании с недостаточным отдыхом и постоянным контактом с инфицированными людьми и животными окончательно подорвали его некогда крепкое здоровье.

"Мое сердце наполнялось жалостью к людям"

Что двигало человеком, добровольно согласившимся жить такой жизнью? Френсис искренне заботился о людях, которым служил, потому что знал, что Бог любит их безмерно. Он никогда не знал состава аудитории до прибытия на место проповеди, но его это мало беспокоило. Однажды Френсису пришлось разбивать лед, чтобы пересечь замерзший ручей. Стиснув зубы от боли, он мчался верхом к пункту своего назначения, где его ждали лишь девять человек. В другой раз он убеждал женщину принять крещение, но та отказалась. Некоторое время спустя она передумала и отправила к Френсису своего сына, чтобы тот попросил проповедника вернуться. И хотя к тому времени и он сам, и его лошадь были измучены до предела, Эсбери не только вернулся назад ради одной-единственной души, но даже назвал позже этот момент "торжественным".

В то время, когда методизм успешно распространялся на юге, Френсис совершил свое первое путешествие в Теннеси. Он боролся с Сильным искушением пожаловаться на плохие дороги, пока не встретил Других людей, передвигающихся той же дорогой, что и он сам:

Вряд ли найдется всадник, который станет жаловаться на тяготы пути и состояние дорог, когда увидит мужчин, женщин и Детей, практически нагих, бредущих босиком и босиком же вбирающихся по каменистым склонам, тогда как другие их спутники, находящиеся в лучшем положении, имеют лишь лошадь, на которую сажают одновременно двух или трех детей. Для этих путников полное отсутствие пищи или мизерное ее количество не является чем-то необычным, и нередко им приходится разбивать на ночь лагерь в пропитанных сыростью лесах - ибо в горах идут не дожди, а ливни.

Френсиса до слез трогало, когда люди собирались его слушать, не обращая внимания ни на холод, ни на пронизывающие насквозь ледяные ветры. В своем дневнике он описывал, как в Балтиморе ему пришлось проповедовать в доме без окон и дверей, на месте которых зияли сквозные черные отверстия. Эсбери закончил свою проповедь и взял часовой перерыв, однако люди и не думали расходиться, ожидая, когда он вернется и снова поделится с ними Словом. Позже он писал, что "сердце наполнялось жалостью к людям, когда я видел их столь открытыми и беззащитными".

Не везде, однако, Френсиса ожидал столь теплый прием. Однажды вечером, когда он проповедовал, в него угодил камень, брошенный кем-то через открытое окно (тем не менее проповедь свою он не прервал). В тавернах, к примеру, среди его слушателей попадалось много пьяниц, которые, напившись спиртного, буянили и ругались. Путешествуя по Югу, Френсис с огромным сожалением отмечал, что заблудшие души, которые он встречал на своем пути, были грязными, оборванными, голодающими и жестокими друг к другу. В первую очередь, Эсбери заботился о детях, увещевая других проповедников уделять им время при каждой встрече.

Внимательно наблюдая за американцами, Френсис очень опасался, что свобода, которая предоставила столь замечательные возможности для расширения влияния методизма в Новом Свете, отвлечет мысли людей от Бога. В то время как новые земли открывали перед смельчаками новые пути к успеху, новые отвлечения угрожали увести их от Бога и понимания исключительной важности Евангелия. Эсбери стремился сделать все возможное, чтобы Евангелие не утратило приоритетного места в жизни американцев. Границы нового государства постепенно расширялись, что, естественно, влекло за собой расширение штата странствующих проповедников. В 1796 году, когда **се**веро-западные земли стали доступны фермерам, проповедники ту же потянулись за ними.

Один из таких проповедников, который последовал за вереницей фургонов, был принят семьей, прибывшей сюда из Виргинии. К сожалению, увидев одежду священнослужителя, глава этой семьи, фермер, поставил его в известность, что он с женой и детьми потому и уехал из Виргинии, что тамошние проповедники весьма ему надоели, — и подумать только, не успели они разгрузить свои вещи на новом месте, как проповедник снова тут как тут. Внимательно выслушав мужчину, мудрый священник ответил: "Мой друг, если вы попадете на небеса, то и там обнаружите методистских проповедников; но даже если вы вдруг окажетесь в аду, боюсь, они там тоже будут - ведь **в** жизни всякое бывает. Поэтому советую вам лучше договориться с нами и жить в мире".

Появление новых территорий для Френсиса также означало необходимость двигаться в том направлении. Путешествие на Запад в те времена вынуждало одиноких путников искать себе достаточно многочисленную группу попутчиков, что было вызвано угрозой нападения индейцев. Но эта опасность беспокоила епископа гораздо меньше, чем необходимость ехать в обществе людей, которые без конца ругались и пьянствовали.

Действия Святого Духа на Западе

В конце XVIII века мир стал свидетелем появления нового феномена - лагерных встреч с проповедниками. Население Запада достаточно умножилось для того, чтобы вместо ожидания очередного странствующего проповедника люди могли собираться в специально отведенных для этого местах и слушать там выступления действительно лучших на тот момент проповедников, петь новые гимны и принимать причастие из рук помазанных для этого священнослужителей.

В июне 1800 года Джеймс Макгиди, пастор трех небольших приходов в Ред-Ривер, Гаспер-Ривер и Мадци-Ривер, пригласил местных служителей присоединиться к нему во время ежегодного собрания с причащением, проводимого в церкви Ред-Ривер. Служение запланировали на выходные, тогда как причастие должно было проводиться в понедельник. Первые два дня собрания проходили относительно спокойно, но когда один из приглашенных священников выступал с проповедью в понедельник, Дух Божий сошел на женщину, и та начала петь и кричать. Пресвитерианский служитель Джон Макги, сидевший в то время в зале, в конце проповеди начал плакать, а вскоре слезы потекли из глаз уже всех собравшихся, которые громко молили Бога о спасении.

Затем слово взял Макги, призвавший мужчин и женщин позволить "Господу Богу Всемогущему воцариться в [ваших] сердцах и подчиниться Ему". Позже он воспоминал: "Я повернулся, чтобы вернуться на место, и чуть не упал: так сильно Бог в тот момент коснулся меня. Совершенно освободившись от какого-либо страха, я двинулся через весь зал, крича и возвещая изо всех сил - и весь пол был покрыт поверженными ниц телами". Сила Божья изливалась на людей, и те падали ниц.

Служители, принимавшие участие в собрании, договорились в следующем месяце организовать подобную встречу в церкви Гаспер-Ривер. Услышав об излиянии Духа в Ред-Ривер, столько людей собралось на служение, что церковь не смогла вместить всех желающих. По этой причине собрания были перенесены на улицу — так и родились лагерные встречи с проповедниками.

В последующие месяцы было организовано много подобных собраний, которые достигли своей кульминации в августе 1801 года в лагере Кейн-Ридж. Это была самая настоящая Пятидесятница, духовные проявления которой обусловили появление лагерных собраний на многие десятилетия вперед. Не в силах противостоять Святому Духу, люди погружались в транс, сотрясались, энергично плясали, безудержно смеялись, бегали, как пророк Илия (см.: 3-я Царств 16:46), вокруг лагеря, пели боговдохновенные песни и даже под влиянием Духа выкрикивали нечто неразборчивое. "Люди сообщали о том, что они кричали, дергались и производили странные звуки".

Прошло совсем немного времени, и многие традиционные служители осудили эту эмоциональность, подобно тому, как это сделали их предшественники во время Великого пробуждения. Френсис, напротив, видел не перегибы, а руку Божью, и потому проникся столь сильной симпатией к новому движению, что даже убедил методистов с Востока перенять форму лагерных встреч в надежде, что Бог так же проявит Себя и коснется еще большего количества людей.

Подобного рода шумное возбуждение никогда, по большому счету, не беспокоило братьев Уэсли в Англии, точно так же, как не беспокоило Эсбери в Америке. Как писал об этом один из биографов Френсиса Эсбери, Л.К. Рудольф:

Уэсли не стремились к шумным физическим проявлениям, но если шум все-таки был, это означало лишь то, что дьявол сопротивлялся, и потому не было никакого смысла снижать темп... Эсбери был опьянен полнотой американского возрождения и с этого момента всегда желал больше шума, в отличие от Уэсли или Кока.

Френсис также описывал то, о чем он слышал:

В Кентукки дела Божьи подобны всепоглощающему пламени. Сообщают, что от пятнадцати до двадцати тысяч человек присутствовали во время одного из Сакраментальных собраний пресвитериан [в Кейн-Ридж]. Из них от одной до полутора тысяч человек рухнули на землю, ощутив всю силу Божьей благодати.

Несмотря на то, что собрания были организованы пресвитерианами, очень скоро они оказались не в состоянии служить всем многочисленным гостям и участникам. Тогда они решили, что, если Бог действительно собрался спасти этих людей, Он также позаботится о них. Однако Эсбери считал иначе. Все эти люди нуждались в пастыре, и если пресвитериане вместе с баптистами не собирались брать на себя такую ответственность, этим должны были заняться методисты. Френсис не собирался ограничивать Божью силу. "Бог дал нам сотни душ в 1800 году, так почему бы Ему не дать нам тысячи в 1801 году или почему бы не миллион, если у нас будет такая вера? Господь, дай нам такую веру". Таким образом, до конца его дней методизм продолжал семимильными шагами распространяться по Американскому континенту.

Всегда среди них

Когда в 1771 году Френсис Эсбери впервые прибыл на Американский континент, "в тринадцати колониях было лишь четыре методистских проповедника, которые заботились о душах трехсот человек. К 1813 году, за три года до смерти Френсиса, официальные методистские источники сообщали о 171448 белых и 42850 афроамериканских полноправных членах обществ". Выдающиеся управленческие способности Эсбери стали одним из ключевых факторов успеха столь гигантской организации. Он был глубоко убежден в том, что методизм является Божьим делом - превыше любых других деноминаций - и что его преуспевание невозможно без строгой системы контроля.

Он стремился к тому, чтобы методисты принимали самое непосредственное участие в воспитании следующего поколения — прежде всего детей, получавших образование в методистских школах, основателем которых и являлся Эсбери. Ученики этих школ, к примеру должны были "полностью забыть о том, что в мире называют *игрой.* Это правило должно было соблюдаться со строжайшей щепетильностью, ибо те, кто играет в молодости, будут играть и в старости". Позже Френсис осознал чрезмерную строгость такой политики: *"Этот вопрос можно было бы решить лучшим способом.* Нельзя требовать от мальчиков, чтобы все они немедленно стали ангелами".

Биограф Френсиса Эсбери, Эзра Типпл, рассказывал об одном человеке, Николасе Снетене, который считал епископа весьма властным человеком. Снетен, спутник Френсиса во многих его странствиях, писал: "Невозможно утаить то, что он был способен использовать данную ему власть, проявляя жесткость по отношению к тем личностям, чувствам и интересам, которые препятствовали осуществлению его публичных планов". Далее Типпл решил уточнить точность данной Снетеном формулировки, подчеркнув, что Френсис был "сосредоточен на своих целях, непоколебим в своих решениях".

Но, как ни критиковали Эсбери, нельзя не признать, что он выполнил свою работу. Во время каждой Ежегодной методистской конференции он принимал все решения, связанные с назначением странствующих проповедников и определением районов их деятельности. Сами по себе эти решения не были такой уж легкой задачей - к 1812 году надо было распределить 678 служителей. Это

требовало от Эсбери умения хорошо разбираться в людях или же тщательной информированности в отношении этих людей, а также понимание характерных особенностей каждого округа. Назначение проповедника в определенный округ, таким образом, носило далеко не случайный характер. Приблизительно в это самое время Френсис писал Уэсли, что невозможно правильно назначать проповедников без личного знакомства с ними и знания присущих им даров. Все это требовало от Эсбери постоянного пребывания среди служителей.

Нет нужды и говорить о том, что принимаемые епископом решения далеко не всегда были популярны. Однажды он заметил: "Один проповедник желает идти туда, куда другой боится даже ногой ступить, улыбается, глядя на своего более робкого брата". Чтобы избежать ненужных жалоб и споров, обычно он объявлял о назначениях в самом конце собрания, после чего немедленно вскакивал в седло и исчезал. Однако при этом Эсбери никогда не посылал своих служителей туда, куда они идти не желали, и не подвергал их испытаниям, которые были выше их сил. В его словаре не было места слову "комфорт".

Но епископ занимался не только назначением проповедников. Он подписывал каждый документ, контролировал все финансовые операции и строительство практически всех зданий, которые организация возводила для того, чтобы людям, приходившим слушать проповеди и учиться, было достаточно места. После более чем сорока лет беспрерывного руководства он, казалось, устал и желал получить хоть немного свободы и отдыха. Он писал: "Мне бы хотелось, чтобы все операции контролировали, три суперинтенданта, а я - после сорока лет служения - имел бы достаточно свободного времени, чтобы последовать в любой уголок Нового или Старого Света".

Кому-то могло показаться, что это была грусть по дому, однако у Френсиса не было дома на этой земле. Когда какой-то незнакомец в Огайо спросил у Эсбери, откуда он, тот ответил: "Из Бостона, Нью- Йорка, Филадельфии, Балтимора - да откуда вы только пожелаете". Один из биографов следующим образом подвел итог жизни Френсиса: "Прибыв в Америку, он не снял себе дом, не нашел никакого жилища, даже скромного уголка, но вместо этого выбрал Долгий Путь и даже по прошествии сорока пяти лет все еще шел им, пока ему в конце концов не встретилась Смерть".

У Френсиса Эсбери не было дома на этой земле.

Ничем не привязанный к этой земле, Френсис по характеру был недостаточно чувствителен, что нередко приводило к обвинениям его в черствости к чувствам и желаниям других людей. Его стремление к единству зачастую сталкивалось с желанием иметь власть. В тех случаях, когда голосование на лидерских собраниях складывалось не так, как он того хотел, Френсис заявлял, что не чувствует духа единства, после чего собирал бумаги и уходил. Спустя несколько дней он Просил у собравшихся прощения. Вне всякого сомнения, во многом

благодаря его умению вести переговоры недавно созданная организация не только выстояла, но и эффективно функционировала. Дариу$_{с}$ Солтер писал: "Вряд ли кому-либо удавалось одновременно совмещать инклюзивное участие и эксклюзивную власть лучше, чем это получалось у Эсбери".

Два вопроса, однако, потребовали от епископа практического применения всех его способностей. Первый из них касался того, можно ли методистским проповедникам отправлять таинства Святого причастия (в те времена методизм все еще считался миссией, а не отдельной деноминацией); второй вопрос касался рабства. Оба они в разное время едва не привели к расколу в рядах американских методистов.

Раньше, по решению Уэсли, проповедники-миряне обходились без посвящения в духовный сан; их задача заключалась в основании обществ, а не официальных церквей. Поэтому проповедники-миряне не были уполномочены отправлять таинства. Для этого прихожане были вынуждены обращаться к рукоположенному священнослужителю. На юге Америки местные религиозные руководители смотрели сквозь пальцы на соблюдение этого правила, что было связано с недостатком рукоположенных служителей. Это вынудило Эсбери написать о том, что он скорее примет таинства от "необращенного", чем от непосвященного методиста, - с чем наверняка согласился бы и Джон Уэсли. Разделение между Северными обществами, верными истинному уэслианству, и Южной конференцией казалось неизбежным. Несмотря на то, что епископ отстаивал позицию Уэсли, южные

руководители были намерены продолжать наделять своих служителей всей полнотой власти для отправления таинств.

Видя, что его руководство отвергнуто, Эсбери собирался уехать следующим утром. Однако, вернувшись, чтобы попрощаться, он обнаружил, что южане изменили свое мнение. Они признали верховенство епископа и решили найти компромиссное решение, учитывая, в первую очередь, перспективы распространения методизма. Не в последний раз этот вопрос обсуждался столь горячо.

Обед с президентом Вашингтоном

Рабство являлось камнем преткновения не только для епископа, но и для всей методистской организации в целом. У Эсбери никак не укладывалось в голове то, как страна, сражавшаяся за свою свободу- могла держать в рабстве других людей. И потому он лично заботился о том, чтобы каждый проповедник тепло принимал рабов, асами они приходили вместе со своими хозяевами на проповеди. Однажды Эсбери даже путешествовал в Виргинию вместе с Гарри Хосиером, первым афроамериканским проповедником-методистом. Многие методисты считали Хосиера одним из лучших проповедников в мире.

Френсис с добротой и огромной заботой относился к каждому, кого встречал на своем пути, независимо от цвета кожи этого человека. Однажды, путешествуя верхом по Южной Каролине, он поприветствовал встретившегося ему раба. Чувствуя побуждение Духа Святого обратиться к этому человеку и поговорить о его душе, Френсис повернул свою лошадь назад. Спросив у мужчины его имя, он с удивлением узнал, что тот его просто не знает: из-за буйного нрава люди прозвали этого человека Кулаком. Как обычно, Френсис помолился за Кулака, спел несколько гимнов и прочитал ему избранные отрывки из Писания, после чего последовал дальше своей дорогой. Двадцать лет спустя, вернувшись на это место, Эсбери по воле Провидения снова встретил Кулака... Тот рассказал проповеднику о переменах, произошедших в его жизни и жизни многих других рабов, на которых он смог повлиять, после чего Френсис написал следующие слова: "Лучше свидетельствовать одному рабу, чем править, сидя на высочайшем троне, воздвигнутом когда-либо на земле".

Френсис с добротой и огромной заботой относился к каждому, кого встречал на своем пути, независимо от цвета кожи этого человека.

Личные взгляды Френсиса не всегда становились методистскими правилами, на что история не всегда взирала благосклонно. Дариус Солтер объяснял это следующим образом: "Методизм был типичным отражением противоречивости народа, который, с одной стороны, провозглашал равенство всех людей, а с другой - продолжал держать Рабов". Несколько раз Френсис пытался повлиять на официальное законодательство в вопросе рабовладения. После окончания Войны за независимость он вместе с Томасом Коком попытался склонить президента Джорджа Вашингтона к подписанию петиции об освобождении рабов. Посетив его в Маунт-Верноне, Френсис чувствовал себя крайне неловко, когда чернокожие прислуживали ему за столом. Впоследствии Вашингтон отказался подписать петицию, несмотря на то, что в целом был согласен с позицией Эсбери. Президент объяснил свой отказ тем, что рабам необходимо сначала получить образование чтобы они смогли понять, какие обязательства возлагает на них свобода; иначе они не научатся ее ценить. Вашингтон сам владел несколькими сотнями рабов, трудившимися на его плантации, но за несколько месяцев до своей кончины он изменил условия завещания, указав, что после смерти его жены все их рабы должны получить свободу. Возможно, президент принял такое решение не без влияния Эсбери.

Многие методистские собрания горячо обсуждали возможность установления четких и твердых правил рабовладения, но при жизни Эсбери так и не сделали решительных шагов в этом направлении - конечно же, не без вмешательства епископа. Не одобряя никаких отвлечений в деле благовествования, он утверждал, что Бог повелевал спасать в первую очередь души, а не освобождать тела. Он говорил, что "призван страдать ради Христа, а не ради отмены рабства".

Кажется, что из-за своей близорукости в данном вопросе Эсбери так и не понял, что евангельская проповедь касается не только того, где человеку предстоит провести вечность. И лишь одному Богу известно, с чем была связана такая нерешительность епископа: с этим убеждением или же с его обеспокоенностью о росте и распространении методизма. В своих дневниках Эсбери писал, что

негибкая позиция в отношении рабства неизбежно навредит попыткам методистов достичь сердец, как белых, так и черных. Кроме того, ссылаясь на пережитые им и другими проповедниками трудности, он говорил, что годы физических мучений в рабстве будут в будущем с лихвой компенсированы "полной духовных благословений вечностью". Непросто понять, чем были вызваны такие перемены в его взглядах, но в феврале 1807 года Эсбери прямо и открыто проповедовал белым о любви Божьей; а черным о покорном служении своим господам.

"Что же я буду делать, когда состарюсь?"

Случалось, Эсбери позволял себе задуматься об отсутствии семьи и дома. В один из таких моментов обыкновенной душевной слабости этот, казалось бы, железный служитель написал письмо своей матери, наиболее близкому человеку: "Я нахожусь здесь, в этой чужой стране, где могу надеяться лишь на доброту своих друзей, проживаю здесь свои лучшие дни, что же я буду делать, когда состарюсь". К шестидесяти восьми годам силы начали сдавать, и Эсбери ощутил дыхание смерти. Но при этом ему совершенно не нужно было спешить на небеса: призвавший его Бог окружил Своего сына заботой до конца его дней.

Эсбери страдал ревматическим артритом; к концу его жизни болезнь настолько обострилась, что он вынужден был передвигаться на повозке. Однако ничто не могло угасить в душе проповедника желание и дальше провозглашать Благую Весть, даже несмотря на близкий конец. Френсис со своим сотрудником направлялся в Фредериксбург, изо всех сил подгоняя лошадь в надежде успеть на Генеральное собрание. Но Эсбери почувствовал себя не в состоянии продолжать путь, и они остановились в доме у своего старого друга Джорджа Арнольдса. На следующее утро, вспомнив, что наступило воскресенье, Френсис попросил всю семью собраться вокруг него для поклонения Богу. Поскольку легкие Эсбери были наполнены жидкостью, он чувствовал себя очень слабо, и его усадили в кресло. После того как спутник епископа спел несколько гимнов и прочитал проповедь, Френсис по привычке попросил, чтобы по кругу была передана тарелка и собравшиеся дали пожертвования на нужды других проповедников. Тогда ему напомнили, что в комнате присутствует лишь одна-единственная семья. Когда в конце прославления Френсиса спросили о том, чувствует ли он, сколь прекрасен и драгоценен Господь Иисус, проповедник триумфально воздел свои руки вверх.

Френсис Эсбери отошел в мир иной в воскресенье, 31 марта 1816 года, в четыре часа дня. А поскольку Арнольдсы жили слишком далеко от ближайшего города, было решено похоронить епископа на небольшом семейном кладбище. Позже методисты эксгумировали тело своего руководителя и перевезли его в Балтимор, где ему были возданы надлежащие почести. Тело Эсбери и по сей день покоится в Балтиморе под трехметровой колонной, по своей форме напоминающей мемориал Джорджа Вашингтона.

В своем завещании Эсбери сообщал о том, что он не желает, дабы кто-либо писал его биографию, и даже просил душеприказчика, чтобы лично проследил за этим. Он также выразил желание, чтобы его смерти всем детям, названным в его честь, были подарены Библии. По свидетельству современников таких Библий была раздарена не одна тысяча.

Многие писали о Френсисе Эсбери как о человеке, который сохранял непоколебимую верность взятым на себя обязательствам и при этом, казалось, был абсолютно неутомим, постоянно находясь в движении. Однако Эзре Типплу лучше всего удалось заглянуть в сердц$_{е}$ Френсиса. Биограф утверждал, что его жажда деятельности объяснилась вовсе не любовью к самой дороге, "а любовью к человеку, жившему у обочины этой дороги".

Независимо от того, как те или иные люди относились к Френсису Эсбери и его религиозной программе, методизм горячо отстаивал в Америке равенство всех верующих, как этому учил Сам Иисус Христос. Благая Весть о том, что Господь способен раз и навсегда изменить каждую человеческую жизнь, уничтожала границы, разделявшие различные социальные классы, закладывая прочное основание "американской мечты", заключавшейся в возможности перехода из одного сословия в другое и созидании лучшего будущего для своей семьи. Вся жизнь Эсбери была ярким примером того, как Бог выбирает для осуществления Своих целей самых обыкновенных людей и зовет их за Собой в увлекательнейшее путешествие.

История свидетельствует о том, что Эсбери "проехал верхом более четверти миллиона миль и при этом около шестидесяти раз пересек Аллеганские горы... Эсбери останавливался для ночлега и отдыха в 10 тысячах различных домов и за свою жизнь произнес 17 тысяч проповедей".

Сегодня в Соединенных Штатах насчитывается приблизительно тринадцать миллионов методистов. Это вторая по величине протестантская деноминация страны. Она уступает лишь баптистам, число которых составляет приблизительно двадцать семь миллионов.

По мнению Типпла, методизм отличается от других деноминаций такими признаками:

...системой церковного управления; горячей, действенной проповедью Евангелия; рациональной, основанной на Библии и понятной всем теологией; напористым миссионерским духом; учением об испытательном спасении, а также свободой и теплотой служений - прежде всего проповедей и песнопений... [Он] в гораздо большей степени представлял собой восстановление первоначального христианства, чем любое другое из известных нам движений со времен апостолов.

Глава 5

Первые лагерные встречи (1799 -1801)

"Американская Пятидесятница"

"АМЕРИКАНСКАЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦА"

Мне бы очень хотелось, чтобы вы также начали проводить лагерные встречи: им неизменно сопутствует успех. Собрать такое количество Божьих людей для совместной молитвы, такое количество служителей для проповедования (причем чем дольше они находятся вместе, тем лучше) — это и есть настоящий промысел, это ловля рыбы огромной сетью.

— Из письма Френсиса Эсбери
главному старейшине округа Питтсбург

К середине 1700-х годов люди, желавшие иметь больше земли, что было невозможно в становившихся все более перенаселенными колониях, начали через Камберлендский перевал покидать Виргинию, основывая новые поселения к западу от Аллеганских гор. Эту незаселенную местность, изобиловавшую дикими индейками и оленями, различные индейские племена использовали в качестве охотничьих угодий. Густые леса - источник отличной древесины различных сортов - простирались от горизонта до горизонта. Деревья орошались многочисленными источниками и ручьями, и в лесах могли найти для себя все самое необходимое не только охотники, но и поселенцы. Почва также была удивительно плодородной - прежде всего, это касается земель, названных Даниэлем Буном "Кейн-Ридж" из- за огромного количества росшего там бамбука.

Значительная часть этой территории была приобретена британцами у американских индейцев, согласно договору, заключенному в форте Стэнвике (1768), а также частной компанией из Северной Каролины - согласно договору, заключенному в Сикамор-Шолс (1775) Несмотря на это, приток поселенцев вызвал у некоторых племен столь сильное недовольство, что во время Войны за независимость они объединились с британцами и совместно выступили против колонистов. 19 августа 1782 года в этом регионе даже состоялась одна из последних баталий этой войны — битва при Блю-Ликс. Однако даже после окончания боевых действий эта земля целое десятилетие была раздираема насилием. Молитвенные дома тех тяжелых лет строились с узкими бойницами по периметру, благодаря чему колонисты успешно отражали многочисленные атаки индейцев.

В 1792 году эта территория получила название Кентукки, став первым штатом, не входившим в число тринадцати первоначальных, и пятнадцатым по счету в составе Соединенных Штатов. (Вермонт стал четырнадцатым штатом, когда были заняты спорные территории между штатами Нью-Йорк и Нью-Гемпшир.) Жители Кентукки отличались суровостью нравов - в большинстве

своем, это были либо беглые преступники, либо фермеры, либо неутомимые первопроходцы, из которых наиболее известным стал Дэвид Бун. Кентукки был местом не для слабых. И.люди селились здесь совершенно по иным причинам, чем те, кто обосновывался в Плимуте: это не были пилигримы, прибывшие в Новый Свет в поисках религиозной свободы. Жители Кентукки считали духовные вопросы второстепенными - если вообще задумывались о них. Как писал в 1794 году Френсис Эсбери: "Когда я начинаю думать о том, что никто не приехал сюда, движимый религиозным рвением, а лишь в поисках хорошей земли, мне кажется, что большим успехом будет уже то, что хотя бы кто-либо из них в конце концов спасет свою душу".

Но христианские служители всегда устремлялись туда, где была хоть горстка людей. Нередко на несколько поселений приходился лишь один-единственный пастор, что было связано с изначально небольшим количеством их жителей. Именно по этой причине на попечении пресвитерианского служителя Джеймса Макгиди оказались обитатели Гаспер-Ривер, Ред-Ривер и Мадди-Ривер в графстве Логан. В 1796 году он условился с прихожанами трех этих конгрегаций о совместной молитве каждым субботним вечером, а также о молитве и посте от рассвета до заката в третью субботу каждого месяца. Главной направленностью этого молитвенного времени были обращенные к Богу прошения о духовном возрождении.

Человек возрождения приходит с востока

Джеймс Макгриди, предки которого были шотландцами и ирландцами, появился на свет в 1763 году в Пенсильвании. Когда будущий проповедник был еще совсем маленьким, его родители переехали в графство Гилфорд, штат Северная Каролина, где мальчик вырос и где затем учился в духовной академии Дэвида Колдуэлла. В Пенсильванию он вернулся для того, чтобы подготовиться к дальнейшему служению в Колледже Джефферсона, учебного заведения в Кэнонсбурге, которое впоследствии стало частью Колледжа Вашингтона и Джефферсона в близлежащем Вашингтоне, Пенсильвания (возле Питтсбурга). Именно здесь юноша услышал подробный рассказ доктора Джона Блэра Смита об удивительном возрождении, которое он собственными глазами видел в Виргинии. Джеймса это чрезвычайно заинтересовало.

Лицензию служителя Джеймс получил в пресвитерии Редстоуна 13 августа 1788 года. В 1790 году он женился. Какое-то время юноша нес служение пастора церкви в округе Ориндж, штат Северная Каролина, неподалеку от Гилфорда. Он быстро приобрел известность среди местных жителей "своими действенными проповедями... и высокой нравственностью. Он касался людских сердец своими проповедями и молитвами и в то же самое время обличал в них то, что противоречило святости поведения". Периодически он служил в академии Дэвида Колдуэлла, где до этого получил образование. Именно там он затронул сердца будущих лидеров возрождения: Уильям Ходж стал впоследствии протеже Джеймса, тогда как Бартон Стоун, который во время лагерной встречи 1801 года был пастором в Кейн-Ридж, стал одним из основателей деноминации "Церкви Христовы". Впоследствии Стоун говорил о Джеймсе буквально следующее:

Такой серьезности, такого рвения, такой потрясающей силы убеждения, вдохновляемой пониманием небесных радостей и адских мук, мне никогда еще не доводилось видеть воочию. Я был тронут, внимательно слушая его рассказ о небесах, земле и преисподней и переживая при этом поистине неописуемые чувства. В заключение своей проповеди он обратился к грешникам с увещеванием как можно скорее спасаться от неумолимого и неминуемого Божьего гнева. Никогда прежде мне не доводилось столь ясно и отчетливо ощущать силу истины. Мое восхищение было таковым, что, если бы я в тот момент стоял на ногах, то наверняка под впечатлением услышанного тотчас же провалился бы под землю.

Хотя Джеймс Макгриди говорил не так эмоционально и не так театрально, как Джордж Уайтфилд, и в его голосе не чувствовалось смиренной силы Джона Уэсли, все же летом 1800 и 1801 годов его служение оказало поистине беспрецедентное влияние на всю историю движения духовного возрождения. Высокий и нескладный, Джеймс читал по бумажке свои тщательнейшим образом подготовленные проповеди, подобно Джонатану Эдвардсу, хотя ему и недоставало интеллектуального блеска последнего. Он обращался к своим слушателям громоподобным голосом, как облеченный властью свыше ветхозаветный пророк, но в то же самое время своей взвешенной и

логически выстроенной аргументацией напоминал апостола Павла. Как говорил преподобный Джон Эндрюс:

Его проповеди, не всегда идеально отшлифованные, отличались четкостью и доступностью, а манера обращения к публике была необычайно торжественной и производила глубокое, поистине неизгладимое впечатление. Как проповедник, он пользовался большим уважением со стороны смиренных последователей Агнца Божьего, обожавших те драгоценные истины, которыми он с ними делился. Но находились и такие, кто его ненавидел, а также попрекал и преследовал, причем делали это не только явные нечестивцы, но также многие номинальные христиане, для которых невыносимыми были его вдумчивые и проницательные обращения, а также праведное негодование, вызванное всякой нечистотой, на которую он, будучи "сыном грома", проливал свет в присутствии этих богоборцев, опираясь на Слово Истины.

Его рвение неизбежно вызывало многочисленные разногласия и противление. Некоторые современники говорили о том, что прихожане церкви Джеймса испытывали непомерное беспокойство о своих душах. Однажды Макгриди даже получил написанное кровью письмо с угрозой физической расправы и требованием как можно скорее покинуть страну, а банда нечестивцев поломала несколько кресел в его церкви и сожгла дотла кафедру. Но в следующее воскресенье он дал им достойный отпор, прочитав проповедь, основанную на Матфея 23:37-38:

Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст.

В 1796 году Джеймс покинул Северную Каролину и отправился в Кентукки, чтобы возглавить там уже упомянутые ранее три конгрегации в округе Логан. Там, в одном из наиболее диких уголков Кентукки, он продолжил призывать слушавших его людей к нравственной чистоте. Регион, в котором он проповедовал, был известен как "прибежище негодяев", потому что большую часть его населения составляли люди, бежавшие сюда от правосудия с земель, лежавших к востоку от Аллеганских гор. Здесь вовсю процветали разные пороки, в том числе пьянство и незаконное присвоение земли, хотя многие поселенцы изо всех сил пытались принести цивилизацию в эту дикую местность. Христианство здесь также находилось в страшном упадке, что было связано, в первую очередь, с ростом популярности универсализма и деизма.

Как в 1795 году заметил методистский служитель Джеймс Смит: "Универсалисты, объединившись с деистами, нанесли христианству на этих землях смертельный удар". 1790-е годы были отмечены заметным снижением посещаемости церквей в штатах Кентукки и Теннеси (который в 1796 году стал шестнадцатым американским штатом). В 1798 году Генеральная ассамблея пресвитериан объявила день поста, смирения и молитвы за искупление пограничья и избавление его от "египетской тьмы". Джеймс продолжил молиться вместе с ними.

В мае 1797 года Макгриди впервые стал свидетелем явления Святого Духа во время своей проповеди. Женщина, верно и регулярно посещавшая его церковь, "была ошеломлена неожиданно появившейся у нее глубокой верой", заново начала искать спасение "и несколько дней спустя по вере наполнилась неведомыми ранее радостью и умиротворением". В своем письме другу, датированном 23 октября 1801 года, он описывал то, что произошло позже:

Она тотчас же навестила всех своих друзей и родственников, переходя от дома к дому, предупреждая о грозившей им опасности в чрезвычайно торжественном и правильном духе, умоляя их покаяться и искать Господа. Это... сопровождалось благословениями свыше [проявлениями Святого Духа], способствуя пробуждению многих. Все это время уши каждого прихожанина жадно ловили каждое проповедуемое слово, и практически каждая проповедь сопровождалась проявлениями силы Божьей ради пробуждения грешников. В течение лета около десяти человек в конгрегации обратились к Христу.

Семена возрождения пустили свои первые ростки.

Ежегодные хлебопреломления

Постоянно изыскивая новые пути для неустанного обновления сердец своих прихожан, Джеймс применил формулу, воспламенившую раньше духовные возрождения в Ольстере (Северная Ирландия) и Шотландии. (Величайшее из них произошло в 1742 году в Камбуслэнге, где Джордж

Уайтфилд обращался к многочисленным слушателям вместе со многими другими служителями.) Преподобный Макгриди призвал к проведению ежегодных, многодневных служений хлебопреломления, которые позволяли бы собираться вместе всем жителям данной области, слушать проповедь Божьего Слова и затем, в самый последний день, вместе принимать Святое причастие. Семьи со всей округи собирались в городах, где в пятницу вечером начинались собрания. Служения продолжались в субботу и воскресенье, после чего в понедельник следовало еще одно утреннее служение и причастие, которое собравшиеся принимали в полуденное время. Такая программа показала себя весьма эффективной в малонаселенном округе Логан. Жители разбросанных на почтительном расстоянии друг от друга небольших поселений и отдельных ферм получали возможность собраться вместе, чтобы ощутить себя единым целым, и причаститься (проводить такие встречи еженедельно или даже ежемесячно было бы непрактично, в первую очередь, из-за времени, которое требовалось на дорогу).

Несмотря на то, что в церквах Макгриди эти собрания носили ежегодный характер (возможно, они проводились также и в Северной Каролине), после известных служений в Гаспар-Ривер в июле 1798 года они представляли собой не что иное, как самую обыкновенную рутину. Опять же, как говорил Джеймс:

В понедельник Господь милостиво и щедро излил Свой Дух; произошло повсеместное пробуждение — во всей конгрегации, возможно, осталось лишь несколько семей, которых бы, в большей или меньшей степени, не ужаснуло осознание того незавидного духовного положения, в котором они пребывали. В течение последующей недели практически никто не думал о мирских делах: так велико было их внимание к состоянию своих собственных душ. В первое воскресенье сентября в Мадди-Ривер (одной из моих конгрегаций) было отправлено причастие. Во время этого собрания Господь милостиво излил Свой Дух ради пробуждения многих беспечных грешников. После каждой проповеди в двух уже упомянутых выше конгрегациях, а также в Ред-Ривер, другом моем приходе, были очевидны плоды пробуждения. Слушая, люди, казалось, забывали обо всем на свете. В каждом доме и в каждой компании все разговоры сводились лишь к состоянию душ присутствующих".

Во всех конгрегациях преподобного Макгриди наблюдался заметный рост интереса людей к духовным вещам.

Первое летнее служение хлебопреломления состоялось в июле 1799 года в Ред-Ривер. Следуя использованной Уайтфилдом в Камбуслэнге формуле, Джеймс пригласил ряд других служителей, включая пресвитериан Джона Рэнкина, Уильяма Ходжа, Уильяма Макги, а также брата Макги, методиста Джона. Происходившее во время этого служения Джеймс подробно описал все в том же письме своему другу:

В понедельник сила Божья, казалось, окутала собой все собрание; самые бесстыдные, отчаянные и дерзкие грешники закрыли свои лица и горько заплакали. После окончания служения многие люди остались стоять у дверей, не желая никуда уходить. Некоторые служители предложили мне снова собрать людей в молитвенном доме и там с ними помолиться. Последовав этому совету, мы вернулись и соединились в молитве и поклонении Богу. Величественная сила Господня снизошла на нас подобно ливню с вечных холмов — Божьи люди ожили и ободрились (да, некоторые из них были переполняемы поистине неописуемой радостью и славой!). Грешники получили убедительное предупреждение, а несколько драгоценных душ сполна ощутили исполненную истинного милосердия любовь Иисуса.

И снова возрождением были охвачены конгрегации Гаспер-Ривер и Мадди-Ривер — но Бог был еще весьма далек от завершения начатого.

Следующим летом — несколько раньше, чем в прошлом году, — Джеймс организовал в Ред-Ривер очередную встречу, которая должна была продлиться с субботы, 21 июня, до понедельника, 23 июня, 1800 года. В ней приняло участие приблизительно пятьсот человек. Джеймс пригласил тех же служителей, что и год назад, но на этот раз реальность превзошла его ожидания, когда Святой Дух проявил Себя с поистине небывалой силой. Сам Джеймс писал об этом так:

В июне причастие совершалось в Ред-Ривер. Таких дней нам еще никогда не доводилось переживать. В понедельник множество людей ощутило неведомый -ранее прилив веры; крики страждущих наполнили собой весь дом. Среди них вы могли видеть нечестивых ругателей и нарушителей заповеди воскресного дня, хватавшихся за сердце и в отчаянье восклицавших: "Что мы должны делать, дабы обрести спасение?". Гуляки и любители танцев молили Господа о милости. Там же вы могли увидеть и детей 10-12 лет, которые плакали и взывали в отчаянии, умоляя простить их грехи и омыть их кровью Христа. Во время этого трехдневного собрания и в последующий вторник десять человек, насколько нам известно, радостно вернулись Домой, к Христу.

Пробуждение в Ред-Ривер пришло по-настоящему неожиданно. Первые три дня минули практически без каких-либо значимых происшествий. Служение проходило в атмосфере всеобщего спокойствия и благоговения.

Однако уже во время утреннего служения в понедельник, когда Уильям Ходж начал проповедовать на тему чрезвычайно трогательного отрывка из Иова 22:21 "Сблизься же с Ним - и будешь спокоен; чрез это придет к тебе добро", женщина, в последнее время искавшая уверенности в своем спасении, начала радостно восклицать и петь.

Преподобный Джон Макги
Библиотека Конгресса, 03001046

Затем, после небольшого перерыва, Джон Макги поднялся со своего места, чтобы произнести слово, после чего направился к кафедре, напевая:

Приди же, Дух Святой, Небесный Голубь,
Со всей Своей животворящей силой;
Зажги огонь святой любви
В холодных наших сердцах.

При звуках этого гимна возопила к Богу, как минимум, еще одна женщина: возможно, она также неожиданно для себя обрела понимание спасающей милости Божьей. Макги спустился, чтобы поприветствовать этих женщин, и в тот момент, когда он это сделал, слава Божья пролилась с небес на всех собравшихся. Одни упали на землю, другие возопили к Богу о милости, кто-то начал молиться, а кто-то громко прославлять Господа. Уильям Макги, брат Джона, поднялся на сцену, чтобы занять место за кафедрой, но тут же рухнул на пол, вероятнее всего, под воздействием силы Святого Духа. Когда Джон Макги повернулся к нему, то ощутил силу Божью столь отчетливо, что сам едва не упал рядом с братом. Позже он вспоминал:

Я повернулся, чтобы вернуться назад, и едва не упал: так сильно Бог в тот момент коснулся меня. Совершенно отбросив всякий страх, я направился через зал, крича и возвещая изо всех сил, - и весь пол был покрыт поверженными ниц телами.

Макгриди, Ходж и Рэнкин застыли в недоумении, не зная, вмешиваться ли в происходящее. Никогда до этого их проповеди не вынуждали людей падать на землю, и они действительно не знали, как им следовало понимать случившееся и относиться к нему. Но Джон Макги, будучи "кричащим методистом", убедил других проповедников в том, что за этим действительно стоит Бог, и потому было решено позволить служению идти своим чередом. Преподобный Рэнкин позже сообщал:

Увидев и почувствовав его уверенность в том, что за этим действительно стоит Бог и все происходящее представляет собой мощнейшее излияние Его Духа, услышав о том, что подобные вещи он уже видел в другой стране, мы уступили и просто застыли в изумлении, восторгаясь удивительными делами Божьими. Когда это волнующее зрелище завершилось, участники собрания разошлись по домам, размышляя обо всем, что они видели, слышали и чувствовали в эти самые удивительные в их жизни мгновения.

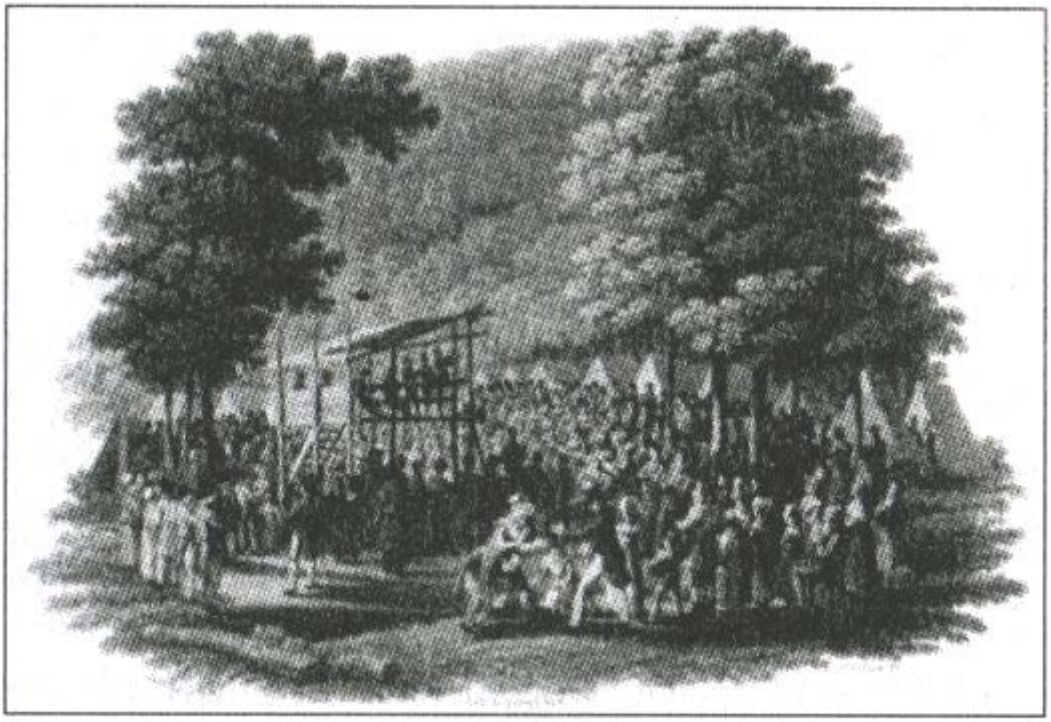
После этих событий Джеймс решил организовать очередное собрание уже через месяц в молитвенном доме Гаспёр-Ривер. В то лето братья Макги проповедовали в различных местах практически каждые выходные, и практика проведения подобных собраний начала распространяться подобно лесному пожару. Слухи разлетались быстро, и в скором времени толпы людей направились в Гаспер-Ривер, к месту проведения собрания. Как отмечал Рэнкин:

Новости о странных событиях, имевших место во время предыдущего собрания, распространились во всех направлениях, достигнув каждого уголка нашей страны и принеся с собой радостное возбуждение, которым легко заражались многие и многие люди. Любопытные шли сюда для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. Искренне и глубоко верующие были убеждены, что это принесет большую пользу их душам, а также будет способствовать распространению дела Божьего как у них дома, так и в других странах.

В своей книге "Рассказ о начале и развитии возрождения 1800 года" *(Narrative of the Commencement and Progress of the Revival of 1800)* Джеймс писал о том, что возрождение в Кентукки началось именно в Гаспере, куда стекались люди со всех концов штата и близлежащих Территорий:

В июле причастие совершалось в церкви Гаспер-Ривер. Здесь собрались люди со всех уголков нашей страны, проделавшие путь 8 сорок, пятьдесят и даже сто миль, чтобы воочию увидеть эти странные события. Целые семьи приезжали в своих фургонах; в общей сложности прибыло от двадцати до тридцати таких фургонов, заполненных людьми и их имуществом, которые разбили лагерь в окрестностях молитвенного дома. В пятницу не произошло больше ничего интересного и запоминающегося; лишь атмосфера была какой-то особо торжественной. В субботу все продолжалось по-прежнему до самого вечера. Вечером две набожные женщины сидели рядом и разговаривали о духовных вещах; их разговор, как, оказалось, повлиял на стоявших рядом людей, и внезапно Божественное пламя охватило всех собравшихся. И уже спустя несколько мгновений можно было видеть грешников, бессильно лежавших на полу по всему дому, молившихся и взывавших к Богу, чтобы тот сжалился над ними. Служители и простые христиане весь вечер были заняты общением со страждущими. В ту ночь множество пробужденных душ обрело спасение благодаря замечательным, исполненным веры видениям славы, полноты и совершенства Христа. Среди них были даже маленькие дети — замечательное доказательство истинности христианства. Из всех случаев, свидетелем которых мне лично доводилось быть, я упомяну лишь один, касающийся маленькой девочки. Я стоял возле нее, когда она лежала на коленях своей матери практически в полном отчаянии. Я разговаривал с ней, когда первый проблеск света коснулся ее разума - она вскочила на ноги и в радостном возбуждении воскликнула: "О, Он желает, Он желает, Он пришел, Он пришел! О, какой же замечательный этот Христос. О, какой же чудесный этот Христос. О, какой же свет я вижу в Нем! О, какую же красоту я вижу в Нем! О, как же получилось так, что я раньше не могла поверить, что я не пришла к Христу раньше, когда Он так сильно желал спасти меня?". Затем, повернувшись, она обратилась к грешникам и говорила им о славе, величии Христа, умоляя покаяться. Все эти слова она произносила настолько небесным языком и в то же время настолько рациональным и библейским, что я просто замер в изумлении. Но если бы я вдруг начал описывать вам каждый случай из всех, которые мне довелось видеть самому или слышать от других людей за последние два года, для этого потребовалось бы очень много листов бумаги.

Молитвенный дом в Гаспар-Ривер оказался слишком маленький для того, чтобы вместить всех желающих, поэтому собрания были перенесены на свежий воздух. Быстро была воздвигнута импровизированная сцена, а толстые бревна превращены в скамьи. Служение продолжалось всю первую ночь, а крики кающихся грешников то и дело угрожали заглушить голос Джона Макги, выступавшего в воскресенье, признаки излияния Духа Святого, проявившиеся в Ред-Ривер, отчетливо были видны и в Гаспер-Ривер: многие люди падали на землю, будучи не в силах противостоять Божьей силе, кричали и молились, обличаемые Духом, радостно взывали и прославляли Господа, обретая долгожданный мир, в надежде на который они и приходили сюда.

На этой картинке изображено собрание у импровизированного помоста

Библиотека Конгресса, 98508274

Большинство историков считают Гаспер-Ривер самой первой из лагерных встреч, но сам этот термин появился на свет лишь год или два спустя. "Лагерными встречами" эти собрания начали называть тогда, когда служения хлебопреломления стали привлекать гораздо больше людей, чем могли принять в своих домах местные семьи, и вскоре даже молитвенные дома оказались не в состоянии вместить в Себя всех желающих.

Дух двигался беспрепятственно, касаясь сердец не только верующих, но также универсалистов, деистов и даже атеистов. Огонь возрождения, зажженный в округе Логан, с огромной скоростью распространялся по территории штатов Кентукки и Теннеси. Святой продолжал триумфально покорять пограничье, а служения хлебопреломления проводились беспрерывно практически каждые выходные до самого конца лета.

Для участия в этом таинстве собралось множество людей из Камберленда - в особенности из конгрегации Шейло, - горевших желанием своими собственными глазами увидеть дела Духа, но при этом имевших сильное предубеждение против этого. Около пяти из них, я надеюсь, пережили обращение и покаяние еще до того, как покинули это место. Заслуживает внимания то обстоятельство, что они были полноценными участниками всего служения. И я с огромным трепетом наблюдал за тем, как они бессильно лежали, взывая о милости, обращаясь к своим друзьям и близким с такими словами: "О, мы с презрением и недоверием относились к вещам, происходившим в Логане, о которых мы слышали; но мы заблуждались - у меня не было веры; сейчас я знаю, что все это действительно реально: три дня назад я осмеял бы любого человека, который вел бы себя так, как я веду себя в настоящий момент, но сейчас я буквально осязаю своей душой все адские муки". Это были слова драгоценной души перед самым моментом избавления. Когда они отправились домой, их общение со своими друзьями и соседями стало одним из способов распространения этой славной вести, которая накрыла собой все поселения Камберленда, приводя к покаянию сотни драгоценных душ. Работа Духа во время этого собрания продолжалась днем и ночью, в то время как многие и многие люди оставались на месте вплоть до вторника. Согласно наиболее точным нашим подсчетам, мы считаем, что тогда к Христу обратилось сорок пять душ.

Хлебопреломление в Мадци-Ривер во всех перечисленных выше отношениях было таким же и, возможно, даже превзошло в чем- то собрание в Гаспер-Ривер. Это причастие было совершено в августе. И мы полагаем, что тогда к Богу обратилось около пятидесяти человек.

Во время хлебопреломления в [Кейн]-Ридж, что в Камберленде, во второе воскресенье сентября [1800 года], около сорока пяти душ, по нашим подсчетам, обрели веру в Бога. Во время собрания в Шейло, в третье воскресенье сентября, покаявшихся было семьдесят. Во время хлебопреломления у мистера Крэйгхеда, в октябре, покаялось около сорока человек. В Клэй-Рик, что в округе Логан, в октябре было восемь спасенных душ. В Литтл- Мадди-Крик, в ноябре, мы насчитали их двенадцать. В молитвенном доме Монтгомери, в Камберленде, - около сорока. В Хоупвелле, что в Камберленде, в ноябре было около двадцати покаявшихся. Покаявшихся же при других обстоятельствах, во время личных евангелизации, повседневного проповедования и в обществах было бесчисленное количество.

Джон Макги сообщал, что в Деша-Крик...

...на служение пришло много тысяч людей. Разнообразно проявлялись сила и милость Божьи. Услышав Слово, люди падали, словно кукуруза под порывами ураганного ветра, и многие из них поднимались из пыли уже с отмеченными сиянием Божьей славы, просветленными лицами, столь горячо прослааляя Бога, что даже сердца наиболее упрямых грешников начинали трепетать; и после первого всплеска хвалы они начинали безудержно свидетельствовать о Всемогущем Боге.

Одна из проповедей преподобного Макгриди, озаглавленная "Размышления о таинствах", была основана на Бытии 28:17 "И убоялся, и сказал: как страшно сие место! это не иное что, как дом Божий, это врата небесные". Эта проповедь, возможно, способна дать нам понимание той силы, которая привела к возникновению столь крайних реакций. В своей основе эта проповедь напоминает сказанное Эдвардсом в его самом известном выступлении "Грешники в руках разгневанного Бога":

1) Сакраментальный стол является страшным местом; ибо там пребывает Бог.

2) Сакраментальный стол является страшным местом, потому что представляет собой поразительное воплощение наиболее важного соглашения, свидетелями которого были когда-либо люди или ангелы, то есть искупление виновных грешников страшными муками, кровавой жертвой и предсмертными стонами воплощенного Бога.

3) Сакраментальный стол является страшным местом, ибо здесь Святой Бог Израилев милует и вечеряет с искупленными бунтарями.

4) Сакраментальный стол является страшным местом, ибо здесь небеса соединяются с землей.

К концу 1800 года присутствие Божье все сильнее ощущалось в Кентукки и Теннеси. Но эти штаты, по большому счету, еще ничего и не увидели - свежая доза Пятидесятницы ждала буквально за углом В следующем, 1801 году, между маем и ноябрем, приблизительно пятьдесят различных конгрегаций в Кентукки проведут четырехдневные служения хлебопреломления, самое большое и горячее из которых пройдет в Кейн-Ридж. Это станет кульминацией возрождения начавшегося к западу от Аллеганских гор.

Святой Дух сходит на Кейн-Ридж

Когда Бартон Стоун услышал о том, как Бог действует во время проводимых Джеймсом служений хлебопреломления, он решил посетить одно из них весной 1801 года. Увиденное произвело на него неизгладимое впечатление. К этому времени стечение людей стало слишком большим для одного служения, и потому несколько служителей выступали параллельно в различных местах. В автобиографии Стоун описывал собственные впечатления:

Там, на границе прерии в округе Логан, штат Кентукки, множество людей собралось вместе, разбив прямо на земле многодневный лагерь. Там и проходило служение поклонения Богу. Увиденное было для меня новым и даже каким-то странным, не поддаваясь никакому описанию. Многие, очень многие люди падали на землю, словно воины, которые полегли в битве, и оставались, как казалось, бездыханными и неподвижными долгие часы - иногда буквально на несколько секунд они пробуждались, чтобы глубоко вздохнуть, или душераздирающе вскрикнуть, или возопить в молитве к милости Божьей. Проведя в таком положении много часов, они получали избавление. Мрачные тучи, покрывавшие их лица, постепенно исчезали, а надежда в их взглядах превращалась в неописуемую радость - они легко вскакивали с земли, весело восклицая, затем обращались к

окружавшим их людям по-настоящему выразительным и ярким языком. С изумлением я слушал, как мужчины, женщины и дети говорили об удивительных делах Божьих и восхитительных тайнах Евангелия. Они казались мне величественными, смелыми и свободными. При виде этого многие из присутствующих падали, погружаясь в такое же состояние, из которого только что вышли говорившие.

На землю рухнули также двое или трое моих знакомых. Несколько часов я терпеливо сидел возле одного из них, беспечного грешника, и внимательно наблюдал за всем, что происходило с ним с начала и до конца. Я видел его кратковременные, резкие, словно от смертельного сна, пробуждения; смиренное покаяние в совершенных грехах; горячую молитву и, наконец, освобождение. Затем благодарность и хвалу, адресованные Богу; исполненное искренней любви и заботы увещевание друзей и окружающих людей покаяться и прийти к Иисусу. Я был до глубины души изумлен демонстрируемым ими знанием евангельских истин. В результате всего этого еще несколько людей упали на землю, словно замертво. После внимательного наблюдения за многими подобными случаями я пришел к выводу, что все видимое мною было добрым действием Самого Бога; — и с тех пор я больше ни секунды в этом не сомневался. Тогда и с тех пор я видел многое, что казалось мне фанатизмом; но это ни в коем случае не обесценивает совершаемую Богом работу. Дьявол постоянно пытается имитировать дела Божьи, создавая им сомнительную репутацию. Но то, что я видел, не было сатанинскими проявлениями, ибо смиряло людей, вынуждало их оставить грех, побуждало горячо хвалить и благодарить Бога, а также искренне и с любовью призывать грешников раскаяться и прийти к Иисусу Спасителю.

Когда Стоун вернулся в родные для него конгрегации Кейн-Ридж и Конкорд и рассказал обо всем, что ему довелось увидеть, прихожане были потрясены до глубины души. В Кейн-Ридж "благоговейная торжественность произвела такое впечатление на людей, что многие из них вернулись к себе домой в слезах". В Конкорде "две маленькие девочки во время проповеди Слова упали на землю и во всех отношениях вели себя так же, как люди на юге Кентукки, о чем шла речь выше. Их слова произвели глубокое впечатление на все собрание". Вернувшись в Кейн-Ридж, он обнаружил, что многие люди с новой силой начали искать спасение. Хороший друг Стоуна, Натаниэль Ровере, поприветствовал его, восславив при этом Господа, ибо незадолго до этого приобрел в своем сердце уверенность в спасении. Затем произошло нечто еще более интересное:

Как только он увидел меня, то тут же громко восславил Бога. Мы поспешили обняться, при этом он продолжал славить Господа. Люди [искавшие Господа в ожидании возвращения преподобного Стоуна] покинули дом и поспешили увидеть эту новую для себя сцену. В течение следующих двадцати минут многие из них попадали на землю - бледные, трясущиеся и взволнованные - тогда как другие в панике бросились бежать, но при этом либо также падали, либо немедленно присоединялись к толпе, не в силах тронуться с места. В то время, когда все это происходило, ко мне подошел один знакомый, весьма интеллигентный деист, и сказал: "Мистер Стоун, я всегда полагал, что вы честный человек, но сейчас я убежден, что вы обманываете людей". Я с сожалением посмотрел на него и мягко сказал ему несколько слов - в тот же миг он рухнул на землю, словно замертво, и не поднялся с нее до тех пор, пока не покаялся перед Спасителем в своих грехах. Собрание продолжалось на этом же месте под открытым небом до позднего вечера, и многие нашли мир и успокоение в Господе. Последствия этого собрания оказались для Америки подобными пламени в сухом поле, разгоняемому сильным ветром. Все ее жители в той или иной степени ощутили его влияние. Вскоре после описанных событий у нас было длительное собрание в Конкорде. Казалось, люди со всех концов страны стекались к этому месту; среди них были представители всех деноминаций. Все искренне соединились в труде и в христианской любви. Дух развлечений и праздного веселья практически полностью исчез. Почти невозможно дать полное и правдивое описание этому собранию; оно граничило с самым настоящим чудом. Служение продолжалось беспрерывно пять дней и пять ночей. Многие, очень многие люди будут целую вечность вспоминать его с хвалой и благодарностью.

После всех этих событий в Кейн-Ридж Стоун назначил служение хлебопреломления на первые выходные августа, спустя месяц после своего бракосочетания, состоявшегося 2 июля. Ожидая большое скопление людей и понимая, что молитвенный дом мог вместить лишь 350-500 человек,

Стоун попросил очистить снаружи больше участок земли и поставить там большую палатку, которая бы стала дополнительным местом проведения служения.

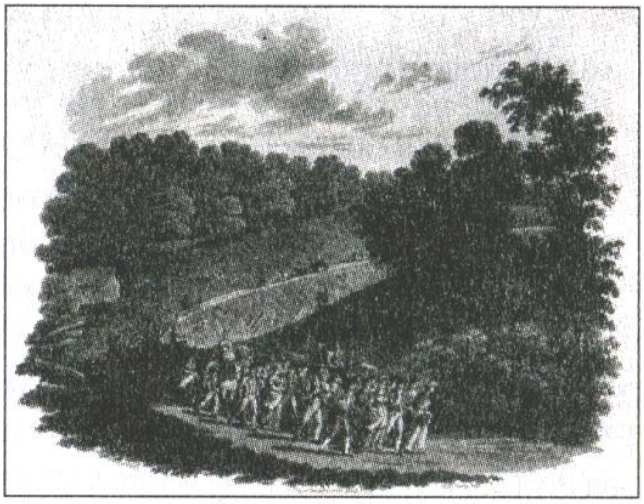
В пятницу, 6 августа, к месту проведения служения начали прибывать семьи в фургонах. Сотни человек скоро превратились в тысячи.

дома местных жителей наполнились постояльцами - причем даже самые большие из них, способные принять три-четыре семьи. Учитывая количество людей, которые прибывали и прибывали на место с одной-единственной целью - всем своим сердцем искать Господа, можно предположить, что город представлял собой нечто среднее между абсолютным хаосом лагеря беженцев неподалеку от района боевых действий и христианским эквивалентом еврейского Праздника кущей. В автобиографии преподобный Стоун попытался описать события, происходившие в то время уже на территории в несколько акров:

Дороги были в буквальном смысле наводнены фургонами, повозками, всадниками и пешими странниками, двигавшимися по направлению к лагерю.

Зрелище было весьма впечатляющим. Согласно оценкам военных, всего собралось от двадцати до тридцати тысяч человек.

Четверо-пятеро проповедников практически беспрерывно обращались к собравшимся в различных частях лагеря, не мешая друг другу. Методистские и баптистские служители взаимно помогали друг другу, действуя как одно целое, обладавшее единым разумом и единой душой, для которого спасение грешников было главной и единственной целью. Мы дружно пели одни и те же песни прославления, объединились в молитве, проповедовали об одном — о спасении, получаемом лишь по вере после исповедания своих грехов. Подробное описание этого собрания заняло бы немало страниц, и даже увесистого тома оказалось бы недостаточно для пересказа хотя бы половины произошедших событий. Число обратившихся тогда к Богу людей станет известным лишь в вечности. Там произошло еще много интересного, что было подобно самым настоящим чудесам, но даже если они таковым и не являлись, их влияние на неверующих иначе, как чудесным, назвать очень трудно; ибо многие из них, видя происходящее, уверовали в то, что Иисус есть Христос, и покорно склонились перед Ним. Это собрание продолжалось шесть или семь дней и ночей и длилось бы дольше, но в городе закончились запасы пищи для пропитания такого большого количества людей.

Методисты массово направляются на лагерную встречу

Библиотека Конгресса, 3g03264

Вечером в первую пятницу из-за дождя пришло меньше людей, чем ожидалось, но молитвенный дом все равно был полон под завязку. После вступительного слова преподобного Стоуна с первой проповедью к собравшимся обратился Мэтью Хьюстон. В тот вечер не произошло ничего примечательного, хотя некоторые верующие пребывали в молитве на протяжении всей ночи.

Субботним утром во время служения все по-прежнему было тихо, но к полудню прибыло много новых семей - число же участников собрания увеличилось до нескольких тысяч, несмотря на практически беспрерывный дождь. Одиноким мужчинам легче всего было путешествовать верхом - во время всевозможных мероприятий они останавливались в тавернах или же ночевали в конюшнях, расположенных в Лексингтоне, приблизительно в тридцати пяти милях от места событий. Центр не мог вместить всех желающих: их было действительно слишком много. К полудню молитвенный дом и палатка были уже полны до отказа, и проповедь продолжалась без остановок.

Прошло, однако, совсем немного времени, и проповеди зазвучали везде, где только собиралась толпа. Известно, что в выходные дни нередко не менее семи проповедников одновременно обращались к огромным аудиториям. Количество участников подобных мероприятий достигало иногда нескольких десятков тысяч человек, а однажды очевидцы насчитывали 1143 фургона и

подобных им видов транспорта, хозяева которых разбили свой лагерь поблизости. Это были поистине невероятные цифры, принимая во внимание, что в то время население Лексингтона не превышало 1795 человек, а во всем Кентукки насчитывалось менее 250 тысяч жителей. Другой очевидец следующими словами описывал субботнее утро: "Я сбился со счета, после того как насчитал 147 фургонов, в которых находились семьи, их провизия, лагерное снаряжение и прочие необходимые вещи. К 11 часам территория, заполненная лошадьми, фургонами и т.д., была по своей площади сравнима с территорией внутри периметра, ограниченного улицами Рыночной, Чеснат, Второй и Третьей в Филадельфии". (Около четырех городских кварталов.)

Во время одного из собраний молодой служитель по имени Ричард Нимар провозгласил, что он нашел "истинное новое Евангелие", и всю толпу словно пронзило электрическим разрядом. Несмотря на то, что никто из присутствовавших не знал в точности, что он имел в виду (были и те, кого эти слова шокировали и даже серьезно задели), сошествие Святого Духа явственно ощутили все, кто в тот момент слушал проповедника. И это присутствие ознаменовалось многими признаками, многие из которых были для людей в диковинку.

Преподобный Стоун тщательно и подробно описал все проявления Святого Духа, которые он наблюдал в субботу и воскресенье, в одной из глав автобиографии:

Телесные проявления и прочие действия Духа, сопровождавшие религиозное пробуждение в самом начале этого столетия, носили самый разнообразный характер и характеризовались как падения, конвульсии, танцы, лай, смех, пение и так далее. Падения были наиболее распространенным действием Духа, охватившим святых и грешников всех возрастов и профессий, от философа до клоуна. Люди, которых Дух Святой касался подобным образом, обычно с пронзительным криком падали, как бревна, на пол, на землю или прямо в грязь и, казалось, застывали, словно мертвые. Из тысяч подобного рода случаев я хотел бы остановиться на одном. Во время собрания две веселые молодые леди, сестры, стояли вместе, слушая проповедь и наблюдая за тем, что делал с окружающими Святой Дух. Внезапно они обе упали, издав пронзительный и отчаянный крик, и находились в неподвижном состоянии более часа. Их мать, набожная баптистка, пришла в сильное смятение, опасаясь, что они не очнутся. Наконец, они очнулись и стали горячо, со слезами на глазах умолять Бога о милости, после чего снова впали в бесчувственное состояние с выражением невыразимого ужаса на своих лицах. Спустя еще некоторое время ужас на лице одной из них сменился светлой улыбкой, и она воскликнула: "Драгоценный Иисус", после чего поднялась и начала говорить собравшейся толпе о любви Божьей, о драгоценной жертве Иисуса и славе Евангелия почти сверхчеловеческим языком, трогательно призывая всех к покаянию. По прошествии еще некоторого времени с другой сестрой произошла та же метаморфоза. С того дня они обе стали верными прихожанками церкви.

Я видел, как очень многие набожные особы впадали в такое же состояние, вызванное страхом за своих необращенных детей, братьев и сестер - страхом за своих ближних и за весь греховный мир. Я слышал, как они агонизировали в слезах и отчаянно молили о милости Божьей для грешников, обращаясь к окружающим так, словно были ангелами.

Присутствие Духа Святого проявлялось разнообразно.

Конвульсии не поддаются точному описанию. Иногда у человека начинала дрожать лишь одна часть тела, иногда - все тело. Когда затронутой оказывалась лишь голова, она начинала дергаться вперед-назад или из стороны в сторону с такой скоростью, что стороннему наблюдателю невозможно было различить черты лица. Когда затронутым оказывалось все тело, я лично видел, как человек стоял на одном месте, быстро наклоняясь то вперед, то назад, так что его голова почти касалась пола впереди и позади него. Представители всех сословий, святые и грешники, слабые и сильные, были в равной степени затронуты этим. Я попытался расспросить тех, кого это коснулось, но они ничего не могли мне толком объяснить. Некоторые все же сказали, что ничего более радостного они никогда до этого не испытывали. Я видел, как Дух Святой касался подобным образом некоторых грешников, и те, силой Божьей брошенные на землю, все время проклинали эти конвульсии. Несмотря на кажущийся хаос происходящего, я не припомню, чтобы хоть кто-либо из

тысяч виденных мной людей получил травму. Это было столь же удивительным, как и само действие Святого Духа.

Танцы чаще всего случались с верующими людьми. После непродолжительных подергиваний, человек начинал плясать, после чего подергивания прекращались. Эти танцы действительно казались зрителям небесными; в них не было и намека на несерьезность, так же как они не вызывали легкомыслия и у очевидцев. Небесная улыбка озаряла лицо танцующего, и он становился подобен ангелу. Иногда его движения были быстры, а иногда - наоборот, медленны. Танцующие двигались вперед и назад, пока их не оставляли силы и они не падали обессилено на пол или на землю (если стоявшие рядом люди не успевали их подхватить). В то время как они двигались, я слышал, они возносили к Богу торжественную хвалу и молитвы.

Лай (как презрительно называли это проявление Духа противники) был не чем иным, как конвульсиями. Человек, охваченный конвульсиями (в особенности же поражавшими его голову), зачастую хрипел или лаял, если хотите, от неожиданности. Своим названием это явление обязано старому пресвитерианскому проповеднику из Восточного Теннеси. Он отправлялся в леса для уединения с Богом, и там его охватывали конвульсии. Стоя однажды возле молодого деревца, он ухватился за него, чтобы не упасть, и в тот момент, когда его голова откинулась назад, он захрипел или издал подобный собачьему лаю звук, обратив свое лицо к небу. Какой-то остряк обнаружил его в этом положении и рассказал всем, что он видел проповедника лающим на дерево.

Смех случался часто и исключительно с христианами. Это был громкий и искренний хохот, уникальный в своем роде; ни у кого другого он не вызывал ответной реакции. Смеющийся человек выглядел восторженным и серьезным одновременно, и его смех пробуждал такие же чувства как у святых, так и у грешников. Это действительно невозможно описать словами.

Иногда люди, ощущая силу Святого Духа, пугались и пытались спастись бегством, но им не удавалось убежать далеко: они падали на землю или же просто не могли больше двигаться. Я знал одного молодого врача из известной семьи, который преодолел немалое расстояние, чтобы лично посетить большое собрание и воочию увидеть те странные вещи, о которых он столько был наслышан. Он шутливо условился с одной юной леди, что они будут наблюдать за происходящим и позаботятся друг о друге, если один из них упадет. Спустя некоторое время врач ощутил нечто весьма необычное и прямиком с места собрания бросился в лес. Он мчался так, словно его жизни угрожала опасность, но вскоре упал и лежал на земле до тех пор, пока не покорился Господу. После этого случая он стал ревностным членом церкви. И таких случаев было много.

Эту главу я завершаю рассказом о том, как Дух Святой проявлял Себя через пение. Это было наиболее непостижимым и захватывающим из всего того, что мне доводилось видеть. Переполняемый радостью человек пел удивительно мелодично, причем звук исходил не изо рта или носа, но целиком и полностью из груди. Такое пение легко заглушало все остальные звуки, привлекая внимание окружающих. Оно было по-настоящему Божественным, и люди могли без устали слушать его. Мы с доктором Дж. П. Кэмпбеллом на одном из служений услышали, как Дух проявлял Себя подобным образом через одну набожную женщину, и сошлись на том, что ничего подобного никогда не видели и не слышали.

Таким образом, я представил вашему вниманию краткое описание тех удивительных событий, которые происходили в начале этого столетия. Многочисленные странности и случаи фанатизма были признаны их главными отличительными чертами, но на самом деле было бы самым настоящим чудом, если бы подобного рода явления не проявлялись в обстоятельствах того времени.

По самым приблизительным оценкам, число людей, которых касался Святой Дух, составляло от пятисот до тысячи человек одновременно.

Среди наблюдавших за описанными выше событиями попадались и скептики, одним из которых был Роберт У. Финли, сын основателя молитвенного дома в Кейн-Ридж, преподобного Джеймса Б. Финли. (Роберт Финли был также успешным странствующим проповедником, известным своим самоотверженным служением среди индейцев племени виандот в Огайо.) Вот что он рассказывал об этих событиях:

В день собрания я сказал своим спутникам: "Если я и упаду, то только под воздействием физической силы, а не от пения и молитв", и потому, полагаясь на свое мужество и храбрость, я не опасался пасть жертвой какой-либо нервной возбудимости или в страхе принять все происходящее за

чистую монету. Когда мы прибыли на место событий, то, что открылось моим глазам, показалось мне не только невероятным и неописуемым, но также величественным и страшным. Огромная людская толпа (по некоторым подсчетам там было до двадцати пяти тысяч человек) издавала шум, подобный реву Ниагары.

Безбрежное человеческое море бурлило, будто там бушевал шторм. Я насчитал семь служителей, проповедующих одновременно: одни стояли на пнях, другие - в фургонах, а преподобий Уильям Берк, несущий сейчас служение в Цинциннати, взобрался на поваленное дерево, которое упиралось в рядом стоящее. Одни люди пели, другие молились; одни люди жалобно взывали о милости, другие громогласно кричали.

Наблюдая за всем этим, я ощутил нечто совершенно необыкновенное, чего никогда не чувствовал раньше. Мое сердце беспокойно колотилось, колени дрожали, губы тряслись, и я почувствовал, что вот-вот рухну на землю. Странная сверхъестественная сила, казалось, пропитывала собой все вокруг. Я ощутил себя настолько слабым и обессиленным, что вынужден был присесть.

Вскоре я покинул место собрания и отправился в лес, чтобы попытался вернуть себе мраченный боевой дух и смелость. Я попытался объяснить все эти чудеса, как простое симпатическое возбуждение, разновидность религиозного подъема, вдохновленного песнопениями и красноречивыми разглагольствованиями. Моя гордость была уязвлена, ведь я полагал, что мои душевные и физические силы сумеют более успешно противостоять этому влиянию.

Через некоторое время я вернулся к месту, охваченному эмоциональным возбуждением, волны которого, если это вообще было возможным, поднимались еще выше. Меня сразу же охватил уже знакомый благоговейный трепет. Я встал на бревно, чтобы лучше видеть колеблющееся людское море. Сцена, открывшаяся передо мной, была поистине неописуемой. В какой-то момент я увидел не менее пятисот человек, почти одновременно рухнувших на землю, как если бы по ним был открыт огонь сразу из тысячи ружей, и в тот же миг до меня донеслись вопли и крики, достигавшие, наверное, самих небес. Волосы на моей голове встали дыбом, тело содрогнулось, кровь застыла в жилах, и я опять сломя голову кинулся в лес, сожалея о том, что не остался дома.

Мои чувства обострились до невыносимости. Я ощутил нехватку воздуха и как будто погрузился во тьму; мне казалось, что я вот-вот умру. В полумиле от того места, где я в тот момент находился, виднелась таверна, и я решил отправиться туда и выпить немного бренди в надежде, что оно укрепит мои нервы. Добравшись до бара, я выпил и вышел на свежий воздух, но всем своим существом по-прежнему ощущал дыхание преисподней. Бренди ничуть не успокоило мои нервы, даже, наоборот, ухудшило мое самочувствие.

Так прошел весь день. Я тщательно избегал своих спутников, опасаясь, как бы они не поняли, что со мной происходит нечто странное. В таком состоянии я непрестанно блуждал по окрестностям лагеря. Временами все совершенные мной когда-либо грехи один за другим всплывали в моем воспаленном ужасом воображении, и под этим страшным давлением я чувствовал, что вот-вот умру, если не наступит никакое облегчение. Мое сердце в тот момент было таким черствым и гордым, что даже ради всего штата Кентукки я не согласился бы упасть на землю, полагая, что подобное происшествие легло бы на меня несмываемым позором и навсегда лишило бы меня мужества и смелости.

Поздно вечером я направился к стоявшей неподалеку конюшне, где, спрятавшись в стоге сена, провел самую тягостную ночь в своей жизни. Утром я решил вернуться домой, чувствуя себя совершенно разбитым. Повстречав одного из своих друзей, приехавших вместе со мной, я сказал: "Капитан, давайте уедем отсюда; я не могу здесь больше находиться". Он согласился, и, вскочив на лошадей, мы поскакали домой.

В пути мы почти не разговаривали, хотя глубокие и длительные вздохи красноречивее всяких слов выдавали состояние моего сердца. Когда мы, наконец, добрались до холмов Блю-Jликс, я нарушил затянувшееся молчание. Подобно долго сдерживаемым водам, искавшим себе путь в скалах, фонтаны моей души стремительно вырвались наружу, и я воскликнул: "Капитан, если мы с вами не прекратим грешить, дьявол заполучит нас обоих". Затем из моих глаз заструились горькие слезы, и мне едва удалось удержаться от того, чтобы не закричать во весь голос. Незадолго до наступления ночи мы остановились возле Мэйслика, и до самого утра я только и делал, что плакал, обещая Богу,

Лагерная встреча на Западном пограничье
Библиотека Конгресса, 98508373

что, если Он сохранит меня до утра, я буду молиться и постараюсь стать лучше, а также сойду с греховного пути...

Люди с наиболее испорченными сердцами и порочными привычками стали новыми творениями, и полностью обновленная жизнь явилась лучшим свидетельством их обращения.

После этого случая Роберт Финли стал одним из заметных служителей методистской церкви.

Каждый вечер с наступлением темноты в лагере зажигались костры, а свечи, керосиновые лампы и факелы давали достаточно света для того, чтобы служения продолжались до самого утра. Отражаясь от деревьев, этот трепещущий свет, наверное, создавал удивительную атмосферу, вызывая у людей благоговейный трепет. Другой очевидец описываемых нами событий рассказал о подобных вечерах следующее:

Увиденное нами ночью было одним из наиболее удивительных и потрясающих зрелищ, какие мне вообще доводилось когда- либо видеть. Яркий свет пылающих лагерных костров выхватывал из тьмы множество людских голов, одновременно склонившихся в абсолютном благоговении, и отражался от длинных рядов палаток, поставленных с обеих сторон. Сотни ламп и свечей были расставлены среди деревьев, вместе с множеством факелов, чье пламя непрестанно колебалось взад-вперед, отбрасывая неясные отблески на шелестящие в темноте деревья и придавая окружающему нас лесу таинственность и загадочность. Торжественное пение духовных гимнов разносилось по всему лесу ночным ветром; страстные увещевания; искренние молитвы; всхлипывания, вопли или крики вырывались из груди тех, кто находился в состоянии глубокого эмоционального возбуждения; внезапные спазмы неожиданно швыряли людей на землю, - все происходившее было удивительно интересным, до крайности возбуждая чувства участников этого действа.

В Кейн-Ридж служение хлебопреломления вместо понедельника было назначено на воскресенье и прошло в полном соответствии с планом. Столы были расставлены в молитвенном доме в форме креста, там могли разместиться одновременно не менее ста человек. По приблизительным подсчетам, количество участников служения колебалось от 800 до 1100 человек, поскольку к причастию допускались лишь те, кто считался обращенными к Богу людьми, - говоря другими словами, это были в основном пресвитериане и методисты. Предъявители этих двух религиозных течений и были основными устроителями собраний. Однако из-за того, что служение возглавляли исключительно пресвитериане, методисты начали организовывать свои Встречи снаружи и вскоре привлекли к себе огромные массы людей.

Поблизости проводилось также отдельное афроамериканское служение, участниками которого были, как правило, члены Африканской баптистской церкви.

Во время служений образовывались также и малые молитвенные группы которые, не являясь частью общего расписания, имели схожий дух благодаря организованной повестке дня. Сотни людей, на которых сходил Дух Божий, начинали спонтанно увещевать всех окружающих. Это было наиболее ярким и запоминающимся проявлением Духа в Кейн-Ридж, поскольку этими увещевателями могли быть все без исключения: мужчины и женщины, грамотные и неграмотные, белые и афроамериканцы, взрослые и дети — причем независимо оттого, были они раскованы или застенчивы. Благодаря такого рода характерным особенностям лагерные собрания вскоре получили название "карнавала проповедников", потому что, оказавшись в гуще толпы, человек мог слышать проповеди, доносившиеся со всех сторон.

Как-то семилетняя девочка по имени Барбара взобралась на плечо взрослого мужчины и начала говорить, используя слова, которые не знакомы детям ее возраста. Утомившись же, она замолчала и, склонив свою голову на голову державшего ее мужчины, словно заснула. Когда же стоявший

поблизости мягкосердечный человек заметил: "Бедная малышка, ее лучше положить", она моментально очнулась и заявила: "Не называйте меня бедной, потому что Христос - мой Брат, Бог - мой Отец, я же наследница Царства, поэтому не называйте меня бедной, ибо кровь Агнца сделала меня богатой"*.

*** Письмо его сестре, датированное 10 августа 1801 года.**

По мере того как все больше и больше людей под воздействием Святого Духа начинали проповедовать, еще больше их каялось в своих грехах, из-за чего по всему лагерю разносились плач и стоны. Пение гимнов становилось все более отчетливым, и все проявления Святого Духа, описанные преподобным Стоуном днем ранее, начинали повторяться снова. Преподобный Мозес Ходж попытался описать происходящее в письме к своему другу:

Во время проповеди, если об этом кто-либо заранее успевал позаботиться, практически не было преткновений; когда же проповедь заканчивалась и на смену ей приходили песнопения, молитвы и увещевания, тогда-то и начинались настоящие беспорядки. Легкомысленные и беспечные грешники падали на землю, кричали, дрожали и нередко даже судорожно подергивались. Набожные христиане трудились не покладая рук: пели, молились, общались, в экстазе радостно падали на землю, увещевали грешников, спорили с противящимися и так далее. Упавшие, как правило, лежали на земле то короткое, то весьма продолжительное время. Некоторые из них уже с первого раза получали утешение, тогда как другие нет. Когда какой-то человек получал столь долгожданное и желанное облегчение, радостный крик возвещал о приобретении Богом новой души. За этим следовали святые объятия. Так продолжалось целые ночи и ту часть дня, которая не была занята богослужением. Ибо люди не покидали служения во все дни этого торжественного мероприятия. Ничто из воображаемого нами не способно повлиять на наш разум больше, чем одна из таких сцен. Грешники падали на землю справа и слева, с воплями, стонами, в конвульсиях моля о милости. Верующие молились, корчились, падали на землю, страдая за грешников или радуясь их обращению к Богу! Они пели, кричали, смеялись, хлопали в ладоши, обнимались и даже целовались. Некоторые из них обращались к страждущим, друг к другу или же к своим противникам - и все это одновременно. Ни одно зрелище не способно вызвать более сильных чувств! Все происходящее, окутавшая землю ночная тьма, торжественность этого места и повода, по которому все собрались, осознание собственной вины - все вместе это наполняло души участников благоговейным трепетом и не позволяло им хоть немного ослабить свое внимание. Что же касается духовных проявлений в целом, нет никакого сомнения в том, что за ними стоял Бог.

В то время как одни участники собрания в понедельник паковали вещи, готовясь к возвращению домой, другие только начинали ощущать воздействие Святого Духа. Молитвы, проповеди, увещевания, пение и всевозможные проявления Духа продолжались вплоть до четверга. По самым приблизительным оценкам, в те дни Святой Дух коснулся от одной до трех тысяч человек; столько же человек обратилось в итоге к Богу.

Питер Картрайт был одним из тех, кто летом 1801 года обратился к Богу во время одного из служений хлебопреломления.

Питер Картрайт был одним из тех, кто тем летом обратился к Богу на одном из служений хлебопреломления. Вот что он рассказывал о чудесах в Кейн-Ридж:

В достопамятном месте под названием Кейн-Ридж несколько служителей-пресвитериан организовали священное собрание, во время которого, неожиданно и к вящему удивлению служителей и простых людей, удивительная сила Божья проявилась весьма необычным образом: многие люди начинали плакать, громко моля Бога о милости. Собрание затянулось на несколько недель. Служители практически всех известных деноминаций собрались здесь отовсюду, из ближних и дальних мест. Собрание продолжалось днем и ночью. Тысячи людей, услышав о великих делах Божьих, приходили пешком, приезжали верхом, в повозках и фургонах. По некоторым подсчетам, в определенные моменты количество участников собрания колебалось от двенадцати до двадцати пяти тысяч человек. Сотни из них падали ниц, будучи не в силах противиться Божьей силе, подобно воинам, павшим в жестокой битве. В лесах были воздвигнуты помосты, с которых проповедники из различных христианских церквей призывали к покаянию и к вере в нашего Господа Иисуса Христа

(согласно свидетельствам очевидцев, на том собрании от одной до двух тысяч душ благополучно обратились к Богу). Не было ничего необычного в том, когда три, четыре или даже семь проповедников одновременно, но с разных помостов, обращались сразу к тысячам слушателей. Небесный огонь распространялся практически во всех направлениях. Достойные нашего доверия очевидцы свидетельствуют о том, что временами более тысячи человек начинали одновременно и громко кричать, так что их крики были слышны на многие мили вокруг.

Новости о происходившем во время этой лагерной встречи (так было названо это собрание), распространились по всем церквам и по всей стране, возбудив всюду огромное удивление и восхищение. И именно там вспыхнуло духовное пламя, распространившееся впоследствии по всему Кентукки и многим другим штатам.

Кейн-Ридж стал кульминацией религиозного возрождения в Кентукки, но далеко не единственным событием такого масштаба. 1801 год стал годом "бурлящей веры". Подобные проявления Духа Святого продолжались до конца года. Более того, вскоре к ним прибавилось говорение на иных, неизвестных языках, о чем написал один из очевидцев тех событий:

Они падали в обморок и часами лежали на соломе, приготовленной специально для "пораженных Господом", или неожиданно убегали, чтобы затем рухнуть наземь, словно сраженные пулей снайпера, или вдруг начинали биться в конвульсиях, так что, казалось, их тело вот-вот разорвется на куски, или кричали и говорили на незнакомых языках.

Кентукки и недавно образованные Соединенные Штаты были навсегда изменены силой Божьей. После лагерных встреч об американцах впервые заговорили, как о "евангельской нации”.

Результат

Из Кентукки возрождение распространилось по всему Югу и на восток через горы. Тем не менее, хотя за всем этим стоял Бог, оно закончилось даже быстрее, чем началось. Казалось, что большинство участвовавших в нем служителей не имели представления о том, как им следовало реагировать на проявления Святого Духа, Который, в буквальном смысле, захватил проводимые ими собрания. В то время как некоторые группы - например, методисты - всячески приветствовали форму лагерных встреч и "хаос" Божьего Духа, овладевавшего как святыми, так и грешниками, представители других деноминаций рассматривали их лишь как способ ежегодного собрания множества людей в одном месте.

Лагерные встречи проводились не один год, но к концу Гражданкой войны они весьма сильно различались по своей направленности - от Движения святости, предшествовавшего возрождению на Азуза-стрит, до Движения Чатокуа, которое очень скоро перешло от духовных поисков к интеллектуальным. Многие лагерные встречу подчинялись также весьма строгому своду правил, распространявшемуся на их участников. (Некоторые правила гласили: "Запрещено смеяться после десяти часов вечера" и "Запрещено рубить деревья до шести часов утра").

Большинство лагерных встреч очень скоро стало ассоциироваться с движением за отмену рабства, ведь христиане были наиболее горячими борцами за отмену рабства, за трезвость и предоставление права голоса женщинам. Тем не менее афроамериканцы и американские индейцы во время этих собраний редко смешивались между собой. Чаще всего они организовывали отдельные собрания неподалеку. Возрождение снова напомнило о себе в годы, предшествовавшие Гражданской войне, но расовое расслоение даже после окончания войны оставалось еще долгие годы. Несмотря на это, такие афроамериканские пасторы, как Ричард Аллен из Африканской методистской епископальной церкви Филадельфии, способствовали тому, что количество членов в отдельных церквах достигло 7500 человек. За несколько лет до событий в Кентукки Френсис Эсбери официально открыл новое здание церкви Аллена, а в 1799 году рукоположил его в дьяконы.

Как только кто-то пытался втиснуть дела Божьи, совершавшиеся летом 1801 года, в какие-либо созданные человеком доктринальные рамки, эти проявления прекращались. Были и такие группы, которые оставляли свои деноминации и формировали новые, чтобы продолжать стремиться к этим "упражнениям Духа". В результате произошедших в Кейн-Ридж событий церкви, расположенные в долине Камберленд, откололись от традиционного пресвитерианства и стали Пресвитерианской церковью Камберленда, а Бартон Стоун присоединился к Александру Кэмпбеллу, чтобы практиковать "основанное лишь на Библии" христианство. Вместе они сформировали новую группу,

которую назвали "Ученики Христовы", или "Церкви Христовы". Джеймс Макгриди, однако, отказался покинуть традиционное пресвитерианство; он так и не присоединился к камберлендской группе. Шейкеры, или "трясущиеся квакеры", как их позже стали называть, также ведут свою родословную от собраний, подобным лагерным встречам того лета. Они попытались дать старт радикально новому направлению в церкви, главной и первоочередной задаче которой было служение Богу и непрестанный поиск Его лица. В течение пятидесяти лет, предшествовавших Гражданской войне, было создано приблизительно 120 подобных общин, целью которых было построение жизни на основании Слова Божьего. Но лишь немногие из них достигли хотя бы временного успеха. Питер Картрайт описывал эти результаты в "Автобиографии":

Когда пресвитерианские, методистские и баптистские служители, объединившиеся в единое целое во время этого собрания, вернулись домой в свои различные церкви и принесли весть о вершившихся великих делах Божьих, всю страну моментально охватило пламя возрождения. Но многие служители и члены синода Кентукки посчитали все это беспорядками и попытались остановить Божью работу. Они потребовали объяснений от всех своих проповедников, участвовавших в служениях возрождения, осудили их и запретили им выступать. Недовольные такими действиями, "осужденные" восстали и, отвергнув юрисдикцию пресвитерианской церкви, организовали собственную церковь, назвав ее "Христианской". Именно сюда уходит корнями то, что вскоре стало известно под названием "Новые догмы". Эти христиане отвергли Вестминстерское исповедование и все церковные обряды, провозгласив, что отныне они будут опираться лишь на Новый Завет. Они не устанавливали для себя никаких доктрин: каждый верующий должен был читать Новый Завет и верно следовать собственному его толкованию. Во главе этого служения встали Маршалл, М'Намар, Данлеви, Стоун, Хастон и другие служители. Вскоре и между ними возникли разногласия, что привело к вавилонскому замешательству. Одни из них проповедовали арианство, другие - социнианство, третьи - универсализм; и по прошествии нескольких лет уже невозможно было понять, кто на чем стоит. Они начали крестить своих последователей полным погружением в воду, что стало идолом для заблуждающихся; и буквально тут же возникли огромные разногласия о пути на небеса: по воде ли или же по сухой земле... Эта христианская церковь состоит из немощных и разрозненных людей, хотя и среди них есть добрые христиане. Думаю, со дня Пятидесятницы вряд ли мир видал большее духовное пробуждение, чем то, которое произошло в Кейн-Ридж. И если бы нашлись крепкие христианские служители, утвержденные в евангельском учении и церковной дисциплине, тысячи людей Могли бы обрести спасение в церкви. Вместо этого они заблудились в лабиринтах пустого, спекулятивного богословия и потеряли, в конце концов, духовное кораблекрушение, отпав, отвернувшись от Бога и потеряв навечно веру и душу. Но очевидно и то, что делам Божьим был дан новый импульс, и многие, очень многие люди неустанно благословляли Бога за это духовное возрождение на просторах нашего Сиона.

Несмотря на то, что лето 1802 года мало походило на предыдущее, в том году впервые в повседневном лексиконе появился термин "лагерные встречи". Этот термин сохранился вплоть до сегодняшнего дня (к примеру, такие организации, как Служение Кеннета Хейгина, каждое лето спонсируют "лагерные встречи"). В течение последующих десятилетий методисты распространили форму лагерных встреч по всем американским штатам, а Френсис Эсбери стал их горячим сторонником. Тем не менее, вплоть до Пятидесятнического возрождения в начале следующего столетия Америка не видела больше ничего подобного произошедшему в Кейн-Ридж.

Многие люди признавали, что за всем, происходившим в 1801 году в Кентукки стоял Бог, но горячо отстаивали эту точку зрения лишь те, кто тем летом лично участвовал в Причастиях. Как писал Пол Конклин, автор книги "Кейн-Ридж: Американская Пятидесятница" *(Cane Ridge: America's Pentecost):*

К осени 1801 года верующие, прибывавшие в округа Кентукки, изумлялись открывавшейся их взору утопии, ставшей реальностью. Дух Божий опалил и очистил всю округу. Так или иначе возрождение коснулось практически каждого. Джордж Бакстер, приехав из долины Шенандоа в Кентукки, попал в особую, удивительно чистую атмосферу. Он отметил, что оказался в "наиболее нравственном месте из всех, где когда-либо бывал", потому что никто не сквернословил, все были любезны и доброжелательны, ссоры и раздоры прекратились, а "религиозный трепет, казалось, наполнил собой всю землю".

Свои впечатления Бакстер обобщил следующими словами:

Думаю, возрождение в Кентукки стало одним из наиболее сверхъестественных событий, происходивших когда-либо в церкви Христовой, в особенности принимая во внимание обстоятельства и условия, сложившиеся в стране. Безбожие в те времена торжествовало, а духовность практически исчезла из человеческой жизни. Лишь что-то совершенно невероятное могло привлечь внимание легкомысленных людей, готовых признать христианство вымыслом, а вечную жизнь - несбыточной мечтой. Это возрождение сделало свое дело: оно разрушило твердыни неверия, заставило замолчать пороки и произвело неизгладимое впечатление на бесчисленное множество людей.

Собрания в Кентукки стали первыми порывами ветра, раздувшего, в конце концов, пламя Второго великого пробуждения.

Пробуждение в Кейн-Ридж произошло в XIX веке, тогда как на Азуза-стрит - в XX. Нам, христианам XXI века, необходимо проснуться и горячо взывать к Богу, прося Его отряхнуть это столетие от мирского самодовольства - сотрясти его гораздо сильнее, чем Он сотряс Кентукки летом 1800 и 1801 годов. Кроме того, мы нуждаемся в ревностных и преданных Господу христианах, подобных тем, чья вера была очищена в горниле прошлых возрождений - христиан, обладающих смелостью Питера Картрайта, а также молитвенной стойкостью Джеймса Макгриди и Чарльза Финнея.

Глава 6

Питер Картрайт
(1785 -1872)

"Проповедник с пистолетом"

"ПРОПОВЕДНИК С ПИСТОЛЕТОМ"

Всех любить и никого не бояться.

— Девиз Питера Картрайта

Говорят, что тяжелые времена требуют жестких мужчин, и это, без сомнения, можно сказать о Питере Картрайте. Он сделал американское пограничье своей церковью, и таковым оно оставалось на протяжении приблизительно семидесяти лет его жизни. Если на земле был когда-либо человек, следовавший совету Павла "подвизаться добрым подвигом веры" (см.: 1-е Тимофею 6:12) и, подобно Павлу, готовый сказать: "Бьюсь не так, чтобы только бить воздух" (1-е Коринфянам 9:26), это был именно Картрайт. Он не боялся противостать своим противникам и недоброжелателям (если надо, мог и кулаком в челюсть заехать), так же как не боялся разрядить в воздух свой пистолет, чтобы утихомирить толпу.

На американском пограничье духовная борьба была не менее ожесточенной, чем борьба за землю. Казалось, что снова наступило время, когда "Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его" (Матфея 11:12). Питер Картрайт являлся именно тем человеком, который в то время готов был расширять пределы Царства Небесного, не останавливаясь ни перед какими трудностями. Его прозвище "Проповедник из глуши" было полностью заслуженным. Питер был одним из американских героев типа первопроходца Даниэла Буна и колониста и солдата Дэйви Крокетта.

Ранние годы на границе

Питер Картрайт появился на свет 1 сентября 1785 года в Амхерст-Каунти, штат Виргиния, за полтора года до того, как его родители, Питер Картрайт-старший и Кристиана Гарвин, сочетались законным браком. Если верить опубликованной в одной из газет времен Граданской войны статье, Питер родился как раз в тот момент, когда его мать пряталась в густых тростниковых зарослях от атаковавших ее родное поселение индейцев. Его отец был ветераном Войны за независимость, который два года сражался в рядах американской армии. Когда Питеру было около пяти лет, его семья переехала на недавно открытые для колонистов земли Кентукки. Их длительное и полное лишений путешествие многое говорит о диком прошлом Кентукки.

Когда семья Картрайт в 1790-1791 годах отправилась на запад, Кентукки представлял собой непокоренную глушь - страну "тростника и индеек", страну бездорожья и немногочисленных городских поселений. Это была земля обетованная для многих бедняков восточных штатов, полная диких воинственных племен, которые предстояло победить. Сопротивление американских индейцев было столь яростным и ожесточенным, что группе из двухсот направлявшихся на запад семей требовалось сопровождение сотни вооруженных до зубов воинов. А поскольку в те времена в Кентукки еще не было дорог, семьи путешествовали с навьюченными лошадьми, а не в фургонах. Это делало их заманчивой мишенью для нападения племен, разгневанных тем, что поселенцы посягают на их охотничьи угодья. В первый же день пути через Камберлендский перевал путешественники наткнулись на тела своих предшественников, которые были убиты и оскальпированы индейцами. Эта находка была не единственной. На своем пути они видели еще несколько подобных картин, а разведчики нередко замечали небольшие группы индейцев, скрывавшихся в гуще деревьев.

В свое первое воскресенье в Кентукки большинство колонистов высказалось за то, чтобы вместо отдыха продолжить свой путь. День был весьма мрачным из-за дождя и тумана. Хорошему настроению не способствовали ни сгущавшиеся сумерки, ни место, выбранное для ночлега (его называли "лагерем поражения", поскольку там индейцы вырезали большую группу поселенцев). Среди путников непрестанно носились слухи о возможном нападении.

Отец Питера был поставлен часовым на самом краю окружавшего лагерь густого кустарника. Вечером густые тучи закрыли луну и звезды, и вскоре, после того как в лагере воцарилась полная тишина, мужчина услышал недалеко от себя звуки, похожие на свиную возню и хрюканье. Вспомнив о том, что никто не брал с собой в дорогу свиней, часовой испугался. Он поднял ружье и, прицелившись, выстрелил в сторону темной тени, которая двигалась в его направлении, после чего развернулся и бросился бежать к лагерю.

Выстрел поднял на ноги весь лагерь; каждому хотелось узнать, что произошло. Когда отец Питера рассказал о случившемся, над ним начали смеяться, говоря, что он просто струсил и хотел оправдать свое возвращение в лагерь к женщинам и детям. Чтобы доказать, что он не трус, отец Питера потребовал фонарь и вместе с группой мужчин отправился исследовать то место, где он выстрелил. Там они обнаружили индейского воина — с томагавком в одной руке и ружьем в другой - который без признаков жизни лежал в кустах. Пуля из ружья Картрайта попала ему прямо в лоб. В ту ночь почти никто не сомкнул глаз, но больше не ничего не произошло. Никогда еще в своей жизни поселенцы так не радовались наступлению рассвета, как в этот раз.

Молодой Питер был скорее повесой, нежели христианином, но его мать неустанно молилась за обращение сына.

Несколько дней спустя группа путешественников обнаружила раненого мужчину, которому пуля попала в лицо. Остальные шесть его спутников погибли.

С наступлением сумерек группа разделилась надвое, потому что часть людей хотела отдохнуть и продолжить свое путешествие на следующий день. Семь семей разбили лагерь, тогда как остальные в темноте продолжили свой путь к укрепленному поселению Крэб-Орхард. Из оставшихся семи семей спастись удалось лишь одному мужчине, который босиком добрел до форта и рассказал о нападении на лагерь и убийстве своих спутников. Начальник форта послал группу вооруженных мужчин, чтобы те наказали нападавших, а также постарались обнаружить еще кого-нибудь из выживших. Из двадцати пяти ответственных за это злодеяние индейцев в живых остался лишь один.

После этого случая отец Питера забрал свою семью в Линкольн-Каунти, где в течение следующих двух лет они жили на арендованной ферме. Отсюда они переехали в Логан-Каунти, все еще известный в те времена как "пристанище негодяев", даже несмотря на то, что многие населявшие его ранее убийцы и конокрады отправились уже дальше на запад. По прибытии на место поселенцы сформировали так называемую группу инспекторов. Они делали все, что было в их силах, для установления в этой глуши верховенства закона и изгнания оттуда преступников всех мастей.

Участок Картрайтов был расположен приблизительно в девяти милях к югу от административного центра округа, Расселвилля, и всего лишь в одной миле к северу от границы Кентукки и Теннеси. В

радиусе сорока миль не было ни одной мельницы, поэтому колонистам приходилось самим молоть зерно, просеивая его через продырявленную оленью кожу, натянутую на обруч. Как правило, они питались мясом только что убитых животных и собирали в лесах полезные травы и чайные листья. Кроме того, они сами делали сахар и патоку из кленового сока.

Несмотря на то, что мать Питера стала членом Методистской епископальной церкви, ее сын был скорее повесой, нежели христианином: он пристрастился к карточным играм, скачкам и танцам. Некоторое влияние на Питера оказывал его отец, но именно мать непрестанно плакала и молилась за обращение сына. Временами ее увещевания трогали сердце Питера, и он посещал собрания, где обещал искать Бога более горячо и искренне, но эти просветления были весьма мимолетны. То и дело он неизбежно оказывался в компании юнцов, увлекавшихся азартными играми и танцами, с готовностью участвуя в их развлечениях.

На беду, отец Питера купил ему породистого коня, который оказался прекрасным скакуном, а также колоду карт. Несмотря на то, что Питер никогда не жульничал, он часто выигрывал немалые денежки и в скором времени попал в игровую зависимость. Он сам называл себя "от природы необузданным, нечестивым парнем".

Когда Питеру исполнилось четырнадцать или пятнадцать лет, родители отправили его жить к доктору Беверли Аллену, чтобы мальчик мог посещать школу, находившуюся рядом с его домом. Аллен был когда-то методистским служителем, но незаконная любовная связь сделала его объектом судебного преследования. Спасаясь бегством от вынесенного судом Джорджии наказания, он застрелил шерифа, который попытался его остановить. В конце концов, он бежал в "пристанище негодяев". Ближайшие родственники Аллена вскоре последовали за ним, открыв на новом месте лечебницу.

Уровень преподавания в школе, которую посещал Питер, оказался очень слабым, но это не помешало юноше научиться читать и писать.

Дух Святой сходит на Кентукки

Питеру было шестнадцать лет, когда возглавляемые Джеймсом Мак-Фидии другими проповедниками четырехдневные служения хлебопреломления принесли в Кентукки духовное возрождение. Питер оказался в самом центре вдохновляемых Святым Духом событий - событий, благодаря которым он, в конце концов, обратился к Богу. В "Автобиографии" он следующим образом описывал свое обращение:

В 1801 году, когда мне исполнилось шестнадцать лет, вместе с отцом и старшим сводным братом я гулял на свадьбе приблизительно в пяти милях от дома, на которой большим развлечением было напиться и танцевать, впрочем как и на всех свадьбах того времени. Я почти не пил; меня интересовали лишь танцы. Поздно вечером мы оседлали своих лошадей и двинулись домой. Я ехал на своем скакуне.

Спустя несколько минут после того как мы сошли с лошадей и расположились у костра, я начал размышлять о том, как провел минувшие сутки. Меня не покидало острое чувство вины.

Я встал и начал беспокойно ходить взад-вперед. И тут совершенно неожиданно кровь хлынула к моей голове, сердце отчаянно заколотилось, и спустя несколько минут я почти полностью ослеп. С ужасом я подумал о том, что пришла моя смерть, а я к ней совершенно не готов. Упав на колени, я начал просить Бога помиловать меня.

Моя мама, которая уже спала, вскочила с постели и вскоре стояла на коленях рядом со мной, молясь за меня и увещевая меня уповать на милость Христову. Тотчас же я пообещал Господу, что, если Он меня спасет, я буду искать Его и служить Ему - и я остался верен своему обещанию. Мама молилась за меня еще долгое время. Наконец, мы легли спать, но я не мог сомкнуть глаз. На следующее утро я проснулся, чувствуя себя так жалко, что невозможно описать. Я пробовал читать Писание и много раз в течение того дня втайне молился, но не находил облегчения. Я отдал своего скакуна отцу, попросив его кому-то продать. Колоду игральных карт я отдал матери, которая бросила ее в огонь, где она сгорела дотла. Я постился, бодрствовал и молился, а также постоянно читал Писание. Я ощущал себя в таком отчаянном и бедственном состоянии, что не мог ничем заниматься.

Отец очень сильно переживал за меня, опасаясь, что я могу умереть, и тогда он потеряет своего единственного сына. Он уговорил меня забыть на время обо всех своих делах и хорошенько позаботиться о своем здоровье.

Вскоре все вокруг узнали о моем несчастье, и многие мои товарищи по неправедным развлечениям пришли навестить меня, чтобы отвлечь от тягостных мыслей о моих бедах, но все тщетно.

Я же, в свою очередь, увещевал их оставить неправедные пути, которыми мы до этого вместе блуждали. Послали за старостой класса и местным проповедником. Они попытались указать мне на кровоточащего Агнца и очень горячо за меня молились. Но даже это не принесло мне облегчения, и, хотя я никогда не верил в безусловное избрание и осуждение, у меня было сильное искушение признать, что я осужден, обречен и потерян навечно, без какой-либо возможности спастись.

Наконец, однажды я шел, заламывая руки в овладевшем мною сильнейшем отчаянии, и пытался молиться. Вдруг мне показалось, что я услышал голос, звучавший с самих небес: "Питер, посмотри на Меня". Чувство облегчения моментально пронзило меня, словно электрический шок. У меня появилась надежда и желание искать милости Божьей, но чувство вины по-прежнему не отпускало меня. Я вернулся домой и рассказал матери о том, что со мной произошло. Кажется, она сразу все поняла, после чего сказала мне, что Господь сделал это для того, чтобы вселить в меня надежду на Его милость. Мама увещевала меня принять это ободрение и продолжать поиски, чтобы в другой раз Бог обязательно благословил меня прощением всех моих грехов. Через несколько дней я спустился в погреб на ферме моего отца, чтобы там втайне от всех помолиться. Моя душа корчилась; я плакал, молился и говорил: "Господь, если есть для меня Твоя милость, позволь мне найти ее". И в тот момент мне действительно показалось, что Спаситель рядом со мной, и я могу примириться с Богом. И в тот же миг меня охватил такой страх перед дьяволом, что мне показалось, будто бы он во плоти стоит за моей спиной, чтобы схватить меня и утащить прямо в ад мою душу и тело. В ужасе я вскочил на ноги и сломя голову помчался домой, к матери. Мама сказал мне, что это была сатанинская уловка, чтобы отвратить меня от Божьих благословений. Минуло три месяца, но я все еще не чувствовал, что Бог простил мои грехи...

Весной того же года мистер Макгриди, служитель пресвитерианской церкви, возглавлявший конгрегацию, собственный молитвенный дом которой находился приблизительно в трех милях к северу от дома моего отца, объявил о проведении сакраментального собрания и пригласил присоединиться к нему методистских проповедников, включая Джона Пейджа, замечательного евангельского служителя, чрезвычайно популярного среди пресвитериан. Итак, он прибыл и проповедовал с колоссальной силой и успехом.

В то время не было еще регулярных лагерных встреч, но, поскольку в церквах наступило большое пробуждение, начавшееся с возрождения в Кейн-Ридж [это выдающееся служение хлебопреломления состоялось позже в том же году]... многие люди стали приходить на эти сакраментальные собрания. Церковь не могла вместить и десятой части всех собравшихся, поэтому церковные служители воздвигли в близлежащей тенистой роще помост, не забыв также и о местах для многочисленной аудитории. Для участия в этом собрании люди съезжались отовсюду. Они прибывали в больших фургонах, наполненных провизией и другими необходимыми вещами. Женщины спали в фургонах, а мужчины — возле фургонов, многие дни и ночи проводя на воздухе. Были и такие, которые искали себе временное пристанище в соседних домах. Сила Божья проявлялась чудесным образом: во время проповеди бесчисленные грешники валились на землю, как воины, павшие в великой битве; христиане радостно кричали во весь голос.

На такое собрание пришел и я, виновный, сокрушенный грешник. В субботу вечером во время упомянутого мною собрания я шел вместе с плачущей толпой и затем склонился перед помостом, чтобы искренне помолиться о милости Божьей. В тот момент, когда моя душа изо всех сил боролась, мне снова почудилось, будто бы голос сказал мне: "Все твои грехи прощены". Вокруг меня засиял Божественный свет, невыразимая радость наполнила мою душу. Я поднялся на ноги, открыл глаза и действительно почувствовал себя так, словно оказался на небесах: деревья, листва и все вокруг, казалось, славило Бога (думаю, в тот момент так действительно было). Моя мама радостно закричала, мои верующие друзья столпились вокруг меня и присоединились ко мне, прославляя Бога. И хотя после того случая я еще бывал неверен Богу, никогда, ни на мгновение, я не сомневался в том, что Господь раз и навсегда простил мои грехи и дал мне веру.

Это собрание в молитвенном доме Ред-Ривер состоялось в июне, перед началом крупнейшего из когда-либо проводившихся сезона служений хлебопреломления. Оно продолжалось беспрерывно целую ночь, и плодом его было более восьмидесяти человек, примирившихся с Богом. Вот как Питер описывал результаты пробуждения того лета:

Именно это пробуждение положило начало нашим лагерным встречам, и в обеих этих деноминациях они продолжали проходить сначала ежегодно, а затем время от времени. Лагеря возводились из бревен или огораживались досками и гонтом. Кроме того, устроители сооружали ангар, достаточно большой для того, чтобы защитить от непогоды пять тысяч человек, и покрывали его теми же досками или гонтом; строили большой помост, натягивали над ним навес, и сюда собирались люди со всех окрестных поселений, отстоявших даже на расстояние сорока-пятидесяти миль, а то и больше. Десять, двадцать, а иногда и все тридцать служителей различных деноминаций собирались вместе, чтобы проповедовать днем и ночью, четыре-пять дней под ряд (я слышал даже о таких лагерных встречах, которые длились три или четыре недели, принося обильные плоды). Я лично видел, как более сотни грешников падали, словно замертво, во время одной-единственной сильно произнесенной проповеди; я видел и слышал, как более пяти сотен христиан одновременно и во весь голос прославляли Бога. Я также возьму на себя смелость заявить, что во время этих собраний многие тысячи счастливцев пробудились и обратились к Богу. Некоторые грешники насмехались над всем этим, некоторые старые, закостенелые верующие противились этому, некоторые пожилые пресвитерианские проповедники выступали против этих собраний, тем не менее, Бог продолжал свое дело, и пламя возрождения распространялось практически во всех направлениях, становясь все сильнее, пока вся наша страна не вернулась домой, к Богу.

Большую часть того лета Питер провел, посещая одно собрание такого рода за другим, испытывая неутолимый голод по Богу и неустанно взращивая свою веру. Он участвовал во многих небольших молитвенных собраниях, которые молодые люди организовывали рядом с большими собраниями, и во время этих служений он помог нескольким страждущим прийти к Богу. На одной из таких встреч несколько клеветников и очернителей попытались выступить против совершаемых Богом дел. Одному из них, интеллигентного вида мужчине, сказавшему, что он еврей, казалось, доставляли удовольствие любые споры с христианами. Когда Питер вместе с несколькими другими молодыми людьми собирал одну из таких молитвенных групп, этот человек решил подойти к ним, чтобы разузнать, в чем дело. Питер вспоминает этот инцидент в "Автобиографии":

Посреди нашего небольшого собрания появился этот еврей, пожелавший узнать, для чего мы собрались. Что ж, я сказал ему. Он ответил, что все это неправильно, что молиться Иисусу Христу — это идолопоклонство, что Бог никогда не ответит на наши молитвы. Вскоре я понял, что его целью было втянуть нас в ненужный спор и нарушить наше молитвенное собрание.

— Действительно ли вы верите в то, что Бог существует? - спросил его я.

— Конечно, верю, — сказал он.

— Верите ли вы в то, что Бог слышит ваши молитвы?

— Конечно, - ответил он.

— Действительно ли вы считаете, что вся работа, проводимая нами, является заблуждением?

— Именно, — подтвердил он.

— Что ж, милостивый государь, - сказал я, - давайте проверим это. Если вы действительно искренни, прямо здесь встаньте на колени и помолитесь, чтобы Бог все это остановил. И тогда, если это на самом деле заблуждение, Господь ответит на вашу просьбу; если же все, что вы видите, происходит по Его воле, все силы ада не смогут это остановить.

Видя мою смелость, остальные мои товарищи также воспрянули духом.

Еврей колебался.

— Немедленно встаньте на колени и помолитесь, - настаивал я, — ибо, если мы действительно неправы, нам надо это знать. Увидев, что он тянет время и не желает ничего делать, я надавил на него снова. Медленно он опустился на колени, прочистил горло и закашлялся.

— Теперь, ребята, молитесь изо всех сил, чтобы Бог ответил нам огнем, - сказал я.

Наш еврей начал молиться дрожащим голосом: "О Господь, Бог Всемогущий", после чего снова закашлялся, прочистил горло и снова начал, повторяя те же самые слова. Видя его явную нерешительность, Мы одновременно с ним громко молились, едва не срывая голосовые связки.

Еврей снова сбился и начал все сначала, а мы же уже почти кричали и в целом славно проводили время. В итоге некоторые из наших противников обратились к Богу, после чего мы встали и изо всех сил помчались в лагерь, радостно крича и празднуя эту знаковую победу над дьяволом и евреем.

Парень из Кентукки отправляется в путь

На следующий год, в начале нового проповеднического сезона, Питер получил письмо от своего пастора, из которого с удивлением узнал, что он принят в ряды методистских "проповедников".

Настоящим письмом Питеру Картрайту позволяется использовать свой дар увещевателя в Методистской епископальной церкви до тех пор, пока его практика не будет противоречить Евангелию. Подписано от имени общества в Эбенезере.

Джесси Уокер, А. П.
Май 1802 года

Питер не искал этой должности, но его убедили ее принять. Одно из преимуществ нового положения заключалось в том, что, если Дух Божий нисходил на него и требовал проповедовать, он мог быть уверен, что имеет на это полное право.

Той осенью отец Питера перевез свою семью в округ Льюистон, расположенный возле устья реки Камберленд, - местность, находившуюся в восьмидесяти милях от ближайшего методистского округа. Питер и его мать попросили подтвердить их членство, чтобы они могли проводить собрания в своем доме. В ответ на эту просьбу Питер получил письмо с полномочиями создать свой собственный проповеднический округ. На такое позволение он даже не рассчитывал, лишь втайне надеялся. Питер собирался посещать школу и потому считал проповедование слишком большой для себя ответственностью. Брат Пейдж, председательствующий пресвитер, у которого Питер попросил подтверждение членства, сказал ему о том, что проповедование...

...являлось лучшей школой или колледжем, которые я мог бы найти между небом и землей, но при этом посоветовал мне, когда мой отец обустроится на новом месте, чтобы я постарался найти себе хорошую, высоконравственную школу с хорошим учителем, которую мог бы посещать зимой, а весной и летом сформировать свой округ и трудиться там изо всех сил.

Питер молился за одного новообращенного, чтобы тот получил подтверждение, что его призвание проповедовать было истинным и посланным Самим Богом.

По совету Пейджа, Питер нашел себе школу, которая выглядела многообещающе. Тем не менее у него ничего не получилось, потому что школьный учитель, хотя и был священнослужителем, ненавидел методистов "больше, чем дьявола". Школьники дали Питеру прозвище "Методистский проповедник" и насмехались над ним при полном попустительстве учителя. Однажды двое учеников решили сбросить Питера в близлежащий ручей в том месте, где высота берега достигала почти двух метров, а глубина ручья - не менее трех метров. Чтобы заманить Питера на берег, они сделали вид, будто глубоко сожалеют о своих грехах, и попросили его помолиться за них. Сомневаясь в искренности просителей, но боясь отвергнуть их в том случае, если они действительно говорили правду, юноша согласился пойти с ними. Достигнув намеченного места, заговорщики попытались схватить Питера, но тот пригнулся и совершенно неожиданно швырнул одного из них прямо в воду, а другого повалил на землю. Противники Питера, будучи крепкими ребятами, решили повторить свою попытку, но вскоре оказались на самом краю обрыва, с которого кубарем скатились прямо в воду.

Не желая терпеть издевки одноклассников и понимая, что в такой обстановке он многому не научится, Питер занялся созданием своего округа, о чем сообщил, как это и требовалось от него, осенью 1804 года. Джесси Уокер получил назначение возглавить этот округ, чем он и занимался на протяжении последующих двух лет. Методизм стремительными темпами распространялся на Западе.

Когда Питеру исполнилось восемнадцать лет, его попросили помочь в работе одному странствующему проповеднику. Несмотря на несогласие отца, мать Питера настойчиво уговаривала сына принять приглашение, и ее увещевания подействовали. Во время одного из путешествий юношу попросили провести вечернее богослужение. И хотя до этого Питер ни разу этим не занимался, внутри он чувствовал непоколебимую уверенность в своем призвании проповедовать. ОН

Обложка Harper's Weekly, где показан "странствующий проповедник", прообразом которого был Питер Картрайт

горячо помолился Богу, попросив Его о помощи, а также о том, чтобы в качестве подтверждения истинности его призвания Бог дал ему тем вечером одного новообращенного. И действительно, собравшиеся встретили его проповедь слезами и вздохами, а один парень, известный своим неверием, призвал в свое сердце Господа и присоединился к церкви. В тот момент Питер по-настоящему ощутил в своей жизни Божье призвание. В течение трех месяцев он неустанно разъезжал по своему округу, способствовал обращению двадцати пяти человек и даже получил зарплату в размере шести долларов. Питер стал известен, как "мальчик-проповедник" или "мальчик из Кентукки", и на протяжении последующих шестидесяти семи лет он продолжал верно нести свое служение.

Похороны, которые привели к возрождению

Вскоре Питера попросили выступить на похоронах в старом баптистском молитвенном доме. Во время службы на собравшихся сошел Святой Дух точно так же, как и во время лагерных встреч. Некоторое время Питер еще оставался там, проводя служения день и ночь, и на каждом собрании Дух Святой проявлял Себя разнообразно. На глазах Питера к Богу обратились двадцать три человека, которых он готов был принять в члены методисткой церкви, но ему приходилось постоянно вести борьбу за людей с местной баптистской церковью. Чтобы преуспеть в этом, он прикинулся кандидатом в члены баптистской церкви, посещал их собрания, свидетельствовал и наконец был признан спасенным.

Однажды баптисты предложили ему принять крещение в близлежащем ручье. Когда все собрались у воды, Питер встал перед группой верующих, готовившихся к принятию крещения, и заявил во всеуслышание о том, что уже был крещен кроплением и потому не считает необходимым снова проходить через эту процедуру. Когда баптистский пастор отказал Питеру в церковном членстве, он умудрился увести с собой в методистскую церковь двадцать три новообращенных, недовольных чересчур строгим следованием доктрине крещения. Позже Питер писал о баптистах следующее: "Они придавали такое большое значение крещению с полным погружением в воду, что неосведомленный человек вполне мог бы предположить, что небеса являются островом, добраться до которого можно лишь вплавь".

Питер продолжал странствовать, проповедуя везде, где только мог, И во время Западной конференции в 1806 году Френсис Эсбери рукоположил его в дьяконы Методистской епископальной церкви. (В первые годы своего американского служения епископ Эсбери нередко
путешествовал по населенным воинственными индейцами западным территориям в сопровождении вооруженных всадников но при этом никогда даже не думал об отмене или переносе своего визита на какое-либо собрание или конференцию. Многочисленные опасности не могли испугать смелого епископа.)

После своего назначения Питер был направлен на северо-восток, к границе Огайо, где повстречал первых жителей северных штатов. Вначале ему не хотелось ехать, но, когда Френсис Эсбери взял его за руки и сказал: "О, нет, сын мой, именем Господа прошу тебя отправиться туда. Это путешествие сделает тебя мужчиной", Питер просто не мог ему отказать. Местность, в которую он отправился, была полна последователей всевозможных сект, включая универсалистов, унитарианистов и деистов, и разоблачение этих учений стало неоценимым и чрезвычайно полезным опытом для молодого Питера, которому пришлось сосредоточенно изучать Библию в поисках опровержения верований этих групп. В течение этого времени Питер отточил свои навыки и прославился в искусном ведении дискуссий.

Завоевывая духовную территорию

В начале XIX века Запад во многих отношениях представлял собой самую настоящую религиозную вольницу, где свое евангелие проповедовали как святые, так и проходимцы всех мастей. Проповедников, утверждавших, что видят видения и слышат голос Господа, было множество, и зачастую народ относился к ним чересчур доверчиво, принимая за чистую монету слова откровенных шарлатанов. Один из таких проходимцев однажды отправился в расположенный за городом лес, насыпал немного пороха на старый пень, взорвал его подожженной сигарой и упал на землю. Услышав взрыв и увидев вспышку, горожане тут же бросились к месту происшествия и обнаружили человека, неподвижно лежавшего на земле. Когда вокруг собралось достаточно много народа, мужчина поднялся и провозгласил, что Бог ослепил его вспышкой света, кинул на землю и начал давать ему видения. В это время подошел Питер и, учуяв запах серы, вывел шарлатана на чистую воду.

Стоило мне только подойти к пню, как я тут же почувствовал запах серы. Сделав еще несколько шагов, я отчетливо увидел следы сгоревшего пороха и лежавшую рядом сигару, которой он поджег его. Теперь же он был занят передачей своего послания.

Я подошел к нему и спросил, не явился ли к нему ангел в этой вспышке света.

- Явился, - ответил он.

- Сарджент, разве этот ангел не источал запах серы? — поинтересовался я.

- Почему, - удивился он, - вы задаете мне такой глупый вопрос?

- Потому что, — сказал я, - если к вам вообще обращался какой-либо ангел, он явился из озера, полного серы и огня!

И, повысив голос, я воскликнул:

- Я чувствую запах серы!

Подойдя вплотную к этому пню, я подозвал людей, чтобы они все увидели собственными глазами. Они кинулись ко мне и, обнаружив его обман, засыпали Сарджента обвинениями в мошенничестве. Он убежал прочь и больше не беспокоил нас ни своим присутствием, ни присутствием серных ангелов.

К сожалению, не всех религиозных жуликов можно было вывести на чистую воду столь же легко, как этого человека.

К концу своего пребывания в Огайо Питер оказался в довольно отчаянном положении:

Я покинул отцовский дом три года назад; находился в пятистах милях от родного дома; моя лошадь ослепла, седло истерлось, поводья рвались и сменялись не меньше дюжины раз, а из-за покрывавших мою одежду заплат невозможно уже было рассмотреть оригинал.

Питер решил вернуться домой, но в его кармане к тому времени оставалось лишь семьдесят пять центов. Полагая, что у него не осталось иного выбора, он отправился в путь, готовый при необходимости одолжить денег для покрытия расходов на ночлег и питание. Однако на протяжении всего пути Бог снабжал его всем необходимым, начиная от оплаты паромного сбора и заканчивая ночлегом в таверне — хозяин таверны отказался брать с Питера деньги, когда тот привел к спасению его эмоционально неустойчивую жену.

Его жена была подвержена спазмам, которые периодически ее мучили. Я поговорил с ней о духовных вещах. Во время нашего разговора я понял, что она весьма беспокоилась о своей душе, и спросил позволения помолиться за нее. "О да, - ответила она, - потому что здесь никто не заботится о моей душе".

Преклонив колени, я помолился, после чего воспел и предал ее в руки Христа, нашего Спасителя; затем помолился снова. И вдруг она совершенно неожиданно вскочила с кровати и закричала: "Слава Богу! Он спас мою душу". Это действительно было счастливое время. Пожилой джентльмен плакал, как ребенок. Мы пели и восклицали, молились и возносили хвалу Господу -так продолжалось почти целую ночь. На следующее утро старик сказал мне, что мой счет был оплачен десятикратно, и потому он искренне просил меня каждый раз, когда я буду проходить мимо, навещать их и проводить с ними время.

На следующий день Питер вернулся домой лишь с шестью центами в кармане. Родители тепло встретили его — особенно мать — и с интересом выслушали рассказы о приключениях сына. Перед тем как Питер отправился на свою следующую конференцию и приступил в округе к выполнению

следующего задания, отец подарил ему "молодую лошадь, узду и седло, новую одежду и сорок долларов наличными. Снаряженный таким образом, я был готов к очередным трем годам странствий".

Вознаграждение, выплачиваемое странствующим проповедникам, зачастую было весьма и весьма скудным, и потому рассказы о миссионерах, едва сводивших концы с концами и уповавших лишь на Господа, были не так уж и редки.

Женитьбы Питера

Следующая конференция состоялась в Чилликоте, штат Огайо, 14 сентября 1807 года, спустя почти две недели после двадцать второго дня рождения Питера. Ему был определен округ, расположенный ближе к его дому, в районе Камберленда, возглавляемый Джеймсом Уордом, главным старейшиной района. Именно здесь Питер повстречал Френсис Гэйнс и начал ухаживать за ней. Порвав с традицией целибата, установленной епископом Френсисом Эсбери и собственным епископом Питера, Уильямом Маккендри, он женился на Френсис в ее девятнадцатый день рождения, 18 августа 1808 года. О своем отступлении от традиции Питер сказал следующее: "После продолжительных размышлений и молитвы... я посчитал, что обязан жениться". Это казалось ему достаточным оправданием, и он не стал советоваться ни с кем из своих руководителей. Свадьбу и новоселье Питер и Френсис отпраздновали одновременно вместе с родителями Питера в следующем сентябре, на его двадцать третий день рождения.

Питер не прекратил своих миссионерских поездок даже после женитьбы.

В тот год Западная конференция проводилась в Либерти-Хилл, штат Теннеси (к югу от Нэшвилла); ее открытие было намечено на 1 октября. Оставив жену у своих родителей, Питер направился в Теннеси, озабоченный необходимостью сообщить епископу Маккендри о своем браке. Маккендри выразил свое сожаление, причем не о самом факте бракосочетания, но о том, что теперь Питер будет привязан к одному месту — что, в свою очередь, могло серьезно навредить его дальнейшему продвижению по службе. Слова епископа Питер воспринял внешне спокойно, но внутри он загорелся желанием, во что бы то ни стало продемонстрировать свою решительность. "Это задело мое достоинство, и, набравшись смелости, я сказал: "Вот что, я своими руками способен заработать себе на жизнь, я могу обтесывать бревна, корчевать деревья, вымывать золото, пахать, косить или жать. Меня с детства этому учили".

Кроме того, Питер не собирался прекращать свои миссионерские поездки. Не покладая рук он трудился у себя на ферме и при этом еще Успевал регулярно объезжать свой округ. Маккендри высоко оценил решительность Питера и еще до окончания конференции рукоположил его в пресвитеры.

Питер постоянно носил с собой пистолет. Однажды, когда он ехал верхом вместе с другим служителем, братом Уокером, дорогу им преградил хромой мужчина, опиравшийся вместо костыля на большую палку. Незнакомец попросил его подвезти, мотивируя тем, что у него не хватит сил доковылять до ночлега. Брат Уокер ответил: "Конечно", - и начал спускаться с лошади, но Питер, почувствовав что-то неладное, сказал: "Поумерь свой пыл. Мы находимся слишком далеко от дома, да и от какого-либо поселения. В таком диком месте нельзя никому верить"18.

Таким образом, оба мужчины пришпорили коней и проехали мимо, думая, что оставили хромого далеко позади. Но когда ехавший немного позади Питер оглянулся, то увидел, что "калека" мчится за ним "стремительно, словно олень".

Стоит ли говорить, что его хромота была лишь хитрой уловкой, с помощью которой он надеялся ограбить двух священников. Питер развернул коня, выхватил пистолет и выстрелил в сторону грабителя, который при виде оружия тут же скрылся в лесной чаще. Проповедник не стал его преследовать. Позже Питер говорил, что предупреждение слетело с его губ благодаря Святому Духу, Который днем и ночью стоит на страже Божьих детей.

Дебаты о рабстве

Как пресвитер, Питер должен был активно участвовать в церковной политике, и вскоре он ревностно включился в дебаты о рабстве. Несмотря на то, что методистские "Дисциплины" запрещали продажу, покупку и владение рабами, южные методисты в Соединенных Штатах долгое время пренебрегали этими требованиями. Теперь же этот вопрос повсеместно поднимался на Западе, где рабство, хотя и было разрешено законом, быстро теряло свою популярность, что было вызвано не в последнюю очередь широкомасштабным духовным возрождением и распространением вдохновленного им аболиционизма. На первых порах Питер избегал что-либо говорить о рабстве, считая его вопросом больше политического, нежели духовного характера. Но при этом он был убежден в безнравственности рабовладения и потому не мог относиться к нему нейтрально. Члены методистских конференций вскоре разделились на две большие группы: одна поддерживала рабство, другая выступала за его отмену. Дух разделения напоминал о себе каждый раз, когда на должность служителя выдвигался рабовладелец, поднимая вопрос: "Может ли человек, владеющий рабами, быть служителем Методистской епископальной церкви?".

В "Автобиографии" Питер писал следующее:

Методистская епископальная церковь больше не высказывается в поддержку рабства, а наши проповедники, пусть даже и не считающие своим долгом затрагивать политические аспекты этого вопроса, тем не менее, будучи одновременно христианами и христианскими служителями (пусть за это Бог обильно благословит их в вечности!), глубоко убеждены в том, что их долг заключается в неустанном свидетельствовании против рабства, которое есть нравственным злом. Именно поэтому Генеральная конференция время от времени принимала правила и законы, разъясняющие проповедникам и прихожанам природу этого величайшего зла. Важным заданием Генеральной конференции является наблюдение за тем, чтобы служение оставалось чистым от него, и не может быть никаких — даже малейших - сомнений в том, что первые методистские проповедники стремились к освобождению тысяч представителей этой так называемой низшей расы. Для меня также совершенно очевидно, что, если бы методистские проповедники сами очистились от рабства и начали искренне свидетельствовать против него, тысячи и тысячи тех, кто сегодня стонет под страшным ярмом угнетения, обрели бы свободу. Очевидно, что рабство является домашним, политическим и нравственным злом.

Тем не менее, не все методистские пресвитеры испытывали такие же чувства, как Питер, потому что многие из них сами имели рабов. И хотя горячая натура Картрайта помогла ему заручиться широкой поддержкой в борьбе против рабства, она же стала его слабым местом, поскольку противники говорили, что он лишь создает ненужные проблемы, чтобы под шумок укрепить свои позиции среди церковного руководства. Принятие окончательного решения по этому вопросу было отложено конференцией 1808 года до лучших времен из-за слишком жарких и агрессивных споров, но напряжение вокруг этого вопроса в следующие годы становилось лишь сильнее.

Борьба с шекерами

Питер получил назначение в округ Солт-Ривер, где он нес служение во время своей самой первой миссионерской поездки с 1804 по 1805 год. И хотя в те годы методизм пустил здесь глубокие и прочные корни, к моменту его очередного назначения эта местность была наводнена шейкерами, или же, как они сами называли себя, членами "Объединенного общества верующих во второе пришествие Христа". Во главе этой группы стояла англичанка, которую последователи называли "матерью Энн Ли". В их глазах она являлась, предположительно, воплощением вернувшегося Христа, призванной подготовить верующих к тысячелетнему царствованию Иисуса на этой земле, согласно написанному в Откровении. Это был культ самопровозглашенного религиозного авторитета, с которым методизм не мог спокойно и комфортно сосуществовать. Поэтому Питер объявил шейке-рам войну — боевые действия он вел посредством дебатов. Питер и его "оруженосец" Джон Дэйвисон нанесли шейкерам сокрушительное поражение и вернули многих людей обратно в методизм, восстановив свое влияние в этом районе.

То ли зимой 1808-го, то ли весной 1809 года скончался отец Питера. Узнав об этом, молодой человек тут же поспешил домой, но опоздал на похороны. В следующем году пресвитер получил

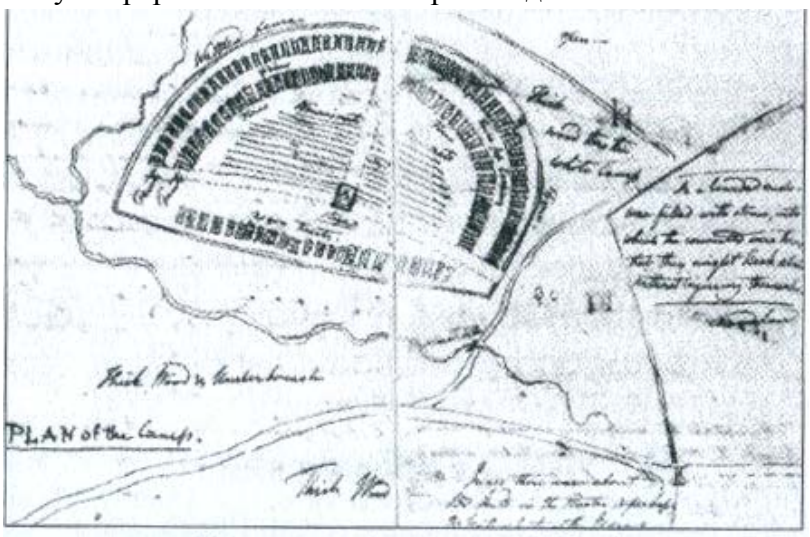
назначение в округ Ливингстон, где находилась ферма его отца - земля, причитавшаяся ему по достижении восемнадцатилетнего возраста. Это место стало его домом до 1813 года. Именно здесь появились на свет две первые дочери Питера и Френсис: 11 мая 1810 г. — Элиза Б., и 20 сентября 1812 г. — Мария Х. В 1813 году семья продала ферму и переехала на новое место близ Хопкинсвилля в Кристиан-Каунти, штат Кентукки.

В 1811 году, в дополнение к своим плановым поездкам и выступлениям с проповедями Питер ответил согласием призвавшему его к дебатам ученому проповеднику с Востока, который считал всех методистских проповедников "безграмотными, ограниченными болтунами"21. Питер всегда принимал брошенные ему вызовы, и потому, несмотря на отсутствие достаточного образования, ответил своему оппоненту согласием. Надеясь посмеяться над неграмотностью Питера, ученый обратился к нему с вопросом по-гречески - на языке, который Питер, естественно, не понимал. Однако Питер немного знал немецкий, и потому, не растерявшись, ответил ученому на языке, который был непонятен уже для него. Застигнутый врасплох, тот посчитал этот язык ивритом и признал свое поражение, во всеуслышание заявив, что Питер был первым образованным методистским проповедником, с которым ему довелось встретиться.

Питер Картрайт и Эндрю Джексон

В "Автобиографии" Картрайта можно найти некоторые детали, касающиеся войны 1812 года, которая началась спустя год после ставших знаменитыми дебатов Питера с ученым проповедником. За исключением предоставления определенного количества рекрутов, Кентукки и Теннеси война обошла стороной. В связи с уменьшением общего количества населения Кентукки, вызванного призывом солдат, количество методистов в штате также временно снизилось. Позже появились сообщения о том, что во время войны Картрайт служил личным капелланом Эндрю Джексона. Из одной газетной статьи следует, что он сопровождал генерала Джексона во время битвы за Новый Орлеан, состоявшейся 8 января 1815 года. (В 1829 году Джексон стал седьмым по счету президентом Соединенных Штатов.) В статье было написано следующее:

Во время последней Британской войны, незадолго до того, как генерал Джексон победил в битве за Новый Орлеан, отряд кавалерии разбил лагерь возле его [Питера] земельного участка в Кристиан-Каунти, штат Кентукки. Капеллан был болен, и потому Картрайта пригласили занять освободившееся место и отправиться к Новому Орлеану. Вначале генерал Джексон приказал капелланам во время боя находиться в первых рядах, но, увидев смущение служителей, передумал и попросил их выступить перед солдатами с проповедью о том, что ни один из них не умрет раньше отпущенного ему срока и что на передовой они будут находиться в не меньшей безопасности, чем в тылу. Картрайт же отказался проповедовать о чем-либо подобном, считая это ложью, тем не менее, со своей стороны, предложив ободрить солдат тем, что это справедливая война, и они сражаются за правое дело. Генерал согласился с ним, и служитель пообещал выполнить все как можно лучше.

План лагерной встречи, 1809 год
Библиотека Конгресса, 006753

Общение между Питером и генералом Джексоном не исчерпывалось одним только этим случаем. Несколько лет спустя будущий президент посетил собрание, на котором проповедовал Питер.

Затем я прочитал свой текст: "Какая польза будет человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?" - и сделал паузу. В этот момент я увидел генерала Джексона, который шел по проходу между рядами. Подойдя к ограждению, он слегка на него облокотился и остался так стоять, потому что в зале не было свободных мест. Вдруг я почувствовал, как кто-то потянул меня за плащ, и, повернув голову,

увидел знакомого проповедника, который громко прошептал мне: "Пришел генерал Джексон, пришел генерал Джексон". Мое тело словно пронзил электрический ток, и, устремив взгляд на собравшихся, я подчеркнуто громко заявил: "Кто здесь генерал Джексон? Если он не обратится к Богу, Тот проклянет его столь же быстро, как проклял гвинейского негра!".

Мой знакомый проповедник опустил голову, съежился и, казалось, был бы рад куда-нибудь исчезнуть. Все собравшиеся, включая генерала Джексона, улыбнулись, а некоторые даже засмеялись, глядя на этого беднягу. Когда собрание завершилось, этот проповедник подошел ко мне и очень строго сказал: "Более странного человека, чем вы, мне еще не доводилось видеть, и прежде, чем вы покинете город, генерал Джексон примет в отношении вас необходимые меры". - "Я все прекрасно понимаю, - ответил я, — и, думаю, генерал Джексон будет аплодировать мне. Если же он решит преследовать меня, то, как говорится, "в эту игру могут играть только двое".

Генерал Джексон остановился в одной из гостиниц Нэшвилла. На следующее утро, рано-ранешенько, мой знакомый проповедник отправился прямиком туда, чтобы извиниться перед высоким чином за мой выпад прошлым вечером. Вскоре после его визита, проходя мимо гостиницы, я встретил генерала. Когда я направился к нему, он улыбнулся и, протянув мне руку, сказал: "Мистер Картрайт, я чувствую в вас родственную душу. Меня очень удивило поведение мистера Мака, то, что он подумал, будто бы я на вас обиделся. Нет, сэр, я сказал ему, что высоко ценю вашу независимость и что служитель Иисуса Христа должен любить каждого и не бояться никого из живущих на земле. Еще я сказал мистеру Маку, что, будь у меня несколько тысяч таких независимых и бесстрашных служителей, как вы, и хорошо обученная армия, я мог бы взять старушку Англию".

Генерал Джексон, несомненно, был весьма неординарным человеком. Несмотря на все свои недостатки, он всегда проявлял глубокое уважение к христианской вере и чувствам верующих, в особенности, служителей Евангелия.

В то время странствующие проповедники на Западе были рады, если им удавалось заработать хотя бы сорок долларов в год. Им было нелегко находить себе ночлег или даже просто место для отдыха. Их округи подчас простирались на пятьсот миль, и частая разлука с близкими и друзьями наверняка рождала чувство одиночества. Искушения преследовали даже наиболее преданных служителей, заставляя некоторых из них сворачивать с Божьих путей. Питеру, наверное, тоже не раз приходилось бороться с искушениями, когда грехи молодости с силой тянули его назад. Вот что он писал об этом:

Субботним вечером я оказался в довольно диком месте, среди вершин и ущелий Камберлендских гор. В тот момент мне больше всего на свете хотелось остановиться где-нибудь у верующих людей и провести с ними приближающееся воскресенье. Однако я находился в таком месте, где на много миль вокруг не было ни одного евангельского служителя и где, как я узнал позже, большинство обитателей небольших поселений, разбросанных на почтительном расстоянии друг от друга, ни разу в своей жизни не слышали Благой Вести. Воскресенья же здесь существовали лишь для того, чтобы охотиться и ходить в гости, пить и плясать. Одинокий и уставший, я поздно вечером оказался возле одного довольно приличного дома, где готовились к приему гостей. Я попросил позволения переночевать. Хозяин согласился принять меня, но при этом предупредил, что я не смогу толком отдохнуть, поскольку этим вечером они с гостями собирались немного потанцевать. Я поинтересовался, насколько далеко отсюда до ближайшего поселения, и он ответил, что семь миль. Тогда я сказал ему, что останусь, если он будет так добр, что хорошо накормит мою лошадь. На том и порешили. Я спешился и вошел в дом. Собрались гости, большая компания. Я обратил внимание на то, что пили они не очень много.

Как только я тихонечко пристроился в углу комнаты, начались танцы. Я сидел молча, поскольку не был знаком ни с кем из собравшихся, но больше всего в тот момент мне хотелось проповедовать этим людям. В конце концов, я решил остаться здесь и на следующий день - воскресенье, — и попросить об одолжении произнести для них проповедь. Едва я успел подумать об этом, как красивая рыжеволосая девушка грациозно подошла ко мне, поприветствовала и весьма мило, с обворожительной улыбкой пригласила меня на танец. Очень трудно описать нахлынувшие на меня в тот момент чувства. Однако спустя мгновение я решился на отчаянный шаг. Я поднялся, стараясь делать это с максимальной легкостью. Меня охватило множество различных переживаний. Юная леди встала справа от меня; я взял ее за правую руку своей правой рукой, когда как свою левую руку она положила на мою левую. Так мы в танце двигались по комнате. Вся компания, казалось, с

удовлетворением взирала на этот акт вежливости, проявленный юной красавицей по отношению к незнакомцу. Цветной мужчина, скрипач, заиграл на своем инструменте. Я попросил его на мгновение остановиться, объяснив, что вот уже несколько лет не принимаю никаких важных решений, не испросив предварительно Божьего благословения, и что теперь я желаю попросить Господа, чтобы Он благословил эту прекрасную юную леди и всю компанию, которая с такой вежливостью и теплотой отнеслась к совершенно незнакомому ей человеку.

Сказав это, я крепко сжал руку девушки и произнес: "Давайте преклоним колени и помолимся", после чего немедленно опустился на колени и начал горячо молиться. Юная леди попыталась вырваться, но я держал ее крепко. В конце концов, она также упала на колени. Кто-то из присутствующих опустился на колени, кто-то продолжал стоять. Некоторые убежали, тогда, как другие неподвижно сидели, с любопытством глядя на происходящее. Скрипач бросился на кухню, восклицая: "Боже милостивый, что происходит? Что все это значит?".

Пока я молился, некоторые люди плакали, и плакали громко, а кто-то из них во весь голос умолял Бога смилостивиться над ним. Поднявшись с колен, я произнес проповедь, после которой спел гимн. Девушка, пригласившая меня танцевать, лежала, распластавшись на полу, и искренне взывала к Божьей милости.

Я снова начал проповедовать, петь и молиться. Так продолжалось почти целую ночь, и около пятнадцати человек из той компании покаялись и приняли Бога. На следующий день и следующую ночь обратилось еще примерно столько же. Из них я образовал общество, принял в члены церкви тридцать два человека и направил к ним проповедника. Приютивший меня хозяин дома был назначен руководителем общества и служил в этой должности еще много лет. А некоторые из молодых людей, обращенных во время танцев, стали успешными служителями Иисуса Христа. Таковым было начало великого и славного духовного возрождения в этой области.

Неудивительно, что в глазах жителей приграничья Питер Картрайт был столь привлекательной фигурой. Метр восемьдесят ростом, широкоплечий и крепко сложенный. Большая голова на короткой, "бычьей" шее. Темные и проницательные глаза, римский нос, густые, слегка вьющиеся волосы. Выражение его лица, как правило, было весьма дружелюбным, но могло вмиг измениться на полностью противоположное, что Питер нередко использовал во время своих выступлений. Также следует добавить, что он всегда выглядел уверенным в себе человеком, прирожденным командиром. Добавьте к этому его живой, острый ум и удивительную проницательность, и вы поймете, почему в любом месте он производил на людей поистине неизгладимое впечатление.

Время перемен: участие в политике

Картрайт оставался в Кентукки вплоть до 1824 года, где у него родились еще пятеро детей: три дочери (Синтия, 1815 г. р.; Уэлфи М. Джейн, 1819 г. р., и Сара М., 1823 г. р.) и два сына (Мэдисон, 1817 г. р., и Валентин, 1821 г. р.). Кэролайн М. и Арминда, их восьмой и девятый ребенок соответственно, родились уже в Иллинойсе в 1826 и 1828 годах. Когда Элиза, которой в ту пору было четырнадцать лет, вот-вот должна была достичь брачного возраста, ее отец весьма обеспокоился тем, что его дочери, выйдя замуж, могли оказаться в семьях, владеющих рабами, скомпрометировав его как борца с рабством. Поэтому он продал свою землю и в начале октября 1824 года перевез свою семью в Иллинойс.

Несмотря на то, что дороги стали гораздо безопаснее, и нападения индейцев уже не представляли такой угрозы, как раньше, путешественников по-прежнему подстерегало много ловушек. Так, яростный ветер оказался частично причиной смерти Синтии, дочери Питера, о чем проповедник позже писал в "Автобиографии":

Прямо перед тем, как мы въехали в прерии, возница, управлявший моим фургоном, так резко повернул, что едва не убил мою старшую дочь [Элизу]. Солнце только-только начало садиться, и к тому времени, когда мы починили фургон и снова загрузили в него свои вещи, было уже достаточно темно. Нам предстояло взобраться на холм по довольно крутому склону, поэтому мы решили разбить лагерь прямо здесь, неподалеку от двух хижин, где жили люди. Я сильно изнемог, перегружая свой фургон, а поскольку вечер выдался теплым, то жена уговорила меня не ставить на ночь палатку. Я развел костер у самых корней крепкого, как мне казалось, дерева, мы легли и крепко заснули.

Едва на востоке рассвело, как дерево, рядом с которым мы разожгли костер, рухнуло, причем прямо на нашу третью дочь [Синтию, которой исполнилось бы девять лет], накрыв ее ровно с головы до пят; и я полагаю, что смерть ее была мгновенной. Услышав треск падающего дерева, я вскочил, чрезвычайно встревоженный, и попытался его удержать, прежде чем оно упало на ребенка, но тщетно. Несмотря на постигшее нас несчастье, Бог был милостив к нам, ведь если бы в ту ночь мы поставили палатку, то спали бы в другом месте, и тогда дерево упало бы прямо на нас и погибла бы не только Синтия, но вся семья. Снаружи дерево было прочным на толщину лезвия ножа, тогда как внутри его древесина превратилась в труху; но кто мог это знать!

23 октября 1824 года Питер и Френсис похоронили Синтию возле современного Маклинсборо, штат Иллинойс. С 15 ноября новым домом стал для них Ричланд-Крик, в Иллинойсе, который Питер назвал "милыми равнинами".

Борьба за пост с Авраамом Линкольном

Тридцатидевятилетний Картрайт пользовался всеобщим уважением, и когда проповедовал за кафедрой, и когда участвовал в дискуссиях, и когда выступал в роли публичной фигуры. Несмотря на то, что проблема рабства осталась далеко на юге, в Кентукки, Питер с новыми силами включился в борьбу за права человека. В дополнение к своим непосредственным обязанностям старшего пресвитера и хозяина фермы, он выставил свою кандидатуру на выборах в Генеральную ассамблею Иллинойса. В 1826 году Картрайт пришел к финишу четвертым из одиннадцати участников, боровшихся за три места. В 1828 году он победил, в 1830-м уступил и снова выиграл в 1832 году, на этот раз, оставив позади себя столь уважаемого оппонента, как Авраам Линкольн. Питер заявил о своем участии также и в выборах 1834 года, но незадолго до голосования снял свою кандидатуру, позволив, таким образом, Линкольну добиться своей первой политической победы. В 1835 году проповедник баллотировался в члены сената штата, но уступил Джобу Флетчеру. Впоследствии Линкольн участвовал в выборах в Генеральную ассамблею в 1836, 1838 и 1840 годах, неизменно побеждая — Питер не соперничал с ним ни в одних из этих выборов. После этого ни Картрайт, ни Линкольн не участвовали в выборах вплоть до 1846 года, пока оба не сошлись в борьбе за место в американском Сенате. Во время одного из своих служений Питер снова столкнулся с будущим президентом Соединенных Штатов, но на этот раз не столь успешно. Как известно...

...во время своей кампании Линкольн посетил религиозное собрание, где должен был проповедовать Картрайт. Во время этого собрания Картрайт провозгласил: "Пусть встанут все, кто желает обрести новую жизнь, отдать свои сердца Господу и отправиться на небеса". Несколько человек поднялись со своих мест. Затем проповедник, повысив голос, громогласно воззвал: "Пусть встанут те, кто не желает идти в ад". Встали все, за исключением Линкольна. Моментально обратив на это внимание, Картрайт торжественно заявил:

"Я вижу, что некоторые из вас ответили на первый призыв отдать свои сердца Господу и отправиться на небеса, и я также вижу, что все вы, за исключением одного человека, дали понять, что не желаете попасть в ад. Единственным исключением является мистер Линкольн, который не ответил ни на один из адресованных ему призывов. Могу ли я узнать, мистер Линкольн, куда же пойдете вы?".

Линкольн медленно поднялся, взгляды всех присутствующих были прикованы к нему. "Я пришел сюда, - сказал он, - как слушатель. И я не думал, что брат Картрайт таким вот образом поднимет меня. Я считаю, что к религиозным вопросам надлежит относиться с полной серьезностью. Признаю, что вопросы, поднятые братом Картрайтом, чрезвычайно важны, но я не ощутил призыва ответить на них так, как ответили остальные собравшиеся. Брат Картрайт прямо спрашивает меня о том, куда я иду. Желаю ответить ему с такой же прямотой: я иду в Конгресс!".

Так он и сделал, обойдя Картрайта на 1511 голосов.

В ходе дебатов Питер обвинил Линкольна в том, что тот является неверующим или же, в лучшем случае, деистом. В напечатанном памфлете Линкольн возразил, что, несмотря на отсутствие членства в какой-либо церкви, он "никогда не отрицал истинности Священного Писания". Этот ответ, казалось, вполне удовлетворил избирателей, и поднятый Картрайтом вопрос не повредил его сопернику. Позже Линкольн так объяснил свою позицию конгрессмену Генри К. Демингу:

Когда какая-либо церковь высечет на своем алтаре в качестве единственного условия членства... слова Спасителя, касающиеся как Закона, так и Евангелия: "Возлюби Господа Бога твоего всем своим сердцем, и всей своей душой, и всем своим разумением, и ближнего своего, как самого себя", к этой церкви я присоединюсь всем сердцем и всей душой.

Христианская вера Линкольна засвидетельствована им во многих дошедших до нас документах - достаточно лишь прочитать выдержки из его публичных выступлений, чтобы увидеть библейское влияние. Возможно, он больше тяготел к кальвинизму, полагая, что вечное спасение зависит, в первую очередь, от Бога, а не от того, встанет он во время собрания или останется сидеть. И хотя оба эти "парня из Кентукки" разделяли веру в единого Бога и одинаково негативно относились к вопросу рабства, кажется, этим их сходство и ограничивалось. Картрайт так навсегда и остался проповедником из лесной глуши - до конца своей жизни он отдавал явное предпочтение эмоциональным, непричесанным проповедям лагерных встреч, с недоверием относясь к стоическому, утонченному и прогрессивному интеллектуализму, представителем которого он считал Линкольна.

Проповеднический стиль Питера

Сохранилось лишь несколько воспоминаний о проповедническом стиле Картрайта, лучшим из которых, возможно, является короткий рассказ "Игривый проповедник" (The Jocose Preacher*), написанный со слов очевидца, участника лагерных встреч 1830-х годов.

* Проповедник, который любит в проповедях шутить.

Рассказ начинается с описания прибытия Питера — он планировал быть на месте еще утром, но его лошадь упала и получила травму. Проповедник мог бы оставить лошадь и остальную часть пути пройти пешком, но вот что он объяснил ожидавшим его слушателям: "У лошадей нет души, которую можно было бы спасти, и потому христиане должны с еще большей тщательностью заботиться об их теле". Когда, наконец, служитель появился, был уже достаточно поздний, но оттого не менее прекрасный летний вечер.

...они уже не знали... что и думать об этом человеке. Он был высок, крепко сложен, массивен и казался еще более огромным, чем был в действительности, из-за венчавшей его голову копны роскошных иссиня-черных волос, ниспадавших длинными вьющимися локонами. Добавьте к этому голову размером с двадцатилитровое ведро, густые брови, а также черты лица, грубые и резкие, как гранит, и пылающие темным пламенем глаза, небольшие и мерцающие, словно бриллианты в море (они действительно были бриллиантами его души, сиявшими в безбрежном море юмора), смуглую кожу, словно опаленную поцелуями солнечных лучей, целеустремленность в линии рта, обрамленного пухлыми губами, всегда немного приоткрытыми, добродушно улыбающимися — и вы получите точный и соответствующий действительности портрет Питера Картрайта, прославленного методистского пресвитера.

Когда пение закончилось, кругом воцарилась абсолютная тишина Взяв за отправную точку отрывок из Евангелия от Марка 8:36 "...Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей по-вредит?" — один из своих любимых библейских отрывков — Питер начал проповедовать. Свидетели называли его проповеди образцом "восхитительной выразительности". Свою проповедь Питер предварил пятнадцатиминутным вступлением, плавно перешедшим в получасовую сатирическую притчу о глупости и близорукости грешника. Дальше он приступил к драматическому описанию всех ужасов ада, завершив свою речь триумфальной картиной небесных радостей, ожидавших тех, кто обратится к Господу.

Слушатели были глубоко тронуты его словами. "Пять сотен человек, многие из которых до того дня были неверующими, ринулись вперед и упали на колени. Собрание продолжалось две недели, и за это время в церковь пришло более тысячи новообращенных". Такова была сила проповеди Питера Картрайта.

Столкновение с Джозефом Смитом

После своего бегства из тюрьмы в Индепенденс, штат Миссури, в апреле 1839 года Джозеф Смит направился в Иллинойс, и там, в классической дискуссии схлестнулся с Питером Картрайтом. Основатель мормонской церкви попытался подружиться с Картрайтом, но тот не захотел об этом даже слышать. В "Автобиографии" Питер описал их первую встречу:

Однажды мне довелось повстречаться в Спрингфилде, тогдашнем центре нашего округа, с Джо Смитом, которому я незамедлительно был формально и официально представлен. Вскоре мы уже вовсю общались на религиозные темы, и прежде всего, непосредственно о мормонах. Он показался мне чрезвычайно безграмотным, а также весьма некомпетентным в вопросах нравственности, но в то же самое время достаточно хитрым и изворотливым.

В первую очередь, он засыпал меня откровенно льстивыми словами, которые употреблял без тени смущения и в огромном количестве. Он выразил свое величайшее и практически безграничное удовольствие в связи с тем, что получил высочайшую привилегию познакомиться со мной, с человеком, о котором он слышал так много замечательного. Более того, он не сомневался в том, что я являлся одним из благороднейших Божьих созданий, человеком кристальной честности. Он полагал, что среди всех церквей в этом мире методистская находилась ближе всех к истине, и что бы ни делали ее служители, все это было правильно. Но они остановились в нескольких шагах от полноты истины, не пожелав протянуть руку и обрести дар иных языков, дар пророчества и чудотворения, после чего Смит процитировал некоторые места из Писания для обоснования своей позиции. В целом, с этой задачей Джо справился неплохо, если принять в расчет все его недостатки. Я бросил ему канат, как говорят моряки, потому что в какой-то момент вся эта его елейная лесть и красноречие действительно показались моей душе весьма и весьма приятными.

"На самом деле, - разглагольствовал Джо, - стоит методистам сделать лишь один или два шага вперед, и они покорят мир. Мы, Святые последних дней, являемся методистами, только продвинувшимися немного дальше, поэтому, если вы примете мое предложение о сотрудничестве с нами, мы сможем пробудить не только методистскую церковь, но и все остальные, и люди будут смотреть на вас, как на одного из величайших пророков Господних. Вас будут чтить бесчисленные тысячи христиан, и вы будете иметь в этом мире все, чего только ни пожелаете".

После этих слов я начал расспрашивать его о некоторых особенностях верований Святых последний дней. Он объяснял мне, в то время как я неустанно развенчивал все его объяснения, пока, к сожалению, между нами не завязался горячий спор и он хитро заключил, что его первый укус не навредит мне, ибо он четко видит, что его лесть не затмит моего здравого рассудка и не заставит поступиться своими принципами. После этого он попытался запугать меня, говоря, что во все времена о хорошем и правильном люди нередко говорили злые вещи и что очень опасно для человека противиться Богу.

"Теперь же, - сказал он, — если вы отправитесь со мной в Науву, я покажу вам множество живых свидетельств того, что люди обретали исцеление от слепоты, хромоты, глухоты, немоты и прочих недугов, которым подвержена человеческая плоть. Также я покажу вам, что мы обладаем даром иных языков и что святые могут пить любые известные яды, оставаясь невредимыми. А всевозможные истории, которые вы могли слышать о нас, явля ются не чем иным, как самым обыкновенным предубеждением". После этих слов я рассказал ему о встрече с некоторыми из его мормонов, которая произошла незадолго до этого на лагерном собрании в Морган-Каунти, заверив его, что сказанное мною могут подтвердить тысячи присутствовавших там свидетелей. Лагерные встречи собирали толпы людей, давая возможность проводить среди них обширную духовную работу. В субботу собрание посетили двадцать или даже тридцать мормонов. В перерыве, после одиннадцатичасовой проповеди, все они собрались возле лагеря и начали петь, причем пели превосходно.

Как только люди закончили обедать, они сразу же потянулись туда, чтобы услышать эти песнопения, и вскоре там собралась большая толпа. Я был занят решением организационных вопросов, связанных с нашим собранием. Наконец я закончил, удостоверившись в том, что мы четко придерживаемся заранее согласованного плана. В это время пожилая мормонская леди начала кричать, после чего закачалась и упала на руки своему мужу. Мужчина заявил собравшимся, что его жена впала в транс и что, очнувшись, она заговорит на незнакомом языке, а он будет переводить сказанное ею. Эти слова заметно заинтересовали зрителей, коих собралось еще больше. Вскоре пожилая леди поднялась, и начала достаточно уверенно говорить на незнакомом языке.

В этот момент происходившее и привлекло мое внимание. Я сразу понял, что все эти действия имели цель привлечь внимание к мормонам, разрушив целостность нашего собрания. Быстро подойдя к толпе, я попросил людей расступиться и пропустить меня к этой женщине, которую муж

держал на руках. Взяв ее за руку, я приказал ей немедленно прекратить это бессмысленное бормотание и больше не вытворять здесь ничего подобного, назвав это богохульной бессмыслицей. Я весьма резко прервал ее говорение на незнакомом мне языке. Она открыла глаза, взяла меня за руку и произнесла:

— Мой дорогой друг, у меня есть послание, адресованное Богом непосредственно вам.

Я тут же прервал ее:

— Мне не нужны ваши послания. Если Бог не в состоянии говорить через лучшего посредника, чем лицемерная и лживая женщина, я вполне обойдусь без этого.

Ее муж, который должен был стать толкователем этого послания, в ярости закричал:

— Сэр, это моя жена, и я буду защищать ее, даже с риском для своей собственной жизни.

— Сэр, это моя лагерная встреча, - ответил я, - и я буду следить за порядком здесь даже с риском для своей собственной жизни. Если это ваша жена, заберите ее отсюда домой и постарайтесь уложиться в пять минут, или же я распоряжусь задержать вас. Пожилая леди быстро вскочила и исчезла в толпе, а ее муж начал осыпать меня бранью.

— Больше ни единого оскорбления, - остановил я его. — Я нисколько не сомневаюсь в том, что вы являетесь старым вором, и если посмотреть на вашу спину, там наверняка найдутся шрамы, оставленные хлыстом, которым вас наказывали за совершенные злодеяния.

И будучи абсолютно уверен, как если бы вдохновение мне было дано свыше, в том, что в каком-то из старых штатов старика наказали хлыстом за воровство, я могу сказать вам, что старик начал думать, будто бы видения были не только у его жены, но и у других людей, однако он абсолютно не горел желанием интерпретировать мой незнакомый язык. В довершение ко всему вперед вышел какой-то молодой джентльмен и сказал, что нисколько не сомневается в истинности сказанных мною слов еще и потому, что сам недавно поймал этого старика за руку, когда тот воровал кукурузу у его отца. К тому моменту мужчина был уже настолько перепуган и обеспокоен, что на его лице выступили крупные капли пота, и он взмолился:

— Не толпитесь так вокруг меня, джентльмены; здесь и без того слишком жарко.

— Расступитесь, джентльмены и пропустите его, — сказал я; когда же перед ним открылся путь, я закричал: - А теперь вперед, и больше не показывайся здесь ни ты, ни другие мормоны. Если же вы не послушаете меня, вас будет ждать суд Линча.

Они все тут же исчезли, и наше собрание благословенно продолжилось, и многие люди пришли к Богу, а церковь в значительной степени оживилась и укрепилась в своей святой вере. Мой собеседник Джо Смит во время моего повествования вел себя очень нервно. Когда же я закончил, его гнев вырвался наружу, он проклял меня именем Бога и буквально прокричал:

— Вы увидите, сэр, что я создам такое правительство в этих Соединенных Штатах, которое свергнет сегодняшнюю власть, и моя новая религия затмит собой любую другую религию в этой стране!

— Да. Моя Библия говорит мне о том, - ответил я, - что те, у кого руки по локоть в крови, а уста полны лжи, не проживут и половины своих дней. И я полагаю, что по прошествии некоторого количества этих дней Господь пошлет за вами дьявола, который и заберет вас с земных путей.

— Нет, сэр, — возразил он, — я буду жить и благоденствовать, тогда как ваши грехи однажды погубят вас.

— Что ж, сэр, — ответил я, — если вы действительно желаете жить и благоденствовать, вам следует как можно скорее прекратить свои отвратительные блудодеяния!

На том мы и расстались, чтобы больше ни разу не встретиться; ибо спустя несколько лет после нашего разговора разгневанные люди, которым Смит причинил немалый вред, взяли суд в свои собственные руки и убили его, навсегда изгнав мормонов из своего штата.

Проповедник, с чьих уст не слетают пустые слова

Несмотря на свое увлечение политикой, Питер Картрайт до конца жизни оставался преданным Богу проповедником, регулярным участником лагерных встреч. Но чем старше он становился, тем меньше в нем оставалось терпимости по отношению к различного рода клеветникам и негодяям, беспардонно пытавшимся нарушать ход проводимых им собраний. Во время одной из лагерных встреч, организованной на берегу реки Камберленд, группа таких нечестивцев попыталась сорвать

собрание. Прямо посреди проповеди Питера один из предводителей этой группы вышел вперед и закричал выступающему: "Сейчас же замолчи!". Картрайт попросил у своих слушателей позволения уделить зачинщику беспорядка несколько секунд. Сняв свой пиджак, он спустился с помоста прямо к грубияну. Одним ударом он свалил его наземь, после чего обрушил на него целый град ударов, успокоившись лишь тогда, когда тот взмолился о пощаде. После этого Питер сказал своему обидчику, что не отпустит его до тех пор, пока он не покается. Когда мужчина это сделал, Питер отправил его в "молитвенный уголок", чтобы там он молился вместе с теми, кто желает обрести спасение. Затем, отряхнув свою рубашку, он вернулся за кафедру и надел пиджак. Окинув взглядом аудиторию, проповедник как ни в чем не бывало произнес: "Как я и говорил, братья..."35, после чего продолжил свою проповедь.

Со временем лагерные встречи стали привлекать людей разного толка, из-за чего зачастую они стали ассоциироваться со всевозможными пороками, но также победой над ними. Торговцы спиртным, картежники и пьяницы постоянно околачивались возле лагеря, поджидая нестойких участников собраний. Злопыхатели даже говорили, что во время лагерных встреч больше людей попадало в сети дьявола, чем обретало спасение. Картрайт, естественно, был обеспокоен этим и изо всех сил пытался положить конец проискам нечестивцев. Во время одной из лагерных встреч в 1841 году он столкнулся с группой провокаторов, которых поддерживал местный шериф.

Питер спустился с помоста прямо к грубияну и обрушил на него целый град ударов, успокоившись лишь после того, как тот взмолился о пощаде.

Когда звук трубы позвал нас к помосту, я призвал собравшихся к порядку. Я сказал, что мой отец участвовал в Войне за независимость, сражаясь за те свободы, которыми мы сейчас наслаждаемся, и свобода была лучшим из того, что досталось мне от него в наследство. Также я сказал, что я, как один из тех, кто отвечает за организацию и проведение этого собрания, буду поддерживать порядок даже с риском для собственной жизни, если в этом меня поддержат остальные сторонники порядка и те, кому по должности положено следить за соблюдением закона. Мое обращение коснулось тех, кому порядок был небезразличен, и они поддержали меня, выразив готовность предоставить любую необходимую помощь. Однако торговцы виски и прочие пьяницы как ни в чем не бывало продолжали свои темные делишки. Некоторые из них вскоре напились и очень сильно мешали нашему богослужению. Я незамедлительно принял необходимые меры и велел взять под арест некоторых из этих торговцев и пьяных дебоширов, но все эти негодяи сбились в кучу и вырвали одного из торговцев, а также его фургон и подельников из рук представителя закона. Офицер примчался ко мне и сообщил о бунте, о том, что у него отбили торговца виски и позволили ему уйти. (Он показался мне очень испуганным.) Я вызвался ему помочь, взяв с собой еще пятерых мужчин, чтобы задержать нарушителя вопреки бунту любой толпы. Мы погнались за ними и остановили всю шайку. Главный зачинщик беспорядков выхватил пистолет и велел нам остановиться, угрожая, что застрелит первого, кто прикоснется к нему. Как только я и еще один мужчина из числа прибывших со мной бросились к нему, он выстрелил в моего товарища, но промахнулся. Рванувшись к нему, я схватил его за ворот и сбросил с повозки, на которой он стоял среди своих бочонков. Он рухнул на четвереньки. Тогда я прыгнул на него и заявил, что он арестован и что в случае сопротивления будет только хуже. Шериф этого округа, поддерживающий торговца, подбежал ко мне и приказал отпустить арестованного. Я отказался это сделать. Он пригрозил мне, обещая применить силу. Я посоветовал ему хорошенько прицелился, потому что следующий удар будет за мной. Наш офицер приказал мне взять шерифа, что я и сделал. Сначала он сопротивлялся, но вскоре вынужден был окончательно сдаться.

Торговца виски, шерифа и тринадцать участников беспорядков мы отвели в магистрат, чтобы они больше не мешали нам. В суде им выписали денежные штрафы. Некоторые из них заплатили сразу, тогда, как другие подали апелляции. Эти апелляции нас также удовлетворили, потому что задержанные вынуждены были оставить залоги, покрывавшие штраф и прочие расходы, которые некоторые из них были не в состоянии оплатить.

На какое-то время это умерило их пыл, но вскоре они пришли снова, чтобы мешать Божьей работе. Был один мужчина, весьма беспокойный приятель, продававший виски всего лишь в четверти мили

от нашего лагеря. Он часто создавал нам серьезные проблемы, торгуя спиртным прямо во время наших собраний. Как правило, он был вооружен, чтобы держать на почтительном расстоянии представителей закона. Я послал за ним констебля, однако у торговца был заряженный мушкет, и он не собирался сдаваться. Целую ночь возле него гудело веселье, однако под утро все его друзья разошлись в поисках ночлега. Он же завалился спать в фургоне, положив рядом с собой заряженный мушкет. На рассвете я перешел вброд ручей и подкрался к его фургону. Он все еще спал. Я пролез внутрь и забрал его ружье и амуницию, затем ударил стволом мушкета в стенку фургона и закричал: "Вставай! Вставай!". Он вскочил на ноги и лихорадочно принялся искать свое оружие. "Ты теперь мой пленник, - сказал я, - если будешь сопротивляться, то ты покойник!" Он умолял меня не стрелять и сказал, что сдается. Я приказал ему выйти из фургона и под дулом ружья направиться в сторону нашего лагеря, где его будут судить за нарушение порядка и закона страны. Он стал умолять меня еще сильнее, обещая, что если я отпущу его, то он соберет все свои вещи и немедленно уедет и больше сюда не сунется. Я приказал ему запрягать своих лошадей и убираться прочь. Он так и сделал. Когда он был уже готов, я высыпал его порох, разрядил мушкет и вернул ему; после этого он уехал и больше нас не беспокоил.

Последние годы Питера

В 1856 году Питер издал "Автобиографию Питера Картрайта, проповедника из лесной глуши" (Autobiography of Peter Cartwright, The Backwoods Preacher), ставшую бестселлером во время одного из величайших периодов в истории американской литературы, когда были написаны такие замечательные произведения, как "Моби Дик" Германа Мелвилла, "Вальден" (Walden) Генри Дэвида Торо, "Багряное письмо" (The Scarlet Letter) Натаниэля Хоуторна и "Стеклянные листья" (Leaves of Glass) Уолта Уитмана. Книга Картрайта популярна и доныне: в ней прекрасно описаны приграничная жизнь, лагерные встречи в Кентукки, а также чрезвычайно интересная и полная ярких событий жизнь Питера, проповедовавшего на Диком Западе в начале XIX века. При чтении его автобиографии неизменно возникает ощущение того, что Питер действительно был одной из легенд того времени, когда американский "запад" все еще находился к востоку от реки Миссисипи. Эта книга, однако, не стала его единственным литературным наследием; среди прочего, в 1871 году он написал "Пятьдесят лет на посту старшего пресвитера" (Fifty Years as a Residing Elder).

В конце концов, в 1869 году Картрайт решил прекратить свои миссионерские поездки. Согласно дошедшим до нас сведениям, свой земной путь Питер закончил, изнуренный старческими недугами. Он пытался продать свой участок земли человеку, который считал, что старик делает это из-за того, что выжил из ума. Но, прежде чем сделка состоялась, в три часа дня 25 сентября 1872 года Картрайт отошел в мир иной, не дожив нескольких недель до своего восемьдесят седьмого дня рождения. Точная причина его смерти не установлена.

Проповедническая деятельность Питера Картрайта не только способствовала утверждению методизма, но также привела к покаянию приблизительно 10 тысяч человек. Эта цифра впечатляет, если учесть, что речь идет о человеке, большую часть времени проповедовавшего в сельской местности перед небольшими аудиториями. За шестьдесят семь лет своего служения он произнес почти 15 тысяч проповедей. Питер Картрайт был проповедником, достигшим несравнимо больших успехов, чем Даниэль Бун или Дэвид Крокетт. С Божьей помощью он покорил Дикий Запад, что было не под силу никому другому.

Глава 7

Чарльз Финней
(1792 -1875)

"*Отец современного Возрождения*"

"ОТЕЦ СОВРЕМЕННОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ"

Верующие люди, неужели вы думаете о том, как бы преумножить свои земные богатства, при этом совершенно забывая о душах? Берегитесь, чтобы не потерять эти души безвозвратно! Говорите ли вы: "Я думал, что они все это знают"? Они ответят вам так: "Я не предполагал, что вы сами верили хотя бы одному этому слову. Вы не вели себя соответствующим образом. Вы идете на небеса? Что ж, а я — прямо в ад! Никто мне сейчас не поможет. Вы иногда будете думать обо мне, видя дым моего отчаяния, темным облаком возносящийся к наполненным славой небесам. После того как я проведу там много, очень много времени, иногда вы можете вспомнить, что я, живший однажды бок о бок с вами, нахожусь там. О, помните, вы не сможете уже тогда за меня молиться; но вы будете помнить, что однажды вы могли предупредить и спасти меня.

— Чарльз Дж. Финней

На заре промышленной революции в Америке Чарльз Финней коснулся сердец жителей Соединенных Штатов и Западной Европы так глубоко, как никто другой из проповедников. Благодаря его служению более полумиллиона человек обрели спасение, а его методы и доктрины заложили основание служений возрождения, какими мы их сегодня знаем. Святой Дух неустанно действовал через него, преображая духовный климат Новой Англии, вытесняя бесплодный кальвинизм и заполняя освободившееся пространство наступательным евангелизмом. Проповеди Финнея стали катализатором второго Великого пробуждения, объединившего Соединенные Штаты в переломный период истории - между войной 1812 года и Гражданской войной. Его вполне можно назвать наиболее влиятельным американским проповедником XIX века, а также одной из значимых фигур истории в первое столетие существования независимой американской нации. Кроме того, Финнея можно назвать наиболее новаторским и помазанным проповедником, которого когда-либо видел мир.

Неиспорченный молодой язычник

Чарльз Грэндисон Финней появился на свет в Уоррене, штат Коннектикут, 29 августа 1792 года (спустя год после смерти Джона Уэсли), став седьмым ребенком Сильвестра и Ребекки Финней. Его имя было взято из популярного романа Сэмюэла Ричардсона "Сэр Чарльз Грэндисон" (Sir Charles Grandison), повествующем о судьбе английского аристократа.

К моменту рождения Чарльза у Сильвестра и Ребекки уже было четыре дочери - Сара, Дотия, Зенас и Хлоя, и два сына - Сильвестр-младший и Гарри. Когда Чарльзу было около двух лет, его семья переехала в округ Онейда, штат Нью-Йорк, который в то время был еще довольно дикой и глухой местностью. Там в 1795 году появился на свет Джордж Вашингтон Финней, а затем, в 1802 году, и его младший брат Сильвестр Райс Финней. Сильвестр-младший умер незадолго до рождения Сильвестра Райса; к сожалению, последний также скончался в 1808 году.

Сильвестр-старший был фермером. Во время Войны за независимость он сражался в рядах ополченцев. За годы, проведенные в родительском доме, Чарльз не получил практически никакого религиозного образования. Мальчик ни разу не слышал, чтобы его отец молился дома; Библию же он впервые открыл лишь в двадцать девять лет. Жители той местности не увлекались религиозными книгами; к тому же поблизости не было ни одной церкви. Подобно многим своим соседям, родители Чарльза не исповедовали никакой религии. Несмотря на то, что странствующие проповедники-методисты время от времени выступали в местной школе, имевшей одну-единственную комнату, в большинстве своем это были люди необразованные, неспособные добиться внимания слушателей. Западный Нью-Йорк в те времена был известен как "выжженная земля", потому что в тех местах побывало так много проповедников, что местные жители просто перестали серьезно воспринимать их слова.

Именно в такой атмосфере рос и получал образование Чарльз. Когда ему исполнилось пятнадцать-шестнадцать лет, он знал уже достаточно много для того, чтобы занять место учителя в крохотной местной школе. Приблизительно в эти годы семья Финней переехала снова, на этот раз, поселившись в бухте Хендерсона на берегу озера Онтарио. Округ Онейда, возможно, стал слишком "цивилизованным" местом для Сильвестра Финнея.

Оказавшись на новом месте, Чарльз вскоре нашел школу, которой тРебовался учитель, и был принят на работу. Из любви к музыке, едва у него появились деньги, юноша купил себе виолончель. Будучи высоким (под метр девяносто ростом), Чарльз оказался также замечательным спортсменом. Его внук впоследствии следующим образом описывал этот период в жизни знаменитого деда:

В свои двадцать лет он превосходил любого мужчину или парня, когда дело касалось тяжелого труда или занятий спортом. Никто не мог побороть его, никто не мог сбить с него шляпу, никто не мог бегать быстрее, прыгать дальше и выше или же бросать мяч с большей силой и точностью.

Ученики обожали своего наставника, потому что он охотно участвовал в их состязаниях, причем с неизменным успехом. Поскольку его семья жила теперь у озера, Чарльз с удовольствием занялся греблей, плаванием и хождением под парусами, преуспев во всем этом. Его жизнь, по сравнению с жизнью других жителей пограничья, была чистой и ничем не замутненной - нравственной настолько, насколько это возможно для человека, не знающего Бога.

Желание служить на флоте

Вскоре после того как недавно образованные Соединенные Штаты в 1812 году вступили во вторую войну с британцами, Чарльз отправился в Сакетс-Харбор с намерением служить в военно-морском флоте. Но, оказавшись там, он услышал столько ругательств и сквернословия, сколько не слышал, наверное, за всю свою жизнь. Приставшие к нему смазливые молодые проститутки в гораздо большей степени отталкивали, чем привлекали его. Об одном из таких случаев опять же рассказывает его внук:

Чарльз с удивлением посмотрел на нее, но когда до него дошел смысл ее просьбы, он настолько проникся жалостью к ней... что его щеки зардели, и прежде чем он успел взять себя в руки, из его глаз хлынули слезы... Устыдившись, девушка также заплакала.

Об этом происшествии он вспоминал даже пятьдесят пять лет спустя, горько сожалея, что в тот момент не мог предложить девушке спасительную Божью благодать, потому что сам он в то время еще не знал Господа.

Эта атмосфера произвела на юношу столь гнетущее впечатление, что он решил отказаться от службы на флоте и вместо этого вернуться в Коннектикут, на свою родину. В конце концов, он оказался в одном из городов штата Нью-Джерси, недалеко от Нью-Йорка, где продолжил учить детей, а также занялся своим собственным образованием, изучая латинский, еврейский и греческий языки. (Несмотря на это, сам он позже признавал: "Я... никогда не знал древних языков так хорошо, чтобы полагать, будто бы могу компетентно критиковать наш английский перевод Библии".) Дважды Чарльз возвращался в Новую Англию, кроме того, какое-то время сам посещал среднюю школу. В эти годы он впервые попал на религиозные служения, но проповеди показались молодому человеку сухими и пресными; они не произвели "никакого впечатления на мой разум"4. Он также одно время подумывал поступить в Йельский колледж, но знакомый учитель убедил молодого человека в том, что он только напрасно потратит время. Учитель полагал, что за два года самостоятельных занятий Чарльз сумеет приобрести столько же знаний, сколько за четыре года обучения в Йеле, и при этом сэкономит много денег.

Право и Библия

В 1818 году родители Чарльза убедили сына поступить на работу в адвокатскую контору судьи Бенджамина Райта, которая располагалась в Адамсе, штат Нью-Йорк, недалеко от их дома (вместо того чтобы ехать на юг и преподавать там в академии, где трудился тот самый учитель, который отговорил его от поступления в Йель). Несмотря на отсутствие юридического образования, молодой Чарльз страстно желал овладеть профессией юриста.

Именно в Адамсе Финней повстречал преподобного Джорджа У. Гейла, пастора городской пресвитерианской церкви. И хотя проповеди Гейла не особо трогали юношу, тем не менее, он часто обсуждал их с пастором. Чарльз был полон решимости разобраться в том, что он слышал, но беседы с Гейлом только вызывали у него новые вопросы. Пастор считал Финнея человеком, хорошо осведомленным в вопросах религии, но мало восприимчивым к ней. Когда члены церкви хотели начать молиться за покаяние Чарльза, пастор отговорил их, полагая, что юноша вряд ли когда-нибудь обретет спасение, ведь он только и делал, что оспаривал церковную доктрину. Тем не менее, вопреки сомнениям Гейла, Финней регулярно посещал еженедельное молитвенное собрание, проводившееся недалеко от адвокатской конторы, где он работал. Каждый раз, когда у Чарльза появлялось свободное время, он приходил в церковь и слушал молитвы. Эти посещения повлияли на него столь же сильно, как и общение с пастором, - но опять же у Чарльза возникало гораздо больше вопросов, чем он находил ответов.

Неотвеченные молитвы серьезно соблазняли Чарльза, едва не отвратив его от христианства.

Изучая право, Финней начал замечать, что многие авторы снова и снова ссылались на Библию как на авторитетный источник, на котором было основано немало важных законов. Все это настолько возбудило его любопытство, что он не выдержал и купил свою первую Библию. После этого, встречая нормативные акты, ссылавшиеся на отрывки из Священного Писания, он проверял ссылки и знакомился с их библейским контекстом. Несмотря на то, что Чарльз многого еще не понимал, он все больше и больше погружался в чтение Библии, причем с неослабевающим интересом.

Слово начинает действовать

Финней описывал влияние Библии на свою душу следующими словами:

Читая свою Библию и посещая молитвенные собрания, слушая проповеди мистера Гейла и общаясь с ним, а также время от времени с церковными пресвитерами и другими верующими, я забывал обо всем на свете. После непродолжительных размышлений я пришел к выводу, что я, несомненно, мысленно желал после смерти отправиться на небеса. Мне казалось, что в религии должно быть что-

то чрезвычайно важное; и уже совсем скоро глубоко внутри я понял, что, если душа человеческая бессмертна, мне необходимо серьезно изменить свое внутреннее состояние, чтобы подготовиться к вечной радости там, на небесах... Вопрос этот являлся для меня слишком важным, чтобы я и далее мог позволить себе пребывать в каком-либо неведении на сей счет.

Однако Чарльзу не давал покоя один серьезный вопрос, ставший для него камнем преткновения: дело в том, что, насколько он знал, ни на одну из молитв, произнесенных во время еженедельных молитвенных встреч, так и не пришло ответа. Читая Библию, он наткнулся на следующие слова из Евангелия от Луки 11:9-10: "И Я скажу вам: просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят". Он увидел, что Бог желал дать просящим Свой Святой Дух гораздо сильнее, чем родители — делать добро своим детям. Тем не менее, неделю за неделей слыша молитвы, которые верующие искренне возносили к небесам, он абсолютно не видел ответа на них. Это противоречие настолько терзало душу Чарльза, что едва не отвратило его от Библии и христианства.

Когда же разочарование Финнея в христианстве стало столь явным, что его невозможно стало скрывать, участники еженедельных молитвенных собраний предложили молиться за него. На эти предложения он ответил:

Думаю, за меня нужно молиться, ибо я прекрасно понимаю, что являюсь грешником. Но я не вижу никакой пользы в том, чтобы вы молились за меня, так как вы постоянно просите, но не получаете ничего в ответ на свои мольбы. Вы молились за духовное возрождение с того самого момента, как я появился в Адамсе, но все еще его не получили. Вы молились о том, чтобы Дух Святой сошел на вас, и, тем не менее, продолжаете жаловаться на свою убогость... С тех пор как я посещаю эти собрания, вы молились так много, что давным-давно смогли бы навсегда изгнать дьявола из этого города, если бы только ваши молитвы имели силу. Но вы все молитесь и молитесь и продолжаете жаловаться.

Несмотря на резкость суждений, Чарльз никого не хотел оскорбить. Они стали лишь одним из проявлений его искреннего стремления найти ответы на мучившие его вопросы. Он не находил себе места, понимая, что больше всего на свете нуждается в Спасителе, но, к сожалению, не мог найти человека, который сумел бы объяснить ему, как нужно этого Спасителя искать.

Кальвинистские барьеры на пути к Богу

Одним из вопросов, не дававших Чарльзу покоя, был вопрос, который уже вбил когда-то клин между Джорджем Уайтфилдом и братьями Уэсли. Несмотря на произошедшие во время первого Великого пробуждения события, церкви Новой Англии - особенно пресвитерианские - твердо придерживались кальвинистского учения. Церковные служители проповедовали Божье верховенство во всем - и прежде всего, в вопросе спасения. Соответственно, люди, получившие спасение, были "избранными", "предопределенными" через крест ко спасению, так как жертва Иисуса покрывала только их грехи. Иисус умер исключительно ради этих избранных. Таким образом, ни один человек не мог быть до конца уверенным в своем спасении, которое зависело только от Божьей воли.

От каждого человека ожидалось, что он будет вести святую жизнь пред лицом Святого Бога, зная, что его непослушание неизбежно вызовет гнев Божий, столь ярко описанный Джонатаном Эдвардсом и его последователями. Но эти люди, к сожалению, очень мало знали о том, как принимать Божью любовь и ниспосылаемую Им милость. Они возлагали свои надежды лишь на то, что сумеют праведно прожить жизнь и унаследуют спасение, и без того уже предназначенное им свыше; или же, в худшем случае, постараются наилучшим образом провести свою земную жизнь, перед тем как сойти в справедливо заслуженную преисподнюю. Спасение было чудом, исходящим от Бога, а оно не имело ничего общего с какими-либо человеческими действиями.

В то время как Чарльз пытался узнать как можно больше о спасении, кальвинисты, у которых он искал ответа, предлагали ему только доктрину. Они знали, как надо молиться, но при этом были уверены, что их молитвы никоим образом не влияют на Божью волю, ведь все, чему следовало произойти, было предначертано еще до сотворения мира. Иными словами, верующие не ждали и не верили, что Бог когда-либо сделает то, о чем они Его просили. Они умели просить, но при этом не имели ни малейшего представления о том, как получить просимое.

Когда же Финней применил к прочитанному в Библии ту же логику, которую он использовал при рассмотрении судебных дел, он увидел, что главная ошибка кальвинистов заключалась в том, что

они верили не Библии, а тому, что провозглашалось с кафедры. Он понимал, что, если Бог добрый и праведный Судья и если Библия является Его записанным Словом и законом для всего человечества, тогда кальвинисты находятся в большом заблуждении. Придя к этому выводу, он понял, что стоит перед выбором: "принять Христа таким, каким Он представлен в Евангелии, или же просто жить мирской жизнью".

Является ли Бог выдумкой?

Субботним вечером в октябре 1821 года двадцатидевятилетний Чарльз решил раз и навсегда разобраться с вопросом будущего своей души. Либо он наконец обретет мир с Богом, либо же Бог является не чем иным, как выдумкой, а Библия — фальшивкой. А поскольку в церкви Чарльз не находил ответов на мучившие его вопросы и членство там не приносило ему никакой практической пользы, он понял, что ответы найдет в тщательном изучении Библии и поиске Бога в молитве. Несмотря на то, что Чарльз по-прежнему вынужден был много времени проводить в адвокатской конторе, он решил максимально отодвинуть работу в сторону до тех пор, пока эта проблема не будет решена.

Странным было то, что принимая это решение, Чарльз внезапно ощутил робость и стыдливость, которые охватывали его в те моменты, когда люди видели его с Библией или слышали, как он молился. Купив свою первую Библию, он вначале открыто читал ее на работе и даже оставлял на видном месте во время встреч с клиентами. Теперь же, стоило кому-либо переступить порог его кабинета, как он тут же прикрывал Библию каким-нибудь сводом законов, чтобы утаить ее от посторонних глаз. Во время молитвы он даже затыкал замочную скважину и обращался к Богу едва уловимым шепотом — из страха, что кто-то услышит, как он молится о спасении собственной души. Понедельник и вторник той недели он провел в страшном отчаянии; во вторник вечером его буквально парализовал страх, вызванный мыслями о том, что после смерти он отправится прямиком в ад из-за своей неспособности возопить к Богу, чтобы Тот смилостивился над ним.

Утром в среду, 10 октября 1821 года, Чарльз готовился к началу нового рабочего дня, все еще размышляя над всеми этими вопросами. Но как только он закончил, внутренний голос неожиданно спросил его: "Чего же ты ждешь? Разве ты не пообещал отдать Богу свое сердце? И что же ты сейчас пытаешься сделать? Ты все еще надеешься самостоятельно обрести праведность?".

Ответ на все эти вопросы пришел столь же неожиданно:

В этот самый момент все, что было так или иначе связано с евангельским спасением, открылось мне наиболее удивительным в тот момент образом. Думаю, именно тогда я увидел - четко, как никогда раньше - всю реальность и полноту искупительной жертвы Христа. Я увидел, что Его работа была завершена и что вместо поисков собственной праведности или потребности в ней я должен был лишь смиренно подчиниться праведности Божьей через Иисуса Христа. Евангельское спасение показалось мне предложением, от которого невозможно отказаться, полным и завершенным. С моей же стороны требовалось лишь желание отречься от своих грехов и принять Христа. Спасение, как открылось мне, не зарабатывалось тяжелым непосильным трудом, а полностью и легко достигалось через Иисуса Христа, являвшегося одновременно моим Господом и Спасителем.

Не отдавая себе отчета, я замер посреди улицы именно там, где меня остановил внутренний голос. Сколько я так простоял, трудно сказать, но вскоре после того, как мне открылась эта замечательная мысль, возник другой вопрос: "Готов ли ты сегодня, прямо сейчас принять спасение?". Я ответил: "Да, я сегодня же приму его или умру, пытаясь сделать это".

К северу от города располагался небольшой лес, где в хорошую погоду Финней прогуливался почти каждый день. Вместо того чтобы идти на работу, он направился в сторону от города с его любопытными зеваками прямиком в лес, где можно было упасть на колени и молиться так громко, как ему хотелось. Все еще сильно переживая, чтобы кто-нибудь не увидел его направляющимся в лес, он, крадучись, шел в тени забора, пока, наконец, не выбрался из города и не скрылся под сенью деревьев. После этого Чарльз углубился в лес приблизительно на четверть мили, взобрался на небольшой холм и нашел там место, где несколько деревьев, упав друг на друга, образовали почти непроницаемое ограждение. Здесь он и принял решение: "Или я отдам свое сердце Богу или же никогда не покину этого места". Эти слова снова и снова пронзали его разум. Он забрался в свое укрытие, опустился на колени и приготовился к молитве.

Молитва, однако, все никак не клеилась. Он что-то пробормотал, но почувствовал, что его слова были сухими, бездушными. Каждый раз, слыша шелест листьев, он поднимал голову в страхе, что за ним кто-то наблюдает. Постепенно Чарльз начал приходить в отчаяние, думая, что каким-то образом он упустил милость Божью и теперь ему не на что рассчитывать. Он чувствовал себя глупо, смущенно и обескуражено, но все же решил до конца держаться данного им обещания ни за что не повидать этого места таким, как раньше.

Когда Финней открыл свое сердце,
Бог наполнил его обетованиями из Своего Слова.

И снова, услышав шум, он поднял глаза, чтобы взглянуть, не следит ли кто-нибудь за ним, и в тот же миг увидел свою гордыню. Он гораздо больше опасался того, что его кто-нибудь заметит, чем того, что все еще не был спасен! Чарльз сказал себе: "Как же так!., такой попранный грешник, как я, на коленях исповедующий свои грехи Великому и Святому Богу и при этом стыдящийся того, что какой-либо человек, такой же грешник, обнаружит меня на коленях, стремящегося обрести мир с Господом, Которого я разгневал!". Неожиданно он вспомнил отрывок из Библии: "И воззовете ко Мне, и пойдете и помолитесь Мне, и Я услышу вас; и взыщете Меня и найдете, если взыщете Меня всем сердцем вашим" (Иеремии 29:12-13). Чарльз изо всех сил ухватился за послание, сокрытое в этих стихах, и воскликнул: "Господь, Ты сказал это. Теперь Ты знаешь, что я ищу Тебя всем сердцем и что сюда я пришел для того, чтобы молиться Тебе. Ты обещал, что услышишь меня".

Открытое сердце

Этот откровение помогло Чарльзу наконец открыть сердце перед Богом. Господь тут же наполнил его обетованиями из Своего Слова. Каждое из них Чарльз принял лично, как если бы они были даны одному лишь ему, ухватившись за эти слова, как утопающий за брошенную ему с берега ветку.

Вскоре Чарльз поднялся на ноги и зашагал в сторону своего места работы, не имея ни малейшего представления о том, сколько времени он провел в лесу. "Если я когда-нибудь по-настоящему обращусь к Богу, — думал он, - то буду проповедовать Евангелие". И вдруг он осознал, что его переживания о собственной душе бесследно исчезли, — в его сердце не осталось тягостных переживаний о своей греховности. Все еще опасаясь поверить в реальность происходящего, Чарльз чуть было не решил, что Дух Божий совершенно покинул его из-за того, что он глубоко огорчил Духа своей дерзкой попыткой поймать Бога на Его Слове. Но в то же самое время Финней с удивлением отмечал поразительное умиротворение, наполнявшее его душу.

Вернувшись в город, Чарльз с удивлением обнаружил, что наступило время обеда*. Он решил подкрепиться, но из-за отсутствия аппетита очень скоро возвратился в свою контору. Судья Райт как раз ушел на обед; воспользовавшись отсутствием начальника, Чарльз взял свой альт и начал играть и петь христианские гимны. Его сердце моментально сокрушилось, а из глаз потекли слезы. Каждое новое слово наполняло его трепетом, пока наконец Чарльз не отложил инструмент и не перестал петь.

* В то время в Новой Англии было принято самое большое блюдо дня (обед) съедать сразу после полудня, а более легкий "ужин" — в вечернее время.

Лицом к лицу с Иисусом

В тот день служащие адвокатской конторы были заняты перестановкой мебели и книг из одной комнаты в другую, поэтому усердно трудились, практически не разговаривая друг с другом. Чарльз никак не мог прийти в себя от осознания воцарившегося у него внутри мира, а также полного отсутствия малейших намеков на чувство вины или страх за свою душу, которые владели им последние месяцы. Когда стемнело и работа завершилась, судья Райт, пожелав Чарльзу спокойной ночи, отправился домой. Впоследствии Финней писал о том, что произошло позже:

Я проводил его до дверей; и в тот момент, когда я закрыл дверь и повернулся, мое сердце, словно растаяло. Все мои чувства, как показалось, поднялись во мне; сердце буквально кричало: "Я хочу всю свою душу положить к ногам Господа". Мой эмоциональный подъем был настолько велик, что я тут же помчался в уединенную комнату, чтобы помолиться.

В комнате не было ни свечи, ни какого-либо другого источника света; тем не менее мне показалось, что там было светло, как днем. Когда я вошел и закрыл за собою двери, то в тот же миг ощутил, будто бы оказался лицом к лицу с Господом Иисусом Христом. Ни тогда, ни позже у меня и мысли не возникало о том, что это могло быть просто особым психическим состоянием. Наоборот, мне показалось, что я увидел Его настолько ясно, как видел любого другого человека. Он ничего не сказал, но посмотрел на меня так, что я тотчас же бросился к Его ногам... и без остатка излил Ему свою душу. Я громко плакал, как маленький ребенок, и сквозь слезы исповедовался Ему. Мне казалось, что я буквально омываю Его ноги своими слезами, но при этом, как я сейчас помню, у меня не было четкого ощущения, что я к Нему прикасаюсь.

В таком состоянии я, должно быть, находился еще некоторое время, но мои мысли были настолько сильно заняты общением с Иисусом, что не могу припомнить ничего из того, что говорил. Но точно знаю, что как только мои мысли несколько успокоились и я замолчал, то, вернувшись в наш главный офис, я обнаружил, что огонь в камине, куда я перед этим подбросил много дров, практически догорел. Но едва я наклонился, чтобы присесть у огня, как внезапно получил удивительное крещение Святым Духом. Совершенно не ожидая этого, даже не предполагая, что для меня приготовлено что-либо подобное, не в состоянии вспомнить, слышал ли я вообще о таком от кого-нибудь, я ощутил, как Дух Святой опустился на меня и словно прошел сквозь меня, сквозь мое тело и душу. Я ощутил нечто похожее на электрическую волну, пронзившую меня насквозь. Действительно, это были самые настоящие волны, волны любви, ибо я не могу описать это никакими другими словами. Это было подобно дыханию Самого Бога. Точно помню, что в тот момент что-то словно овеяло меня, как огромные крылья.

Никакими словами невозможно описать той чудесной любви, которая обильно пролилась в мое сердце. Я громко плакал от радости и переполнявшей меня любви; и должен сказать, что в тот момент из меня вырвались неизреченные воздыхания, выплеснув наружу то, что так долго копилось в моем сердце. Эти волны накрывали меня снова и снова, одна за другой, пока я не закричал: "Я умру, если это будет продолжаться. Господи, я не в состоянии выдерживать этого более", - но то же время у меня не было страха смерти.

Какое-то время Чарльз сидел, наслаждаясь новыми для себя ощущениями, чувствуя, как любовь Божья волнами проходит сквозь него, и слезы продолжали струиться из его глаз. Вполне вероятно, что "неизреченные воздыхания" Чарльза положили начало молитвенному языку - говорению иными языками, — который он точнее всего сумел описать словами из Послания к Римлянам 8:26. Спустя некоторое время в контору заглянул проходивший мимо певчий из церковного хора (пастором же этого хора был Чарльз, несмотря на его собственные — так же, как и его пастора — сомнения в своем спасении) и поинтересовался, что случилось. Чарльз не сразу подобрал нужные слова, чтобы ему ответить. "Вам больно?" - не унимался мужчина. "Нет, мне так радостно, что я не знаю, как с этим жить", - ответил Чарльз.

Великое присутствие и святой смех

Все еще обеспокоенный, мужчина вышел из офиса и направился к одному из церковных пресвитеров, чей магазин находился прямо через улицу. Когда они вернулись, пресвитер, которого Финней знал как серьезного человека, поинтересовался, как он себя чувствует. Когда Чарльз начал объяснять, Дух Божий поразил пресвитера конвульсивным смехом, который словно изливался из самых глубин его души, и некоторое время он не мог остановиться. Этот смех подтвердил свидетельство Чарльза, излив на строгого и набожного человека истинную радость Святого Духа.

Затем в контору заглянул еще один друг Финнея, который точно так же задавался вопросом о собственном спасении. Увидев состояние пресвитера и услышав слова Чарльза, рассказавшего ему о событиях этого дня, он тут же упал на колени и попросил: "Помолитесь за меня!". Вначале, преклонив колени, за него помолились пресвитер и певчий, а после Чарльз. После этого они разошлись по домам.

Чарльз все еще был ошеломлен произошедшим. Почему пресвитер так рассмеялся? Свидетельство Чарльза показалось ему нелепым? Неужели он решил, что Чарльз пытался его обмануть? Финней снова начал сомневаться в том, действительно ли он обрел мир с Богом. Вернувшись домой, он быстро заснул, но всю ночь то и дело просыпался от ощущения удивительной любви, до краев

наполнявшей его сердце. Стоило ему снова начать сомневаться, как любовь угасала и он тут же засыпал — лишь для того, чтобы проснуться позже от ощущения той же невообразимой любви, наполнявшей его изнутри. В конце концов, он все-таки заснул и проспал до самого утра.

Утренний свет

В своих "Мемуарах" Финней описал то, что он ощутил на следующее утро:

Когда следующим утром я проснулся, солнце уже взошло, и его лучи чистым светом залили всю мою комнату. Невозможно описать словами то впечатление, которое произвел на меня этот свет. В тот же миг крещение, полученное мною предыдущим вечером, в точности таким же образом напомнило о себе. Я встал на колени прямо на постели и громко закричал от переполнявшей меня радости. Какое-то время я был настолько переполняем этими ощущениями, что не мог делать ничего иного, как только изливать свою душу Богу. Казалось, это утреннее крещение сопровождалось мягким подтверждением вчерашнего, и Дух говорил мне: "Ты будешь еще сомневаться? Ты будешь еще сомневаться?" — "Нет! — закричал я. — Я не буду сомневаться; я не могу сомневаться". И затем Он так прояснил этот вопрос в моих мыслях, что даже при всем желании я не смог бы сомневаться в том, что именно Дух Божий овладел моей душой.

В это мгновение Чарльз полностью осознал то, что имел в виду Павел, когда в Послании к Римлянам 5:1,5 говорил: "Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа... потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам". Фундаментальной доктриной его служения стало глубокое убеждение в том, что Бог не предопределял, кому из людей следовало отправляться на небеса, но каждый человек сам получал оправдание по вере в искупительную жертву Иисуса за свои грехи.

Для Чарльза Финнея спасение стало событием, раз и навсегда убравшим из его жизни вину и осуждение, и он пришел к выводу, что это может пережить любой человек, искренне ищущий Господа. Владевшее им ранее чувство самоосуждения из-за греховности было смыто любовью, "излитой" в его сердце. Эту любовь он описал следующими словами: "Вместо постоянного ощущения своей греховности мое сердце теперь до краев было наполнено любовью. Мой сосуд переполнялся благословениями и любовью; и я больше не чувствовал, что грешу против Бога. Также я избавился от всякого чувства вины за свои прошлые грехи".

Чарльз Финней считал Писание сводом законов, управляющих Вселенной.

В конце концов, Чарльз поднялся с кровати, приготовился к новому дню, отправился в адвокатскую контору и начал свою проповедническую карьеру. Прежде всего, он поговорил со своим начальником, судьей Райтом, так что тот ушел из офиса, всерьез обеспокоенный словами своего подчиненного. Позже, однако, благодаря этому разговору он чудесным образом обратился к Богу. В то утро, в десять часов, Финней должен был рассматривать одно дело. Его клиент оказавшийся к тому же дьяконом церкви, придя на предварительное слушание, спросил: "Мистер Финней, вы не забыли о том, что мое дело будет рассматриваться сегодня в десять часов утра? Полагаю, вы хорошо подготовились". На это юрист ответил: "Господь Иисус Христос заплатил мне, чтобы я защищал Его интересы, поэтому я не могу помочь вам". Дьякон посмотрел на него с удивлением и спросил: "Что вы хотите этим сказать?". Когда Чарльз рассказал о том, что с ним произошло, и добавил при этом, что теперь намерен вместо юридической практики проповедовать Евангелие, дьякон, опустив голову, ушел. Слова Чарльза произвели на него такое неизгладимое впечатление, что он отправился защищать себя сам, а затем, вернувшись домой и помолившись, снова доверил свою жизнь Господу.

Обращение Чарльза Финнея заставляет нас задуматься о той колоссальной силе, которая наполнила его жизнь благодаря рождению свыше. Если когда-либо жил на свете человек, судьбу которого полностью изменило обращение к Богу, то этим человеком, несомненно, был Чарльз Финней. Окружавшие Чарльза люди немедленно ощутили силу Божью в его жизни - не из-за особого призвания, а благодаря его бескомпромиссным молитвам о том, что Бог пообещал в Своем Слове. Чарльз Финней считал Писание сводом законов, управляющих Вселенной, и как только он находил в нем очередное обетование, то без устали начинал молиться о его исполнении до тех пор, пока не обретал полную уверенность в том, что оно будет исполнено на земле так же, как было постановлено на небесах.

"Я не верю этому!"

После ухода дьякона в адвокатской конторе воцарилась тишина, и Чарльз отправился на поиски нового слушателя, которому он мог бы рассказать Евангелие. Дух Божий глубоко затрагивал сердце каждого человека, с которым он разговаривал в тот день. Весть о Финнее быстро распространилась, и вскоре весь город был взволнован новостью о его обращении. Многие люди, в том числе и преподобный Гейл, посчитали это игрой воображения. Верующие собирались в церкви, чтобы обсудить этот случай, и вскоре к ним присоединился Чарльз. Весь зал был заполнен людьми. Зная, что этот переполох связан с его скромной персоной, став за кафедру, Чарльз начал объяснять, почему он уверен в том, что его вера от Бога и что пережитый им опыт подтверждает это. Собравшиеся, в большинстве своем, слушали его как зачарованные. Едва Чарльз закончил, как преподобный Гейл, глубоко тронутый услышанным, поднялся и попросил у верующих прощения за свое неверие. Он признал, что это мешало росту церкви, и попросил прощения за то, что не верил в возможность спасения Чарльза.

Как только преподобный Гейл закончил свою исповедь, он предложил Чарльзу помолиться, после чего присутствие Божье коснулось еще большего количества людей. В последующие дни собрания проходили каждый вечер. А поскольку Чарльз руководил церковным хором и одновременно был молодежным лидером, все до единого члены церкви вскоре обрели спасение. Чарльз описывал это следующими словами: "Слово Божье обладало удивительной силой; и я каждый день с удивлением наблюдал за тем, как несколько слов, обращенных к человеку, пронзали его сердце, словно стрела".

Помазание Чарльза распространяется повсеместно

Некоторое время спустя Чарльз навестил своих родителей в Хендерсоне, на берегу озера Онтарио. Впервые в доме Финнеев зазвучали слова молитвы, и он стал свидетелем обращения родителей к Богу. (До этого лишь его младший брат Джордж свидетельствовал ему о своих взаимоотношениях с Богом.) Находясь дома, Чарльз также встречался и разговаривал со многими людьми. В следующем месяце во время совместного собрания местных баптистов и конгрегационалистов в округе произошло небольшое духовное движение, даже несмотря на то, что в нем участвовал не Чарльз, а Джордж Финней. И снова слава Божья распространялась повсюду. Казалось, что, куда бы ни направлялся Чарльз, благодаря его покорности Христу Святой Дух удивительным образом касался человеческих сердец.

В последующие месяцы Финней решил пройти необходимую подготовку и стать пресвитерианским служителем. Для этого ему предложили поступить в Принстон, однако он, видя мало плодов в служении прошедших там подготовку христиан, решил остаться в Адамсе, чтобы стать учеником преподобного Гейла и воспользоваться его богатой христианской библиотекой.

Чарльз Финней совершил настоящую революцию в проповедовании Слова, призывая людей посвятить свои жизни Христу.

Во время учебы Финней лицом к лицу столкнулся с религиозным самодовольством, которым была наполнена жизнь новоанглича н того времени. Если бы Чарльз поступил в Принстон, он, скорее всего, обратился бы в кальвинизм или же вообще был бы с позором изгнан из рядов христианских служителей. Однако под чутким руководством преподобного Гейла он уверенно противостоял всевозможным доктринальным заблуждениям. Пресвитерианский служитель давал Чарльзу то образование, которое когда-то получил сам, несмотря на то, что подчас оно противоречило взглядам Чарльза. Преподобный Гейл хорошо знал своего ученика, а также помнил о том положительном влиянии, которое тот оказал на жителей города, и потому, видя несогласие Чарльза по отдельным вопросам, не отвергал его при этом как ученика. Таким образом, учитель и ученик без устали дискутировали обо всех распространенных доктринах своего времени. Прежде чем принять что-либо из того, чему учил его пресвитерианский служитель, Чарльз старался удостовериться, что в своем сердце он имеет свидетельство Святого Духа по этому вопросу, а также искал необходимое

подтверждение в Слове Божьем. Благодаря такому подходу Чарльз никогда не принимал кальвинизм с его учением о предопределении, а вместо этого еще сильнее утвердился в мысли о том, что каждый человек сам решает, где ему провести вечность. В результате Чарльз Финней совершил настоящую революцию в проповедовании Слова в Северной Америке и Европе, призывая людей, принимавших участие в его собраниях, посвятить свои жизни Христу — пропагандируя концепцию, которая не имела бы смысла в рамках строгого кальвинистского мышления.

Чарльз не только считал ошибочной кальвинистское учение, он также был глубоко убежден в том, что многие обряды и учения того времени были, по большому счету, пустыми. Он был искренне предан молитве, которая красной нитью прошла через всю его жизнь. Сам он описывал это так:

Я проводил много времени в молитве: иногда, наверное, я, в буквальном смысле, молился без остановки. Я также считал весьма полезным и испытывал внутреннее побуждение регулярно поститься. В эти дни я стремился все время пребывать наедине с Богом и для этого либо уходил в леса, либо уединялся в молитвенном доме, либо искал для себя какое-нибудь другое местечко, где меня никто не мог побеспокоить.

Иногда во время поста я чувствовал, что что-то идет не так, и тогда я пытался исследовать себя, как меня научили мой служитель и церковь. Я пытался заглянуть в свое сердце, исследовать свои чувства и особое внимание обратить на свои мотивы и мысли. Двигаясь этим путем, я неизбежно обнаруживал к концу дня, что не добился никакого видимого прогресса. В конце концов я достаточно отчетливо увидел причины, по которым все это происходило. Переключая свое внимание с Господа Иисуса Христа на самого себя, исследуя свои собственные мотивы и чувства, я часто замечал, что они были обманчивы. Но каждый раз, когда я постился и позволял Духу беспрепятственно делать во мне все, что Он только пожелает, наставлять и вести меня за Собой, я находил это чрезвычайно полезным. Я понимал, что не могу жить, не наслаждаясь присутствием Божьим; и если в какой-то момент на меня находило облако, я не мог ни отдыхать, ни учиться, ни заниматься чем-либо еще хотя бы с минимальной степенью удовлетворения или пользой, пока между моей душой и Богом снова не восстанавливалась прочная связь...

В эти ранние дни моего обращения к Богу, Господь научил меня многим исключительно важным истинам, касавшимся духа молитвы.

Молитва за больных

Вскоре Финней узнал о том, что за духом молитвы может следовать исцеление. Спустя некоторое время после его обращения серьезно заболела невестка судьи Райта, так что никто не верил, что она доживет до утра. Вот как об этом вспоминал Чарльз: "Мое сердце словно пронзила стрела. Я ощутил на своих плечах сокрушительное бремя, природу которого не мог полностью понять; но вместе с ним у меня появилось горячее желание молиться за эту женщину". Он направился в Молитвенный дом и обратился к Богу, но не находя слов, мог лишь глубоко и громко стонать". Пример такой молитвы можно найти в Послании к Римлянам 8:26: "Также и Дух подкрепляет (нас) в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными".

В тот вечер Финней только и делал, что ходил из офиса в молитвенный дом и обратно, потому что в его сердце не было мира и уверенности в том, что женщина выживет. В конце концов, в третий раз повторив тот же маршрут, он ощутил внутреннее облегчение, а также уверенность в том, что его молитва услышана и женщина останется жить — более того, она обратится к Господу. Больная выздоровела и вскоре после этого обратилась к Богу и обрела надежду на будущее в Иисусе Христе.

Чем больше Чарльз молился, тем сложнее становилось другим людям сопротивляться его аргументам, касавшимся Божьих истин. И не важно, спорил ли он с кальвинистами, атеистами или универсалистами, которые полагали, что благодаря крестной смерти Христа спасены будут все, никто не мог противиться его словам. Свой успех он связывал с крещением Святым Духом - крещением, которое он постоянно обновлял в своих молитвах. Вскоре Чарльз осознал, что служители, с которыми ему довелось иметь дело, были лишены этого "помазания", из-за чего, как он полагал, их деятельность зачастую не имела видимых плодов.

Повелев Своим ученикам идти и проповедовать, Христос велел им оставаться в Иерусалиме до тех пор, пока на них не сойдет ниспосланная свыше сила. Эта сила, как известно, является крещением

Духом, Который излился на учеников Христа в день Пятидесятницы. Без нее их служение изначально было обречено на неудачу. Я никогда не полагал, что крещение лишь наделяло верующих силой чудотворения. Способность совершать чудеса и говорение на иных языках давались в качестве подтверждения их Божественных полномочий. Но само по себе крещение было ниспосланным свыше озарением, наполнявшим их верой, любовью, миром и силой, чтобы их слова в самое сердце разили Божьих врагов, подобно быстрому и сокрушающему все на своем пути обоюдоострому мечу. Без этого невозможно проповедовать Христа в прогнившем насквозь греховном мире. Без прямого наставления со стороны Святого Духа люди никогда не добьются успеха в проповедовании Евангельской Вести. Истина заключается в том, что до тех пор, пока человек не будет проповедовать Евангелие, исходя из своего личного опыта, пока он не представит другим людям веру как осознанный выбор, его спекуляции и теории будут иметь мало общего с истинной проповедью Евангелия.

Когда в марте 1824 года пресвитерия прибыла в Адамс, чтобы экзаменовать Финнея на соответствие должности пресвитерианского служителя, его репутация и личное свидетельство сыграли положительную роль: экзаменаторы, казалось, намеренно избегали задавать Чарльзу вопросы, ответы на которые могли бы противоречить пресвитерианской доктрине. В конце концов они единогласно проголосовали за то, чтобы выдать Чарльзу Финнею соответствующую лицензию.

Женитьба Чарльза

Чарльзу не хотелось проповедовать в традиционной церкви или конгрегации, поэтому первые полгода он помогал женскому миссионерскому обществу в округе Онейда, расположенном в северной части штата Нью-Йорк, а затем направился в городок Эванс-Миллс, чтобы начать там свое служение. Какое-то время он регулярно "курсировал" между Эванс-Миллс и немецким поселением в Антверпене, проводя служения в обоих местах.

Приблизительно в это же время Чарльз обручился с Лидией Эндрюс, жившей в Уайтстауне, округ Онейда, с которой и сочетался законным браком в октябре 1824 года, после чего молодожены отправились в Адамс. Через два дня после свадьбы Чарльз поехал в Эванс-Миллс с намерением вернуться через неделю за женой и перевезти ее к себе. В это время Лидия должна была оставаться в Адамсе и готовиться к переезду. Однако, стараясь поддержать быстро угасавшее возрождение, Чарльз смог вернуться домой лишь ранней весной 1825 года - почти через шесть месяцев. Эта задержка наверняка испортила молодым их едва успевший начаться медовый месяц.

Свойственный Финнею стиль проповедования заметно отличал его от других служителей, что не в последнюю очередь было связано с полученным им юридическим образованием. Чарльз не обращался к своим слушателям так, словно являлся для них высшим и непререкаемым авторитетом, которому следовало безропотно подчиняться. Наоборот, для него они скорее были присяжными, которые рассматривали исключительно важное дело, касавшееся спасения их собственных душ. И хотя другие служители нередко критиковали его за Простоту слога, многократные повторы, а также иллюстрации, взятые из реальной, повседневной жизни, этот метод нередко использовался адвокатами для достижения желаемого результата в суде. "Присяжные" Чарльза говорили: "Каждый может проповедовать так, как это делаете вы. Вы просто обращаетесь к людям, словно находитесь дома в своей собственной гостиной", "Такое чувство, что мистер Финней выбрал меня одного и общается со мной лицом к лицу". Чарльз не имел желания произвести на кого-нибудь впечатление или внушить благоговение: он стремился привести людей к Христу и в этом стремлении не намеревался ни на йоту отступать от своей главной цели.

Проповедь по вдохновению

Первые десять лет своего служения Финней ни разу не пользовался приготовленными заранее конспектами или целыми проповедями, а, всегда отталкиваясь от библейского текста, который Бог полагал ему на сердце, говорил, всецело полагаясь на водительство Духа Божьего. Об этом методе Чарльз говорил следующее: "Прежде всего, я отправляюсь к людям, чтобы узнать их нужды. Затем я беру то, что, на мой взгляд, и в свете Святого Духа, сможет удовлетворить их насущные потребности... Я много молюсь об этом и лишь после этого обильно изливаю на людей". Чарльз всегда отводил в своем сердце немало места Божьему Слову и старался вести как можно более

насыщенную молитвенную жизнь. Благодаря этому во время его выступлений перед людьми Дух Святой вкладывал в его уста нужные слова. Как он сам говорил об этом: "Если я не проповедую по вдохновению, я не понимаю, как мне удается вообще что-либо говорить".

Когда стиль Финнея критиковали более образованные проповедники, он отвечал им прямо, без излишнего красноречия:

Покажите мне более совершенный способ. Покажите мне плоды своего служения; и если они так сильно превосходят мои плоды, чтобы представлять собой неоспоримое свидетельство того, что вы нашли более совершенный способ, я приму ваши взгляды. Но не ожидайте, что я оставлю свои собственные взгляды и методы и приму ваши, если вы не опровергнете того, что, каких бы ошибок я ни совершал, сколь бы несовершенным ни был стиль моей проповеди и что бы я ни делал еще, результаты оправдывают мой подход... Я готов совершенствоваться во всем, в чем только можно; но никогда не смогу принять ваше понимание евангельской проповеди, пока у меня не будет неопровержимых доказательств вашей правоты и моего заблуждения.

Проповеди Чарльза вызывали повышенный интерес еще по одной причине: он заявлял о том, что любой может обрести мир с Богом и уверенность в собственном спасении через настойчивую молитву, что абсолютно противоречило взглядам, господствовавшим в те времена в среде традиционных христиан. Ответственность за свое спасение он возлагал на самих же людей. Не видя адекватной реакции со стороны жителей Эванс-Миллса, он прямо задал им вопрос, ответ на который стремился получить:

Вы согласны, что проповедуемое мною является Евангелием и признаете, что верите в него. Итак, обретете ли вы его сейчас? Вы хотите обрести его или же отвергнуть? Вы должны прийти к какому-то решению. И поскольку вы признаете, что я проповедую истину, теперь я имею полное право принять, как нечто само собой разумеющееся, то, что вы признаете себя обязанными тотчас же стать христианами.

Снова не увидев практически никакой реакции на свой призыв, он продолжал:

Итак, вы приняли решение. Вы заняли определенную позицию.

Вы отвергли Христа и Его Евангелие, и теперь все вы свидетельствуете друг против друга, а Бог свидетельствует против всех вас. Это очевидно, и до конца своих дней вы теперь будете помнить о том, как однажды публично отреклись от Спасителя и сказали: "Мы не позволим этому человеку Иисусу Христу править нами"...

Мне жаль вас, поэтому я буду проповедовать вам, если на то будет воля Господа нашего, еще раз завтра вечером.

На следующий вечер он начал свою проповедь такими словами: "Ты сказал праведному, что хорошо будет ему; ибо он будет есть плоды своих дел. Горе нечестивому! И плохо будет ему, ибо пожнет то, что однажды посеял".

В конце проповеди женщина, сидевшая в одном из задних рядов, Упала, пораженная Духом, и подруги бросились поднимать ее. Полагая, что она просто потеряла сознание, Финней подошел к ней и обнаружил, что женщина онемела. Так, безмолвно, она пролежала шестнадцать часов. Заговорив же снова, она призналась, что раньше считала себя спасенной, однако, ощутив истинную праведность Живого Бога, она тут же поняла, что ее спасение было далеко не полным. Слова этой прихожанки побудили еще нескольких членов церкви пересмотреть свои отношения с Христом.

В другой раз Финнея позвали к постели болевшей туберкулезом женщины. Ее муж был универсалистом и заразил этой ересью также свою жену.

Но, услышав свидетельство и молитвы Чарльза, женщина отвергла ложь и приняла Иисуса Христа как своего Господа и Спасителя. Ее муж пришел в такую ярость, что на следующее проводимое Финнеем собрание отправился с ружьем, намереваясь убить проповедника. Но прямо посреди проповеди мужчина неожиданно начал съезжать со своего кресла, стеная и крича, что он проваливается прямо в ад. После собрания друзья пострадавшего отвели его домой. Когда же на следующий день Чарльз проходил по его улице, мужчина выскочил ему навстречу. Он буквально кинулся на проповедника и, стиснув его в объятиях, повернулся с ним вокруг собственной оси! Все противление Евангелию покинуло его, и он начал искать примирения с Богом.

Встреча с молитвенным воином

Именно в Эванс-Миллсе Финней во второй раз встретил Даниэля Нэша, служителя, с которым познакомился во время сдачи экзамена на получение лицензии пресвитерианского служителя. В то время у него сложилось не самое лучшее впечатление о Нэше, более известном как отец Нэш: Чарльзу казалось, что тот отступил от веры. Однако позже Финней узнал, что вскоре после той их встречи Нэш подхватил глазную инфекцию, из-за которой был вынужден долгое время лежать в темной комнате, не имея возможности ни читать, ни писать. Из-за своего недуга Нэш почти полностью посвятил себя молитве. В конце концов, болезнь отступила, и он поднялся с постели не только физически исцеленным, но и духовно преображенным человеком, настоящим молитвенным ходатаем. Он был абсолютно не похож на прежнего отца Нэша, которого Чарльз знал раньше.

Нэш прибыл в Эванс-Миллс с так называемым "молитвенным списком", где перечислялись имена людей, за которых он был при-зван молиться ежедневно, а иногда даже по нескольку раз в сутки- Когда Чарльз и Нэш принялись вместе молиться на собрании, Чарльз был буквально ошеломлен силой молитв своего собрата и масштабами его веры.

Бар становится молельней

Услышав о владельце бара, доставляющем много неприятностей местным верующим, Нэш внес имя этого человека в свой список, в графу "Тяжелые случаи". Владелец бара был известен тем, что осыпал известных ему христиан самой грязной и отборной руганью. Его бар славился в округе как местечко, где весело проводили время любители выпить и побуянить. Через несколько дней Нэш был вынужден покинуть Эванс-Миллс и поспешить в другое место, где люди также нуждались в его молитвах.

Спустя некоторое время этот "тяжелый случай" собственной персоной объявился на одном из собраний Финнея. Его появление вызвало заметный переполох, но поскольку мужчина не дебоширил, Чарльз оставил его в покое, хотя и не переставал внимательно следить за нежданным гостем в течение всего собрания. Проповедник ощутил, что мужчину что-то очень сильно беспокоило: он беспрерывно ерзал на стуле. Наконец он не выдержал и, поднявшись, попросил слова. Получив согласие, бармен начал сокрушенно и искренне каяться перед всеми, кто находился в зале. Это событие так потрясло верующих, что многие из тех, чьи сердца были ожесточены против Финнея и его проповедей, также смирились перед Богом. Вскоре после этого владелец бара примирился с Господом и закрыл свое заведение. В память о пребывании Финнея в Эванс-Миллсе позже в этом баре проводились молитвенные собрания.

До этого времени служение Нэша не представляло собой ничего особенного. Даниэль Нэш родился 27 ноября 1775 года, а свою первую пасторскую должность получил в Лоувилле в 1816 году, вскоре после своего сорокового дня рождения. В первый же год пребывания Нэша в этом городке, там началось излияние Духа, в результате которого к Богу пришло семьдесят человек. Однако ошибки в церковной политике привели в конце концов к угасанию начавшегося духовного пробуждения и расколу среди верующих. 25 сентября 1822 года Нэш был уволен, и его место занял молодой служитель (хотя Даниэля время от времени и приглашать выступить в церкви). Когда он снова начал проповедовать, началось второе духовное возрождение и к Богу обратилось двести человек - значительное количество для городка, население которого не превышало двух тысяч. Однако Нэшу так и не удалось вернуть себе руководство в конгрегации. Эта неудача имела для него негативные последствия, и именно в это непростое время Чарльз впервые встретил его в качестве одного из членов экзаменационной комиссии.

После следующей своей встречи в Эванс-Миллсе Финней и Нэщ решили дальше работать вместе, потому что Господь вел их в одном и том же направлении. Свою главную цель они определили как спасение неверующих людей. В своем письме Нэш писал:

Когда мы с мистером Финнеем начали свое служение, то даже не думали о том, чтобы составлять конкуренцию другим служителям. Нашим заветным желанием было идти туда, где не было ни служителей, ни реформации, и попытаться найти и собрать потерянных овец, о которых никто не заботился. Мы пошли, и Господь всячески содействовал нашему успеху... Мы решили больше не

посещать никаких приходов, если только нас туда не позовут... У нас есть достаточно места для работы и достаточно работы, чтобы не сидеть, сложа руки.

Путь, вымощенный молитвой

Они разработали структуру своего служения: Нэш отправлялся в какое-либо место за три или четыре недели до Чарльза, чтобы подготовить все необходимое к его прибытию и даже договориться о том, где и когда он будет проповедовать. Иногда Нэш отправлялся в путь сам, иногда он брал с собой проверенного спутника (чаще всего, Абеля Клэри), иногда собирался вместе с несколькими местными жителями для молитвы. Лишь в редких случаях в этом молитвенном движении участвовало более трех человек. Во время духовных возрождений Нэш практически не посещал собраний; вместо этого он предпочитал оставаться в каком-либо близлежащем доме и горячо молиться за проходившее поблизости служение.

После Эванс-Миллса Нэш отправился в город Гувернер, штат Нью-Йорк, где было запланировано следующее выступление Чарльза. В самый разгар собрания группа юношей из соседней церкви начала препятствовать движению Божьему, происходившему на всех собраниях Финнея. Чувствуя, что с помощью молитвы можно преодолеть это сопротивление, Нэш и Чарльз удалились в небольшую рощу, где взывали к Богу до тех пор, пока не ощутили, что одержали победу. В своих "Мемуарах" Финней описал результаты этой молитвы так:

В следующее воскресенье, после утренней и полуденной проповедей (проповедовал только я, тогда как брат Нэш почти непрерывно молился), мы встретились в пять часов в церкви для совместной молитвы. Дом собраний был полон. Незадолго до окончания нашего молитвенного служения брат Нэш поднялся со своего места и обратился к группе молодых людей, которые, держась за руки, пытались помешать движению Божьему. Думаю, они бросили вызов Самому Духу Божьему. Все происходившее вокруг было слишком величественным и возвышенным для того, чтобы дерзнуть это осмеивать; тем не менее, дерзость и высокомерие этих парней были очевидны каждому.

Брат Нэш обратился к ним со всей присущей ему искренностью и серьезностью, указав на опасность избранного ими пути. К концу своего обращения он смягчился и сказал им: "А теперь послушайте меня, молодые люди, и запомните! Не пройдет и недели, как Бог прорвет ваши ряды, либо обратив некоторых из вас, либо отправив прямо в ад. То, что Он сделает это, настолько очевидно, как очевидно то, что Господь является моим Богом!". Он стоял, положив руку на спинку стоявшей прямо перед ним церковной скамьи и сжав ее так сильно, что скамья заметно задрожала. После этого он сразу же сел, склонил свою голову и тяжело застонал.

Во всем здании воцарилась мертвая тишина, и большинство присутствующих также опустили головы. Я видел, что на молодых людей услышанные слова произвели сильное впечатление.

В душе я сожалел о том, что брат Нэш зашел слишком далеко, пообещав, что в течение недели Бог либо заберет жизнь у некоторых из них, отправив прямиком в ад, либо приведет их к покаянию. Однако уже в ближайший вторник руководитель юношей пришел ко мне в величайшем отчаянии. Он был готов сдаться и покориться; и как только я надавил на него, он тут же смирился, подобно маленькому ребенку, раскаялся и немедленно посвятил себя Христу. Затем он сказал: "Что мне теперь делать, мистер Финней?". Я ответил: "Немедленно отправляйся ко всем своим приятелям и молись с ними, увещевая их немедленно обратиться к Господу". Он так и сделал; и прежде чем неделя подошла к концу, почти все эти молодые люди обрели надежду в Христе.

На протяжении последующих семи лет, вплоть до самой смерти Нэш являлся ключевым участником каждого из проводимых Чарльзом Финнеем служений возрождения. Вместе они многое узнали о "молитвенном возрождении". Нэш молился очень горячо и громко-говорили, что его молитвы иногда можно было услышать на расстоянии до полумили от места событий, хотя многие приписывали это его проблемам со слухом.

Возрождение на "выжженной земле”

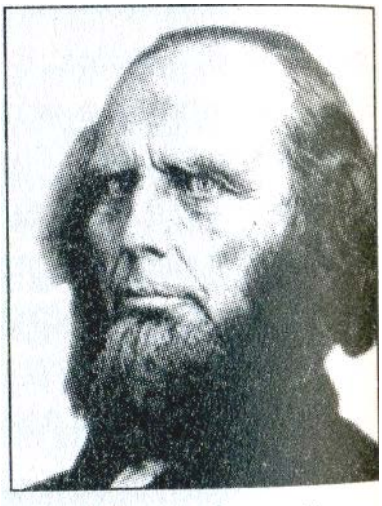
Между 1825 и 1827 годами Чарльз Финней проповедовал в западной части штата Нью-Йорк, обращаясь к людям везде, где только мог, в приграничных городках и городских залах. Этот регион называли "выжженной землей" - здесь люди практически не интересовались духовными вопросами,

на что не могли повлиять даже многочисленные странствующие проповедники, без устали бороздившие эту местность. После этого, с декабря 1827 по июнь 1829 года, Чарльз путешествовал и служил в Делавэре и Пенсильвании. 8 июня 1828 года, в то время как Финней возглавлял духовное пробуждение в Филадельфии, на свет появился его первый ребенок, Хелен Кларисса Финней. Чарльз отвез свою жену Лидию вместе с новорожденной обратно к ее родителям, жившим на западе штата Нью-Йорк, после чего снова отправился в Филадельфию, проповедуя на всем своем пути. В Нью-Йорк он вернулся лишь в июне следующего года.

После Филадельфии, с октября 1829 по май 1830 года, Чарльз служил непосредственно в Нью-Йорке. Эти служения возрождения были отмечены событиями, подобными тем, которые раньше происходили в Эванс-Миллсе, близлежащем Антверпене и многих других местах, благодаря чему Финней привлек к себе повышенное внимание со стороны прессы и других церквей по всей Новой Англии.

Проводимые Чарльзом служения возрождения имели такой колоссальный успех, в том числе благодаря широкомасштабной индустриализации и урбанизации. К примеру, канал Эри, строительство которого было закончено в 1825 году, соединил озеро Эри в окрестностях Буффало с рекой Гудзон близ Олбаии, благодаря чему Атлантический океан и город Нью-Йорк оказались соединены практически со всеми поселениями по берегам Больших озер. В результате этого расположенные вдоль канала города стали промышленными центрами, куда тотчас же начали стекаться толпы рабочих из сельской местности всего региона-А поскольку транспортировка грузов по воде обходилась заметно Дешевле, чем перевозка в фургонах (до 1829 года в Нью-Йорке не было железных дорог), эти поселения процветали и постепенно превращались в крупные деловые центры. Таким образом, проповедуя в Ютике, Трое, Рочестере и Нью-Йорке, Чарльз получал возможность коснуться сердец большого количества людей, а также молодежи, которая оставила родительский дом и отправилась в большие города на поиски работы. Как следствие, пламя возрождения распространялось, подобно лесному пожару, а молва о Финнее - и того быстрее.

Слава Чарльза Финнея способствовала также и появлению у него врагов. Такие традиционные служители, как Лайман Бичер (отец Гарриет Бичер Стоу, автора "Хижины дяди Тома') и Азахель Неттлтон, считали его манеру служения грубой, варварской и манипулятивной. Они подвергали резкой критике используемые Чарльзом "новые меры" - практику методистского "беспокойного места", позаимствованную из лагерных встреч (когда отделялась специальная скамья или определенная территория перед молитвенным домом, предназначенная для тех, кто "беспокоился" о своем спасении и желал провести там время в молитве); не еженедельные, а ежевечерние собрания (так называемые "длительные собрания"); позволение женщинам непосредственно участвовать в смешанных молитвенных собраниях, куда допускались представители обоих полов; а также использование в проповеди простого языка и даже сленга. Многие считали эти меры чересчур наступательными, полагая, что Финней гораздо больше был заинтересован в завоевании территории, чем человеческих душ.

Чарльз Финней

Молитвенный воин Даниэль Нэш стал ключевым участником каждого из проводимых Чарльзом Финнеем служений возрождения.

Как-то Бичер даже заявил: "Финней, я знаю ваши намерения, вы это тоже знаете. Вы хотите отправиться в Коннектикут и принести огонь в Бостон. Но если вы попытаетесь это сделать, Господь свидетель, я встречу вас на границе штата вместе с артиллерийской батареей и буду сражаться за каждый дюйм дороги на Бостон и даже в самом Бостоне, если это понадобится".

У Неттлтона и Бичера было много сторонников. Рассказы о Финнее и его деяниях были преувеличениями, а в газетах печатались лживые статьи. В них Чарльза представляли суровым инквизитором, контролировавшим своих слушателей, а не человеком, горячо радеющим за их души. Также его обвиняли в кричащей саморекламе, в том что он доводит своих слушателей до состояния эмоционального безумия, чтобы манипулировать

ими и привлекать на свои служения все большие и большие толпы. Противники Чарльза утверждали, что его собрания чересчур затянуты, молитвы зачастую неблаговейны, а речь - груба и вульгарна. Однако те, кто непосредственно участвовал в этих собраниях, знали, что Дух Божий совершал удивительные вещи везде, куда бы ни направлялся Чарльз Финней.

Например, в 1826 году Чарльз выступал в здании школы, расположенной в Нью-Йорк-Миллсе, поселении в окрестностях Ютики. Его зять, директор местной хлопчатобумажной фабрики, пригласил его выступить: он чувствовал, что Слово Божье произведет неизгладимое впечатление на молодых людей. На следующее утро Чарльз отправился на экскурсию по фабрике, о чем позже писал в своих мемуарах:

Я видел, как одна из них [молодая девушка] пыталась связать порванную нить, но ее руки дрожали и она не могла этого сделать. Я медленно подошел к ней, попутно со всех сторон осматривая механизм; однако девушка еще больше разволновалась и не могла справиться со своей работой. Остановившись в двух с половиной или трех метрах от нее, я внимательно и серьезно на нее посмотрел. Девушка заметила это, и тотчас на ее нахлынули эмоции, после чего она опустила руки и заплакала. Ее чувства, вспыхнув, подобно зажженному пороху, сразу же охватили практически всех находившихся в тот момент в помещении, и слезы потекли из их глаз. Затем это чувство распространилось по всей фабрике... При этом присутствовал владелец предприятия. При виде происходящего он сказал директору: "Останови станки, и пусть людям ничто не мешает; ибо спасение наших душ дело несравнимо более важное, чем работа целой фабрики"... Дух возрождения распространился по предприятию с поразительной силой, и за каких-то несколько дней почти все ее работники счастливо обратились к Богу.

Преподобный Джон Фрост, местный пресвитерианский служитель, считает, что к Богу обратилось три тысячи человек; и восемь месяцев спустя каждый из них все еще оставался верным и активным членом церкви.

Постоянно полагаясь на дух молитвы

В Оберне, штат Нью-Йорк, в 1826 году Чарльз Финней столкнулся со столь сильным сопротивлением, что многие церкви к востоку от этого места начали закрывать перед ним свои двери. Газеты запестрели сообщениями о происходивших во время его собраний перегибах.Об этом времени Нэш писал следующее:

Дело Божье продолжает распространяться повсеместно, в некоторых местах это происходит, невзирая на яростное сопротивление. Наши с мистером Финнеем чучела кое-где даже вешали и затем сжигали на костре. Наши собрания нередко самым беспардонным образом прерывались. Иногда противники поднимали неистовый шум прямо в доме Господнем или окружали дом и забрасывали его камнями, а также стреляли из ружей. Можно еще упомянуть о многочисленных письмах с угрозами, интригах и лжи, а также лживых сообщениях, словно все это происходит в преддверии президентских выборов. О, каков этот мир! Сколь сильно он ненавидит истину! Сколь ожесточенно он противится спасению! Но, думаю, наша работа будет продолжаться.

Чарльз снова принялся молиться:

Я никому ничего не сказал об этом ни публично, ни в частной беседе, но полностью посвятил себя молитве. День за днем я со все большей серьезностью взирал на Бога, ища Его водительства; обращался к Нему с просьбой указать мне путь и благословить меня благополучно миновать бурю...

Господь, словно в каком-то видении, открыл мне, что ждет меня впереди. Когда я молился, Он был так близко, что моя плоть буквально тряслась на моих костях. Я весь дрожал от головы до пят, всем существом ощущая присутствие Божье. Поначалу мне казалось, что я скорее очутился на вершине горы Синай, среди громовых раскатов, чем подле Христова креста.

Никогда еще в своей жизни, насколько помню, я не испытывал перед Богом такого смирения и благоговейного трепета. Тем не менее, вместо того чтобы чувствовать дистанцию, я, казалось, все сильнее и сильнее приближался к Нему — все сильнее и сильнее приближался к тому Присутствию, которое наполняло меня столь неописуемыми благоговением и трепетом. После такого великого смирения перед Ним я ощутил ни с чем не сравнимое воодушевление. Бог заверил меня в том, что всегда будет рядом, поддерживая меня; что никакое сопротивление не остановит меня; что мне нужно лишь продолжать свою работу, ожидая Божьего спасения.

Такие молитвы стали ключом не только к преодолению сопротивления врагов, но также ко всем трудностям, с которыми сталкивался Чарльз Финней - прежде всего к тем, которые были так или иначе связаны с "молитвенным возрождением". В то время как большинство людей воспринимали возрождение как действие исключительно Самого Бога, Который, будучи верховным Владыкой, изливал Свой Дух, где хотел (с другой стороны, христианские служители того времени использовали доктрину Божьего верховенства для оправдания неэффективности своего служения), Финней был глубоко убежден в том, что люди сами могли подготовить почву для будущего возрождения посредством молитвы, поста и напоминаний Богу о данных Им в Библии обетованиях. Чарльз писал об этом, когда Дух Святой коснулся его во время возрождения в городе Де Калб, расположенном на севере штата Нью-Йорк, следующее:

Я настолько отчетливо ощущал лежавшее на мне бремя борьбы за бессмертные души, что был вынужден практически беспрерывно молиться. Пережитое мной глубоко меня волновало. Временами на меня сходил дух неотступности, и я говорил Богу о том, что Он обещал отвечать на молитвы, и потому не может оставить без ответа мои просьбы. Я был настолько уверен в том, что Он слышит меня и что верность Своим обетованиям и Самому Себе делала невозможным то, что он не услышит и не ответит, что зачастую я говорил Ему следующее: "Надеюсь, Ты не отвергнешь меня. Я прихожу с Твоими верными обетованиями в своей руке, и потому Ты не можешь меня отвергнуть". Не могу даже сказать, сколь абсурдным казалось мне неверие и насколько уверен я был в своих мыслях, что Бог ответит на мою молитву - эти молитвы, которые день за днем и час за часом я горячо возносил к Нему с непоколебимой верой. Я не имел ни малейшего представления о том, в какую форму облечен будет ответ, не знал места, где получу его, и точное время. Я чувствовал лишь, что ответ был рядом, возможно, прямо за дверью; и, ощущая прилив новых сил, я надевал доспехи, полностью готовый противостоять силам тьмы. Я ожидал вскоре увидеть еще более замечательные излияния Святого Духа в этой новой стране, где не покладая рук трудился.

Освальд Дж. Смит объяснял, почему именно этот вид молитвы был столь важен для служения Финнея:

Он всегда проповедовал с ожиданием в любой момент увидеть излияние Святого Духа. До тех пор, пока этого не происходило, он считал, что еще ничего не достигнуто. Но в тот момент, когда Дух Святой касался людей, Финнею не оставалось ничего другого, как указать им на Агнца Божьего. Так он жил и трудился многие годы в атмосфере возрождения.

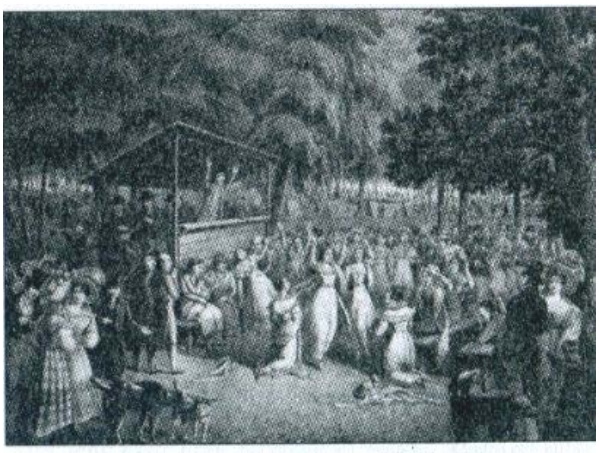
С октября 1829 по май 1830 года вместе со своей женой Финней нес служение в нескольких местах, оказавшись в конце концов в Нью-Йорке, где 28 марта появился на свет их второй ребенок и первый сын, Чарльз Биман Финней.

Сто тысяч спасенных душ

Огромным успехом, сопровождаемым величайшим излиянием Духа, когда-либо имевшим место в жизни Чарльза Финнея, было отмечено возрождение в Рочестере, штат Нью-Йорк, которое началось в сентябре 1830 года. В 1820-х годах Рочестер являлся самым быстрорастущим американским городом. Он был основан в 1811 году, когда пятнадцать человек поселились на берегу реки Дженеси, желая использовать силу водопада для своих мельниц. В 1823 году, когда население города выросло до двух с половиной тысяч, было завершено строительство акведука, соединившего канал Эри с рекой Дженеси, благодаря чему фермеры западной части штата Нью-Йорк получили сообщение со столицей штата и Атлантическим океаном.

Казалось, что за одну ночь городок превратился в бурно развивающийся коммерческий центр. Фермеры привозили туда свое зерно, получали деньги от хозяев мельниц, после чего делали покупки на городских рынках и возвращались домой. В результате этого более половины взрослого населения Рочестера мужского пола составляли ремесленники, кроме того, в городе селилось много специалистов других областей, таких как юристы и врачи.

К 1830 году население Рочестера выросло почти в четыре раза, достигнув приблизительно десяти тысяч человек, что составляло десятую часть жителей Филадельфии. В те месяцы, когда в городе проповедовал Чарльз, к Богу обратилось практически все его население; во всем же регионе покаялось приблизительно сто тысяч человек. Духовное возрождение коснулось даже поселений, находившихся в сотне миль от места событий. Лайман Бичер, беспощадный критик Чарльза Финнея

Лагерная встреча в 1816 году
Библиотека Конгресса, 96510018

в ранние годы его служения, в конце концов, назвал его работу в Рочестере "величайшим из деяний Божьих и величайшим духовным пробуждением, которое когда-либо видел мир, произошедшим за столь короткое время. Сто тысяч человек... как сообщалось, пришли в .церкви... Это поистине беспримерное событие в истории Церкви и очевидное достижение христианства".

Сообщалось также, что не менее 85 процентов обращенных Финнеем людей продолжали посещать церковь даже многие годы спустя. Это был настоящий Кейн-Ридж, только увеличенный в несколько раз, - в городе, претендующем стать культурным центром, а не в сельской местности, населенной преимущественно фермерами.

Вначале Чарльза пригласили в Рочестер, чтобы занять место за кафедрой Третьей пресвитерианской церкви, пастор которой получил назначение возглавить Первую пресвитерианскую церковь в Нью-Йорке. Главным инициатором этого переезда выступил один из старейшин церкви — Джозайя Бисселл. Бисселл был богатым бизнесменом, владевшим транспортной компанией Pioneer Stage Line, известной по всему востоку тем, что каждое воскресенье она отменяла все свои рейсы. Бисселл был щедрым человеком, который обильно финансировал строительство Второй и Третьей пресвитерианских церквей в Рочестере.

Однако прежде, чем принять предложение, Чарльз поинтересовался духовной атмосферой в городе, желая знать, готовы ли его жители к духовному возрождению. Он узнал, что среди местных христиан существовали раздоры и распри. Оказалось, что Бисселл недавно увидел пастора Второй пресвитерианской церкви, преподобного Уильяма Джеймса, ехавшим в воскресенье экипажем другой транспортной компании. Бисселл, который считал, что богатство и социальный статус позволяли ему вмешиваться абсолютно во все, уже конфликтовал с Джеймсом по ряду вопросов, связанных с повседневной жизнью церкви. Это событие, однако, стало для Бисселла последней каплей, и он убедил членов конгрегации потребовать отставки Джеймса. Доктор Джозеф Пенни, пастор Первой пресвитерианской церкви Рочестера, выступил в защиту Джеймса, вынудив Бисселла пожаловаться в пресвитерию* о вмешательстве Пенни. Именно здесь находился корень напряженности в отношениях между двумя церквами.

* Пресвитерия является местным советом, контролирующим региональные церкви в Управлении Пресвитерианской церкви.

Помолившись и обсудив поступившее ему предложение с другими людьми, Финней пришел к выводу, что Рочестер был для него бесперспективным местом. Он решил отклонить приглашение, но у Бога были другие замыслы. Когда тем же самым вечером Чарльз, оставшись один, уже собирался лечь спать, он вдруг понял, что его логика была ошибочной. "Вне всякого сомнения, из-за этих трудностей ты нужен в Рочестере гораздо больше, чем где бы то ни было. Неужели ты собираешься оставить это поле из-за того, что там необходимо исправить столь многие вещи, потому что там так много неправильного? Ибо, если бы там все было правильно и хорошо, разве нуждались бы в тебе люди?". И он тут же решил принять приглашение.

Между сентябрем 1830 и мартом 1831 года каждую неделю Финней проповедовал по нескольку вечеров каждую неделю и по три раза каждое воскресенье. Пенни посетил одно из первых служений Чарльза, и Святой Дух немедленно связал их души. После этого Пенни пригласил Чарльза выступить с проповедью в Первой пресвитерианской церкви, и по мере того, как возрождение набирало обороты, Бисселл и Пенни вскоре разрешили возникшие между ними противоречия в духе христианского единства, которое охватило Рочестер с пригородами, включая Огден, Брокпорт, Пенфилд и Кларксон.

Это духовное возрождение коснулось представителей абсолютно всех социальных классов - от общественных и деловых лидеров до Школьных учителей, от врачей и владельцев магазинов до фермеров и рабочих-мигрантов. Многие предприятия на время закрывались, чтобы их работники могли посещать собрания, а обратившиеся к Богу женщины ходили от одного дома к другому, молясь за людей и приглашая их на вечерние собрания. Бары закрывались из-за отсутствия клиентов.

Уровень преступности существенно снизился, оставаясь на подобном уровне долгие годы, даже несмотря на рост населения. В какой-то момент подростки, посещавшие местную среднюю школу, так сильно обеспокоились состоянием своих душ, что совершенно забросили занятия, в связи, с чем директор школы даже попросил Финнея прийти и выступить перед детьми. В результате спасение обрели практически все ученики, а также директор, который вначале считал происходившее хитростью своих воспитанников, отлыниванием от учебы. Сорок человек из числа этих учеников впоследствии стали служителями. Рочестер и прилегающие к нему поселения изменились до неузнаваемости, став открыто христианскими. Невозможно было выйти на улицу, зайти в банк или магазин и не услышать там дискуссий на религиозную тему. Как заметил один из упомянутых выше учеников, Чарльз П. Буш, позже ставший главным пастором в Нью-Йорке:

Город бурлил. Религия стала самой популярной темой обсуждения дома, в магазинах, на работе и на улицах. Единственный городской театр превратился в извозчичий двор; единственный цирк - в фабрику по производству свечей и мыла. Все алкогольные магазины были закрыты; воскресенья стали почитаемыми; храмы наполнялись счастливыми верующими; благотворительность получила новый толчок; фонтаном изливая вокруг обильные благословения, и люди жили в радости.

И снова Чарльз Финней чувствовал, что именно молитва сыграла ключевую роль в деле духовного возрождения. Он писал о том, что "ключом, который во время этого возрождения открыл небесные врата, были молитвы [Абеля] Клэри, отца Нэша и многих других неназванных людей, которые лежали, распростершись пред Божьим престолом, и молили Его об излиянии Духа". Услышав о том, что Клэри находился в городе, Чарльз заметил: "Я не видел его ни на одном из наших собраний". На что человек, сообщивший ему эту новость, ответил: "Нет... он говорит, что не может посещать собрания. Он днем и ночью молился, пребывая в таком возбужденном состоянии, что я просто не знаю, что с ним делать. Иногда Клэри не способен даже стоять на коленях, он лежит распростертый на полу, стонет и молится поразительным для меня образом". Чарльз ответил: "Я все понимаю; пожалуйста, не беспокойтесь. Все будет хорошо; он, несомненно, победит". Финней прекрасно знал, какую работу совершал этот дух молитвы, и понимал, что ему не следует мешать.

О такой разновидности горячей молитвы Чарльз говорил следующее:

Я никогда не видел человека, который потел бы кровью, но я знаю человека, который молился до тех пор, пока у него из носа не потекла кровь. И я видел людей, которые, молясь, обливались потом даже самой студеной зимой. Некоторые из них молились часами, пока силы окончательно не оставляли их. Такие молитвы достигали Бога.

Рочестер стал первым городом, где Финней по-настоящему начал использовать практику "беспокойного места" - предшественницу широко используемых сегодня призывов к алтарю. До этого Чарльз проводил "беспокойные собрания", за которыми следовало главное служение, которое люди, беспокоившиеся о состоянии своей души, могли посетить, чтобы узнать все необходимое об обращении к Богу. Однако в Рочестере Чарльз заметил, что люди не испытывали потребности в "подготовке" к спасению; они уже были готовы его получить, едва услышав Благую Весть. Отказавшись от ожидания, он оградил переднюю часть зала собраний, чтобы люди по его призыву могли выйти туда и помолиться за свое спасение. Как писал об этом сам Финней:

Я понял также, что необходимо нечто, способное произвести на них такое впечатление, чтобы они сразу же отдали Господу свои сердца; нечто побуждающее их к действию - действию настолько же открытому и публичному, насколько открытыми и публичными были их грехи; нечто побуждающее их прилюдно посвятить себя служению Христу. Призывая во время служений их подняться, я обнаружил, что это имело довольно положительный эффект и в какой-то степени отвечало моей цели. Однако через какое-то время я почувствовал, что нужно что-то еще, дабы поднять их над греховной толпой и привести к публичному отречению от своих грехов и публичному же посвящению себя Богу.

Возрождение в Рочестере стало кульминацией второго Великого пробуждения и той искрой, которая зажгла пламя общенационального возрождения, охватившего, подобно лесному пожару, Соединенные Штаты в 1831 году. Армия проповедников, включая самого Бичера подхватила зажженный в Рочестере факел и понесла его дальше, зажигая Божьим огнем все христианские церкви - пресвитерианские, методистские, баптистские, епископальные, конгрегациональные и прочие. Только за 1831 год количество членов всех новоанглийских церквей выросло на одну треть. После

пробуждения в Рочестере всякая критика Чарльза Финнея и его методов практически полностью прекратилась.

Общенациональное духовное возрождение 1831 года принесло в Соединенные Штаты невиданное ранее единство, и почти все разговоры людей того времени так или иначе касались религии. Жизнь целых городов вращалась вокруг церковных и молитвенных собраний. Церкви стали в те дни настоящими общественными центрами. Протестантизм же сыграл роль клея, соединившего сердца американцев через молитву, тогда как протестантская рабочая этика стала синонимом процветания, растущих городов и трудолюбия жителей северных американских штатов.

Также необходимо отметить, что отец Нэш умер 20 декабря 1831 года в возрасте пятидесяти шести лет. Менее чем через четыре месяца Чарльз Финней оставил должность странствующего проповедника и стал пастором одной из церквей.

Пасторское служение в Нью-Йорке

Интенсивное служение во время возрождения в Рочестере не осталось для Финнея без последствий. Обнаружив, что организм Чарльза серьезно истощен, врачи прописали ему отдых. Некоторые из них даже полагали, что он не выживет. На это Чарльз сообщил им, что слышал это и раньше и что они заблуждаются, — просто он очень сильно устал и потому нуждается в хорошем отдыхе.

К весне 1831 года Финней понял, что его работа в Рочестере подошла к концу. Он принял приглашение выступить в Колледже Союза в Скенектади, штат Нью-Йорк, и направился туда в пассажирской карете. Дорога, однако, оказалась весьма затруднительной, и за три дня он доехал лишь до Оберна, преодолев, в общей сложности, шестьдесят миль. Когда же служитель собирался продолжить свой путь, он получил письменную просьбу проповедовать в Оберне. Причем письмо было подписано уважаемыми горожанами, многие из которых раньше выступали против его служения. Чарльз остался и проповедовал шесть недель. Много лет спустя историк Первой пресвитерианской церкви Оберна описал это событие следующими словами:

Он был тогда в самом расцвете сил и на гребне славы. Как проповеднику... ему не было равных. Острый, проницательный взгляд и повелительный тон лишь подчеркивали все аспекты проповедуемой им истины, которую он всегда преподносил понятно и с неизменным успехом... Хотя мистер Финней проповедовал лишь за кафедрой нашей церкви, влияние его слов простиралось далеко за пределы нашей конгрегации. Многие из тех, кто благодаря ему обратился к Богу, объединились с другими церквами в деревнях и окрестностях. Сейчас, когда уже ушло то поколение, а вместе с ним и неизбежные предрассудки современников, не осталось никаких сомнений в том, что его служение было несомненным благом для нашей христианской веры.

Из Оберна Финней направился сначала в Баффало, штат Нью-Йорк; затем в Провиденс, штат Род-Айленд; и наконец в Бостон, штат Массачусетс. К этому времени поток критики в его адрес почти прекратился, и Чарльз даже проводил собрания вместе с одним из своих бывших оппонентов, Лайманом Бичером.

7 марта 1832 года в семье Финней родился третий по счету ребенок, Фредерик Нортон Финней, и супруги пришли к выводу, что жизнь странствующего проповедника больше не подходит выросшей семье. Как писал об этом сам Чарльз: "Я чрезвычайно изнемог, поскольку десять лет проработал в качестве проповедника, имея за все это время лишь несколько дней или недель отдыха". Эти факторы, среди прочих, побудили его занять должность пастора в Чатемской церкви (также известной под названием Второй свободной пресвитерианской церкви). В 1832 году он покинул Бостон и начал пасторское служение в Нью-Йорке.

Группа благотворителей, включая ряд бизнесменов и известного аболициониста Льюиса Таппана, выделила необходимые средства на Переоборудование Чатемского театра в церковь. После завершения строительства Финней получил возможность выступать перед аудиториями от полутора до двух тысяч человек — впечатляющая цифра даже для Нью-Йорка. С мая по июнь того же года он проповедовал семьдесят вечеров подряд. Пастор твердо решил не принимать верующих из других церквей, но благовествовать еще не обратившимся к Богу душам. Членов своей церкви он наставлял...

...рассеяться по всему зданию и внимательно смотреть по сторонам, подмечая тех, на кого проповедь произвела глубокое впечатление. А затем, если это возможно, подходить к этим людям

после служения для общения и молитвы. Они верно придерживались этого наставления и во время каждого собрания стояли на страже, следя за тем, на кого Слово Божье произвело впечатление. Они также обладали достаточной верой, чтобы без всякого страха обращаться к каждому, кого заметно коснулось Слово. Благодаря этому было обращено к Богу великое множество человеческих душ. Прихожане приглашали гостей в эти комнаты, где могли с ними общаться и молиться, собирая, таким образом, плоды после каждой проповеди.

Финней и его прихожане настолько успешно справлялись с этим заданием, что вскоре пришлось открыть новую церковь, целиком составленную из новообращенных, обратившихся к Богу на Чатем-стрит.

К середине лета в Нью-Йорке разразилась эпидемия холеры. Несмотря на то, что многие люди бежали из города, Чарльз остался и продолжил нести свое служение. Однако 28 сентября, во время одного из собраний, пастору стало плохо, и вскоре выяснилось, что виной тому холера. И хотя ему удалось выжить, лечение и выздоровление протекали настолько тяжело, что выполнение своих непосредственных обязанностей Финней сумел продолжить лишь весной 1833 года. В январе 1834 года, взяв отпуск, необходимый для восстановления сил, Чарльз отправился в шестимесячное морское путешествие до островов Мальта и Сицилия в Средиземном море, надеясь, что это поможет ему быстрее прийти в норму. Финней вспоминал в своих "Мемуарах":

Возвращаясь домой, я много размышлял о духовном возрождении, опасаясь, что оно может пойти на убыль по всей стране, так как сопротивление ему сильно огорчает Святого Духа. Мое собственное здоровье, как мне казалось, серьезно и, возможно, даже необратимо пошатнулось; а я не знал никакого другого проповедника, который смог бы взять под свою опеку все это поле деятельности и помочь пасторам в деле духовного возрождения. Эти мысли так сильно меня беспокоили, что однажды я понял, что больше не могу наслаждаться отдыхом. Моя душа билась в агонии. Почти целый день я провел в молитве, уединившись в своей каюте, или же нервно шагал по палубе, не находя себе покоя. Я был сокрушен бременем, лежащем на моей душе. К тому же на борту не было никого, кому я мог бы открыть свои мысли или сказать об этом хотя бы словечко.

На меня сошел дух молитвы, подобно тому, как это происходило прежде, но, возможно, не в такой степени и не так долго. Я умолял Господа продолжать начатую работу и делать все, что необходимо для ее расширения. Был длинный летний день, начало июля. После целого дня неописуемой борьбы и агонии, охвативших мою душу, к вечеру в моей голове все прояснилось. Дух дал мне веру в то, что все будет хорошо и что у Бога для меня еще есть работа; что я могу отдыхать; что Господь продолжит действовать и даст мне достаточно сил для выполнения всего, что Он от меня ждет. Но у меня не было ни малейшего представления о том, куда поведет меня Его провидение.

Вопрос социальной справедливости

Вернувшись в Нью-Йорк, Финней обнаружил, что многих его жителей серьезно беспокоила проблема рабства. Среди противников рабства были Льюис Таппан и его брат Артур, основавшие в том же году Нью-Йоркское городское общество борьбы с рабством, позже ставшее Американским обществом борьбы с рабством. До этого братья Таппан горячо уговаривали Чарльза позволить афроамериканцам посещать служения Чатемской церкви, и он согласился, хотя белым и черным были отведены места в разных концах зала.

Со своей кафедры Чарльз постоянно выступал против рабства и даже отказывал рабовладельцам в причастии. Сторонники рабства, недовольные его твердой позицией, а также деятельностью братьев Таппан (они были основными спонсорами Бродвейкой скинии, которая должна была стать новой церковью Финнея), подожгли почти достроенное здание. Огонь полностью уничтожил его крышу, но братья Таппан сразу же распорядились возобновить строительство, и в 1836 году здание было полностью построено. Чарльз оказал значительное влияние на проектирование нового храма. Зал имел круглый алтарь с расположенной в центре кафедрой и мог вместить одновременно две тысячи четыреста человек. Места для прихожан и гостей были расположены в виде двухуровневого амфитеатра, что улучшало акустику.

Когда газета The New York Evangelist, основанная группой людей достаточно смелых для того, чтобы публиковать ответы критикам Финнея, включилась в дискуссию о рабстве, то вскоре потеряла

своих подписчиков. Редактор газеты, преподобный Джошуа Ливитт, обратился к Финнею за помощью, и тот пообещал поддержать его в молитве. Поразмыслив над этим день-другой, Чарльз решил выступить с серией лекций о возрождении и предложил газете их напечатать. К большой радости редактора, предпринятые меры возымели результат: читатели стали подписываться на Evangelist быстрее, чем раньше отказывались от него. В опубликованных лекциях Финней говорил о том, что возрождение было не чудом, а скорее, результатом обращения людей к Богу и послушания водительству Святого Духа. И снова Чарльз сотряс кальвинистское основание новоанглийской ортодоксальности и упование людей на верховенство Бога для оправдания собственной пассивности.

Со своей кафедры Чарльз постоянно высказывался против рабства.

После того как газета опубликовала эти материалы, они были изданы в виде отдельной книги, озаглавленной "Лекции Финнея о духовном возрождении" (Finney's Lectures on Revival), которая была распродана практически сразу же после выхода из типографии. Кроме того, она также была издана - и при необходимости переведена - в Соединенных Штатах, Канаде, Англии, Шотландии, Уэльсе, Франции, Германии и других странах Европы. Многие люди после прочтения этой книги приходили к Богу. Влияние Чарльза Финнея, оказанное им на жителей Новой Англии и Нью-Йорка, теперь распространилось уже по всему миру. Сам он считал этот успех частью ответа на молитву, вознесенную к Богу в тот момент, когда он находился в море, - Господь использовал его еще сильнее, чем раньше.

Финней становится профессором

Когда Чарльз выступал с проповедями в Нью-Йорке в конце 1834 года и в течение всей зимы следующего, 1835 года, возрождение не затихало. Однако неожиданно он столкнулся с такой проблемой: множеству желавших посвятить себя служению молодых людей негде было получить необходимое образование и помазание в соответствии с проповедуемым Финнеем Евангелием. Вскоре число просьб к Чарльзу сделаться преподавателем теологии стало столь велико, что он согласился и начал читать лекции.

Приблизительно в это же время в семинарии Лейна, расположенной в Цинциннати, штат Огайо, возникли разногласия, в результате которых Финней сумел заметно продвинуться на новом для себя преподавательском поприще. Студентами семинарии Лейна были преимущественно новообращенные молодые люди из нью-йоркской "выжженной земли", твердо верившие в то, что рабовладение является грехом. Однако многие попечители семинарии сами имели рабов и потому пытались заставить студентов молчать. Эйса Махэн, один из попечителей семинарии, принял сторону студентов, и когда те решили основать новый колледж в Оберлине, штат Огайо, Махэн отправился вместе с ними. Он стал первым президентом Оберлинского колледжа, а студенты выразили желание, чтобы их профессором теологии стал Чарльз Финней. Когда братья Таппан решили обеспечить необходимыми средствами всех профессоров колледжа, Чарльз согласился летом преподавать в Оберлине, а зимой нести пасторское служение в Нью-Йорке. Лето 1835 года Финней провел в Оберлине.

Соглашаясь на преподавательство в колледже, Чарльз выдвинул несколько встречных условий, одним из которых было равное отношение к афроамериканским и белым студентам - в учебном заведении не должно быть никакой дискриминации или сегрегации, основанной на цвете кожи или половой принадлежности. Оберлин даже стал одной из станций подпольной железной дороги, помогавшей рабам бежать с Юга в Канаду для обретения долгожданной свободы. Несмотря на то, что афроамериканское население Оберлина никогда не превышало 5 процентов, тем не менее он являлся символом надежд аболиционистов - местом, где царила свобода и не было никаких межрасовых различий. Кроме того, Финней верил в необходимость предоставления женщинам достойного образования, поскольку именно они являлись главными наставниками детей, — поэтому в Оберлине был открыт специальный женский факультет.

Когда Чарльз Финней начал преподавать в Оберлинском колледже, тот распахнул свои двери перед ста учащимися, но уже к 1840 году там училось не менее пятисот студентов. К тому времени, когда в 1851 году Финней стал президентом колледжа, в нем насчитывалось уже более тысячи студентов. Мэри Джейн Паттерсон, родители которой были рабами, закончила Оберлин в 1862 году и стала

первой афроамериканской женщиной в Соединенных Штатах — и, возможно даже во всем мире — получившей степень бакалавра. Впоследствии она возглавила первую "подготовительную среднюю школу для цветной молодежи" в Вашингтоне, округ Колумбия. После смерти Финнея американский президент Джеймс Гарфилд в своем обращении к студентам Оберлинского колледжа торжественно заявил, "что ни один другой колледж на этой земле не коснулся с большей эффективностью главных нервных центров общенациональной жизни и мысли и не облагородил их так, как сделало учебное заведение, которому Чарльз Финней посвятил так много лет христианского служения".

Смена деноминации

Когда в правилах местной пресвитерии обнаружилось противоречие, касавшееся наставления переходящих членов, Финней решил, что эта проблема связана с отсутствием в пресвитерии необходимого старшинства (это очень сильно его беспокоило, поскольку еще со времен своей юридической практики он считал старшинство не менее важным, чем законотворческая деятельность). В результате он решил покинуть эту деноминацию. Этот шаг нелегко дался человеку, который был пресвитерианином с самого начала своего служения, однако сам он считал, что должен и дальше следовать за Богом с чистой совестью и не менее чистым сердцем. Таким образом, было решено сделать Чатемскую церковь конгрегациональной и перенести ее служения в "Скинию" на Бродвее, которая в течение некоторого времени была закрыта на ремонт. 13 марта 1836 года Финней оставил должность пастора Второй свободной пресвитерианской церкви и стал служителем конгрегациональной церкви. Пока не были закончены последние работы на Бродвее, он провел еще несколько служений в Чатемской церкви. Первое собрание в "Скинии" состоялось в воскресенье, 10 апреля. В тот же вечер Чарльз был назначен пастором "Скинии".

Переезд в Оберлин

Начиная с лета 1835 года и вплоть до 6 апреля 1837 года, когда Финней оставил должность пастора "Скинии" и переехал на постоянное место жительства в Оберлин, он все время разрывался между Оберлином и Нью-Йорком. В том же году, 16 марта, появился на свет четвертый ребенок Чарльза и Лидии, Джулия Финней. В предыдущем году, когда Джеймс Шиферд из-за болезни вынужден был оставить должность пастора Оберлинской церкви, Финней получил приглашение временно занять освободившееся место. Но после того, как в мае 1837 года семья Финней переселилась в Оберлин, эта временная должность стала для Чарльза постоянной. Теперь он получил возможность в будни преподавать, а по воскресеньям проповедовать в местной церкви. Его главным и первоочередным призванием всегда было проповедование — он не мог даже на малое время отказаться от него. Под его руководством церковь процветала, так же, впрочем, как и университет. Первая церковь Оберлина росла столь быстро, что в 1844 году для нее было построено еще одно церковное здание вместимостью две тысячи человек. Многие годы это здание оставалось самым большим из церковных строений к западу от Аппалачских гор.

Все еще оставаясь в своем сердце человеком возрождения, Чарльз Финней проявил себя также как социальный реформатор. Со времен Рочестера он научился тому, что Евангелие может изменять не только человеческие сердца: если ему дать такую возможность, оно будет способно преобразовать и все общество. Кроме борьбы за отмену рабства, работа Чарльза в Оберлине затрагивала и другие аспекты социальной жизни, такие как участие в движении за введение "сухого" закона, соблюдение святости воскресенья и участие женщин в церковной жизни. Однако борьбу за человеческие души Финней всегда ставил на безальтернативно первое место, что понимали не все его студенты в Оберлине. Часть выпускников этого учебного заведения впоследствии сбились с пути, запутавшись в житейских делах и утратив понимание совершенной воли Божьей для собственной жизни. Их бунтарская натура взяла верх над любовью и верностью.

Финней оставался в Оберлине вплоть до 1842 года, после чего поехал Бостон, Провиденс, Нью-Йорк и Рочестер для проведения там собраний. Бог все еще не перестал задействовать его, и духовное возрождение сопровождало его везде, где бы он ни проповедовал. Теперь Чарльз руководствовался уже традиционными методами: "Мне следовало лишь проповедовать Евангелие и обильно молиться наедине с Богом, в общественных местах и во время всеобщих молитвенных

собраний. Большое ударение всегда надо ставить на молитву, которая является главным инструментом продвижения духовного возрождения". Когда к молитве Чарльза Финнея присоединялись его соратники, Бог неизменно отвечал на их просьбы.

Более глубокое крещение Святым Духом

В первые годы своего пребывания в Оберлине Финней был очень обеспокоен тем, что часть людей, обратившихся к Богу во время возрождения, постепенно охладели или совсем отпали от веры. Он склонялся к тому, что христиане нуждались в более глубоком обращении, или во "втором благословении", если они действительно желали жить полностью освященной жизнью. Он пришел к выводу, что дальнейшая работа Святого Духа позволит верующим людям жить в святости, исполняя увещевание Христа, с которым Тот обратился в Своей Нагорной проповеди в Евангелии от Матфея 5:48, призывая верующих в Него "быть совершенными". Это убеждение вызвало в адрес Оберлина еще больший шквал критики, а многие люди и без того считали это заведение логовом экстремистов во главе с Финнеем и Махэном. "Второе благословение" стало темой серии лекций, которые Чарльз читал в Оберлинском колледже и которые позже были опубликованы в виде двухтомного издания "Лекции по систематической теологии" (Lectures on Systematic Theology). Однако вплоть до зимы 1843-1844 годов сам Финней не испытывал в своей жизни ничего из описанного им.

Осенью 1843 года Чарльз снова получил приглашение в Бостон и ответил на него согласием. Бостон в те времена не устоял перед соблазном универсализма и унитарианизма, причем это влияние приняло такие масштабы, что многих людей Финней обнаружил в следующем духовном состоянии:

Многие бостонцы более нестабильны в своих религиозных убеждениях, чем жители любого другого города, где мне довелось трудиться... Чрезвычайно трудно сеять религиозные истины в их головы из-за влияния распространенных здесь унитари-анских учений, которые заставляют их подвергать сомнению все основные библейские доктрины. Их система состоит из одних лишь отрицаний. Их теология негативна. Они отрицают практически все и не признают практически ничего. Эти заблуждения легко проникают в человеческие уши, так что и наиболее иррациональные взгляды по религиозным вопросам распространяются среди огромного количества людей.

После этого Чарльз описал те перемены, которые произошли в нем за то время, когда он молился о бостонских проблемах и их преодолении. (Этот отрывок достаточно длинен, однако изложенные в нем мысли настолько глубоки, что я хотел бы представить их дословно.)

Этой зимой Господь тщательнейшим образом исследовал мою душу и даровал мне свежее крещение Духом... Вот уже долгое время мои мысли были практически всецело сосредоточены на молитве, как, в принципе, было всегда, когда я трудился в Бостоне... Этой же зимой я особенно глубоко задумался о личной святости, о состоянии церкви и ее желании обрести Божью силу, о слабости традиционных церквей Бостона, немощности их веры и их желании влиять на общество. То, что они лишь немного преуспели - если вообще преуспели — в преодолении стоявших перед городом проблем, не давало покоя моим мыслям.

Я решил максимально посвятить себя молитве. После вечерних служений я старался засыпать как можно раньше; но при этом каждое утро просыпался в четыре часа, потому что просто не мог спать дольше, и немедленно принимался за работу: активно включался в молитву... Нередко это продолжалось до завтрака, о котором гонг возвещал в восемь часов утра. Когда появлялась такая возможность, целые дни я проводил за исследованием Писания. Всю эту зиму я не читал ничего, за исключением Библии, и значительная ее часть словно открылась мне заново. Господь снова провел меня от Бытия до самого Откровения... Все Писание показалось мне словно залитым светом, и не только светом, ибо мне показалось также, что Слово Божье было наполнено бившей из него ключом жизнью Самого Бога...

Той зимой я трудился преимущественно среди христиан, стараясь принести им духовное возрождение. Господь подготовил меня к этому благодаря великой работе, совершенной Им в моем сердце...

В этом месте больше, чем где бы то ни было, людей, которые с полуслова понимают меня и жадно хватаются за каждую истину.

Но даже здесь большинство верующих не принимают безоговорочно всех этих истин. Они не возражают, не противятся и верят во все, что им открыто. Но при этом они ничего не знают о силе самых высоких и наиболее драгоценных истин Евангелия спасения в Иисусе Христе...

Я глубоко уверен, что до тех пор, пока не будет исправлено основание и бостонские христиане не начнут вести по-настоящему христианский образ жизни, они никогда не сумеют успешно противостоять унитарианистам. Мне известно, что традиционные служители многие годы проповедовали ортодоксальность, противопоставляя ее унитарианизму; и все то, чего можно было добиться с помощью дискуссии, уже было достигнуто. Но я понимал, что унитарианистам нужно было каждый день видеть перед собой христиан, живущих в полном согласии с чистым Евангелием Христовым, слышать их слова и знать, что они не расходятся с делами. Вся их жизнь должна показывать, что Иисус Христос является Божественным Спасителем, способным спасти их от греха. Но, увы, заявления христиан о вере во Христа не соответствовали их поступкам. Они не могли похвастать тем, что выражают Христа своими делами. И потому существует огромная потребность в доказательствах со стороны живых Божьих свидетелей; доказательствах, основанных не на пустом месте, способных убедить унитариан. А одни только рассуждения и аргументы, какими бы исчерпывающими и красноречивыми они ни были, никогда не смогут помочь унитарианам преодолеть заблуждения и предрассудки.

Здешние традиционные церкви являются чересчур формальными: они привязаны к определенным схемам; они боятся каких-либо изменений, боятся двигаться вперед в свободе, используя все возможные средства для спасения человеческих душ. Лично мне они всегда казались какими-то скованными (что проявлялось, прежде всего, в молитвах), причем до такой степени, что дух молитвы, как я его называю, вообще редко встречался мне в Бостоне. Церковные служители и дьяконы, в общем-то люди неплохие, боятся того, что скажут о них унитариане, если в своем стремлении распространять христианство они начнут действовать так радикально, что пробудят людей. Они считают, что все необходимо делать только так, а не иначе. Дух Святой с печалью взирает на эту их скованность.

Мне довелось проводить в Бостоне пять масштабных духовных возрождений, и я должен откровенно заявить о своей искренней убежденности в том, что величайшим препятствием на пути преодоления унитарианизма и всех остальных здешних заблуждений является робость христиан и христианских церквей.

Невосполнимая утрата

В это время в Оберлине Лидия Финней слабела на глазах, чему не смогла воспрепятствовать даже ее беременность и рождение в 1841 году пятого по счету ребенка, Сары Финней. В 1843 году Сара тяжело заболела и 9 марта умерла. Шестой и последний ребенок Чарльза и Лидии, Делия Финней, родившаяся в 1844 году, прожила лишь восемь лет и скончалась от болезни 1 сентября 1852 года.

Лидия верно поддерживала Чарльза на протяжении всей своей жизни и сделала очень многое для успеха его служения. Скромной и смиренной женщине нелегко было выполнять роль жены такого великого человека, но она с честью выдержала все испытания, оставаясь верной помощницей своего мужа даже во времена его многомесячных отлучек. В глазах Чарльза она была образцом женственности - верной молитвенницей и прилежной воспитательницей, заботящейся о душах своих детей. Находясь уже на смертном одре, Лидия сказала мужу о том, что "справилась со своей работой, которую выполняла с ними и ради них. В последний раз она помолилась вместе с ними, дав им последние наставления". Лидия Финней умерла 17 декабря 1847 года. Ее смерть стала одной из самых больших трагедий в жизни Чарльза. Если бы не обильные благословения, излившиеся на него в Бостоне, он, возможно, не смог бы перенести этой утраты.

Чарльз остался один с пятью детьми: девятнадцатилетней Хелен, которая вышла замуж за оберлинского профессора Уильяма Кохрана; семнадцатилетним Чарльзом; пятнадцатилетним Фредериком; тринадцатилетней Джулией и Делией, которой на тот момент исполнилось лишь три года. Чрезвычайная загруженность Чарльза сразу на нескольких поприщах не позволяла ему долгое время оставаться неженатым. Решение повторно жениться далось ему очень нелегко, но 13 ноября 1848 года Эйса Махэн, в то время исполнявший обязанности президента Оберлинского колледжа, уже руководил церемонией бракосочетания Чарльза Финнея и Элизабет Форд Аткинсон, вдовы из Рочестера. Как и ее покойный муж, Уильям Аткинсон, с 1830 года она являлась горячей сторонницей

Финнея. Элизабет потеряла мужа и двух дочерей во время вспыхнувшей в 1843 году эпидемии брюшного тифа. Несмотря на то, что брак между Чарльзом и Элизабет был заключен более по необходимости, чем по любви, женщина стала для осиротевших детей заботливой матерью, а сам Чарльз со временем полюбил ее и проникся к ней глубоким уважением. Во все годы их совместной жизни Элизабет всячески поддерживала служение и семью Чарльза.

Последние годы Финнея

По многочисленным просьбам, осенью 1849 года Чарльз с женой совершили миссионерское путешествие в Великобританию. Служение Финнея и там оказалось успешным благодаря методам, проверенным им еще в Соединенных Штатах. Элизабет же с не меньшим успехом проводила собрания для женщин - все большее вовлечение женщин в христианское служение началось под руководством ее мужа.

В 1851 году Чарльз Финней стал президентом Оберлинского колледжа. Когда ему позволяли непосредственные обязанности, он продолжал путешествовать и вдохновлять все новые и новые духовные пробуждения. Между 1851 и 1857 годами Финней проповедовал в Бостоне, штат Массачусетс; Нью-Йорке; Хартфорде, штат Коннектикут; а также Рочестере, штат Нью-Йорк. В 1859 году он снова посетил Англию, откуда направился на север, чтобы проповедовать в Шотландии. Именно это последнее путешествие на Британские острова до предела истощило его: вернувшись в 1860 году, перед самым началом Гражданской войны, в Соединенные Штаты, Чарльз больше не покидал Оберлин. 27 ноября 1863 года скончалась Элизабет. В следующем году Чарльз женился в третий раз. Его новая жена, Ребекка Аллен Рэйл, была заместителем директора женского отделения Оберлинского колледжа.

Несмотря на то, что Финней продолжал преподавать и проповедовать в Оберлине до конца своих дней, в 1866 году он отказался от должности президента колледжа. По просьбе друзей и коллег в 1868 году он закончил свои "Мемуары", хотя они и увидели свет только через год после его смерти.

За две недели до своего восемьдесят третьего дня рождения, 16 августа 1875 года, на исходе лета, Чарльз Финней скончался.

Наследие возрожденной нации

Жизнь Чарльза Финнея охватывает практически все первое столетие правления американских президентов - от Джорджа Вашингтона до Улиссеса Сю Гранта, - и никто другой не внес большего вклада в дело признания Соединенных Штатов в начале XX века "христианской нацией". Начатые Финнеем духовные возрождения стали искрой, зажегшей второе Великое пробуждение, объединившее страну вокруг

Библии и молитвы, а его стремление к нравственности и социальной справедливости заложило основание для многих знаковых движений - от "сухого" закона и борьбы за отмену рабства до движения за права человека. Его учение о христианском перфекционизме вдохновило движение святости, набравшее силу во второй половине XIX века, движение, ставшее фундаментом пятидесятиического и харизматического движений XX века. Проповеднический стиль и методы Финнея и сегодня используются многими евангелистами по всему миру. К ним относятся молитвенные собрания до и во время мероприятий, многонедельные молитвенные встречи, призывы к слушателям выйти к алтарю и следовать за Богом еще до того, как они покинут аудиторию. Все это повлияло на многих проповедников - от Дуайта Л. Муди до Билли Грэма. Образ жизни, служение и учение Финнея способствовали появлению того хорошего, что есть сегодня в американском христианстве. Если церковь действительно собирается оказывать влияние на мир в XXI веке, нам не обойтись без таких людей, как Чарльз Финней, всегда и во всем готовых следовать Божьему призванию.

Глава 8

Дуайт Л. Муди
(1837-1899)

"*Величайший из дилетантов*"

"ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ ДИЛЕТАНТОВ"

Мир еще увидит, что Бог может сделать с, для, через и в самом человеке, который целиком и полностью посвящен Ему... Я изо всех сил буду пытаться стать таким человеком.

Почему бы вам не посвятить свою жизнь Христу? Он может сделать с ней гораздо больше, чем вы сами.

- Дуайт Л. Муди

Из всех рассмотренных в этой книге героев возрождения никто не достиг столь многого, имея изначально так мало, как Дуайт Л. Муди. Так же как никто из них не вознесся столь стремительно от абсолютной безвестности к мировой славе. Уникальность Муди заключается в том, что успех к нему пришел в стране, которая не являлась его родиной. Он проделал путь от простого, необразованного дилетанта, закончившего лишь четыре класса, до основателя колледжа, Библейского института Муди, и двух издательств, Moody Press и Fleming H. Revell.; а также проповедника, выступавшего перед большими аудиториями, чем кто-либо из его коллег, за исключением Билли Сандея и Билли Грэма. Сам Муди говорил: "Если Бог призывает человека к работе, Он будет с ним в этой работе, и человек преуспеет, независимо от трудностей и обстоятельств". Эту истину Муди доказал собственным примером благодаря удивительной целеустремленности, Божьему помазанию и умению с помощью молитвы и влияния приносить пробуждение.

За свою жизнь он не раз становился свидетелем величайших несчастий, которые только могли постичь любого из отцов пробуждения: Гражданская война практически расколола его народ на две части; он едва не утонул в море; то, что он строил, сгорело дотла. Однако, несмотря на все это, Д. Л. Муди стал наиболее влиятельным американским проповедником XIX века.

Тяжелое детство

Шестой ребенок Эдвина и Бетси Муди, Дуайт Лайман Муди, появился на свет 7 февраля 1837 года в Нортфилде, штат Массачусетс. В течение следующих четырех лет в семье появилось еще трое детей, двое из которых были близнецами. Утром 28 мая 1841 года во время работы Эдвин Муди неожиданно почувствовал резкую боль в боку. Вернувшись в полдень домой, на глазах жены он рухнул на пол и скончался еще до того, как кто-либо успел осознать всю серьезность его состояния.

Он ушел из жизни, оставив свою жену на восьмом месяце беременности (она вынашивала близнецов).

Семья Муди жила небогато. Эдвин работал каменщиком, и на момент его смерти все имущество семьи было заложено. Вдовье право (закон, согласно которому кредиторам запрещалось отбирать дома и средства к существованию у недавно овдовевших женщин) сохранило Бетси дом. Тем не менее кредиторы набросились на остальное имущество семьи, забрав лошадь, повозку, корову и прочие представлявшие хоть какую-то ценность вещи, за исключением инструментов Эдвина и теленка, которого Бетси со старшим сыном Айзейей сумели спрятать до прибытия кредиторов. Эти люди не побрезговали даже поленницей и хворостом для растопки. Но даже после этого Бетси все равно пришлось выплачивать по закладной - что было невероятно трудно для матери семи детей, ожидавшей появления на свет двойни. Но с помощью своих братьев и некоторых соседей, а также со свойственной ей решительностью и истинно североамериканской стойкостью Бетси сохранила дом и еще больше сплотила свою семью. Об этом Дуайт позже говорил в своей проповеди, посвященной доброму самарянину:

Каждый раз, когда я думаю об этом, у меня на глаза наворачиваются слезы. Мой отец умер, когда я был еще слишком мал, чтобы его запомнить. У нас была большая семья. Малютки близнецы появились на свет уже после смерти отца - всего нас было девять. Он умер банкротом, и кредиторы забрали у нас абсолютно все, что было позволено законом. Для нас наступили тяжкие времена. Огромное спасибо Богу за мою маму! Она никогда не теряла надежды. Несколько лет спустя она рассказала мне, что в течение дня старалась оставаться бодрой и радостной, но по ночам горько рыдала. Мы не знали этого, иначе это наверняка разбило бы наши сердца.

На следующее утро после набега кредиторов семья Муди проснулась в холодном доме у потухшего очага, но братья Бетси не оставили их в беде. Сам Дуайт, хотя ему в то время исполнилось только четыре года, вспоминал об этом:

Я помню столь же отчетливо, словно это было вчера, как услышал звук летящих щепок и тут же понял, что кто-то рубит дрова в нашем сарае, а также то, что скоро у нас будет огонь. Я никогда не забуду, как дядя Сайрус пришел к нам с такой огромной охапкой дров, какую я, казалось, никогда раньше не видел.

Другим человеком, поспешившим на помощь сиротам, был Оливер Эверетт, пастор Унитарианской церкви Нортфилда. Преподобный Эверетт не был обычным последователем унитарианизма, поскольку, согласно биографу У. Х. Даниэлсу, "он верил в Библию как вдохновенное Богом Слово [и] в Иисуса Христа как своего Спасителя". В течение последующих полутора лет вся семья Муди стала посещать церковь, а преподобный Эверетт помогал ей материально в тех случаях, когда это не могли сделать ни братья Бетси, ни ее соседи. Именно он поддержал решение женщины сохранить семью, когда окружающие советовали ей отдать часть детей в другие дома. Преподобный Эверетт также призывал свою паству тщательно прочесывать окраины Нортфилда и приводить в воскресную школу всех обнаруженных там беспризорных детей. Много лет спустя, когда Дуайт возглавлял собственную воскресную школу в Чикаго, для наполнения классных комнат он использовал в точности такую же тактику. К сожалению, в скором времени на место преподобного Эверетта пришел молодой служитель, воспитанный в худших традициях рационалистической школы, и семья Муди очень быстро потеряла всякий интерес к посещению служений.

Боль Дуайта, вызванная потерей отца, позже усилилась, когда его пятнадцатилетний брат Айзейя, не сказав никому ни слова, ушел из дому (Дуайту в то время едва исполнилось семь лет). На протяжении следующих тринадцати лет об Айзейе ничего не было слышно. Дуайт, скорее всего, чувствовал себя оставленным и заброшенным. Когда мальчику исполнилось десять лет, он начал проводить зимы вдали от родных, работая в чужих домах за ночлег и еду. В свою первую рабочую зиму он настолько тосковал по дому, что едва не вернулся назад. Но однажды, прогуливаясь со своим братом Лютером, Дуайт повстречал старика, который моментально избавил его от тоски по дому своим удивительным рассказом, навсегда изменившим жизнь мальчика. Дуайт так описал произошедшее:

Этот старик положил свою дрожащую руку на мою голову и внимательно посмотрел на меня. Он словно коснулся моего сердца, когда, держа мою руку, говорил мне о том, что у Бога на небесах есть единственный Сын и что Господь так возлюбил этот мир, что Сын умер за него. Далее он стал

рассказывать мне о небесах, о том, что Небесный Отец любит меня и что мой земной папа вознесся на небеса, а также о том, что у меня там есть Спаситель. После этого он, уложившись в пять минут, рассказал мне историю о Кресте. Затем он сунул руку в карман и дал мне совершенно новый цент. Никогда раньше мне не доводилось видеть такого блестящего и красивого цента, и я, было, уже подумал, что он из чистого золота. Старик положил монетку мне в руку, и меня охватили такие чувства, которых я не испытывал ни до, ни после этого. Такое проявление доброты моментально избавило меня от тоски по дому. С этого момента я почувствовал, что у меня есть друг. И считал этого человека чуть ли не Богом.

В то время Дуайт еще не принял Евангелия, но его сердце было тронуто.

На протяжении следующих семи лет, каждый раз, когда Бетси Муди и ее дети оказывались недалеко друг от друга, она приглашала их посетить вместе воскресное богослужение и потом пообедать. Время, проведенное рядом с матерью, братьями и сестрами, стало для Дуайта наиболее теплым и драгоценным воспоминанием.

Свое школьное образование Дуайт окончил к тому моменту, когда ему исполнилось десять лет. В общей сложности мальчик посещал школу не более четырех лет. Этого было достаточно для того, чтобы найти себе работу, которая позволяла бы содержать себя и помогать своим родным. В возрасте семнадцати лет Дуайт решил, что пора отправляться в самостоятельное плавание. Таким образом, в апреле 1854 года он направился в Бостон, желая наконец проверить, на что он способен.

Маленькая рыбка в большом пруду

Сэмюэл и Лемюэл Холтоны, дяди Дуайта, которые многие годы так самоотверженно заботились о семье своей сестры, за несколько лет до этого покинули Нортфилд и перебрались в Бостон, где у них было два процветающих обувных магазина. Юный Дуайт решил последовать за ними в большой город. Подростку, никогда раньше не видевшему города с населением более тысячи человек, Бостон с его 150 тысячами жителей, должно быть, показался чем-то ужасающим и завораживающим одновременно. 1850-е годы стали в Соединенных Штатах временем стремительных перемен. В начале этого десятилетия по всей стране было проложено лишь 8571 миля железных дорог, однако уже к 1860 году их протяженность составляла около 30 тысяч миль. В 1848 году железная дорога достигала лишь Нортфилда, и истории о том, что находилось на другом ее конце, завораживали Дуайта. Все свои сбережения он потратил на билет до Бостона. Это было не самое обнадеживающее начало для человека, который однажды станет известен на весь мир.

Дуайт был уверенным в себе, прямым и открытым юношей с упрямым характером, из-за чего он далеко не всегда ладил с людьми.

По общим отзывам, Дуайт был уверенным в себе, прямым и открытым юношей с упрямым характером, из-за чего он далеко не всегда ладил с людьми. Опасаясь, что дерзость племянника и отсутствие у него приличных манер создадут ему ненужные проблемы, дядя Сэмюэл советовал ему не ехать в Бостон. Тем не менее, несмотря на все предупреждения, спустя четыре месяца после этого разговора Дуайт появился у его дверей, надеясь найти здесь кров и работу в дядином магазине. Не получив, однако, немедленного предложения, юноша заявил о том, что найдет работу самостоятельно, и ушел. Но этот шаг принес ему гораздо больше неприятностей, чем он мог предполагать. Через несколько дней Дуайт появился на пороге дома своего другого дяди, Лемюэла, и заявил, что в поисках работы собирается отправиться в Нью-Йорк. Лемюэл поинтересовался у племянника о том, спрашивал ли он о работе у дяди Сэмюэла, зная, что тот имеет дяя этого больше возможностей. Дуайт сказал ему, что работы там не нашел, а также дерзко добавил, что дядя "знает, что я ищу себе занятие, и может мне помочь, а может и не помогать вовсе — пусть поступает, как хочет". Лемюэл посоветовал племяннику проявить больше смирения, подчиниться авторитету старших и просто попросить. Дуайт, смирив гордость, вскоре вернулся к дяде Сэмюэлу, который сказал ему:

- Дуайт, боюсь, что, если ты придешь работать в магазин, то захочешь все делать по-своему. Мои же люди делают свою работу так, как я этого хочу. Если ты готов изо всех сил стараться все делать правильно; если ты обещаешь каждый раз, когда чего-то не будешь знать, спрашивать об этом; если ты согласен исправно посещать церковь и воскресную школу, а также не ходить в такие места, о

которых ты не хотел бы, чтобы знала твоя мама, тогда, думаю, мы поладим. До понедельника у тебя есть время обо всем подумать.

Но Дуайту не понадобилось столько времени. Он согласился сразу же и в тот же день был принят к дяде на работу в качестве продавца. Сэмюэл также снял своему племяннику комнату в доме у одной христианской семьи, показал место, где тот мог есть, и привел его в кон-грегационную церковь в Маунт-Верноне.

В течение следующих нескольких лет Дуайт стремительно развивался, радуясь появившейся у него возможности посещать лекции и бейсбольные матчи, общаться с людьми разных национальностей и читать книги, взятые в местном отделении Мужской молодежной христианской организации, членом которой он стал. Три месяца спустя он стал лучшим продавцом у своего дяди и вскоре заработал достаточно денег, чтобы купить новую обувь матери и оставшимся дома братьям и сестрам.

Кроме того, он стал главным кормильцем семьи. Его ближайшие родственники - дяди, тети и кузены - с удовольствием приглашали Дуайта в гости, что давало ему столь необходимую в жизни поддержку. Следуя указаниям дяди, он начал посещать церковь в Маунт-Верноне, однако служения его мало интересовали: сильно измотанный в течение рабочего дня, он нередко засыпал прямо во время проповеди.

Встреча с Иисусом

Занятия в воскресной школе, которую посещал Дуайт, вел Эдвард Кимболл, преданный Богу человек средних лет, которого весьма заинтересовал восемнадцатилетний продавец обуви. В субботу, 21 мая 1855 года, у Эдварда появилось побуждение выяснить состояние души Дуайта, для чего он отложил все свои дела. Однако к тому моменту, когда мужчина достиг обувного магазина, он внутренне отговорил себя от этого, испугавшись поставить Дуайта в неловкое положение перед его коллегами или показаться чересчур назойливым, помешав ему работать. Осторожный Эдвард прошел мимо магазина, но вскоре вернулся, вошел и сообщил парню о цели своего визита. В этот момент молодой человек стоял в конце торгового зала, расставляя обувь на полках.

Дуайт относился к Эдварду Кимболлу с большим уважением, потому что в первый день занятий тот проявил по отношению к нему большую деликатность. Когда Кимболл попросил учеников открыть Евангелие от Иоанна, Дуайт, не знакомый со Священным Писанием, начал листать его страница за страницей. Увидев это, Эдвард помог новичку выйти из неловкого положения, протянув ему собственную Библию, уже открытую на нужной странице.

Дуайт позже вспоминал визит Кимболла в обувной магазин:

Я посещал воскресную школу, и однажды, помню, мой учитель зашел за прилавок магазина, в котором я работал, и положил руку мне на плечо, после чего начал говорить о Христе и о моей душе. До того момента я даже не думал о том, что у меня есть душа. Я сказал себе: "Это чрезвычайно странно! Здесь стоит человек, который лишь недавно познакомился со мной, и вот он оплакивает мои грехи, о которых я сам не проронил ни слезинки". Но сейчас я прекрасно понимаю, что значит переживать за человеческие души и оплакивать их грехи. Не помню в точности, что он тогда мне говорил, но вплоть до сегодняшнего вечера я ощущаю на своем плече его ладонь. Спустя совсем немного времени после этого случая я вошел в Царство Божье.

Через сорок лет после визита Кимболла Дуайт свидетельствовал о том, как изменилась его жизнь после обращения к Христу:

Помню то утро, когда я вышел из своей комнаты после того, как впервые доверился Христу. В тот миг мне показалось, что наше старое солнце светило на порядок ярче, чем когда бы то ни было, - оно словно улыбалось мне. Я вышел на улицу, где услышал пение птиц в кронах деревьев, и мне подумалось, что все они пели исключительно для меня. Вы знаете, я просто влюбился в этих птиц. А я раньше никогда о них даже не думал. Мне казалось, что я влюбился во все Божье творение. У меня не было никаких негативных мыслей по отношению к кому бы то ни было, и я готов был принять в свое сердце все человечество. Пока любовь Божья не прольется в человеческое сердце, он не сможет почувствовать себя обновленным. Если вы услышите, как во время молитвенного собрания какой-либо человек, начинает искать недостатки в окружающих, поставьте под сомнение искренность его обращения; это может быть притворством. Оно лишено чего-то чрезвычайно важного, потому что импульсом обращенной к Богу души является любовь, а не стремление встать и начать жаловаться на окружающих и искать в них недостатки.

Молодой Д.Л. Муди
Из архива Робертса Лиардона

Отказ в церковном членстве

Три с половиной недели спустя, в среду, 16 мая 1855 года, Дуайт попросил принять его в члены конгрегационной церкви в Маунт-Верноне. Юноша засвидетельствовал о том, что получил спасение, но, поскольку он почти не знал церковных догматов, в членстве ему было отказано. К примеру, когда дьяконы, проводившие собеседование, спросили: "Что Христос сделал для тебя, для всех нас, благодаря чему мы особенно должны любить Его и быть Ему покорными?" - Дуайт ответил: "Я думаю, Он многое сделал для всех нас, но конкретно ничего сказать не могу". Несмотря на то, что одним из служителей, проводивших собеседование, был Эдвард Кимболл, дьяконы посчитали, что свидетельству Дуайта не хватает весомых доказательств его обращения. Прошение Дуайта было отклонено, и ему посоветовали восполнить существующие пробелы под руководством Эдварда Кимболла и двух других дьяконов.

Кимболл и двое других дьяконов ободряли Дуайта и готовили его к следующему собеседованию, запланированному на будущий год. Протокол нового собеседования выглядел так:

№1131. 12 марта 1856 года. Мистер Муди полагает, что добился определенного прогресса с тех пор, когда он был здесь последний раз, — как минимум, в знаниях. Все это время он продолжал верно молиться и читать Библию. Он верит, что Бог услышит его молитвы, и читает Библию. Полон решимости всегда и во всем следовать за Христом. Считает, что это будет очень плохо, если он присоединится к церкви, а затем отвратится от Бога. Должен покаяться и попросить Бога о прощении. Никогда не откажется от своей надежды и не перестанет любить Христа, независимо от того, будет принят в члены церкви или нет. Его главным устремлением является полное послушание Богу.

На этот раз, даже несмотря на то, что в жизни Дуайта мало что изменилось с момента первого собеседования, его готовность остаться под руководством Кимболла и двух других дьяконов, вкупе с искренним желанием покаяться, повлияло на положительное для него решение комиссии, и Дуайт был принят в члены Конгрегационной церкви. 3 мая он расписался в церковной регистрационной книге. Позже Дуайт нередко повторял: "Я родился во плоти в 1837 году, в Духе же я родился в 1856 году". Как писал сын Дуайта:

Действия экзаменационного комитета, отказавшего тогда в членстве молодому Муди, подвергались критике со стороны других людей, но мудрость этого решения всегда отстаивал сам Муди, который в поздние годы своей жизни подчеркивал исключительную важность способности новообращенного обосновать живущую в нем надежду.

На Запад: Дуайт перебирается в Чикаго

Приблизительно в это же время по неизвестным для других родственников причинам Дуайт поссорился со своим дядей. Когда двоюродный брат Дуайта, Фрэнк Холтон, рассказал ему о своем желании отправиться на Запад, он решил присоединиться к нему и сопровождать его до тех пор, пока не найдет для себя подходящего места.

Когда Дуайт вернулся из своей поездки, его сильный, импульсивный характер вновь начал давать о себе знать. Он горячее всех молился во время церковных молитвенных встреч; он пытался вести за собой и учить, когда другие верующие полагали, что ему следовало внимательно слушать более опытных в вере христиан и учиться у них. В конце концов, пресвитеры и дьяконы не выдержали и указали ему на необходимость вести себя тихо и полностью воздержаться от каких-либо

высказываний во время собраний. Несмотря на это, религиозное рвение Дуайта, казалось, было совершенно неуемным, поэтому вскоре в глазах церковного руководства за ним закрепилась репутация смутьяна.

из процветавших в городе пороков, является верным признаком того что его обращение к Богу было куда более серьезным, нежели полагали служители церкви в Маунт-Верноне.

Кроме того, Дуайт обнаружил, что его вера оказалась исключительным благом для бизнеса, а честность и дружелюбие - идеальной комбинацией качеств для продавца. Спустя два дня после своего прибытия в Чикаго Дуайт уже нашел себе работу, снова связанную с продажей обуви. И снова работодателем для него стал дядя Холтон - на этот раз Кельвин. Молодой человек поставил перед собой цель скопить 100 тысяч долларов - амбициозная сумма в то время, когда лишь немногие рабочие зарабатывали более доллара в день. Один из новых работодателей Дуайта так отзывался о нем: "Из-за своих амбиций он целенаправленно откладывал деньги. Его поведение отличалось строгостью и экономичностью. Как продавец, он был... усердным и неутомимым работником"14. Вскоре Дуайт убедительно доказал, что за неделю в Чикаго он вполне способен заработать столько же денег, сколько за месяц в Бостоне. Кроме того, Чикаго предоставлял замечательные возможности для ссуживания денег и получения прибыли с недвижимости, в чем Дуайт вскоре также весьма преуспел. К 1860 году молодой человек скопил капитал в размере от 7 тысяч до 12 тысяч долларов; при этом он также весьма щедро поддерживал свою оставшуюся дома семью. Тем не менее, кроме желания зарабатывать деньги, внутри у него горела еще одна страсть - желание спасать человеческие души. Дуайт был глубоко убежден в том, что Иисус является ответом на все вопросы, терзавшие человеческое сердце, и при этом чувствовал внутри призвание исцелить с помощью этого лекарства как можно большее число сердец.

Дуайт арендует церковную скамью

Дуайт перенес свое членство из церкви в Маунт-Верноне в Плимутскую конгрегационную церковь Чикаго, где благодаря своему растущему богатству и влиянию он арендовал для себя отдельную скамью. Однако Дуайт смотрел на аренду скамьи иначе, чем большинство людей: он делал это не для престижа, но для того, чтобы каждое воскресенье самостоятельно обеспечивать ее заполняемость!

Его сын писал:

Он находил молодых людей прямо на улицах, или посещал их пансионы, или даже звал их непосредственно из питейных заведений, чтобы они заняли рядом с ним место на церковной скамье. Необычность такого приглашения или же неотразимая серьезность и сердечное радушие молодого человека привлекали в церковь многих, благодаря чему в скором времени он арендовал уже четыре скамьи, которые каждое воскресенье заполнял совершенно разношерстными гостями.

Но одной церкви для Дуайта было явно недостаточно. Вскоре он уже посещал собрания в трех церквах: Плимутской конгрегационной церкви, Первой методистской епископальной церкви и Первой баптистской церкви. Каждый вечер после работы Дуайт отправлялся на какое-либо молитвенное собрание. Именно в Первой баптистской церкви он повстречал "маму" Х. Филипс, которая взяла его под свое покровительство, сделав духовным сыном, а также Эмму Ревелл, которая впоследствии стала его женой. К 1857 году Дуайт поселился в доме мамы Филипс, где и питался, и каждое их совместное собрание стало для женщины возможностью ободрить его в молитве и укрепить в вере. Она показала ему важность изучения Библии и заучивания наизусть отдельных отрывков из Священного Писания, а также важность служения детям и наставления новообращенных. В 1858 году в Чикаго началось духовное возрождение, и мама Филипс находилась практически в самом его эпицентре. Повсеместно начали возникать городские миссии, целью которых было достижение низов городского общества того времени, к которым относились, прежде всего, алкоголики, опийные наркоманы и проститутки.

Точно так же, как духовной матерью Муди была мама Филипс, его духовным отцом стал Дж. Б. Стиллсон. Стиллсон работал среди моряков, плававших по реке Чикаго, и едва только он повстречал Дуайта, как тут же почувствовал в нем родственную душу. Стиллсон брал его с собой служить в такие места, куда женщины не осмелились бы сделать и шагу. Именно Стиллсон дал юноше прочитать книгу Джорджа Мюллера "Жизнь доверия" (A Life of Trust), которая оказала на него поистине колоссальное влияние.

Тем не менее, несмотря на наличие таких замечательных духовных Наставников, вера Дуайта по-прежнему была незрелой и, в какой-то степени, легалистической. Христианство, в его представлении, в первую очередь, учило тому, чего делать нельзя, а вовсе не тому, что делать можно; оно было акцентировано на десяти заповедях и полном запрете употребления алкоголя, танцев и азартных игр, которые оттесняли на второй план Нагорную проповедь и закон любви. Рвение Дуайта было безудержным, но фокус - не всегда четко направленным. Однажды после молитвенного собрания он повстречал двух друзей, игравших в шашки, и поступил подобно Иисусу, оказавшемуся среди менял. Он схватил игровую доску, разбил ее на куски и упал на колени, чтобы молиться, скорее всего, за своих друзей, занятых столь пустым времяпрепровождением, а не за свое фарисейство и неконтролируемый гнев. Лишь некоторое время спустя он осознал, что к покаянию людей ведет именно Божья любовь, а вовсе не Его гнев. Когда позже Святой Дух помазал и благословил упорство Дуайта, вместе они оказались поистине взрывоопасным дуэтом, зажигавшим пламя духовного возрождения везде, где бы он ни служил.

Первая конгрегация Дуайта: маленькие жулики

Несмотря на то, что миссии и воскресные школы появлялись в Чикаго, как грибы после дождя, Дуайт обратил внимание на то, что никто не заботился о детях, оставшихся без родителей или живших в семьях, изувеченных алкоголизмом и бедностью. Поскольку эти дети, зачастую непослушные и даже неуправляемые, не вписывались в стандартную школьную обстановку, где ученики обязаны сидеть и слушать учителя, то от них все отмахивались, и никто напрямую не желал с ними работать. Однако сердце Дуайта было расположено к таким детям, и он решил поступить так, как подсказывало ему сердце.

Дуайт открыл воскресную школу в "Песках", худшей из чикагских трущоб, в районе, который многие называли "Малым адом". "Пески" населяли преимущественно неполные семьи, и многие из этих родителей-одиночек были к тому же алкоголиками или опиозависимыми. Дети, жившие там, охотнее отправлялись с родителями на работу, чтобы заработать себе на пропитание, чем в школу. Часто они подвергались насилию (физическому и сексуальному), недоедали и находились в рабстве многочисленных пороков, грязи и заболевании. Несмотря на то, что добропорядочные жители Чикаго всеми силами старались избегать "Песков", Дуайт поступил по велению своего сердца и, арендовав пустой бар в самом центре района, открыл воскресную школу. Посещавшие ее оборвыши сидели на полу и слушали, как "дядя Дуайт" проповедовал с "кафедры" - старой, растрескавшейся бочки. Один из первых посетителей этих собраний так описал открывшуюся его глазам сцену:

Когда я подошел к небольшой старой лачуге и открыл двери, первое, что я увидел в тусклом свете нескольких свечей, был человек, державший на руках негритенка, которому он пытался прочитать историю о блудном сыне. Многие слова, которые малыш не понимал, читавший вынужден был пропускать. В тот момент я подумал: "Если Господь когда-либо сможет использовать для Своей славы даже такой инструмент, это будет поистине изумительно". Когда собрание закончилось, мистер Муди сказал мне: "У меня есть лишь один-единственный талант. Пусть я не имею образования, но я люблю Господа Иисуса Христа и хочу делать что-то для Него". После этой встречи я нередко общался с ним и имел возможность хорошо узнать его. Должен вам сказать, что я никогда еще не встречал человека, столь твердого в вере, как он.

Дуайт Муди, как никто другой, заботился о бездомных и несчастных детях.

Участие в жизни этой "уличной шпаны", как их недоброжелательно называли окружающие, стало страстью Дуайта. Он был готов забыть обо всех правилах приличия, чтобы продолжать это делать. Возможно, вспоминая о том блестящем пенни, которое много лет назад подарил ему старик, Дуайт наполнял свои карманы монетками и конфетами из кленового сахара и раздавал посетителям своей школы. Молодой учитель участвовал в их играх, прививал им дисциплину и вкус к совместному труду. Он научился чередовать пятиминутки внимательного слушания с игровыми пятиминутками, которые больше походили на взрыв необузданного веселья, чем на игру в пятнашки. Кроме того, Дуайт, казалось, всерьез воспринимал старую пословицу: "Музыка успокоит даже дикого зверя", и

потому после веселых игр, перед возвращением к занятиям, он пять минут посвящал музыке. Так продолжалось приблизительно два часа, до конца собрания.

Поскольку Муди, как никто другой, заботился о таких детях, его школа привлекала все больше и больше ребят, а мальчишки постепенно научились выдерживать более длительные периоды занятий и Пения между шумными переменками. Благодаря всему этому Дуайт получил прозвище Сумасшедший Муди. В конце концов, с какой стати человек, находящийся в здравом уме, будет открывать воскресную школу в "Малом аду"? Тем не менее, Дуайт нашел свое место в этом хаосе. Эти маленькие проказники были ему так же дороги, как собственные дети. В первое лето занятий Муди сгоряча пообещал четырнадцати мальчишкам подарить на Рождество новые костюмы, если те будут хорошо себя вести и исправно посещать собрания. Все до единого ребята справились с этим вызовом. Даже Чарльз Диккенс, автор "Оливера Твиста", вряд ли сумел бы подобрать более колоритных персонажей для своей книги, чем это сделал в реальной жизни Дуайт, подопечные которого носили следующие прозвища: Красный Глаз, Смайкс, Безумный Мясник, Джеки Кэндлс, Гиберик, Билли Блукэннон, Дарби-Сапожник, Мясник Лилрэй, Новичок, Индеец, Черный Трубочист, Старик и Кадет в лохмотьях. Эта группа вполне могла послужить прообразом снятого впоследствии сериала под названием "Маленькие жулики" (The Little Rascals), будучи из-за расового многообразия также весьма необычным для своего времени явлением (она включала в себя чернокожих и индейцев). После того как Дуайт приобрел ребятам новую одежду, он дважды позировал с ними перед фотокамерой. Одна из этих фотографий, воспроизведенная на соседней странице, была подписана: "Окупится ли это?". Группа стала известна, как "Личная охрана Муди", и Дуайт на протяжении многих лет ссылался на нее, как на пример того, что может быть сделано в бедных районах, если только люди захотят протянуть руки друг другу.

Однажды в 1858 году Муди получил приглашение выступить во взрослой воскресной школе и рассказать ее ученикам о своей работе в "Песках". Вдохновенная речь Дуайта помогла ему обрести помощницу в своем служении - мисс Эмму Шарлотту Ревелл. Эмма и Дуайт все больше сближались, но не только из-за совместной работы в воскресной школе, а и благодаря частным урокам, которые Эмма давала Дуайту ежедневно в течение часа. Под ее руководством правописание юноши, а также его манеры и умение держать себя в обществе заметно улучшились и стали более благородными и приличными, хотя его произношение все еще оставляло желать лучшего.

Д.Л. Муди и Джон Фаруэлл позируют вместе с учениками своей воскресной школы, "Стражей Муди", в Чикаго, штат Иллинойс
Библиотека Конгресса, 03372

Среди методистов Муди обрел еще одного преданного соратника, который верой и правдой служил ему многие годы - Джона В. Фару-элла. Двухметровый Фаруэлл производил на мальчишек неизгладимое впечатление, пользуясь в их среде большим уважением и авторитетом. Когда позже Дуайт открыл вторую воскресную школу в районе Норт-Маркета, он пригласил Фаруэлла на одно из собраний и в конце попросил его сказать пару слов. После этого Муди объявил, что "назначил его директором Миссионерской воскресной школы Норт-Маркета! Прежде чем он успел что-либо возразить, школа избрала его, подкрепив свое решение громогласным ура"17.

Визит президента Линкольна

К 1860 году количество учеников, посещавших еженедельно воскресные школы Муди, выросло приблизительно до 1500 человек. Во время визита в Чикаго, состоявшегося после прошедших в ноябре выборов, президент Соединенных Штатов Авраам Линкольн даже посетил одну из школ

Муди, чтобы отметить ее успешную работу. Линкольн согласился посетить школу только при условии, что его не будут просить выступить перед учениками. Фаруэлл согласился с этим условием, но импульсивную натуру Муди невозможно было ничем обуздать. Когда президент уже собрался уходить, Дуайт провозгласил: "Если мистер Линкольн желает перед тем, как покинуть нас, произнести слово, естественно, все будут очень рады". Почетный гость вышел на середину комнаты, готовый отклонить это предложение, но "неожиданно он остановился и произнес наиболее уместную в воскресной школе речь, в которой рассказал о своем собственном весьма простом происхождении".

Его заключительные слова, обращенные к присутствующим, звучали следующим образом: "Внимательно прислушиваясь к своим учителям, усердно трудясь и применяя на практике полученные от них знания, однажды кто-то из вас, подобно мне, может стать президентом Соединенных Штатов, поскольку изначально у вас больше возможностей, нежели было у меня. Несколько месяцев спустя, когда Авраам Линкольн призвал для сохранения единства страны 75 тысяч добровольцев, одними из первых среди них оказались семьдесят пять слышавших его в тот день человек.

Начало полноценного служения

С началом Гражданской войны у Муди началась своя собственная борьба. Он почувствовал призыв оставить бизнес и полностью посвятить себя служению. Много лет спустя он говорил об этом времени и других ситуациях, когда Бог призывал его делать что-то новое:

Каждый раз, когда Бог призывал меня к высшему служению, у меня всегда возникал конфликт с самим собой. Я боролся с Его призванием, но торжествовала всегда именно Божья, а не моя воля. Когда я пришел к Иисусу Христу, мне довелось потратить немало сил на то, чтобы подчинить Ему свою волю и принять волю Божью. Когда я оставил бизнес, мне пришлось пережить еще одну, трехмесячную, битву - так долго я сражался. Но сколько же раз после этого я благодарил Бога за то, что отказался от своей и принял Его волю.

После того как битва была выиграна и Дуайт решил полностью посвятить себя миссионерской работе, он сделал это быстро и без суеты. Он сообщил о своем решении на работе, после чего проинформировал свою домовладелицу о том, что выезжает. Юноше пришлось жить исключительно скромно, чтобы сохранить как можно больше средств, но он держал это в секрете, чтобы не вызывать к себе жалости. Когда Фаруэлл узнал о том, что Дуайт спит на сдвинутых вместе стульях в местном общежитии Мужской молодежной христианской организации, где параллельно подрабатывал дворником, он пообещал себе, что его друг никогда больше не будет в чем-либо нуждаться, пока он, Джон, будет в состоянии предоставлять ему необходимую поддержку. Дуайт боялся, что его экстремизм и отсутствие достаточного дохода оттолкнут от него Эмму Ревел, но все произошло совсем наоборот. Девушка "пообещала разделить свою судьбу с его судьбой", что сильно согрело его сердце, потому что он постепенно влюбился в Эмму и мечтал, что когда-нибудь она станет его женой.

Такого рода перемены в жизни были тем более примечательны для двадцатичетырехлетнего Дуайта, что он не искал себе ни особого помазания, ни кафедры, кроме того служения, которое он уже развернул в "Песках". В действительности за все годы своего служения он так никогда и не был рукоположен. Он не искал для себя стабильного положения в церкви, которое позволяло бы ему оплачивать текущие счета. Все его духовное образование состояло из того, что он в разное время и от разных людей слышал о Библии, а также из ответов, полученных им от уважаемых служителей, которых он снова и снова спрашивал: "Что это означает?" и "Как бы вы истолковали этот стих?". Дуайт всегда был готов, обладая достаточным смирением, при первой же необходимости обратиться за помощью к более опытным христианским служителям.

В своем сердце Муди твердо решил служить везде, где только сможет, и первым из таких мест, где, на его взгляд, существовала потребность в духовной помощи, было местное отделение Мужской молодежной христианской организации. Эта организация сразу же назначила Дуайта своим городским миссионером и библиотекарем, позволив ему также неофициально служить смотрителем и администратором. Несмотря на то, что у "молодежки" не было средств для вознаграждения труда Муди — хотя, в любом случае, он вряд ли согласился бы принять их, - она помогла молодому человеку поднять свое служение на совершенно новый уровень, когда в 1861 году распространила свою программу поддержки на его воскресную школу и Миссию в Норт-Маркете. Молодежная

организация также предоставила Дуайту крышу над головой, чем помогла ему сэкономить немало денег, которые иначе ему пришлось бы брать из своих и без того таявших на глазах сбережений.

Гражданская война

В то время как Муди завершал необходимые приготовления к полноценному служению, в Соединенных Штатах также происходили судьбоносные перемены. Авраам Линкольн, выигравший президентские выборы под лозунгами борьбы с рабством и запрета на рабовладение в каждом из американских штатов, самим фактом своего избрания сделал войну практически неизбежной. Еще до принятия им президентской присяги семь штатов заявили о своем выходе из федерации. Вскоре после инаугурации Линкольна их примеру последовали еще четыре штата. Попытки уладить противоречия дипломатическим путем не принесли успеха, и, когда войска новообразованной Конфедерации 12 апреля 1861 года атаковали форт Самтер, президент распорядился подавить восстание. Он объявил о призыве сроком на три месяца 75 тысяч добровольцев, надеясь, что демонстрация силы положит конец восстанию. Но вместо этого на сторону мятежников перешли еще четыре штата, уже раньше размышлявших об отделении. Конфедерация приготовилась к тому, чтобы вести собственную войну за независимость против вооруженных формирований "вторгшегося" к ним Севера. Каждая сторона полагала, что сумеет одержать быструю победу, поэтому никто из них не был готов к жестокой и продолжительной войне, которая вот-вот должна была разразиться на территории Соединенных Штатов.

Гражданская война стала для Дуайта Муди ускоренным практическим курсом массовой евангелизации.

Штат Иллинойс быстро ответил на призыв Линкольна. Мужская молодежная христианская организация помогла провести мобилизацию, организовав целый ряд многолюдных собраний и митингов, во время которых было собрано много средств для обеспечения армии лошадьми, провиантом и прочим снаряжением. Кроме того, во время собраний было сформировано пять отрядов добровольцев приблизительно по 150 человек. Эти отряды, соединившись с другими подразделениями, сформированными Торговой палатой и Коммерческой ассоциацией, образовали 72-й Добровольческий иллинойский полк, разбивший свой лагерь в Кэмп-Дугласе, всего лишь в трех милях к северу от Чикаго. Муди, совместно с Б. Ф. Джейкобсом и Джоном Фаруэллом, был назначен организацией ответственным за восполнение духовных потребностей этих солдат. Дуайт заказал в типографии три с половиной тысячи сборников христианских гимнов с американским флагом на обложке, которые должны были быть распространены среди солдат; кроме того, в расположении каждого полка он поставил по одной палатке Мужской молодежной христианской организации. Каждый день Муди проводил для солдат от восьми до десяти богослужений, а его организация раздавала им тысячи экземпляров религиозной литературы. Это стало первым организационным успехом Дуайта, который привлек в служение дополнительно 150 человек. В результате их деятельности сотни человек обратились к Богу и тысячи заново посвятили свою жизнь Христу.

В то время добровольцы больше всего боялись, что война закончится еще до того, как они получат возможность испытать себя в бою. В июле 1861 года не меньше 30 тысяч солдат двинулись из окрестностей Вашингтона, округ Колумбия, в сторону Ричмонда, штат Виргиния, и многие полагали, что это станет концом Конфедерации. В первые часы битвы войска северян наступали до тех пор, пока не столкнулись с подкреплением южан под командованием генерала Томаса Дж. Джексона, остановившего силы северян столь резко и внезапно, что ему было дано прозвище Каменная Стена. Рады северян были разрознены, и когда прозвучал сигнал к отступлению, битва превратилась в беспорядочное бегство армии Союза. Эта первая битва на реке Булл-Ран немедленно изменила ход войны: она показала президенту Линкольну и командующим его армией, что их солдаты нуждались в лучшей подготовке и более опытном руководстве, а также укрепила уверенность южан, которые почувствовали, что их противник не имел ни возможности, ни достаточной смелости победить их.

На поле боя

Представительства Мужской молодежной христианской организации в северных штатах решили скоординировать свои усилия в составе Христианской комиссии, созванной для того, чтобы нести служение среди солдат армии северян. Дуайт стал первым из тысяч официальных делегатов, направленных для служения в боевые подразделения. Свое первое задание он выполнял в октябре

1861 года в Кентукки, собрав достаточно средств для возведения деревянной молельни, совмещая это с миссионерской работой в Чикаго и выполнением своих обязанностей в Кэмп-Дугласе. К 1862 году генерал Улиссес С. Грант перенес главный опорный пункт северян в Кейро, штат Иллинойс, расположив его у слияния рек Огайо и Миссисипи. Он намеревался с его помощью не только защитить от атак конфедератов жизненно важные для Севера железные дороги, но также атаковать позиции противника, расположенные вдоль Миссисипи, чтобы рассечь линию обороны южан надвое. В самом начале войны Комиссия определила Кейро как еще один стратегический пункт, и Дуайт, на которого были возложены лидерские функции, принялся превращать его в командный штаб Комиссии.

Муди проходил ускоренный практический курс массовой евангелизации, к которому вскоре добавилось служение больным, раненым и умирающим. Как только в Кэмп-Дуглас начали поступать пленные солдаты Конфедерации, Дуайт внес в свой список неотложных дел служение военнопленным. Вместе с подразделениями армии генерала Гранта он девять раз побывал у самой линии фронта, чтобы там проповедовать в полевых госпиталях. Несколько лет спустя Дуайт был среди первых северян, вошедших в Ричмонд после капитуляции города, не устоявшего под натиском войск Союза. Каким-то образом посреди всего этого хаоса Муди нашел время для того, чтобы 28 августа 1862 года жениться на Эмме. Еще до окончания Гражданской войны, 24 октября 1864 года, у счастливых родителей появился на свет первый ребенок - дочь Эмма, названная в честь своей матери и бабушки.

Война также предоставила Дуайту замечательную возможность увидеть истинную силу молитвы. Однажды ночью, после ожесточенной битвы, которая оставила после себя испещренное воронками и заваленное телами убитых поле, помощники-христиане на протяжении многих часов прочесывали местность в поисках тех, кому удалось выжить в этой бойне. Их заботе были доверены сотни раненых солдат, голодных и мучимых жаждой. Волонтерам удалось обнаружить источник с чистой водой, но, несмотря на все свои усилия, они не нашли никакой пищи. Группа христиан преклонила колени и попросила Бога дать страждущим хлеб, причем многие из них позже признались, что молились без особой надежды на ответ. Тем не менее, едва на следующее утро взошло солнце, как они увидели фургон, под завязку заполненный буханками хлеба. Управлявший им кучер рассказал следующую историю:

Когда прошлым вечером я отправился спать, зная, что армия уже ушла, я не мог сомкнуть глаз, думая о бедных раненых солдатах, которые были вынуждены остаться там, позади. Кто-то словно шептал мне на ухо: "Что эти несчастные ребята будут делать без еды?". И я никак не мог заглушить этот голос.

Не в силах заснуть, этот человек разбудил свою жену и попросил ее немедленно испечь как можно больше хлеба. Сам он вышел во двор и подготовил свой фургон, попутно позвав соседей и попросив их также приготовить еду. "Несколько часов спустя, когда я вернулся домой, - рассказывал мужчина, - фургон был уже полон, но моя жена умудрилась взгромоздить еще что-то на крышу. Затем я поспешил, чтобы привезти этот хлеб раненым, и чувствую себя так, словно меня послал Сам Господь Бог".

Служение раненым и умирающим

Для Дуайта, которому не исполнилось еще и двадцати пяти лет, это было время трудностей и серьезных испытаний: практически каждый день ему приходилось нести служение у постели умирающих солдат. Много лет спустя одну из проповедей он проиллюстрировал такой историей, связанной с событиями того времени:

После битвы под Питтсбургом я находился в госпитале у Мерфрисборо. Посреди ночи меня разбудили, сообщив, что раненый, лежавший в одной из палат, хотел меня видеть. Когда я пришел к нему, он назвал меня "капелланом" (хотя я им не был) и попросил помочь ему умереть. "Я бы прямо сейчас взял вас на руки и отнес бы в Царство Небесное, — ответил я, — если бы только мог это сделать, но мне это не под силу. Я не могу помочь вам умереть!" — "А кто же может?" - спросил он. "Господь наш Иисус Христос, — объяснил я. — Он пришел на землю с этой целью". - "Он не может меня спасти, - раненый грустно покачал головой, - я грешил всю свою жизнь". - "Но ведь Он для того и пришел, чтобы спасти грешников", - был мой ответ. Я подумал о его матери, которая осталась на

севере. Будучи уверен в том, что она беспокоилась о том, умрет ли ее сын с миром в душе, я решил остаться рядом с ним. Я помолился два-три раза и повторил все известные мне обетования, потому что было очевидно, что жить этому парню оставалось лишь несколько часов.

Я спросил позволения прочитать ему диалог, который Иисус вел с человеком, беспокоившимся о спасении своей души. Когда я открыл третью главу Евангелия от Иоанна, его взгляд был прикован ко мне. Я дочитал до четырнадцатого и пятнадцатого стихов, где были такие слова: "И как Моисей вознес змия в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную". Раненый остановил меня и спросил: "Там так и написано?". Я ответил: "Да". Он попросил меня прочитать эти слова еще раз, и я так и сделал. Тогда он положил свои локти на постель и, сцепив руки, произнес: "Это хорошо, но не могли бы вы прочитать это снова?". Я повторил этот отрывок в третий раз и продолжил читать без остановки до конца главы. Когда я закончил, его глаза были закрыты, руки сложены, а на лице играла улыбка. О, как же его лицо сияло! Как же оно изменилось! Я видел, как губы юноши подрагивали, и, наклонившись к нему, услышал едва различимый шепот: "И как Моисей вознес змия в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную". Он открыл глаза и произнес: "Достаточно; больше не читайте". Он пролежал еще несколько часов, повторяя эти два стиха, а затем отправился в одной из колесниц Христа в Царство Божье, где занял ожидавшее его место.

Во время войны работа в Чикаго не прекращалась, принося обильные плоды. Первые ученики воскресной школы Дуайта постепенно взрослели, и, поскольку миссия имела огромный успех, другие парни также начали посещать библейские занятия. Несмотря на то, что Муди всегда стремился иметь добрые отношения с пасторами других городских церквей и направлял к ним своих воспитанников, последние не чувствовали себя комфортно во время строгих традиционных богослужений. Поэтому незадолго до окончания войны, 30 декабря 1864 года, воскресная школа Иллинойской уличной миссии превратилась в Иллинойскую уличную церковь, независимую евангелическую общину с активной миссионерской программой. Конгрегационалисты предложили рукоположить Муди, но он почувствовал себя недостаточно подготовленным к этому и отказался, сохранив верность своему желанию не быть связанным, но при этом иметь одинаково дружеские отношения со всеми деноминациями.

Гражданская война способствовала появлению у Дуайта настойчивости, которая до конца жизни являлась характерной его особенностью. И хотя в 1865 году война между штатами завершилась, но война против сил тьмы за человеческие души была еще в самом разгаре. Складывается впечатление, что и впоследствии Дуайт проповедовал, словно все еще был на войне, относясь к каждому служению так, будто это была его последняя возможность поделиться с кем-либо Благой Вестью, и делая все возможное для того, чтобы люди принимали ее безотлагательно — здесь и сейчас. Кроме того, он развил в себе достаточно практичное видение основ Евангельской Вести - видение, которого он будет придерживаться до конца своего служения. Спасение было тем учением, вокруг которого могли сплотиться представители всех христианских деноминаций, и потому эта концепция давала ему экуменический ключ для работы с церквами везде, где бы он ни был. Дуайт понял также, что он не нуждается в какой-либо специальной подготовке или звании, чтобы эффективно выполнять доверенную ему Богом работу, и до конца своего служения он постоянно напоминал людям о том, чтобы его назвали просто "мистер Муди", а вовсе не "преподобный Муди".

После окончания Гражданской войны в Америке наступил период Реконструкции (продолжавшийся с 1865 по 1877 год), а также период экономического роста и социальных реформ, получивший название "Позолоченный век" (с 1865 по 1893 год). Это время стало для Соединенных Штатов вторым индустриальным веком, в то время как страна вновь объединилась после войны и начала расширяться в западном направлении. Также это было время широкомасштабной иммиграции, и города во всех уголках страны росли невиданными ранее темпами. Основанное на одноименной книге Эндрю Карнеги, "евангелие процветания" стало повсеместно доминирующим и популярным, тогда как многие преуспевающие предприниматели с радостью жертвовали часть заработанных средств на благо общества. В такой атмосфере организации, подобные Мужской молодежной христианской организации, получали колоссальное преимущество благодаря своему фокусу на помощи бедным.

Война также показала экуменическую сущность Молодежной организации, которой можно было доверить лидерство, а благодаря Усилиям Муди ее чикагское отделение заметно выделялось на фоне Других отделений по всей стране. В скором времени Дуайт стал президентом чикагского отделения Мужской молодежной христианской организации и занимал эту должность в период с 1865 по 1870 год. Он пользовался большим уважением и оказывал заметное влияние на все городские события. Во многом благодаря влиянию Дуайта Муди христианство в течение первых пяти послевоенных лет переживало в Чикаго самый настоящий "золотой век".

Первое путешествие в Англию

У Эммы Ревелл Муди были серьезные проблемы со здоровьем: она страдала от приступов астмы. Кроме того, она мало виделась со своим мужем, который трудился в поистине сумасшедшем темпе. Поэтому в 1867 году супруги решили совершить совместное путешествие в Англию, чтобы там женщина смогла отдохнуть и восстановить силы, а также посетить родственников, с которыми она не виделась восемнадцать лет, с момента своей иммиграции в Соединенные Штаты. Дуайт, в свою очередь, хотел встретиться с сэром Джорджем Уильямсом, основателем Мужской молодежной христианской организации, который жил в Лондоне. Кроме того, он надеялся встретиться с Джорджем Мюллером, свидетельство которого так сильно его вдохновило, и послушать проповеди Чарльза Хэддона Сперджена. Дуайт и Эмма также собирались принять участие в Международном съезде служителей воскресных школ, который должен был проходить в Лондоне. Все эти планы достаточно успокоили совесть Дуайта для того, чтобы он смог оставить свою работу в Чикаго, передав ее в надежные руки своих единомышленников. Свою трехлетнюю дочку Эмму супруги оставили на попечение матери Дуайта, жившей в Нортфилде, штат Иллинойс.

Простоватый, но очень искренний Дуайт сразу же во время своего первого публичного выступления произвел на англичан хорошее впечатление. Перед началом упомянутого выше съезда его пригласили выйти вперед и рассказать о своей работе в Америке. Как позже вспоминал один из очевидцев тех событий:

...вице-председатель объявил, что они рады приветствовать своего "американского кузена, преподобного мистера Муди из Чикаго", который сейчас собирается выступить с благодарственной речью в адрес благородного Эрла, председательствующего на этом съезде. С подкупающей искренностью и непосредственностью, полностью отбросив какие-либо условности, мистер Муди смело обратился к почтенной публике:

Эмма Ревелл Муди
Из архива Робертса Лиардона

"Председатель допустил две ошибки. Начнем с того, что я вовсе не "преподобный" мистер Муди. Я являюсь просто Дуайтом Л. Муди, служителем воскресной школы. Кроме того, я вовсе не ваш "американский кузен"! По милости Божьей я ваш брат, также весьма заинтересованный в той работе, которую наш Отец делает для Своих детей.

А теперь, что касается благодарственной речи в адрес "благородного Эрла" за то, что этим вечером он согласился председательствовать здесь. Не понимаю, за что мы должны его благодарить и, более того, за что он должен благодарить нас. Когда однажды нашего мистера Линкольна хотели поблагодарить за председательствование на собрании в Иллинойсе, он это тут же пресек, заявив, что лишь выполняет свои обязанности так же, как они свои. Оц полагал, что все были вовлечены в это в равной степени".

Эту речь все собравшиеся слушали, затаив дыхание. Она не вписывалась ни в одни из известных рамок. Ее непосредственность восхищала; и с тех пор мистер Муди завладел сердцами своих английских слушателей.

На Британских островах супруги провели четыре с половиной месяца, и, что было характерно для Дуайта, они выполнили все изначально задуманное. Муди удалось посетить несколько выступлений Чарльза Сперджена (он даже лично встретился с прославленным проповедником), после чего он

покинул Англию, лелея внутри вполне обоснованные надежды на скорое прибытие Сперджена в Америку с проповедями.

Дуайт и Эмма также совершили путешествие в Бристоль, где встретились с Джорджем Мюллером, о котором Муди писал Фаруэллу: "У него дома находятся 1150 детей, но ему никогда не приходится ни у кого просить денег на их содержание. Он уповает на Бога, и Господь посылает ему деньги. Удивительно видеть, что делает Бог для мужей молитвы".

Большое влияние на Муди оказало также разработанное Мюллером учение. Мюллер посещал Плимутскую братскую церковь, члены которой славились своей исключительной честностью и чистотой, а также упованием на Писание. Плимутские братья проповедовали обращение как мощное, радикально преобразующее жизнь событие ц верили в возвращение Христа в период тысячелетнего Царства. Позже Дуайт тоже стал проповедовать эти две доктрины. Вполне вероятно, что эти братья оказали на него влияние подобное тому, которое моравские братья оказали на Джона Уэсли. Их учение в гораздо большей степени, чем какое-либо другое, повлияло на формирование теологического основания Дуайта.

Со своей стороны, Дуайт Муди оказал не менее важное влияние на Англию. К примеру, шестнадцатилетний Джон Кеннет Макензи 10 мая услышал выступление Дуайта в Бристоле и впоследствии стал известным врачом-миссионером в Китае. Находясь в Ливерпуле, Дуайт вдохновил преподобного Чарльза Гарретта открыть недорогой ресторан как здоровую альтернативу городским барам и борделям. Другой человек начал проводить в Лондоне полуденные молитвенные собрания, взяв за образец собрания в чикагском отделении Мужской молодежной христианской организации, и продолжались они непрерывно в течение сорока одного года.

Муди также вдохновил молодого пастора Генри Мурхауса, бывшего до своего обращения вором-карманником, покинуть Англию и отправиться в Ирландию, где он тогда проповедовал. Едва достигавший плеча Дуайта, этот "маленький проповедник" был лишь на несколько лет его младше; он убедил Дуайта и Эмму пригласить его выступить в Чикаго, если он когда-либо окажется в Америке. Никто тогда не мог предположить, сколь благословенным станет эта встреча для служения Муди.

1 июля в альдерсгейтском отделении Мужской молодежной христианской организации Лондона для четы Муди был организован прощальный прием. Во время этого мероприятия один из выступавших обратился к Дуайту со следующими словами:

Лишь немногим из тех, кто приплыл в чужую для себя страну, удалось за столь короткое время влюбить в себя так много сердец или же, будучи совершенно безвестными и лишенными каких-либо рекомендаций, покорить такое огромное количество слушателей, как это удалось мистеру Муди. Лишь немногие слышали о нем раньше, но, поговорив с ним и услышав, как он говорит об Иисусе, они буквально искупали его в своей любви.

В память о путешествии Дуайту подарили золотые часы и конверт с хорошим гонораром.

Вскоре после этого супруги Муди покинули гостеприимную Англию и отправились домой, тепло вспоминая все, что произошло с ними за это время; они даже не думали, что когда-либо сумеют повторить это путешествие. Поездка оказала на Дуайта колоссальное влияние, поскольку была совершена как раз в тот период, когда он, словно губка, впитывал в себя новые знания о Боге и о служении людям. Вряд ли он тогда догадывался, что Бог открыл ему еще далеко не все результаты поездки, как не догадывался и о том, что спустя несколько лет он снова вернется в Великобританию, чтобы стать для нее еще большим благословением, чем она была для него.

Проповеди Мурхауса, основанные на Иоанна 3:16

Спустя несколько недель после своего возвращения в Чикаго Дуайт получил письмо от Гарри Мурхауса, в котором тот сообщал, что направляется в Соединенные Штаты, и интересовался, в силе ли еще полученное им ранее приглашение проповедовать. Находясь на Британских островах, Дуайт дал согласие непреднамеренно, полагая, что никогда уже более не повстречает Мурхауса. Однако все произошло иначе. К большому недовольству сотрудников Дуайта, которые с подозрением относились к незнакомцу, несколько недель спустя Муди позволил ему проповедовать, в то время как сам он отправился в другой город. В отсутствие Дуайта Мурхаус два дня проповедовал на основании одного и того же текста, Евангелия от Иоанна 3:16: "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал

Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную". По приезде Муди услышал следующее сообщение о том, что произошло:

Вернувшись субботним утром, я чрезвычайно беспокоился о том, как он справился в мое отсутствие. Первое, о чем я спросил у своей жены, едва переступив порог дома, так это:

— Каковы же успехи этого молодого англичанина? Как восприняли его люди?

— Он им очень сильно понравился.

— Ты сама его слышала?

— Да.

— И как, тебе он понравился?

— Да, мне очень понравилось его выступление. Он дважды проповедовал, выстраивая свою проповедь на этом стихе из Иоанна: "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную", и я думаю, что на тебя он тоже произведет хорошее впечатление, хотя он и проповедует несколько иначе, чем ты.

— Это как же?

— Ну, он говорит самым отъявленным грешникам о том, что Бог их любит.

— В таком случае, - сказал я, — он неправ.

— Я думаю, что, услышав его, ты с ним согласишься, - сказала она, — потому что все сказанное он подтверждает Библией. Наступило воскресенье, и, придя в церковь, я заметил, что все без исключения прихожане принесли с собою Библии. Утреннее обращение было адресовано христианам. Мне никогда еще не доводилось слушать ничего подобного. Он называл главу и стих, подтверждая подобным образом каждое свое утверждение. С наступлением вечера церковь была полна. "Теперь, возлюбленные мои друзья, — начал проповедник, - если вы откроете третью главу Евангелия от Иоанна, шестнадцатый стих, там вы найдете текст, от которого я буду сегодня отталкиваться в своей проповеди". И на основании одного лишь стиха он произнес поисти-не потрясающую проповедь. Он не делил свой текст на второстепенное и третьестепенное; он лишь брал целый стих и затем перелистывал всю свою Библию - от Бытия до Откровения, -находя подтверждения тому, что во все времена Бог любил этот мир. Господь посылал пророков, патриархов и прочих святых людей, чтобы они предупреждали нас, затем Он послал Своего Сына, а когда Его распяли, Он послал Святого Духа. Вплоть до этого момента я даже не догадывался о том, сколь сильно нас любит Бог. Мое сердце вдруг сжалось, и я не смог удержать слез. Это было подобно новостям из далекой страны: я просто пил их большими глотками. И то же самое происходило с переполненной церковью. Говорю вам, есть одна вещь, которая превыше всего в этом мире, и эта вещь называется любовью. Человек, которого никто не любит - ни мать, ни жена, ни дети, ни брат, ни сестра, - неизбежно захочет наложить на себя руки.

Достаточно тяжело собрать в Чикаго большую аудиторию в понедельник вечером, но люди приходили. Они приносили с собой Библии и внимательно слушали Мурхауса, который начинал так: "Возлюбленные друзья, если вы откроете третью главу Евангелия от Иоанна, шестнадцатый стих, там вы найдете текст, от которого я буду сегодня отталкиваться в своей проповеди", после чего, перелистывая Священное Писание страница за страницей, он помогал собравшимся увидеть то, как сильно возлюбил нас Бог. Мурхаус мог открыть Библию практически в любом месте и тут же найти подтверждение этому. Он был просто великолепен, мне было радостно это видеть и слышать, как он задавал новую высоту. Этот молодой проповедник буквально вбил истину о Божьей любви в мое сердце, и я больше никогда не подвергал ее сомнению. Раньше я проповедовал о том, что Бог всегда стоял позади грешника с обоюдоострым мечом, готовый в любой момент поразить его. С этим я вскоре покончил.

И сейчас я проповедую о том, что Бог стоит позади грешника с любовью; тот же убегает от Бога любви.

В конце концов, Гарри Мурхаус семь вечеров подряд проповедовал на тему Иоанна 3:16. И каждый вечер истина, заложенная в этом отрывке, оставляла глубокий след в сердце Дуайта. В результате вся его жизнь и характер проповедования претерпели серьезные изменения.

В последующие годы у Дуайта и Эммы родилось еще двое детей. -Уильям Ревелл Муди появился на свет 25 марта 1869 года в Чикаго, а младший сын Пол родился во время проводимой Муди продолжительной Балтиморской кампании, чуть более десяти лет спустя, 11 апреля 1879 года.

Балтиморская кампания стала для служения Дуайта очередным временем радикальных перемен, но для того, чтобы это произошло, ему требовался еще один важный элемент.

Уполномоченный Духом Божьим

Несмотря на то, что преображение Божьей любовью стало для Муди, возможно, самым важным откровением Божьей истины, это было не все, в чем он нуждался, чтобы стать именно таким проповедником, каким хотел видеть его Бог. Дуайт по-прежнему полагался преимущественно на собственную силу воли, навыки общения с людьми и неуемное желание преуспеть во всем, к чему бы ни прикасалась его рука. Эмма была свидетельницей тому, как ее муж неустанно стремился к достижению поставленных целей, преследуемый не отпускавшим его чувством неуспокоенности и желая обеспечить всем необходимым свою семью, расширить влияние чикагского отделения Мужской молодежной христианской организации, а также помочь людям, нуждающимся в Евангелии Иисуса Христа.

Тем не менее Бог всегда стремился к тому, чтобы коснуться Муди и показать ему местонахождение источника истинной силы — послание Своей любви, которое Он пытался донести до человечества через всю Библию: значение Духа Божьего, живущего внутри Его детей и вдохновляющего их. Дуайту необходимо было лишь сложить вместе все эти части.

Много лет спустя он попытался описать, как все части этой головоломки начали складываться для него в единое целое и как первые ее фрагменты появились вскоре после обретения им своего спасения:

Помню, как однажды, когда я впервые обратился к Богу, я выступал в воскресной школе и видел там большой интерес со стороны учеников и то, как многие из них поднялись, чтобы помолиться. Помню, после окончания занятий я вышел тогда весьма и весьма воодушевленным, но за мной последовал какой-то старик. С тех пор я больше никогда его не видел. Я ни разу не встречал его и прежде и даже не знаю, как его звали, однако он схватил меня за руку и дал мне небольшой совет. В то время я многого еще не понимал, и незнакомец сказал мне: "Молодой человек, когда в следующий раз будешь выступать, не забудь почтить Святого Духа". В тот момент я спешил в другую церковь, где также должен был проповедовать, и всю дорогу туда в моих ушах звенело: "Не забудь почтить Святого Духа". И я сказал себе: "Интересно, что же этот старик имел в виду".

Через несколько лет Муди познакомился с двумя женщинами, которые также привели его в некоторое недоумение. Каждый раз, когда он разговаривал с ними, женщины говорили: "Мы молимся за тебя". Однажды вечером, когда Дуайт был особенно уставшим, он вдруг потерял терпение и прямо спросил: "Зачем вы молитесь за меня? Почему бы вам не помолиться за тех, кто еще не обрел спасение?". Женщины ответили ему: "Мы молимся о том, чтобы ты смог обрести силу". А поскольку Дуайт не задавал более вопросов, они также ничего не добавили к сказанному, но продолжили молиться за него. Осенью 1871 года Муди снова повстречал этих двух женщин; на этот раз он конкретно спросил у них, что они имели в виду. Согласно Р. А. Торри, первому Директору Библейского института Муди, которому позже Дуайт рассказал об этих событиях, "они рассказали ему о крещении Святым Духом, после чего он предложил женщинам помолиться вместе с ними, чтобы не они одни молились за него"30. Таким образом, они договорились встречаться для молитвы каждую пятницу после полудня в Фаруэлл-Холле (здании Мужской молодежной христианской организации, названном в честь друга Дуайта, Джона В. Фаруэлла).

Дуайт узнал, что лидером этих двух женщин была Сара Кук, преданная Богу методистка, которая в 1868 году вместе с мужем переехала в Чикаго и вскоре после этого получила от Бога откровение о том, что Дуайт должен был принять крещение Святым Духом и огнем. В течение последующих недель, как и было договорено, они встречались по пятницам, когда Дуайт находил для этого время. Наконец 6 октября 1871 года произошел долгожданный прорыв. Кук позже писала: "Во время собраний каждый из нас по очереди молился вслух, но во время того собрания агония, охватившая мистера Муди, была столь велика, что он упал на пол и, заливаясь слезами, сквозь стоны возопил к Богу, чтобы Тот крестил его Святым Духом и огнем". Дуайт, однако, говорил о том, что покинул эту встречу без видимых перемен. Он был на грани отчаяния.

Большой пожар в Чикаго

Позитивным переменам нередко предшествует ухудшение ситуации. Той воскресной ночью, 8 октября, огонь сжег дотла приблизительно четыре квадратные мили Чикаго, уничтожив также возглавляемую Муди Иллинойскую уличную церковь, недавно возведенное здание Мужской молодежной христианской организации, на строительство которого Дуайт лишь недавно закончил собирать средства, и его собственный дом. Семья Муди переехала жить к сестре Эммы, а Дуайт снова отправился в путь, начав сбор средств для восстановления уничтоженных пожаром зданий.

Лишь несколько месяцев спустя, когда Дуайт шел улицами Нью-Йорка, он, наконец, ощутил тот прорыв, о котором ранее столь горячо молился вместе с Сарой Кук. Это произошло незадолго до его второго и наиболее важного путешествия в Англию. Р. А. Торри следующими словами описывал это знаменательное событие жизни Муди:

Вскоре после этого, в первый день своего путешествия в Англию, он прогуливался по Уолл-стрит в Нью-Йорке (мистер Муди крайне редко говорил об этом, и мне также неловко об этом рассказывать), и посреди царивших в этом городе спешки и суматохи его молитва наконец была услышана. Сила Божья сошла на него в тот момент, когда он шел по улице, и ему пришлось поспешить в дом своего друга, чтобы там уединиться в отдельной комнате. Там он оставался один в течение многих часов; и в это время на него сошел Святой Дух, наполнив его душу такой радостью, что в конце концов ему пришлось попросить Бога убрать Свою руку, чтобы он не умер от переполнявшей его радости. Из этой комнаты он вышел, уже обладая пролившейся на него силой Святого Духа, и когда, в конце концов, добрался до Лондона (частично, благодаря молитвам прикованного к постели святого из церкви мистера Лессли), Бог удивительно действовал через него в Северном Лондоне, где сотни человек, обратившись к Богу, пополнили церкви. Во многом благодаря этому он получил приглашение участвовать в удивительной кампании, которая началась в последующие годы.

Сам Муди описывал этот опыт следующим образом:

Я все время в слезах молил Бога, чтобы Он наполнил меня Своим Духом. Что ж, однажды я находился в городе Нью-Йорке. О, что это был за день! Я просто не могу этого описать и потому редко рассказываю об этом. Для меня пережитое слишком священно, чтобы как-либо называть это. У Павла были переживания, о которых он на протяжении четырнадцати лет никому не говорил ни слова. Я могу лишь сказать, что Бог открылся мне, и я так сильно ощутил Его любовь, что вынужден был попросить Его убрать Свою руку. Я снова стал проповедовать. Мои проповеди не отличались от предыдущих; я не открывал своим слушателям никаких новых истин, тем не менее к Богу обращались сотни людей. И даже если бы мне предложили целый мир, я не согласился бы вернуться туда, где находился раньше, до того благословенного момента, — все, что было раньше, казалось мне теперь слишком незначительным.

Пережитое лишь усилило голод Дуайта по даруемым Богом знаниям и водительству Святого Духа. Поэтому на какое-то время он вместе с женой и детьми переехал обратно в дом своей матери в Нортфилд, желая отделиться от шума и суеты большого города, чтобы более четко услышать зов и указания Святого Духа. Во время своего уединения Дуайт ощутил непреодолимое желание снова побывать в Англии и сесть у ног уважаемых им учителей.

Великое пробуждение Д. Л. Муди

Муди отплыл в Англию в июне 1872 года, куда прибыл без лишнего шума. Практически сразу же он начал посещать христианские собрания, где тихо сидел в задних рядах, делая пометки. Но однажды вечером, во время молитвенного собрания в Олд-Бейли - здании, в котором ранее находился Центральный уголовный суд Лондона, — преподобный Джон Лесси заметил американского служителя и стал уговаривать его выступить в своей церкви в следующее воскресенье. Дуайт неохотно согласился. Утро того воскресенья не отличалось ничем примечательным, но вечер оказался совершенно иным.

Во время следующего служения, начавшегося вечером в половине седьмого, когда он начал проповедовать, воздух будто бы наэлектризовался Духом Божьим. Все вдруг замолчали и устремили взгляды на него, хотя он в тот день молился совсем немного и потому не мог понять, что происходит.

Завершив проповедь, он попросил встать всех, кто хотел бы доверить свою жизнь Христу, чтобы он мог за них помолиться. Множество людей начали вставать по всему залу, так что могло показаться, что все присутствующие поднялись со своих мест. Мистер Муди сказал себе: "Эти люди не поняли, зачем я попросил их подняться". Никогда раньше он не видел подобных плодов в своем служении и потому не мог в это поверить. В конце концов, он решил повторить вопрос. "А теперь, - сказал он, — те из вас, кто желает здесь и сейчас доверить свою жизнь Христу, пройдите в эту комнату".

В итоге столько желающих набилось в комнату, что пришлось внести дополнительные стулья, чтобы все они могли сесть. Служитель был удивлен не меньше, чем мистер Муди. Никто не ожидал увидеть такое благословение. Тогда еще они не знали, что Бог способен спасать не только по одному или по двое, но также одновременно сотни и тысячи человек.

Когда мистер Муди снова обратился к тем, кто по-настоящему желал стать христианином, попросив их подняться, все собравшиеся как один встали со своих мест. И даже в тот момент он стоял в растерянности, не зная, что ему предпринять, затем попросил тех, чье решение было действительно серьезным, встретиться с пастором в этом же месте следующим вечером.

На следующий день он отправился в Дублин, но уже во вторник утром получил депешу, в которой его умоляли вернуться, сообщая, что в понедельник желающих обратиться к Богу было даже больше, чем в воскресенье. Он вернулся и проводил собрания на протяжении десяти дней, по окончании которых к церкви присоединилось четыреста человек.

Причина духовного возрождения

Эти цифры ошеломили Муди не меньше, чем других служителей, но позже он понял, чем на самом деле вызвано это духовное возрождение. Оказалось, что причиной его были две сестры, прихожанки этой церкви, одна из которых была прикована к постели серьезным недугом. Однажды, когда больная испытывала к себе особую жалость, она вдруг осознала, что, несмотря на всю тяжесть своего положения, она, по меньшей мере, может молиться. Таким образом, днем и ночью она стала молиться за духовное пробуждение в своей церкви. Вскоре ей на глаза попалась газета со статьей о собрании, проведенном Дуайтом Муди в Соединенных Штатах, и женщина была столь сильно тронута прочитанным, что положила эту статью под подушку и начала молить Бога о том, чтобы Он направил этого человека через океан проповедовать в ее церкви.

В то воскресное утро сестра больной пришла домой и спросила:

— Как ты думаешь, кто проповедовал у нас сегодня утром? Больная назвала имена нескольких служителей, которых ее пастор имел обыкновение приглашать в церковь.

Наконец ее сестра не выдержала и сказала:

— Это был мистер Муди из Америки.

— Я знаю, что это значит, - воскликнула больная. - Бог услышал мои молитвы!

Много лет спустя, став пастором возглавляемой ранее Лесси Конгрегационной церкви в Нью-Корте, Г. Кэмпбелл Морган повстречал эту женщину, которую звали Мэриэнн Эдлард. В своей книге, озаглавленной "Практика молитвы" (The Practice of Prayer), он показал ее понимание произошедшего:

Отправляясь в 1901 году из Англии в Америку, я решил навестить ее. Она сказала мне: "Я хочу, чтобы вы взяли этот календарь". Я взял блокнот, на который она указала, и, открыв его на странице "5 февраля", прочитал слова, написанные столь хорошо знакомым мне почерком: "Д. Л. Муди, Псалом XCI". Затем Мэриэнн Эдлард сказала мне: "Он написал это для меня, когда в 1872 году побывал у нас дома. Я молилась за него каждый день, пока он не вернулся к себе домой". После этого она продолжила: "А сейчас не могли бы и вы написать свое имя на странице с датой вашего рождения, и позвольте мне молиться за вас до тех пор, пока либо вы, либо я не отправимся к себе домой". Мне никогда не забыть те минуты, когда я писал в ее блокноте свое имя: вся комната наполнилась присутствием Божьим. В суете жизни, в дни трудностей и испытаний я часто возвращался мыслями к тем минутам, и даже сейчас я знаю, что Мэриэнн Эдлард все еще молится за меня, и именно по этой причине с искренней любовью и восхищением я посвящаю ей эту книгу. Есть на полях Божьих сильные и прилежные труженики. Именно невидимые герои и героини, усердно трудящиеся на молитвенной ниве, помогают тем, кто на виду, делать свою работу и побеждать.

Помощь, которую они оказывают тем, кто призван нести служение, вряд ли вообще чем-либо можно измерить.

Муди чувствовал, что Бог хочет от него в Англии гораздо большего, нежели просто ведения конспектов. Когда проповедь в церкви Челси, где он выступил по приглашению англиканского священника, принесла столь же потрясающие результаты, Дуайт понял, что Бог хочет, чтобы он служил в Великобритании, причем совершенно особенным образом. Тогда он решил вернуться в Соединенные Штаты, чтобы найти певца, который бы сопровождал его, собрать средства для проведения продолжительной кампании, а также взять семью и как можно скорее вернуться в Великобританию. Но прежде, чем он успел купить себе билет домой, необходимые средства были уже собраны в Дублине, а также частично пожертвованы богатым методистом из Ньюкасла.

Другое подтверждение Дуайт получил перед самым возвращением в Соединенные Штаты. Едва переступив порог здания в Милдмэй-парке, что в Северном Лондоне, где проводилась организованная преподобным Уильямом Пеннефатером конференция, он немедленно почувствовал себя, как дома, а в самом Пеннефатере уже во время самой первой его проповеди увидел родственную душу. Закончив свое выступление, Пеннефатер уговорил выступить и Дуайта, и снова его проповедь привела к поистине феноменальным результатам. В ответ Пеннефатер провозгласил с подиума: "Мистер Муди является тем человеком, для которого Бог приготовил великие дела", - и эти пророческие слова претворились в жизнь в течение последующих месяцев.

Перед возвращением на родину Муди заключил в Дублине одну сделку. Он договорился о приобретении нескольких тысяч экземпляров брошюр и буклетов по цене бумаги, на которой они были напечатаны, а также об их бесплатной транспортировке в Чикаго. Затем сделал необходимые приготовления для их получения и покупки сразу же после своего возвращения в Америку в сентябре 1872 года. Он договорился с компанией Chicago Yokefellows об установке специальных стендов с этими брошюрами на железнодорожных станциях и в гостиницах. На каждом стенде предполагалось специальное указание на то, что материалы являются бесплатными. После этого Дуайт разослал письма сорока бизнесменам, попросив каждого из них пожертвовать по 25 долларов для покрытия стоимости проекта, которая составляла 1000 американских долларов. Представители Chicago Yokefellows обязались также трижды в неделю проверять состояние стендов и при необходимости подкладывать новые печатные материалы.

Муди также вдохновила разработанная Уильямом Пеннефатером программа подготовки англиканских женщин-служительниц, которые вели свою работу под покровительством церкви. Вернувшись в Соединенные Штаты, Дуайт решил создать учебное заведение такого же типа, и вскоре ему удалось найти подходящего для этого дела человека. Бывшая преподавательница колледжа Эмма Драйер сверхъестественно получившая исцеление от брюшного тифа и заболевания глаз, приняла Божий призыв к служению. И хотя Муди никогда не верил в Божественное исцеление так, как Драйер, он, подобно ей, был глубоко убежден в том, что Иисус вернется править землей еще до наступления Тысячелетнего Царства, а не в его середине и не по его окончании. Многие люди и сегодня по-прежнему верят в это. Дуайт также знал, что Эмма Драйер обладает лидерскими качествами и возглавляет Чикагское общество помощи женщинам, а также женское отделение Молодежной христианской организации. Муди убедил Эмму в необходимости создания школы для подготовки женщин к евангелизационной работе у себя на родине и в заграничных миссиях. Эта школа в скором времени открыла свои двери и перед мужчинами. Она стала начатком того, что позже приобрело известность под названием Библейский институт Муди.

Д.Л. Муди и его псалмопевец, Айра Сэнки
Из архива Робертса Лиардона

Дуайт находит псалмопевца

Теперь Муди поставил перед собой задачу найти хориста, которого он мог бы взять с собой в Англию. С этим предложением он обратился к Филипу Филипсу и П. П. Блиссу, но оба ответили ему отказом. Тогда Дуайт пригласил Айру Д. Сэнки, лидера прославления из его церкви в Чикаго. Изначально Муди не хотелось забирать с собой Айру, потому что он видел, насколько важно его служение здесь, в Чикаго. Однако, как солист и лидер прославления, тот не имел себе равных. Дуайт познакомился с Айрой во время конференции в Индианаполисе в 1871 году, незадолго до своей первой поездки в Великобританию. Тогда Айра пришел, чтобы услышать проповедь Муди, однако когда по просьбе одного из делегатов от Пенсильвании Айра прославил Бога пением, именно он поразил Дуайта. Муди прекрасно понимал ценность хорошего лидера прославления, а также то, насколько сложно было найти такого человека, и потому, когда двух мужчин представили друг другу, Дуайт использовал присущую ему силу убеждения, чтобы привлечь Айру к работе с ним в Чикаго.

После окончания собрания мистер Сэнки был представлен Муди, и тот увидел в нем лидера прославления. Последовало несколько вопросов, касавшихся его семейного положения и занятости; после чего проповедник заявил в свойственной ему безапелляционной манере: "Что ж, вам придется все это оставить! Вы являетесь именно тем человеком, которого я искал, и я хочу, чтобы вы отправились в Чикаго помогать мне в моей работе".

Как следует из автобиографии Сэнки, когда он сказал Дуайту, что не может принять его предложение, тот резко возразил: "Вы должны. Я искал такого, как вы, целых восемь лет".

На первых порах Сэнки колебался, ведь недавно он начал многообещающую карьеру в министерстве финансов. Но как только певец погостил в Чикаго у Дуайта и Эммы и увидел проводимую ими там работу, он тут же понял, что именно это является его истинным призванием. Таким образом, когда Муди пригласил Айру отправиться в Англию на восемь или даже десять месяцев, тот согласился. 7 июня 1873 года Муди и Сэнки вместе со своими семьями поднялись на борт корабля, направлявшегося в Ливерпуль.

Возрождение в Британии

Десять дней спустя Ливерпуль встретил их ужасной новостью. Пеннефатер, человек, обещавший им поддержку из Дублина, а также методистский последователь из Ньюкасла умерли. Все обещанные Дуайту средства буквально испарились еще до того, как он покинул Соединенные Штаты. Обе семьи начали молиться. Айра и Фанни Сэнки остановились в Манчестере у Гарри Мурхауса, тогда как Дуайт и Эмма со своими детьми нашли пристанище у сестры Эммы, жившей в Лондоне. Услышав об их прибытии, Джордж Беннетт, глава отделения Мужской христианской молодежной организации в Йорке, пригласил Муди выступить у них в городе. Когда Дуайт рассказал Айре о поступившем ему приглашении, тот сказал: "Перед нами приоткрылась дверь, в которую мы сейчас войдем и приступим к нашей работе".

То, что произошло дальше, было поистине феноменальным. По прибытии в Великобританию Дуайта и Айру никто не встретил в порту, но уже два года спустя они возвращались домой мировыми знаменитостями. Работа в Йорке началась с малого - лишь пятьдесят человек посетили первое собрание, а на молитвенную встречу в полдень пришло только шестеро, - но интерес к ним стремительно вырос, когда тридцатишестилетнего проповедника поддержали местные пасторы. Прямота Дуайта, американский стиль его проповедей и помазание свыше были необычны для британской публики, которая привыкла к проповедям, звучавшим скорее как уроки истории или лекции по философии. Как правило, Муди также ограничивал свои проповеди до получаса или даже меньше, полагая, что лучше оставить слушателей с желанием большего, чем засидеться и злоупотребить их гостеприимством. Как заметил один из слушателей:

Он является мастером своего дела, он стремится лишь к одной вещи, а именно: побудить людей пересмотреть свое положение перед Богом, призывая их обрести одну-единственную опору в жизни — принять Иисуса, как предложено нам в Евангелии. И от этой своей цели он ни разу ни на мгновение не отклонялся. Его простейшие иллюстрации, его наиболее трогательные истории, его самые душераздирающие призывы, его кротчайшая убедительность, его наиболее страстные выступления, его самые прямые замечания, его (довльно жесткие) упоминания людей и событий - все это использовалось обильно и бесстрашно для одной-единственной цели, которая заключалась в том, чтобы коснуться сердец, в которые Иисус и Его Отец могли бы войти и остаться там навсегда.

Проповедническая манера Муди, отточенная в трущобах Чикаго, где молодой Дуайт пытался привлечь и удержать внимание наиболее необразованных людей, покорил сердца даже самых ученых представителей общества. Он любил рассказывать истории и делал это великолепно. Его иллюстрации библейских истин всегда были краткими и уместными. Один служитель, несколько раз слышавший выступления Дуайта, описал его стиль следующими словами:

Он научился проповедовать просто (или, лучше сказать, он не научился проповедовать по-другому), простыми и понятными словами, совершенно неиспорченными утонченной культурой школ. Он лицом к лицу разговаривал с людьми, которые действительно слышали его. Живой и энергичный, обладающий чувством юмора и некоторым пафосом, говорящий всегда прямо и по делу, призывающий своих слушателей немедленно принимать решение и каждый миг чувствующий свою зависимость от Духа Божьего, он умел преподнести себя так, чтобы представители всех социальных классов и сословий признали его непререкаемый авторитет. И тем не менее, Господь благословил его кротостью и смирением; благословил не превозноситься, а почитать себя ничем, тогда как Бога — всем.

В Йорке, благодаря организованным Дуайтом и Айрой собраниям, приблизительно двести человек присоединились к различным церквам, а баптистский пастор Артур А. Риз пригласил их к себе в Сандерленд. Баптистские церкви стали стремительно наполняться людьми, и, чтобы избежать подозрений в том, что Муди отдает предпочтение какой-то определенной деноминации, собрания были перенесены в городской зал. Чем больше внимания привлекал к себе американский проповедник, тем сильнее и острее подвергались критике его мотивы, причем даже со стороны тех, кто никогда не встречал его и не посетил ни одного из его собраний.

Свет приходит в Ньюкасл

Однако, по большому счету, пробуждение началось тогда, когда Дуайт и Айра прибыли в Ньюкасл:

В Ньюкасле был зажжен огонь, который вскоре охватил всю Великобританию. Противление со стороны других служителей было преодолено, и пять крупнейших городских церквей предоставили свои залы для проведения служений. Мистер Муди решил использовать баптистскую церковь на Рай-Хилл, имевшую большое здание, и в течение двух недель желающих услышать его было столько, что для всех просто не хватало места. Все близлежащие города и деревни ощутили сильнейший духовный импульс, и в ответ на многочисленные просьбы помощниками проповедника были организованы сотни собраний за пределами города.

Мистер Муди, дабы избежать вытеснения неверующих толпами христиан, стекающимися на собрания, начал разделять собравшихся на группы, раздавая его участникам пригласительные билеты на различные служения. Собрания для торговцев проводились в сборочном цехе; для ремесленников - в театре "Тайн". И в каждом случае количество желающих требовало, как правило, проведения трех, а то и четырех собраний.

Имя и местожительства каждого заинтересованного записывались, а чтобы помощники проповедника лучше справлялись со своим заданием, священнослужителям и верующим с опытом служения раздавали специальные билеты, которые позволяли задействовать их в великой работе приведения душ к Христу. На первых порах больше всего обращений было среди представителей образованных классов, но вскоре Святой Дух стал касаться все более и более широких слоев населения. Полуденные молитвенные собрания, проводимые еще до прибытия мистера Муди, стали куда более подготовленными, тогда как организованные мистером Муди послеполуденные библейские чтения привлекали к себе внимание не только представителей свободных профессий, но

даже занятых торговцев. Популярны также были собрания и конференции, длившиеся по целым дням.

В результате работы, проведенной в этом месяце, к церкви присоединились сотни новообращенных, а духовное возрождение охватило всю Северную Англию. Множество христианских служителей было послано в самые отдаленные уголки страны, чтобы разносить эти волны, а влияние на различные церкви оказалось поистине беспрецедентным.

После этого Муди проповедовал в Эдинбурге, где к Богу обратилось три тысячи человек, а к началу 1854 года он вовсю трудился на Божьих нивах в Данди, затем в Глазго. Дуайт с Айрой проводили свои служения в Ботаническом саду, где могло одновременно собраться от пяти до шести тысяч человек, но уже спустя несколько дней после начала "кампании" (этот термин Муди позаимствовал у Улиссеса С. Гранта во время Гражданской войны) он, в буквальном смысле, не мог пробиться к кафедре сквозь огромную толпу. Не растерявшись, служитель начал проповедовать с крыши своего экипажа - тем более что у входа в Ботанический сад людей собралось куда больше, чем внутри! Число собравшихся составляло тогда, по разным оценкам, от двадцати до тридцати тысяч человек. Один из свидетелей тех событий писал:

Мы вспоминали Уайтфилда, когда в 1753 году в Глазго двадцать тысяч душ следили за каждым движением его губ и внимали каждому слову его прощальной проповеди. Здесь же было тридцать тысяч страстных слушателей, ибо к тому моменту тысячи человек, находившихся внутри Хрустального дворца, ринулись наружу. Но даже несмотря на то, что они тотчас слились с общей массой людей, размеры этой толпы визуально практически не увеличились. Многие же свидетели, видевшие раньше такие собрания, полагали, что собралось гораздо больше слушателей.

Миссионерский тур Дуайта Муди был продолжен в Ирландии, после чего в ноябре 1874 года проповедник вернулся в Англию, по-прежнему продолжая собирать огромные толпы людей.

Формула, которая действовала

Начав свои кампании, Муди вывел формулу для этих служений. Участники полуденных молитвенных собраний должны были ходатайствовать за нужды и души участников вечерних служений. Вскоре после начала духовного возрождения количество таких молитвенников исчислялось уже тысячами. По окончании молитвенного собрания начиналось другое, где участников просили написать волнующие их духовные вопросы на специальных листиках бумаги, которые затем собирались. Дуайт и, как минимум, двое других пасторов в случайном порядке вытягивали эти записки и давали на них ответы прямо с подиума. После обеденного перерыва и непродолжительного отдыха следовали библейские чтения, во время которых зачитывались и истолковывались отдельные стихи из Священного Писания. Среди послеполуденных собраний эти пользовались наибольшей популярностью. По мере роста числа их участников начали проводить параллельно по нескольку таких служений, уделяя достаточно внимания каждому из присутствующих. Дуайту приходилось постоянно переходить от одной аудитории к другой, чтобы никого не обделить вниманием. Все эти собрания постоянно начинались и заканчивались в строго определенное время. Затем, опять же в полном соответствии с расписанием, начинались вечерние служения.

Кроме того, Муди стал родоначальником совершенно нового для того времени типа служения: детских собраний. Опираясь на опыт работы среди молодежи в "Песках", Дуайт организовал специальные собрания для детей, разработав при этом новые методики донесения детям Благой Вести. Одной из этих методик была так называемая "Книга без слов" (Wordless Book) - большой буклет с четырьмя страницами - черного (грех), красного (кровь Христа), белого (очищение от греха) и золотого (небеса) цветов, который он раздавал своим слушателям, чтобы с их помощью они могли ответить на задаваемые им вопросы, подводя, подобным образом, детей к осознанию своей потребности в Спасителе. Многие из таких собраний давали начало воскресным школам, которые открывали местные жители в ответ на призыв Муди завоевывать для Христа сердца молодого поколения.

Кроме того, Дуайт заменил введенное еще Финнеем "беспокойное место" "комнатой для общения". Он полагал, что "беспокойное место" делало кающегося грешщика объектом всеобщего внимания, и этим часто злоупотребляли те, кто больше хотел произвести впечатление на окружающих, чем

обрести спасение. Теперь ищущих спасения отводили в расположенную поблизости отдельную комнату, где их встречали специально подготовленные служители, способные, основываясь на Библии, дать исчерпывающие ответы на все их вопросы и помолиться вместе с ними. Эта практика, однако, привела к почти полному исчезновению из процесса обращения "страха и трепета". Борьба за получение доказательств того, что в глубине своего сердца человек обрел спасение, казалась больше ненужной и неактуальной. Спасение перестало быть откровением сердца и стало в гораздо большей степени зависеть от слов служителя. Кроме того, из-за чересчур пристального внимания к вопросу обращения для других проявлений и дел Святого Духа почти не осталось места. Люди перестали "взывать о прикосновении Божьем", предпочитая тихую молитву в стороне от больших скоплений народа. Именно поэтому на собраниях Муди не было таких проявлений Духа, как в Кейн-Ридже, или во время служений Джона Уэсли, или даже во время собраний, которые примерно в то же самое время проводил в Лондоне Уильям Бут.

В 1875 году Дуайт и Айра вернулись в Лондон, намереваясь там, в течение нескольких месяцев завершить свою кампанию. Когда его попросили приехать, Муди сказал: "Вам нужно будет где-нибудь раздобыть пять тысяч фунтов для покрытия расходов на аренду помещений, рекламу и прочее". Ответ не замедлил: "У нас уже имеется десять тысяч фунтов". Весь город был разделен на четыре района, к каждому из которых был разработан индивидуальный подход. В короткий срок был возведен разборный зал, способный вместить до шести тысяч человек. Заключительное служение проходило 12 июля 1875 года. В одном только Лондоне проповедники организовали и провели 285 собраний, обратив к Богу за все время два с половиной миллиона человек.

Свою заключительную речь Муди завершил таким призывом:

На протяжении двух лет и трех недель мы старались трудиться на ниве Божьей среди вас, и вот наступило время прощаться. В последний раз, во время этой кампании я имею привилегию проповедовать здесь Евангелие. Хочу сказать, что эти годы стали лучшими в моей жизни. Я стремился принести вам Христа, рассказать о Его великолепии, хотя при этом часто запинался и не мог сказать о Нем так, как мне бы этого хотелось. И все же я трудился изо всех сил и во время своего последнего выступления хотел бы снова призвать вас принять Христа в свое сердце.

И мне не хотелось бы завершать это собрание до тех пор, пока я не увижу вас всех в ковчеге спасения. Кто из вас сегодня желает встать перед Богом и заявить этим, что вы присоединитесь к нам в нашем путешествии на небеса? Могут ли подняться те, кто желает принять Христа прямо сейчас?

После этих слов многие встали, а Муди незаметно покинул подиум, оставив людей перед лицом Божьим, не желая, чтобы они прославляли его за то, что произошло на Британских островах в течение предшествовавших этому выступлению двадцати пяти месяцев.

Один из авторов следующим образом подытожил влияние Дуайта Муди на Великобританию:

Историк Лекки спокойно и невозмутимо заявил, что евангелические труды Джона Уэсли и его сотрудников повлияли на нравственное состояние простого народа и тем самым спасли Англию от революции. Мистер Муди, возможно, и не служил инструментом достижения столь глубоких экономических целей, однако несомненным является то, что живительные духовные источники, которые, с Божьей помощью, он извлек из скалы всеобщего безразличия, освежили и возродили людей, пребывавших до этого в состоянии религиозной бесчувственности. Ничто другое не является столь же опасным, как эта апатическая бесчувственность, которая сделала больше для затруднения процесса спасения, чем все активные дьявольские силы, вместе взятые.

Я не стану отрицать того, что многие из тех, кто духовно пробудился или обратился к Богу благодаря служению мистера Муди в Великобритании, вернулись обратно на свои прежние пути, едва только проповедник покинул их страну. Также не буду отрицать и того, что значительная часть вдохновленной его усилиями работы приобрела консервативные и узкие формы. Однако в глубине сердца я верю, что это движение благословило Британию так, как ничто не благословляло ее на протяжении последних ста лет. Я знаю, что десятки тысяч человек стали лучше под влиянием обращенных к ним слов мистера Муди. Через этого человека Бог привел многих к пониманию необходимости изучения Библии, ведения честного образа жизни, избавления от постоянно преследующих грехов, а также упования на Христа как на своего личного Спасителя.

4 августа Муди и Сэнки вместе со своими семьями отплыли в Нью-Йорк. Прибыв туда 14 августа, они сразу же заметили произошедшие по отношению к ним перемены. Они больше не были

обычными христианскими миссионерами, незаметно и скромно служащими своему Господу. Напротив, теперь они стали мировыми знаменитостями, которых на родине приветствовали, как героев.

Сильные стороны служения Муди

В последующие годы Муди убедительно доказал, что он способен проводить собрания так, как никто другой за всю историю христианства. В большинстве случаев отсутствие образования существенно ограничивает то, что может сделать тот или иной человек, но в случае с Дуайтом все получилось наоборот. Он не был воспитан в закостенелых догмах и схоластике, благодаря чему все делал так, как никто до него. Казалось, что он просто не знал таких слов, как "не могу". С годами он в совершенстве научился использовать прессу для привлечения внимания к своим собраниям. Многие служители того времени критиковали подобную тактику, однако результаты Муди говорили сами за себя. Он охотно использовал новые возможности, не опасаясь, что они повредят Божьему делу, и благодаря этому повсюду, от Чикаго до Нортфилда, появлялись основанные Муди школы и организации. Его учебные заведения никогда не испытывали особых проблем из-за отсутствия у их основателя необходимого образования, так же как отсутствие духовного сана не помешало Дуайту стать успешным и пользующимся всеобщим признанием служителем. Приходившие слушать его люди не придавали этому никакого значения.

Дуайт Муди обладал поистине невероятной настойчивостью. Он страстно желал видеть людей приходящими к Христу. Где бы Дуайт ни проповедовал, он привлекал толпы любопытных и просто зевак, многие из которых уходили домой уже новообращенными. Никакая Мелочь не казалась ему слишком незначительной для того, чтобы быть использованной для повышения эффективности проводимых им кампаний - качество, которое впоследствии полностью переняла Евангелическая ассоциация Билли Грэма. В основании этих кампаний также всегда лежала молитва. Полуденные молитвенные собрания всегда оставались неотъемлемой частью всех его кампаний.

После проповедей Муди неизменно появлялись феноменальные свидетельства о том, как люди приходили к Господу. Ниже приведены лишь два подобных случая:

Одной из замечательных особенностей проводимой мистером Муди работы всегда было пение гимнов, мудрость которого можно проиллюстрировать следующим образом: во время служения в церкви на Монумент-стрит какой-то пьянчужка без всякой мысли о Боге пришел на это собрание. Ему очень понравилось пение, в особенности гимн "Приди, о, приди же ко Мне". Услышав объявление о дневных собраниях, он решил посетить одно из них. Когда он вошел в церковь, мистер Блисс как раз пел упомянутый выше гимн. Мужчина купил сборник гимнов, чтобы перечитывать этот гимн для себя, и вскоре ощутил непонятное волнение. В конце концов он сжег эту книгу, но не смог сжечь впечатление, произведенное на него Духом. Затем он ушел в еще больший запой, но даже на дне стакана не смог утопить это впечатление. Время шло. Однажды вечером он зашел в методистскую церковь и вдруг снова услышал, как люди пели этот гимн: "Приди, о, приди же ко Мне". В тот же вечер он подчинился призыву и принял в свое сердце Христа. В сборнике "Евангельские гимны" (Gospel Hymns) №3 этот гимн находился под восемьдесят восьмым номером. После этого мистер Муди всегда называл его "Номер 88".

Во время одного из собраний в Бродвейской церкви в зал зашел вор-карманник, намереваясь стащить у кого-нибудь золотые часы, что вскоре и сделал. Завладев добычей, преступник двинулся, было, к выходу, но не смог этого сделать, поскольку те, кто находился внутри, не собирались выходить, а те, кто пребывал снаружи, не могли войти. Таким образом, ему пришлось слушать проповедь, которая произвела на него такое впечатление, что он остался и на последующее общение, во время которого принял Христа как своего личного Спасителя. На следующий день в двери пастората позвонили. Когда же уборщица открыла их, то увидела лишь сверток, привязанный к дверной ручке. Открыв его, она обнаружила там золотые часы и цепочку, а также записку с признанием и просьбой вернуть все это владельцу, что и было выполнено. Раскаявшийся вор указал свое имя и адрес, но попросил простить его так же, как его простил Бог.

Величайшим годом в жизни Муди был, возможно, 1876, когда отвечалось столетие с момента обретения Америкой независимости. В январе этого года на грузовых складах Пенсильвании, расположенных в Филадельфии, состоялось 210 собраний, которые посетило более миллиона человек. В Нью-Йорке Дуайт арендовал ипподром, где раньше находился цирк Барнума. Десять недель подряд это здание, вместимостью 14 тысяч человек, заполнялось до отказа. Несколько лет спустя, в 1883 году, когда цирк Барнума завершил свои представления в Мэдисон-сквер-гарден, Дуайт зарезервировал этот комплекс для серии собраний.

В последующие десятилетия собрания Муди продолжали касаться сердец слушателей. Весной 1884 года, уже в Англии, когда Дуайт выступал Лондоне, молодой студент-медик по имени Уилфред Томасон Гренфелл посетил одно из его собраний, расположившись в задних рядах. Он учился в Квинс-коллед-же в Оксфорде и происходил из богатой семьи. Оказавшись в зале, он увидел на сцене человека, молившегося весьма самодовольным тоном, и уже готов был развернуться и покинуть собрание, не видя в нем абсолютно ничего нового. Но в этот момент, как он сам позднее вспоминал, "со своего места вскочил какой-то энергичный человек и закричал: "Давайте будем петь гимн, пока наш брат заканчивает свою молитву". Он был поражен, поскольку "отсутствие всякой шаблонности, здравый смысл и Юмор во всем, что было связано с "религией", являлось для меня чем-то совершенно новым". Когда же он узнал, что именно этот человек будет выступать ближайшим вечером, то решил остаться и послушать его. В тот вечер Дуайт проповедовал о жизни, посвященной христианскому служению, которая являлась призванием каждого христианина, вопрошая: "Почему вы не хотите полностью посвятить и доверить свою жизнь Христу? Он может с ней сделать гораздо большее, чем вы сами". Когда собрание завершилось, Гренфелл взял один из буклетов Муди, озаглавленный "Как читать Библию" (How to Read the Bible), и позже внимательно его изучил. В конце концов, все завершилось тем, что он провел сорок лет в канадском Лабрадоре, где строил клиники и больницы, а также восполнял насущные физические и духовные нужды американских индейцев, эскимосов и белых.

Дуайт проповедует на ипподроме Нью-Йорка в 1876 году
Из архива Робертса Лиардона

За несколько лет до этого случая Дуайт проповедовал в Кембридже, где подобным же образом вдохновил семерых молодых атлетов отправиться миссионерами в Китай под руководством Хадсона Тэйлора. Они стали известны как "Кембриджская семерка", которая включала в себя К. Т. Стада, М. Бьюшама, С. П. Смита, А. Т. Пол-хилл-Тернера, Д. Э. Хоста, К. Х. Полхилл-Тернера и У. У. Кассельса.

"Лодка тонет"

В 1892 году, после очередного путешествия в Великобританию, изнуренный проповедник наконец обратился к врачу, чтобы справиться о состоянии своего здоровья. Врач сказал проповеднику о том, что на работе его сердца сильно сказывается напряженнейший рабочий график и что, если он хочет пожить на этом свете подольше, ему следует снизить темп. Когда Муди поднялся на борт корабля "Спри", который должен был доставить его домой, он уже подумывал о неизбежных изменениях в собственной жизни, однако путешествие домой изменило все его планы.

Я находился на борту парохода "Спри", когда прозвучало сообщение о том, что наш корабль тонет и что все мы оказались в беспомощном положении посреди океана. Никто на этой земле даже представить не может, что пришлось пережить мне, когда я думал о том, что мой труд завершен и что больше никогда я не буду иметь привилегию проповедовать Евангелие Сына Божьего. И в ту темную ночь, первую после нашего кораблекрушения, я обещал себе, что, если Бог спасет мне жизнь и позволит вернуться в Америку, я отправлюсь в Чикаго и во время Всемирной выставки буду проповедовать Евангелие изо всех сил, которые Он мне даст.

На третье утро после начала путешествия дымовая труба парохода треснула, и два ее больших осколка пробили корпус корабля. Поток воды, хлынувшей сквозь образовавшиеся пробоины, был настолько велик, что насосы просто не справлялись со своей работой. Два дня корабль дрейфовал по такому штормовому океану, что спускаемые на воду шлюпки моментально опрокидывались

огромными волнами. На второй вечер после аварии Муди организовал молитвенные служения, во время которых зачитывал отрывки из Псалмов 90 и 106:20-31. В это время нос корабля задрался высоко вверх, а корма ближе к закату стала все сильнее погружаться в воду. Пассажиры и команда сидели в кромешной тьме - генераторы вышли из строя, - и капитан сказал, что все кончено. Однако он заблуждался, поскольку молитвы Дуайта о спасении были услышаны. Канадское грузовое судно "Лэйк-Хурон", оказавшееся неподалеку, отбуксировало "Спри" обратно в Ирландию. Все находившиеся на борту 750 человек были спасены.

Муди сдержал свое слово. Во время Всемирной выставки он проповедовал изо всех сил, какие дал ему Бог. Едва не погибнув в морской пучине, все оставшиеся дни своей жизни он рассматривал в качестве бонусов, без сожаления отдав их Господу. Когда многие служители угрожали Всемирной выставке бойкотом, поскольку организаторы запланировали проводить ее по воскресеньям, Дуайт решил организовать еще больше служений. Он говорил: "Давайте откроем так много проповеднических площадок и подадим Евангелие столь привлекательно, что люди с огромным желанием будут приходить и слушать Благую Весть". Выставка стала очередной замечательной возможностью для проповеди Евангелия. В своей заключительной речи Дуайт заметил:

Сегодня мы обладаем всем, что способно ободрить нас, и ничто не заставит нас опустить руки. Вне всякого сомнения, это была наша лучшая неделя. В течение этого времени Благую Весть услышало не менее ста пятидесяти тысяч человек. Мне никогда еще не доводилось видеть в людях более сильного желания слышать Слово Божье. Самые большие залы оказались слишком малы для множества людей, приходивших на эти служения. Однажды вечером, к примеру, направляясь к месту проведения выставки, я стал свидетелем наиболее прекрасного зрелища, которое только можно увидеть на земле. В мерцающем свете фейерверков и иллюминации десятки тысяч человек пристально смотрели на сцену, где разыгрывалось представление. Казалось, совершенно бесполезно ожидать, что кто-либо из них отойдет от этой сцены и направится в сторону шатра, где в это время начиналась проповедь Божьего Слова. Но шатер быстро наполнился, и у нас было действительно благословенное собрание. В последующие вечера, несмотря на холод и дождь, сырое и неуютное помещение, люди прибывали и прибывали, пока не заняли каждый дюйм свободного пространства. И я благодарю Бога за то, что сегодня живу в Чикаго: то были самые счастливые моменты в моей жизни. Какую же чудесную работу Господь ниспослал нам сегодня, какое ободрение нам дал, как благословил нас! Возможно, некоторые из вас никогда больше в своей жизни не получат возможности сделать для Христа так много, как сегодня.

Последняя кампания Муди началась 12 ноября 1899 года в Канзас-Сити, штат Миссури. Свою последнюю проповедь он произнес 16 ноября, после чего, изнуренный, отошел от дел по настоятельной рекомендации врача. Дуайт вернулся на поезде в Нортфилд, но так и не поправился, не увидел уже стоявшего на пороге XX века. Согласно написанной его сыном биографии, в последний день Дуайта...

Дуайт и Эмма Муди вместе с двумя своими внучками
Из архива Робертса Лиардона

...около шести часов он затих и вскоре погрузился в сон, от которого пробудился приблизительно через час. Неожиданно он заговорил медленно и размеренно: "Земля удаляется. Небеса раскрываются предо мною". Первым моим желанием было попытаться растормошить его, пробудить от того, что мне показалось каким-то сном. "Нет, это не сон, Уилл, — ответил он. — Это прекрасно! Это подобно трансу. Если это смерть, то она сладка. Здесь нет никакой долины. Бог зовет меня, и я должен идти".

После этого видения у него еще оставалось время для того, чтобы созвать своих близких и попрощаться с ними. Затем он замолчал и погрузился в сон, чтобы больше никогда не проснуться. Это произошло 22 декабря 1899 года, когда Дуайту только исполнилось шестьдесят три года. Эмма пережила его на четыре года и умерла в 1903 году.

Ранее о своей смерти Дуайт говорил следующее:

Когда вы прочитаете в газетах о том, что Д. Л. Муди из Восточного Нортфилда умер, ни в коем случае не верьте этому! В тот момент я стану гораздо более живым, чем являюсь сейчас. Я вознесусь ввысь, оставив эту ветхую плотскую обитель ради обители вечной - тела, к которому смерть никогда не сможет прикоснуться, не запятнанного грехом, созданного по подобию Его великолепного тела. Во плоти я родился в 1837 году, в Духе — в 1856-м. То, что рождено во плоти, должно умереть. То, что родилось в Духе, будет жить вечно.

Один из критиков Муди, должно быть, наилучшим образом подвел итог его жизни, признав:

Одержимый страстным желанием спасать человеческие души, он преодолел более миллиона миль, обратился к более чем сотне миллионов человек, а также лично молился и ходатайствовал за семьсот пятьдесят тысяч грешников. В итоге весьма вероятно, как утверждают его сторонники, что он уменьшил население преисподней на один миллион душ.

Служение Дуайта Муди и его имя продолжают работу своего основателя и хозяина, что прекрасно иллюстрирует следующая история, опубликованная в журнале The Youth's Companion:

Молодого миссионера, несшего служение в отдаленных областях Китая, попросили крестить младенца. Родители дали ему имя Му Ди. Это выглядело настолько необычным, что священник не удержался и полюбопытствовал о его происхождении. "Я слышал о вашем Божьем человеке, Муди, — последовал ответ. - На нашем наречии Му означает "любовь", а Ди - "Бог". И мой ребенок также будет любить Бога". Мистер Муди не знал китайского языка, но одно только его имя, переведенное на этот язык, открывает нам секрет его жизни.

Муди наверняка обрадовался бы, узнав, что благодаря его жизни население ада столь сильно уменьшилось. И это является достойной целью для каждого из нас.

Глава 9

Уильям и Кэтрин Бут
(1829 -1812) (1829 -1990)

"*Кровью и огнем* "

"КРОВЬЮ И ОГНЕМ"

Главной опасностью XX века станет религия, лишенная Святого Духа, христианство без Христа, прощение без покаяния, спасение без обновления, политика без Бога и небеса без ада.

— Уильям Бут

Нам нужны мужчины, преданные делу спасения человеческих душ, которые не стыдятся того, что каждый будет знать, какова цель их жизни и что все остальное для них - второстепенно.

— Кэтрин Бут

Середина XIX века. В Англии только началась Индустриальная революция. Это время знакомо нам, прежде всего, по произведениям такого автора, как Чарльз Диккенс, самыми известными из которых являются "Приключения Оливера Твиста" и "Рождественские рассказы". Рост промышленного производства привел к тому, что многие ранее успешные ремесленники оказались на обочине жизни. Условия работы на фабриках зачастую были абсолютно невыносимыми, повсеместно применялся детский труд. Англия наверняка оказалась бы втянутой в гражданскую войну между богатыми и бедными - наподобие Французской революции, - если бы не духовное возрождение и социальные реформы, инициированные Уильямом и Кэтрин Бут. В течение нескольких десятилетий начатое ими движение не только преобразило Англию, подарив ее жителям новую надежду, но также опоясало новыми миссиями весь земной шар. Армия Спасения направила свои усилия на то, чтобы в каждом народе коснуться сердец страждущих, отчаявшихся и отверженных и принести им все преобразующую живительную милость Иисуса Христа. Сторонники этого движения были полны решимости отпустить измученных на свободу, уничтожив их оковы кровью Агнца и огнем Святого Духа.

"Упрямый Уилл"

Уильям Бут родился 10 апреля 1829 года в Ноттингеме (Центральная Англия), став единственным сыном в семье Сэмюэла и Мэри Бут-Детство Уильяма и трех его сестер прошло в родительском доме изкрасного кирпича, расположенном в одном из кварталов Снейтона — крохотного городка, поглощенного в скором времени Ноттингемом, стремительно растущим промышленным центром. Вначале Сэмюэл делал гвозди, но его профессия в скором времени безнадежно устарела и стала никому не нужной, чему в немалой степени поспособствовала именно Индустриальная революция. Поэтому ему пришлось переквалифицироваться в архитекторы, и некоторое время Сэмюэл весьма преуспевал, потому что рост городов способствовал увеличению спроса на его услуги.

Семья Бутов формально принадлежала к Англиканской церкви, но отец Уильяма лишь изредка переступал порог храма. В то время английские церковные власти вынуждали тех прихожан, которые не могли регулярно платить за пользование церковной скамьей, переходить в задние галереи, разделяя богатых и бедных точно так же, как на американском Юге долгое время изолировались друг от друга представители различных рас.

Мэри Бут была второй женой Сэмюэла. Его первая жена, Сара Локкитт, умерла по неустановленной причине 13 января 1819 года в возрасте пятидесяти трех лет. У Сэмюэла и Сары был, как минимум, один сын, Уильям Эдкок (или Хэдкок), который в двадцать четыре года скончался от туберкулеза. Сам же Уильям — основатель Армии Спасения — был назван так в честь своего умершего сводного брата, которого он никогда не знал.

Сэмюэл познакомился с Мэри в то лето, когда умер его сын, и после непродолжительного периода ухаживания 2 ноября 1824 года они поженились. В то время жениху, честолюбивому бизнесмену, было около пятидесяти, тогда как невесте - лишь тридцать три года. Столь непродолжительное ухаживание объясняется, вероятнее всего, тем, что это был брак по расчету. Сэмюэл искал для себя комфорта и к тому же надеялся, что новая жена подарит ему наследника. Мэри же, в свою очередь, не хотела до конца своих дней оставаться старой девой. Всего у Сэмюэла и Мэри родилось пятеро детей: Генри, который появился на свет 6 января 1826 года и умер 6 января 1828 года; Энн, о которой известно лишь то, что девочка была крещена 1 апреля 1827 года; Уильям, родившийся 10 апреля 1829 года; Эмма, которая появилась на свет 21 января 1831 года и всю свою жизнь была инвалидом; и Мэри, родившаяся 16 сентября 1832 года.

Жизнь Уильяма и его сестер была гораздо обеспеченнее, чем жизнь большинства их сверстников, которым приходилось по двенадцать часов в день гнуть спину на фабрике, чтобы помочь родителям заработать на насущный хлеб и уголь для обогрева. В возрасте шести лет Уильям начал посещать академию в Ноттингеме. Он выделялся среди сверстников сильной волей, лидерскими качествами и импульсивностью. Вскоре за ним закрепились прозвища Упрямый Уилл и Веллингтон, в честь герцога Веллингтона, прославившегося своими военными победами, главной из которых стала победа над армией Наполеона в знаменитой битве под Ватерлоо. Прозвище Упрямый Уильям мальчик получил благодаря своим спортивным успехам. Как и в случае с молодым Чарльзом Финнеем, если вы хотите победить, позаботьтесь о том, чтобы Бут оказался в вашей команде, и, если это возможно, сделайте его своим капитаном.

К моменту рождения Уилла удача отвернулась от его отца. Когда Уильям был маленьким, его родителям кое-как удавалось поддерживать статус состоятельных людей, однако неудачные финансовые решения в конце концов привели их к банкротству. Тринадцатилетний Уильям был исключен из школы и сделался учеником ростовщика по имени Френсис Имс. Через год после этого, 23 сентября 1843 года, скончался отец Уильяма. Находясь уже на смертном одре, он раскаялся в своем неверии и за несколько минут до встречи с Создателем примирился с Ним.

Молодой Уильям был сообразительным малым и вскоре стал мастером своего дела, однако постоянно сталкиваясь с тем, как люди продавали свои драгоценности, чтобы хоть как-то свести концы с концами, он ощутил, что его претит от всего этого. Вскоре он буквально возненавидел ростовщичество, считая его профессией стервятников. Некоторые люди закладывали свои лучшие выходные костюмы, затем в течение недели зарабатывали достаточно денег, чтобы в субботу выкупить их, но уже в понедельник утром вновь несли их к ростовщику. Они шли на большие жертвы, чтобы выглядеть состоятельными хотя бы один день в неделю. Буту понадобилось совсем немного времени, чтобы узнать, что безделушки и наряды всегда закладывались первыми, за ними

следовали фамильные ценности и мебель, а обручальные кольца люди отдавали в залог в самую последнюю очередь.

В детские и ранние юношеские годы Уильяма бедность была одной из главных язв английского общества. Неурожаи, растущие налоги и высокие зерновые сборы, введенные для того, чтобы защищать доходы богатых землевладельцев, превратили Ноттингем из сельскохозяйственного центра в промышленный. Бунты рабочих в то время были не такой уж редкостью. Проституция и преступность процветали, поскольку бедняки были готовы на все ради куска хлеба. Для ремесленников и мелких производителей настали тяжелые времена: тракторы постепенно вытесняли плуг, а фабричное производство оставляло их без работы. Рабочие промышленных предприятий не имели закона, который защищал бы их права, а совесть фабрикантов, как правило, молчала. Таким образом, разрушая средний класс, промышленная революция низводила человека до уровня детали в огромной машине, что относилось в равной степени как к образованным, так и абсолютно неграмотным членам общества.

"Каждую минуту умирает человеческая душа!"

После смерти отца Уильям стал главой семьи; юноша, которому в ту пору исполнилось пятнадцать лет, принялся искать новый смысл в жизни. Эти поиски нередко приводили его в уэслианскую церковь на Броуд-стрит, где одним поздним вечером он услышал проповедь служителя по имени Исаак Марсден. Тот громогласно проповедовал ошеломленным прихожанам, и его слова глубоко запали в сердце юноши. Предупреждение проповедника "Каждую минуту умирает человеческая душа!" долго не давало Уильяму покоя. И хотя в тот вечер он не посвятил свою жизнь Иисусу Христу, в последующие дни он лишь утвердился в необходимости личного покаяния.

В отличие от других лидеров духовного возрождения, о которых идет речь в этой книге, точная дата обращения Уильяма не известна. Однако спустя короткое время после описываемых событий он уже называл себя методистом и заявлял о своем полном посвящении делу спасения этих "каждую минуту умирающих человеческих душ" - делу, которым он будет страстно заниматься на протяжении последующих шестидесяти лет. Он раскаивался в своих прошлых грехах и, если это было возможно, старался компенсировать причиненный ими ущерб. Уильяму не давал покоя случай с серебряным пеналом, который он выиграл у кого-то из своих друзей нечестным путем, и, наступив на горло собственной гордости, юноша вернул его законному владельцу. В последующие дни Бут обрел абсолютную уверенность в том, что он принадлежит Богу. Много лет спустя он следующим образом описывал это чувство:

Мои братья, вы уверены в своем спасении. Но не потому... что слышали о нем в проповеди. Не потому, что сами читали о нем или же слышали, как другие люди читали из этой удивительной книги удивительную историю о Божьей любви к вам. Не потому, что вы собственными глазами видели, как благодаря работе Духа Святого меняется человеческий характер, происходят перемены такие изумительные, такие чудесные, такие Божественные, как во времена апостолов. Все это вполне могло бы способствовать появлению у вас такой уверенности. Но каким бы чудесным оно ни было, в нем нет силы, достаточной для того, чтобы убедить вас в обретении спасения. Не плоть и кровь открыли вам это, а Сам Бог через Духа Своего открыл вам сию тайну.

Уильям начал посещать в уэслианской церкви все служения и занятия по изучению Библии, какие только мог, до краев наполняясь Божьим Словом и Божьим огнем. В то время как другие люди собирались на улицах, чтобы бунтовать или призывать к социальным реформам, молодой Бут искал Бога. Со своими талантами и энтузиазмом Уильям с легкостью мог стать успешным политиком или даже революционером, если бы Бог не нашел его раньше. Но, поскольку именно Господь достиг его первым, Буту удалось сделать для исцеления социальных недугов своего народа больше, чем кому-либо из его современников.

Рождение еще одной Екатерины Великой

Приблизительно за три месяца до рождения Уильяма, 17 января 1829 года, в Эшборне, графство Дербишир, появилась на свет Кэтрин Мамфорд, единственная дочь Джона и Сары Мамфорд. Мамфорды имели также четырех сыновей, трое из которых умерли в детстве. Сара Мамфорд с юных

лет горячо верила в Бога. Со своим мужем Джоном она познакомилась в местной методистской церкви.

Кэтрин росла слабым и болезненным ребенком, и эта болезненность преследовала ее до конца жизни. Тем не менее, в сердце ее горело нечто, что заставляло совершенно забыть об этой слабости: таким состраданием и чуткостью не обладал в этом мире, наверное, никто, разве что будущий муж. Малышку Кэтрин можно было назвать кем угодно, но только не несчастным ребенком. Хотя из-за постоянных недугов она большую часть времени проводила дома, именно благодаря этому девочка полюбила книги - и ни одну из них она не ценила так высоко, как Библию. Ее мать настолько восхищалась Божьим Словом, что не позволяла своим детям читать романы или другую художественную литературу, считая это пустым времяпрепровождением. К трем годам девочка уже научилась читать. Зачастую она, стоя на стуле, читала вслух семейную Библию, в то время как мама внимательно ее слушала, занимаясь домашними делами. К двенадцати годам Кэтрин целых восемь раз прочитала Библию от корочки до корочки — причем вслух.

В 1834 году отец Кэтрин перевез свою семью обратно в родной Бостон, расположенный в английском графстве Линкольншир. В то время Кэтрин едва исполнилось пять лет, и остальные детские годы она провела именно в этом городе. Родители полагали, что чистый морской воздух окажет благотворное влияние на здоровье детей.

Слабое здоровье Кэтрин не способно было угасить огонь, полыхавший в ее сердце.

Кэтрин росла кем угодно, но только не равнодушной девочкой. Даже слабое здоровье не способно было угасить огонь, полыхавший в ее сердце, не говоря уже о ее нетерпимости к любым проявлениям жестокости. Она всегда защищала слабых и несчастных. Однажды, когда девочка ехала куда-то в повозке, она увидела мальчишку, избивавшего осла молотком. В ярости она выскочила из повозки, подбежала к хозяину животного и, отобрав у него молоток, отправила провинившегося мальчика домой, как следует перед этим отчитав. После этого она, потеряв сознание, рухнула на землю и была отвезена домой.

В другой раз, когда девятилетняя Кэтрин играла на улице, гоняя обруч, она увидела направлявшуюся в ее сторону толпу. Констебль волочил за собой по мостовой пьяного, а собравшаяся вокруг толпа глумилась и смеялась над выпивохой на протяжении всего пути. Такая жестокость поразила девочку, и она сжалилась над несчастным. Несмотря на то, что в ее доме собиралась активная ячейка "Общества борьбы за трезвость", сердце Кэтрин не желало осуждать этого мужчину; она просто не могла спокойно смотреть на такое грубое отношение к беспомощному человеку. Поэтому девочка решительно протиснулась в середину людской массы и остановилась подле пьяного. Толпа, застигнутая врасплох смелостью столь хрупкого создания, застыла на месте. Девочка наклонилась к мужчине, ощущая смрад его дыхания и внимательно всматриваясь в его глаза, стремясь увидеть в пустом взгляде хоть что-то человеческое. Затем, взяв его за руку, она повернулась и повела его за собой в том же направлении, в котором ранее тащил его констебль. Мужчина зашагал тверже, и полицейский больше не подталкивал его, лишь шел рядом, слегка поддерживая рукой своего подопечного.

Таким образом, Кэтрин вместе с констеблем довела мужчину до арестантского дома, а толпа очень скоро потеряла к происходящему всякий интерес. Эта сцена напоминает одну библейскую историю, в которой говорится, что обвинители женщины, уличенной в супружеской измене, потеряли всякий интерес к происходящему, когда в дело вмешался Иисус (см.: Иоанна 8:2-11).

Когда девочка услышала об ужасном положении, в котором находятся бедные люди в других странах, она полностью отказалась от сахара и других сладостей. Сэкономленные благодаря этому деньги она отправляла миссионерским обществам.

В возрасте двенадцати лет Кэтрин наконец почувствовала в себе достаточно сил для того, чтобы учиться в школе, где и приступила к занятиям с пылом истинного ученого. Даже в столь юном возрасте любовь Кэтрин к знаниям была такой сильной, что ее учителя быстро научились принимать ее толкование любой истории, как наиболее объективное и точное. Благодаря своим организаторским и лидерским способностям она была избрана старостой класса. Девочка сразу же всем сердцем полюбила историю и географию, загоревшись желанием во что бы то ни стало

побывать в разных странах и познакомиться с культурой других народов. Для усвоения математики ей потребовалось немного больше времени, но как только она поняла ее суть, этот предмет стал одним из ее любимых.

К сожалению, когда Кэтрин исполнилось четырнадцать лет, врачи обнаружили у нее сильное искривление позвоночника, и девочке пришлось оставить школу. Единственным способом лечения этого недуга в то время было трехмесячное лежание на твердой кровати в надежде, что организм сумеет сам себя исцелить. Для большинства сверстников Кэтрин такая процедура была бы сродни одиночному заключению, но девочке было чем себя занять - она вернулась к своим любимым книгам. Несмотря на то, что ее тело временно было неподвижным, ее разум, наоборот, вел активную жизнь. Она увлеклась историей Церкви и теологией, один за другим читая труды таких отцов пробуждения, как Джон Уэсли и Чарльз Финней, а также произведения Джона Ньютона, автора гимна "Дивная благость" (Amazing Grace). Пытаясь понять логику, стоявшую за аргументами каждого из этих теологов, Кэтрин с удивлением обнаружила, что они не всегда соглашались друг с другом. Ее весьма заинтересовал вопрос, как определить, кто из них в действительности прав, или, точнее, как отыскать истину, чтобы жить в полном соответствии с ней. Годы спустя Кэтрин следующим образом описывала свои поиски:

Когда мне было четырнадцать лет, я отвергла абсолютно все теории о Боге и религии, противоречащие моим врожденным представлениям о правильном и неправильном. Я сказала себе: "Нет, я никогда не поверю в теорию, которая утверждает, что все в Боге является хорошим и добрым, тогда как в человеке - презренным и жалким. Я не могу принять этого". Мне трудно найти нужные слова, чтобы описать это, однако я прекрасно помню, что творилось в тот момент в моей душе. Я сказала себе: "Нет, все мое существо стремится к добродетели и истине Божьей, и я никогда не поверю тому, что все вложенное Богом в меня противоречит тому, что Он вложил в эту книгу. Где-то закралась ошибка". И, слава Богу, я нашла ответ в Священном Писании, что советую сделать и вам. Даже не думайте, что извращенное понимание характера Божьего, навязываемое вам профессиональными теологами, в День Суда послужит оправданием вашего неприятия Его книги или же Божественной власти, о которой сказано в ней. Бог скажет: "Разве ты сам не был просвещен?".

Другими словами, она крепко держалась истины, как сказано в Первом послании Иоанна 2:27:

Впрочем, помазание [Святого Духа], которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте.

Проводниками Кэтрин стали Священное Писание и рука Духа Святого, лежавшая на ее сердце, чтобы привести ее к Иисусу и Его истинному учению.

В скором времени здоровье девочки пошло на поправку, спина почти перестала беспокоить ее, и период вынужденного заточения подошел к концу. В 1844 году ее семья перебралась в Лондон, и Кэтрин снова пошла в школу. Девушка по-прежнему стремилась к учебе и новым знаниям, но в следующие несколько лет ей пришлось немало поломать голову над ответом на один из важнейших вопросов всей ее жизни: "*Как получить уверенность в своем спасении*?".

"Как мне получить уверенность в своем спасении?"

Кэтрин не могла просто согласиться с тем, что она спасена, и решила во что бы то ни стало разобраться в том, истинным ли было ее обращение. Когда она вернулась в школу, ее неуемное стремление к справедливости временами выливалось в нетерпимость и гнев. И хотя в своей жизни она ни разу не совершила ничего опрометчивого и безрассудного - по крайней мере, внешне, - бушевавшие внутри ее разрушительные эмоции говорили ей о том, что грех по-прежнему контролирует ее сердце. Она понимала, что по-настоящему обратившийся к Богу человек не имеет внутри себя семян порока, поскольку пережил новое, духовное рождение. В таком случае, даже если он иногда будет по ошибке совершать какие-либо внешние грехи, сам корень греха, произраставший в глубинах его сердца, будет выкорчеван окончательно. Кэтрин твердо решила очистить свою жизнь от греха, чтобы точно знать, что она мертва для него и жива для Бога, строго следуя в этом вопросе увещеваниям Павла из Послания к Римлянам 6:11: "...почитайте себя мертвыми для греха, живыми

же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем". По мнению Кэтрин, лишь дар веры мог принести ей истинное обращение. Позже она вспоминала:

Примерно в это же время мне пришлось бороться с поселившимися в моей душе серьезными сомнениями. Хотя я прекрасно осознавала, что уже давно полностью посвятила и доверила свою жизнь Богу, и хотя я горела желанием служить Ему и с огромным удовольствием молилась, тем не менее у меня не было полной уверенности в том, что мои грехи прощены и что в моем сердце действительно произошли перемены, о которых я так много читала и слышала. Я была полна решимости раз и навсегда развеять эти сомнения, любой ценой получив ясный ответ на этот вопрос. На протяжении шести недель я непрестанно молилась и боролась, но это не приносило мне удовлетворения. Действительно, моя прошлая жизнь внешне выглядела безупречно. Как на людях, так и наедине с собой, я вела себя вполне добропорядочно, весьма стараясь и преуспевая в этом. Тем не менее, даже принимая во внимание все это, я понимала истинность слов:

Пусть мое рвение не угасает,
Пусть мои слезы вечно текут.
От грехов, которые не искуплены,
Ты можешь спасти, лишь Ты один.

Более того, я знала, что "лукаво сердце [человеческое] более всего и крайне испорчено..." (Иеремии 17:9). Я ужасно боялась, что обманываю сама себя. Я также помнила свои, хотя и редкие, вспышки гнева во время учебы в школе. Кроме того, я совершенно не могла вспомнить ни определенного места, ни времени, когда бы я твердо и явно стояла на Божьих обетованиях, ощущая при этом немедленное прощение собственных грехов и имея свидетельство Святого Духа о том, что я стала ребенком Божьим и наследницей Царства Небесного.

Мне казалось неразумным предполагать, что я могла обрести спасение, ничего об этом не зная. Во всяком случае, я не могла позволить себе и дальше оставаться в сомнениях по этому вопросу. Если в прошлом я поступала, руководствуясь полученным мною светом, то теперь было очевидно, что я обрела новый свет и, не подчинившись ему, обрекла бы свою душу на осуждение. Ах, сколько же сотен человек повстречала я с тех пор, тех, кто многие годы блуждал в растерянности и сомнениях, поскольку, полностью посвятив себя Богу, не осмеливался всецело положиться на Его обетования и довериться им!

Никогда не забуду той муки, которую мне довелось пережить. Уединившись в своей комнате, я ходила из угла в угол до двух часов ночи. Когда же, полностью обессиленная, я ложилась, наконец, спать, то клала свою Библию вместе со сборником гимнов под подушку, молясь, чтобы утром проснуться с уверенностью в своем спасении.

Это продолжалось до тех пор, пока вечером 14 июня 1846 года Кэтрин, уронив голову на подушку, взмолилась: "Отец, сделай так, чтобы завтра я проснулась с уверенностью в том, что Ты простил мне все мои грехи". И на следующий день, наконец, произошло то, о чем она так долго просила. Проснувшись, девушка села на кровати, достав из-под подушки свою Библию и сборник гимнов. Вдруг сборник гимнов выскользнул у нее из рук и, упав на пол, открылся как раз на той странице, где были напечатаны строки из стихотворения Чарльза Уэсли:

Господь мой, я Твой!
Какой же восторг неземной,
Какое блаженство знать, что Иисус Действительно мой!5

Свет наполнил ее душу. После долгих месяцев борьбы Кэтрин получила столь долгожданный ответ. Ее сердце чудесным образом преобразилось, и теперь Иисус, а не чувство вины, наполнял ее дух. Позже Кэтрин вспоминала:

Сколько же раз я читала и пела эти строки, но лишь теперь они оказались дома, в глубине моей души, озарив ее ярчайшим сиянием, которое вряд ли имели раньше. Сомнения стали для меня столь же невозможными, сколь невозможными были до сего момента упражнения в вере. До этого не во все библейские обетования я могла заставить себя поверить; теперь же даже все демоны ада вряд ли

сумели бы заставить меня хоть на мгновение в них усомниться. Я больше не надеялась на то, что обрела спасение, я была уверена в этом. Уверенность в спасении, казалось, до краев наполнила мою душу.

Я выскочила из постели и, не утруждая себя одеванием, кинулась в комнату своей мамы, которой и рассказала о том, что случилось.

В качестве подтверждения своей принадлежности Богу Кэтрин присоединилась к Брикстонской уэслианской методистской церкви (раньше она отказывалась делать это, ссылаясь на неуверенность в своем спасении). Несколько месяцев спустя, в сентябре 1846 года, девушка снова заболела, на этот раз туберкулезом. Несмотря на мучившие ее сильные боли и лихорадку, Кэтрин находила успокоение в осознании того, что она спасена. Врачи опасались, что туберкулез будет прогрессировать, поэтому следующую зиму больная снова провела дома. В мае же, достаточно поправившись для того, чтобы перенести непродолжительное путешествие, она переехала к своей тете, жившей в Брайтоне, на морском побережье. Девушка надеялась, что соленый морской воздух ускорит ее выздоровление. Набравшись сил, она начала посещать служения местной уэслианской церкви.

Живая вера и мертвая церковь

Несмотря на то, что в Соединенных Штатах усилиями таких проповедников, как Питер Картрайт, методизм был на подъеме, в Великобритании это движение тонуло в трясине бюрократии. Казалось, что методизм потерял силу Божью, проявлявшуюся во время проповедей Джона Уэсли и Джорджа Уайтфидца, а его фокус сместился в сторону составления правил и руководства людьми. Окружные проповедники должны были справляться с таким огромным объемом бумажной работы, что у них практически не оставалось времени для выполнения своих прямых обязанностей. Членство в методистских церквах подвергалось ежегодной ревизии, целью которой являлся контроль того, чтобы прихожане занимали достойное место в обществе и имели хорошую репутацию. Призывы к проведению реформ и возвращению к первоначальным принципам отцов-основателей методизма зазвучали уже в 1840-х годах, но к запланированной на 1850 год конференции лидеры реформаторов были названы бунтарями и отлучены от церкви. Методистская церковь постепенно отходила от своего первоначального стремления через излияние Божьей силы обращать людей к Господу, сосредоточившись вместо этого на контролировании своих членов и наполнении казны за счет пожертвований прихожан. Братья Уэсли, должно быть, заламывали в отчаянии руки на небесах, глядя на то, как методизм окончательно терял силу преобразовывать человеческие жизни через проповедь Слова и присутствие Божье.

Горя желанием спасать души бедняков, Уильям Бут вскоре понял, что не может позволить себе ждать, пока они сами начнут приходить к нему.

Еще не знакомые друг с другом Уильям и Кэтрин одинаково негативно относились к традиционному методизму, разочаровавшись в котором вскоре пополнили ряды реформаторов. Как всегда нетерпимая к любой несправедливости, Кэтрин не собиралась молча смотреть на то, как церковные власти выгоняли из церкви благочестивых "бунтарей". Когда наступила пора подвергнуть ревизии ее членство, лидер, которому формально подчинялась Кэтрин, отказал ей в положительной характеристике. Как следствие, девушка была отлучена от церкви, которая с момента рождения являлась для нее духовным домом, потеряв при этом многих своих учителей и близких друзей.

Уильям противостал методистам иначе. Радость, вызванная долгожданным обретением спасения, все еще бурлила в нем, а слова "Каждую минуту умирает человеческая душа!" по-прежнему звучали у него в ушах. Спустя два года после своего обращения, он посетил служение, на котором выступал Джеймс Коги. Присущий ему ирландско-американский стиль вызывал у слушателей благоговейный трепет, и Уильям сидел как зачарованный. В тот вечер он заново посвятил себя своему Господу и Спасителю, твердо решив стать таким же покорителем душ, как Коги. В конце служения Уильям поднялся с колен с твердой уверенностью в том, что "Бог даст Уильяму Буту все самое необходимое".

Горя желанием спасать души бедняков, Уильям Бут вскоре понял, что не может позволить себе ждать, пока они сами начнут приходить к нему. Он уговорил своего близкого друга Уилла Сэнсома

вместе проповедовать на улицах. Не теряя времени понапрасну, друзья отправились прямиком в ноттингемские трущобы. Молодой Бут, проповедовавший на бочке или высоком стуле, производил сильное впечатление на слушателей своим внешним видом. Это был высокий юноша с выразительными серыми глазами, черными как смоль волосами и высоким, выдающимся носом. Молитвы Уильяма не оставались без ответа, однако он нуждался в некоем толчке, который побудил бы жителей этого неблагополучного района последовать за ним в церковь - место, где они так долго были нежелательными гостями. И это время было уже не за горами.

Вместе с Сэнсомом Бут отправился проповедовать на Кид-стрит. Не зная этого района, он приступил к делу прямо перед домом отъявленного пьяницы и дебошира по прозвищу Джек Метла. Проповедники спели гимн, после чего Уильям взобрался на стул и начал свое обращение к собравшейся толпе.

- Друзья, - прокричал он, - я хотел бы задать вам несколько прямых вопросов, касающихся вашей души... Есть ли у кого-нибудь из вас дома дети, не имеющие обуви? Сидят ли ваши жены сейчас в темных лачугах, дожидаясь, когда вы вернетесь домой с пустыми карманами? Собираетесь ли вы прямо отсюда отправиться... чтобы потратить на выпивку деньги, в которых так сильно нуждаются ваши жены, чтобы купить еду?

Неожиданно двери находившегося позади них дома распахнулись, и Джек Метла метнулся прямо к проповедникам. Когда он оказался рядом с ними, Уильям взглянул ему прямо в глаза и сказал:

- Бог любит твою жену столь же сильно, как ты сам ее когда-то любил.

Джек замер: слова попали в самую точку.

- Можешь ли ты вспомнить, когда впервые ее повстречал, как сильно влюбился и ухаживал за ней?

Джек неподвижно смотрел прямо под ноги Уильяму, затем медленно кивнул.

- Так вот, Бог любит тебя так же, только Его любовь несравнимо сильнее.

Окружающие внимали каждому его слову. Наконец, Джек поднял свои глаза.

- Меня?

- Да, тебя.

Уильям спустился со стула и взял Джека за руку.

- Давай прямо здесь преклоним колени, и ты скажешь Господу о том, что ты тоже Его любишь, и попросишь Его простить тебя. Джек так и сделал.

Бут прекрасно понимал, что эти новообращенные нуждались не только в спасении. Он знал, что им требовалось наставление, чтобы, укрепившись в вере, они могли самостоятельно заботиться о своем духовном росте. Таким образом, в следующее воскресенье оба Уилла снова направились в трущобы, собрали толпу и двинулись вместе в уэслианскую церковь. Они ввалились в церковь прямо посреди служения, сразу же после четвертого гимна, и усадили свой "улов" в первых рядах, заняв лучшие места в зале. Уильям был доволен своей работой, однако в конце служения преподобный Сэмюэл Данн подошел к нему, но не для того, чтобы поздравить, а чтобы сделать строгий выговор.

Преподобный Данн обратил внимание Уильяма на места для сидения, расположенные за перегородкой в самом конце зала, скрытые от постороннего глаза и в действительности находившиеся почти за пределами слышимости; после чего указал на едва заметную боковую дверь, через которую следовало туда заходить. Преподобный Данн также сказал Уильяму, что первые ряды, на которых он рассадил своих "подопечных", предназначались для тех, кто щедро жертвовал на развитие методизма, а бедняки, сказал он, должны входить через боковую дверь и сидеть позади всех. Конечно, они желанные гости на каждом служении, но им не следует путаться под ногами и мешать другим прихожанам получать удовольствие от служения. Уильям смиренно выслушал выговор, но этот снобизм положил начало разрыву его отношений с методистами.

Юный методистский проповедник

Невзирая на то, что в ту пору Буту было только семнадцать лет, это не мешало ему выполнять обязанности окружного проповедника. Он начал служить в Ноттингеме в церкви на Броуд-стрит, а также в окрестных деревнях. Проводя служения под открытым небом в последующие несколько лет, он продолжал совершенствовать свои навыки проповедника.

Когда Уильяму исполнилось девятнадцать лет, он закончил свою учебу в ломбарде и столкнулся с необходимостью искать работу в другом месте, поскольку мистер Имс не мог более платить ему

жалование. Весь последующий год он занимался поиском работы в Ноттингеме, но, ничего не найдя, решил переехать в Лондон. Жизнь в столице тоже была нелегкой, но, в конце концов, юноша устроился на работу в небольшой ломбард, благодаря чему у него появились не только деньги, но и жилье — комната над магазином.

В свободное время Бут начал посещать методистскую церковь в Уолворте, где вскоре был зарегистрирован в качестве проповедника. От главного пресвитера своего округа Уильям получал мало поддержки, и однажды, осознав, что гораздо больше людей он приводит к Богу во время уличных служений, чем во время церковных, он попросил, чтобы его освободили от последних ради проповеди на улицах. После этой просьбы главный пресвитер стал недоверчиво относиться к Уильяму, заподозрив его в сговоре с реформаторами, и при первой же возможности лишил молодого служителя членства в церкви. Стремление Уильяма нести беднякам весть о Божьем спасении привело его к разрыву с методистской церковью, точно так же, как нежелание Кэтрин молчать привело к ее исключению из рядов методистов. Произошедшее причинило Уильяму сильную боль, ибо он всегда верил в то, что "существует один Бог, и Джон Уэсли Его пророк".

Несмотря на то, что Бут был изгнан из церкви, он не остался в одиночестве. Один из методистов, богатый владелец обувной фабрики Эдвард Рэббитс (в отличие от местного пресвитера, не ценившего служения Уильяма), восхищался им. В разгоревшемся между методистскими традиционалистами и реформаторами споре Рэббитс занял сторону последних и также был лишен членства. Услышав об отлучении Бута от методистской церкви, он пригласил молодого человека присоединиться к реформаторам и проповедовать под их знаменем. Не имея другого выбора, Уильям согласился.

В последующие месяцы Эдвард получил возможность еще больше оценить призвание Уильяма. Однажды вечером, пригласив юношу на ужин, Рэббитс предложил ему еженедельную зарплату в размере двадцати шиллингов на протяжении, как минимум, трех месяцев, если тот решится уйти из ломбарда и служить проповедником целый рабочий день. Уильям удивился и обрадовался, потому что о такой работе он мечтал не один месяц. Спустя некоторое время юноша уволился с прежней работы, снял новую комнату и приступил к выполнению своих обязанностей спасителя человеческих душ.

Любовь, благословленная на небесах

В начале 1852 года Уильям получил от Эдварда Рэббитса приглашение на чай. Хотя молодому человеку не слишком нравилось подобного рода времяпрепровождение, ему было неловко отказаться. Во время приема Уильям был представлен многим другим реформаторам, включая невысокую темноволосую девушку с веселыми глазами. Он моментально вспомнил, что именно ее повстречал после выступления на собрании реформаторов в церкви Бинфилд-роуд в Клэпхеме. Девушку звали Кэтрин Мамфорд. Чтобы развлечь публику, Уильяма попросили представить драму в стихах о торговце спиртным — что в те времена было весьма популярным в среде борцов за трезвость. Однако далеко не все присутствующие оценили услышанное и согласились с его идеей, и когда Бут закончил, из зала посыпались замечания и возражения. Но прежде чем он успел сказать хотя бы слово в свою защиту, вперед вышла Кэтрин и высказала один из лучших из когда-либо слышанных им аргументов в пользу запрета алкоголя. Очевидно, что за этими сияющими глазками скрывалось нечто гораздо большее, чем юноша изначально сумел рассмотреть.

Уильяму Буту и Кэтрин Мамфорд суждено было снова встретиться во время церковного богослужения всего лишь через несколько недель, 9 апреля 1852 года, в Страстную пятницу. Этот день также предшествовал дню рождения Уильяма, которому исполнится двадцать три года. Во время служения они лишь перекинулись друг с другом несколькими словами, потому что в середине собрания Кэтрин почувствовала себя неважно и решила вернуться домой. Если Уильям и расстроился, видя, как она собирается уходить, то его печаль, должно быть, тут же обратилась в радость, когда Рэббитс попросил молодого человека провести девушку домой, в Брикстон. Эта поездка в экипаже навсегда изменила судьбу каждого из них.

Их беседа быстро перескочила с формальностей к обсуждению надежд и мечтаний молодых людей. Позже Кэтрин писала об этой совместной поездке:

Это небольшое путешествие нам никогда не забыть... Неожиданно мы ощутили такое удивительное родство взглядов и целей, а также единство в понимании различных вопросов, которое каким-то странным образом стремительно снизошло на нас, что нам стало казаться, будто бы мы близко знали и любили друг друга уже много-много лет и теперь, после временной разлуки, снова встретились. Еще до того, как экипаж подъехал к моему дому, мы оба... почувствовали, что словно были созданы друг для друга... Любопытным было также и то, что мы оба имели одинаковые взгляды на те качества, которые хотели бы видеть в своем спутнике, с которым собирались вместе прожить всю свою жизнь... и здесь были мы, так необычно и неожиданно познакомившиеся друг с другом и полностью соответствующие этим идеальным характеристикам, как если бы это было специально для нас подстроено! И мы почувствовали, что с этого момента наши жизни должны течь уже единым потоком.

Когда они прибыли к ее дому, Кэтрин пригласила юношу войти и продолжить общение. В доме к ним присоединилась мама Кэтрин, и они настолько увлеклись беседой, что Уильяму пришлось у них заночевать - было слишком поздно вызывать экипаж и слишком далеко идти пешком. Миссис Мамфорд постелила ему в свободной комнате. Ранним утром Уильям уехал, но еще до наступления вечера он снова заглянул в этот гостеприимный дом. Так повторялось почти каждый день во все последующие недели.

Чем сильнее Уильям молился Богу, чтобы Тот избавил его от желания видеть Кэтрин, тем сильнее он хотел быть рядом с ней всю свою жизнь.

В каком-то отношении Уильям и Кэтрин напоминали пламень и лед: Уильям был смелым и зачастую чересчур горячим проповедником; Кэтрин же была уравновешенным и спокойным ученым с глубоко аргументированными теологическими взглядами — но вместе они стали удивительной силой, действовавшей во славу Божью. Уильям был духом, Кэтрин — словом. Уильям был освободителем душ, Кэтрин - попечителем, заботившимся о том, чтобы освобожденные и впредь оставались свободными, находили свое призвание и счастливо жили с Богом. Уильям был пламенным лидером, Кэтрин — управляющим, планирующим все повседневные дела.

Уильям был удивлен неожиданно нахлынувшим на него чувством, опасаясь, что оно могло отвлечь его от служения Господу. Он даже начал молиться о том, чтобы Бог забрал их, но Господь решил иначе. Чем сильнее Уильям молился Богу, чтобы Тот избавил его от желания видеть Кэтрин, тем сильнее он хотел быть рядом с ней всю свою жизнь. Молодые люди очень серьезно и долго обсуждала этот вопрос, не желая принимать поспешных решений, но чем больше они общались, вместе молились и грустили друг без друга в часы разлуки, тем сильнее становилась их уверенность в том, что Бог создал их друг для друга. Таким образом, 15 мая 1852 года, спустя чуть более месяца после их памятной поездки в экипаже, с благословения родителей Уильям и Кэтрин объявили о своей помолвке. В том же самом месяце Кэтрин написала о своем чувстве к Уильяму в письме:

"Мой любимый Уильям, полагаю, ты очень удивишься... получив это письмо после столь недавней нашей встречи. Нет, ты решишь, что это не столь важно, и так оно есть... Сегодняшний вечер так удивительно безмятежен и спокоен, что находится в замечательной гармонии с моей душой; вихри остались в прошлом... Все в порядке. Я чувствую, что это правильно, и моя душа восхваляет Бога за ту твердую уверенность, которую Он дает мне. Радостно и весело моя душа отвечает на твое приглашение снова посвятить себя Ему и сделаться ближе тебе, все более возрастая в подобие нашего Господа. Чем сильнее мы уподобляемся Иисусу, тем более совершенным и Божественным становится наш союз. Наши сердца сейчас действительно являются единым целым, настолько единым, что их разделение было бы еще более горьким, чем смерть... Мысль о том, как мы вместе идем по жизни, совершенно соединенные друг с другом, вместе наслаждаемся ее светом и вместе противостоим ее штормам, с нежнейшей симпатией разделяем каждую улыбку и каждую слезу и с полным единодушием выполняем все свои важные обязанности, является для меня отблеском абсолютного счастья, величайшим земным благословением, которого я только себе желаю... Мы с самого начала признали Бога, мы искали Его воли... и сегодня мы любим Его еще сильнее благодаря той любви, которую испытываем друг ко другу... Ты всегда в моих мыслях. Поверь мне, дорогой Уильям!

Всегда любящая тебя Кейт

В то время как отношения многих пар отличались длительным периодом ухаживания и короткой помолвкой, у Кэтрин и Уильяма все было наоборот. В течение последующих трех лет Уильям неустанно трудился, желая обеспечить своей семье достойное будущее и стабильный доход, а также развить свое служение настолько, чтобы оно могло обеспечивать всем необходимым их обоих. К моменту их помолвки Уильям уже отработал половину трехмесячного срока, о котором ранее договаривался с Рэббитсом, и потому все свое внимание посвятил оставшимся полутора месяцам. Эдвард уже занес имя Уильяма в проповеднические планы нескольких реформаторов, поэтому юноша принял решение проповедовать везде, где его готовы будут слушать.

В отличие от быстро завершившегося периода ухаживания, помолвка Уильяма и Катрин стала тем временем, когда их любовь непрестанно росла и крепла, - и этот процесс, строчка за строчкой, был освещен в их письмах, которыми они обменивались последующие несколько лет. Эта длительная "письменная" помолвка также стала для них уникальной возможностью рассмотреть многие вопросы и обсудить различия в своих взглядах. В письмах им было гораздо сложнее вести горячие споры, поэтому им удалось разрешить многие проблемы, с которыми другие пары зачастую впервые сталкиваются лишь после нескольких лет совместной жизни. Письмо за письмом, они приходили к согласию по различным вопросам, связанным с теологическими проблемами, воспитанием детей, евангельской проповедью и прочими немаловажными вещами, закладывая прочные основания не только для своей совместной жизни, но также и для будущего служения.

Возможно, наиболее важные разногласия, которые Уильям и Кэтрин обсуждали в своей корреспонденции, касались вопроса равноправия полов. Как писала об этом Кэтрин:

Я готова признать, что в большинстве случаев отсутствие образования у женщин делает их низшими по отношению к мужчинам... но не нахожу никаких причин полагать, что по своей природе они в каком-либо отношении, за исключением физической силы и храбрости, занимают низшую, нежели мужчины, позицию, и я уверена, что никто не в состоянии доказать это на основании Слова Божьего.

Ответ Уильяма был осторожным, но вскоре он признал правоту Кэтрин и стал таким же горячим сторонником женщин в служении, как и она:

Прежде чем ответить, я снова перечитываю твои замечания о положении женщин... Я никогда и ни за что на свете не буду препятствовать проповедующей женщине, но и не буду побуждать ее к этому. Ты должна проповедовать, если чувствуешь к этому побуждение; должна ощущать себя равной в этом деле. И даже если бы у меня были силы и возможности тебя остановить, я все равно не стал бы делать этого. Хотя мне необязательно должно это нравиться. Больше всего на свете я хочу видеть этот мир спасенным; и я не буду отвергать ничего из того, что может в этом деле помочь.

Бут и церковный мир

В последующие недели Уильям осознал, что реформаторы, несмотря на все их рвение, были неорганизованные и во многом страдали от тех же проблем, что и традиционные методисты. Поэтому Уильям и Кэтрин решили отказаться от щедрой поддержки Эдварда Рэббитса. Этот шаг вообще лишил Уильяма вообще какой-либо материальной поддержки, но Кэтрин лишь ободряла и поддерживала его, нисколько не сомневаясь в том, что его мечты когда-нибудь исполнятся. Она была уверена в том, что Бог позаботится о них.

Однако последующие месяцы оказались для него весьма непростыми. Уильям присоединился к конгрегационалистам. Вместе с Кэтрин он начал посещать Стокуэллскую конгрегационалистскую церковь, возглавляемую преподобным доктором Дэвидом Томасом. Тем не менее, Уильяму никак не удавалось примирить свои внутренние убеждения с их кальвинистской теологией, и, несмотря на то, что открытые двери на первых порах казались свободными от всяких доктринальных условностей, в действительности они таковыми не оказались. Уильям решил поискать применение себе в другом месте.

Вскоре ему пришлось продать большую часть своей мебели, чтобы хоть как-то свести концы с концами. В итоге он снова решил пристать к реформаторам, когда Эдвард Рэббитс предложил ему

взять на себя заботу о небольшой группе церквей в районе Сполдинга. Благодаря этому Уильям начал зарабатывать восемь фунтов в год - десять шиллингов в неделю, - что было больше той суммы, которую первоначально платил ему Рэббитс. К выполнению своих новых обязанностей Бут приступил в ноябре 1852 года.

Эта новая должность положила начало первому периоду вынужденной разлуки Уильяма и Кэтрин. И хотя они договорились писать друг другу раз в неделю, вскоре они стали отправлять письма уже каждый день. Некоторые письма девушка начинала писать утром, добавляя несколько строчек после обеда, и затем вечером, дописав еще несколько мыслей, отдавала конверт почтальону. В каждом ее письме в среднем было около двух тысяч слов.

Спустя полгода Уильям вернулся в Лондон, чтобы навестить невесту. Здесь ему предложили должность в недавно основанном Новом методистском объединении — еще одной группе, сформированной в надежде возвращения к ценностям и практике основателя движения. Преподобный Уильям Кук изъявил желание взять Бута под свою опеку и подготовить к дальнейшему служению. Сначала юноша отказался, но под конец своего пребывания в Сполдинге все-таки принял это предложение. И снова Уильям показал, что хотя он не являлся ученым, однако после первой же его проповеди в Брансуикской церкви к Богу обратились пятнадцать человек. Свойственные молодому служителю нетрадиционные методы проповедования нередко приводили его наставника в замешательство, однако, видя достигнутые им результаты, ничего не мог возразить.

Во время проходившей в июне 1854 года конференции Нового объединения преподобный Кук предложил кандидатуру Бута на должность суперинтенданта большого лондонского округа, но двадцатипятилетний юноша еще не чувствовал себя готовым к столь ответственной работе. В итоге был достигнут компромисс: Бута назначили служителем-резидентом в новой церкви на Пэкингтон-стрит в Ислингтоне, другой части Лондона, под руководством старшего и более опытного служителя. Популярность его проповедей, однако, неустанно росла, и вскоре Бут начал путешествовать и проводить еван-гелизационные кампании не реже, чем он проповедовал на Пэкинг-тон-стрит. Во время следующей конференции, в 1855 году, Уильям был освобожден от своей должности на Пэкингтон-стрит и назначен полноправным разъездным служителем Нового объединения. Чувствуя, что ему, наконец, удалось добиться поставленных целей, 16 июня 1855 года Уильям и Кэтрин сочетались законным браком.

Впервые Кэтрин отправилась в совместную поездку с мужем во время их медового месяца - Уильяма пригласили выступить на островах Райт и Джерси. Кэтрин была одновременно утомлена и восхищена стремительным темпом, в котором жил и работал ее муж. Во время его следующей поездки она осталась дома, надеясь отдохнуть и восстановить свои силы, чтобы в следующий раз снова отправиться с ним.

В последующие годы, приспосабливаясь к графику Уильяма, чета Бут часто переезжала с места на место. Уильям становился все более и более эффективным евангелистом. Первоначально во время каждого из проводимых им собраний к Богу обращалось лишь несколько человек; затем их количество стало исчисляться десятками и наконец, сотнями! В феврале 1856 года после его проповедей к Богу обратилось 640 человек. Затем во время шестинедельного служения, закончившегося в декабре, Уильям увидел обращение 740 человек. 8 марта того же года на свет появился первый ребенок Бутов. Счастливые родители назвали его Уильямом Брамуэллом.

Духовные мертвецы

Из-за занятости Уильям не смог посетить в 1857 году конференцию Нового объединения, однако дошедшие до него новости буквально ошеломили служителя. Его лицензия разъездного проповедника была аннулирована. Недоброжелатели Бута утверждали, что его собрания слишком хаотичны, манера выступления слишком нетрадиционна и, кроме того, через него спасалось так много людей, что местные пасторы были не в силах справиться с толпами новообращенных. Как сказал один из служителей: "Он снимает сливки и оставляет другим лишь обезжиренное молоко". Противники Уильяма выиграли голосование с перевесом в четыре голоса. На следующий год он получил назначение в захолустный заводской городишко Бригхаус, графство Йоркшир, - наименее обещающий из всех существовавших районов.

Однако Бригхаус, как оказалось, таил для Бутов также и некоторые преимущества, став замечательной тренировочной площадкой для их будущего служения. Они впервые поселились в своем собственном доме и получили возможность не только приводить людей к спасению, но также следить за тем, чтобы эти люди укреплялись в вере. После рождения их второго сына, Боллингтона, который появился на свет 28 Июля 1857 года, Уильям уговорил Кэтрин открыть в церкви библейский класс. Одновременно она стала вести женское служение. На следующей конференции в мае 1858 года Уильяму снова было отказано в праве вернуться к разъездной работе и предписано еще год трудиться в своем округе. Он согласился. Проработав в Новом объединении четыре года, он закончил испытательный период и был введен в должность служителя деноминации. После этого Уильям и Кэтрин переехали в Гэйтсхед, где с Кэтрин произошел интереснейший случай, оказавший значительное влияние на их дальнейшую работу в Армии Спасения:

В воскресенье, направляясь в церковь, я проходила по узкой многолюдной улице, предвкушая удовольствие от вечернего служения и надеясь увидеть, как новые души с радостью обратятся к Господу. В этот момент я вдруг посмотрела вверх и увидела над собой ряды маленьких окошек, за которыми сидело множество женщин, пялившихся на прохожих и вяло делившихся друг с другом последними сплетнями.

И в этот момент я словно услышала голос, исполненный великой силы, говоривший мне: "Почему бы тебе не заняться служением активнее и еще больше не уподобиться своему Искупителю, обратившись к этим беспечным грешницам и пригласив их на служение, а не отправляться туда в одиночестве?". Я была ошеломлена: это была совершенно новая мысль, и, пока я обдумывала ее, все тот же неслышный голос спросил меня: "Что делают христиане, исполняя повеление "пригласите их войти, чтобы дом Мой был полон"?"

Все это сопровождалось светом и помазанием, которые были явно неземного происхождения. Я ощутила сильное волнение и почувствовала себя весьма и весьма виноватой. Я знала, что никогда раньше особо не утруждала себя приведением заблудших грешников к Христу, поэтому, содрогаясь от ощущения своей внутренней слабости, на какое-то мгновение я замерла, обратила свой взор ввысь и сказала: "Господи, если Ты мне поможешь, я попытаюсь", - и, не советуясь более со своей плотью и кровью, я повернулась и приступила к выполнению своей работы. Сначала я обратилась к группе женщин, сидевших у порога. Невозможно описать словами, чего мне стоила эта попытка; но Дух помог мне преодолеть собственные слабости и позволил мне терпеливо и с уважением выслушать их, получив взамен от некоторых обещание посетить дом Божий. Это чрезвычайно ободрило меня; я почувствовала вкус радости, которая сокрыта под Крестом, и хоть в какой-то степени ощутила, что благословеннее давать, нежели получать... Я подошла к следующей группе, стоявшей у входа в низкую, грязную арку. И снова я была принята весьма радушно и услышала столь желанные обещания. Не было никаких грубых отказов и оскорбительных насмешек, которые могли бы пошатнуть мою новоприобретенную уверенность или же остудить мое еще недостаточно горячее рвение. Я начала понимать, что Господь стоял позади меня; нет, Он даже шел впереди, расчищая и приготавливая мне путь.

Эта благословенная уверенность столь усилила мою храбрость и воспламенила надежду, что я осмелилась постучаться в двери следующего дома, и затем, когда они распахнулись, войти и говорить жильцам об Иисусе, смерти, Суде и вечности. Мужчина, который выглядел успешным ремесленником, проявил довольно большой интерес к моим словам и был заметно тронут ими, пообещав вместе со своей женой посетить евангелизацию, которая проходила в церкви.

С сердцем, полным благодарности, и глазами, полными слез, я думала о том, куда мне следовало идти далее, когда вдруг увидела женщину, стоявшую на пороге близлежащего дома с кувшином в руке. Мой Божественный наставник сказал: "Поговори с этой женщиной". Сатана поделился своим предположением: "Возможно, она пьяна". Но после секундной внутренней борьбы я представилась ей, спросив: "Людей, которые живут на этом этаже, сейчас нет дома?" - так как заметила, что нижняя часть дома была заперта. "Да, - ответила она, — они ушли в церковь". Мне показалось, что в ее голосе и жестах я уловила признаки усталости и печали. Я сказала: "О, мне так радостно это слышать. Почему же вы не пошли туда, где люди поклоняются Богу?" - "Я? — переспросила она, опустив глаза и посмотрев на свой жалкий внешний вид. - Я не могу пойти в церковь, из-за пьяницы мужа я вынуждена оставаться дома. Мне приходится следить за тем, чтобы он не сбежал в пивную.

Да я и вышла лишь для того, чтобы принести ему немного выпить". Я выразила ей сочувствие и спросила, не могу ли я войти и поговорить с ее мужем. "Нет, - ответила она, — потому что он пьян, и вы ничего от него не добьетесь". Я ответила: "Это не страшно, что он пьян. Разрешите мне войти: я не боюсь, он ничего мне не сделает". - "Ладно, — вздохнула женщина, — если хотите, заходите, но он лишь обругает вас". Я сказала: "Не переживайте", - и последовала за ней вверх по лестнице. Теперь я чувствовала себя достаточно сильной в Господе, ощущая силу Его власти, и в такой безопасности, какую только может испытывать младенец в материнских руках. В тот момент я осознавала, что всецело покорилась Ему, и поэтому не боялась никакого зла.

Женщина привела меня в небольшую комнатушку на втором этаже, где я обнаружила статного, интеллигентного мужчину лет сорока, развалившегося в кресле, рядом с которым стояла бутыль, к коей он регулярно прикладывался. Я всецело положилась на своего Небесного Наставника, моля Его дать мне силу и мудрость, любовь и власть, и все это я получила. Господь заставил замолчать демона, обитавшего в крепком напитке, и отрезвил разум мужчины, чтобы он смог услышать мои слова. Когда я обратилась к нему с сердцем, полным сочувствия, он медленно приподнялся в кресле и прислушался, в то время как его глаза удивленно и слегка отрешенно смотрели на меня. Я говорила ему о его плачевном состоянии, о бессмысленности и порочности его пути, о ценности жены и детей, пока он полностью не вышел из отупения, в котором я его застала. Я прочитала ему притчу о блудном сыне, и слезы ручьями потекли по его лицу. Затем я помолилась вместе с ним, в то время как Святой Дух вкладывал слова в мои уста, после чего ушла, пообещав на следующий день вернуться с книгой покаяния, которую он согласился подписать.

Теперь я чувствовала, что моя работа завершена. Утомленная телом, но безмерно счастливая душой, я продолжила свой путь в церковь, добравшись туда как раз к окончанию служения и началу молитвенного собрания.

На следующий день я снова посетила этого мужчину. Он поставил свою подпись, где это было необходимо, и внимательно выслушал все мои увещевания. Я оставила его полным надежды, отправившись на поиски тех, кто находился в столь же плачевном состоянии. С этого момента я начала регулярно ходить от дверей к дверям, посвящая этой работе два вечера каждую неделю. Господь так благословил мои усилия, что за несколько недель я преуспела в увещевании десяти пьяниц оставить свои губительные для души привычки и встречаться со мной раз в неделю для чтения Священного Писания и молитвы.

18 сентября 1858 года у Бутов родился третий ребенок - "маленькая Кэтрин". Ее сразу же стали называть сокращенным именем Кей-ти. В том же году количество прихожан их церкви в Гэйтсхеде увеличилось с тридцати девяти до трех сотен человек, и местные жители дали церкви название "Цех обращений" из-за того влияния, которое она оказывала на город и его обитателей. Когда на следующий год пришла пора переназначения Уильяма, прошлогоднее обещание о возвращении его к евангелизационной работе даже не было внесено в протокол! Бут остался в Гэйтсхеде, продолжая работать в качестве окружного суперинтенданта.

Однако Уильяма было не так легко сбить с пути. Если ему суждено было сохранить в Гэйтсхеде руководящий пост, тогда он должен полностью отвечать за всю евангелизационную работу в этой местности. Поэтому Бут провозгласил начало целой серии евангелизационных собраний и призвал прихожан выделить один день в неделю для поста и молитвы. После этого он организовал десятинедельную кампанию молитвенного ходатайства, записав имена наиболее известных в округе грешников на листочках бумаги, которые распространил среди молитвенников. Возглавляемые им группы каждый день проводили еванге-лизации и трудились в жилых кварталах, переходя от двери к двери, распространяя буклеты и лично приглашая людей посетить собрания.

За время, когда Кэтрин в подростковом возрасте была прикована к постели, она досконально изучила "Лекции о духовном возрождении" Чарльза Финнея и вместе с мужем начала использовать предложенные автором принципы в своей работе. Кроме того, Уильям решил вернуться к собраниям под открытым небом, которые он проводил еще в юности. Верующие собирались в общественных местах и пели христианские гимны, за которыми следовала короткая проповедь Бута. После этого процессия направлялась к церкви, по пути приглашая каждого встречного присоединиться к ним. Почти все грешники, за которых ходатайствовали, посетили хотя бы одно из этих собраний и обратились к Богу.

"Моя дорогая жена желает выступить"
Из архива Армии Спасения

Это было удивительное время. Однако Кэтрин снова слегла в постель, и до ее полного выздоровления темп работы заметно снизился. В ту пору Кэтрин случайно попал в руки написанный преподобным Артуром Россом памфлет, в котором резкой критике подвергались женщины-проповедники. Возмущенная Кэтрин принялась в ответ писать свой памфлет, который закончила перед самым рождением ее четвертого ребенка — Эммы Мосс Бут, которая появилась на свет 8 января 1860 года.

"Моя дорогая жена желает выступить"

До этого момента Кэтрин, являясь горячей сторонницей женщин, наставляющих и проповедующих в церкви, все же сама стеснялась это делать. Муж всегда ободрял и поддерживал ее, но женщине нравилось оставаться в тени, прячась за своей скромностью. Однажды в воскресенье, 27 мая 1860 года, участникам массового собрания под открытым небом пришлось в срочном порядке перебраться под крышу церкви в связи с ненастной погодой. В итоге в церкви собралось около тысячи человек, жаждавших услышать проповедь Уильяма. Когда Кэтрин заняла свое место в зале, держа на руках маленького Брамуэлла, Святой Дух обратился к ее сердцу: "Если ты сейчас выйдешь вперед и произнесешь свидетельство, знай, что Я благословлю не только твою собственную душу, но также души всех собравшихся здесь людей". - "Да, Господь, - ответила она, - я верю, что Ты так и сделаешь, но я не могу сделать этого".

В тот же момент ее посетила другая мысль, но женщина моментально распознала ее коварный источник: "Кроме того, ты ведь не готова к выступлению. Ты будешь выглядеть глупо, не зная, что следует говорить".

Кэтрин крайне возмутило это язвительное замечание. "Ах вот оно что! Я никогда не хотела выглядеть глупо ради Христа. Но сейчас пусть будет именно так". Кэтрин вскочила со своего места и поднялась на сцену как раз в тот момент, когда ее муж заканчивал свое выступление. Уильям быстро подбежал к жене, чтобы помочь ей, полагая, что с ней что-то случилось, но Кэтрин просто сказала ему: "Я хочу поделиться словом".

Ее муж оказался застигнутым врасплох этой просьбой, но внутри его переполняла радость. Повернувшись к собравшимся, он произнес:

"Моя дорогая жена желает выступить", — и освободил для нее сцену. Сам же он присел в зале, желая услышать, что она собиралась сказать. Собравшись с мыслями, Кэтрин обратилась к слушателям:

Полагаю, многие из вас считают меня очень преданной Богу женщиной, верой и правдой служащей Ему, но мне открылось то, что я живу в непокорности, причем до такой степени, что тьма и теснота начали мучить мою душу. Однако три или четыре месяца назад, я дала Господу обещание и не

посмею ослушаться Его. Я вышла, чтобы рассказать вам об этом и пообещать Господу, что буду покорна Его Небесному видению.
С величайшим смирением женщина призналась в своем грехе непокорности Богу, Который уже неоднократно побуждал ее выступить на публике, и призвала каждого обязательно отвечать на Божий призыв. Когда Кэтрин закончила, Уильям, заручившись ее согласием, объявил: "Сегодня проповедовать будет моя жена!"

Тридцать минут спустя в доме Бутов Боллингтон и Кейти Бут, еще слишком маленькие для того, чтобы посещать собрания, бегали за горничной вокруг кухонного стола и радостно повторяли за ней: "Госпожа сказала слово! Госпожа сказала слово!". Важность этого события была очевидна всем членам семьи. В тот вечер церковь была переполнена прихожанами. Свою проповедь Кэтрин построила настихе из Послания к Ефесянам 5:18: "...исполняйтесь Духом...". Слава о женщине-проповеднике стремительно распространялась, и спустя несколько месяцев число желающих услышать ее превышало даже количество желающих услышать ее мужа!

Начало самостоятельного плавания

Во время конференции Нового объединения, проходившей в 1861 году, Уильям наконец почувствовал готовность поступать по велению собственного сердца - вернуться к полноценной евангелизацион-ной работе. Однако руководители Объединения так и не сочли нужным с глазу на глаз обсудить с ним этот вопрос, поэтому после нескольких недель молитвы и тщательного взвешивания всех "за" и "против", а также, несмотря на полное отсутствие какого-либо альтернативного дохода, Бут отнес в Новое объединение прошение об отставке. Этот шаг был весьма непростым для отца четырех маленьких детей, которых он должен был содержать. Кроме того, это решение раз и навсегда разрывало связь четы Бут со всем, что касалось методизма.

Лишившись жилья, Уильям и Кэтрин перевезли свое имущество и детей в дом родителей Кэтрин в Брикстоне. Когда один из корнуоллских служителей, когда-то обратившийся к Богу через служение Уильяма, попросил его возглавить духовное пробуждение в их городе, он согласился, несмотря на то, что у служителя не было денег, чтобы их поддержать. Они решили приехать в Корнуолл на полтора месяца.

Но у Бога были другие планы. Когда у Бутов были за плечами полтора года и семь тысяч новообращенных, они все еще находились в Корнуолле. Некоторые рыбаки преодолевали по десять миль по бушующему морю лишь для того, чтобы побывать на собрании. "Деловая жизнь замерла, - отметил один из местных жителей. - Владельцы магазинов и их покупатели только и делают, что бегают на собрания Бута". Поскольку, конца работы еще не было видно, Уильям и Кэтрин перевезли своих детей в Корнуолл. Именно там 26 августа 1862 года появился на свет их пятый ребенок Герберт Ховард.

В начале 1863 года Бутов пригласили выступить в Кардиффе» Уэльс, но они не могли найти помещение, которое было бы достаточно большим, чтобы вместить всех желающих попасть на собрания. Большинство церквей закрывало перед ними двери, словно они были изгоями, но Кэтрин удалось договориться об аренде циркового шатра, и собрания состоялись вовремя. Это был первый случай за годы их служения, когда они использовали нецерковное помещение, но далеко не последний. На протяжении последующих двух лет Уильям и Кэтрин продолжали путешествовать и проводить служения по всей стране. После того как 4 мая 1864 года родился их шестой ребенок, Мэриан, Кэтрин начала проводить собственные евангелизаци-онные служения, которые имели колоссальный успех. Новизна женщины-проповедника привлекала массы людей, и вскоре она начала получать приглашения даже из более консервативных церквей, чем те, которые закрывали перед Уильямом двери.

Разлука, однако, оказалась для супругов очень тяжелой, и в 1865 году они перебрались в Лондон, где поселились в Хаммерсмите. После того как перед Уильямом были закрыты двери практически всех - даже самых маленьких — церквей, некоторое время семья выживала, в первую очередь, благодаря деньгам, которые получала за свои выступления Кэтрин.

Уильям Бут проповедует во время собрания в большом шатре
Из архива Армии Спасения

Лондон, куда вернулись Уильям и Кэтрин, отличался от того Лондона, который они когда-то покинули. Он был гораздо темнее и мрачнее, чем раньше. Уильяма снова охватило сострадание к беднякам. Увидев измученные лица, он бросился в ломбард и заложил фамильные драгоценности. На полученные деньги нищая семья могла питаться несколько недель. Один из авторов описывал Восточный Лондон, как "грязный лабиринт, в котором обитало около полумиллиона человек, или 290 на один акр... Каждый пятый дом был пивной, и в большинстве из них имелись специальные ступеньки, чтобы даже самые маленькие дети могли дотянуться до прилавка".

Однажды вечером, в начале июля того же года, возвращаясь с собрания, Уильям неожиданно наткнулся на небольшую группу людей, собравшихся на улице у паба "Слепой нищий". Там проповедовал какой-то мужчина, который, закончив, спросил, не желает ли кто-либо из собравшихся поделиться свидетельством или словом из Писания. Уильяма не нужно было просить дважды. В считанные минуты его проповедь увлекла всех, кто находился рядом, и Уильям снова почувствовал себя так, словно вернулся в юные годы, когда он, стоя на стуле, проповедовал перед домом Джека Метлы. Организаторы этого собрания из Комитета специальных служб Восточного Лондона находились под таким впечатлением от работы Уильяма со своими слушателями, что в течение нескольких дней предложили ему временную должность руководителя своего служения. Несмотря на первоначальное нежелание, Уильям согласился и 2 июля 1865 года положил начало серии собраний в ветхом шатре, расположенном рядом с трущобами при Уайтчепел-роуд. Эти собрания продолжались шесть недель.

Несмотря на то, что Уильям обратил к Господу множество сердец, вскоре он почувствовал, что свое собственное сердце он оставил в Восточном Лондоне. У него не было стабильного дохода, однако вид множества безработных, крутившихся у паба "Слепой нищий", красноречивее любых слов говорил ему о том, что без работы он не останется. Эти люди должны были стать его работой! Они нуждались в спасении - не только от духовной греховности, но и от физической. Хотя Уильям не имел ни малейшего представления о том, где найти необходимые средства, он написал следующее заявление о своей миссии и обращение к фондам:

У нас нет четких и определенных планов. Мы будем следовать туда, куда нам укажет Святой Дух. В настоящее время мы хотим иметь возможность проводить регулярные и непрерывно следующие друг за другом служения, конечной целью которых является приведение душ к Христу в различных районах Восточного Лондона каждый вечер в течение целого года. Мы предлагаем проводить эти собрания в больших залах, театрах, шатрах, под открытым небом и в любых других местах, которые могут быть доступны нам или же наилучшим образом послужить достижению нашей конечной цели. Мы планируем заботиться о тех, кто пришел к Христу, и лично посещать их, направляя в близлежащие благожелательно настроенные церкви либо же самостоятельно наставляя их и подготавливая к активному труду. Для наиболее эффективного проведения этой работы мы предлагаем основать Ассоциацию христианского возрождения... Нам также потребуется центральное здание, в котором мы могли бы проводить наши более частные собрания и проповедовать Евангелие в те времена, когда мы не будем заняты работой в других местах.

На следующей неделе богатый промышленник отправил Уильяму первый чек на сто фунтов для поддержки его работы. За ним последовало еще больше денег. Бог, как всегда, явил Свою верность. Так было положено начало работе, которая позже привела к появлению Армии Спасения, изначально известной под названием Христианской миссии Восточного Лондона.

Христианская миссия Восточного Лондона

В течение последующих нескольких лет работа Бутов постоянно менялась. В первый год большинство людей, начавших служить вместе с ними, по разным причинам покинули миссию — чаще всего, это так или иначе было связано с тем, что этим людям не нравился проповеднический стиль Уильяма, его бескомпромиссность, спонтанный характер его служений или же тяжелые условия работы. Поскольку у Бутов не было постоянного здания, для своих собраний они снимали самые разнообразные помещения — от танцзалов до конюшен. Однажды они даже проводили служение за голубятней. Их аудитория чаще всего состояла из низов общества, поэтому некоторые люди покидали собрания, не в силах выносить резкий запах джина и табака. Но к лету 1866 года Уильяму удалось собрать команду из приблизительно пяти десятков верных сотрудников, которые горели желанием делать все, что в их силах, для продолжения и расширения работы миссии.

Каким бы твердым и бескомпромиссным ни был Бут в вопросах, связанных с доктриной, когда дело касалось методов, он действовал зачастую прямо противоположно. Обуреваемый горячим желанием спасать человеческие души, он был готов практически на все ради достижения этой цели. На одном собрании, когда люди, казалось, не проявляли особого интереса к его проповеди, Уильям пригласил на сцену цыганского разносчика, который лишь недавно обрел спасение. И, как только этот человек начал свидетельствовать, слушатели преобразились и стали жадно ловить каждое его слово. С того дня Уильям начал передавать новообращенным некоторые полномочия, так что их свидетельства звучали практически на каждом собрании. Их энтузиазм он считал заразительным, и благодаря их участию в служениях потенциальные верующие становились более открытыми к Благой Вести. Позже в Армии Спасения любили говорить, что одни из своих лучших проповедей Уильям произнес устами других людей. "Он никогда не монополизировал собрания. Он стремился к тому, чтобы задействовать и других верующих - эти служения принадлежали им не меньше, чем ему. Такой прием помогал ему делать собрания не только эффективными, но и привлекательными".

Оркестры и мелодии баров

Однажды какой-то мужчина с тремя сыновьями предложили Уильяму стать его телохранителями. Совершенно случайно у них оказались при себе духовые инструменты. Мужчины предложили что-нибудь сыграть, и Уильям охотно согласился. Увидев доброжелательную реакцию публики, он задумал сделать подобного рода оркестры неотъемлемой частью своих собраний под открытым небом. Услышав доносившуюся из бара притягательную и легко запоминающуюся мелодию, проповедник решил, что не позволит дьяволу держать в своих руках всю лучшую музыку и предложил своим музыкантам научиться исполнять популярные песни, при этом переделав их тексты так, чтобы в них звучала хвала Богу. Эти мелодии наверняка привели в изумление не одного пьяницу. Только представьте себе, как они напевали их во время своих вечерних попоек, а уже на следующий день эти же песни призывали заблудших к примирению с Богом и отказу от спиртного, которое губило их!

Уильям Бут предложил своим музыкантам научиться исполнять популярные песни, при этом переделав их тексты так, чтобы в них звучала хвала Богу.

Изначально Уильям полагал, что деятельность его миссии будет направлена, прежде всего, на евангелизацию - обращение людей к Христу с последующим направлением их в церкви для дальнейшего роста и укрепления в вере. Однако поиск наиболее подходящей церкви для новообращенных оказался весьма непростой задачей. Многие из спасенных отказывались посещать

церкви; те же, что приходили в церковь, часто становились там непрошеными гостями. С другой стороны, Буты не имели никакой помощи извне и нуждались в том, чтобы новообращенные трудились в миссии со все возрастающим числом обращенных к Богу. Миссия начала проводить занятия по изучению Библии. Кроме того, ее члены посещали новообращенных через неделю после их покаяния. Эти попечители проверяли состояние новеньких, молились вместе с ними и пытались привлечь их к работе в миссии. К тому же они учили их молиться и ходатайствовать о заблудших грешниках. Эти посещения наполняли новообращенных чувством собственного достоинства и целеустремленностью, которых им зачастую не хватало в прежней жизни. Их энтузиазм оказывал значительное влияние на проводимую миссией работу.

Уильям также посылал своих сотрудников по двое, чтобы те приглашали людей на собрания, распространяли листовки, рекламирующие различные мероприятия, и молились за тех, кто нуждается в помощи и освобождении.

Гражданская война в Америке привела к падению спроса на английские продукты и к увеличению безработицы. Эпидемия холеры, начавшаяся в 1866 году, словно лесной пожар, охватила весь Восточный Лондон, погубив более восьми тысяч человек. Казалось, что на каждые два шага вперед, совершаемые миссией, приходилось три шага назад. Однако в словаре Бутов не было слова "отступать", и миссия продолжала свою деятельность. Несмотря на все испытания, Уильям настойчиво призывал своих сотрудников к молитве:

Молитесь с еще большей верой... Не удовлетворяйтесь лишь простым сообщением Богу о своих нуждах, выражением своих желаний или даже напоминанием себе о Его способности и готовности удовлетворять ваши потребности, но крепко держитесь Его Слова, веря в то, что Он исполнит его здесь и сейчас, если на то будет Его благословенная воля, дав вам все то, о чем вы просите25.

Он также писал:

Вы должны молиться изо всех своих сил... Это не значит просто произнести свои молитвы или же сидеть с широко раскрытыми глазами в церкви в то время, как кто-то другой будет произносить их за вас. Это подразумевает горячую, эффективную, неустанную борьбу вместе с Богом. Это подразумевает борьбу на стороне Всемогущего, преданность и верность Ему, следование за Ним, так сказать, днем и ночью, подобно вдове, следовавшей за несправедливым судьей с непрекращающейся мольбой, уговорами и просьбами, которые должны быть в ваших устах до тех пор, пока вы не получите ответ. Такой молитве, не сомневайтесь, изо всех сил будут противостоять дьявол, этот мир и ваша собственная бездеятельная, скептически настроенная натура. Все они будут лить воду на это пламя. Они будут обольщать вас своими предложениями и запугивать трудностями. Они будут спрашивать вас: "Как вы смеете надеяться, что ваши молитвы повлияют на планы, цели и чувства Бога?!". Они будут убеждать вас в невозможности этого и предрекать вам неудачи. Однако если вы действительно желаете победить, вам нужно смотреть лишь на Бога и слушать Его одного, напоминая Ему о данном Им слове. Опять же, вы никогда не сделаете этого, пребывая в сонном состоянии; вы никогда не уподобитесь торжествующему Израилю до тех пор, пока не станете бороться, подобно Иакову, не обращая внимания ни на что другое до тех пор, пока не обретете искомого благословения — то есть вам нужно молиться изо всех сил.

Восьмичасовые молитвенные собрания — некоторые из них продолжались всю ночь — не были в то время чем-то необычным. Молитва являлась краеугольным камнем всей их работы.

За это время в семье Бут на свет появились седьмой и восьмой ребенок. Эванджелин Кори родилась в день Рождества Христова в 1865 году, а Люси Милуорд увидела свет 28 апреля 1867 года. В семье Кэтрин и Уильяма никогда не было недостатка в руках, которые были готовы в любой момент оказать им помощь!

Голодные нуждаются в пище

Уильяму и Кэтрин понадобилось совсем немного времени, чтобы понять, что урчащие животы легко могли заглушить проповедь Слова Божьего, а поскольку уровень безработицы продолжал неуклонно расти, многие люди нуждались не только в духовной, но также в физической1 пище. Благодаря этому появилась бесплатная столовая Армии Спасения.

Это новое служение оказалось весьма дорогостоящим, и Бут находился в постоянном поиске новых источников, которые помогли бы миссии удержаться на плаву. Причем с самого начала своей работы

Уильям и Кэтрин никогда не брали себе зарплату из денег миссии. Средства для их семьи приходили из других источников, а каждый цент, который супруги получали на деятельность миссии, расходовался по назначению.

Как-то Уильям поручил своему сыну Брамуэллу, к тому времени уже юноше, возглавить сеть столовых "Пища для миллиона". Каждое утро Брамуэлл исправно просыпался в три часа, чтобы преодолеть четыре мили до рынка Ковент-Гарден, где он собирал у продавцов забракованные овощи и покупал целые мешки суповых костей. Программа предусматривала предоставление супа и хлеба за шесть пенсов, но из-за финансовых злоупотреблений управляющих, большого количества голодных людей и неопытности молодого Брамуэлла эти столовые в скором времени обанкротились и были проданы.

Такие социальные инициативы Уильям считал не менее важными; чем борьбу за человеческие души. Для него бесплатные столовые и другие подобного рода программы являлись неотъемлемой частью жизни, соответствующей Евангелию. Вот как он сам позже попытался это обобщить:

Наши социальные операции являются естественным следствием учения о спасении душ или даже о христианстве как об утвержденном, описанном, провозглашенном и проиллюстрированном многими жизненными примерами учении и жертве Иисуса Христа. Социальная работа, в духе и на практике совершаемая нами, находится в абсолютной гармонии с моими собственными представлении об истинном христианстве с того момента, когда я пообещал Богу с покорностью следовать всем Его указаниям... Все это время, тем не менее, я чувствовал (зачастую весьма отчетливо), что где-то обязательно должен существовать путь, следуя которым я без всяких нежелательных последствий смогу законным образом удовлетворить все страстные желания собственного сердца, а также исполнить повеление моего Господа, Который четко и ясно сказал мне о том, что я должен кормить голодных, одевать нагих, заботиться о больных и навещать заключенных. К сожалению, долгое время мне не удавалось понять, как я могу выполнить эту работу максимально эффективно.

Однако постепенно этот путь открывался предо мной, что, в первую очередь, происходило в результате нашей решимости сделать все для того, чтобы безбожники услышали весть о спасении. Таким образом, на начальном этапе существования Армии Спасения для достижения людей, которых мы никак иначе не могли достичь, нам приходилось давать голодным пищу, а затем говорить с ними о Боге и вечности. Так, постепенно, мы разворачивали свои социальные программы.

Бут вскоре понял, что милостыни способны быстро разрушить чувство собственного достоинства у принимающих их людей. По мере развития социальных программ миссии Уильям решил давать каждому получателю помощи выбор - заплатить небольшой взнос в обмен на полученную помощь или воспользоваться возможностью заработать деньги на оплату пищи и крова.

К 1870 году влияние миссии распространилось за пределы восточной части Лондона. Были основаны новые миссии в Кройдоне, Южный Лондон, и Эдинбурге, Шотландия. Христианская миссия Восточного Лондона насчитывала к этому времени около восьми тысяч членов, поэтому ее руководство приобрело большое здание на Уайт-чепел-роуд, открыв там бесплатную столовую, несколько классов, большой зал для собраний и книжный магазин.

Следующие два года Уильям тяжело болел, поэтому Кэтрин вынуждена была взять бразды правления миссией в свои руки. Это было тяжелое время, когда женщине приходилось постоянно разрываться между домом и служением. Несмотря на то, что Кэтрин была очень организованным человеком, она не обладала ни силой воли, ни талантом руководителя, которые были свойственны ее мужу. Когда в 1872 году Уильям наконец поправился и вернулся к исполнению своих обязанностей, организация снова начала расти.

В 1873 году Уильям и Кэтрин приняли в свою семью девятого ребенка, когда умирающая женщина попросила Брамуэлла позаботиться о ее малыше. Не вполне осознавая всей ответственности этого шага, Брамуэлл согласился и после смерти женщины обратился за советом к своим родителям. Они решили усыновить ребенка, позволив своей дочери Эмме заботиться о нем. Таким образом, в их семье появился Гарри. Впоследствии он стал первым медицинским работником Армии Спасения в Индии, где нес свое служение тридцать лет. Он скончался в Индии в 1919 году и за свою службу Короне был посмертно награжден крестом Виктории.

Миссия становится Армией

Христианская миссия (так она называлась после того, как слова "Восточного Лондона" были убраны из ее названия вследствие распространения деятельности организации за пределы этой части города) на протяжении следующих нескольких лет продолжала стремительно развиваться и расти. Затем, в мае 1878 года, когда Бут уже практически закончил свой ежегодный отчет, что-то показалось ему упущенным. Заголовок на титульной странице гласил: "Христианская миссия, возглавляемая преподобным Уильямом Бутом, является армией добровольцев, рекрутированных из рядов тех, кто в этом мире живет без Бога и без какой-либо надежды".

Озадаченный этой формулировкой, Уильям позвал Брамуэлла и его помощника, Джорджа Скотта Рэйлтона, чтобы те поразмышляли над этими словами вместе с ним. Рэйлтон прочитал их вслух, и затем, когда Брамуэлл обратил внимание на словосочетание "армия добровольцев", его отец выхватил из рук Рэйлтона перо, зачеркнул слово "добровольцев" и написал на его месте слово "спасения". Увидев это, Рэйлтон и Брамуэлл хором воскликнули: "Слава Богу за это!". Название "Армия Спасения" нашло глубокий отклик в душе каждого из трех мужчин. Несколько месяцев спустя Христианская миссия была переименована в Армию Спасения, вместе с названием переняв также воинские звания, иерархию, униформу и менталитет "войны против всех сил тьмы". Даже название информационного бюллетеня организации было изменено на "Боевой клич".

В следующем году "генерал" Бут так описал организацию и план ее действий:

Мы являемся "народом спасения" — такова наша особенность, - призванным приводить людей к спасению и помогать им не только оставаться спасенными, но и приводить к спасению других... Посмотрите на это. Протрите глаза. Остановитесь, замрите на мгновение и постарайтесь еще глубже и полнее осмыслить свое призвание. Вы должны вместе с Богом трудиться на благо спасения окружающих вас людей. В чем заключается главный смысл вашей жизни? Только в том, чтобы спасти свою собственную душу и после смерти оказаться в раю? Нет, вы должны быть искупителями, спасителями, копией Самого Иисуса Христа. Поэтому посвятите этому великому делу спасения человеческих душ все свои силы. Спасайте погибающих. Они окружают вас повсюду, их великое множество, огромные толпы. Будьте искусны. Совершенствуйтесь. Изучайте свое дело.

Будьте самоотверженны. Не забывайте о Господе. Все, чего вы лишитесь, трудясь ради Него и ради тех бедных душ, за которые Он умер, вы обретете снова. Всегда помните об этом. Положив руку на плуг спасения, никогда не оглядывайтесь назад.

Первый приказ генерала

Инструкции для желающих пополнить ряды Армии были теперь предельно ясны. "Напишите завещание, соберите вещи, поцелуйте свою девушку и будьте готовы через неделю", — эти слова стали первой командой генерала, обращенной к каждому рекруту. За второе полугодие 1878 года количество миссионерских пунктов выросло с пятидесяти до восьмидесяти одного, а число проповедников - с восьмидесяти восьми до ста двадцати семи. К 1884 году Армия Спасения насчитывала уже более 900 членов, приблизительно 260 из которых трудились за океаном - в Америке, Канаде и даже Австралии. К двадцатой годовщине образования организации, которая отмечалась в 1885 году, в одной только Англии насчитывалось 802 солдата Армии, тогда как в других странах их число достигло 520 человек.

По мере увеличения численного состава Армии Спасения и роста ее популярности росло также и сопротивление ей. Владельцы питейных заведений и борделей, терявшие в результате деятельности христиан значительную часть своих доходов, нанимали головорезов, чтобы те атаковали их собрания под открытым небом, а также избивали палками музыкантов и проповедников. В Олдхэме буяны настолько распоясались, что даже назвали себя в насмешку "Армией Скелетов" и нанесли на свои флаги изображение черепа со скрещенными костями. Другая группа противников Армии, назвавшая себя "Шеффилдскими клинками", насчитывала в своих рядах больше тысячи бандитов.

Однажды они попытались помешать маршу Армии, в котором принимал участие сам генерал Бут. Головорезы забросали процессию палками, камнями и гнилыми овощами, но солдаты Армии не стали вступать в драку. Генерал приказал им оставаться возле повозки, и те ему подчинились. Один лейтенант, получив удар между глаз, с такой силой ударился затылком, что весь путь до места

Генерал Уильям Бут
Из архива Армии Спасения

проведения собрания его приходилось поддерживать в седле. Когда группа наконец достигла цели, лейтенант, рухнув с лошади на землю, прошептал: "Надеюсь, все они будут спасены", после чего впал в кому.

Солдаты Армии, которые ожидали своих собратьев в молитвенном доме, были шокированы их состоянием. Генерал Бут заметил: "А теперь пришла пора сфотографироваться". В конце концов, на войне как на войне, и бойцы Армии Спасения гордились своими ушибами и ранами, словно это были медали. Когда местные власти ополчились против Армии и начали преследовать ее за такие действия, как "молитва в общественных местах", ее солдаты ответили протестом против несправедливых штрафов, отказываясь их платить, и с радостью шли в тюрьму, когда их арестовывали. Сопротивление христиане считали признаком того, что их работа носит по-настоящему апостольский характер, и чем ожесточеннее становились гонения, тем решительнее выступали бойцы в своем стремлении распространять Евангельскую Весть!

Историй об их смелости становилось все больше и больше. В одном из рассказов, озаглавленном просто "Девушка из Армии", говорилось:

Жизнь этой девушки из Армии Спасения была непростой. С семи утра до шести вечера она гнула спину в цеху, где ткала грубую волосяную ткань. Занимаясь однообразным низкооплачиваемым трудом, она к тому же вынуждена была терпеть постоянные несправедливые насмешки со стороны других работниц.

Одним осенним утром искра, вылетевшая из ярко пылавшего в саду костра, попала через открытое окно в цех, воспламенив разложенную на столе шерсть. В считанные секунды огонь охватил все помещение. Работавшие там девушки бросились к выходу.

"Все спустились?" — поинтересовался начальник цеха. Одна из ткачих, сжимая в руке ключ, вдруг пронзительно закричала: "О Боже! Минуту назад я ради смеха заперла Лиззи Саммерс в подсобке!". Добраться до подсобки можно было, лишь пройдя через горящий цех, что казалось абсолютно невозможным. Девушки и мужчины беспомощно застыли, пораженные ужасом, когда вдруг в клубах дыма, валившего из дверей цеха, показались две шатающиеся фигурки. Одной из них была Лиззи Саммерс, другую, обожженную и покрытую волдырями, вначале никто не мог узнать. Ею оказалась девушка из Армии Спасения. Она чуть не задохнулась, выбивая дверь подсобки, чтобы спасти жизнь своей самой злобной мучительнице.

Необычные обычаи

Проводимые Армией Спасения собрания часто сопровождались проявлениями Святого Духа, подобными тем, свидетелями которых были более ранние участники возрождения. В среду, 21 мая 1879 года, в газете Newcastle Daily Chronicle была опубликована следующая статья, в которой рассказывалось об одном из таких служений:

Присутствовавшие люди в основном были наиболее дикими и необузданными из всех, которых я когда-либо видел на этих собраниях... Обратившись к полицейскому, чтобы получить подтверждение своим мыслям, я спросил у него о том, знает ли он кого-нибудь из этих молодых людей. "Знаю ли я кого-нибудь из них? - удивился он. - Отчего же, я знаю каждого из них. Вот этот из Ньюкасла; другой, сидящий рядом с ним, один из наших главных хулиганов". И в таком же духе он продолжил далее, давая им столь же длинные описания, как перечисление кораблей у Гомера. Среди слушателей было также немного женщин - в большинстве своем, молодых девушек, по всему видать, раньше не слишком сильно забивавших себе голову религией. Я пришел на собрание, когда на часах было около двух часов дня. После этого оно продолжалось еще два или три часа; однако до сих пор все было весьма чинно и благопристойно. Посреди зала была воздвигнута длинная, низкая платформа,

вокруг которой сидели "Девушки Аллилуйя", "Обращенные Разбойники", "Гиганты Аллилуйя" и другие знаменитости, имеющие отношение к движению...

За пением последовали так называемые "свидетельства", то есть выступления офицеров Армии Спасения с рассказами о том, "что Господь сделал для них". За этим занятием пролетело полчаса. Это время также, если учитывать обычные в таких случаях проявления энтузиазма, прошло достаточно спокойно. Невозможно было даже предположить, что за этим последует нечто необычное...

Генерал распорядился, чтобы его слушатели сидели спокойно и пели, когда "свидетельства" будут завершены. Он запел следующие строки:

Я нуждаюсь в Тебе каждый час, милосердный Господь!
Ни один глас не может мне мир даровать, кроме Твоего.
Я нуждаюсь в Тебе, о, нуждаюсь в Тебе, каждый час нуждаюсь в Тебе.
О, благослови меня прямо сейчас, мой Спаситель! Я иду к Тебе.

Эти слова взбудоражили всех собравшихся. Припев подхватило множество голосов, и едва он был допет до конца, как тут же зазвучал снова, уже с неизмеримо большей силой и страстью. Этот припев, должно быть, прозвучал не менее дюжины раз, когда вдруг раздался пронзительный крик, возле платформы все переполошились, и публика пришла в движение. Люди вскочили со своих мест, множество рук взметнулось ввысь, пение перемешалось с громкими криками "Аллилуйя!", послышались громогласные молитвы, крики, а также истерический смех.

Более того, в тот же миг четыре человека откинулись назад, рухнув прямо друг на друга... Грешники ползали, моля о прощении; солдаты Армии Спасения ликовали; а не менее трети присутствующих вели себя так, словно в той или иной степени помешались...

Несколько фигур у платформы, сложившись почти пополам, издавали стоны и заламывали руки. "Девушки Аллилуйя" тотчас же окружили их; высокая фигура обладателя "Скрипки Аллилуйя" непрестанно вращалась вокруг всего этого людского скопления; раскаявшиеся грешники танцевали и восклицали "Слава Богу!"; а генерал спокойно улыбался и поднимал вверх большой палец...

Как видно из написанного мною, до тех пор, пока кающиеся грешники не "бросились к ногам Иисуса", как это называется, проводимое Армией Спасения собрание представляло собой достаточно спокойное мероприятие. Однако стоило только грешникам выйти вперед, как кто-то словно масла подлил в огонь... Полдюжины коротко стриженных молодых людей — в действительности это были еще мальчишки — громко молились, обратив лица в мою сторону. Я сказал, молились? Я лишь предположил, что они были этим заняты. Они громко кричали, закрыв глаза; их тела раскачивались взад и вперед; руки поднимались и снова опускались; они извивались так, словно бились в сильнейшей агонии. Их молитвы возносились высоко в небо... каждый из них словно нес свое собственное служение.

Тем временем "девушки" были вовсю заняты делом обращения. Эта работа совершалась поэтапно, и каждому из этих этапов соответствовал отдельный гимн. И вот уже в самом конце они запели: "Я верю и буду верить в то, что Иисус умер за меня". Таким образом, процесс достиг своего полного завершения, и новообращенные вернулись на места с красными лицами. Давайте последуем за одним из них. Это широколицый, коротко стриженный молодой человек, которому, наверное, едва исполнилось двадцать лет. Несколько минут спустя у него на губах еще была пена. Теперь же он танцует, неустанно восклицая "аллилуйя" и пожимая протянутые к нему руки... Он действительно пережил обращение...

Здесь... мы имели дело с экстраординарным эффектом, произведенным без помощи чего-либо такого, что мы хотя бы отдаленно могли назвать проповедью. Это было пение, которое несло в себе удивительную силу... После того, как это пение продолжалось еще некоторое время, грешники снова бросились вперед, произошло повторение в точности тех же гимнов, что и ранее, сопровождавшихся в точности той же жестикуляцией и столь же страстными молитвами. Однако к этому добавилось что-то еще. Некоторое время я следил за происходящим со своего наблюдательного пункта, расположенного в задних рядах, затем начал пробираться сквозь толпу, чтобы своими глазами увидеть кающихся грешников. Они лежали без чувств. Среди них была женщина, упавшая словно

замертво, окруженная шестью девушками, которые пели над ней, даже не пытаясь привести ее в чувство или побрызгать на нее водой. С другой стороны платформы какой-то мужчина лежал, вытянувшись во весь рост, с дрожащими конечностями, с покрытыми пеной губами, полностью отключившийся...

Я обратился к "Гиганту Аллилуйя". В понедельник генерал заявил о том, что является не знахарем, а настоящим доктором. Мне показалось весьма странным, что в такой момент он спокойно сидел и пел, и я сказал: "В самом деле, неужели вы не можете ничего сделать, чтобы привести всех этих людей в чувство?". Он ответил: "Можете присесть. Они придут в себя и будут в полном порядке". Возможно, так оно и случится — вскоре они придут в сознание и обратятся к Богу, — но как тяжело было находиться там и собственными глазами наблюдать за тем, что казалось страшно бесчеловечным. Когда я уходил, люди падали буквально повсюду. Чтобы добраться до двери, мне пришлось переступить через какого-то мужчину.

Когда я наконец выбрался на улицу и вдохнул чистый, свежий воздух, начинало светать... "Неужели здесь такое в порядке вещей?" - спросил я у стоявшего снаружи полицейского. "Совершенно верно, - ответил он, - однако именно благодаря таким собраниям у нас заметно снизился уровень преступности, так что за последние два месяца я не завел еще ни одного дела". Я не стал спрашивать у него, влияло ли происходившее внутри на участников этого действа столь же положительно, как и на уровень преступности. Ни я, ни он не были достаточно компетентными для того, чтобы ответить на этот вопрос.

Есть нужда — есть и восполнение!

Где бы Армия Спасения ни встречала нужду, она всегда находила способ, чтобы ее удовлетворить. Спасенным от проституции женщинам необходимо было жилье, поэтому для них открывались специальные дома. То же самое касалось и тех, кто недавно был освобожден из тюрьмы. В 1888 году Армия открыла несколько Центров занятости, чтобы помогать безработным в поиске работы, — за двадцать три года до того, как британское правительство занялось этой проблемой! В первые семь лет своего существования эти центры помогли найти работу 69 тысячам человек.

Кроме того, Армия Спасения открыла первый центр поиска пропавших людей, чтобы помочь семьям найти близких (в то время в Англии каждый год пропадало без вести более 9 тысяч человек). Уильям и Кэтрин также искали возможности предоставления бедным слоям населения юридических услуг и создания так называемого "Банка бедняка", который мог бы выделять безработным кредиты, чтобы те могли начать собственный бизнес. Если супруги видели нужду, они делали все, что в их силах, для ее восполнения. Когда они замечали несправедливость, то не жалели средств и времени для исправления ситуации. Именно такое отношение делало их злейшими врагами дьявола.

Дело Армстронга: борьба с торговлей женщинами

В 1885 году совершеннолетие, согласно британским законам, наступало в тринадцать лет. Несмотря на то, что усилиями Уильяма Уилберфорса и других его единомышленников рабовладение в Империи было упразднено, еще в 1833 году искавших работу девушек часто обманом завлекали в Лондон, где им была обещана работа горничными или на фабрике, а в скором времени они оказывались в борделе. После этого их запирали в каменных домах, откуда практически невозможно было бежать, и держали до тех пор, пока девушки не были сломлены настолько, что беспрекословно выполняли все приказы своих работодателей. Чтобы добиться еще большей покорности, девушек часто жестоко насиловали, благодаря чему хозяева имели над ними практически полный контроль.

Когда однажды одна из жертв этой порочной системы показалась на пороге штаб-квартиры Армии Спасения и рассказала свою историю Брамуэллу, никто сперва не мог поверить услышанному. Но последующее расследование подтвердило правдивость слов девушки, и Армия Спасения обрела нового врага: белых рабовладель-цев-сутенеров, наживавшихся на торговле сексуальными рабынями в Лондоне.

Как это часто случается, бордели имели гораздо больше высокопоставленных друзей, чем Армия, поэтому борьба с проституцией не являлась приоритетной для местной полиции. Если кто-либо из владельцев борделей и привлекался к судебной ответственности, то благодаря соглашению между

обвинением и защитой преступники отделывались, как правило, лишь минимальными штрафами. Система была порочной, и единственный способ повлиять на нее заключался в организации массовых общественных митингов протеста против похищения и насильственных действий в отношении молодых женщин. Необходимо было защитить от коварных уловок наиболее молодых и наивных девочек. Брамуэлл обратился в министерство внутренних дел с просьбой поднять нижний порог брачного возраста до шестнадцати лет, однако его просьба была тут же блокирована палатой общин. Один из выступающих даже потребовал, чтобы граница брачного возраста была снижена до десяти лет!

Армия Спасения открыла первый центр поиска пропавших людей, чтобы помочь семьям найти близких.

Полный решимости пробить наконец стену молчания, Брамуэлл убедил Уильяма Т. Стида, редактора издания Pall Mall Gazette, исследовать эту проблему и опубликовать факты. В результате этого была раскрыта разветвленная преступная сеть, занимающаяся похищением и принуждением к проституции тысяч девушек, большинству из которых не исполнилось еще и шестнадцати. Клиенты часто давали описание девушки, которую они хотели заполучить, и платили большие деньги за доставку непосредственно к ним "нетронутой девушки" - юной девственницы. Некоторых девушек вывозили из страны спрятанными в гробах, забитых гвоздями, но со специально просверленными для дыхания отверстиями, чтобы затем доставить их в контролируемые государством бордели в материковой Европе. Многие из жертв, во время путешествия приходившие в себя, умирали от ужаса, пытаясь выбраться из гроба. Иногда похитители даже переодевались монахинями, чтобы ввести в заблуждение девушек - что особенно действенным было в Ирландии. Масштабы этой конспирации были невообразимы. Эта индустрия оценивалась более чем в восемь миллионов фунтов в год (приблизительно 929 миллионов современных американских долларов)!

Чтобы как можно больше разузнать о торговле женщинами, Стид представился клиентом, а молодая служащая Армии Спасения играла роль его любовницы. Стид регулярно посещал ее, получая информацию о том, что происходило внутри. Однако девушка совершила серьезную промашку — хозяйка борделя обнаружила эмблему Армии Спасения, вышитую в складках ее платья.

Немедленно было принято решение переправить ее в Европу, и девушка была заперта на чердаке до момента депортации. Страшась отправки за границу сильнее, чем смерти, она выпрыгнула из чердачного окна. Упав на землю, девушка вывихнула ногу и от боли потеряла сознание. На счастье, ее жених, молодой офицер Армии Спасения, решив, что с него хватит всей этой конспирации, вместе с группой товарищей попытался взять штурмом бордель и освободить свою возлюбленную. Ворвавшись во внутренний двор, молодые люди нашли девушку лежащей на земле спустя всего лишь несколько мгновений после ее падения. Жених подхватил ее на руки и отнес домой, так и не переступив порога борделя. Девушка быстро поправилась и вышла из переделки практически невредимой.

Собранные Стидом доказательства были исчерпывающими и неопровержимыми, но их требовалось больше. Необходимо было проследить, как минимум, за одной девушкой, которая откликнулась бы на размещенное в газете объявление о работе и оказалась бы в итоге в борделе. Стид должен был задокументировать каждый ее шаг, чтобы его противники не получили ни единого шанса выгородить себя. К тому же история, рассказанная самой жертвой, с описанием всех неприглядных деталей позволил бы оказать неизгладимое впечатление на британцев, затронув в их сердца и умы.

Стид надеялся, что такое разоблачение неизбежно спровоцирует массовые акции протеста, которые сорвут покров с этого нечестивого бизнеса, что приведет к долгожданным изменениям в законодательстве. В итоге Стид обнаружил, что некоторые из наиболее уважаемых и высокопоставленных горожан - врачи, политики, члены королевской семьи и даже представители духовенства — также являлись клиентами борделей! Если этот бизнес покрывали столь влиятельные люди, единственным способом что-либо изменить была организация массовых общественных митингов.

Когда Стид поделился своим планом с Уильямом и Кэтрин, те заявили о своей полной поддержке его действий, направленных на искоренение этого зла. А пока Стид и Брамуэлл будут осуществлять

свой замысел, Армия поднимет этот вопрос во время своего "Крестового похода за чистоту", подготовив как следует общественное мнение. Они также решили написать письмо королеве и премьер-министру с просьбой повторно вынести на рассмотрение билль о повышении границы брачного возраста и добиться его непредвзятого рассмотрения. На одном из собраний Кэтрин затронула этот вопрос:

Я спрашиваю, краснело ли чье-либо лицо от стыда сильнее, чем мое?.. Три года назад комитет палаты лордов рассмотрел эти самые вопросы и рекомендовал внести поправки в законодательство, чтобы защитить девушек... и с тех пор ничего не было сделано. Мне бы хотелось спросить тех, кто несет ответственность за такое положение вещей: сколько тысяч невинных девушек было принесено в жертву за эти три года?.. Они нашли время для того, чтобы принять законы, защищающие игры и касающиеся заболеваний домашнего скота! [Нашли] время для написания законов, направленных на защиту британских интересов в самых отдаленных уголках земного шара, и, без сомнения, они могли бы найти время для принятия законов, которые бы защищали детей их собственной страны! Негодяи, поставляющие детей уничтожающим их чудовищам, прекрасно знают сегодняшнее состояние нашей законодательной базы... Отсюда их страстное желание заполучить даже тех детей, которым только вчера исполнилось тринадцать лет!

Стид поговорил с адвокатом, чтобы убедиться в том, что своей деятельностью он не будет нарушать никаких законов, и адвокат заверил его, что совершаемые им без злого умысла действия не будут квалифицироваться как преступление. После этого Стид изложил на бумаге свои намерения, с которыми затем ознакомил архиепископа Кентерберийского, главу Римско-католической церкви Англии и лондонского епископа — трех свидетелей, в чьей порядочности он не сомневался.

Одна из офицеров Армии Спасения, Ребекка Джарретт, до своего обращения участвовала в торговле похищенными девушками. Стид обратился к ней за помощью в составлении плана действия. Сначала женщина не желала никоим образом ворошить свое прошлое, но Стиду вскоре удалось убедить Ребекку в том, что ее долг попытаться спасти тех, кого она раньше обрекла на жизнь проститутки. Она связалась с некоторыми из своих старых знакомых, и дело сдвинулось с мертвой точки.

2 июня 1885 года Ребекке, изображавшей жену богатого торговца, которая ищет себе горничную, была представлена тринадцатилетняя девушка по имени Элиза Армстронг. Ребекка сразу предупредила мать Элизы, что история о горничной является обманом и что ее дочь должна стать игрушкой в руках мужчин. Будучи пьянчужкой, женщина не слишком об этом беспокоилась; она лишь хотела получить деньги на выпивку. Элиза же, с радостью приняв предложение, с восхищением думала о том, что будет жить в новом доме и сама зарабатывать деньги. Мать продала свою дочь всего за один фунт.

Опять выступая в роли клиента, Стид ожидал девушку в комнате, снятой им в борделе. Привели Элизу, и после непродолжительной беседы Стид оставил ее, пожелав "Спокойной ночи!". Позже он вернулся, как это сделал бы настоящий клиент. Он надеялся, что девушка все еще будет спать, и тогда он зайдет в комнату и выйдет из нее, не побеспокоив ее. Однако, как только он открыл дверь, девушка проснулась и стала плакать, умоляя отпустить ее домой. Вернулась Ребекка и успокоила ее, после чего рассказала правду обо всем этом спектакле и извинилась. В течение суток Элизу перевезли в безопасное место, отправив к надежным членам Армии Спасения во Францию. У Стида был готов рассказ.

Газета открывает всем правду

В понедельник, 6 июля 1885 года, Pall Mall Gazette опубликовала первую из четырех статей серии, озаглавленной "Дань молодыми девушками современному Вавилону". Элиза фигурировала в ней под именем "Лилли", что было сделано для ее безопасности, но рассказ оказался очень и очень убедительным. Он был искренним, основанным на фактах и выносил на свет всю грязь торговли женщинами. Весь тираж газеты был распродан практически мгновенно, и Лондон охватила самая настоящая паника. Политики тут же стали требовать расправы над журналистом, называя его статью порнографической, а следовательно, противозаконной. На следующий день несколько мальчишек, продававших пресловутую газету, были арестованы. Владельцы борделей наняли головорезов, приказав им взять штурмом редакцию газеты и уничтожить типографию. Стид обратился за

помощью к Буту, и тот не замедлил ответить: "Передайте мистеру Стиду, что мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь ему".

На следующий день штаб-квартира Армии Спасения была похожа на огромный газетный киоск, а кадеты Армии ходили по улицам Лондона, продавая газеты. Кэтрин выступила в Эксетерском зале, после чего члены Армии начали выходить на сцену со свидетельствами, подтверждающими написанное Стидом. В одном из этих свидетельств говорилось о том, как богатый торговец заказал себе девушку. Эта девушка обманом была уведена прямо с занятий в воскресной школе, после чего отправлена в бордель дожидаться своего клиента. Только представьте себе шок, пережитый торговцем, когда, переступив порог комнаты с самыми порочными намерениями, он увидел свою собственную дочь, похищенную для того, чтобы стать его жертвой!

Уильям и Кэтрин представили петицию, призывавшую к следующим действиям:

• Защищать детей, мальчиков и девочек, до достижения ими восемнадцатилетнего возраста.

• Ввести уголовную ответственность за использование несовершеннолетних в аморальных целях.

• Облечь необходимыми полномочиями судей, чтобы они имели право входить в любой дом, где могли против своей воли удерживаться несовершеннолетние девушки.

• Обеспечить равенство мужчин и женщин перед законом - ввести в ранг преступления сексуальные домогательства мужчин к женщинам.

В течение следующих семнадцати дней Уильям и Кэтрин собрали 393 тысячи подписей под этой петицией, которую 30 июля 1885 года представили палате общин. Список с именами подписавшихся был длиною не менее двух с половиной миль. 14 августа палата общин внесла изменения в гражданский кодекс, согласно которым граница брачного возраста была поднята до шестнадцати лет. И вскоре другие члены Британского Содружества, такие как Австралия и Канада, а также некоторые американские штаты последовали ее примеру.

Несмотря на эту знаменательную победу, война, к сожалению, была еще далека до завершения. Армстронги вскоре догадались, что "Лилли" в действительности являлась их Элизой и, надеясь извлечь из этого выгоду, подали в суд на Стида и Бутов, обвинив их в похищении. Отец Элизы не давал согласия на "продажу" своего ребенка, и все данное дело было выстроено вокруг этого важного факта. Был выдан ордер на экстрадицию, и мистер Армстронг отправился во Францию за дочерью. К 24 августа ее привезли домой, несмотря на горячие мольбы девушки позволить ей остаться в Армии Спасения. Все участники "похищения" Элизы должны были предстать перед судом. Владельцы борделей и торговцы женщинами собрали перед зданием суда огромные толпы, которые должны были требовать для Бутов "справедливой кары". Следующие несколько недель все внимание общественности было приковано к судебному процессу точно так же, как в 1990-х годах к суду над О. Дж. Симпсоном. Нечестивцы надеялись уничтожить Армию Спасения раз и навсегда.

Пользуясь явной поддержкой судьи, обвинение использовало всевозможные уловки и хитрости, чтобы расправиться с Бутами. Однако в конце концов Уильям и Кэтрин были оправданы; виновными были признаны лишь Стид и Ребекка. Согласно оглашенному приговору они получили три и шесть месяцев каторжных работ, соответственно, но при поддержке Армии с честью выдержали это испытание. После своего освобождения Стид узнал, что Армстронги на самом деле никогда не были женаты, и потому мистер Армстронг не мог считаться законным опекуном Элизы. Если бы этот факт был представлен суду, он, скорее всего, развалил бы все дело.

Во время суда над Стидом молодая девушка, находившаяся на смертном одре, попросила, чтобы ее единственный шиллинг был пожертвован на защиту редактора. Этот шиллинг ему передали сразу же после освобождения из тюрьмы, и он бережно хранил монету до конца своей жизни. Стид писал о том, что это был "шиллинг, который я ценил больше всего из всех своих денег"38. Свою тюремную форму Стид подарил Армии на годовщину вынесения ему обвинительного приговора и на протяжении многих лет оставался ее верным другом. Он погиб 14 апреля 1912 года во время кораблекрушения знаменитого "Титаника".

Вместо того чтобы уничтожить Армию Спасения, как это изначально планировалось, судебный процесс прославил ее, как организацию, которая всегда боролась за праведные идеалы, невзирая на обстоятельства. В результате влияние Армии стало распространяться как никогда раньше.

Последние годы Кэтрин

В феврале 1888 года у Кэтрин была обнаружена злокачественная опухоль груди, но, несмотря на просьбы близких, она отказалась от операции. Риск был слишком велик, и она опасалась, что ее сердце могло не выдержать хирургического вмешательства. Здоровье Кэтрин резко ухудшилось, и ее кровать стала своего рода передвижным офисом, благодаря чему она могла посещать собрания, не вставая с постели.

Когда Кэтрин практически перестала покидать пределы гостиной, Уильям решил проводить с ней больше времени и в конце концов начал работать над книгой, о написании которой думал последнее время. Она была озаглавлена "Темнейшие уголки Англии и путь к свету" (In the Darkest England and the Way Out) и представляла собой систематический план помощи самым бедным слоям населения Англии. Уильям был горячим сторонником так называемого стандарта "запрягаемой в повозку лошади": каждый человек должен иметь то же самое, что имеет такая лошадь, а именно - пищу, кров и работу. Если в пути лошадь спотыкается, люди лечат и при необходимости помогают встать на ноги. Неужели то же самое нельзя дать и окружающим нас

людям, которые также падают, проходя через трудности? План Уильяма состоял из трех фаз:

1) Городская колония. Расположенное в городе учреждение, предоставляющее краткосрочную помощь нуждающимся. Его цель - найти тех, кто оступился и упал и помочь им снова подняться на ноги. Те, кто готов вернуться в общество, так и сделают. Те же, кто нуждается в переподготовке и дополнительной помощи, переходят к следующей фазе.

2) Фермерская колония. Люди, не нашедшие для себя работы в городе, перебираются на расположенные в сельской местности фермы, где при необходимости они могут овладеть дополнительными навыками и знаниями, а также получить духовное наставление, которое поможет им обрести достаточно сил для того, чтобы снова самостоятельно себя обеспечивать. Фермы должны находиться вдали от мест распространения таких пороков, как пьянство и азартные игры. Если и этого будет недостаточно, такие люди могут получить возможность все начать сначала во время следующей фазы.

3) Заморская колония. В те времена британские колонии в Южной и Восточной Африке, Австралии и Канаде были все еще открыты для поселенцев. Получив необходимую подготовку в фермерской колонии и не найдя себе работы в Англии, люди получают возможность отправиться через океан в новую страну и попытаться там найти свое место.

Кэтрин с энтузиазмом восприняла этот проект, и снова с помощью Стида они с Уильямом приступили к работе над книгой.

Уильям Бут у смертного одра своей жены
Из архива Армии Спасения

Здоровье Кэтрин продолжало быстро ухудшаться. К октябрю 1889 года она была практически полностью прикована к кровати. Врачи предложили ей для снятия боли принимать наркотические препараты, однако Кэтрин отказывалась от них до последнего: она хотела чувствовать жизнь во всей ее полноте и не желала, чтобы что-либо мешало ей в этом, искажая картину окружающего мира. Никто уже не надеялся на то, что она доживет до Нового года, однако она неожиданно пошла на поправку и в январе 1890 года стала выглядеть здоровее. Уильям и другие члены семьи до последнего вздоха Кэтрин стремились наслаждаться каждой минутой, проведенной рядом с ней.

В сентябре 1890 года Кэтрин, Уильям и Стид завершили работу над рукописью книги "Темнейшие уголки Англии...". Это был поистине триумфальный финиш, но финишная черта была проведена также в жизни Кэтрин. К 2 октября силы практически оставили женщину, и вся семья собралась вокруг нее, чтобы проводить ее в вечность. Кэтрин упокоилась 4 октября 1890 года.

Похороны Кэтрин состоялись 13 октября; проститься с ней пришли 36 тысяч человек. На следующий день процессия из четырех тысяч членов Армии Спасения сопроводила ее тело к месту последнего упокоения на кладбище Эбни-Парк. В память о жене Уильям Бут обратился к собравшимся на кладбище со следующими словами:

Мои возлюбленные соратники и друзья!

Вы, конечно, понимаете, как тяжело мне обращаться к вам в этот день. Я не хотел бы начинать говорить, пока не увижу, что вы в состоянии меня слышать, ибо в печали мне не хочется повышать голос.

Сегодня, направляясь сюда, я миновал на улице, полагаю, сотни тысяч человек, которые стояли с непокрытыми головами и неустанно благословляли меня именем нашего Господа. Меня поочередно переполняли два чувства — стоило одному из них охватить меня, как на смену ему тут же приходило другое, - но в то же самое время они смешивались и соединялись друг с другом: это были глубокая печаль и благодарность.

Те, кто знает меня - а я не думаю, что меня так сложно понять, -и те, кто знал мою милую, возлюбленную жену, не сомневаюсь, поймут, почему мое сердце переполнено сейчас такой скорбью. Если бы в вашем саду, прямо под вашим окном, росло дерево, -которое на протяжении сорока лет укрывало вас от палящих лучей солнца, чьи цветы были украшением вашей жизни, а плоды - практически основой вашего существования, - и в какой-то момент пришел бы садовник, который, взмахнув своим остро отточенным топором, срубил бы это дерево прямо на ваших глазах, думаю, вы ощутили бы пустоту — не обязательно полную, но все же пустоту в своей жизни!

Если бы у вас был слуга, который на протяжении всего этого длительного времени служил бы вам бескорыстно, не требуя для себя никакого вознаграждения; который заботился бы о вашем здоровье и комфорте, движимый исключительно переполнявшей его любовью, и который неожиданно бы скончался, отошел в мир иной, вы бы очень о нем горевали!

Если бы у вас был советник, который в моменты (регулярно случающиеся) растерянности и сомнений всегда с готовностью делился с вами своими советами, и его советы практически всегда были уместными, правильными; советник, советам которого вы с готовностью следовали и лишь изредка сожалели об этом. И если бы советник этот, в то время как вы все так же блуждали бы по лабиринтам своего существования, покинул этот мир, вы бы очень о нем горевали!

Если бы у вас был друг, который с полуслова понимал вас, разбирался в ваших чувствах, знал направление и ход ваших мыслей, понимал смысл вашего существования; друг, чье общество всегда было приятным (самым приятным из всех остальных друзей) и которым вы всегда были удовлетворены, - и ваш друг покинул этот мир, вы были бы опечалены его утратой!

Если бы это была мать ваших детей, которая баюкала, растила и воспитывала их, готовя к служению Живому Богу, Которым вы больше всего восхищались; мама, которая всегда принимала их печали близко к сердцу и даже из последних сил заботилась о них, — и если бы эта дорогая мама покинула вас, вы были бы весьма безутешны!

Если бы у вас была жена, милая и любимая, которая на протяжении сорока лет ни разу не дала вам повода для печали; жена, которая бок о бок с вами стояла на передовой, которая была для вас соратником, всегда готовым встать между вами и вашими врагами, которая не поворачивала назад даже в самых яростных битвах, - и вот, ваша возлюбленная скончалась бы прямо на ваших глазах, я не сомневаюсь, что вы имели бы полное право скорбеть!

Друзья мои, все эти качества вы могли видеть в одном-единст-венном человеке, и потому столь велика горечь этой утраты. У меня отнята радость моих глаз, вдохновение моей души, и мы вот-вот опустим в могилу то, что от нее осталось. Я заглядывал в эту могилу, рассматривая самое ее дно, размышляя о том, что скоро и меня принесут сюда и положат рядом с ней. И я молю Бога о том, чтобы каждый оставшийся час моей жизни делал меня все более готовым прийти и соединиться с ней в смерти, прийти и обнять ее в жизни, жизни в Вечном Городе!

И все же, друзья мои, мое сердце переполнено также и благодарностью, которая, разрастаясь, заставляет меня забыть о своей печали, о том, что самый близкий мне человек идет сейчас долиной смертной тени, а также о том, что из темного туннеля она вышла на свет дневной. Смерть пришла к ней во всем своем ужасе, неотступно следуя за ней на протяжении долгих двух лет и девяти месяцев.

Снова и снова она спускалась к берегу реки, чтобы, как она полагала, получить свой последний удар, но каждый раз снова возвращалась к жизни. Слава Богу, она больше никогда не увидит смерти — она победила своего последнего врага!

Смерть пришла, чтобы забрать у нее любимое дело. Она любила сражаться! До последнего вздоха она больше всего печалилась об этом: "Я не могу быть с тобой в те моменты, когда сгущаются тучи, когда друзья отворачиваются и покидают тебя, когда печали переполняют твою душу; покинув этот мир, я не смогу больше обнимать тебя своими руками и дарить тебе столь необходимую поддержку!".

Но она ушла также и для того, чтобы помочь нам! Много раз она обещала мне, что сделает для нас в Вечном Городе все, что должно сделать! Перед ней простиралась темная долина, которой она пошла, оставив позади столь многих, кого она так сильно любила. Снова и снова она говорила: "Корни моей любви лежат так глубоко". Но их пришлось выкорчевать. Одного за другим она оставила нас; напоследок она дала нам много исполненных величайшей любви советов и ушла к своему Господу.

В этот полдень мое сердце переполнено благодарностью, потому что ее душа сейчас находится с Иисусом. За свою жизнь ей пришлось немало пострадать, но, несмотря на это, она много думала обо всех нас, и сейчас ее сердце наполнено радостью. Мое сердце переполнено благодарностью также и потому, что Бог на столь продолжительное время доверил мне такое сокровище. Я много думал о том, какие три ее главных качества я назвал бы вам здесь, если бы меня об этом попросили, и вот что я решил. Во-первых, она была добродетелью. Она была омыта кровью Агнца. До последнего вздоха она жила этим девизом: "Грешник, спасенный по милости Божьей". Она всем своим сердцем ненавидела притворство, лицемерие и фальшь. Во-вторых, она была любовью. Вся ее душа была полна нежности, глубокого сопереживания. Этим утром я думал о том, что у нее было больше сострадания к бедным, бессловесным животным, чем у иного человека - ко всему огромному миру, полному грешников! О, как она любила, как сопереживала, как жалела несчастных бедняков! Как сильно она желала обнять всех этих несчастных и помочь им!

Наконец, она была воином. Ей нравилось сражаться. Она не была из тех, кто говорил: "Иди!", а из тех, кто говорил: "Вот я, позвольте мне идти!". А когда это было необходимо, она кричала: "Я пойду!". Я никогда не видел ее отступающей, пока несчастное тело не отказалось повиноваться ей...

Я собираюсь снова встретиться с ней. Я никогда не отворачивался от нее на протяжении этих сорока лет и во время каждой своей поездки горел желанием как можно скорее вернуться к ней, поэтому считал недели, дни и часы, которые оставались до момента нашей столь долгожданной и желанной встречи. Когда она покинула меня, все осталось неизменным. Она покинула меня в последний раз. Что же тогда мне остается? Не считать недели, дни и часы, по истечении которых я снова окажусь в ее милой компании, ибо я не знаю ни того, что будет завтра, ни того, что принесет уже ближайший час. Все, что мне необходимо делать, это заполнять грядущие недели, дни и часы и согревать свое бедное сердце мыслью о том, что если я буду служить Христу и своему поколению по воле Божьей (что, обещаю, я и буду делать до последней капли своей крови), тогда, я верю, она будет приветствовать меня на небесах, как и Бог приветствовал ее. Да благословит вас всех Господь!

Спичечная война

Множество дел, связанных с деятельностью Армии Спасения, не давало Уильяму долго горевать. Вскоре после смерти Кэтрин увидела свет книга "Темнейшие уголки Англии...", которая тут же стала бестселлером. Уильям Бут стал одной из популярнейших фигур в Англии. Многочисленные сторонники начали высылать ему пожертвования, чтобы он мог осуществить свой план. Противники же с новой силой принялись критиковать Уильяма, называя его план недальновидным и нереальным. Однако Бут был не из тех, кого могут остановить замечания критиков. Все его внимание, как и прежде, было сконцентрировано на главной и изначальной его цели: спасении человеческих душ.

Подготавливая материалы для книги, Буты обнаружили, что одной из серьезных проблем того времени было производство "самовозгоравшихся" спичек. На спичечных фабриках трудились преимущественно женщины и дети (некоторым из них не исполнилось еще и девяти лет), причем по шестнадцать часов в день без перерыва на обед. За свою работу они получали по одному шиллингу в день. И что еще хуже, химические вещества, использовавшиеся для изготовления спичек, были чрезвычайно токсичны, и при практически полном отсутствии на фабриках нормальной вентиляции, рабочие не были защищены от этих газов: у них начинали болеть зубы, и появлялась так называемая "шелковистая челюсть" - когда под воздействием желтого фосфора челюстная кость буквально выгнивала. Несмотря на то, что владельцы спичечных фабрик прекрасно знали об этом, они отказывались принимать какие-либо меры для защиты своих рабочих.

В ответ члены Армии Спасения решили сами заняться производством спичек, но при этом — с соблюдением абсолютно всех норм безопасности. Их фабрика хорошо освещалась и прекрасно вентилировалась, а зарплаты рабочих почти в два раза превышали зарплаты их коллег на других фабриках, рабочие каждый день имели регулярные перерывы. Кроме того, вместо вредного желтого фосфора Армия использовала красный фосфор. Производимые ими спички можно было зажечь, лишь чиркнув ими о коробок. А хорошие условия труда позволяли производить до шести миллионов спичек в год.

Поскольку эти спички был почти в два раза дороже "самовозгорающихся" спичек, Армия начала рекламную кампанию, чтобы рассказать людям об опасности продуктов, производимых ее конкурентами. Ее представители пригласили прессу на экскурсию по своей фабрике, после чего отвели журналистов в дома людей, которые работали на фабриках конкурентов. Эти люди источали вокруг себя смрад гниющей плоти — результат воздействия желтого фосфора, — а когда они тушили свои газовые лампы, их руки и зубы светились в темноте от фосфора. Члены Армии Спасения по всей стране посещали местные магазины и рассказывали их владельцам об опасности "самовозгорающихся" спичек, призывая тех продавать только производимые Армией спички марки "Свет в темной Англии". Общественное мнение постепенно склонилось на сторону Армии Спасения, и правительство в конце концов вынуждено было заставить владельцев фабрик обеспечить своим работникам достойные условия труда. К концу столетия крупнейшие английские производители спичек полностью прекратили использовать желтый фосфор. Вскоре после этого закрылась и принадлежавшая Армии фабрика - в ней больше не было необходимости, и к тому же она никогда не была прибыльной. Тем не менее, она выполнила свою задачу.

Уильям в конце своих дней
Из архива Армии Спасения

Что касается остальной части изложенного в книге "Темнейшие уголки Англии..." плана, то Армия получила достаточно денег для приобретения восьмисот акров земли близ Хэдли, где была основана фермерская колония. Из-за отсутствия необходимых средств, однако, план этот не получил дальнейшего развития. Многие части этого плана впоследствии были претворены в жизнь другими странами и правительствами, которые имели больше возможностей собрать финансовые средства (хотя бы через налогообложение). Уильям не дожил до этого времени, как минимум, десятилетие.

У последней черты

После смерти Кэтрин Уильяму тяжело было находиться дома. После передачи почти всех своих полномочий Брамуэллу и другим сотрудникам, его мало что держало в домашнем офисе, поэтому он снова начал путешествовать и выступать. Влияние Армии распространилось по всему земному шару, и Уильяму приходилось проводить много времени в пути, чтобы проверять боеготовность своих солдат, - он путешествовал на поездах, автомобилях и кораблях. Последние два с половиной десятилетия своей жизни он провел в пути - посещая армейские части, вдохновляя своих солдат и проповедуя Евангелие везде, где только существовала для этого возможность.

Уильям Бут скончался 20 августа 1912 года, пережив жену, многих друзей и даже одного из своих детей. Во время похорон Бута, состоявшихся 27 августа, более 150 тысяч человек следовали за его

гробом, желая выразить ему свое почтение и уважение. Сорок тысяч человек посетили прощальное служение, организованное в его честь. Среди присутствующих была королева Мария, которая решила прийти на похороны в последний момент и потому (что выглядело весьма красноречиво) вынужденная была занять место среди простых людей. Она расположилась рядом с женщиной, которую Армия спасла от проституции. Эта женщина сказала королеве: "Он заботился о таких, как мы". На следующий день десять тысяч солдат и сорок оркестров Армии Спасения прошли маршем до ворот кладбища Эбни-Парк, где тело Уильяма было предано земле рядом с его любимой Кэтрин.

Сорок тысяч человек пришли проститься с Уильямом Бутом
Из архива Армии Спасения

Уильям Бут передал управление Армией Спасения - организацией, насчитывавшей к моменту его смерти 15945 членов в пятидесяти восьми странах — Брамуэллу. За свою жизнь Уильям преодолел, в общей сложности, более пяти миллионов миль и произнес около шестидесяти тысяч проповедей. Чарльз Сперджен говорил следующее: "Если бы Армия Спасения вынуждена была уйти из Лондона, даже дополнительные пять тысяч полицейских не смогли бы занять ее место и столь же эффективно бороться с преступностью и прочими беспорядками". Буккер Т. Вашингтон сказал: "Я всегда с огромным уважением относился к деятельности Армии Спасения, что было вызвано, прежде всего, тем, что она не устанавливала в религии "цветного барьера". Джосейя Стронг, основатель движения Социальное Евангелие в Соединенных Штатах, отмечал: "Наверное, никогда еще в течение одного столетия мировой истории не было спасено так много воров, азартных игроков, пьяниц и проституток, как в течение последней четверти века благодаря героической вере и усилиям Армии Спасения".

Армия Спасения - наследие Уильяма и Кэтрин Бут, является крупнейшей в мире благотворительной организацией, насчитывающей двадцать пять тысяч членов в девяносто одной стране. К сожалению, сегодня ей заметно не хватает того проповеднического огня, который ярко пылал при жизни Генерала. Тем не менее, страсть Бутов, стремившихся любить людей Божьей любовью, по-прежнему, даже по прошествии ста пятидесяти лет с момента первой проповеди, произнесенной от имени Христианской миссии Восточного Лондона, продолжает касаться человеческих сердец. Каждый год через принадлежащие ей по всему миру десять тысяч центров Армия Спасения достигает более двух с половиной миллионов человек, воплощая в жизнь слова Иисуса Христа из Евангелия от Матфея 25:35-40:

"...Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне". Тогда праведники скажут Ему в ответ: "Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили?, или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?" И Царь скажет им в ответ: "истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне".

Глава 10

Билли Грэм
(родился в 1918 году)

"Несущий Благую Весть миру"

"НЕСУЩИМ БЛАГУЮ ВЕСТЬ МИРУ

Единственная цель моей жизни заключается в том, чтобы помогать людям обрести личные отношения с Богом, которые, я считаю, приходят через познание Христа.

— Билли Грэм

Когда Бог благословил XX век новыми технологиями, благодаря которым еще больше людей получили возможность слышать евангельскую проповедь, никто не воспользовался ими лучше Билли Грэма. Проповедническое призвание помогло ему вывести церковное служение на неведомые ранее высоты, благодаря чему его влияние на мировой сцене можно сравнить с влиянием президентов и премьер-министров. Он нашел простую формулу проповеди Евангелия Иисуса Христа, благодаря которой услышать Благую Весть и принять ее могли за один раз тысячи и даже миллионы человек. Имя этой формуле "кру-сейд". Люди принимали Иисуса как своего Спасителя, когда сами посещали крусейды, смотрели их по телевизору, слушали по радио, читали о них в книгах, знакомились с их посланием в фильмах и на видео или даже во время интернет-трансляций. Ни один человек за всю историю этого мира не коснулся сердец столь многих во имя Христа. И, когда речь заходит о христианстве, лишь немногие имена сегодня пользуются более широкой известностью, чем имя Билли Грэма.

Когда жизнь была проще

Уильям Франклин Грэм-младший появился на свет 7 ноября 1918 года на молочной ферме близ Шарлотт, штат Северная Каролина, где после окончания Гражданской войны его дед впервые построил бревенчатую избу. Он родился за четыре дня до перемирия в Европе, где уже четыре года бушевала Первая мировая война, и год спустя после Октябрьской социалистической революции в России - двух событий, которые в конечном счете приведут к "холодной войне". Билли родился в семье Уильяма Франклина Грэма и Морроу Коффи Грэм. Его бабушка по материнской линии была пресвитерианкой, воспитавшей всех своих детей в вере. Когда она умерла, Билли Франк, как тогда называли будущего проповедника, еще ходил в начальную школу, как и его сестра Кэтрин. В день смерти бабушки, когда детей забрали из школы, им сказали, что она счастливо отправилась домой. Перед тем как испустить последний вздох, она села на кровати и с радостной улыбкой произнесла:

"Я вижу Иисуса. Он протянул Свои руки ко мне. А вот и Бен! [Ее муж.] У него на месте оба глаза и обе ноги". Бен участвовал в Гражданской войне, и во время Геттисбергской битвы под шрапнельным огнем он потерял ногу и глаз. Эта история стала одной из семейных легенд.

Юность Билли пришлась на самую середину Великой депрессии. В день краха фондовой биржи его отец потерял 4 тысячи долларов сбережений, которые он копил целую жизнь и хранил на банковском счету, но поскольку Грэмы держали ферму, они сумели справиться с трудностями. Когда цена молока упала до пяти центов за три литра и семья едва сводила концы с концами, неизменное чувство юмора главы семейства помогло всем сохранить присутствие духа и с честью выдержать испытания. Несмотря на трудности, Грэмы первыми среди своих соседей обзавелись радиоприемником в своем автомобиле.

В детстве Билли полюбил бейсбол, хотя его способностей хватило лишь на то, чтобы собрать команду и самому сидеть на скамейке. Он хорошо играл в поле, но при этом был леворуким бэттером (игрок, отбивающий мяч в бейсболе. — Прим. редактора) с далеко не самыми лучшими показателями для этой позиции. Из-за высокого роста и ловкости в поимке мяча он, как правило, играл на первой базе. Когда мальчику было пять лет, отец взял его с собой, чтобы он услышал Билли Сандея, профессионального бейсболиста, ставшего проповедником. Однако Билли Франк был еще слишком мал для того, чтобы проповедник произвел на него впечатление. Единственное, что он запомнил из того служения, так это повеление отца сидеть тихо, иначе проповедник назовет его имя, и тогда мальчика арестуют. Билли потребовалось несколько лет, чтобы, в конце концов, понять, что отец просто пошутил.

Верность его родителей Богу проявлялась многообразно. В первый же день после свадьбы они воздвигли у себя дома алтарь и решили каждый день вместе читать Библию. Отец Билли, выросший в методистской семье, был горячим сторонником "сухого" закона. В тот день, когда в 1933 году "сухой" закон был отменен, он принес домой несколько бутылок пива и позвал Билли вместе с его сестрой на кухню, где заставил их выпить пиво - все и до дна, - пока у детей не подступила к горлу тошнота. "С сегодняшнего дня, - сказал он, - каждый раз, когда друзья будут приглашать вас выпить вместе с ними, просто скажите им, что вы уже пробовали спиртное, и оно вам не понравилось. И этого будет вполне достаточно". Этот аргумент был взят не из Библии, но он оказался эффективным. Всю свою жизнь Билли был трезвенником.

Приблизительно в то же самое время, когда на свет появилась еще одна сестра Билли, Джин, его отец едва не погиб в результате несчастного случая. Он подошел к своему другу, работавшему на распиловочном станке, и, когда друг слегка повернулся к нему, вращающееся лезвие отшвырнуло в сторону массивный кусок дерева, который с силой врезался в лицо отцу Билли, раздробив ему челюсть и серьезно поранив голову. Мужчину тут же повезли в больницу, однако по дороге он потерял очень много крови. Друзья и близкие принялись горячо молиться за него, но на протяжении нескольких дней больной находился на грани жизни и смерти. Вскоре, однако, состояние Уилья-ма-старшего улучшилось, хотя ему пришлось перенести еще несколько пластических операций, чтобы восстановить лицо.

Испытывая огромную благодарность за отвеченные молитвы, Грэм-старший не смог отказать группе местных бизнесменов, которые попросили позволения использовать часть принадлежавшей ему земли для проведения рассчитанного на целый день молитвенного собрания. Когда сельскохозяйственный рабочий спросил у Билли о том, кем являются эти люди, он ответил: "Думаю, это просто какие-то фанатики, уговорившие папу разрешить им использовать это место". И лишь много лет спустя он узнал о том, что какой-то человек на этом собрании молился о том, "чтобы из Шарлотт Господь призвал человека, который проповедовал бы Благую Весть до края земли".

"Мне нравятся воины!"

Доктор Мордекай Хэм проводил в Шарлотт евангелизации, когда Билли было пятнадцать лет, но у подростка не было никакого желания их посещать. В течение первого месяца, когда Хэм проводил собрания, Билли отклонял все адресованные ему приглашения. Однако его отношение к происходящему изменилось после того, как Хэм выступил с обвинениями в адрес дома распутства, расположенного рядом с Центральной средней школой Шарлотт. Проповедник утверждал, что

некоторые старшеклассники посещали это злачное место каждый день во время обеденного перерыва, заявляя при этом, что у него есть письменные свидетельские показания, данные под присягой. Эта история попала на страницы местной газеты Charlotte News. Задетые выдвинутыми против них обвинениями, школьники договорились отправиться на следующее собрание Хэма и выступить с протестами прямо перед подиумом. Некоторые из них даже вполне серьезно грозились скинуть проповедника с подиума, чтобы преподать ему хороший урок.

В день запланированной акции протеста один из друзей Билли спросил у него: "А ты не хочешь прийти послушать нашего воинственного проповедника?".

"Он действительно воин? - переспросил Билли. — Мне нравятся войны." И он согласился прийти. В тот вечер парня охватил благоговейный трепет, вызванный не столько тем, что говорил Хэм, сколько силой, исходящей от его слов. Как позже он писал в автобиографии: "Я слышал другой голос, как часто бывало во время проповедей Дуайта Л. Муди, - голос Святого Духа".

Начиная с этого вечера, юный Грэм присутствовал на всех собраниях Хэма, которые у него получалось посетить. Именно Хэм произнес самую первую услышанную Билли проповедь об аде, и именно в тот момент юноша впервые подумал о нем, как о чем-то большем, нежели просто бранное слово. На этих собраниях Билли впервые в жизни ощутил себя грешным и непокорным, однако он не имел понятия, как ему на это реагировать. Еще в младенчестве он был крещен в пресвитерианской церкви, выучил наизусть краткий Катехизис и прошел конфирмацию в Объединенной реформированной пресвитерианской церкви перед лицом пресвитеров и пастора, однако все это больше не казалось ему достаточным. Раньше он считал себя нравственно крепким человеком, достойным, и уж, конечно, не грешником. (Он был даже вице-президентом своей молодежной группы.) Однако в тот момент, когда Хэм пристально взглянул на него, в своем сердце Билли вдруг ощутил, что всего этого было недостаточно. Постепенно он понял: проповедник говорил о том, что каждый человек может лично познать Христа. И чем больше Билли слышал об этом, тем отчетливее осознавал, что совершенно не знает Иисуса.

Затем в один из вечеров, вскоре после шестнадцатого дня рождения Билли Хэм расширил приглашение, традиционно звучавшее в конце каждой его проповеди, цитатой Римлянам 5:8: "Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками". Когда прозвучала последняя строфа второй песни, под звуки которой грешники выходили вперед, Билли ответил на приглашение и подошел к сцене вместе с приблизительно тремя сотнями других людей. Свои чувства в тот момент Грэм описывал в автобиографии так:

Мое сердце сжалось, когда я посмотрел на стоявшую передо мной женщину, по щекам которой текли слезы. Я не плакал. Я не ощущал ничего особенного. Возможно, думал я, мне незачем здесь находиться. Скорее всего, мои благие намерения стать настоящим христианином недолговечны. Полагая, что лишь обманываю себя, я едва не вернулся на свое место.

В то время когда я стоял перед платформой, портной по имени Дж. Д. Преватт, близкий друг нашей семьи, чье сердце было переполнено огромной любовью к людям, остановился рядом со мной, плача... Со своим сильным европейским выговором он простыми словами стал объяснять мне Божий план для моего спасения. Это объяснение было обращено к моему собственному внутреннему пониманию. Оно не было призвано ответить на все вопросы, которые в тот момент кружили в моей голове, и, конечно же, не устраняло вопросов, которые могли появиться у меня в последующие месяцы и годы, — но благодаря ему я просто получил факты, которые должен был знать для того, чтобы стать ребенком Божьим.

...И вот пришел момент посвятить себя Христу. Интеллектуально я принял Христа полностью, признавая: все, что я знаю о Нем, является истиной. Я достиг интеллектуального согласия. Эмоционально я чувствовал потребность любить Его в ответ на Его любовь ко мне. Однако главный вопрос заключался в том, смогу ли я подчинить Ему свою жизнь.

Вот как Билли Грэм описал этот вечер в разговоре со своим биографом Уильямом Мартином, автором книги "Пророк с честью" (A Prophet with Honor):

У меня не было ни слез, ни эмоций, я не слышал никакого грома, не видел никакой молнии... Но именно там и тогда я твердо решил следовать за Христом. Все произошло просто, но в то же время убедительно.

Колледж и рукоположение

Билли особо не задумывался о колледже, пока не пришло время поступления. Где-то в глубине души он всегда полагал, что будет учиться в Университете Южной Каролины. Но когда к ним в школу приехал с выступлением доктор Боб Джонс и Билли узнал, что несколько его друзей планировали поступить в его школу, он также решил поступить в Колледж Боба Джонса (с 1947 года - Университет Боба Джонса).

Летом, перед началом учебы в колледже, чтобы заработать немного денег, Билли присоединился к своему другу, который ходил от двери к двери, продавая щетки Фуллера. Несмотря на трудности этой работы, юноша обнаружил, что может зарабатывать от 50 до 75 долларов в неделю, - достойная уважения сумма для молодого человека в 1936 году. Подходя к каждому следующему дому, он научился молиться, готовясь представить свой товар. Он также искал возможности поделиться с людьми своей верой в Христа, но это удавалось ему не всегда, поскольку он все еще учился распознавать водительство Святого Духа.

В ту осень он начал заниматься в Колледже Боба Джонса, но правила этого учебного заведения показались ему чересчур строгими, а предметы - слишком сложными. Свидания между молодыми людьми противоположных полов постоянно контролировались и должны были проходить в присутствии учителя. Парни могли гулять со своими девушками лишь в специально выделенное для этого время, и во время свиданий им не позволялось держаться за руки или даже сидеть вместе на одном диване. Общение в "свободное время" с представителями противоположного пола ограничивалось пятнадцатью минутами. В классах также царили строгие правила. Вопросы допускались редко и лишь в тех случаях, когда необходимо было что-то выяснить, а вовсе не для обсуждения различных толкований преподаваемого материала. Истолкование Джонсом христианских доктрин и Священного Писания считалось истиной в последней инстанции — все остальное не имело никакого значения.

Когда Билли заболел гриппом, его убедили оставить Колледж Боба Джонса, где невозможно было свободно дышать, ради ясного неба и менее строгого обучения во Флоридском библейском институте, расположенном в Тампе. Билли перевелся туда, но перед самым его отъездом Джонс предупредил юношу, что это решение станет для него катастрофическим и что, если он уедет, "в лучшем случае, ты сможешь рассчитывать на должность нищего баптистского проповедника в каком-нибудь захолустье". Но Билли все равно уехал: никакое, даже самое мрачное пророчество не способно было затмить манивших его солнца, гольфа и более свободных свиданий.

Во Флориде Билли познакомился с милой однокурсницей Эмили Каваной. Они начали встречаться, и вскоре Билли решил сделать ей предложение. Когда же она призналась ему в том, что была влюблена в другого студента, который проповедовал лучше Билли, он пережил сильное потрясение. Как говорил Мелвин, брат Билли, "она хотела выйти замуж за человека, который собирался чего-то добиться в жизни". Это привело к тому, что Билли стал тщательно исследовать свое сердце, посвятив много времени поиску Божьей воли для собственной жизни и способов ее достижения. Он чувствовал, что призван стать служителем, но при этом отдавал себе отчет в том, что еще недостаточно готов к этому, и потому часами бродил ночью по кампусу, пытаясь убедить Бога в том, чтобы Он дал ему другое задание.

Тем не менее, исследуя свое сердце, Билли заметил, что его проповеди становились все лучше и лучше, а его призывы к людям принять Христа получали все больше и больше положительных откликов. Таким образом, во время очередной ночной прогулки вокруг площадки для игры в гольф в Тампе в 1938 году, Билли принял решение уступить и принять то, что, как он чувствовал в глубине своей души, являлось главным его призванием - стать евангельским служителем. Он опустился на колени прямо возле одной из лунок и распростерся лицом вниз в молитве. "Боже, - молился он, - если Ты желаешь, чтобы я служил Тебе, я буду служить".

Позже в том же году Билли осознал, что его младенческого крещения в пресвитерианской церкви недостаточно, и потому попросил баптистского служителя крестить его полным погружением в воду. В начале 1939 года он был рукоположен в служители южных баптистов.

Когда один из рукополагавших его служителей стал задавать Билли вопросы теологического характера, тот, надеясь положить конец расспросам, нетерпеливо ответил: "Брат, ты слышал, как я проповедовал именно на эти темы, и видел, как Господь благословлял меня. Я не являюсь

специалистом в вопросах теологии, но ты знаешь, во что я верю и как проповедую, и этого, мне кажется, достаточно, чтобы тебя удовлетворить". Мужчина и некоторые из присутствующих залились смехом, и решили, что этого достаточно. К молодому человеку больше не было вопросов.

Подготовка проповедника

Разобравшись с крещением, Билли стал тренироваться проповедовать и оттачивать свой голос, о котором Боб Джонс как-то сказал: "Твой голос обладает притягательной силой... Бог может использовать твой голос. Он может использовать его по-настоящему мощно". Свои проповеди юноша репетировал в старых сараях или в каноэ посреди озера, где его могли услышать разве что рыбы. Летом после своего рукоположения он проповедовал на двухнедельной евангели-зации баптистской церкви в Уэлаки, рыбацкой деревне на реке Сент-Джон. Днем он бродил по городским улицам, молясь и проповедуя трещинам на тротуаре. После этого его попросили на полтора месяца заменить ушедшего в отпуск пастора Евангельского храма Тампы. Когда по субботам церковь была пуста, Билли все равно приходил и проповедовал безлюдному залу. Это было подобно тому, как если бы он имел свою собственную церковь.

Билли Грэм искал возможности поделиться с людьми своей верой в Христа, но это удавалось ему не всегда, поскольку он все еще учился распознавать водительство Святого Духа.

У Билли была какая-то неподдельная искренность, которая привлекала и располагала к нему людей. Его простота, честность и внутреннее достоинство, с которым он держался, привлекали к нему как богатых, так и бедных. Как и у многих молодых проповедников, его проповеди были наполнены искренними, идущими прямо из сердца чувствами, хотя используемые им факты не всегда идеально сочетались друг с другом. К чести Грэма, он никогда не считал себя теологом и всю свою жизнь жалел о том, что недостаточно много читал и учился. Но также Билли заметил, что, когда в проповеди он придерживался лишь теологических основ и искренности, слушатели с готовностью отдавали свои сердца Господу.

В мае 1940 года Билли закончил Флоридский библейский институт. Согласно существовавшей традиции, перед началом церемонии вручения дипломов один из студентов должен был прочитать "пророчество", о котором он молился и составлял во время классного вечера. В том году оно действительно оказалось пророческим, потому что девушка, которую выбрали, прочитала:

Каждый раз Бог выбирает человека, который несет Его свет сквозь тьму. Такие мужи, как Лютер, Джон и Чарльз Уэсли, Муди и многие другие, были самыми обыкновенными людьми, с той лишь разницей, что они слышали голос Божий. Времена, в которые они жили, были черны, как ночь, но у них был Бог. "Если Бог за нас, кто против нас?" (Римлянам 8:31). Говорилось, что Лютер кардинальным образом преобразил этот мир. Но не он сам сделал это, а Христос, Который действовал через него. Пришло время явить этому миру нового Лютера, Уэсли, Муди, В этом списке есть место для нового имени. Вызов брошен каждому из нас.

Уитон и Рут

В последний год учебы Грэма во Флоридском библейском институте некий адвокат из Чикаго по имени Пол Фишер, услышав выступление молодого проповедника, предложил оплатить ему первый год учебы в Уитонском колледже неподалеку от Чикаго. После непродолжительных размышлений и колебаний, вызванных, прежде всего, обеспокоенностью тем, что, увидев школьный аттестат Билли, в Уитоне не захотят его принять, Билли все-таки подал документы и был зачислен. Ни Колледж Боба Джонса, ни Флоридский библейский институт к тому времени еще не имели необходимой аккредитации, поэтому, поступив в Уитон, Билли сделал первый шаг к получению диплома в аккредитованном учебном заведении. К счастью для Грэма, в Уитоне ему засчитали часть тех курсов, которые он прошел во Флоридском библейском институте, в результате чего он начал учебу сразу со второго семестра.

В декабре 1941 года Япония нанесла удар по Перл-Харбору, и США вступили во Вторую мировую войну. Первым желанием Билли было поступить на службу в армию, но, будучи христианским служителем, он все-таки решил стать капелланом. Чтобы добиться этой цели, ему следовало прежде завершить свое образование в Уитоне.

Оставшись в колледже, Билли познакомился с Рут Белл. Она родилась в Китае, в семье миссионеров, и почти все семнадцать лет своей жизни провела в Азии. Рут окончила среднюю школу в Пхеньяне (сейчас Северная Корея). Юношу моментально покорили ее карие глаза и статная фигура. Несмотря на то, что Рут собиралась отправиться миссионером в Тибет, Билли начал встречаться с ней и спустя несколько месяцев сделал ей предложение. Рут попросила дать ей время на раздумье. Но в это время ее сестра слегла с туберкулезом, и девушка взяла академический отпуск для ухода за ней.

Однажды вечером, незадолго до своей проповеди, Билли получил от Рут письмо, в котором та выражала согласие выйти за него замуж и на нескольких страницах объясняла свое решение. По прибытии в церковь Билли несколько раз перечитал ее письмо, после чего занял место за кафедрой и своей проповедью вызвал самую настоящую бурю. Когда он закончил, пастор подошел к нему и спросил: "Ты хоть сам понял, что только что говорил?". Застигнутый врасплох, юноша искренне ответил: "Нет". — "И я не уверен, что люди это поняли!" — произнес пастор.

Билли и Рут договорились пожениться после окончания колледжа. Они закончили учебу одновременно, после чего тем же летом, 13 августа 1943 года, сочетались законным браком.

Вскоре после этого Грэм был назначен пастором деревенской церкви в Вестерн-Спрингс, штат Иллинойс. Церковь эта насчитывала менее сотни членов, лишь пятьдесят из которых регулярно посещали богослужения. В недостроенном здании церкви пригодным для собраний был только подвал, поэтому именно там и проходили служения. Поскольку война продолжалась, Рут называла этот подвал бомбоубежищем. К началу 1944 года количество постоянных участников собраний увеличилось вдвое, достигнув более ста человек каждую неделю. Билли все еще надеялся стать капелланом, но поскольку война близилась к завершению, у Билли появились новые возможности, которые повернули его жизнь в ином направлении.

Начало служения на радио

Однажды местный служитель, регулярно выступавший по радио, пригласил к себе Билли и предложил ему заняться радиопрограммой, которую он уже давно планировал, но никак не находил для нее времени. Этой идеей Билли поделился со своими прихожанами, и те сначала посчитали, что ее осуществление будет стоить слишком дорого. Но когда появились необходимые для этого средства, они согласились. Это оказалось очередным поворотным пунктом в служении Билли: его грохочущий голос мощно разносился из радиоприемников. С ростом популярности его программы Билли стал получать все больше приглашений провести евангелизационные служения в других городах. Вскоре, однако, это стало негативно сказываться на атмосфере в его собственной церкви: прихожане чувствовали себя так, как если бы они платили полную зарплату пастору, занятому неполный рабочий день.

В конце войны, заболев "свинкой", Грэм раз и навсегда распрощался с надеждами стать капелланом. Ему предложили стать первым сотрудником и руководителем многообещающей международной организации "Молодежь за Христа". После продолжительной молитвы и размышлений Билли согласился занять эту должность. Уволившись из своей церкви, а также из капелланского корпуса, молодой служитель полностью отдался евангелизационной работе, проповедуя везде, где "Молодежь за Христа" могла обеспечить ему место. Билли снова почувствовал себя коммивояжером, только на сей раз он нес людям Библию, а не чемодан со щетками. В послевоенной Америке молодежная христианская организация росла стремительными темпами, и евангельский энтузиазм Билли заражал его слушателей везде, куда бы он ни ехал. сентября 1945 года на свет появился первый ребенок Грэмов, Вирджиния Лефтвич, которую уменьшительно называли Джиджи.

Благодаря беглой речи и неиссякаемой энергии Грэм заслужил себе прозвище Пулемет Божий. Некоторые недоброжелатели называли организованные "Молодежью за Христа" собрания "христианским водевилем", потому что во время их проведения на сцене происходило буквально все:

от выступления музыкальных групп и викторин до шоу с участием дрессированных животных и конферансье с галстуком-бабочкой. Тем не менее, популярность этих собраний все больше росла - каждую неделю не менее миллиона молодых людей по всей стране посещали собрания "Молодежи за Христа".

"Вы говорили о том, чего у меня нет"

Весной 1946 года Грэм и команда "Молодежи за Христа" организовали поездку в Европу, желая распространить там свое служение. Впервые Билли отправился за океан, и после не самого приятного начала на военной базе, где солдаты больше хотели танцовщиц, чем евангелизации, все постепенно пошло на лад. Билли наслаждался жизнью проповедника, а его искренность и энергия продолжали верно служить ему, несмотря на культурные барьеры, которые усложняли его адаптацию в Европе.

В октябре 1946 года, проводя служения в Хильденборо-Холле в Кенте, Грэм услышал проповедника по имени Стивен Олфорд. Олфорд проповедовал, основываясь на стихе из Послания к Ефесянам 5:18: "И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом...". Услышав его послание, Билли серьезно задумался о том, что ему необходимо сделать для того, чтобы исполниться Святым Духом и получить Его помазание на свое служение. В конце служения Грэм подошел к проповеднику и спросил: "Мистер Олфорд, я хотел бы спросить, почему вы не пригласили своих слушателей выйти вперед. Я был бы первым, кто ответил на ваше приглашение. Вы говорили о том, чего у меня нет. Я тоже хочу ощущать в своей жизни всю полноту Святого Духа".

О своей встрече с Олфордом Билли вспоминал следующее: "Я искал в своей жизни больше Бога и почувствовал, что этот человек сможет мне помочь. В нем была движущая сила, он обладал чем-то захватывающим и возбуждающим, что я также хотел обрести".

Билли и Олфорд договорились встретиться спустя некоторое время в Уэльсе, недалеко от того места, где было запланировано одно из выступлений Билли. Целый день они провели за совместным изучением Библии, после чего Билли помолился: "Господь, я не желаю далее продолжать свою деятельность, не получив того помазания, которое Ты дал моему брату". Билли, однако, не получил тогда этого благословения, потому что его проповедь в тот вечер была самой обыкновенной, "совсем не валлийским типом проповедования", фраза, которая, возможно, вошла в обиход со времен Уэльского возрождения и деятельности Эвана Робертса.

Благодаря беглой речи и неиссякаемой энергии Билли Грэм заслужил себе прозвище Пулемет Божий.

Когда мужчины встретились на следующий день, Олфорд начал учить Билли о том, что означает быть наполненным Святым Духом и что для того, чтобы наполниться Им, необходимо быть сокрушенным, как Павел, провозглашавший себя "сораспятым с Христом". Он научил молодого проповедника тому, что "везде, где Дух является Господом над жизнью, там есть свобода и избавление — величайшая свобода полного самоотречения в постоянном смирении перед поселившимся внутри Святым Духом Божьим". На это Билли ответил: "Стивен, я тебя понимаю. Именно этого я и хочу".

Приблизительно в полдень мужчины преклонили колени для молитвы. Впоследствии Олфорд описал, что произошло с ними в тот момент: "Все небеса словно распахнулись в этой мрачной маленькой комнатушке. Это было подобно тому, как Иаков, схватив Бога, воскликнул: "Господь, я не отпущу Тебя, пока не благословишь меня". Грэм описывал, как он воскликнул после молитвы: "Мое сердце переполняемо Святым Духом!.. Он во мне! Я наполнен. Я наполнен. Это поворотный пункт в моей жизни. Это изменит до неузнаваемости все мое служение".

Результаты не замедлили себя ждать. Согласно Олфорду: "В тот вечер Билли должен был выступать в большой баптистской церкви, находившейся неподалеку. Когда он поднялся, чтобы проповедовать, он выглядел действительно помазанным человеком... Валлийские слушатели бросились в проходы. Наступил хаос. Практически все присутствующие кинулись вперед". В тот вечер Олфорд сказал своему отцу: "Папа, с Билли Грэмом что-то произошло. Весь мир вскоре услышит об этом человеке. Он оставит свой след в истории".

Билли Грэм и Святой Дух

Так было положено начало тонкой связи между Билли Грэмом и тем, что известно нам, как "наполнение", или "крещение", Святым Духом. Билли признался, что никогда не говорил на иных языках -хотя он также говорил, что это удивительный опыт для тех, кто обладает таким даром, - однако весьма сложно, если вообще возможно, объяснить успех, сопровождавший его на протяжении шести десятилетий, одним лишь его "привлекательным" голосом и обаянием долговязого уроженца южных штатов. Билли Грэм не является харизма-том, поэтому весьма интересен тот факт, что в автобиографии "Такой, как есть" (*Just As l Am*) он ни словом не обмолвился об описанном выше случае, оставляя его другим своим биографам.

В то же самое время Грэм сторонился харизматов не больше, чем политиков, таких как Билл и Хилари Клинтон, которые были абсолютно непопулярны среди евангелических христиан. В автобиографии Грэм называл Орала Робертса своим "давнишним другом"23, Билли даже был приглашен в качестве главного спикера на открытие Университета Орала Робертса в 1967 году. Многие считают, что именно Билли Грэм "продвинул" служение Орала, пригласив его к себе на сцену в 1950 году и позволив произнести вступительную молитву. Дэвид Харрелл следующими словами описывал это событие в своей книге "Орал Робертс: Американская жизнь" (Oral Roberts: An American Life):

Когда они вышли из своей гостиницы в Портленде, чтобы поймать такси и отправиться на крусейд, Билли как раз спускался вниз. Вежливый и обходительный Грэм схватил Орала за руку и предложил ему и Эвелин отправиться вместе с ним. Орал колебался, но Билли был настойчив: уже в такси он сказал Оралу о том, что хочет видеть его на платформе, и предложил ему провести вечернюю молитву. Орал запротестовал: "Билли, ты не можешь позволить мне этого". Когда они ехали, Билли сказал Оралу, что вместе с Клиффом Берроузом несколько месяцев назад он инкогнито посещал евангелизации Робертса во Флориде, где проливались обильные благословения. Он также признался, что сестра его жены получила исцеление в пятидесятнической среде; он совершенно не стыдился быть другом Орала Робертса. Орал произнес вечернюю молитву, и в тот же вечер, после того как они с Эвелин вернулись в гостиничное кафе, Билли и Рут Грэм подошли к ним и уговорили их вместе поужинать.

Встреча эта была непродолжительной, случайной и, по большому счету, незапланированной. Но для Орала она оказалась весьма и весьма знаменательной. Его появление на платформе рядом с Билли Грэмом стало беспрецедентным признанием пятидесятника со стороны евангелического служителя - в особенности же такого, как Билли Грэм. Доброта. Грэма, его искренняя и горячая поддержка брата во Христе моментально перенесли Робертса в больший, более респектабельный мир, частью которого он вряд ли когда-либо даже мечтал стать. Он увидел первые лучи видения, которое Грэм более полно откроет ему шестнадцать лет спустя.

Во время совместной с Олфордом молитвы Грэм, наверное, сильнее, чем когда-либо в своей жизни, с точки зрения харизмата, был исполнен Святым Духом. Если Билли действительно искал крещения Святым Духом, возможно, он, в первую очередь, подобно абсолютному большинству евангельских христиан, читавших Послание к Ефесянам 5:18 "И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом…". искал плоды Духа, а не Его дары. С другой стороны, он мог считать дары чем-то гораздо более низшим, чем они являлись на самом деле, — чем-то, больше подобным духовным инстинктам, нежели проявлениям силы Божьей, как они были явлены в жизни Иисуса и апостолов. Грэм, видимо, искал силы Божьей лишь для того, чтобы проповедовать. Он искал помазаний для того, чтобы стать хорошим проповедником, и, как мы видим, Бог ответил на эту молитву. Но на этом, скорее всего, Билли и остановился. Он всем сердцем желал, чтобы Бог помог ему исполнить призвание, но при этом не хотел выпускать ситуацию из-под контроля. Он желал видеть, как люди, тронутые его словами, выходят вперед, но проявления Святого Духа, подобные тем, которыми отличались служения Джона Уэсли и Чарльза Финнея, а также лагерные встречи в Кентукки, были выше его понимания, как, впрочем, и для подавляющего большинства американских христиан XX века.

Евангельское христианство заметно отошло в сторону с того пути, начало которому положил еще Джон Уэсли, высвободивший спасение из детерминистских тисков кальвинизма. Величайшим откровением, озарившим евангельское движение, стало понимание того, что спасение целиком и

полностью зависит от индивидуального выбора каждого человека, несмотря на то, что стремиться к нему должно со страхом и благоговейным трепетом (см.: Филиппийцам 2:12), и что оно не могло совершиться без вмешательства Святого Духа. Теперь же, во времена таких проповедников, как Муди и Грэм, индивидуальное решение каждого человека стало фактором первостепенной важности.

Начало кампании Билли Грэма

В следующем, 1947 году Билли вернулся в Соединенные Штаты. Он начал фокусировать свои "кампании" (как он их тогда называл, позаимствовав этот термин у Д. Л. Муди) на конкретных городах. В том году подобные кампании должны были пройти в Гранд-Рапидс, штат Мичиган, и в Шарлотт, штат Северная Каролина, а в 1948 году - в Огасте, штат Джорджия, и Модесто, штат Калифорния.

В 1947 году Грэма также пригласили выступить в Северо-Западных высших школах Миннеаполиса, штат Миннесота, после чего президент этой сети школ, доктор У. Б. Райли, отозвал проповедника в сторону и поделился с ним своим желанием видеть его следующим президентом колледжа. Билли, конечно же, был шокирован, потому что в то время ему не исполнилось еще и тридцати лет. С другой стороны, он не отрицал возможности вернуться к этому вопросу в отдаленном будущем. Но Райли было восемьдесят шесть лет и его здоровье оставляло желать лучшего. 5 декабря 1947 года он скончался, и, хотя у Грэма был лишь диплом об окончании колледжа, полученный четыре года назад, совет директоров с уважением отнесся к последней воле почившего и предложил должность президента молодому евангелисту. Несмотря на терзавшие его сомнения, Билли согласился временно занять эту должность, надеясь, что долго это не продолжится.

Новому президенту потребовалось совсем немного времени, чтобы понять, что он попал в осиное гнездо. Учебное заведение, недавно закончив строительство нового административного здания, осталось практически без денег. У Грэма не было недостатка идей, касавшихся того, как исправить плачевную финансовую ситуацию, однако ему не хватало опыта и терпения, чтобы их реализовать. Он хотел исправить все и сразу, что вызывало недовольство многих членов совета директоров. Кроме того, большую часть времени их президент находился в пути, проводя евангелизации. Несомненно, Билли обладал необходимым лидерским потенциалом, чтобы успешно трудиться на новом месте, но был ли он готов уделять университету достаточно внимания?

Программа кампании Билли Грэма

В течение следующих лет, несмотря на продолжительные отлучки, Билли изо всех сил старался справиться со своими президентскими обязанностями, однако, по большому счету, основную часть времени был предоставлен сам себе. Билли, тем не менее, сделал одной из своих проповеднических целей сбор средств для университета, что существенно помогло этому учебному заведению. На его счета вскоре начали поступать деньги, и вскоре финансовая ситуация в университете улучшилась настолько, что зарплаты ее сотрудников были подняты на более достойный уровень. Несмотря на все сложности, когда в 1950 году Грэм попытался уйти с этой должности, совет директоров отклонил его просьбу.

За это время в семье Грэм появились на свет еще двое детей. Энн Морроу Грэм родилась в мае 1948 года, а Рут Белл Грэм, которую ласково называли Банни — в декабре 1950-го.

Нет ли в Библии ошибки?

Приблизительно в этот же период перед Гремом встал важный вопрос, на который ему необходимо было найти ответ, чтобы его послание в будущем могло стать по-настоящему сильным и влиятельным. Чарльз Темплтон, знакомый проповедник с которым Билли познакомился в начале своего сотрудничества с "Молодежью за Христа", побудил Билли продолжить свое образование, чтобы благодаря этому его проповеди стали еще более яркими и эффективными. Теперь же, став

президентом библейского колледжа, Билли почувствовал, что на-конец-то пришло время последовать совету друга и заняться докторской диссертацией. Сам Темплтон уволился с должности пастора в одной из церквей Торонто и поступил в Принстонскую теологическую семинарию. Очень быстро они с Билли сблизились, и, когда у Темплтона возникли сомнения в отношении некоторых теологических вопросов (прежде всего, это касалось авторитета и достоверности Библии), Билли попал под его влияние. Он тоже расширил список читаемой им литературы, добавив к нему пионеров неоортодоксии Карла Барта и Рейнхольда Нибура. Вскоре труды этих авторов заставили Грэма подвергнуть сомнению многие убеждения, которых он придерживался еще со времен отрочества. Он никогда не сомневался в центральном послании всего Евангелия, в Божественности Христа, однако в других важных вопросах сомнения тут же дали о себе знать. Билли пришлось больше времени посвятить исследованию этих вопросов -прежде всего, боговдохновенности и непогрешимости Писания.

Знакомясь с трудами теологов и исследователей, находившихся по обе стороны баррикад, Грэм все больше и больше приходил в замешательство. Однако он знал, что Павел утверждал следующее: "Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности..." (2-е Тимофею 3:16). Петр же писал: "Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали [его] святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым" (2-е Петра 1:21), и даже Сам Иисус говорил: "...Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут" (Матфея 24:35). Но было ли Священное Писание действительно вдохновленным - "вдохнул" ли в него слова Сам Бог?

Вопрос этот появился у Билли после бесед с Чарльзом Темплтоном. Исследования Темплтона в области философии и антропологии побуждали его воспринимать Библию как метафору, а не как буквальную истину. Грэм обнаружил, что не может дать убедительные ответы на вопросы, поставленные перед ним Чарльзом, однако он по-прежнему стоял на том, что нужно верить в достоверность Библии и истолковывать ее буквально, потому что только так он сможет сохранить верность Богу и своему призванию. Темплтон сказал, что такая позиция устарела еще пятьдесят лет назад, заявив: "Люди более не считают Библию боговдохновенной книгой, как это делаешь ты. Твоя вера слишком примитивна. Твои слова несовременны. Если ты хочешь преуспеть в своем служении, тебе неминуемо придется овладеть новым сленгом".

На одной конференции, состоявшейся приблизительно в это же время, Грэм познакомился с Генриеттой Мире, директором религиозного образования Первой пресвитерианской церкви Голливуда. Несмотря на то, что она, подобно Чарльзу Темплтону, была сторонницей современного взгляда на Библию, ее энтузиазм в отношении христианства был совершенно иным. Она нисколько не сомневалась в достоверности Писания, а ее отношение к ученикам было наполнено такой любовью, что Билли сначала просто не мог поверить, что такое вообще существует. В отличие от Мире, Темплтона привлекала лишь интеллектуальная сторона вопроса. Билли понял, что ему следует сделать выбор, в каком из этих двух направлений двигаться дальше.

Со всей искренностью Билли обратился к Чарльзу: "Чак, послушай, я недостаточно умен для того, чтобы дать исчерпывающий ответ на твои вопросы... Даже лучшие умы мира разделились в своем понимании их... Мне не достает времени, способностей и других необходимых качеств, чтобы и дальше исследовать их. Но я заметил, что, когда произношу: "Так говорит Библия" или "Так говорит Бог", - то неизменно получаю удовлетворяющие меня результаты. И потому я решил больше не ломать свою голову над этими вопросами".

Темплтон ответил, что подобное отношение равнозначно интеллектуальному самоубийству, но Билли был непреклонен. Либо он будет верить Библии и тому, что помогло ему чего-то достичь в жизни, либо ему просто придется оставить служение. В конце концов, "никогда не поздно стать фермером". Он не мог и дальше колебаться в этом вопросе. Либо Библия была Словом Божьим, либо она таковым не была.

Продолжая бороться с этими мыслями, Грэм поздно вечером отправился на прогулку в горы Сан-Бернардино, желая раз и навсегда положить конец этим спорам. Была прекрасная лунная ночь. Билли опустился на колени, открыл свою Библию, положил ее на пенек и начал молиться:

Боже! В этой книге есть много вещей, которые я не понимаю. Здесь есть много вопросов, на которые я никак не могу ответить. Здесь есть много кажущихся противоречий. Здесь есть некоторые

вещи, которые, как кажется, противоречат современной науке. Я не могу дать ответы на некоторые философские и психологические вопросы, которые поднимает Чак и другие люди... Отец, я хочу принять это как Твое Слово - *по вере*! Я хочу позволить вере покрыть все мои интеллектуальные вопросы и сомнения, и я буду твердо верить в то, что эта книга является вдохновенным Тобою Словом.

Когда Билли поднялся с колен, он впервые за много месяцев ощутил силу Божьего присутствия. Бушевавшая у него внутри духовная битва завершилась.

В последующие годы Рейнхольд Нибур обвинил Билли в слишком упрощенном подходе к Евангелию. Он полагал, что большинство связанных с человеком проблем было гораздо сложнее, чем о них говорил Билли, а предлагаемые им ответы были чересчур примитивными. Что касается Темплтона, то в своих "Мемуарах" он писал:

Я совершенно не согласен с ним [Билли] в его видении христианства и полагаю, что многое из того, о чем он говорит, стоя за кафедрой, является пустыми словами. Но в нем нет ни капли притворства: он верит в то, что говорит... с несокрушимым простодушием. Он является единственным массовым евангелистом, которому я доверяю. И мне его не хватает.

Начало крусейдов

Вскоре после принятия этого решения Грэм принял участие в кру-сейде, который оказавлся стартовой площадкой для служения, длившегося многие десятилетия. На 1949 год были запланированы четыре кампании - в Майами, штат Флорида; в Балтиморе, штат Мэриленд; в Алтуне, штат Пенсильвания, и в Лос-Анджелесе, штат Калифорния. Именно во время своего заключительного крусейда в Лос-Анджелесе Билли Грэм впервые привлек к себе внимание всех американцев, а может быть, и всего мира.

Организация "Христос за лучший Лос-Анджелес" пригласила молодого проповедника выступить на своей традиционной евангелиза-ции, которая должна была начаться в последнюю неделю сентября и длиться три недели. Билли согласился, но при этом выдвинул определенные требования. Во-первых, он хотел привлечь к участию в мероприятии как можно большее число церквей, представлявших максимально возможное количество различных деноминаций. Во-вторых, он попросил собрать от 7 до 25 тысяч долларов на рекламу и организацию евангелизации. В-третьих, нужно было найти больший шатер, в котором могли бы разместиться более пяти тысяч человек. Опыт участия в подобного рода кампаниях подсказывал ему, что многие люди, как правило, приходят уже после начала собрания. Грэм видоизменил многие разработанные Д. Л. Муди методы, которые считал необходимыми для успеха евангелизаций.

До этого времени евангелисты считали свои кампании успешными, если на них собиралось две тысячи человек и пятьдесят из них, затем выходили вперед для покаяния.

Билли чувствовал, что ударная волна успеха в Лос-Анджелесе - городе, который постоянно находился в центре внимания средств массовой информации, - могла быстро разойтись по всему миру. Он не хотел, чтобы организаторы изначально ставили низко планку. Однако многие посчитали Грэма чересчур амбициозным, а его финансовые требования — чрезмерными. Нашлись и такие, кто заподозрил молодого служителя в том, что часть денег он хочет оставить себе. Однако лидерские способности Грэма взяли верх, и ему удалось убедить большую часть организационного комитета в правильности своего решения, благодаря чему механизм был запущен.

Билли Грэм принял решение верой принять Библию как Слово Божье.

Перед началом кампании казалось, что она обречена на провал: средства массовой информации практически не говорили о приближающемся событии, а организаторы даже не знали, будет ли оно вообще освещаться. Предварительную пресс-конференцию посетило лишь несколько журналистов, а местная пресса о ней вовсе не обмолвилась и словом. В газетах не было напечатано никакой информации, за исключением рекламных объявлений в разделах, посвященных церковной жизни.

Однако ничто не могло охладить пыл Грэма. Выступая перед группой голливудских звезд в Беверли-Хиллс, Билли познакомился со Стюартом Хэмлином, ведущим популярной местной радиопередачи, которую спонсировала табачная компания. Стюарт сказал Билли, что, если тот

согласится выступить в программе, то наверняка сможет заполнить все места в евангелизационном шатре. Билли решил, что его собеседник шутит, но все же поблагодарил за хорошую идею.

Для поддержки крусейда была создана специально подготовленная молитвенная команда, члены которой молились при каждом удобном случае, а сорок-пятьдесят из них собирались для молитвы каждый вечер перед началом служения. Затем они занимали места в первых рядах и в конце служения молились вместе с теми, кто выходил к алтарю.

Собрания начались строго по плану. И хотя число присутствующих составляло в среднем три тысячи человек (около четырех тысяч после полудня в воскресенье), шатер ни разу не был заполнен. Кроме того, Грэм заметил, что его аудиторию, в большинстве своем, составляют христиане, а неверующих среди них абсолютное меньшинство, поэтому и количество выходивших в конце служения к алтарю было мизерным. Когда началась последняя неделя кампании, организаторы увидели, что они укладываются в бюджет и предложили еще на некоторое время продлить служения. Билли решил обратиться за ответом к Господу.

Стюарт Хэмлин сдержал свое слово и в начале кампании пригласил Грэма на свою радиопередачу. Билли знал, что не все члены комитета будут довольны его участием в программе из-за ее связи с Голливудом, но он также понимал, что для привлечения грешников в еван-гелизационную палатку ему нужно найти прямой путь к сердцам приглашенных. Энтузиазм журналиста буквально бил ключом, когда он призывал своих слушателей "идти в шатер Билли Грэма и слушать его проповеди". Евангелист удивился еще больше, когда Стюарт заявил о том, что сам собирается побывать на этих служениях. Хэмлин действительно пришел, однако увиденное им кардинально отличалось от его традиционных представлений о евангелизме. Он не мог принять многое из того, о чем Грэм говорил во время своей кампании, и в гневе регулярно покидал собрания. Однако каждый раз Стюарт возвращался назад и в конце концов именно его внутренняя борьба нарушила привычный ход собрания.

Грэм и некоторые другие верующие из его команды решили по примеру Гедеона расстелить овечью шерсть, попросив Бога дать им знак, указывающий на то, стоит ли продолжать кампанию. Все закончилось тем, что этот знак был дан именно через Стюарта. В 4:30 утра, после того как была разложена овечья шерсть, Стюарт позвонил Билли и сказал, что он находится в вестибюле гостиницы и хочет немедленно встретиться с ним. Билли разбудил Рут, и та пошла молиться в соседнюю комнату вместе с Грейди и Вильмой Уилсон. Когда Грэм оделся, в комнату вошел Стюарт со своей женой Сюзи, которая тоже молилась за евангелиста во время крусейда. Мужчины коротко поговорили, и затем Стюарт в молитве отдал свое сердце Господу. На следующем вечернем служении журналист на глазах у всех вышел к алтарю. Это было знаком для Билли и других членов комитета, что их работа еще далека от завершения, поэтому они решили продолжить ее, хотя еще точно не определились со сроком ее окончания.

"Разрекламируйте Грэма!"

В первую неделю второй части кампании Стюарт Хэмлин выступил со своим свидетельством на радио, и интерес к происходящему начал заметно расти. Билли и его команда разложили еще одну овечью шкуру, чтобы узнать, продолжать ли им кампанию, и ответ был получен уже следующим вечером во время собрания. Когда они подошли к шатру, вся площадка перед входом была заполнена фотографами и репортерами - это были первые представители прессы, которых они здесь увидели. Когда Грэм поинтересовался у одного из репортеров причиной их пристального интереса к происходящему, тот ответил: "Просто вас поцеловал Уильям Рэндольф Херст". Каким-то образом Херст, влиятельный газетный магнат, известный своим вздорным характером и умением использовать прессу для достижения личных целей, услышал о том, что Грэм был американским патриотом, призывавшим к духовному возрождению. Херст, решив, что послание Грэма должна обязательно услышать вся нация, отправил своим редакторам короткую телеграмму, состоявшую всего лишь из двух слов: "Разрекламируйте Грэма". Это навсегда изменило служение Билли.

На следующее утро статья о крусейде появилась на первой полосе газеты Los Angeles Examiner, а также в вечернем номере *Los Angeles Herald Express*, принадлежавших Херсту изданиях. Новость о проводимой Грэмом кампании долетела до Нью-Йорка, Чикаго, Сан-Франциско и Детройта, после чего перекочевала на страницы конкурирующих изданий. Организационный комитет снова получил

от Бога "добро" на то, чтобы служения продолжались, и даже после того, как был установлен новый, гораздо более вместительный шатер, далеко не всём желающим удавалось попасть внутрь.

14 ноября статья о проводимой в Лос-Анджелесе евангелизацион-ной кампании появилась даже в журнале Time. В ней Грэма называли новым великим американским героем возрождения:

"Вскоре начнется величайшее национальное духовное пробуждение, - заявляет проповедник Билли Грэм, - старомодное, посланное нам самими небесами, вдохновляемое Святым Духом возрождение, которое накроет собой весь наш народ... Говоря словами Иоиля: "Бери свой серп, ибо урожай уже созрел".

Всю эту неделю в большом цирковом шатре ("величайшем шатре возрождения в истории"), установленном в центре Лос-Анджелеса, проповедник Билли Грэм орудует духовным серпом так, как со времен Билли Сандея еще никто не орудовал им. Спонсируемый и финансируемый бизнесменами, христианскими служителями и такими организациями, как "Христианские устремления", "Молодежь за Христа" и "Гедеоны", 31-летний Билли Грэм прибыл в Лос-Анджелес в сентябре. Спонсоры Грэма, объединившиеся под названием "Христос за лучший Лос-Анджелес", да и сам проповедник, намеревались проводить собрания лишь в течение четырех недель. Однако на сегодняшний день Билли Грэм находится здесь уже на две недели дольше изначально запланированного и каждый вечер собирает все больше и больше людей. Около 250 тысяч человек собрались для того, чтобы услышать его (шатер вмещает 6280 человек, но множество людей стояло снаружи, прямо на улице), и практически все более или менее известные служители Лос-Анджелеса уже выходили на заполненную людьми платформу Билли Грэма...

Светловолосый, громкоголосый уроженец Северной Каролины Уильям Франклин Грэм-младший, южнобаптистский служитель, являющийся также президентом Северо-Западных школ в Миннеаполисе, удерживает внимание своей огромной аудитории с момента, когда поднимается на сцену, до первых звуков гимна "Возроди мою душу" (*Send the Great Revival in My Soul*). Микрофон на лацкане пиджака, усиливающий его низкий и глубокий голос, позволяет ему во время проповеди передвигаться по платформе. Он приподнимается на носках, чтобы довести до сознания слушателей свою мысль, сжимает кулаки, поднимает палец к небу и вытягивается, стараясь достигнуть тех, кто сидит в самых дальних рядах шатра.

В своей книге "Такой, как есть "Билли Грэм пишет, что, несмотря на повышенное внимание прессы, то, что произошло потом, вряд ли можно объяснить заголовками на первых полосах газет. В конце концов, сердца изменяет только Бог! Со всех сторон звучали свидетельства, похожие на свидетельство Стюарта Хэмлина. Однажды вечером получил спасение инженер, находившийся под следствием за прослушивание телефонных разговоров в интересах мафиозных структур. Он устроил Билли встречу с самим крестным отцом мафии Микки Коэном, и Грэм проповедовал Микки Евангельскую Весть. На следующий день первые полосы утренних газет пестрели заголовками "Исповедь телефонного перехватчика и попытки проповедника спасти душу Коэна". Это стало неожиданностью для тех, кто пытался сохранить факт этой встречи в тайне. Благодаря этому Грэм вновь оказался в центре внимания.

Чтобы вместить всех желающих услышать Билли Грэма, шатер расширили, после чего его вместимость увеличилась еще на три тысячи мест. Каждый день газеты освещали ход евангелизационной кампании — причем далеко не все они принадлежали Херсту. Как это происходило и раньше в истории, вскоре событие перестало носить исключительно религиозный характер, и люди начали приходить к шатру по самым разным причинам. Однажды посреди ночи сторож услышал грохот цепи, на которую были заперты входные ворота. Выйдя на шум, он увидел мужчину, который сказал, что пришел сюда найти Иисуса. Тогда сторож, который был пастором, помогавшим во время своего отпуска организаторам кампании, помолился за его спасение.

Такая молитва, один на один, стала отличительной чертой оставшихся дней кампании: после окончания служения люди часто прогуливались в одиночестве или парами, ища, с кем бы помолиться. Проповеди отходили на второй план, затмеваемые атмосферой Святого Духа, действующего в человеческих сердцах. Как-то вечером один мужчина пришел на собрание прямо из бара. Просто посреди проповеди он вышел вперед и попросил, чтобы кто-нибудь за него помолился. Когда Грэм попросил Грейди Уилсона отвести мужчину в специальную молитвенную палатку, за ним последовало множество других людей, несмотря на то, что призыва к покаянию еще не было.

Вскоре евангелизацию стали показывать в киножурналах, которые в те времена все еще были популярны в кинотеатрах. Лицо Билли Грэма становилось все более и более узнаваемым в масштабах страны.

К концу пятой недели интенсивные еженощные собрания стали давать о себе знать. У Билли закончились все подготовленные заранее проповеди, и ему приходилось каждый день тратить от шести до восьми часов на подготовку новых. Из-за своей растущей популярности он получал приглашения выступить с проповедью три или даже четыре раза в день во время всевозможных общественных собраний, в церквах и школах, на специальных евангелизационных приемах в домах богатых и знаменитых, не говоря уже о многочисленных интервью, - и все это еще до того, как он успевал добраться до шатра, где должен был вести вечернее служение. После окончания служения молитвенники и евангелизационная команда оставались на месте до тех пор, пока не были проведены личная беседа и молитва с каждым вышедшим вперед человеком. Билли Грэму приходилось приглашать за кафедру других проповедников, чтобы самому иметь достаточно времени для отдыха и подготовки новых проповедей. Но даже невзирая на все это, на протяжении восьми последующих недель комитет не имел возможности присесть и перевести дух.

Количество желавших попасть на собрания неуклонно росло. За два часа до послеполуденного служения в последнее воскресенье кампании на улице перед шатром собралось более одиннадцати тысяч человек. Тысячи людей остались снаружи, не поместившись в шатре, и изо всех сил пытались протиснуться вперед, чтобы расслышать все, о чем проповедовал Грэм. В течение восьми недель сотни тысяч услышали его проповеди, и тысячи из них ответили на призыв к алтарю (82 процента покаявшихся никогда раньше не посещали церковь). Тысячи других вышли вперед, чтобы заново посвятить свою жизнь Христу.

Произошло также еще одно знаменательное событие, которого никто не мог предвидеть: Билли Грэм стал известен на всю страну.

Кампании следуют одна за одной

Была ли лос-анджелесская кампания случайным успехом? Конечно же, нет! Когда в канун Нового года Билли Грэм отправился в Бостон, его служения собрали там столько людей, сколько еще ни разу в этом городе не собирали какие-либо мероприятия. В связи с нехваткой мест кампания была перенесена в Бостон-Гарден, вместимостью тринадцать тысяч человек, и все равно тысячи людей не смогли попасть внутрь. Сложившиеся обстоятельства помогали Билли все больше оттачивать свои организационные навыки, поскольку каждое собрание бросало ему новый вызов и выставляло перед ним препятствия, которые можно было преодолеть лишь с помощью молитвы и приложения всех своих сил. Грэм со своей командой существенно упорядочили и упростили процесс служения такому огромному количеству людей, а также серьезно поработали над логистикой еванге-лизационных кампаний, задействовав добровольцев, достаточно подготовленных для того, чтобы эффективно справляться с тысячами гостей и новообращенных.

Весной 1950 года Грэм получил редкую возможность повторить то, что однажды уже сделал Джордж Уайтфилд: проповедовать в городской общине Бостона. И хотя число собравшихся более чем вдвое превышало количество слушателей его знаменитого предшественника (пятьдесят тысяч вместо двадцати пяти), он отдал дань Уайтфилду, позаимствовав у него название проповеди: "Будет ли Бог править в Новой Англии?".

Широкомасштабная кампания в Портленде, штат Орегон, состоявшаяся позже в том же году, выявила новую проблему. Денег, собранных на проведение евангелизации, оказалось намного больше необходимого количества. Грэм сказал своим слушателям, что потратит их на радиотрансляции, но где же ему следовало хранить все эти средства? Билли не хотел класть их на личный банковский счет, ведь в таком случае он будет вынужден заплатить с них подоходный налог. Решение появилось в тот момент, когда он вместе с Грейди Уилсоном и Клиффом Барроузом основал Евангелистскую ассоциацию Билли Грэма (ЕАБГ), ставшую их официальной неприбыльной организацией.

В возрасте тридцати двух лет Билли Грэм стал самым известным христианином во всей Америке, что позволило ему участвовать одновременно в целом ряде различных проектов. В течение нескольких лет он попробовал свои силы в киноиндустрии, продюсируя фильмы, имевшие своей

целью привлечение молодых людей к Христу. Появилась в эфире радиопрограмма, получившая название "Время принимать решение" (The Hour of Decision). Грэм детально разработал структуру журнала, который стал впоследствии известным под названием Christianity Today, и в конце концов появился в телепередачах.

По мере роста популярности Грэма и расширения его служения отношение к нему со стороны прессы стало более придирчивым. Билли и его команда приняли меры предосторожности, условившись, что ни один из них не будет оставаться в помещении наедине с женщиной, не являющейся его женой, а их помощники станут каждый раз проверять гостиничные номера и общие комнаты, чтобы убедиться в том, что никто не скрывается там, надеясь сделать компрометирующие снимки. Однажды едва не произошло нечто подобное: в комнате спрятались женщина и фотограф (многие известные служители становились жертвами подобных провокаций).

В возрасте тридцати двух лет Билли Грэм стал самым известным христианином во всей Америке.

Затем, уже в Атланте, пресса распространила информацию о том, что пожертвования, которые получали в конце собраний Билли Грэм и Клифф Барроуз, превышали годовой доход большинства местных служителей. Билли и Рут тут же решили примерно треть этих денег раздать, а сам евангелист попросил ЕАБГ определить ему зарплату, чтобы подобного рода вопросы больше не возникали. Его лидерская команда также решила всегда держать бухгалтерские книги ассоциации открытыми, чтобы предотвратить любые вопросы и спекуляции, связанные с расходованием средств, собранных во время крусейдов. Эти книги подвергались регулярному аудиту. Когда в середине 1980-х годов некоторые известные служители терпели крах или попадали в весьма неприятное положение, став жертвами "женщин, золота и славы", Билли Грэм и его организация благополучно миновали эти рифы, всегда придерживаясь высоких стандартов честности и финансовой прозрачности.

В 1952 году Северо-Западные школы приняли отставку Билли Грэма с поста президента: к тому времени стало совершенно очевидным, что он был слишком занят проведением крусейдов для того, чтобы продолжать оставаться даже номинальным главой учебного заведения. Семья Билли также выросла. К двум дочерям Грэмов прибавились два сына: Уильям Франклин Грэм III (называемый в домашнем кругу Франклином), появившийся на свет 14 июля 1952 года, и Нельсон Эдман - Нед, появившийся на свет в мае 1958 года. Сегодня оба его сына находятся в служении, а Франклин взял на себя бремя руководства после последнего крусейда отца, состоявшегося в 2005 году. Евангелистская ассоциация Билли Грэма не просто сохранила свою дееспособность до наших дней. Билли проложил новые пути там, где до него не ступала нога никакого другого проповедника. В 1977 году он стал первым служителем, выступившим за "железным занавесом", организовав крусейд в социалистической Венгрии. В 1992 году он подарил Библию и свою книгу "Мир с Богом" (Peace with God) Ким Ир Сену, президенту Северной Кореи, одной из наиболее антихристианских стран в мире. Стремление Билли к простоте во всем и проповедованию Евангелия везде, куда бы его ни приглашали, независимо от политической ситуации и общественного мнения, позволило ему оказаться в таких местах, где бывали лишь очень и очень немногие.

Пастор президентов

14 июля 1950 года Билли Грэм нанес свой первый, далеко не самый успешный, визит в Белый дом. Благодаря влиянию своих сторонников в Конгрессе, евангелист договорился о встрече с президентом Гарри Трумэном, хотя последний не особо желал встречаться с ним. 25 июня, спустя несколько дней после того, как была запланирована встреча, началась война с Северной Кореей.

Грейди Уилсон, Клифф Барроуз и Джерри Бивэн отправились в Белый дом вместе с Грэмом. Трумэн тепло встретил гостей, хотя, видимо, он не до конца был уверен в том, в каком качестве их следовало принимать - как служителей или артистов, на которых они сильно были похожи в своих кремового цвета костюмах. Грэм рассказал Трумэну о недавнем успехе своих евангелизационных кампаний в Лос-Анджелесе и Бостоне, напомнив президенту о его призыве объявить в апреле национальный день покаяния и молитвы за мир и предотвращение войны, в то время как отовсюду

сыпались сообщения о том, что Советский Союз активно пополняет свои запасы ядерного оружия. Трумэн кивнул в знак согласия. После этого Грэм спросил о его религиозных убеждениях. "Что ж, я пытаюсь жить, руководствуясь Нагорной проповедью и Золотым правилом", — ответил президент. "Требуется нечто большее, мистер президент. Вам необходима вера в Христа и Его смерть на кресте", - сказал евангелист.

Глава государства встал, явно собираясь попрощаться со своими гостями, и тогда Билли Грэм спросил у него позволения помолиться перед своим уходом. "Не повредит", - ответил Трумэн. Билли положил свою руку на плечо президента, и все присутствующие вместе помолились.

Выйдя из Белого дома, Билли и его друзья немедленно попали в кольцо прессы. От неожиданности Грэм совершил ошибку, рассказав репортерам обо всем, что произошло в Овальном кабинете. Из-за этой своей оплошности до конца президентского срока Трумэна евангелист получил запрет на посещение Белого дома. Позже Грэм узнал, что Трумэн посчитал его лишь очередным любителем саморекламы. Президент даже сделал заявление, касавшееся евангелизаци-онной кампании, которая должна была состояться в Вашингтоне в 1951 году: "В Ки-Уэст президент решительно заявил о своем нежелании каким-либо образом поддерживать вашингтонское евангелиза-ционное собрание Билли Грэма. К тому же он категорически не хочет принимать его в Белом доме. Вы наверняка помните то шоу, которое устроил Билли Грэм, оказавшись там в прошлый раз. Президент не желает, чтобы подобное повторилось".

Грэм сделал надлежащие выводы, доказав, что не собирается более злоупотреблять доверием президента. На протяжении последующих пятидесяти пяти лет он был доверенным лицом всех без исключения американских президентов. Он встречался с каждым из них, от Эйзенхауэра до Джорджа Буша-младшего (всего одиннадцать президентов), благодаря чему Джордж Буш-старший назвал его "пастором Америки".

В начале 1950-х перемены в жизни Билли Грэма произошли столь стремительно, что в течение года после своего визита к Трумэну он уже писал Дуайту Эйзенхауэру, призывая его принять участие в президентских выборах. Для него эта позиция была достаточно странной — южанин и баптист, по своему происхождению Билли являлся скорее демократом, - но в этот раз Эйзенхауэр еще не определился с партией. Когда же, наконец, он заявил о своем выдвижении от Республиканской партии, Билли нисколько не поколебался в своей тайной поддержке этого кандидата. Когда Эйзенхауэр попросил Грэма помочь ему с религиозным наполнением своих спичей, тот с радостью предложил несколько стихов их Писания, которые, как он полагал, должны были стать весьма к месту. Служитель, однако, сразу же предупредил политика, что не может его поддержать в открытую, поскольку не желает, чтобы его именем злоупотребляли в политических целях. Эйзенхауэр поблагодарил Грэма за его искренность в этом вопросе.

Билли и Айк, как в народе называли Эйзенхауэра, оставались добрыми друзьями на протяжении всего президентского срока последнего, даже несмотря на то, что Грэм никогда не мог позволить себе называть последнего этим уменьшительным именем. В Белом доме евангелист всегда называл его "мистер Президент", а до этого - "Генерал". Тем не менее Билли вскоре узнал о том, какую ценность он представлял для людей, друзья и коллеги которых часто от них что-либо хотели.

К 1955 году Эйзенхауэр спросил у Билли о том, как ему удостовериться в своем спасении. Вот что сказал на это Грэм: "Я не уверен в том, что смогу ответить на этот вопрос столь же хорошо, как другие".

Сомневаюсь, чтобы Джон Уэсли, Чарльз Финней или даже Питер Картрайт могли ответить кому-либо подобным образом. Опыт обращения к Богу каждого из этих христианских служителей оказал значительное влияние на их учение о том, как обрести уверенность в своем спасении. Билли, однако, более исчерпывающе ответил на вопрос президента Джона Ф. Кеннеди о конце мира. Не является ли это показательным для современных верующих, которые проводят годы за изучением Книги Откровение, тогда как тему "Дары Духа" проходят за одно занятие?

Билли Грэм понял, что он должен служить американским президентам точно так же, как служил бы любому другому человеку.

Билли Грэм вскоре понял, что он должен служить американским президентам точно так же, как служил бы любому другому человеку. Он находился рядом с ними лишь для того, чтобы убедить их позаботиться о своих душах и показать, что они должны любить своих оппонентов так же, как самых горячих сторонников. Поскольку Грэм был популярной фигурой, пользующейся глубоким уважением евангельских верующих всей страны, многие люди приравнивали его желание помогать президентам и молиться с ними к поддержке и одобрению принимаемых главами государств решений. В 1981 году, обладая уже многолетним опытом в этой области (в том числе и негативным), Грэм советовал: "Евангельским христианам не следует открыто поддерживать какую-либо партию или политика. Мы должны стоять где-то посередине, проповедуя всем без исключения - и правым и левым. В прошлом я не всегда хранил верность этому своему убеждению, но обещаю быть ему верным в будущем".

Евангельские христиане редко благоволили к президентам, когда же в 1992 году к власти пришел Билл Клинтон, а Грэм по-прежнему оставался частым гостем в Белом доме, многие верующие обвинили его в предательстве своей веры. Грэм, однако, был знаком с четой Клинтон уже много лет и не хотел упускать шанс привести их к Христу или помолиться за них, не обращая ни малейшего внимания на то, что говорили люди. В 1989 году, когда евангелист находился в Литтл-Роке, штат Арканзас, Хилари Клинтон пригласила его на обед. Единственным условием служителя было следующее: "Я не обедаю наедине с красивыми женщинами", - сказал он. Поэтому они встретились в ресторане гостиницы и проговорили там нескольких часов".

Несколько лет спустя Грэм говорил о Клинтоне следующее: "По окончании своего президентского срока он должен бы стать проповедником, потому что для этого у него было все". И затем добавил: "А свою жену он мог бы оставить управлять страной". Это разозлило многих представителей новых правых, которые восприняли эти слова как поддержку кандидатуры Хилари на следующих президентских выборах. Франклин Грэм позже объяснил, что комментарии его отца были всего лишь шуткой, но даже это не смогло смягчить обрушившуюся на евангелиста лавину критики. Демократы, в свою очередь, были крайне недовольны тем, что Билли Грэм продолжил навещать Ричарда Никсона после его ухода с поста президента. Никсон относился к. Билли со столь глубоким уважением, что даже предложил ему во время встречи с Голдой Мейр должность американского посла в Израиле. "Я сказал, что Ближний Восток буквально взорвется, если я отправлюсь туда, - вспоминает Грэм. - После этого Голда взяла под столом мою руку и сжала ее. Она испытала сильное облегчение".

Президент Джеральд Форд однажды сказал: "Билли Грэм пришел в Белый дом, чтобы поддержать и ободрить меня, что было весьма важным для принятия решений и преодоления различных трудностей дома и за рубежом... Когда Билли находился рядом с вами, каждый раз у вас появлялось такое чувство, что он здесь для того, чтобы помочь вам разрешить ваши проблемы и указать правильное направление". В 2007 году во время приема, организованного в честь Грэма, Билл Клинтон сказал о нем следующее: "Когда он молится с вами в Овальном кабинете или на верхнем этаже Белого дома, вы чувствуете, что он молится за вас. Не за президента". На этой же встрече бывший американский президент Джимми Картер сказал: "Я являюсь лишь одним из десятков миллионов человек, на чью духовную жизнь Билли Грэм оказал значительное влияние". В молодости Картер даже помогал на одном из крусейдов Билли Грэма в Джорджии.

Линдон Джонсон поделился с Билли тем, что он боится умереть на посту президента. Он был свидетелем тому, как после покушения на Кеннеди в стране воцарился настоящий хаос, и он не желал оставлять после себя такое наследие. Создается впечатление, что президент доверился Грэму в этом вопросе больше, чем кому-либо другому. "Я уже перенес один сердечный приступ, — говорил он Билли в 1967 году. - Не думаю, что это [повторное выставление своей кандидатуры] будет справедливым по отношению к народу или моей партии". Он даже попросил Билли организовать его похороны, желая, чтобы они прошли максимально скромно. "Я хочу, чтобы ты посмотрел во все эти камеры и просто сказал им о том, что такое христианство. Расскажи им о том, что им следует сделать для того, чтобы обрести уверенность в своем спасении. Я хочу, чтобы ты проповедовал Евангелие". После этого он добавил: "В каком-нибудь промежутке скажи им о некоторых вещах, которые я сделал для этой страны"46. Именно Линдон Джонсон приглашал к себе Билли чаще всех: за период его президентства служитель посетил Белый дом более двадцати раз.

Складывается впечатление, что члены президентских семей наибольшую потребность в Билли Грэме испытывали именно перед лицом смерти. Билли был первым человеком не из президентской семьи, которому Нэнси Рейган позвонила, чтобы сообщить о смерти Рональда. Он председательствовал на многих похоронах такого уровня, последними из которых были похороны Джеральда Р. Форда в январе 2007 года, а также прощание в июле того же года с леди Берд Джонсон.

Билли Грэм также участвовал в одиннадцати инаугурациях и во время большинства из них произносил вступительную молитву.

Когда американские президенты нуждались в молитве, они, как правило, приглашали к себе Грэма. В 1991 году, перед самым началом войны в Персидском заливе, Билли целую ночь провел в Белом доме рядом с президентом Бушем-старшим и его женой Барбарой. И снова недоброжелатели восприняли его присутствие там как выражение поддержки войны, но Грэм сказал, что лишь хотел поддержать Бушей в это трудное время. Это объяснение достаточно убедительно, потому что Билли является верным другом семьи Буш. В 1985 году во время продолжительной прогулки по берегу с сыном президента Джорджем Бушем-младшим он направил сорокалетнего нефтепромышленника на путь спасения. В канун своего восемьдесят девятого дня рождения и в скором времени после смерти Рут Грэм, в октябре 2007 года, Билли был приглашен Джорджем Бушем-младшим на обед в Белый дом. Президент просто хотел помолиться и поддержать человека, для которого Белый дом являлся церковью в куда большей степени, чем любое другое здание.

Билли стоит за кафедрой во время своей последней кампании

Последний крусейд

Евангелистская ассоциация Билли Грэма запланировала последний крусейд своего основателя на 24-26 июня 2005 года. Он прошел в парке Флашинг Медоус-Корона, расположенном в нью-йоркском районе Куинс. К тому времени организация массовых евангелизаций стала едва ли не отдельной наукой, что, однако, не сделало этот процесс более легким. Прежде всего, необходимо было найти перечень всех церквей, расположенных в радиусе пятидесяти миль от Нью-Йорка, но, как оказалось, такого списка попросту не существовало. Никогда не опускавшая руки команда Билли Грэма сама составила список, в который вошло около двенадцати тысяч церквей. С каждой из этих церквей отдельно связались и пригласили ее принять участие в мероприятии. Из них приглашение приняли 1424, которые представляли восемьдесят различных деноминаций — от адвентистов до церквей "Виноградник". Среди них была даже церковь, называвшая себя иудейско-пятидесятнической. За всю историю проводимых Билли Грэмом крусейдов это было самое большое число церк-вей-участников. Лидеры и прихожане этих общин получили затем приглашение принять участие в сорока трех различных семинарах, во время которых рассматривался каждый из аспектов крусейда, начиная со сбора пожертвований и заканчивая приглашением на служения жителей города. Рассмотрев поступившие заявления, организаторы крусейда выбрали шесть тысяч добровольных консультантов, чьей задачей было заботиться о людях, получивших спасение во время крусейда. Кроме этих волонтеров, была еще и многочисленная группа гостеприимства, организационная схема которой состояла из пяти уровней.

Как и в случае с другими организованными Билли крусейдами, в основании этого мероприятия лежала молитва. Более 35 тысяч человек получали ежемесячную рассылку с личными молитвенными просьбами, а также с указаниями о ходатайстве за успех всей кампании.

В месте проведения служения было установлено более семидесяти тысяч кресел; организаторы подготовили все необходимое для синхронного перевода выступлений на тринадцать различных языков — включая тамильский, венгерский и арабский. Расходы на проведение кампании составили приблизительно 6,8 миллиона долларов, и это при том, что большую часть работы выполняли волонтеры.

Когда за несколько лет до этих событий Билли Грэма спросили о том, каково быть последним из выдающихся проповедников, он лишь улыбнулся: "После того как закончил Д. Л. Муди, говорили в точности то же самое... и после Билли Сандея говорили те же самые вещи, и после того как закончу я, будут продолжать говорить одно и то же. Но Бог призовет других людей, которые будут делать это гораздо лучше меня". Как было бы здорово, если бы таким человеком стал кто-нибудь из нас!

Шестьдесят лет распространения имени Иисуса

Билли Грэм лично обратился с проповедью приблизительно к 215 миллионам человек более чем в 185 странах и областях - поистине беспрецедентное число. Миллионы человек услышали его проповеди благодаря телевидению, видео, кино, литературе и интернет-трансляциям. Во время 417 проведенных им крусейдов свыше 3,2 миллиона человек вышли вперед, ответив на его призывы посвятить свою жизнь Богу. И это не считая миллионов других людей, которые обратились к Богу после чтения его книг, просмотра телевизионных программ и через другие каналы, которые он использовал для распространения Благой Вести. В апреле 1996 года Евангельская ассоциация Билли Грэма выступила спонсором ретрансляции одной из проповедей Билли на аудиторию в 2,5 миллиарда человек, проведя ее на сорока восьми языках и охватив 160 стран, - заслуживающее внимания достижение, ставшее действительно глобальным.

В тот момент, когда я пишу эти слова, 89-летний Билли Грэм практически полностью отошел от дел, ведя нелегкую борьбу с болезнью Паркинсона, тем самым недугом, который в свое время удалил с глаз общественности его "доброго друга" Рональда Рейгана. Но, несмотря на это, Билли дал замечательное и весьма рассудительное интервью для книги "Проповедник и президенты" (The Preacher and the Presidents), которая увидела свет в августе 2007 года. Несмотря на то, что Билли больше не участвует в повседневных делах своего служения, он по-прежнему время от времени помогает советом своему сыну Франклину, которому ранее передал бразды правления Евангельской ассоциацией Билли Грэма. Жена Билли, Рут, вместе с которой он прожил шестьдесят три года, умерла 14 июня 2007 года в возрасте восьмидесяти семи лет. Тело Рут было предано земле рядом с Библиотекой Билли Грэма в Шарлотт, штат Северная Каролина, где однажды и сам Билли найдет свое упокоение. В настоящее время он живет в Монтрите, штат Северная Каролина, недалеко от места своего рождения, в доме, который его жена построила специально для того, чтобы удалиться от посторонних глаз. Наследие Билли Грэма будет жить в основанной им организации и его детях, а в глазах людей он останется одним из величайших проповедников всех времен.

Заключение

ОТ ДЖОНА УЭСЛИ ДО БИЛЛИ ГРЭМА: ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ХРИСТИАНСТВО С МОМЕНТА ПОЯВЛЕНИЯ И ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Евангельское христианство появилось на свет, когда Джон Уэсли сумел вырвать спасение из тисков кальвинистского предопределения и вернуть его людям, которые искали истину и были готовы принять крестную жертву Иисуса как единственное условие примирения с Богом. Такие деятели, как Джон Уэсли, Джордж Уайтфилд, Чарльз Финней, Уильям и Кэтрин Бут или Билли Грэм, подхватили это послание и, исполнившись присутствия Божьего, способствовали духовному возрождению, преобразовавшему людей и целые народы. Таким образом, евангельское христианство не только положило начало методистскому, баптистскому, конгрегационалистскому и другим движениям, отвергнувшим доктрину предопределения, но также привело к появлению на свет пятидесятнического и харизматического движений, важное место в которых занимают присутствие и сила Божьи, проявляющиеся так, как в жизни этих Божьих генералов.

В заключение необходимо отметить, что евангельское христианство, будучи вначале исключительно духовным феноменом, сегодня постепенно охватило также политические сферы. Несмотря на то, что мы по-прежнему в значительной степени делаем акцент на проповедовании Слова Божьего, мы отложили в сторону Его силу, обменяв ее на куда более контролируемую силу консервативного избирательного блока. Складывается впечатление, что мы совершенно забыли о том, что именно духовные пробуждения за последние три столетия изменили целые народы и уничтожили многие социальные болезни — а не только сила демократии и избирательное право. Такое чувство, что евангельское христианство потеряло большую часть своего общественного веса потому, что его лидеры предпочли сфокусироваться, прежде всего, на изменении законов, а не на изменении сердец.

Такие отцы пробуждения, как Джон Уэсли, Джордж Уайтфилд, Чарльз Финней, а также Уильям и Кэтрин Бут, преобразовывали общества и целые народы через проповедь Евангельской Вести. Эти герои веры боролись с социальными недугами, заботясь о простых людях и неся служение от дверей к дверям. Они стремились удовлетворять насущные нужды людей, протягивая им руку для того, чтобы помочь снова подняться на ноги и позволить силе Евангелия изменить их жизни. Они изменяли духовный климат общества, в котором жили, черпая силу Божью в молитве, проповедуя Иисуса и силу Его крестной жертвы. Когда Иисус становился главной темой разговоров в обществе, законы страны теряли свою важность: нравственность определялась людьми, желавшими угодить Богу, а не теми, кто стремился следовать букве закона.

В противоположность этому, в XX веке обращение к Богу стало более ассоциироваться с решением ответить на призыв проповедника и выйти к алтарю, чем с усердными молитвами, продолжавшимися до тех пор, пока в глубине своего сердца человек не получал подтверждение того, что Христос спас его. "Выходы вперед" заменили собой "беспокойные места" Чарльза Финнея. Уверенность в собственном спасении начала приходить в тот момент, когда человек ощущал, как попечитель похлопывает его по спине, и это не имеет ничего общего с внутренней уверенностью или откровением - плодом продолжительных и горячих молитв. Если сегодня христианство выглядит слабым и беспомощном, возможно, причина этого заключается в том, что мы утратили "секрет" ранних отцов пробуждения: спасение должно быть обретено "со страхом и трепетом" (Филиппийцам 2:12).

Нам необходимо вернуться к величайшему откровению, столь хорошо известному Божьим генералам: Иисус является единственным лекарством от всех социальных недугов, раз и навсегда изменяющим людские жизни. Когда Иисус явлен во всей Своей милости и любви, люди изменяются и их жизнь чудесным образом преображается. Нечестие отступает, причем окончательно, когда Иисус в Своей силе полностью открывается людям.

Если церковь желает снова обрести силу, которую имели моравские братья, которая была заметна на Кейн-Ридж и Азуза-стрит, тогда, возможно, нам необходимо снова вернуться к горячим молитвам,

верности Слову Божьему и стремлению познать Господа, которые были свойственны всем отцам пробуждения. XXI век стенает, ожидая появления истинных детей Божьих (см.: Римлянам 8:19) - тех, кто снова будет обладать всей полнотой силы Христовой. Я уверен, что Господь желает помазать новых героев возрождения. Он лишь нуждается в тех, кто готов подхватить факел, зажженный Генералами веры, и заплатить ту же цену за силу Божью, что и они. Господни пути и благословения неизменны - Иисус Христос "вчера и сегодня и во веки Тот же" (Евреям 13:8).

Пусть же Бог задействует вас и меня для того, чтобы, как и они, мы могли менять человеческие сердца и чтобы воля Иисуса - Его желание исцелять, благословлять людей, врачевать социальные недуги и касаться сердец — смогла вновь использоваться в наших народах.

Об авторе

РОБЕРТС ЛИАРДОН

Робертс Лиардон, автор, проповедник и историк Церкви, родился в Талсе, штат Оклахома, став первым мальчиком, родившимся в Университете Орала Робертса. По этому случаю он был назван в честь основателя университета. На сегодняшний день по всему миру продано свыше шести миллионов экземпляров его книг более чем на пятидесяти языках.

Автор более сорока восьми христианских книг, Робертс начал карьеру служителя в возрасте тринадцати лет, выступив с первым публичным обращением. В семнадцать лет он опубликовал свою первую книгу "Я видел небеса" *(I Saw Heaven),* которая привлекла к нему большое внимание. К восемнадцати годам он стал одним из ведущих мировых ораторов. Позже он написал книгу и подготовил видеосерию под названием "Божьи генералы". Она стала одной из наиболее продаваемых христианских серий в истории.

Робертс стал известен не только в христианских кругах. В Америке его дважды выбирали "Выдающимся молодым человеком"; благодаря своей деятельности, он побывал более чем в ста странах мира, принимаемый президентами, королями, ведущими политическими и религиозными лидерами. Робертс был представлен бывшему американскому президенту Рональду Рейгану, евангелисту Билли Грэму, а также бывшему премьер-министру Великобритании Маргарет Тэтчер. Робертс получил письмо от Джорджа Буша, в котором президент выражал ему благодарность за стремление повлиять на качество жизни в обществе.

В 1990 году, в возрасте двадцати пяти лет, Робертс переехал в Южную Калифорнию и открыл штаб-квартиру своей миссии в округе Ориндж. Там он основал христианский центр "Эмбасси", ставший впоследствии базой гуманитарной работы, включившей в себя помощь бедным и нуждающимся не только в Южной Калифорнии, но также по всему миру. Он подготовил, профинансировал и отправил нести служение более 250 мужчин и женщин из разных стран. Эти гуманитарные миссионерские команды помогали нуждающимся едой, одеждой, медикаментами и духовным наставлением, а также делились опытом и советами с теми, кто получал их помощь.

В целом, Робертс Лиардон, гуманист, пастор, учитель и филантроп, заплатил цену за свои достижения в молитвенной жизни и служении человечеству. Всю свою жизнь и финансы он посвятил работе на благо Царства Божьего и окружающих людей, не забывая и о тех, кто был менее успешен, делая все возможное для того, чтобы облегчить их боль и помочь им реализовать свои заветные мечты.